

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**№ 9–10 2014
September–October**

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2014**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

Nº 9–10 2014 (September–October)

ISSN 2310-5593

Editor-in-chief	Petra Busch, Austria
Consulting editors	Jolanta Lewicka, Poland Rostislav Komarov, Russia
International editorial board	Egor Rachynski, Ukraine Inshin Nikolay, Ukraine Alajos Fazekas, Hungary Slavka Konstantinova, Bulgaria Jennifer Mathieson, Scotland Hong Han, China Alessandro Massaro, Italy
Proofreading	Kristin Theissen
Cover design	Andreas Vogel
Additional design	Stephan Friedman
Editorial office	European Science Review “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Am Gestade 1 1010 Vienna, Austria
Email:	info@ew-a.org
Homepage:	www.ew-a.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Archaeology

*Denisov Igor Vasilevich,
The Branch of Bashkir State University in Sterlitamak
E-mail: meretites@mail.ru*

Methodology of development of databases for the analysis of the funerary complexes of the bronze age

Abstract: The article is devoted to the new methodology the development of Databases for the analysis of unique funerary complexes of the bronze age. The database presents 2678 burial complexes of the Volga region, the Urals and Siberia. There are the results of cluster analysis.

Keywords: methodology, database, cluster analysis, burial complexes, the bronze age.

*Денисов Игорь Васильевич,
Стерлитамакский филиал Башкирского
Государственного университета Республики Башкортостан,
старший преподаватель, исторический факультет
E-mail: meretites@mail.ru*

Методика разработки «Базы данных» для анализа погребальных комплексов эпохи бронзы

Аннотация: Статья посвящена новой методике разработки «Базы данных» для анализа уникальных погребальных комплексов эпохи бронзы. «База данных» представлена 2 678 погребальными комплексами Поволжья, Урала и Сибири. Имеются результаты кластерного анализа.

Ключевые слова: методика, база данных, кластерный анализ, погребальные комплексы, эпоха бронзы.

В современном исследовательском процессе археологической науки все большее значение приобретает использование возможностей информатики. В начале XXI века все более становится явным, что многие теоретические проблемы современной археологии эпохи бронзы связаны с отсутствием должной информационной базы для исследований. Научные выводы зачастую базируются на принципах визуальной, или морфологической схожести, или различия комплексов (артефактов), в том виде, как они видятся конкретному исследователю, а не на действительном строгом анализе. Неоднократно приходится сталкиваться с применением «информатики» на уровне тривиального подсчета процентов встречаемости тех, или иных признаков, например, элементов орнамента, и последующей «корреляции», имеющей отдаленное отношение к реальному понятию корреляции. Получаемые обрывочные знания используются для «глобальных» выводов о тех, или иных процессах, протекавших в древности. Следствием

подобных «методик» являются, как минимум, существенные ошибки.

С целью минимизировать вероятные ошибки, нами разработан максимально простой способ создания «Банка данных» учета элементов погребальной обрядности археологических культур эпохи бронзы Поволжья, Урала и Сибири. Объектом избрана погребальная обрядность опорных комплексов, выходящая за пределы общераспространенного, стандартного набора признаков.

При составлении «Банка данных» использованы нижеследующие принципы кодировки элементов погребальной обрядности:

Надмогильное сооружение (А):

1. Грунтовое; 2. Земляная насыпь; 3. Каменная насыпь; 4. Смешанная каменно-земляная насыпь; 5. Земляная насыпь с круглой каменной крепидой; 6. Земляная насыпь с овальной каменной крепидой; 7. Земляная насыпь с квадратной каменной крепидой; 8. Земляная насыпь с прямоугольной каменной

крепидой; 9. Круглая каменная крепида без насыпи («кольцо»); 10. Овальная каменная крепида без насыпи; 11. Земляная насыпь с круговой деревянной конструкцией; 12. «Дом мертвых» под насыпью.

Метрические параметры надмогильного сооружения (В):

1. До 10 м.; 2. От 10 до 15 м.; 3. Свыше 15 м.

Количественные параметры надмогильного сооружения (С):

1. Одногомилное; 2. От двух до четырех; 3. Свыше пяти.

Планиграфия погребальных камер (D):

1. По кругу; 2. В ряд, параллельно длинными стенками; 3. В ряд.

Характер месторасположения погребальной камеры (Е):

1. Основной; 2. Впускной.

Форма могильной ямы (F):

1. Неопределенной формы; 2. Овальная; 3. Овальная с уступом; 4. Овальная с двумя уступами; 5. Овальная с тремя уступами; 6. Овальная с круговым уступом; 7. Прямоугольная; 8. Прямоугольная с уступом; 9. Прямоугольная с двумя уступами; 10. Прямоугольная с тремя уступами; 11. Прямоугольная с круговым уступом; 12. Квадратная; 13. Квадратная с уступом; 14. Квадратная с двумя уступами; 15. Квадратная с тремя уступами; 16. Квадратная с круговым уступом; 17. Крестовидная; 18. Катакомба; 19. Подбойная; 20. Яма с дромосом.

Метрические параметры погребальной камеры (G):

1. Длина от 0,25 до 0,75 м.; 2. Длина от 0,75 до 1,75 м.; 3. Длина свыше 1,75 м.; 4. Ширина до 0,5 м.; 5. Ширина от 0,5 до 1,5 м.; 6. Ширина свыше 1,5 м.; 7. Глубина от 0 до 0,25 м.; 8. Глубина от 0,25 до 0,75 м.; 9. Глубина свыше 0,75 м.

Ориентировка могильной ямы (H):

1. С-Ю; 2. СВ-ЮЗ; 3. З-В; 4. СЗ-ЮВ.

Внешнее оформление погребальной камеры (I):

1. Глиняная площадка; 2. Деревянная ограда; 3. Органическое перекрытие; 4. Бревенчатое перекрытие; 5. Каменное перекрытие; 6. Следы культа огня.

Внутреннее оформление погребальной камеры (J):

1. Бревенчатый сруб; 2. Каменный ящик; 3. Каменная циста; 4. Бревенчатый сруб в каменном ящике; 5. Бревенчатый сруб в каменной цисте; 6. Кладка из сырцового кирпича; 7. Бревенчатый сруб в кладке из сырцового кирпича.

Внутрикамерные обмазки и подстилки (K):

1. Глиняная обмазка; 2. Меловая подсыпка; 3. Охристая подсыпка; 4. Камышовая подстилка; 5. Органическая подстилка; 6. Следы культа огня.

Численность погребенных (L):

1. Одиночное; 2. Парное; 3. Коллективное; 4. Неопределенное.

Положение погребенного (M):

1. Лицом друг к другу; 2. Параллельно за спиной друг друга; 3. Параллельно; 4. Головами друг к другу; 5. Параллельно парами, ногами друг к другу; 6. В неанатомическом порядке; 7. На правом боку в слабой степени скорченности; 8. На левом боку в слабой степени скорченности; 9. На правом боку в средней степени скорченности; 10. На левом боку в средней степени скорченности; 11. На правом боку в сильной степени скорченности; 12. На левом боку в сильной степени скорченности; 13. На спине с согнутыми в коленях ногами; 14. Вытянуто на спине; 15. Кремация.

Положение рук погребенного (N):

1. Перед лицом; 2. Перед грудью; 3. В районе таза; 4. На тазе; 5. Правая рука перед лицом, левая — в районе таза; 6. Левая рука перед лицом, правая — перед грудью; 7. Левая рука перед лицом, правая — в районе таза; 8. Вытянуты вдоль тела; 9. Левая вытянута вдоль тела, правая — перед лицом; 10. Левая вытянута вдоль тела, правая — на тазе; 11. Правая вытянута вдоль тела, левая — перед грудью; 12. Правая вытянута вдоль тела, левая — в районе таза; 13. Правая вытянута вдоль тела, левая — на тазе.

Ориентировка погребенного головой (O):

1. Северо-запад; 2. Запад; 3. Юго-запад; 4. Восток; 5. Север; 6. Северо-восток; 7. Юго-восток; 8. Юг.

Транспортное средство (P):

1. Колесница; 2. Повозка.

Жертвенный комплекс (Q):

1. Костяк лошади; 2. Череп и кости ног лошади; 3. Костяк КРС; 4. Череп и кости ног КРС; 5. Костяк МРС; 6. Череп и кости ног МРС; 7. Кости собаки; 8. Кости иных животных;

Месторасположение посуды (R):

1. Перед лицом; 2. В головах; 3. За головой; 4. Перед грудью; 5. За спиной; 6. В ногах; 7. На перекрытии; 8. На краю ямы.

Вещевой набор (S):

1. Наконечники стрел; 2. Кинжал; 3. Нож-кинжал; 4. Нож; 5. Топор; 6. Кельт; 7. Псалии; 8. Наконечник копья; 9. Наконечник дротика; 10. Навершие булавы; 11. Костяной доспех; 12. Поясная пряжка; 13. Украшения.

Первоначально «Банк данных» формируется в таблицах MS Excel, что является наиболее удобным даже для неспециалистов. Здесь возможно два варианта заполнения таблиц: первый — заголовки столбцов содержат коды признаков (например, A2, B1, C1, D3, ... S1, S8), а заголовки строк — шифр погребального комплекса; второй — заголовки столбцов содержат шифр комплекса, в заголовки строк — код признака. Первый вариант лучше подходит для анализа серий погребальных комплексов, а второй — для анализа признаков. Нами использовался первый вариант. Причем, в заголовках столбцов первой строки лучше использовать код признака (A1), ниже которого, во второй строке, — расшифровку кода (Грунтовое). Каждый погребальный комплекс также указывается в двух столбцах (м-к Власовский, 5/4 и № п/п 1638, причем, оба не должны изменяться). Подобный способ удобен для импортирования таблицы в программу обработки. При необходимости, можно добавить столбцы с информацией о культурной принадлежности каждого комплекса, его датировки, наконец, источника информации. Собственно, принцип кодирования элементов погребальной обрядности нами предлагается с учетом возможности легкого добавления новых кодов (например, Р3. Танк, Р4. Автомобиль), что дает возможность использовать тот же принцип составления «Банка данных» для смежных хронологических периодов, пополняя его новыми элементами. Факт наличия признака отмечается в ячейке как «1», его отсутствие — «0».

В настоящее время «Банк данных» представлен 2 678 погребальными комплексами, охватывающими основные археологические культуры эпохи бронзы Волго-Уралья и Сибири (катакомбная, срубная, абашевские, алакульская, федоровская, синташтинская, самусьская и кротовская). Наибольший массив имеющегося «Банка» представлен погребальными комплексами, выделяющимися из основной массы экстраординарным набором элементов погребальной обрядности (опорные, или реперные комплексы), например, с «необязательным» вооружением. Погребальные же комплексы с обычным, стандартным набором признаков добавлялись в «Банк данных» для более отчетливого результата последующего анализа.

Для анализа таблиц нами избрана программа STATGRAPHICS Plus v. 5.1, или ее более новые версии. На данной программе мы остановились, как наиболее удобной при анализе, т. к. каждый шаг процесса можно видеть наглядно. Достоинством данной программы является не слишком дробный результат

обработки, вполне достаточный для археологии. Возможен и отбор конкретных признаков погребальной обрядности, или комплексов конкретной археологической культуры для индивидуального анализа.

Апробация «Банка данных» произведена с применением Multivariate methods/Cluster analysis/Ward's methods/Euclidian. Получены очень примечательные результаты кластеризации опорных погребальных комплексов блока археологических культур эпохи бронзы. Так анализу были подвергнуты выборки элементов погребальной обрядности катакомбной культурно-исторической общности, а также федоровской, алакульской, срубной, покровской, синташтинской, доно-волжской и уральской абашевских культур.

По результатам кластеризации перечисленные культуры образовали два взаимосвязанных, но различающихся блока. Первый блок образован двумя парами: катакомбная + федоровская и алакульская + срубная; второй — парой доно-волжская + синташтинская, которые упрощены комплексами уральской абашевской культуры.

Выделились и общие (сближающие, стандартные) для всех перечисленных археологических культур признаки погребальной обрядности: курган в виде простой земляной насыпи, диаметром от 10 до 15 м.; под насыпью от 2 до 4 могил; основной характер захоронения; могильная яма простой прямоугольной формы; наличие бревенчатого перекрытия и бревенчатого сруба внутри могильной ямы; одиночное захоронение; труположение вытянуто на спине, или на правом боку в слабой степени скорченности; наличие жертвенного комплекса в виде черепа и костей ног МРС; нахождение сосуда с заупокойной пищей в головах погребенного; наличие наконечников стрел, кинжала и украшений в составе погребального инвентаря. Все остальные признаки могут быть охарактеризованы в данном случае как дополнительные, индивидуальные для отдельных археологических культур.

Результаты кластеризации подтверждают наши прежние исследования, производившиеся с помощью «Банка данных», при составлении которого применялся несколько иной подход к кодированию информации, а также представленному иной категорией самого объекта — археологическими артефактами. Таковыми артефактами были предметы вооружения (наконечники стрел, копий и дротиков, кинжалы и топоры), конской узды (псалии), инсигнии «власти» (навершие булав) и т. д. [3, 4–21; 4, 21–22; 5, 28–30]. Согласно результатам анализа, значительные серии

указанных артефактов являются однотипными, хотя происходят из разнокультурных комплексов, что позволяет предположить их бытование в совершенно конкретном промежутке времени. В этом случае можно говорить о синхронности на определенных этапах развития населения этих культур: поздняя катакомбная КИО + раннеалакульская + раннесрубная + покровская + поздняя доно-волжская + (?) федоровская + (?) синташтинская + самусьская (м-к Ростовка) + (?) уральская абашевская. К подобным же выводам подводят и результаты специального кластерного

анализа погребальных комплексов уральской абашевской культуры [2, 25–53]. Что касается обоснования ранних датировок ряда комплексов федоровской культуры, то они также ранее обосновывались [1, 48].

Таким образом, появилась обоснованная возможность по-новому трактовать процесс выделения «знати», приобретающей военизированный характер, и развития ее религиозных представлений о загробном мире. Данный факт, несомненно, вызовет больший интерес у исследователей, чем воспроизведение морально устаревших знаний из учебников.

Список литературы:

1. Денисов И. В. К проблеме хронологии федоровской культуры // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII Уральского археологического совещания, 19–22 апреля 1993 г. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, – 1993. – С. 47–48.
2. Денисов И. В. Кластерный анализ погребальных комплексов уральской абашевской культуры // В центре Евразии: Сб. научн. тр./Отв. ред. В. А. Иванов. – Sterлитамак: Sterлитамак. гос. пед. ин-т, – 2003. – Вып. II. – С. 26–53.
3. Денисов И. В. Некоторые проблемы археологии бронзового века Волго-Уралья и ведийско-авестийские сказания // В центре Евразии: Сб. научн. тр./Отв. ред. В. А. Иванов. – Sterлитамак: Sterлитамак. гос. пед. ин-т, – 2001. – Вып. I. – ISBN 5–86111–170–7. – С. 4–21.
4. Денисов И. В. Новая методика классификации и типологизации каменных наконечников стрел эпохи бронзы Северной Евразии // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. междунар. науч. конф. – Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», – 2001. – С. 21–22.
5. Денисов И. В. Новая методика морфолого-математического анализа ножей-кинжалов эпохи бронзы лесостепной и степной полосы Севера Евразии // XXX Урало-Поволжская археологическая конференция молодых ученых. 1998: Материалы конференции. – Самара: Ин-т истории и археологии Поволжья, – 1998. – С. 28–30.
6. Денисов И. В. Информатика в преподавании курса археологии // Наука и образование: Материал. V Междунар. науч. конф. (26–27 февраля): В 4 ч./Кемеровский гос. ун-т. Беловский ин-т (филиал). – Белово: Беловский полиграфист, – 2004. – Ч. 4. – С. 485–489.

Section 2. Journalism

Lange Anja,
Nationale Technische Universität der Ukraine „KPI“
DAAD-Lektorin an der Gem. Fak. für Maschinenbau
und an der Ling. Fakultät
Email: anja.dsc@gmail.com

Russlandexperten und Sportreporter äußern sich zur Euromaidan-Bewegung in der Ukraine — zur Rolle der ukrainischen Sprache in der deutschen Medienberichterstattung

Abstrakt: Jahrzehntlang wurde die Ukraine in der deutschen Journalistik vernachlässigt — immer weniger Reporter leben und arbeiten ständig in Kiew. Für die Osteuropaberichterstattung ist Moskau das Zentrum und während der Euromaidan-Bewegung in Kiew äußerten sich viele Reporter unzureichend über die Situation, weil sie die Sprache nicht kannten und meist keine Ahnung von der ukrainischen Geschichte hatten.

Keywords: Journalistik, deutsche Medien, Euromaidan, Ukraine.

Im Zuge der Euromaidan-Revolution konnte ein seltsames Phänomen beobachtet werden: Ukraine-Experten schossen wie Pilze aus dem Boden. Hatte man vorher in Deutschland die Slawistik eher stiefmütterlich behandelt, fehlten nun plötzlich Reporter, die nicht nur fundierte fachliche Kenntnisse über die Ukraine besaßen, sondern vor allem auch Ukrainisch sprachen.

Für Spiegel Online war Steffen Dobbelt in der Ukraine, dessen Ausbildung vor allem darin besteht, dass er „[...] ein Studium zum Diplom Betriebswirt, eine Ausbildung zum Industriekaufmann und an der Akademie für Publizistik zahlreiche Print-, Online- und Video-Seminare abgeschlossen“ [1] hat. Einerseits kann er berichten, was er vor Ort sieht. Er stand auf dem Maidan in Kiew und schreibt über „die ergreifendsten Momente meines Journalistenlebens“ [2] indem er beschreibt, wie die Polizei versucht, die Demonstranten zu vertreiben. Andererseits fragt man sich, wie tief ein Reporter gehen kann und wie viele Hintergründe er recherchieren kann, wenn er die Landessprache nicht spricht. An Steffen Dobbelt soll exemplarisch gezeigt werden, welche Journalisten in die Ukraine kamen, um über die Revolution zu berichten. Selbst wenn Herr Dobbelt Ukrainisch spräche (was bezweifelt werden muss) ist er doch kein Experte für ukrainische Geschichte und Kultur. Ein Reporter, der in Kiew sitzt und englische und russische Agenturmeldungen auswertet und wiedergibt, ist unnötig.

Waren in den 80er und 90er Jahren noch viele Journalisten der DPA (Deutschen Presseagentur) in

der Ukraine dauerhaft stationiert, ist das mittlerweile anders. Heute sind Journalisten für viele Bereiche und Länder verantwortlich und werden vor allem dorthin geschickt, wo sie gerade gebraucht werden.

André Eichhofer ist für Spiegel-Online in der Ukraine, aber auch in Belarus, Georgien und Moldawien. Außer ihm, so erzählt er, gäbe es nicht mehr viele Reporter, die dauerhaft in der Ukraine leben. Wie soll man aus einem Land umfassend berichten, wenn man nur zu Krisenzeiten in dieses Land kommt? Wie soll man die Zuschauer oder Leser über die Geschehnisse informieren, wenn man ihre Hintergründe nicht kennt?

So fand man in der deutschen Berichterstattung vor allem viele Russlandexperten, die den Konflikt aus der Sicht Russlands zu erklären versuchen. In den Medien gab es deshalb, besonders ab Februar 2014, immer wieder Berichte wie „Russland und die EU“ oder „Merkel und der Macho“. Es wurde auf die lange Freundschaft zwischen Russland und Deutschland hingewiesen und die Folgen der Krise besonders für die deutsche und russische Freundschaft ausgelotet. Die Ukraine war irgendwann in den Berichten nur noch eine Nebensächlichkeit, als würde der Konflikt zufällig auf dem Territorium der Ukraine stattfinden. Warum die Krimkrise genau zu der Zeit ausbrach, welche tieferliegenden Ursachen sie hatte und welche Rolle Russland spielte, darüber wurde nur unzureichend informiert.

Passierte etwas in Kiew konnte man oft den Satz hören: „Wir schalten nun live nach Moskau.“ Warum nicht

nach Kiew? Die Osteuropazentralen vieler Fernsehstationen und Zeitungen sind entweder in Moskau oder in Warschau. Wenn etwas in Kiew passiert, ist eine Meinung aus Moskau sicher wichtig, viel wichtiger wäre es, man hätte einen Reporter aus dem Land selbst, der die Sprache spricht und die Hintergründe kennt.

Gabriele Krone-Schmalz zum Beispiel sagt, man müsse die Ängste Russlands anerkennen [3] und es sei nicht anders aus Moskau zu erwarten gewesen [4]. Sie war jahrelang Moskau-Korrespondentin und hat 2008 die Puschkin-Medaille „in Anerkennung ihres Beitrages zur Festigung der Freundschaft und Zusammenarbeit zwischen Russland und Deutschland“ bekommen [5]. Sie schrieb Bücher über die russische Seele und die Lage in Russland. Sicher kann sie hintergründig und ausreichend über Russlands Intentionen und Motive informieren.

Und was ist mit der Ukraine? Ein vielzitatierter und vielgefragter Mann zur Ukraine ist der Politikwissenschaftler Andreas Umland, der an der Kiewer Mohyla-Akademie lehrte und seit Jahrzehnten in der Ukraine lebt und arbeitet. Er war schon mehrfach in den deutschen Medien zu sehen und analysierte dort die Lage in der Ukraine. Er beschäftigt sich vor allem mit der Partiensituation der Ukraine, den politischen Verhältnissen und Beziehungen zu Russland und der EU und versucht darzustellen, warum der Westen die Ukra-

ine retten muss [6]. Umland spricht fließend Ukrainisch und Russisch und verfügt deshalb über viele Quellen, auf die er seine Meinung stützen kann.

Ansonsten gibt es wenige vergleichbare Experten, die ständig vor Ort leben. Gerade im Zuge der jüngsten Geschehnisse, bei der Propaganda auf beiden Seiten im Zuge der Krise im Osten der Ukraine ist es schwierig, beide Seiten zu verfolgen und unabhängig zu berichten (dieses Credo haben sich Journalisten schließlich gesetzt). In dieser Zeit braucht man Journalisten, die keine Sportreporter sind, sondern sich mit Land und Geschichte auskennen und damit auch ausreichend darüber informieren können. Lokale Experten, wie Herrn Umland, hinzuzuziehen ist richtig und sollte so sein, aber es braucht mehr Journalisten, die sowohl Ukrainisch sprechen können als auch sich mit der Geschichte und Kultur des Landes auskennen. Die Slawistik in Deutschland sollte mehr gefördert werden, denn sie ist von massivem Stellenabbau bedroht. Diese Einsparungen rächen sich dann, wenn man Experten am dringendsten braucht, die nicht nur an Universitäten lehren und wissenschaftlich arbeiten, sondern vor Ort helfen und berichten können. Es sei der Slawistik in Deutschland — besonders dem kleinen Forschungsbereich der Ukrainistik — gewünscht, dass sie in Zukunft stärker gefördert wird und damit die Qualität der journalistischen Berichterstattung in Deutschland erheblich verbessert wird.

Referenzen:

1. Elektronische Ressource. – <http://www.steffendobbert.de/ueber-steffen-dobbert>
2. Elektronische Ressource. – <http://www.steffendobbert.de/2014/03/16/euromaidan-protest-und-zivilcourage-in-der-ukraine>
3. Elektronische Ressource. – <http://www.n-tv.de/politik/Russlands-Aengste-muss-man-anerkennen-article12713126.html>
4. Elektronische Ressource. – http://www.focus.de/politik/ausland/putin-und-der-westen-das-war-ja-nicht-anders-zu-erwarten-von-den-russen_id_3679673.html
5. Elektronische Ressource. – <http://www.krone-schmalz.de/pages/ueber-mich.php>
6. Elektronische Ressource. – <https://www.boell.de/de/2014/08/15/warum-der-westen-die-ukraine-retten-muss>

Section 3. Study of art

*Gerlach Kateryna Yurevna,
Vasyl Stefanyk Precarpathian National University,
postgraduate student, Department of Cultural Studies
E-mail: katernalesyuk@gmail.com*

Sound-coloured associativeness: basic stages and results of researches

Abstract: The basic historical stages of research of the phenomenon of sound-coloured associativeness are examined in the article. The results of analysis of individual sound-coloured charts are generalized.

Keywords: sound-coloured associativeness, historical stages, sound-coloured charts.

*Герлах Катерина Юрьевна,
Прикарпатский национальный университет
им. Василя Стефаника,
аспирант, факультет культурологии
E-mail: katernalesyuk@gmail.com*

Звуко-цветовая ассоциативность: основные этапы и результаты исследований

Аннотация: В статье рассматриваются основные исторические этапы исследования феномена звуко-цветовой ассоциативности. Обобщены результаты анализа индивидуальных звуко-цветовых схем.

Ключевые слова: звуко-цветовая ассоциативность, исторические этапы, звуко-цветовые схемы.

Наиболее популярными из существующих звуко-цветовых соответствий в музыке стали системы основанные на цветотональном слухе. Начала цветомузыкальной идеи можно найти уже в глубокой античности. Во времена Пифагора существовала греческая цветомузыкальная система: три фундаментальных ноты музыкальной шкалы у Пифагора отвечали трем первичным цветам. Аристотель считал, что гармония цветов тождественна гармонии звуков. В трактате «О душе» он писал: «Цвета за приятностью их соответствия могут соотноситься так, как музыкальные созвучия и быть взаимно пропорциональными». То есть, уже в IV в. до н. э. констатировалась возможность системного рассмотрения синестезии [1, 14].

В Западной Европе первая цветная запись музыки датируется XI ст., изобретение и авторство которой приписывается Гвидо Аретинскому (995–1050). Суть цветной записи заключается в том, что красная линейка нотного состояния отвечала ноте «фа», желтая линейка — ноте «до» и так далее.

Итальянец маньерист Джузеппе Арчимбольдо в своей преподавательской деятельности проработал систему соответствий «краски — ноты», целью которой было облегчить усвоение музыки, сделать ее нагляднее. Проигрывая ученикам разные тональности, он параллельно демонстрировал им цветные карточки, которые, по его мнению, отвечали этим тональностям.

Следующий шаг в изучении звуко-цветовой синестезии был сделан Афанасием Кирхером. Этот разноплановый немецкий ученый и изобретатель приблизительно в 1646 г. разработал систему соотношения музыкальных интервалов и цветов. Интересным было то, что в качестве звукового элемента выбирались именно звуковые интервалы, а не отдельные звуковые тона. А это значило, что одна и та же нота, которую можно было добыть из разных звуко сочетаний, могла привести к возникновению разных ощущений.

Начало научного интереса к феномену звуко-цветовой синестезии было положено в сфере, которая абсолютно не касалась философии, — в физике

И. Ньютоном (1704). Изучая спектральное расписание светового луча, он сделал первую попытку научного обосновать взаимосвязь звуков и красок [2, 22]. Наличие семи цветов в спектре мы благодарны как раз Ньютону, который, желая подогнать спектр под гамму, выделил в нем цвета «оранжевый» и «индиго», которые до той поры не считались основными. Таким образом, возникла и была в некоторой степени реализованная идея сопоставления цвета и музыки. Следует заметить, что сам ученый менял свое мнение и констатировал, что прямого соответствия цветов и звуков не существует. Однако, его система оказала значительное влияние на работы многих ученых следующих поколений, а ньютоновское понимание цвета стало сегодня классикой. В любом случае, попытка автора создать систему «переводу» стимулов, которые воспринимаются разными модальностями, была первой, которая получила математическое обоснование [1, 16].

Немного погодя (около 1730 г.) новые попытки сопоставления цветов и звуков сделал математик и физик Луис Бертран Кастель. Проблеме синтеза цветов и звуков была посвящена целая работа, названная «Клавесин для глаз». Кастель считал, что между тонами гаммы и цветами существует однозначная зависимость. На практике идея ученого была направлена на то, чтобы звуки и цвета могли воспринимать соответственно глухие и слепые. Собственную цвето-музыкальную систему Кастель воплотил при конструировании цветowych клавесинов.

Начиная из середины XVIII ст. обращения к синестезии становятся все более частыми. В основном, исследователи шли путем разработки практических моделей цвето-звуковых органов. Так, например, в 1877 г. американец Беннбридж Бишоп строит собственную модель светового органа. Его механизм заключался в том, что исполнитель параллельно открывает разнообразные цветные фильтры, а свет проходит через них и попадает на специальный экран. Интересным было то, Бишоп использовал значительно более сложную систему, чем простое соответствие цвет-звук: высокие тона отображались в центре экрана и были окрашены в яркие цвета, тогда как низкие тона были «размыты» по поверхности [1, 19].

С конца XIX в. наблюдения за синестезией постепенно от описательности переключаются в сферу научного познания. Выражение «цветной слух») было впервые предложено в 1882 г. доктором Педрено из Нанти, а в 1890 г. оно уже официально было принято международным психофизиологическим конгрессом как общее название стойкой взаимосвязи между ощущениями

разных органов ощущений. В 1893 г. действительный член Психологического общества при Императорском Московском университете В. Ивановский дает полное определение «цветного слуха»: «такая способность ассоциировать ненастоящие зрительные ощущения с реальными слуховыми, благодаря которой объективное (реальное) слуховое ощущение достаточной напряженности или даже простое «мысленно» воссоздание его вызывает у людей световые обпазы, окрашенные для одной и той же буквы, одного и того же звука, и того же инструмента и так далее) [1, 19].

Одновременно совершенствовались механизмы «демонстрации» синестезии: разрабатывались новые конструкции световых органов. В 1893 г. английский художник и изобретатель Александр Валлас Римингтон построил световой орган и, начиная из 1895 г., стал давать концерты, которые были очень популярными в Европе и США. Его разработка являла собой прибор, предназначенный исключительно для демонстрации цвета, тогда как музыкальное сопровождение могло выполняться на любом инструменте. В своих звуко-цветовых превращениях композитор опирался на строгое соблюдение соответствия стимулов, которые воспринимались разными органами ощущения [1, 20].

Приблизительно в то же время в Австралии осуществлял свои исследования А. Б. Гектор. Он не только занимался созданием цвето-музыкального театра на открытом воздухе для синестетических представлений, но и теоретически разрабатывал концепцию «перевода» цвета в звук. В качестве «единиц» такого «перевода» использовались не только музыкальные интервалы или тона, а целые музыкальные фразы. Гектор считал, что каждому музыкальному фрагменту отвечает своя цветная гамма [1, 20].

Русский композитор Николай Римский-Корсаков также проводил параллели между цветом и звуком. По его мнению, элементарной «единицей» такого соотношения является музыкальная тональность. Основываясь на собственном опыте, композитор разработал собственную цвето-музыкальную систему. Эта система не имела ничего общего с научным, математическим соотношением цветов и звуков. Несмотря на ее «ненаучность» [3].

Несмотря на использование синестетической системы Римским-Корсаковым, основоположником «цветного слуха» в России традиционно считают Александра Скрябина. Если Римскому-Корсакову уникальная способность «видеть» музыку позволяла создавать в музыке «реальные» картины

«подводного царства», «месячного света» и «золотых рыбок», то для Скрябина она стала естественной возможностью реализовать то, что для других оставалось всегда только метафорой. В партитуру симфонической поэмы «Прометей», написанной в 1910 г., была введена специальная партия света, которая по желанию и замыслу композитора должна была представлять воссоздание его «виденья» тональностей вместе с музыкой. Партия света была записана в виде нот. По мнению профессиональных музыкантов, световая партия в «Прометее» довольно простая: «она основана на изменении цвета, при чем цвет изменяется сразу после изменения модуляции в музыке». Таким образом, цвет выступает в качестве будто «дублирующей» партии. Интересным является вопрос о причинах именно такого соотношения цвета и звука. На основе глубокого анализа данного вопроса сотрудники Казанского ПИ «Прометей» под руководством Б. Галеева пришли к выводу, что «синестетическая система Скрябина во многом преднамеренна, то есть построена не на «ощущении» цвета, которой подходит под определенный звук, а на его логическом представлении». То есть, речь идет не о переживании цвета, а об ассоциации, настроенной на сознательное соответствие [4].

Русский художник Василий Кандинский считал, что кроме известных феноменов цветного виденья, существует еще более тонкое влияние цвета на человека: «Если бродить взглядом по палитре красок, то возникает два главных последствия — рождается чисто физическое влияние и психическое влияние». Очерчивая это «психическое действие», Кандинский дает свое описание основных цветов и производит символическую систему, где цвета сопоставляются

с разными состояниями человека и элементами мира. В этой системе он находит место и для звуков и разрабатывает свою систему. В отличие от рассмотренных ранее авторов, Кандинский сопоставлял цвета не с конкретными тонами или тональностями, а с тембрами музыкальных инструментов или определенным диапазоном их звучания [5].

Вернувшись к началу XX ст. необходимо вспомнить имя английского психолога и антрополога Фрэнсиса Гальтона. В отличие от эстетических экспериментов со светом музыкой он походил к синестезии исключительно с научных позиций и указывал на высокую сохранность во времени синестетических схем в течение жизни одного человека. Кроме того, он обращал внимание на то, что, невзирая на постоянство индивидуальных схем, они плохо между собой согласуются, то есть синестеты имеют разные, глубоко индивидуальный, цвето-звуковые схемы-ассоциации [3].

Историческое развитие синестезии можно рассматривать преимущественно как опыт построения систем соотношения цвета и звука. При чем именно цвето-звуковая синестезия всегда являла собой самый значительный объект исследования. Несмотря на достаточно большое количество разработанных систем цвето-звукового соответствия, они, как правило, между собой или плохо, или почти не согласуются, что может указывать на отсутствие неких универсальных схем цвето-звукового соответствия. А это может значить, что разработка таких схем не всегда являлась результатом деятельности синестета, то есть, не была создана в итоге «переживания» или «ощущения», а могла быть разработана на основе логических ассоциаций.

Список литературы:

1. Расников Г.В. Особенности цвето-звуковой синестезии: дис. канд. психолог. наук: 19.00.01/Георгий Викторович Расников; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, – 2006. – 162 с.
2. Кузнецова Э.А. История изучения феномена синестезии: дис. канд. психолог. наук: 19.00.01/Эльмира Ахматбагизетовна Кузнецова; Казанский госуниверситет им. В. Ульянова-Ленина, – 2005. – 193 с.
3. Светомузыка в театре и на эстраде: тез. докл. науч.-практ. семинара, Казань, 4–6 апр. 1992 г. /Казанская академия искусств; отв. ред. Б.М. Галеев [и др.]. – Казань: [б. и.], – 1992. – 136 с.
4. Галеев Б.М. Светомузыка в системе искусств: учеб. пособие/Б.М. Галеев – Казань: КГК, – 1991. – 88 с.
5. Серебрякова Ю.В. Проблема синестезии в культурно-историческом аспекте (на материале русской поэзии, музыки и живописи к. XIX – н. XX вв.): дис. канд. культурологи: 24.00.01/Юлия Владимировна Серебрякова; Московский государственный институт искусствознания, – 2004. – 102 с.

*Chyger Oleg Oleksandrovych,
Vasyl Stefanyk Precarpathian National University,
post-graduate student, Department of Music
E-mail: olegchyger@gmail.com*

Reflection of Zoriana Kushpler's concert and opera activity through mass media

Abstract: In this article was made an attempt to follow the concert and opera activity of Ukrainian singer Zoriana Kushpler in the world through the prism of modern means of mass media. There were singled out the functions of mass media that would favour the music activity of the singer.

Keywords: singer, concert, repertoire, Zoriana Kushpler, Internet, site, press, communication.

*Чигер Олег Александрович,
Прикарпатский национальный университет
имени Василия Стефаника,
аспирант, музыкальный факультет
E-mail: olegchyger@gmail.com*

Концертно-оперная деятельность Зоряны Кушплер в зеркале средств массовой информации и коммуникации

Аннотация: В статье сделана попытка проследить международную концертно-оперную деятельность украинской певицы Зоряны Кушплер сквозь призму современных средств массовой информации и коммуникации. Выделены функции этих средств в содействии музыкальной деятельности певицы.

Ключевые слова: певица, концерт, репертуар, Зоряна Кушплер, Internet, сайт, пресса, коммуникация.

Для современного вокального исполнительского искусства характерны высокая мобильность ее представителей, тесные взаимосвязи вокальных школ. Львовская вокальная школа, как региональное явление украинской национальной вокальной школы, имеет славное прошлое, а ее представители занимают достойное место в истории мировой вокальной культуры. Почетное место в созвездии мировых мастеров современности занимает молодая талантливая украинская оперная певица Зоряна Кушплер (меццо-сопрано), которая поет на многих сценах Европы (Прага, Лондон, Париж, Берлин), и уже девятый сезон является солисткой Венской национальной оперы.

Предлагаемая статья обобщает ведомости о концертно-оперной деятельности Зоряны Кушплер за рубежом, которые представлены в средствах массовой коммуникации, прежде всего, в Интернет-статьях, материалах о жизненном пути и исполнительской деятельности артистки.

Обнаружить Интернет-ресурсы с материалами об украинской концертно-оперной певице Зоряне Кушплер является основной *задачей* предложенного исследования. *Цель статьи* — использовать интерактивные технологии для ознакомления и изучения

творческой деятельности певцов украинской западной диаспоры.

Мировая критика всегда выделяла украинских певцов не только за высокое исполнительское мастерство, но и подчеркивала уникальную красоту природы голоса, его особенную окраску, тембр, сильную энергию звука, а также необыкновенную музыкальность. В когорте наиболее известных современных певцов украинской западной диаспоры сегодня: Виктория Лукьянец, Андрей Шкурган, Зоряна Кушплер, София Соловей, Наталья Ковалева и др.

Зоряна Кушплер родилась 21 апреля 1975 г. во Львове в семье музыкантов, которые с рождения ориентировали ее и сестру-близняшку Елену на искусство. Обучаясь вокалу во Львовской национальной музыкальной академии имени Н. Лысенко в классе своего отца, народного артиста Украины, профессора Игоря Кушплера (с 1993 г.), певица получила не только солидную вокальную школу, но и очень важные принципы поведения в этой профессии. Позже, в интервью для «Львовской газеты» on-line она поделилась своими жизненными принципами: «Оставаться собой, уважать других, не падать в отчаяние, а идти дальше. Постоянно развиваться, любить людей, уметь дружить. Никого не бояться, кроме Бога! Это те жизненные

принципы, в которых меня воспитывали родители Ада Ивановна и Игорь Федорович» [1].

Думая о совершенствовании своего мастерства и расширении кругозора, З. Кушплер с 1998 г. продолжила учебу в Высшей музыкальной школе Гамбурга (класс профессора Юдит Бекманн). В этом же году она выиграла три международных конкурса и ее творчество начало набирать новых граней на Западе. Также певица совершенствовалась на мастер-классах Терезы Берганци.

В 2000 году, после завоевания I премии на конкурсе Баварского радио и телевидения (ARD-Wettbewerb, Мюнхен) и стипендии Фонда Оскара и Веры Риттер, началась международная карьера певицы. З. Кушплер пела на оперных сценах Праги, Кельна, Берна, Мадрида, Парижа, Лондона, Шанхая, Сеула, Тайваня, Сингапура, Токио, Йокохамы, Граца и др.

С 2007 года Зоряна Кушплер — ведущая солистка Венской национальной оперы, ведущая очень активную творческую жизнь. В этом оперном раю, где каждый день выступают лучшие певцы и дирижеры мира, З. Кушплер исполняет ведущие партии мировой оперной классики [2]. В течении первых шести лет в Венской опере певица брала участие в более чем 300 спектаклях и исполнила более 40 партий. Параллельно З. Кушплер работает по приглашению венского театра «Volksoper», где пела почти в 50-ти спектаклях. С Венской оперой З. Кушплер посетила Китай, Корею, Тайвань, Сингапур, Японию, Испанию.

Но З. Кушплер не почитает на лаврах. Она осознает потребность постоянной работы по совершенствованию своего мастерства: «Певец должен учиться до конца карьеры! До трагической гибели отца я постоянно консультировалась с ним. Теперь имею помощь в Вене: иногда прошу позаниматься у именитых коллег, вокальная техника которых мне нравится. Как профессионал сразу слышу, поет ли вокалист только благодаря природному таланту, или «ведает, что творит», то есть имеет солидную техническую базу. Для меня сегодня образец очень качественного и мудрого вокала среди сопрано: Нина Штемме, Рене Флеминг, Анна Нетребко, Ангела Георгиу, Камила Нилунд, Красимира Стоянова. Из меццо-сопрано это — Лучиана д'Интино, Ольга Бородина, Элина Гаранча, Джойси ди Донато, Берндада Финк. Умышленно называю своих современниц, а не известных оперных див прошлого, чтобы подчеркнуть новые имена мировой оперной сцены для украинских почитателей искусства» [3].

Толчком для достижения успеха для молодой певицы стал пример успешной концертно-оперной

карьеры ее землячки с Украины, о чем она так упоминает: «Пятнадцать лет тому назад я получила несказанное впечатление от Венской оперы, увидев ее впервые живьем. Зашла в маленький магазинчик внутри и увидела там диск Ирины Маланюк (Ира Маланюк (1919–2009) — выдающаяся украинская певица, удостоена высокого звания «Kammersängerin» (камерная певица) — в ФРГ (1957) и Австрии (1973), поскольку два десятилетия была примадонной Мюнхенской и Венской оперы). Подумала: «Боже, эта украинка достигла такого уровня, что здесь продается ее диск!». И представила свой диск на этом месте. Прошли годы, и теперь мой диск там в действительности продается. Мечты сбываются, все возможно! Надо очень хотеть, очень верить и не прекращать учиться и двигаться вперед!» [3]. Сравнивая эстетические принципы обеих певиц, можно увидеть много общего: профессионализм, прекрасное владение голосом, высокая эрудиция (знание истории искусства, владение иностранными языками — Зоряна владеет семью), быстрое овладение и совершенное исполнение разностилевого репертуара (как оперного, так и концертно-камерного), хорошая коммуникация с дирижерами, партнерами (певцами, концертмейстерами), слушателями.

Среди ведущих оперных партий, которые особенно часто исполняет З. Кушплер: Нерон («Коронация Поппеи» К. Монтеверди), Сесто («Юлий Цезарь в Египте» Г. Ф. Генделя), Марцелина, Керубино, Секстус, Дорабелла, Аминта («Свадьба Фигаро», «Милосердие Тита», «Так поступают все женщины», «Король-пастух» В.-А. Моцарта), Розина, Маркиза Мелибеа («Севильский цирюльник», «Путешествие в Реймс» Дж. Россини), Кармен, Мерседес («Кармен» Ж. Бизе), Ольга, Полина («Евгений Онегин», «Пиковая дама» П. Чайковского), Мадалена, Преццозила, Фенена, Эболи, Ульрика («Риголетто», «Сила судьбы», «Набукко», «Дон Карлос», «Бал-маскарад» Дж. Верди), Сузуки («Мадам Баттефляй» Дж. Пуччини), Лола («Сельская честь» П. Масканьи), Мари, Эрда, Швертлейта, Вальтраута, Мадалена («Летучий Голландец», «Золото Рейна», «Валькирия», «Закат богов», «Нюрнбергские мейстерзингеры» Р. Вагнера), Гертруда, Марта («Ромео и Джульетта», «Фауст» Ш. Гуно), Аделаида («Арабелла» Р. Штрауса), Марина Мнишек («Борис Годунов» М. Мусоргского), Джульетта («Сказки Гофмана» Ж. Оффенбаха), Граф Орловский («Летучая мышь» И. Штрауса), Маша («Три сестры» П. Отваши) и др.

Певица работала с известными дирижерами — Сейжи Озава, Рене Якобс, Кристоф Эшенбах, Сир Невил Мерринер, Франц Вельсер-Мест, Зубин Мета и др. Ее постоянными партнерами на сцене являются такие выдающиеся певцы современности как Пласидо Доминго, Анна Нетребко, Дмитрий Хворостовский, Роландо Вилласон, Агнес Бальца, Томас Хемпсон, Самуэль Реми, Эдита Груберова, Рамон Варгас, Роберто Алания, Хосе Кура и др.

Специально для певицы создан персональный веб-сайт «Zoryana Kushpler» [4], на котором находится широкая информация о ее творчестве. Здесь подан перечень всех партий, которые она исполняет, афиша гастролей, биография, репертуар, фотогалерея, аудио-записи опер, Интернет-статьи о певице, а также дискография и контакты. Интернет-страница предоставляет информацию на двух языках — английском и немецком. Благодаря этому каждый почитатель таланта певицы может приблизиться к ее творчеству, которым восхищаются во многих странах мира.

Множество фотоснимков с оперных спектаклей, концертов и личной жизни певицы находится на разных Internet-страницах. Такая визуализация в соединении с аудио и видеозаписями помогает создать полное представление о певце и ее творчестве. З. Кушплер является активным пользователем социальных сетей (ВКонтакте, Одноклассники, Facebook [5]), где с удовольствием общается с почитателями и ценителями, лично публикует информацию о своей концертно-оперной деятельности (именно благодаря социальной сети Facebook автор статьи наладил личный контакт с З. Кушплер, за что искренне благодарен певице. Это дало возможность подготовить данную статью). Значительная часть видео-записей опер и сольных камерных концертов Зоряны Кушплер находится на веб-ресурсе «YouTube». Повышенное внимание вызывают видеозаписи камерных концертов певицы в Австрии. Важным источником для лучшего знакомства с певицей и ее творчеством служат многочисленные интервью для интернет-изданий, которые размещены на разных сайтах во всемирной поисковой системе «Google».

Зоряна Кушплер ведет активную концертную деятельность: выступала в филармонии Сан-Паулу (Бразилия) с произведениями Леры Ауербах, Carnegie Hall (Нью-Йорк, США), Royal Albert Hall (Лондон, Великобритания), Herkules Sall (Мюнхен, Германия). В основном она дает сольные концерты в сопровождении сестры Елены Кушплер (фортепиано), которая тоже окончила Львовскую национальную музыкальную академию им. Н. Лысенко и Высшую музыкальную

школу Гамбурга. Сестры много лет концертируют вместе. Совместные сольные концерты сестер состоялись в Концерт Хаузе в Берлине, Лайсхалле в Гамбурге, Шлос Нюмфенбург в Мюнхене, Тон Халле в Дюссельдорфе, Рурфестшпильхаус в Реклинхаузене, Касселе, Musikverein в Вене, Риге [6].

На концерте в Musikhalle (Гамбург, 2003) певица исполнила произведения Г. Берлиоза, Р. Вагнера, М. Равеля и С. Рахманинова. На сайте издательства «Sikorski» размещены не только уведомления о сольном концерте певицы в Musikhalle в Гамбурге (2003), где исполнялись произведения Д. Шостаковича на стихи Марины Цветаевой, но и отрывки с похвальных рецензий в местных газетах «Hamburger Abendblatt» и «Die Welt» [7].

На сайте Посольства Украины в Республике Австрия опубликована информация о концерте в знаменитом венском Musikverein: «6 марта 2013 года в Венской филармонии состоялся сольный концерт известной украинской оперной певицы, примадонны Венской оперы Зоряны Кушплер, концертмейстер Елена Кушплер. Концертную программу З. Кушплер, состоящую из произведений выдающихся мировых композиторов, посетили представители музыкальных кругов Вены, местные украинцы и сотрудники Посольства» [8].

Часто З. Кушплер выступает с оркестрами Европы и США. Она осуществила турне по Швейцарии с кантатой «Александр Невский» С. Прокофьева (оркестр радио и телевидения Варшавы под руководством Войцека Райского), «Нельсон-Мессой» И. Гайдна (оркестр радио и телевидения Германии под руководством Сира Невила Мэриннера). Певица участвовала в первом исполнении «Реквиема поэту» Леры Ауербах в Ганновере (оркестр радио и телевидения Германии под руководством Ежи Оуэ), давала концерты с оркестром на Schleswig-Holstein Musik Festival с оперными ариями и дуэтами (оркестр радио и телевидения Германии под руководством Лукаша Боровича, 2011). Певица плодотворно сотрудничает с Petersen Quartett. В 2004 г. у них было общее турне по Италии с произведениями французских композиторов Э. Шоссона и Лекко, в 2006 г. выступили с концертом на Schleswig-Holstein Musik Festival с произведениями Д. Шостаковича. В 2012 г. у певицы было первое концертное выступление в США — она участвовала в открытии концертного сезона в Кливленде. В Северанс-Голл в исполнении Кливлендского симфонического оркестра и хора прозвучала симфония № 3 Г. Малера. Музыкальный критик З. Левис в статье, размещенной на сайте города,

писал: «Меццо-сопрано Зоряна Кушплер в своем американском дебюте исполнила симфонию Малера, которая основана на текстах Ницше, с неимоверной серьезностью, владея сильным голосом, выражая удивительную чуткость как к тексту, так и к оркестру. У нее не может быть трудностей с дальнейшим трудоустройством на этом континенте» [9]. Солидарен с ним еще один американский критик Дениель Хетавей, который отмечал, что четвертая часть симфонии — вокальный монолог по поэме немецкого философа Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра», «полностью зависел от украинского меццо-сопрано Зоряны Кушплер, которая сфокусировала звук на провозглашение наиболее глубоких мыслей человечества» [10]. Эта часть, по замыслу композитора, передает «скорбную атмосферу ночи и мучительное раздумье о глубинах человеческого горя. Грудной тембр контральто, его тихие рецитации сплетаются с глуховатыми тремоло засурдиненных басов, с «органными» звучностями валторн» [11]. В программе первого отделения концерта в Musikverein в Вене (март 2013 г.) прозвучали произведения испанских композиторов Энрике Гранадоса, Федерико Момпоу [12], Мануэля де Фальи [13], во втором — русских композиторов М. Мусоргского, С. Рахманинова [14].

В камерных концертах З. Кушплер исполняет русские романсы в сопровождении гитариста Герхарда Льоффнера [15], музыку русских композиторов XX в. в сопровождении пианиста Павела Зингера [16].

З. Кушплер не забывает Украину. 24 апреля 2013 года во Львовской филармонии певица участвовала в концерте, посвященном памяти отца — народного артиста Украины, золотого баритона, профессора Игоря Кушплера. 27 апреля в память о нем звучал «Реквием» Дж. Верди, в котором принимали участие его дочь, меццо-сопрано Зоряна Кушплер, сопрано София Соловий, тенор Роман Трохимук, бас Виктор Дудар, а также Галицкий академический камерный хор, Академический симфонический оркестр Львовской филармонии, Галицкий хор «Глория». Дирижировал Владимир Сивохип [17].

З. Кушплер — лауреат многих международных конкурсов, ее высоко ценят в Австрии, Германии. В 2010 г. в рамках музыкального фестиваля «Schleswig-Holstein Musik Festival» в городе Травемюнде (земля Шлезвиг-Гольштайн, ФРГ) Фонд Вальтера и Шарлотты Хамель наградили ее премией «За выдающиеся исполнительские заслуги». Отметили ее техническое совершенство, точность и аутентичность интерпретаций в сочетании с яркой

личной харизмой [18]. В программе ее блестящего выступления на этом фестивале были разностилевые произведения от эпохи барокко (Г. Ф. Гендель) до экспрессионизма (Г. Малер) [19].

Певица принимала участие в различных музыкальных фестивалях в Берлине, Мюнхене, Гамбурге, Ганновере, Дюссельдорфе, Любеке (Германия), Инсбруке, Граце (Австрия), Базеле, Цюрихе, Женеве, Вербье (Швейцария), Венеции, Милане, Риме, Флоренции (Италия), Мадриде, Валенсии, Сарагосе (Испания), Риге (Латвия), Львове (Украина).

Кушплер З. сотрудничает с современными композиторами. Так, на фестивале в Вербье она пела сочинение Леры Ауэрбах для меццо-сопрано, фортепиано и виолончели соло, в исполнении которого принимала участие автор как пианистка, соло на виолончели исполнял Готье Капюссон.

В концертном репертуаре Зоряны Кушплер — самые различные произведения по форме и жанру, количество которых постоянно увеличивается. В камерной музыке она охватывает произведения многих композиторов различных стилей академической музыки — от барокко до постмодерна. Певица исполняет такие шедевры мировой классики: сольные партии в пассионах и кантатах И. С. Баха, ораториях Г. Ф. Генделя, «Реквием» В. А. Моцарта, «Реквием» Дж. Верди, симфонии № 9 Л. ван Бетховена, симфонии № 3 Г. Малера, кантате «Александр Невский» С. Прокофьева; вокальные произведения Г. Перселла, В. А. Моцарта, Ф. Шуберта, Р. Шумана, Г. Берлиоза, И. Брамса, Ф. Мендельсона-Бартольди, С. Франка, М. де Фальи, Г. Гранадоса, М. Равеля, О. Респиги, Г. Донизетти, М. Мусоргского, П. Чайковского, С. Рахманинова, Д. Шостаковича. Певица стремится исполнять не только отдельные произведения, но и циклы. Это, в частности, циклы М. Мусоргского («Песни и пляски смерти» [20], «Детская комната»), Р. Шумана («Любовь и жизнь женщины»), Г. Малера («Песни об умерших детях», «Волшебный рог мальчика», «7 песен последних лет», «Песнь о земле»), Д. Шостаковича («6 поэм на стихи Марины Цветаевой»), М. де Фальи («7 народных песен»), К. Монтсальваджа («5 негритянских песен»). Певица очень умело и глубоко раскрывает содержание музыкальных произведений и средствами вокального искусства предлагает его в понятной и доступной для каждого слушателя форме.

Певица имеет многочисленные записи на радио и телевидении Европы, Азии и Америки. Ее дискография насчитывает 6 альбомов. Фирма грамзаписи «Capriccio

(Naxos Deutschland Musik & Video Vertriebs)» выпустила CD певицы с произведениями Д. Шостаковича (поэмы Марины Цветаевой) совместно с Petersen Quartett (2008) «Slawische Seelen» (вокальные произведения русских композиторов П. Чайковского, С. Рахманинова, Н. Римского-Корсакова, М. Мусоргского) в сопровождении сестры Елены (2010) [21], а также «Original soundtrack von la Tregua». В 2013 г. З. Кушплер записала новый компакт-диск с произведениями испанских композиторов (де Фалья, Монтсальвадж, Родриго, Гранадо), который посвящен памяти отца. Также записан и готовится к выпуску диск с произведениями Александра фон Цемлинского с ансамблем «Линос». При участии З. Кушплер фирма «Orfeo International Music GmbH» (Orfeo International Music) выпустила оперу «Фауст» Ш. Гуно (2010), на DVD записана оперетта «Летучая мышь» И. Штрауса (фестиваль в г. Мербиш, 2012), опера «Арабелла» Р. Штрауса (Венская национальная опера, 2012).

Необходимо отметить, что молодая певица проводит мастер-классы для студентов музыкальных заведений. Один из них состоялся 24–25 ноября 2011 г. в большом зале Львовской национальной музыкальной академии им. Н. Лысенко в рамках цикла вокальных мастер-курсов «Возвращение в Alma Mater или зов души».

Многогранная творческая деятельность З. Кушплер освещается на страницах печати. Вот только некоторые из отзывов. Барбара Петч на сайте «Die Presse» опубликовала статью об оперетте «Летучая мышь», в которой Зоряна Кушплер исполняла роль графа Орловского. Она, в частности, пишет: «Кушплер элегантно сочетает олигарха сегодняшнего дня из царским аристократом, наверное разница между ними не такая уж и большая» [22]. Надо отметить, что прямая трансляция оперетты при участии нашей певицы транслировалась австрийским телевидением по всему миру 12 июля 2012 года. Курт Влах пишет: «Кушплер в предыдущем году хорошо развивалась

как вокалист и сегодня достигла весомых результатов в своей карьере, остался только маленький шаг, чтобы она осуществила международный прорыв. Удивительно чувственный, словянский тембр, очень хорошая техника, привлекающий внешний вид, а также актерский талант — этого должно быть достаточно для стремительной карьеры. Мы можем радоваться за нее, но жаль, если такая певица не будет работать в Венской опере» [4].

Певица в одном из интервью для ежедневной онлайн газеты «Высокий замок» Нике Николео так высказалась о себе: «Я занимаюсь любимым делом, тем, чем хотела заниматься с раннего детства, и это увлечение у меня до сих пор не прошло, и надеюсь, что никогда не пройдет» [3].

В заключении необходимо отметить, что концертно-оперная деятельность Зоряны Кушплер, которая отличается творческой зрелостью и вдумчивой вокальной магией, пребывает в активном развитии. Молодая певица постоянно пополняет свой репертуар, исчерпывает новые краски тембра голоса, в котором органично переплелись нежность, утонченность и глубина. З. Кушплер обогащает произведения разнообразием оттенков, мастерством создания настоящих художественных образов. Она активно гастролирует и прославляет Украину по всему миру, используя при этом средства массовой коммуникации, которые исполняют следующие функции в содействии творческой деятельности певицы: *информационную* (уведомляют об основных событиях ее творчества), *коммуникативную* (содействуют общению со специалистами, менеджерами, коллегами, поклонниками творчества), *источника* (служат основой для музыковедческих работ), *эстетико-гедонистическую* (приносят эстетическое удовольствие, наслаждение). Принимая во внимание расширение коммуникативных процессов в современном глобализированном мире, средства массовой информации и коммуникации предоставляют перспективу каждому пользователю стать ближе к творчеству этой талантливой певицы.

Список литературы:

1. Носковська В. «Батько був надзвичайно порядною людиною»: розмова із Зоряною Кушплер, солісткою Віденської опери/Валерія Носковська. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.gazeta.lviv.ua/culture/2013/05/01/10590>
2. Полный список оперных партий З. Кушплер на сцене Венской государственной оперы см.: SUCHERGEBNISSE. Vorstellungen mit Zoryana Kushpler. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://db-staatsoper.die-antwort.eu/search/person/5163>
3. Ніколео Н. Зоряна Кушплер: «Колись я побачила у Відні компакт-диск Ірини Маланюк – і уявила поруч свій...»/Ніка Ніколео//Високий замок on-line. – 2013. – 28 трав. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.wz.lviv.ua/interview/122984>

4. Zoryana Kushpler: personal website. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zoryana-kushpler.de/>
5. Zoryana Kushpler. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/zoryana.kushpler>
6. Концертные циклы: Зоряна Кушплер (меццо-сопрано, Германия), Олена Кушплер фортепиано, Германия). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hbf.lv/index.php?&489&view=concert&concert_id=256
7. Die Kushpler-Zwillinge mit Schostakowitsch in der Hamburger Musikhalle. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sikorski.de/2806/de/die_kushpler_zwillinge_mit_schostakowitsch_in_der_hamburger_musikhalle.html
8. Сольный концерт Зоряни Кушплер. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://austria.mfa.gov.ua/ua/press-center/news/10695-solynij-koncert-zoryani-kushpler>
9. Lewis Z. New Cleveland Orchestra season gets off to grand start with Mahler's Symphony No. 3/Zachary Lewis. – 2012. – 21 Sept. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cleveland.com/musicdance/index.ssf/2012/09/new_cleveland_orchestra_season.html
10. Hathaway D. Cleveland Orchestra season opener: Mahler's Third at Severance Hall (September 20. 2012)/Daniel Hathaway. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://clevelandclassical.com/0092512tcosep20rev>
11. История зарубежной музыки: учебник. – Вып. 5: Конец XIX – начало XX века/ред. И. Нестьев. – М.: Музыка, – 1988. – с. 262.
12. Frederic Momprou «Cantar del Alma» Zoryana und Olena Kushpler. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=LycLiiBt-Zc>
13. Manuel de Falla «Asturiana» Zoryana und Olena Kushpler. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=6хаосK96TwE>
14. Musikverein. Zoryana & Olena Kushpler. Gläserner Saal/Magna Auditorium, 6. 3. 2013: zurück zu Programm. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.musikverein.at/konzerte/konzertProgramm.php?idx=139745&referer=zugaben>
15. Zoryana Kushpler. Gerhard Löffler/Gitarre Russian Romance. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=vhSOYeNQ1Ew&list=UU1heIz0V0ayKtC4m7fMZkUg&index=11>
16. Ариозо Женьки из оперы К. Молчанова «А зори здесь тихие»: Зоряна Кушплер – меццо сопрано. Павел Зингер – фортепиано. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=bvjyoOPqI7w&index=12&list=UU1heIz0V0ayKtC4m7fMZkUg>
17. Verdi G. «Requiem» in memoriam of Ihor Kushpler. S. Soloviy, Z. Kushpler, R. Trohymuk, V. Dudar. Teil 1–3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=xbS83zK9vzI&index=9&list=UU1heIz0V0ayKtC4m7fMZkUg>; <https://www.youtube.com/watch?v=F-sNzJOTrNY>; <https://www.youtube.com/watch?v=gD78j4-dqSU&index=7&list=UU1heIz0V0ayKtC4m7fMZkUg>
18. Певица Zoryana Kushpler получила премию поддержки. – 27.08. 2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sr.ru/klassik/pevica-zoryana-kushpler-poluchila-premiyu-podderzhki.html>
19. Mezzosopran im dramatischen Format//Hamburger Abendblatt, 14. August 2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hfmt-hamburg.de/uploads/media/Pressespiegel_August_2010.pdf
20. Zoryana Kushpler. Modest Mussorgsky: Songs and Dances of Death (Колыбельная)/Saarländische Rundfunkorchester. Dirigent Lutz Köhler. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=QG2ampM8EVY&index=22&list=UU1heIz0V0ayKtC4m7fMZkUg>; Zoryana Kushpler. Modest Mussorgsky: Songs and Dances of Death (Трепак). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=rLWEsX6aNI&list=UU1heIz0V0ayKtC4m7fMZkUg&index=23>
21. Slawische Seelen/Slavonic Soul: Szoryana Kushpler, Mezzosopran/Mezzosoprano, Olena Kushpler, Klavier/Piano. Lieder Russischer Komponisten/Songs by Russian composers. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.capriccio.at/slawische-seelen-slavonic-souls>.
22. Petsch B. Seefestspiele Mörbisch: Eine bezaubernde «Fledermaus»/Barbara Petsch//DiePresse.com. – 13.07.2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://diepresse.com/home/kultur/klassik/1264952/Seefestspiele-Moerbisch_Eine-bezaubernde-Fledermaus?from=simarchiv

Section 4. History and archaeology

*Asadov Babek Rashid ogli,
D. of Ph. in Political Sciences,
Assistant professor of Political Science
of Saint-Petersburg State University of Economics
E-mail: asadovspb@mail.ru*

*Zelenov Alexander Sergeevich,
2nd year Master student
of Saint-Petersburg State University of Economics
E-mail: raven7047@yandex.ru*

International youth tourism as a factor promoting internationalization of student educational environment

Abstract: Some aspects of the development of a new type of international education student environment are considered. International youth tourism, in particular its educational segment, is one of the most promising directions in the formation of this environment.

Keywords: international education student environment, common humanitarian space, international youth tourism, student environment.

Among the developing tendencies of modern international life there is a constant expansion of international education contacts of student that have a direct impact on establishment and development of relations between its members. Modern student environment is mostly represented by multi-ethnicity, which is understood as a society of social diversity, where certain groups of students of different nationalities and cultures tend to save and develop their traditions and cultural features. Of course, together with the current problems affecting the prospects of development of the modern student's educational environment appears the problem complex account of ethno-cultural measurement of society. At the same time, the problem of increasing impact of multiethnic educational environment on students who are — “students (graduates) are considered the main beneficiaries of internationalization” [1, 8], characterized by special actuality due to the necessity of coexistence of lots ethnic groups in the same educational environment. Today, the ongoing changes in the environment are dictated by the growth of internationalization and, of course, globalization, which is an objective and dynamic process.

This leads to the formation of a new international education environment and prerequisite for this is the process of internationalization of educational contacts

that will allow implementing national interests of all the participants of this environment in the most effective ways, and also to make a joint search for solutions of actual problems having importance for the human civilization as a whole. As it is known, the internationalization of the student environment was born with the appearance of the first universities, which today produce their own internationalization strategies. The first ways to internalization were becoming trips of students to foreign universities [2]. In the second half of the twentieth century many young people from Latin America and other regions sought to study at universities in the USA and Canada. There were other educational spaces (for example, in the USSR and Eastern Europe) which actively involved students from countries with similar ideology. In the formation of a new type of international education environment have contributed certain documents as: the “Report of Ministers of Education on the 17th session of the Standing Conference of European Ministers of Education of the Council of Europe” European dimension in education “ (Vienna — Strasbourg 16–17 October — 17 October — 7 November 1991), the Convention “On Recognition of Qualifications concerning Higher Education in the European Region” (Lisbon, 1997), “Education for All: Meeting our Collective Commitments”

(Dakar, 2000), World UNESCO conferences, such as “World Declaration on Higher Education for the XXI Century: Vision and memory” (Paris, 5–9 October 1998), Communiqué of the Conference of European Ministers of Education, Leuven and Louvain-la-Neuve, 28–29 April 2009 (“Bologna process in 2020 — pro-European space of higher education new decade”) and subsequent decisions aimed at the development of this process. In the development of this process, a significant role was played by the international program — Bologna Declaration (Bologna, 1999), which gave to the transformation national seclusion of educational sphere, considering the creation of a unified educational space. It should to facilitate and help to the national education systems of European countries to take all the best that have partners by increasing the mobility of young people, teachers and administrative personnel, as well as strengthen the communications and cooperation between higher education institutions in Europe. As a result of all these actions a united Europe is becoming more and more attractive to the global education market. To provide a “harmonization”, higher education systems should be “transparent”, the most comparable to what can be achieved with a wide distribution of similar educational cycles (Bachelor — Master) as well as introduction of unified or systems of education credits which can be easily recalculated (transcripts units), the same fixation forms of obtained qualifications, mutual recognition of academic qualifications, developed structures providing the quality of training, and so on. During the last two decades it was promoted by integration processes having positive impact on strengthening of international cooperation in sphere of science and education.

In particular, this happens with the help of numerous projects and programs, which, by involving youth from different regions, act as tools for constructing an international student education environment, nominating the representatives of different nations and cultures. At the same time during this period, with the dynamic development of models of student educational space, especially the American, British and German, as well as with the appearance of new centers of multi-ethnic educational environment was connected with the increase in educational tourism, as an essential part of youth tourism and with growing affords of international community in this domain, promoting mutual understanding and respect between traditional culture among student youth. Often, among the developing countries, there is a growing need for young people in tourism and international education. Tourist aspect of internationalization of education

environment assumes promotion of modern educational tourism and expansion of the boundaries of the environment due to multiple contacts of youth. An important form of internationalization of education environment is the mobility of students, which is also characterized by the departure of a certain number of students to study abroad. Therefore, thanks to educational trips range of potential users of these services is broaden. These services have a direct impact on the geographical expansion of a multi-ethnic education environment. Youth tourism increasingly acting as effective regulator of social and cultural relations, represents to students the opportunity to satisfy their immediate interest not only to knowledge, but also to new facts, entertaining events, offers a great potential for the further improvement, and in valuable practical experience.

Characterizing the value of its formation by means of youth tourism and educational contacts, it is a lack of scientific reinterpretation of their influence as one of the most significant factors of the development of a tolerant international student environment, responding to requests of students. In this regard, it is useful to understand the impact of international youth tourism as a whole, as a mechanism for achieving intercultural and interethnic interaction of students in modern conditions. Youth tourism is not only a method of cognition of surrounding reality, but also an effective way of transmission of cultural values, in particular developing a system of relations in the framework of personal, international, cross-ethnic, cross-state contacts in the student’s educational environment. Therefore, there are certain preconditions in this environment not only for saving of traditionally established properties, but also for the further development of the humanitarian space as a whole. In this regard, it is necessary to search for a qualitatively new forms and mechanisms of international youth dialogue, using international relations in youth tourism. Modern educational student environment is a key element for the formation of a common humanitarian space, and it is strongly connected with social processes and transformations, and these changes lead the education to the particular public attention, aimed at solving the problems of the environment. Of course, actions of international organizations and number of target programs have influenced on the direction and character of the development of the educational contacts in this area. For example, participation in one of the most popular at the present time program for senior students of different universities is ERASMUS. It allows students to improve their knowledge of foreign

languages, develop communication competencies, increase the level of independence what forms the social and cultural experience of students [3, 34–35]. Expansion of multi-ethnic educational environment and its growing influence on the behavior of the students can be estimated differently. Being opened and socially-oriented system, the modern student environment sensitively reacts to changes taking place in society, and thus takes into account current trends in globalization. In this environment, was formed a sphere of humanitarian cooperation with numerous methods and forms of students' interaction and, therefore, its influence on the formation of a new cultural identity acquires global character. In the context of the development trend of the ethno-cultural student environment is becoming extremely important such fact, that national culture and values give a distinctive flavor to this medium and students, in the result of initiation to the cultural specialties of other nations, acquire willingness to cross-cultural dialogue. However, there are significant differences in language, national cuisine, clothing, social norms and other ethnic and cultural differences that frequently make these contacts difficult. In the student's environment appear new signs and rules of interaction, change the values and norms of participants' behavior. Today, the internationalization of the educational environment and the establishment an atmosphere of tolerance in it with the help of youth tourism requires not only the use of the potential of this medium and necessity to a focused study of them, but also the use of new mechanisms for the effective interaction of students. The current situation in the development of youth tourism is complicated by the lack of specialized infrastructure, low-skilled personnel, outdated legislative framework, ineffective state policy in this sphere, etc. In the world on the background of the dynamic changes that continue to play an important role in preserving and decreasing the boundary of educational streams,

constant account of social, economic and other factors (which have an influence on the character of the educational youth contacts) is required. Along with matter of forming an effective international student environment should be formed qualitatively new vectors of educational tourism, should be created new mechanisms, such as international multifunctional youth centers of travel and cooperation in which borders having place an exchange of values and interaction between different cultures. This should contribute to the spread of the same cultural models among the students, as well as to develop mutual respect to different cultures and ethnicities. At the same time we can't not to take into account that a wide range of international student relations frequently accompanied by a significant influence of the interacted cultures and their synthesis. For any educational environment, cultural synthesis has both positive and negative sense. On the one hand, the international youth tourism, as well as other areas of mass tourism, promotes mutual enrichment of cultures, rapprochement of people. On the other, intensive borrowing of values from other cultures increases the possible danger of the gradual loss of the previous ethno-cultural components in this environment and forces students to adapt to new conditions. So, in a dynamic and multifaceted educational environment it will be essential to acquire new values that guide the young students, and which largely determine the character of their behavior in the environment. Therefore, in the realities of the modern development of the world is quite logical the emergence of new models of international cooperation mechanisms of students. The current practice of development of national youth tourism allows to make conclusions not only about the importance of its educational segment for the internationalization of the student educational environment, but also to consider it as an important resource for the formation of new models of cross-cultural dialogue among youth.

References:

1. Larionova M. V., Perfilieva O. V. «Imperatives of internationalization» – M.: Logos, – 2013. – 420 p.
2. Overview of the European experience of internationalization of higher education. – [electronic resource]. – Mode accesse: http://eicl.kharkiv.edu/upload/review_of_european_experience_of_internationalization.pdf (Date accessed 21/09/2014).
3. Pogodina A. «Modern processes of internationalization in the establishment of a single European educational field» High intelligent technology and innovation in education and science: Proceedings of the XVII International Scientific Conference. – Volume 1 – St. Petersburg.: Publ Polytechnic University, – 2010.

Kortunov Alexey Ivanovich,
Akmulla M. Bashkir State Pedagogical University,
Research professor, National History Department
E-mail: kortunov@rambler.ru

Kosyanov Vladimir Ivanovich,
Orenburg State Pedagogical University,
Senior lecturer, Education management Department
E-mail: kv-okv@yandex.ru

Records of service as a history source of the nobility in Orenburg Cossack Army (the second half of the XIX century)

This article was prepared with funding from the grant of the Russian Humanities Research Foundation — «The role of the nobility in the integration of the south-eastern outskirts in the administrative establishment of the Russian state (XVII–XIX centuries)» (№ 13–01–00171a)

Abstract: In the Russian Empire the record of service was the main document of service status of each officer, official of civil or military department, as well as clerks. According to the analysis of the found service records of the field-officers and company officers serving in the administration of the First, Second and Third Military Departments of Orenburg Cossack Army for 1869–1890, it may be concluded that 17 out of the 39 officers had a title of nobility.

Keywords: The service record, nobility, Russian Empire, Orenburg Cossack Army, Military Departments.

In pre-revolutionary Russia, the record of service, or it was also called an employment record, was the main document of service status of each officer, official of civil or military department, as well as clerks. The service record always included rank, surname and first names of the servant, his position, date of birth, age, religious confession, origin, place of education, received upkeep, service career, off service activities, marriage and property status, whether he was subjected to punishment connected with limitation of service rights, whether he took part in military campaigns and affairs against the enemy, wounds and contusions, honours and identifying insignia, and other.

It should be noted that the service records appeared in the military documentation management in the 30's of the XVIII century, after the reforms of the titled Russian army commander Field Marshal Munich B. H., and represented a handwritten questionnaires on each service member, whether that was private soldier, an officer or general, according to which in the regiment they served in, responses were given. The records were compiled on the basis of orders of the Military Collegium (since 1802 — the Military Department) and descentally they consisted of only a few columns, which number gradually increased the beginning of XIX century. The form and nature of responses to raised questions were regulated by the orders of the same Military Collegium [1, 170].

Summary tables on quantity of serving generals, officers and private soldiers were compiled on the basis of employment and service records. These materials were needed primarily for salary accounting. Records were compiled for a number of years of military service, in case of retirement and pension accounting, in case of submitting to rank obtaining, etc.

The line about the origin of the service member was one of the first lines in the service record. On the basis of the analysis of service records of general officers and officer personnel of one or another military subdivision we may find out service members with the title of nobility.

The objective of our study is to analyze the service records of generals and officers of the Orenburg Cossack Army of the second half of the XIX century. Service records of field-officers and company officers served in administration of the First, Second and Third military departments of the Orenburg Army for 1869, 1879, 1880 and 1890 were found in the Russian State Military Historical Archive (Moscow).

We found the information about the cossack chieftain of the department, colonel Myasoedov Sergey Ivanovich in the service records of the First Military Department of the Orenburg Cossack Army. He was born in 1817 and came from the nobility of the Orlovskaya province. He was orthodox Christian and acquired the home education. He took part in many fights and was a commander of the following orders: the Order of

Saint Anna of the II class with the imperial crown and swords, the Order of Saint Anna of the III class with bow-knot, the Order of Saint Vladimir of the IV class with swords, the Order of Saint Stanislaw of the II class with the imperial crown. He had silver medal for the Pacification of Hungary and Transylvania in 1849 and bronze medal in memory of war of 1853–1856 on Andrew's band and insignia for honorable service in 15 years [2].

The second representative of the nobility of the Orenburg Army in the administration of the First department was Cossack captain Simagin (Orenburg Cossack village). He occupied a post of the senior adjutant of department administration in 1869. He was born in 1835 and acquired the education at the Orenburg district college. He was orthodox Christian. He was commander of the Order of Saint Stanislaw of the III class. He had a bronze medal in memory of war of 1853–1856 [3].

Colonel Latinin Alexander Andreevich, who occupied the position of cossack chieftain of the First Department of the Orenburg Cossack Army in 1880 was registered in the service records dated 1880. He was born in 1828, he was of noble stock of Tula province. He was educated in the second Cadet Corps, and he was orthodox Christian. He took part in many fights and was a commander of the many orders: the Order of Saint Anna of the II class, the Order of Saint Anna of the III class, the Order of Saint Stanislaw of the III class, the Order of Saint Stanislaw of the II class. He had bronze medal in memory of war of 1853–1856 [4].

The service records of the administration of the Second Military Department Orenburg Cossack Army for 1880 provide the information about the three officers of noble titles: 1) Cossack captain Nikolay Khristoforovich Chebotarev. He was born in 1839; he was of personal nobles, orthodox. He didn't have rewards; 2) The captain Mikhail Vasilyevich Yudin. He was born in 1848, he was of the nobles of the Orenburg Army, he was orthodox. He didn't have rewards; 3) The captain Philip Kuzmich Luzanov. He was born in 1851, he was of the nobles by birth of, Orenburg province, Orsk county, he was orthodox. Commander of the Order of St. Stanislaw of III class [5].

We found another three nobles in the Service Records of field-officers and company officers of the Second military departments of the Orenburg Army for 1890: 1) Colonel Vasily Ivanovich Rogozhnikov. He was born in 1843, came from military nobility, orthodox. He took part in many fights, was a commander of the following orders: the Order of Saint George

of IV class, the Order of Saint Anna of the III class with swords and bow-knot, the Order of Saint Stanislaw of the III class with swords and bow-knot, the Order of Saint Anna of the IV class inscribed "For Bravery", Order of Saint Stanislaw of the II class with swords, golden sabre inscribed "For Bravery", silver and bronze medals for Khiva and Kokand campaigns; 2) The army color sergeant Alexei Mikhailovich Tsernzhalov. He was born in 1849, came from nobles by birth of Orenburg province. He was orthodox. He took part in many fights, was a commander of the following orders: the Order of Saint Vladimir of the IV class with swords and bow-knot, The Order of Saint Anna and Saint Stanislaw of III class with swords, the identifying insignia of III and IV class military medal. The golden sabre inscribed "For Bravery", a silver medal for the Khiva campaign and light bronze for Kokand campaign. Silver medal for the seizure of the Kars fortress and the silver medal for the Akhal-Tekinsky campaign; 3) Cossack captain Arkady Andreevich Lebedev. He was born in 1855, came from nobles by birth of Orenburg province. He was orthodox. He was a commander of the following orders: The Order of Saint Anna of the IV class with the inscription "For Bravery" and The Order of Saint Stanislaw of III class with swords and bow [6].

Most of the officers who had a title of nobility served in the administration of the Third Military Department of the Orenburg Army. A service records for 1879 indicates two nobles: 1) Alexander Alexandrovich Izbyshchev, acting Cossack chieftain of Orenburg Army Third Military Department. He was born in 1837. He came from the nobility of the Orenburg Army and he was orthodox. He took part in many fights, and was a commander of the following orders: The Order of Saint Anna of III class, the Order of Saint Stanislaw of III class, of Saint Stanislaw of II class and Order of Saint Stanislaw of II class with imperial crown. 2) Cossack captain Ivan Yakovlevich Domozhirov. He served as a senior adjutant of the Third military department administration of the Orenburg Cossack Army. He was born in 1846. He came from the nobility of the Orenburg Army, and he was orthodox. He was a commander of the following orders: The Order of Saint Anna of III class, the Order of Saint Stanislaw of III class [7].

We found another six nobles in the Service records of field-officers and company officers of the Third military department of the Orenburg Army for 1890: 1) The army color sergeant Vasily Afanasievich Silnov, the second. He was born in 1846. He came from the

nobility of the Orenburg army and he was orthodox. He belonged to the army class. He was a commander of the orders: The Order of Saint Anna of III class, the Order of Saint Stanislaw of III class; 2) Cossack captain Andrei Mikhailovich Tsykin. He was born in 1841. He came from the nobility of the Orenburg army and he was orthodox. He belonged to the army class. He didn't have rewards; 3) Cossack captain Alexander Mikhailovich Golovin. He was born in 1847. He came from the nobility of the Orenburg army and he was orthodox. He belonged to the army class. He didn't have rewards; 4) Cossack captain Alexey Mikhailovich Medvedev. He was born in 1852. He came from the nobility of the Orenburg army and was orthodox. He belonged to the army class. He didn't have rewards; 5) Cossack captain Flegont Matveevich Kolotinsky. He was born in 1850. He came from nobles by birth of Orenburg army and he was orthodox. He belonged to the army class. He was a commander of the orders: The Order of Saint Anna of III class, the Order of Saint Stanislaw of III class; 6) Inferior Cossack captain Mikhail Vasilyevich Nemirov. He was

born in 1854. He came from nobles by birth of Orenburg army and he was orthodox. He belonged to the army class. He was a commander of the orders: the Order of Saint Stanislaw of III class with swords and bow-knot, The Order of Saint Anna of IV class with the inscription "For Bravery". He had medal for conquest of Kokand khanate in 1875–1876 [8].

According to the analysis of the found service records of the field-officers and company officers serving in the administration of the First, Second and Third Military Departments of Orenburg Cossack Army for 1869, 1879, 1880 and 1890, it may be concluded that 17 out of the 39 officers had a title of nobility (i. e. about 45 %). In this case, eight nobles out of the seventeen served in the administration of the Third Military Department of the Orenburg Army, six in the second military department, and only three in the first military department. It should also be noted that not all of the service records of the Orenburg Cossack Army officers of the second half of the XIX century were analyzed in our study.

References:

1. Gorshma M. N. A service and employment records of generals and members of the Patriotic War and foreign campaign of 1812–1814//Russian Archives: National History in certificates and documents of XVIII–XX centuries: Almanac. – Moscow: TRITE Studio: Russian Archives, – 1996.
2. Russian State Military Historical Archive (RSMHA). – F. 330. – In. 55. – File. 1671. – Sh. 1.
3. RSMHA. – F. 330. – In. 55. – File. 1671. – Sh. 23.
4. RSMHA. – F. 330. – In. 56. – File. 674. – Sh. 1 a-8.
5. RSMHA. – F. 330. – In. 56. – File. 677. – Sh. 1–57.
6. RSMHA. – F. 330. – In. 57. – File. 971. – Sh. 1–29.
7. RSMHA. – F. 330. – In. 56. – File. 680. – Sh. 1–11.
8. RSMHA. – F. 330. – In. 57. – File. 979. – Sh. 1–32.

*Medvedik Irina Semenovna,
Astrakhan State University,
Foreign History department,
Associate professor, candidate of Historical Science
E-mail: imedvedik55@mail.ru*

The Opposition to Colonial Expansion in West Africa in the British Parliament in the late 19th century

Abstract: The discussions in the British Parliament in the late 19th century in connections with colonial expansion in West Africa are analyzed, the debatable questions are revealed, different evaluations are considered. The conclusions about the perception of the conflict by the British Parliament are made. The question concerning possibilities of the Parliament to have some influence on British foreign policy's formation is also touched upon in the paper.

Keywords: the British Parliament, colonial expansion, West Africa, the discussions, the opposition.

Медведик Ирина Семеновна,
Астраханский государственный университет,
к. и. н., доцент кафедры истории зарубежных стран
E-mail: imedvedik55@mail.ru

Оппозиция колониальной экспансии в Западной Африке в британском парламенте в конце XIX в.

Аннотация: Анализируются дебаты в британском парламенте в конце XIX в. в связи с колониальной экспансией в Западной Африке, выявляются дискуссионные вопросы, рассматриваются различные оценки. Сделаны выводы о восприятии конфликта британским парламентом. Затрагивается вопрос о возможностях парламента влиять на формирование британской внешней политики.

Ключевые слова: британский парламент, колониальная экспансия, Западная Африка, дебаты, оппозиция.

Конец XIX в. — время активизации британской колониальной экспансии, одним из направлений которой была Западная Африка. Различные аспекты этого процесса получили освещение в работах отечественных историков [1; 2]. Научный интерес представляет выявление позиции британского парламента по западноафриканскому вопросу и определение его роли в процессе принятия решений. Это связано с поисками новых подходов к объяснению истории международных отношений, стремлением выявить те силы, которые, не имея полномочий для принятия решений, могли оказывать влияние на формирование внешнеполитического курса.

В викторианскую эпоху британское общество мало интересовалось внешней политикой. Политические партии не концентрировались на внешнеполитических проблемах в своих программах. Сложилась тенденция подчеркивать преимущество внешнеполитического курса. Парламентскими дебатам по международным делам (при обсуждении бюджета, тронной речи монарха и т. д.) уделялось немного внимания. Важные внутренние социальные и экономические проблемы требовали решения. Парламентское расписание было слишком плотным, чтобы тратить время на внешнеполитические вопросы, если не происходили международные кризисы, не было угрозы войны. Показателем индифферентности депутатов была низкая посещаемость, как палаты общин, так и палаты лордов в дни обсуждения внешнеполитических вопросов [8, 193].

Однако на рубеже XIX — XX вв. возросла роль общественного мнения во внешнеполитических делах. Традиционная «кабинетная» европейская дипломатия исчерпала себя. Общественный интерес к международной политике стал проявляться и в парламенте в ходе дебатов по внешнеполитическим и колониальным вопросам.

Возможности парламента влиять на внешнеполитический курс государства в конце XIX в. были весьма ограничены. Парламент не участвовал в выработке и принятии решений о действиях на международной арене. Он был призван одобрить или не одобрить их уже после того, как они начались или даже завершились. В информационном плане парламент зависел от правительства.

В то же время в распоряжении парламента были определенные средства контроля исполнительной власти и в этой специфической сфере государственной жизни. К ним можно отнести право парламента получать информацию о внешней политике страны в виде тронной речи монарха, докладов премьер-министра, министра иностранных дел. Парламент мог оценивать эту информацию, устраивая дебаты, принимать решения, одобряя или осуждая предлагаемый внешнеполитический курс.

Полезной для получения информации была практика отводить время несколько раз в неделю для ответов представителей исполнительной власти на вопросы парламентариев. Они могли касаться и международных отношений. В основном это были вопросы по какой-либо животрепещущей проблеме или затрагивающие интересы определенной группы избирателей. Внешнеполитические и колониальные вопросы могли затрагиваться при обсуждении и утверждении финансовых ассигнований. По словам историка Д. Бишопа парламент играл роль инспектора и критика, чье предназначение — «изучать политику, которую выработал Кабинет, и, критикуя, соглашаться с ней или осуждать ее от имени нации» [3, 132].

Итак, парламент обладал некоторыми возможностями держать внешнеполитический курс под постоянным контролем. Таким косвенным путем он мог влиять на его формирование в будущем. Кроме того, дебаты в парламенте отражали мнение

общественности. С этой точки зрения они также представляют интерес для изучения.

Объектом нашего исследования является один из эпизодов британской колониальной истории — завоевание западноафриканского государства Ашанти, предмет изучения — реакция британского парламента.

В середине 80-х годов XIX в. британская колония Золотой Берег представляла собой небольшие поселения на западноафриканском побережье. Границы с соседними колониями Германии и Франции (Того и Берегом Слоновой Кости) были определены межгосударственными соглашениями 1888 и 1889 гг. [4, 71–73; 5, 445]. Правительственный декрет 1886 г., определявший границы колонии, не устанавливал пределов для расширения территории вглубь континента [4, 69]. Активизация деятельности Германии в этом регионе вызывала большое беспокойство британского министерства колоний. «Следует уяснить, что Германия будет аннексировать все территории, на которые еще не предъявлены права других держав. Мы должны решить, что именно мы хотим иметь и взять это тотчас. Если же по какой-либо причине не желательно расширять наши зависимые территории, следует с энтузиазмом приветствовать германские приобретения», — отмечалось в документах министерства колоний [5, 423]. Правительство Великобритании все больше склонялось к решению об интенсивном продвижении вглубь континента. Препятствием являлось располагавшееся там государство Ашанти. Оно представляло собой конфедерацию племен, которую король Кваку Дуа III (известный так же под именем Премпе I) стремился сохранить и укрепить, пытаясь даже вернуть под свою власть племена, уже признавшие британский протекторат. Предложение о протекторате, сделанное британскими властями государству Ашанти, было отвергнуто [6, 64–68]. Осенью 1895 г. королю Ашанти был предъявлен ультиматум, содержащий обвинения в невыполнении имевшихся договоров и требование принять британского резидента на постоянной основе. Подчеркивалось, что продвижение французских и германских вооруженных сил с обеих сторон от Ашанти заставляет прибегать к крайним мерам [5, 447–438]. Король, пытаясь избежать завоевания, решил попробовать договориться с британским правительством, действуя через голову администрации Золотого Берега. Однако ашантийские послы не были приняты в Лондоне. После этого согласие принять британского резидента в столице государства городе Кумаси

ничего не могло изменить. Было принято решение о военной экспедиции против Ашанти. Чемберлен, министр колоний Великобритании, писал губернатору Золотого Берега: «Экспедиция состоится при любых условиях: такие силы, которые можно считать желательными и достаточными, будут направлены в Кумаси» [5, 481–482]. В январе 1896 г. британские войска вступили в столицу Ашанти. Государство прекратило свое существование, а над его территориями был объявлен британский протекторат.

Вскоре после этих событий в парламенте обсуждался вопрос о дополнительных ассигнованиях на покрытие военных расходов по проведению военной экспедиции против западноафриканского государства Ашанти для расширения территории колонии Золотой Берег. Партии, представленные в парламенте, поддерживали колониальную политику правительства. Тем не менее, оппозиция колониальной экспансии существовала. Это проявилось при обсуждении указанного вопроса.

Разгорелась острая дискуссия. Ряд парламентариев (ирландские депутаты, радикалы) выступили не только против дополнительных ассигнований, но и с резкой критикой колониальной политики правительства, «этой фатальной политики экспансии, единственный результат которой — нищета и страдания людей, которые никогда ничего плохого не делали Великобритании, и огромные расходы самого английского народа» [7, 807]. «Есть что-то неправильное в системе, которая вынуждает парламент платить сотни и тысячи фунтов стерлингов для того, чтобы покрыть стоимость экспедиции такой, как эта — экспедиции, от которой английский народ не получит ни малейшей выгоды», — заявил один из оппозиционеров [7, 807].

Раскрывая сущность данной экспедиции, как и карательных экспедиций в целом, один из ирландских депутатов заявил: «Часто говорилось, что эти карательные экспедиции были необходимы для того, чтобы спасти Империю и британских подданных, расселившихся так широко по всему миру. Мне кажется, что эти экспедиции проистекают из желания джентльменов, связанных с армией, устроить учения войскам, дать некоторый опыт проведения таких кампаний, а офицерам — шанс продвижения по службе» [7, 802].

Критика была направлена не против армии, а против «политики правительства, отправляющего войска в такие экспедиции». При этом подчеркивалось, что военная кампания была вообще не нужна, что вопрос

мог быть решен мирным путем на переговорах, так как посланцы короля Ашанти пытались добиться встречи с членами правительства, но безрезультатно. Именно эта неуступчивость британского правительства, нежелание избежать конфронтации подверглись критике: «Даже имея дело с дикими нецивилизованными людьми необходимо, чтобы послы, направленные с объяснениями или заданием обговорить условия, были заслушаны» [7, 804].

Выступавшие затронули вопрос о грабежах, происходивших в Кумаси, с осуждением говорили о «скандальной выставке золота и драгоценных камней, которые были украдены у Ашанти». «Некоторые могут называть это политикой экспансии в Африке, я называю это просто политикой грабежа», — заявил один из критикующих [7, 805, 811].

Между тем не все выступавшие против дополнительных ассигнований отрицали необходимость военных колониальных экспедиций. Некоторые отказывались голосовать за ассигнования лишь потому, что Ашанти, по их мнению, не та страна, ради которой стоит тратить средства: «Можно понять желания и усилия завоевать в Африке территории, стоящие того, чтобы бороться за них и обладать ими, но посылать дорогостоящую экспедицию и рисковать жизнями людей для того, чтобы завоевать такую страну как Ашанти, где европейцы не могут жить, и которая не может принести выгод Великобритании — абсурд» [7, 803–804].

В ходе дискуссии был поднят важный вопрос о том, что решения о военных колониальных экспедициях

должны приниматься парламентом. Если депутаты призваны голосовать за ассигнования на экспедицию, они должны получить объяснения о целях правительства в связи с ней: «Серьезное возражение против экспедиции состоит в том, что она была предпринята без санкции парламента, ... ни одна экспедиция такого рода не должна быть предпринята без того, чтобы не был созван парламент. Народ несет бремя расходов, поэтому с ним надо советоваться через избранных им представителей» [7, 806].

Таким образом, частный вопрос, касавшийся колониальных захватов Великобритании в Западной Африке, вызвал дискуссию, в ходе которой были подняты важные вопросы, затрагивающие политику колониальной экспансии в целом. Звучали призывы установить парламентский контроль над внешнеполитическими действиями правительства.

Оппозиция колониальной экспансии существовала, хотя была крайне малочисленной и непоследовательной. Мнение большинства было выражено, словами одного из депутатов: «По уровню организации и выполнения экспедиции являет собой пример блестящего и полного успеха» [7, 799]. Единственное сомнение в правомерности ассигнований на вознаграждение войск касалось того обстоятельства, что военным не пришлось вступать в сражение, но, в конце концов, «не следует измерять благодарность количеством пролитой крови» [7, 792]. Несмотря на энергичные призывы противников военных колониальных экспедиций голосовать против дополнительных ассигнований, вопрос был решен положительно.

Список литературы:

1. Кудряшова Ю. А. Влияние английских миссионеров на формирование черной элиты в Западной Африке: вторая половина XIX - начало XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 6–1. – с. 128–132.
2. Медведик И. С. Великобритания в борьбе за Западную Африку в конце XIX в. Внешне- и внутривнутренний аспекты: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. – М., – 1992. – 18 с.
3. Bishop D. The Administration of British Foreign Relations. – Westport (Conn.): Greenwood press, – 1974. – XVI, – 410 p.
4. Hertslet E. The Map of Africa by Treaty. – L., Oxford Univ. Press, – 1967. – V. 1. – 416 p.
5. Metcalf G. E. Great Britain and Ghana. – L.: Nelson, – 1964. – XVII, – 779 p.
6. Newbery E. W. Britain Policy towards West Africa. – Oxford: Clarendon press, – 1965. – V. 2. – XVII, – 636 p.
7. The Great Britain Parliament. The Parliamentary Debates. Ser. 4. V. 38. – L., – 1895.
8. Steiner Z. The Foreign Office and Foreign Policy. 1899–1914. – Cambridge: Cambridge univ press, – 1969. – XII, – 262 p.

*Mishakova Oksana Eduardovna,
FGBOU VPO «East Siberian state academy of culture and arts»,
candidate of historical sciences, associate professor,
head of the department of Museum technologies and protection of heritage
E-mail: oksana_mishakova@mail.ru*

*Mikhaleva Ksenia Aleksandrovna,
graduate student of chair of Museum technologies and protection of heritage
E-mail: ksenia.mihaleva@mail.ru*

From history of development of museological thought of architecture monuments as objects of cultural heritage

Abstract: Within this article the museologicheskikh of works about architecture monuments as objects of cultural heritage which represent unique value is brought the short historiographic review of the main. The concept — “an architecture monument” started being formed in the XIX century and now is in studying at many researchers dealing with a problem of preservation of monuments.

Keywords: cultural heritage; architecture monuments, muzeografiya, pamyatnikovedeniye.

*Мишакова Оксана Эдуардовна,
ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия
культуры и искусств», кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой Музейных технологий и охраны наследия
E-mail: oksana_mishakova@mail.ru*

*Михалева Ксения Александровна,
аспирант кафедры Музейных технологий и охраны наследия
E-mail: ksenia.mihaleva@mail.ru*

Из истории развития музееведческой мысли о памятниках архитектуры как объектах культурного наследия

Аннотация: В рамках данной статьи приводится краткий историографический обзор основных музеелогических работ о памятниках архитектуры как объектах культурного наследия, которые представляют собой уникальную ценность. Понятие — «памятник архитектуры» начало формироваться в XIX в. и в настоящее время находится в изучении у многих исследователей, занимающихся проблемой сохранения памятников.

Ключевые слова: культурное наследие; памятники архитектуры, музеография, памятниковедение.

История развития музееведческой и памятникоохранительной мысли в целом в России как особая исследовательская проблема остается практически неизученной в отечественной литературе. Необходимость ее выделения и последующего создания современной концепции истории музееведческой мысли диктуется потребностями музееологии и памятниковедения как научных дисциплин и проблемами их дальнейшего развития.

За более чем 300-летний период памятникоохранительной деятельности в России накоплен богатейший практический опыт развития научно-исследовательской, экскурсионной, реставрационной деятельности, издано значительное количество работ по истории, теории и методологии

памятниковедения. Памятникоохранительная деятельность в России становится объектом исследования ученых лишь во второй половине XIX в. с развитием науки, культуры, искусств. В настоящее время материалы по истории охраны наследия публикуются в специальной научной литературе, в специализированных периодических изданиях, в учебной литературе по музееологии и охране памятников, в трудах по истории России [16; 14; 15; 8; 2; 7; 13]. Несмотря на имеющиеся работы о памятниках архитектуры как объектах культурного наследия, историография данного вопроса до последнего времени не являлась предметом специального исследования. Развернуто, комплексно, на основе привлечения широкого круга источников, этот вопрос не решался. До сих пор нет

полной исследовательской работы, отражающей музеефикацию недвижимых объектов наследия в целом, памятников архитектуры в частности.

Культурное наследие — это богатство народа, его культурный потенциал, накопленный временем. Обеспечить сохранность культурных ценностей, в том числе памятников архитектуры — одна из главных задач государства и общества.

Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации представляют собой уникальную ценность для всего многонационального народа Российской Федерации и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия [11]. Рассматриваемые нами памятники архитектуры, входят в категорию объектов наследия, которые рассматриваются как произведения архитектурно-строительного искусства определенных исторических периодов. Различия в величине, масштабе и значении памятников архитектуры обуславливают их широкое разнообразие. Это — отдельные здания и сооружения или их части, сохранившие целостность своих форм, ансамбли зданий и сооружений, созданные как по единому замыслу, так и сложившиеся в течение нескольких исторических периодов, здания и ансамбли в природном окружении, а также чисто ландшафтные, садово-парковые ансамбли. Памятниками архитектуры, как представителями градостроительного искусства могут быть отдельные фрагменты города (застройка улицы, площади, квартала), или его значительной части (историческое ядро, центр) или весь город. При этом каждое в отдельности здание или сооружение могут не представлять собой архитектурной ценности, но, в совокупности друг с другом, благодаря единству и целостности застройки, являться памятником. Наибольшее число сохранившихся памятников архитектуры составляют культовые постройки. Это объясняется не только тем, что на их возведение тратилось больше средств, сил и привлекались лучшие мастера, но и тем значением, которое имела церковь в жизни общества. Данная особая категория памятников, всегда была на особом счету и у общества, и у государства.

Ограничиваясь объемом данной статьи, авторы пытаются остановиться на ключевых теоретических разработках в музеологии о памятниках архитектуры.

Первые опубликованные указы о памятниках в целом в России относятся к XVIII в. — периоду правления Петра I. Именно с этим именем в дальнейшем будет связана деятельность по организации первых музеев, формированию профильных коллекций и т. д.

Несмотря на отсутствие указов об охране памятников, существовало негласное мнение, что разрушать какую-либо древность (икону, храм, надгробие, курган и т. п.) нельзя. В допетровскую эпоху, как и в XVIII в., понятие «памятник» еще не сформировалось, и главным нравственным импульсом сохранения старины была религия. Древности, ставшие религиозными святынями, почитали и оберегали.

Интерес к памятникам старины продолжается в эпоху правления Анны Иоанновны. В годы ее правления был обнародован ряд указов, имеющих отношение к ценным предметам того времени, например Сенатский указ «О присылке в Императорскую Палату из присутственных мест примечательных вещей», опубликованный в 1732 г. В данном документе говорится о том, что имеющуюся в Москве и ее окрестностях «куриозную серебряную братину» под роспись в целях сохранности отдавать в Мастерскую палату. В 1736 г. императрица издала специальный именной указ, обергермейстеру Волынскому, согласно которому предметы, находящиеся в Москве, а именно: мундштуки, узды, седла, оружие, отдать «с надлежащей описью» на сохранение в Оружейную палату [10, 128].

В 1869 г. в России возникает «Проект положения об охране памятников». В нем памятники делятся на следующие группы: памятники архитектуры (здания, насыпи, валы, курганы); памятники письменные (рукописи, старопечатные книги); памятники живописи (иконы, стенопись); памятники ваяния, резьбы, изделий из золота, серебра, меди и железа.

В 1877 г. понятие памятник было закреплено документом, получившим название «Проект правил о сохранении исторических памятников». Окончательно оно вошло в употребление после Октябрьской революции 1917 г., что подтверждается рядом декретов.

Многочисленные утраты уникальных архитектурных объектов, в связи с начавшейся Великой Отечественной Войной (1941–1945 гг.) привели к созданию постановления Совета министров РСФСР от 22 мая 1947 г. «Об охране памятников архитектуры» [13].

Само понятие — «памятник архитектуры» формируется во второй половине XIX в., изначально названное как «памятник зодчества», что происходит в контексте важнейших художественных процессов, а именно в процессе поиска национального архитектурного стиля. Памятниками архитектуры были признаны объекты, построенные до 1725 г. Они рассматривались не только как источники информации об историческом прошлом, но и как архитектурно-художественные произведения. В пореформенной

России для изучения архитектурных памятников создавались архитектурно-художественные общества (Московское и Петербургское архитектурные общества, Петербургское общество архитекторов-художников, Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины), предметом изучения которых были постройки XVIII – XIX вв.

Многочисленные утраты уникальных архитектурных объектов, среди которых большинство составляли культовые памятники, вызвали к жизни важный законодательный документ — Постановление Совета министров РСФСР от 22 мая 1947 г. «Об охране памятников архитектуры» [13]. В данном постановлении под памятниками архитектуры понимались гражданские и культовые здания, кремли, крепости, дворцы, усадьбы, парки, руины и остатки древних архитектурных сооружений, триумфальные арки, мосты, надгробные памятники, мавзолеи и пр., а также связанные с ними произведения монументальной живописи, скульптуры, прикладного и садово-паркового искусства. Памятники архитектуры считаются материальными свидетельствами прошлого, признаваемые обществом ценностью вследствие выдающихся или редких форм, своеобразия планировки, исторических или технологических традиций, поддержания преемственности качества жизни, типологическая группа памятников истории и культуры.

В СССР понятие «памятники архитектуры» сформировалось во второй половине 1930-х гг., заменив предшествующие: памятники старины, зодчества. Официально памятники архитектуры впервые были названы так в упомянутом Постановлении Совета министров РСФСР от 22 мая 1947 г. «Об охране памятников архитектуры».

В положении об охране памятников культуры под памятниками архитектуры понимаются гражданские и культовые здания, кремли, крепости, дворцы, усадьбы, парки, руины и остатки древних архитектурных сооружений, триумфальные арки, мосты, надгробные памятники, мавзолеи и пр., а также связанные с ними произведения монументальной живописи, скульптуры, прикладного и садово-паркового искусства [3].

По закону СССР «Об охране памятников истории и культуры» (1976 г.) к «памятникам архитектуры» относятся: архитектурные ансамбли и комплексы, исторические центры населенных пунктов, кремли, кварталы, площади, улицы, фрагменты древней планировки и застройки городов, сел и деревень [4].

Зарубежными авторами данный вопрос, начал рассматриваться в эпоху Просвещения. В работе Марека

Крейчи находим, что идеи государственной охраны памятников в Центральной Европе зародились в конце XVII в. [6, 70]. В 1850 г. в Европе была создана Императорская Центральная Комиссия по охране памятников (далее ИЦК), которая долгое время являлась ведущей организацией в решении вопросов, связанных с охраной памятников. В 1918 г., после распада Австро-Венгерской империи, она была преобразована в Центральный художественный совет Австрийской республики. Деятельность сотрудников ИЦК, которые на практике проводили охранные мероприятия, направленные на сохранение памятников, используя меры административного воздействия, автор статьи проследил по опубликованным трудам ИЦК и ее ежегодным отчетам, где печатались краткие сведения о деятельности за год, протоколы заседаний комиссии, архивные материалы и статьи по вопросам изучения и реставрации памятников архитектуры. Кроме того, данным исследователем были отработаны рукописные и фотографические документы, хранящиеся сегодня в архиве венского Центрального художественного совета, которые по его мнению содержат, как правило, более детальную информацию [6, 69–74].

Перемены во всех сторонах жизни государства и российского общества, произошедшие в начале 1990-х гг., открыли новый этап и в развитии музейного дела и его теории. В последующие годы ослабевает жесткая централизация руководства памятниковоохранительной деятельностью. В ходе уничтожения идеологического гнета возрастает значение общественной инициативы в деле по сохранению и трансляции объектов наследия. В это время активизируется исследовательская деятельность не только профессионального музейного сообщества, но и других специалистов, занимающихся проблемами выявления, изучения, сохранения и использования памятников. Многим малоизученным вопросам, оставленным за границами методологии советской науки, стали уделять большее внимание. Возобновились и активизировались исследования на местах — в провинции, в том числе в Сибири. Заметными стали не только количественные, но и качественные изменения в историографии музейного дела и охраны памятников.

В силу особенностей памятниковоохранительной работы, в последнее время наметилась тенденция разработки концепций, которые в большей степени носят прикладной характер и касаются всех сторон процесса музеефикации объектов наследия — ревitalизации [9], реновации [17, 156–158], ревалоризации [17, 157].

Из представленных ниже работ видно, что каждый исследователь в дискуссионном поле предлагает свою методику по выявлению, изучению и сохранению памятников архитектуры с целью эстетизации и популяризации историко-культурного наследия для последующих поколений.

Например, видный ученый в области памятниковедения П. В. Боярский вывел следующее определение памятника: «памятниками истории и культуры называется совокупность материальных объектов и памятных мест, составляющих условно-непрерывный ряд, отражающий все стороны исторического развития человеческого общества в системе биосферы» [1].

Другой теоретик и практик в области музейного дела и охраны наследия М. Е. Каулен в своей монографии утверждает, что памятники архитектуры — наиболее часто встречающиеся в настоящее время объекты музеефикации. Музеефикация памятника архитектуры и градостроительства неразрывно связана с его реставрацией. Сложившийся сегодня в международной практике основной принцип реставрации был сформулирован в так называемой Венецианской хартии резолюции II Международного конгресса архитекторов и технических специалистов по историческим памятникам, состоявшегося в Венеции в 1964 г. Он провозглашает приоритет подлинности, определяет цель реставрации как охрану дошедшего до нас памятника и выявление его исторической и эстетической ценности с одновременным его укреплением [5, 52–53].

А. М. Кулемзин говорит о методике выявления, учета и изучения памятников. Чтобы использовать памятник в тех или иных целях, его, прежде всего, необходимо выявить. Процесс выявления памятников в свою очередь состоит из нескольких стадий, такие как предварительное изучение имеющихся материалов, о памятниках той местности, где предполагается их выявление. Затем следует полевое обследование. Это главный, обязательный и непереносимый этап работы. Конечной стадией считается камеральная

обработка материалов. На данной стадии происходит научная обработка полевых материалов в стационарных условиях. Учет является одной из главных задач в работе с памятниками и включает следующие виды деятельности: определение исторической или художественной ценности, фиксацию, составление учетных документов, ведение государственного реестра. Учет состоит из двух этапов: составление списка (реестра) памятников и составление учетной документации. Как утверждает автор, до тех пор, пока памятники не будут изучены, информацию, заключенную в них, мы не сможем использовать в науке, образовании, популяризации историко-культурных знаний, а также в музейной и памятникоохранительской деятельности. Непременным и главным условием при изучении памятника является исследование самого памятника-подлинника, а не подобного ему, типичного или его реконструкции [8, 50–65].

Таким образом, оценивая всю совокупность представленных выше работ можно говорить о том, что изучение памятников архитектуры как объектов культурного наследия в разное время было неоднородным и диктовалось реалиями времени, зависело от конъюнктуры и идеологии, определяло и соответствующее к ним отношение.

Для постсоветской историографии по представленному вопросу характерны активизация и значительное расширение тематики исследования, выявление и изучение новых аспектов теории и методологических основ изучения и использования памятников архитектуры.

В настоящее время у исследователей имеется достаточный объем разнообразных по типологии источников для изучения истории памятников архитектуры. Их разнообразие, дает возможность получить полное представление о развитии памятников архитектуры, как объектов культурного наследия. Но, несмотря на доступность источниковой базы, большинство из них практически не введено в научный оборот.

Список литературы:

1. Боярский П. В. Подход к описанию пространства культуры // Памятник и современность: Вопросы освоения историко-культурного наследия: сб. науч. тр.
2. Боярский П. В. Теоретические основы памятниковедения: Постановка проблемы. Перспективы развития памятниковедения // Памятниковедение: Теория, методология, практика / под ред. П. В. Боярского. – М., – 1986. – с. 126–127.
3. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). – Ф. Р.-3161. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 51.
4. Законы и право. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zaki.ru/pagesnew.php?id=1851> (дата обращения 17.11.2013).

5. Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. – М.: Этерна, – 2012. – с. 52–53.
6. Крейчи М. Охрана памятников как этический императив: Макс Джорвак и становление системы охраны памятников в Центральной Европе // Вопросы музеологии. – СПб. – 2011. – № 2. – с. 69–74.
7. Кулемзин А. М. Охрана памятников в России [Текст]: (спецкурс). – Томск, – 1999. – с. 5–24.
8. Кулемзин А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление [Текст] / А. М. Кулемзин. – Кемерово, – 2001.
9. Куликова И. Ю., Щербакова А. Н., Куцепаленко С. И. Ревитализация городских территорий. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusnauka.com/> (дата обращения 27.10.2013).
10. Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков: Сборник документов и материалов // отв. ред. Э. А. Шулёпова. – М.: Этерна, – 2010. – с. 128.
11. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Закон от 25 июня 2002 года N 73-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 2002 г.: одобрен Советом Федерации 14 июня 2002 г. // ГАРАНТ. – [Электронный ресурс]: информ.-правовое обеспечение. – Режим доступа: www.garant.ru (дата обращения: 24.03.2012 г.).
12. Памятники архитектуры в дореволюционной России / под ред. А. С. Щенкова. – М., – 2002.
13. Полякова М. А. Охрана культурного наследия России: уч. пособие для вузов. – М.: Дрофа, – 2005.
14. Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917) // История музейного дела в СССР. – М., – 1957.
15. Разгон А. М. Охрана исторических памятников в России (XVIII – первая половина XIX в.) // Очерки истории музейного дела в СССР. – М., – 1971.
16. Рудаков В. Охрана памятников старины // Исторический вестник. – 1912. – Т. 124, июль.
17. Чугунова А. В. Реконструкция памятников культурного наследия как направление современной музейной архитектуры // Вестник СПбГУКИ. № 1 (10) март. – 2012. – с. 156–158.

*Mozgovoi Sergei Grigorievich,
Far Eastern Federal University, Assistant professor
E-mail: Mozgovoi.sergej2012@yandex.ru*

Galicia-Volyn land in the first quarter of the XIV century

Abstract: The article studies various peculiarities of the South-Western Russia development in the context of the Eastern Europe geopolitical development. Here we marked some phenomena that are important for the subsequent fate of the Eastern Europe region.

Keywords: meta margin, endemic margin, total margin, expansion.

*Мозговой Сергей Григорьевич,
Дальневосточный Федеральный университет, доцент
E-mail: Mozgovoi.sergej2012@yandex.ru*

Галицко-Волынская земля в первой четверти XIV века

Аннотация: В статье исследуются различные особенности развития Юго-Западной Руси в контексте геополитического развития Восточной Европы. Обозначены некоторые явления, важные для последующей судьбы восточноевропейского региона.

Ключевые слова: метаполе, эндемическое поле, тотальное поле, экспансия.

Начало XIV столетия обозначило новый этап развития не только Галицко-Волынской земли, но и всего региона Восточной Европы, от Балтийского до Черного морей, с севера на юг, и от границ германских государств до восточных пределов Золотой Орды, с запада на

восток. Данный регион допустимо определять в качестве метаполя, или пространства осваиваемого одновременно несколькими странами, государствами [1, 13, 25].

Галицко-Волынская земля в рассматриваемый период стала средоточием некоторых геополитических,

социально-экономических и культурно-идеологических процессов, оказавших влияние на внутреннюю жизнь государства. В начале века данные процессы явно обозначились, но развернулись в полную силу в более позднее время.

Наиболее важной проблемой, связующей внутреннюю и внешнюю политику Земли, являлась ликвидация зависимости от Золотой Орды. Есть основания считать, что борьба за ликвидацию зависимости стала центральным звеном деятельности Галицко-Волынских правителей Юрия (Владимира) Львовича и его наследников Андрея и Льва Юрьевичей, действующих на политической арене в рассматриваемый период [2, 25]. Зависимость, именуемая «монголо-татарским игом», предполагала различные формы контроля над русскими землями. Непосредственный, военно-политический контроль сводился к регулярным военным экспедициям — набегам. Экономический контроль основывался на системе взимания дани и других сборов. Геополитический контроль предполагал систему властных отношений по схеме: «Хан Золотой Орды/«Каан» — Великий князь — удельные князья». Такая система обеспечивала относительную целостность Руси, как эндемического поля, или пространства, контролируемого государством продолжительное время [3, 32–34].

Конкретным воплощением государства, в исследуемый период, явилась администрация Великого князя. Пространство Золотой Орды вместе с Русью, надо рассматривать как тотальное поле — непрерывное пространство, находящееся под контролем национальной общности [3, 32–34]. Формат понятия «национальная общность», в условиях феодализма, до возникновения национального государства, можно свести к предельно узкой правящей этнической группе. В нашем случае, это этнические монголы — «государственный род»/правящая нация. В свою очередь, ведущую роль в монгольской нации играет «Золотая Родня» — чингизиды [4, 99; 5, 110, 127]. Монголы в XIII–XIV вв. имели возможность стать «новыми варягами», в качестве этноса-организатора государственности русинов. Но, в силу ряда причин, таковыми не стали.

Администрация Великого князя в русских землях легитимизировала власть Золотой Орды и одновременно обеспечивала условия собственной достаточно стабильной жизнедеятельности. Такое положение дел сохранялось на Юго-Западе до конца XIII века, а на Северо-Востоке — вплоть до 70-х гг. XIV века. Стремление освободиться от власти Орды в более

ранние периоды, дестабилизировало государственное управление на всем пространстве управления. Таким образом, ликвидация, или ослабление зависимости от татарской власти, открывали дорогу к установлению зависимости от другого иноземного субъекта. По мнению автора, ведущим фактором, обеспечивающим стабильность больших пространств, следует считать обладание геополитическим ресурсом, составными частями которого являются:

- обширная территория, предполагающая последовательность локальных пространств: приграничная территория, историческая территория обитания коренного этноса, центральная территория — исторический центр;
- разнообразная территория, имеющая социально гетерогенное население, развитую сеть торговых манистралей, большое число городов и определенные границы;
- пространная территория за пределами государства, образуемая либо зависимыми от государства землями-сателлитами, либо метрополией, если само государство является сателлитом.

В отношении Юго-Восточной Руси, в данный период, имели место обширность и разнообразие территорий, т. е. главные показатели эндемического поля. Но, последняя составная часть определялась в борьбе с Золотой Ордой и Литвой. Галицко-Волынское государство стремилось одновременно подчинить земли Южной Руси и освободиться от татарской зависимости. В итоге, вначале были утрачены восточные пограничные пространства, а затем была потеряна государственная независимость.

Единство эндемического поля, как видно, обеспечивается единством тотального поля. Соответственно, распад одного поля, влечет разделение другого. Как отметил Г. В. Вернадский: «Политическое разделение Западной и Восточной Руси частично являлось следствием неспособности монгольских ханов обеспечить русским на западе надлежащую защиту от посягательств Польши и Литвы. Пока Западная и Восточная Русь находились под контролем хана, обе были частями одного политического образования, Золотой Орды. Но после падения Ногай золотоордынские ханы стали уделять меньше внимания положению в своих западных русских провинциях, чем контролю над Восточной Русью» [5, 240]. Следовательно, ослабление власти Золотой Орды было связано больше с внутренними обстоятельствами

развития Орды, чем Юго-Восточной Руси. Это породило ситуацию, в которой ведущую роль в судьбе юго-востока сыграли внешние факторы.

Наиболее важным внешним фактором надо назвать развитие территориальной военно-политической экспансии Литвы. Если до 20-х годов Литва и Золотая Орда поддерживали конструктивные отношения, то с продвижением литовской сферы влияния от Черной Руси до Подолии, отношения резко ухудшились. Развитие литовской экспансии с севера в начале века вступило в противоречие с татарской экспансией с юга и вскоре сформировало южную границу будущей Украины. Для Галицко-Волынской земли наступление новой волны экспансии означало территориальный разрыв с Северной Русью. Овладение Литвой Киевом, после продолжительной борьбы в 20-е – 40-е годы, породило усиление некоторых существующих и возникновение новых социальных процессов внутри Земли и в ее внешнем окружении.

Весьма значимым такого рода процессом нужно признать изменение демографической динамики. С вытеснением Золотой Орды из среднего Приднепровья произошла смена направленности демографического движения в регионе обитания восточных и западных славян. Известно, что в середине — второй половине XIII века, в результате систематического разорения Южной Руси татарами, определяющим демографическим вектором стал отток населения из лесостепной зоны Руси на запад — в Волынь, Галичину и Польшу и на северо-восток — в будущую Россию. Обезлюдевшая территория Киевского и бывших Переяславского и Черниговского княжеств стала северной границей татарских кочевий [6, 250–253]. Тогда как территории Брянского и Волынского княжеств превратились в форпосты оседлого уклада.

Впрочем, едва ли возможно говорить о долговременном запустении Киевщины. Скорее возможно допустить усиление мобильности населения. Приемлемое описание процесса предлагает М. С. Грушевский: «Итакъ необходимо предположитъ въ Киевщинѣ, въ частности въ землѣ полянъ, существованіе значительнаго туземнаго ядра, пережившаго и нашествіе Батгя, и послѣдующія передраги, отодвигавшагося въ сѣверную полосу, въ лѣса, въ тяжелыя години и возвращавшагося на югъ по минованіи ихъ, ядра, въ которое постепенно подмѣшивались пришлые элементы, но которое никогда не мѣняло радикально своего состава, не замѣщалось пришлою стихією» [7, 441].

Бегство от татар все же нельзя признать единственным процессом. Также имело место противоположное явление. Боярские злоупотребления зачастую вели к тому, что население «закладывалось за татар», переходило под их непосредственную власть [8, 75] (ссылка 4 на летописные источники). Для Галицко-Волынской земли, как единого этносоциального комплекса, интенсивный приток населения с востока, несомненно, привел к увеличению численности населения, усилению плотности сельского населения, расширению людского ресурса селян и интенсификации сельскохозяйственной деятельности.

Социально-экономическая система Юго-Запада Руси в результате обозначенного демографического воздействия должна была претерпеть изменения, вызванные некоторой неравномерностью демографического давления на Волынь и Галичину. Волынь, как территория, в некоторой степени огражденная от набегов мелких приграничных орд Болоховской землей, но не защищенная от вторжений татарских туменов, постепенно превращалась в регион преимущественно среднего и мелкого, общинного землевладения. Происходило нечто подобное аналогичным процессам во всей Южной Руси. С усилением нестабильности, ослаблением власти князя и бояр — «княжеско-дружинного строя», социальное управление смещалось на уровень общины (социальную схему явления см.: [7, 456–459]).

В то же время Галичина становилась областью развития крупного землевладения. Соответственно, там более активно развивалось феодальное боярское землевладение. Основные явления феодализма выявил И. А. Линниченко: «Бояре XIII в. владѣютъ вотчинными селами и свободно ими распоряжаются (продають). Бояре и разные классы свободныхъ людей владѣютъ землей, какъ на правахъ полной собственности, такъ и на правахъ пользованія (держаніе). Какимъ путемъ создавалась здѣсь земельная собственность? По всей вѣроятности, путемъ «займанщины», обработкой пустопорожнихъ, путемъ приобрѣтенія земли у общинъ и путемъ княжескаго пожалованія» (автором приводится ссылка на статью, более подробно освящающую данный вопрос: [9, 8, 51]).

С переходом Южной Руси под власть Литвы, количество татарских набегов уменьшалось, но главное — южная окраина — «украина» вновь постепенно превращалась в область оседлого земледелия. Началось обратное демографическое движение. Более активное — из Польши и Волыни, менее динамичное — из центрального земледельческого

массива, которым стала Галичина. Скорее, Галичина оказалась регионом, где оседало селянство из польских земель, в значительной степени ополяченное и подвергшееся влиянию польской культуры. Во-лынь более интегрировалась с Подолией [10, 26–30] и в этом регионе активизировались контакты русской и литовской знати.

Можно утверждать, что демографическая активность в Юго-Восточной Руси стимулировала этнические процессы на всех уровнях социальной стратификации. В галицко-волынском социуме выделяются церковное, боярское, селянское и мещанское (городское) сословия [11, 143]. Начала формироваться польско-русско-литовская знать, усиливалось этническое многообразие простых селян. Особо следует отметить развитие этнического многообразия горожан. «В городах южнорусских Греки, Армяне, Жида, Немцы, Поляки, Угры находили вольный приют, ладили с туземцами» — отмечает Н. И. Костомаров [12, 68]. Данный процесс связан не только социоэтническими, но и с геополитическими процессами и явлениями.

Значимым процессом стала западная экспансия, имевшая различные характеристики. Это идеологическая экспансия католицизма, вдохновляемая Римскими папами. Это военно-политическая экспансия Тевтонского Ордена, определяемая императивом расширения «жизненного пространства» германского милитаризма. Наконец, это польский экспансионизм, соединяющий в себе идеологическую, военную и экономическую составные. Областью пересечения всех обозначенных проявлений стала Галицко-Волинская земля.

Исходным моментом, событием открывшим путь к внешнему воздействию явилось принятие Даниилом Романовичем покровительства Римского папы, вместе с королевским титулом в XIII веке. Данное событие вызвало ответный импульс в виде стремления оградить православную веру. Но верность православию русинов, изначально сочеталась с веротерпимостью в отношении иноземцев. Приток последних на рубеже веков усилился как в результате военно-политических перипетий, так и в следствие социально-экономических процессов.

Ведущим экономическим процессом стало активное развитие торгово-экономических связей между Балтийским и Черным морями. Торговля усилилась в силу смещения магистрального Балтийско-черноморского торгового пути с речных магистралей Волхова — Днепра и активизации «Янтарного пути»

по Висле, западному Бугу и Днестру [13, 8]. Главным образом, это случилось в результате усиления экономического взаимодействия стран Восточной Европы. При том, что военно-политическое противоборство некоторых стран препятствовало налаживанию непосредственного экономического взаимодействия. В этом случае, возникало некое внешнее поле торгово-экономических опосредованных контактов.

Подобное взаимодействие через внешнее экономическое пространство имело место в ходе развития сложных отношений между Польшей и Тевтонским Орденом. Галицко-Волинская земля наладила конструктивные, взаимовыгодные отношения как с Польшей, так и с Орденом. Складывание «экономического треугольника» Владимир-Волинский — Рига — Краков вызвало приток в Землю большого числа иноземцев — купцов и ремесленников, внесших большой вклад в развитие городского хозяйства. В свою очередь, экономические отношения повлияли на развитие ряда политических явлений и процессов.

Приход к власти Юрия Львовича около 1301 г. открыл новые перспективы и возможности Юго-Запада Руси, прежде всего, в результате объединения Галицкого и Волинского княжеств. Галицко-Волинская земля вновь восстановила государственное единство. Отсутствие достоверных сведений об этом событии не позволяет анализировать конкретные политические реалии, но не мешает отметить явные аспекты социального развития.

Юго-Запад постепенно превращается в социальный комплекс, чертами которого являются, во-первых, разнообразие социальных укладов. Формируются своеобразные феодальные городские агломерации, включающие крупный город, пригород и сельскую округу. Это очаги ремесленного производства, торговли и продуктивного земледелия, формирующие экономический базис государственности. Во-вторых, складывается единая система церковного управления, возникшая с переездом митрополита Максима из Киева во Владимир и получившая новый импульс развития с избранием митрополитом выходца с Юго-Запада священника Петра. Система должна была образовать общее культурное пространство Руси, но его центр сместился на Северо-Восток. В-третьих, образуется система политического баланса, в основе которой лежит союз с Тевтонским орденом, ориентированный на сдерживание Литвы на севере и Золотой Орды — на юге. Другим направлением стал союз с Польшей, при короле Владиславе Локетке. Союзу способствовало территориальное

размежевание с Польшей, с уступкой последней Сан-домирской и Люблинской земель [11, 122–123; 13]. Л. Войтович аргументированно обосновывает наличие планов союза также с Баварией (в реальности) и Чехией (в перспективе) [14, 322].

Следовательно, Галицко-Волынское государственное единство стало, во многом, результатом геополитической системы, делающей такое единство не только возможным, но и необходимым. Косвенным признаком образования единой структуры управления можно считать перенос столицы Галицко-Волынской земли во Владимир-Волынский. Допустимо предположить, что центр Волынского княжества стал центром Галицко-Волынского государства в силу меньшего влияния на Волыни боярства, его лояльности князьям [15, 83] и, следовательно, более сильных традиций княжеской власти в этой части Юго-Запада. Другой, скорее косвенной причиной переноса столицы, может быть расширение границ государства на юг, с передачей в 1300–1302 гг. Золотой Ордой Галицко-Волынскому княжеству Галицко-Понизья с устьями Южного Буга и Днестра [2, 22]. Но, даже будучи единой, Галицко-Волынская земля не могла стать тотальным полем, поскольку являлась лишь частью Руси.

Единое политическое пространство/тотальное поле, очевидно, должно было быть замещено единым идеологическим (религиозным) полем-пространством при главенстве церковного правителя. «До славы и величества русской державы недоставало еще присутствия русского митрополита...» — отмечал И. Шараневич [11, 123]. Митрополитом «Киевским и Всея Руси» стал в 1308 г. Петр (Ратенский). «Посвященъ бысть митрополитъ Киеву Петръ» — гласит летопись [16]. Но центр этого пространства быстро сместился в Москву.

Надо думать, распад тотального поля выдвинул на первый план эндемическое поле будущей России, или пространство Великого княжества Владимирского, а на самом деле — Московского княжества. Светская власть, в целях укрепления идейно-политических основ властвования, предприняла попытку превратить созданную в 1303 г. на основе епископства Галицкую митрополию в общерусскую: «Князь же Вельньскыя земли съвещавает съвет не благ: въсхоте Галичскыя епископии въ митрополь претворити, изветомъ творясь» [17]. Попытка потерпела неудачу ввиду геополитической периферийности Галича. Тогда как Москва оказалась в положении геополитического центра, оспариваемого, впрочем, Тверью.

На территории Западной Руси стало формироваться новое эндемическое поле русской народности, ставшее затем Великим княжеством Литовским. Затем возникло новое тотальное поле при главенстве польско-литовской шляхты, известное как Речь Посполитая. Путь к образованию названных пространств проходил в области отношений стран Восточной Европы.

Князь Юрий Львович определенно формировал социальную структуру, долженствующую стать новым эндемическим полем. Его составными явно должны были стать:

- мультиэтническая общность, ставшая в реальности западными украинцами, но имевшая перспективу стать своего рода «новыми русичами», с включением в нее южных русичей, поляков-мазовшан, многонациональной страты горожан, волохов-молдаван и некоторых других социальных групп;
- система управления, основанная на главенстве княжеской администрации, городских вольностях и аристократических свободах;
- система внешней политики, в основе которой находилась система союзов Галицко-Волынского княжества: с Польшей (мазовецкой знатью) против Чехии; с Тевтонским Орденом против Литвы.

Гибель Юрия в борьбе с Литвой, когда Галицко-Волынское княжество потеряло Берестейское и Турово-Пинское княжества [18, 364], историки относят к 1315–1316 гг. [19, 93–94; 20, 201; 11, 128]. Трагическое событие не изменило основ политической стратегии в период правления князей Андрея и Льва Юрьевичей. Продолжались активные и взаимовыгодные контакты с Пруссией и Польшей [21, 149; 22, 150–151]. Расширялся ассортимент экспортно-импортных товаров [23, 65–66]. Но, на первый выдвинулось восточное направление борьбы за единство Руси. В правление князей Андрея «короля/владельца (володаря) Руси и князя Владимирского» и Льва луцкого, владения Галицко-Волынской Руси достигли наибольшей величины. В состав Галицко-Волынского государства входили все правобережье Днестра с Киевом, где княжил Станислав-Терентий Иванович и часть левобережья с Черниговом, а также, вероятно, некоторые другие территории [24, 344–345].

Вероятно, Галицко-Волынская держава имела возможность отразить наступление как Литвы, так и Золотой Орды по отдельности. М. Стрыйковский говорит о достаточно успешных действиях

«волинских князей» против Литвы во второй половине 10-х гг. [25, 363]. Но, заключенный скорее всего под давлением военно-политических обстоятельств, союз двух последних государств, изменил ситуацию на восточных границах не в пользу Юго-Западной Руси [2, 31–32].

Гибель князя Льва и, вероятно, Андрея случилась в ходе событий первой половины 1320-х гг., когда литовский князь Гедимин вначале овладел Владимиром-Волинским, а затем захватил Киев [26, 50–51 (27–31); 27, Л. 467–470 об.; 28, Л. 440–441 об.]. Согласно иной версии событий, князья пали в борьбе с Ордой [29, 18.]. В этом случае, вероятно прямое военное вмешательство татар в русско-литовское противоборство на стороне литовцев. Данное явление объяснимо в контексте общего антиордынского курса князей. Такой курс, как представляется, стал формироваться с укреплением отношений прежде всего с Польшей, а также с Тевтонским Орденом [30, 242–253.]. Проявлением этого курса является грамота, декларирующая защиту Пруссии (Тевтонского Ордена) от татар (оригинал приведен в тексте исследования Д. И. Зубрицкого: [31, 250 (Прим. 236)]. В качестве «щита от татар» князья также рассматривает польский король [31, 251 (Прим. 239)]. Основной датой их гибели принято считать 1323 [24, 346; 2, 22], или 1324 гг. [32, 666–667]. Шараневич датой гибели Льва считает 1319 г. [11, 137], а И. П. Филевич утверждает, что Андрей погиб в 1321 г., а Лев — в 1322 г. [33, 42]. Также считает А. А. Куник, приводя данные летописей и хроник [34, 164–186].

Неясность дат гибели галицко-волинских правителей определенно демонстрирует не только скудость и невнятность исторических источников, но и подчеркивает неопределенность исторической обстановки того времени. Отсутствие ясных свидетельств есть

результат неопределенности политической ситуации. В таком положении каждая из сторон геополитического противоборства стремится обосновать свою «историческую» правоту и справедливость. При большой неопределенности ситуации отсутствуют и явные обоснования намерений и претензий. Так случилось в середине 20-х гг., когда пресеклась мужская линия князей Романовичей, что дало права соседним политическим субъектам претендовать на преемственность власти в Юго-Западной Руси.

Наиболее явно претензии должна была обозначить Золотая Орда. Свидетельством чего можно считать неясные свидетельства о пребывании в это время, во главе галицко-волинской администрации, двух татарских чиновников-наместников, затем будто бы отравленных (Филевич, упоминая о событии, ссылается на примечание в работе Н. М. Карамзина [33, 40; 35, 153 (Прим. 329)]). Во всяком случае, тогда была восстановлена поколебленная Андреем и Львом система зависимости Юго-Западной Руси от Золотой Орды [36, 110–112]. Последний вывод оспаривается некоторыми историками. Так, М. Б. Ждан говорит о полной ликвидации зависимости от татар на рубеже XIII – XIV вв. [37, 69–71]. Избегая крайностей в оценке, можно с достаточной уверенностью говорить об ослаблении влияния татар на Юго-Запад Руси.

Другим претендентом не могла не стать Литва. Видимо в это время литовский князь Гедимин установил в какой-то форме свое доминирование над Волинью. Но решающую роль сыграло галицко-волинское боярство. Действуя в собственных интересах, аристократия организовала приглашение во власть Мазовецкого князя Болеслава Тройденевича [38, 51–52]. С его вокняжением в 1325 г. начался новый период истории Юго-Западной Руси.

Список литературы:

1. Нартов Н. А. Геополитика. – М., ЮНИТИ, – 1999.
2. Шабунько Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. – Киев, Наукова думка, – 1987.
3. Плешаков К. В. Геополитика в свете глобальных перемен. // Международная жизнь. – 1994. – № 10.
4. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. – М., Изд. АН СССР, – 1934.
5. Вернадский Г. В. Монголы и Русь. – Тверь, ЛЕАН, М., АГРАФ, – 1999.
6. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. – М., Мысль, – 1993.
7. Грушевский М. Очерк истории Киевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. – Киевъ, – 1891.
8. Черты изъ истории сословій въ Юго-западной Галицкой (Руси) XIV–XV в. Исслѣдованіе Линниченка И. А. – М., – 1894.
9. Ковалевский М. М. Трудъ какъ источникъ права собственности на землю въ Малороссіи и на Украинѣ. // Юридич. Вѣсти. – 1892, май–июнь.

10. Батюшковичъ П. Н. Подолія. Историческое описаніе. – С.-Петербургъ, – 1891.
11. Исидоръ Шараневичъ. Історія Галицко-Володимирской Руси ѿ найдавнѣйшихъ временъ до року 1453. – Львовъ, – 1863.
12. Костомаров Н. И. Две русские народности. // Бунт Стеньки Разина. Исторические монографии и исследования. – М., «Чарли». – 1994.
13. Войтович Л. В. Тевтонский орден в политике Галицко-Волынского княжества. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. – 2010. – № 2 (8).
14. Войтович Леонтій. Юрій Львович і його політика. // Галицько-Волинські Етюди. – Біла Церква, – 2011.
15. Иловайский Д. И. Собиратели Руси. – М., «Изд. АСТ», «Изд. Астрель». – 2003.
16. Полное собрание русских летописей. Т. 40. Густынская летопись. – СПб., «Дмитрий Буланин», – 2003.
17. Житие Митрополита Петра. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krotov.info/>
18. Kronika Macieja Strykowskiego w zbiorze dziejopisow. – Т. II. w Warszawie, – 1766.
19. Кордуба М. Історія Холмщини й Підляшшя. – Краків, – 1941.
20. Очеркъ истории Волынской земли конца XIV столѣтія А. М. Андріяшева. – Киевъ, – 1887.
21. Грамота русскихъ князей Владимира-Андрея и Льва II Юрьевичей къ вел. Магистру Нѣм. Ордена въ Пруссіи, Карлу трирскому, 9 авг. 1316 г., изъ Владимира. // Болеславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси. Сборникъ матеріаловъ и изслѣдованій. – С.-Петербургъ, Изд. Императорской Академіи наукъ. – 1907.
22. Грамоты кн. Владимира-Андрея Юрьевича къ городамъ Кракову и Торну, изъ Владимира отъ 27 авг. 1320 г. // Болеславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси. Сборникъ матеріаловъ и изслѣдованій. – С.-Петербургъ, Изд. Императорской Академіи наукъ. – 1907.
23. Ждан Михайло Б. Романовичі і Німецький Хрестоносній орден. // Український історик. – 1973. – № 3–4.
24. Войтович Леонтій. Князь Лев Юрійович: спроба портрета. // Галицько-Волинські Етюди. – Біла Церква, – 2011.
25. Strykowski M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi. – Warszawa, – 1846. – Т. 1.
26. Хроника Быховца. – М., Наука, – 1966.
27. Хроніка Литовська й Жмойтська. // ПСРЛ. – Т. 32. – М., – 1975.
28. О плундрованю руского панства от Литвы и пораженіи их. // ПСРЛ. – Т. 32. – М., 1975.
29. Мацяк В. Галицько-Волинська Держава 1290–1340 рр. у нових дослідях. – Авсбург, – 1948.
30. Włodarski B. Polska i Ruś 1194–1340. – Warszawa, – 1966.
31. Історія древняго Галичско-Русскаго княжества. Сочиненіе Дениса Зубрицкаго. Ч. 3. – Львовъ, – 1855.
32. Антонович В. Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти великого князя Ольгерда. Ч. II. // Ізборник.
33. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе. Историческіе очерки И. П. Филевича. – С.-Петербургъ, – 1890.
34. Извѣстія литовскихъ лѣтописей о смерти русскихъ князей Владимира-Вндрея и Льва Юрьевичей въ 1321 и 1322 гг. // Болеславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси. Сборникъ матеріаловъ и изслѣдованій. – С.-Петербургъ, Изд. Императорской Академіи наукъ. – 1907.
35. Карамзинъ. Історія Государства Россіискаго. – Ч. IV. – Санктпетербургъ, – 1819.
36. Линниченко И. А. Замѣчанія на статью проф. И. Режабка и дополненія къ нимъ. // Болеславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси. Сборникъ матеріаловъ и изслѣдованій. – С.-Петербургъ, Изд. Императорской Академіи наукъ. – 1907.
37. Ждан М. До питання про залежність Галицько-Волинської Руси від Золотої Орди. // Український Історик. – Нью-Йорк, – 1968. – Ч. 1–4.
38. Режабекъ И. Юрій II-й, послѣдній князь всея Малыя Руси. // Болеславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси. Сборникъ матеріаловъ и изслѣдованій. – С.-Петербургъ, Изд. Императорской Академіи наукъ. – 1907.

*Sakharov Stanislav Aleksandrovich,
Smolensk State University,
docent, the Faculty of History and Law
E-mail: sacharov.stanislav@yandex.ru*

Instruments of counteraction to judicial abuses in the Late Roman Empire (according to the «Theodosian Code»)

Abstract: In the article on the basis of data the «Theodosian Code» are considered corruption problems in judicial system of the Late Roman Empire. In the work are called the main forms of manifestation of corruption in the late Roman courts, and also the major ways and instruments of counteraction to judicial abuses provided by the late Roman imperial legislation.

Keywords: Late Roman Empire, «Theodosian Code», corruption, judicial system.

*Сахаров Станислав Александрович,
Смоленский государственный университет,
доцент, факультет истории и права
E-mail: sacharov.stanislav@yandex.ru*

Механизмы противодействия судебным злоупотреблениям в Поздней Римской империи (по данным «Кодекса Феодосия»)

Аннотация: В статье на основе данных «Кодекса Феодосия» рассматриваются проблемы коррупции в судебной системе Поздней Римской империи. В работе названы основные формы проявления коррупции в поздне-римских судах, а также важнейшие способы и механизмы противодействия судебным злоупотреблениям, предусмотренные поздне-римским императорским законодательством.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, «Кодекс Феодосия», коррупция, судебная система.

Изучая историю стран и народов, всегда следует обращать внимание на проблему законности в деятельности их государственных институтов. Верховенство закона, уважение к праву являются фундаментальной основой процветания любого государственного организма. Напротив, административный произвол, коррупция неизбежно ведут к выживанию противоречий и конфликтов, способных, как неоднократно показывала мировая история, в короткий срок разрушить даже самую сильную державу.

В поздне-римской истории проблема законности и правопорядка приобретает особое звучание. Обусловлено это многими факторами. Безусловно, можно вслед за А. Альфельди утверждать, что само падение Римской империи во многом было обусловлено «безрассудной жадой золота» [8, 30]. И подобное утверждение будет совершенно справедливым, доказательством чему могут служить многочисленные свидетельства источников, указывающие на принципиальную неспособность погрязшей в коррупции империи защитить ни себя, ни своих подданных.

Как отмечает Р. МакМаллен, многочисленные документальные свидетельства эпохи создают впечатление непрекращающихся беззаконий,

источником которых было само поздне-римское государство [12, 148]. Любая сфера его деятельности в той или иной степени была подвержена проявлениям коррупции [10, 40]. Добиваясь своих корыстных целей, чиновники могли идти на самые разнообразные ухищрения, вымогая взятки, утаивая собранные налоги или же расхищая государственные доходы. Не считаясь с требованиями закона, они, по замечанию А. Альфельди, изобретали все новые и новые пути приобретения власти и богатств [8, 31].

В настоящей работе на основе данных «Кодекса Феодосия» мы рассмотрим отдельные механизмы противодействия коррупции в поздне-римской системе судопроизводства.

Однако, прежде чем говорить о проявлениях коррупции и способах противодействия ей в поздне-римских судах, следует определить, что именно понимается под этим столь распространенным в наши дни понятием.

Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дает лингвистическое определение коррупции, под которой понимается «моральное разложение должностных лиц и политиков, которое выражается в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении

и срастании с мафиозными структурами. Коррупция заключается в использовании власти в целях незаконного обогащения и использовании власти для прикрытия самой коррупции» [2, 8].

Современное международное уголовное право, в частности Конвенция ООН против коррупции 2003 г., понимает под коррупцией «все корыстные преступления по службе: хищения, должностные преступления, незаконное обогащение, взяточничество и провокацию этих преступлений» [4, 13–14]. Должностное злоупотребление, как отмечает В. В. Гущенко, является одной из форм коррупции, которое, однако, не исчерпывает всей полноты определения коррупции [2, 9].

М. В. Шедий выделяет несколько подходов к определению коррупции.

С точки зрения традиционного (классического) подхода термин «коррупция» используется для характеристики общего морально-нравственного состояния общества, при котором распространены злоупотребления государственной властью в интересах частной выгоды.

В модернистском определении понятие «коррупция» часто используется как синоним взятки и означает «продажность должностных действий».

С точки зрения неоклассического подхода коррупция рассматривается как «социальное явление, включающее совокупность морально-этических и правовых нарушений, выражающихся в использовании лицами своего публичного статуса в целях незаконного получения имущественных и неимущественных благ и преимуществ» [7, 8].

Коррупция может пониматься как «продажность государственных и иных служащих; использование должностными лицами служебных полномочий в корыстных целях личного обогащения» [5, 443]; «злоупотребление государственной или муниципальной властью для получения выгоды в личных целях» [6, 230]. Под коррупцией может пониматься также явление, характеризующееся «противоречащим законодательству и моральным установкам использованием должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды» [2, 8]. Коррупция выражается в умышленном использовании служащим своего служебного положения в корыстных целях для личного обогащения» [1, 22]. А. И. Долгова определяет коррупцию как «социальное явление, характеризующееся подкупом-продажностью государственных или иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных или узкогрупповых, корпоративных

интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей» [3, 10].

Названные признаки преступлений, характеризующихся признаками коррупции, в том или ином виде присутствовали в деятельности позднеримской государственной администрации, в том числе в системе судопроизводства, в деятельности позднеримских судов.

Данные «Кодекса Феодосия» указывают, что одним из ключевых звеньев в судебной системе Поздней Римской империи было ведомство ректора провинции (императорские эдикты в большинстве случаев именуют ректоров «обычными судьями» — *ordinarios iudices* [13, 22]). Провинциальные руководители обладали широкими судебными полномочиями. Им были подсудны как гражданские, так и уголовные дела (CTh 1.16.8). Ректор имел в своем подчинении специальный «штат» судей, которые рассматривали «дела малой важности» (CTh 1.16.8).

Перечисленные полномочия ректора провинции, с одной стороны, указывая на значимость этого должностного лица в системе государственного управления империи, с другой, открывали широкие возможности для злоупотреблений. Данное предположение выглядит вполне убедительно с учетом того, что практически все конституции в «Кодексе Феодосия», затрагивающие полномочия ректора как провинциального судьи, так или иначе, обращают внимание на вопросы коррупции в деятельности этого чиновника, а также способы борьбы со злоупотреблениями ректоров. Р. МакМаллен отмечает по этому поводу, что ложные обвинения в провинциальных судах практически всегда были связаны с получением денег, «прибыли», к которой стремились очень многие [12, 156]. Правители обеспокоены «ленью» и «небрежностью» судей, «грезы» которых «вырождаются в рабское воровство, жадность или схожие пороки» (CTh 1.5.9). Показательно, что практически на протяжении всего IV столетия императоры издают постановления примерно одинакового содержания, тщетно пытаясь побороть судебный произвол. При этом уже сам факт периодической повторяемости «антикоррупционных» эдиктов свидетельствует о малоэффективности проводимых государством в этой области мероприятий.

Уже в 331 г. Константин издает распоряжение, запрещающее провинциальным судьям при «слушании гражданских споров» «скрываться в их личных комнатах» ввиду того, что это создает «удобную возможность» для подкупа (CTh 1.16.6). Однако императорский запрет, видимо, не возымел действия. По этой причине уже Констанций, обращая внимание

на произвол «жадных сотрудников», в своем новом постановлении говорит о недопустимости, чтобы «судебная палата имела позорную славу места предложения денег» (CTh 1.16.7). Император прямо заявляет, что победа в судебном процессе не должна «приобретаться покупкой», а судья, «уши которого должны быть в равной мере открыты как бедному, так и богатому», не может быть подкупным (CTh 1.16.7). Ввиду того, что провинциальные руководители были склонны к вымогательствам, документ особо предостерегает их «принимать что-либо от участников судебного процесса» (CTh 1.16.7), хотя последнее, видимо, встречалось нередко [12, 157].

Злоупотребления ректоров, судя по данным «Кодекса Феодосия», носили устойчивый характер, так как и в последующие годы императоры один за другим издают указы, нацеленные на искоренение произвола в суде.

Одна из таких попыток предпринимается в 364 г. Валентинианом и Валентом, которые в очередной раз напоминают провинциальным судьям о необходимости при решении судебных споров руководствоваться исключительно справедливостью (CTh 1.16.9). В 377 г. появляется распоряжение Валента, Грациана и Валентиниана, запрещающее кому бы то ни было «фамильярно входить в дом обычного судьи после полудня с целью тайного совещания» (CTh 1.16.13). Устанавливая подобного рода запрет, императоры, очевидно, преследуют цель пресечь возможность подкупа судьи или же «сговора» между ректором провинции и участниками судебного разбирательства. По мнению Н. Ленского, для периода правления Валентиниана вообще характерно повышенное внимание к вопросам борьбы с коррупцией [11, 274].

Тем не менее, интриги, влекшие за собой незаконные «приговоры», имели место даже в императорском дворце [12, 109], обесценивая тем самым попытки верховной власти побороть произвол в провинциальных судах. Пример подобного рода дает Аммиан, который рассказывает о «возмутительном убийстве Клеманция, одного знатного александрийца» из-за того, что его «теща ..., влюбленная в него до безумия, когда ей не удалось склонить его к связи с собой, проникла во дворец ... и, поднеся царице драгоценное ожерелье, добилась того, что Гонократу, тогдашнему комиту Востока, был послан для исполнения смертный приговор, и ни в чем не повинный Клеманций был убит ...» (Amm. Marc. XIV. 1.3).

В контексте противодействия коррупции в поздне-римской судебной системе заслуживает внимания

уже упоминавшееся ранее распоряжение Констанция от 1 ноября 331 г., которое определяет наиболее важные направления противодействия злоупотреблениям чиновников, облеченных судебной властью. Констанций прямо признает факт «жадности» и «продажности» поздне-римской судебной власти, когда заявляет о необходимости искоренения последней, в том числе и путем применения жестких наказаний. «Если после соответствующего предупреждения алчные сотрудники не прекратят свои злодеяния, то будут зарезаны мечом» — заверяет император провинциалов (CTh 1.16.7).

Как отмечалось ранее, император особо предостерегает руководителя провинции «принимать что-либо от участников судебного процесса», устанавливая при этом ответственность не только для «взяточполучателя», но и для «взятодателя», ибо «вооруженное наказание всегда должно быть наготове, чтобы отрезать головы и шеи подлецов» (CTh 1.16.7). Кроме того, эдикт позволяет всякому пострадавшему от незаконных действий судей обращаться с жалобой в ведомство префекта претория, а последний, в свою очередь, был обязан довести соответствующую информацию до сведения императорской «мудрости», чтобы «наказание за разбой» непременно постигло виновного (CTh 1.16.7). В данном контексте следует заметить, что вообще любое дело, рассмотренное в ведомстве ректора в качестве суда первой инстанции, могло быть перенесено по просьбе заинтересованных лиц в порядке апелляции в суд префекта претория или императорский суд [11, 283].

Среди прочих законодательных актов, затрагивающих проблему коррупции в суде, наибольший интерес представляют императорские распоряжения 331 и 364 гг. Эдикт Константина предоставляет каждому подданному возможность выражать «похвалу общественному одобрению справедливому и бдительному судье», вследствие чего император своей милостью имел бы возможность воздать ему соответствующие «почести» (CTh 1.16.6). Вместе с этим «несправедливый и злой должны быть обвинены жалобой», — напоминает император провинциалам, — так, чтобы «сила Нашего Суда могла уничтожить их» (CTh 1.16.6). Проявляя заботу о честности судей, Константин предписывает префектам претория и «начальникам провинций» вышеупомянутые «общественные заявления наших провинциалов» направлять к «Нашей Мудрости» (CTh 1.16.6).

Однако отмеченное императорское постановление имеет и еще один важный момент, выглядящий крайне актуально с позиций XXI века. В качестве

специфических средств, направленных на повышение эффективности борьбы со злоупотреблениями в суде, позднеримское законодательство рассматривает гласность и открытость судебного процесса, а также неукоснительное соблюдение установленных процессуальных норм. Стремление Константина к гласности судопроизводства подчеркнуто буквально с первых строк рассматриваемого эдикта: «Руководитель провинции будет вести общественные (судебные) испытания вместе с толпами народа и его трибунами. И когда они соберутся для слушания гражданских дел, они не посмеют скрываться в частных комнатах, дабы участники судебного разбирательства не получили возможности явиться к ним с деньгами. Только когда все дела будут рассмотрены в их присутствии в обычном порядке и не останется человека, требующего продолжения дела, только тогда слушания завершатся, а судьям следует справедливо удалиться» (CTh 1.16.6). Аналогичным образом эдикт от 1 октября 364 г. Валентиниана и Валента запрещает руководителю провинции «объявлять приговор в секрете своего дома». Напротив, когда вершится правосудие «толпы народа должны быть допущены, чтобы всякое решение он исполнял в согласии с установленными процедурами закона, а истина не была бы скрыта ни от одного человека» (CTh 1.16.9).

В рассмотренных постановлениях обнаруживается крайне важное понимание позднеримской властью того непреложного факта, что одни лишь репрессии, бюрократический контроль и надзор не способны обеспечить законность и справедливость в обществе. Напротив, опорой правопорядка должны стать не секретные «дела» тайных посланников дворцовой администрации, весьма склонных к коррупции, а открытость, гласность, упорядоченность самого судебного процесса, осуществляемого при непосредственном участии позднеримского общества. Принципиально значимо и то, что именно во власти провинциалов, по сути императорского закона, находились «похвала общественного одобрения» честного и справедливого судьи, равно как и заслуженное осуждение коррумпированного чиновника.

Подводя итоги и определяя общие особенности функционирования позднеримской судебной системы мы можем констатировать следующее.

Материалы императорского законодательства позволяют предположить, что основными формами коррупции в судах Поздней Римской империи были взяточничество, сопряженное с вымогательством, а также злоупотребление судебными полномочиями,

в которых отчетливо прослеживаются корыстные мотивы. Последние могли быть обусловлены как стремлением к получению материальных выгод и незаконному обогащению, так и преследованием каких-либо иных личных интересов, связанных с уклонением от ответственности или решением судебного спора в пользу заинтересованных лиц безотносительно к соблюдению закона и действующих правовых процедур. Как отмечалось выше, указанные злоупотребления, затрагивая интересы огромных масс людей, негативно сказывались на общей социально-экономической и политической ситуации в империи.

В связи с этим государство предпринимало ряд мер, направленных на пресечение коррупции в суде. Среди них следует отметить:

1. особые формы административного убеждения, зафиксированные в законодательстве призывы к соблюдению законности, в первую очередь, в судах ректоров провинций;
2. введение особых процедур, препятствующих возможности подкупа провинциального судьи или стговора с ним;
3. осуществление строгого контроля над провинциальными судьями со стороны преторианских префектур и императорской администрации в связи с законодательным закреплением права жителей провинций, столкнувшихся с коррупцией в суде, обращаться с соответствующими жалобами непосредственно в эти высокие инстанции;
4. законодательно установленные требования обеспечения гласности и открытости судебного разбирательства, рассматриваемые императорской властью в качестве средств противодействия коррупции в провинциальных судах;
5. наконец, «наиболее строгие» наказания в виде смертной казни.

Несмотря на использование позднеримским законодательством комплекса мер, направленных на искоренение коррупции в суде, можно предположить, что все они были недостаточно эффективны, на что указывает периодическая повторяемость антикоррупционных постановлений императоров и тот факт, что практически все конституции в «Кодексе Феодосия», затрагивающие судебные полномочия ректоров провинций, в той или иной степени касаются и проблемы коррупции. Это значит, что последняя, видимо, носила устойчивый характер, и общая ситуация в позднеримской судебной системе не претерпевала существенных изменений на протяжении длительного времени.

Список литературы:

1. Амиров К. Ф., Галиева С. И. Коррупция: понятие, противодействие, ответственность. – Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, – 2009.
2. Глущенко В. В. Коррупциология: системно-управленческий подход. – М.: ИП Глущенко Валерий Владимирович, – 2011.
3. Дамаскин О. В. Коррупция: Состояние, причины, противодействие. – М.: ИД «Триумфальная арка», – 2009.
4. Лахман А. Г. Противодействие коррупции: теория и реальность. – Хабаровск: ДВИ – филиал РАНХиГС, – 2012.
5. Новая российская энциклопедия. В 12 т. Т. 8 (2)/Редкол.: А. Д. Некипелов В. И. Данилов-Данильян и др. – М.: Издательство «Энциклопедия», – 2005.
6. Румянцева Е. Е. Новая экономическая энциклопедия. – М.: ИНФРА-М, – 2005.
7. Шедий М. В. Коррупция как социальное явление: теоретико-методологические аспекты исследования. – Орел: Изд-во ОРАГС, – 2011.
8. Alföldi A. A conflict of ideas in the Late Roman Empire. The Clash between the Senate and Valentinian I. – Oxford: Clarendon Press, – 1952.
9. Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt/Rec. F. Eyssenhardt. – Berolini, – 1871.
10. Cameron A. The Later Roman Empire. AD 284–430. – Cambridge: Harvard University Press, – 1993.
11. Lenski N. Failure of Empire. Valens and the Roman State in the Fourth Century A. D. – Berkeley: University of California Press, – 2002.
12. MacMullen R. Corruption and the decline of Rome. – New Haven, London: Yale University Press, – 1988.
13. Slootjes D. The governor and his subjects in the Later Roman Empire. – Leiden, Boston: Brill, – 2006.
14. The Theodosian Code and Novels and sirmondian constitutions/A translation with commentary, glossary, and bibliography by C. Pharr in collaboration with T. S. Davidson and M. B. Pharr. – New Jersey: The Lawbook Exchange, – 2001.

Section 5. Cultural studies

*Bezuglaya Ruslana Ivanovna,
Kyiv National University of Culture and Arts,
Associate Professor, Department of Theory and History of Art
E-mail: dez77@ukr.net*

Glamorous image in contemporary society: auratic perception

Abstract: The article is devoted to the issue date of dominance of visual images in contemporary culture, in particular the glamorous image. Substantiates the idea that modern glamorous image endowed with certain auraticity, which partly explains their considerable popularity in modern society.

Keywords: glamor, visual image, glamorous image, aura, pointedly, perception.

*Безуглая Руслана Ивановна,
Киевский национальный университет культуры и искусств,
доцент кафедры теории и истории искусств
E-mail: dez77@ukr.net*

Гламурный образ в современном обществе: ауратичность восприятия

Аннотация: Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме доминирования визуальных образов в современной культуре, в частности гламурного образа. Обосновывается идея о том, что современные гламурные образы наделены определенной ауратичностью, что частично объясняет их значительную популярность в современном обществе.

Ключевые слова: гламур, визуальный образ, гламурный образ, аура, демонстративность, восприятие.

Визуальность социальной жизни и современной культуры — относительно новое явление, которое становится глобальным, превращаясь из способа донесения информации в самоцель. Развитие средств массовых коммуникаций в невиданном масштабе обеспечивает доступ большим массам людей к разнообразной информации (в большинстве случаев визуальной). В жизни человека, особенно в повседневной сфере, происходит замена реального мира симулякрами — символически визуально-наглядными знаками, которые ориентируются на эстетическое восприятие. СМИ вместе с «тотальным дизайном» монополизируют репрезентацию действительности, создавая особую форму существования современной культуры — ее новую визуальность, центром которой становится гламур и гламурные образы.

Терминологическая неопределенность, слишком широкое «пространство» толкования понятия «гламур» в различных источниках, позволяет говорить об определенной эфемерности этого феномена. Гламур — это не мода (она изменчива), не стиль (он индивидуален), не мировоззрение общества и идеология

(может быть различной в зависимости от уровня развития общества и страны), не роскошь (может быть частной). Согласно нашей гипотезе, основным отличительным качеством гламура является визуальная демонстративность. Такой подход позволяет нам, с одной стороны, разграничивать вышеупомянутые явления (идеология, мода, роскошь, манера поведения, стиль жизни, телесность), а с другой — рассматривать их в системе (как основные средства гламура). Гламур — это явление, в основе которого находятся три составляющих: объекты материального мира (от различных украшений и одежды — до домов и их интерьеров, дорогих авто и т. д.); сфера человеческой телесности (ухаживаемое тело, лицо, макияж, волосы, манера поведения); человеческие желания и страсти.

Стильные гламурные образы, изображения и фотографии стали визитной карточкой не только журналов глянцевого формата, но и всей современной индустрии моды, развлечений и политикума. В данном контексте важно отметить, что любой гламурный образ в первую очередь является искусственным, а его создание требует значительных усилий. Прежде чем

презентовать гламурный образ широкой общественности, над ним тщательно работает целая команда: стилисты, визажисты, фотографы и т.д. Например, перед размещением фотографий в гламурном издании, изображение подвергают специальной детальной обработке с помощью различных компьютерных программ: «убираются» все видимые внешние дефекты (веснушки, морщины, прыщи, лишние жировые отложения, проявления целлюлита и прочее). Гладкая, ровная, лишенная любых недостатков кожа является обязательным условием гламурного изображения, они завораживают своей красотой, молодостью, недоступностью и нереальностью. Современный американский философ Стэнли Кевел (*Cavell*) отмечал, что «фотография показывает нам не «отражение вещей»: она дает нам, можно сказать, сами вещи. Но если мы так скажем, то окажемся в плохой бесконечности онтологических проблем: если мы видим фотографии Гарбо, то не можем же мы сказать: «Это не Гарбо». Изображение это не отражение, не реплика, НЕ реликвия, НЕ тень и не призрак — хотя все вышеназванное имеет нечто общее с фотографией — аура или магический шлейф окружает их всех» [4, 19].

Понятие «аура», в современной гуманитарной науке, используется довольно широко в зависимости от его использования в различных концепциях, например, в концепции мимесиса (Д. Лукач), массовой культуры (К. Ясперс), художественного творчества (А. Рейес), «технических искусств» (В. Беньямин). Вопрос о том насколько определенный «предмет» (артефакт, объект, образ) наделен аурой, чаще всего распадается на два локальных вопроса. Первый: обладает «произведение» способностью к эманации, излучению атмосферы, настроения, дыхания сверх своего нарративного смысла? Второй: в достаточной мере контакт с ним «здесь и сейчас» вызывает особое переживание подлинности, значимости и неповторимости этого момента? Насколько приведенные критерии «работают» в отношении гламура?

Важно отметить, что понятие «ауратичность» в современной гуманитаристике чаще всего связывают с художественными образами (В. Беньямин, О. Петровська, И. Инишев и другие). Такой подход существенно сужал рамки нашего исследования только до визуальных изображений гламурных образов. Но, гламурный образ — это не только визуальное изображение (фотографии в глянцевах журналах, реклама и т.д.), это и визуальная репрезентация, которая непосредственно связана с материальной составляющей (телесность, одежда, предметы

роскоши и т.д.) и манерой поведения. Важным в контексте нашего исследования, стал вклад Вальтера Беньямина в становление и развитие социально-теоретической перспективы в рамках проблематики образности и введение мотива материальности. Он отмечал причудливое (с точки зрения прошлого и достаточно перспективное с точки зрения современности) пересечение двух несовместимых факторов: материальности и ауратичности. Материальная составляющая способна не только аккумулировать символическую «энергию», но и служить для различных идеологических целей, которые достигаются за счет ауры, излучающей (тесно связанную с материальным носителем образа) уникальность [2].

В этом контексте важным стал подход немецкого философа Гернота Беме (*Böhm*), в основе которого — идея первичности опыта атмосферического (ауратического) по отношению к опыту вещи. По его мнению, не только произведение искусства или образ, но и сама физическая вещь обладает своей специфической аурой, которая конституирует первичную пространственность, в рамках которой и происходит восприятие вещи. Эта атмосферическая (ауратическая) пространственность связана с материальными качествами вещи. Последние Беме толкует как «экстази» — свойства вещи, которые воспринимаются чувственно (это не то, что вещь «имеет», а то, с помощью чего ее «сущность» иррадирует наружу). Итак, согласно подходу Беме, художественная деятельность — это только одна из форм «эстетической работы», которая заключается в «производстве атмосферы» (то есть, ауры) [3].

Сегодня мы уже можем говорить о том, что любое произведение искусства неизбежно участвует в акте собственного воспроизводства. В качестве «творения» или «шедевра» оно функционирует почти как «товарный бренд», постоянно воспроизводится в качестве ценности. Без этой символической ценности, которая достигается повтором, тиражированием, преобразованием произведений в китч, уже невозможно мыслить восприятие произведений. Они уже существуют не для восприятия, а для потребления.

Вышесказанное позволяет нам говорить про определенную ауратичность гламурных образов. Ауратическое переживание возникает только тогда, когда произошло совмещение всех составляющих гламурного образа (любое, даже «незначительное» несоответствие может разрушить «гламурную» ауру). Аура в своем неповторимом качестве — всегда

неожиданная, условия ее рождения непонятны, и все эти характеристики позволяют мыслить зону ауратического как зону предельного, пограничного, проблематичного, загадочного. Сегодня товаром становится не столько само изображение, сколько образ, который стремится к клише (неважно к банальному, привычному и обыденному, или прекрасному и возвышенному). Мы вкладываем (даже незаметно для себя) определенный труд по воссозданию этих образов именно потому, что сами давно стали «механизмами» их репродуцирования. Довольно часто, то, что мы называем «собственными» эмоциями, переживаниями, впечатлениями, является только формой присвоения подобных клишированных образов. Если рассматривать капитал как форму присвоения (К. Маркс), то можно говорить об определенной «капитализации чувственности» современного человека. А гламур и распространенные образы-клише — это только эффекты, в которых эта капитализация проявляется и скрывается одновременно.

Это значит, что восприятие (которое мы понимаем как «наше», «естественное», такое что возникает «здесь и сейчас») фактически уже оформлено, оно уже воспроизводит некоторые до-изобразительные и до-языковые клише. Чувственность «проникает» в технологию и участвует в «работе потребления». Восприятие стало работой, а чувственность современного человека превращается в «рабочую силу». «Капитал находит все новые и новые зоны, в которых мы все (богатые и бедные, наивные и интеллектуалы, буржуа и пролетарии) вынуждены участвовать в предписанной нам свободе выбора, а она на поверку оказывается свободой присвоения и потребления. Иными словами, капитал давно уже не ориентирован на специфический товар — рабочую силу, но он моделирует этот товар повсюду, где нам кажется, что мы свободны» [1].

Современный гламур идеально совпадает с этой «капитализированной чувственностью», в которой желание неизвестно, а потребности постоянно подменяют желание в объективированных и постоянно воспроизводимых формах. Гламур — это такой «посредник», который с одной стороны, связан с актом купли-продажи. А с другой — имеет непосредственное отношение не только к потребностям и консюмеризму, но и к чувственности человека и его желаниям (в том числе и стремление выделиться, добиться успеха, понравиться), что позволяет навязывать покупателю потребность в том или ином товаре.

Гламурная аура — это ощущение энергетической силы, «вовлеченность» воспринимающего лица к пониманию смыслов визуального образа (изображения). Гламурная аура возникает только при наличии и в совокупности всех трех составляющих гламурного образа («физического», «психологического» и эстетического совершенства). И только тогда можно говорить об эфемерности гламура, о его «ускользающей, загадочно-волнующей и зачастую иллюзорной привлекательности, которая будоражит воображение и разжигает вкус к необычному, неожиданному, красочному или экзотическому...» и «странно-соблазнительной атмосфере романтического волшебства, завораживающей, непостижимой, неодолимо-магнетической притягательности; индивидуальном обаянии в сочетании с необыкновенной физической и сексуальной привлекательностью» [5]. Такой подход позволяет частично раскрыть понятие «гламурная аура» — это «среда», где реализуется и одновременно презентуется взаимопроникновение материального и понятийного, индивидуального и социального. Можно констатировать, что современный гламур — это привлекательный, срежиссированный и сконструированный образ медиа реальности, который приобретает ауратичность образа вместе с восприятием.

Список литературы:

1. Аронсон О. Производство искусства в эпоху тотального потребления/Олег Аронсон//Критическая масса. – 2003. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/km/2003/3/aron.html>.
2. Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости/Вальтер Беньямин/Учение о подоби. Медиаэстетические произведения. – М.: РГГУ, – 2012. – с. 190–234.
3. Böhme G. Aisthesis. Vorlesungen über Ästhetik als allgemeine Wahrnehmungslehre. München: Wilhelm Fink Verlag. – 2001. – p. 6–48.
4. Cavell S. The World viewed. Reflections on the ontology of film. Cambridge (Mass.). – 1971. – p. 16–23.
5. Webster's third new international dictionary of the English language/editor in chief Philip Babcock. – Chicago: Encyclopaedia Britannica, Inc., – 1993. – 1016 p.

Section 6. Linguistics

Gontarenko Nataliya Nikolaevna,
Vasyl Stefanyk Precarpathian National University,
English Philology Department, teaching assistant
E-mail: natgontarenko@yahoo.com

Fictive motion verbs in English: a cognitive linguistics perspective

Abstract: The article explores the relationship between thought about motion and language about motion, in particular, figurative language about motion expressed by neological verbs. The author adopts a cognitive linguistics perspective on verb semantics, which allows for a more profound understanding of the complex hierarchy of linguistic and extralinguistic knowledge associated with a lexical unit.

Keywords: fictive motion, figurative language, motion verb, simulation, cognitive linguistics.

Motion verbs have been widely studied and analyzed in the field of linguistics, and have been categorized by semantic as well as syntactic approaches. Researchers such as L. Talmy and T. Matlock [7; 3] have demonstrated the need to consider the cognitive constructs which speakers bring to situations and which form the basis for new inventive language.

Recently new verbs have arisen from a definable Internet-connected culture. They could not have arisen from a non-tech culture, nor do they know ethnic, racial, geo-political boundaries. The Y (or Millennial) Generation have only known increasingly fast technology in their lifetime; they value speed, massive data storage, instantaneous information retrieval and information sharing. The coined word “to google drift” has come into the vernacular as have “to skype”, “to facebook creep”, “to yahoo”, “to text message”, and “to IM” (instant message). These neologisms deserve attention from a cognitive linguistics perspective. In this paper, a linguistic analysis of the structural formation of motion verbs is coupled with a cognitive description of structure and domains, followed by an anthropological description that offers context for new word genesis and analysis of other new motion verbs.

Motion verbs abound in English and have been well-researched from syntactic, semantic and cognitive approaches. B. Levin [2] distinguishes Verbs of Inherently Directed Motion (*to ascend, to tumble*), Manner of Motion Verbs (*to roll, to creep*), Verbs of Motion Using a Vehicle (*to bus, to jeep*), Waltz verbs (*to foxtrot, to rumba, to waltz*), Chase Verbs (*to track, to follow*), and Accompany Verbs (*to escort, to guide*). One category of motion verbs B. Levin presents involves that of movement by vehicles. This category easily can add new

motion verbs by means of zero derivation from nouns (*bus, motor, ski*):

(1) *They **bussed** the children to another school.*

The neological verbs *to google drift, to yahoo, to facebook creep, to skype* can belong to this class because they were derived from the names of search engines or software with the help of which information moves or a user moves in virtual space while searching for information:

(2) *I was looking for information on the Holocaust and I found a lot of neat sites with historical facts about Germany. — Oh, you were **google drifting**.*

(3) *My friend always **Facebook creeps** when she gets bored at work.*

It is this category of fictive motion verbs that is the focus of this study. Both *google drift* and *facebook creep* denote instantaneous electronic motion in virtual space. Literal contexts take on virtual meanings and the human mind plays with literal meaning in physical contexts and extends ideas into virtual space. In (1) *to bus* denotes displacement; however, there is no displacement involved in (2) and (3). Nevertheless, while no physical movement takes place, Internet users who google retrieve information and “travel” in virtual space to a new Skype “location”. L. Talmy [7] refers to motion involving no physical occurrence as fictive motion.

(4) *The mountain range **goes** from Canada to Mexico [7, 104].*

L. Talmy claims that fictive motion in (4) is evoked by two discrepant representations of the same object — the mountain range. The fictive representation consists of the literal reference of the words that depict the mountain range as moving. The factive representation consists of our belief that the mountain range is stationary.

(5) *The sun is shining into the cave/onto the back wall of the cave* [7, 112].

In (5) the effect of fictive motion is governed by “the active-determinative principle, namely the more active or determinative entity is the Source from which fictive motion emanates through space until reaching the less active or determinative entity, the distal object” [7, 120]. The sun is perceived as the brighter of the two objects in (5), and through this greater brightness the sun is interpreted as the more active object and will be conceptualized as the source of fictive motion.

The verbs *to google drift* and *to facebook creep* are similar to the ones denoting fictive motion because they do not involve physical displacement and because there are two discrepant representations of the agent who is googling or skyping, i. e. the agent’s physical location is stable, but there is motion going on in their mind under the influence of what they see on the computer screen.

Language ability is a productive and creative process. New word formation, as we have seen, is often based on structures and constructs with which we are familiar and we supplant them with new experiences which also need to be expressed.

We experience a sense of self-movement when looking out of the window of a motionless train at a train leaving the station. This experience is similar to the one we have when browsing websites. The fact that the illusion of self-motion is sometimes very compelling is demonstrated in a study by B. Riecke et al [4]. In their experiment, observers were asked to rate convincingness of self-motion experience induced by visual stimuli presented on a screen. The experiment revealed that a visual stimulus depicting a natural scene (e. g. a market place) can produce stronger perception of self-motion illusion than scrambled versions of the same stimulus. Natural surroundings are normally self-stationary, so when we see motion between ourselves and large, distant parts of our surroundings, we are more inclined to attribute the relative movement to ourselves instead of the surroundings. It is argued that “such scenes can serve as “frames of reference” with respect to which perceived relative motion is more likely to be attributed to self-motion than object motion” [4, 196]. Thus, when we say we “google drift” or “facebook creep”, we perceive ourselves to be moving through the internet, when, in fact, vast gigabytes of electronic signals have been quickly encoded, sent, retrieved, and returned.

Research on mental simulation [3] suggests that when asked to think about familiar physical space and movement in it, subjects imagine in their heads a physical space and construct mental models analogous to physical

movement. In the experiment, participants read stories about travel and then made timed decisions about a fictive motion sentence being related to the story or not. The stories described slow or fast travel, short or long distances, easy or difficult terrain. It took people longer to decide whether a fictive motion sentence was related to the story if the story described long-distance travel, difficult terrains, and slow motion. T. Matlock says, “One explanation for these differences is that while people were reading the story, they constructed a model, including a path and motion along that path. Next, while attempting to understand and make a decision about the fictive motion sentence, they simulated motion along the path in a way that was consistent with the way the protagonist had moved. For instance, when people imagined a person driving on a road along a smooth, flat shoreline, they simulated motion more quickly than when they had imagined driving on a road along a rugged shoreline” [3, 1394]. It can be hypothesized that the people who google drift or facebook creep mentally simulate motion, which is a kind of fictive motion.

Human interactions with computers have created a new kind of reality — virtual reality. According to D. Stanovsky, “virtual reality is currently used to describe an increasingly wide array of computer generated or mediated environments, experiences and activities ranging from the near ubiquity of video games, to emerging technologies such as tele-immersion” [5, 167]. D. Stanovsky makes an interesting assumption that new experiences have to be fit within old schemas which can mean that human perception of virtual space is a reflection of real space. This is an instance of how we categorize new words. First we try to find similarities between existing words and new words and fit these new words into existing categories.

(6) *You should go to his website. He has a lot of information there.*

While referring to computer-mediated experiences, we use the words that describe the real world — we go to a website just like we go to a store or a library, and the stem “site” in “website” indicates that we subconsciously perceive cyberspace as a place. H. Fischer defines cyberspace as follows: “Cyberspace is like a stretched canvas, a space with no depth other than that of light, which points to somewhere else. We move laterally through it using the cursor, scrolling the page up or down, left or right, or we leap to other surfaces as flat as screens” [1, 47].

Due to e-mail, video conferencing, etc. Internet users can move to any place in virtual space in a split second. It is a new kind of motion — electronic, instantaneous — and Internet users overwhelmingly associate it

with Google. Google is a huge company known all over the world as the best medium of virtual communication. It has become a symbol of worldwide Internet culture which values innovativeness, individual freedom, speed, and instantaneous access to information. Why virtual motion is associated with Google rather than Yahoo is a reflection of the fact that Google as a business has absorbed a vast majority of market share and the phrase 'to google drift' has become embedded in modern Internet culture. Whereas the Internet culture values speed and instantaneous information retrieval, it also acknowledges an inevitable, but directionless and less productive, use of Internet virtual movement.

To conclude, the late twentieth century witnessed the growing and dominance of a particular kind of motion — that of virtual motion in space referred to as cyberspace or virtual reality. Those who engage in super-rapid computer access expect and demand instantaneous, multi-megabyte access and retrieval of information, products, communication, and they form new words and phrases rapidly based on their psychological constructs of their physical and virtual reality. People construct models that resemble physical space and simulate objects and movement in these spatial models. Simulation might also be involved in fictive motion processing.

References:

1. Fischer H. Digital Shock: Confronting the New Reality/H. Fischer. – Montreal: McGill-Queen's University Press, – 2006. – 280 p.
2. Levin B. English Verb Classes and Alternations: A Preliminary Investigation/B. Levin. – Chicago: University of Chicago Press, – 1993. – 348 p.
3. Matlock T. Fictive Motion as Cognitive Simulation/T. Matlock//Memory and Cognition. – 2004. – 32.8 (Dec). – p. 1389–1400.
4. Rieke B. Cognitive Factors Can Influence Self-Motion Perception (Vection) in Virtual Reality/B. Rieke, J. Schulte-Pelkum, M. Avraamides, Markus Von Der Heyde, & H. Bulthoff//ACM Transactions on Applied Perception. – 2006. – 3.3 (July). – p. 194–216.
5. Stanovsky D. Virtual Reality/D. Stanovsky//The Blackwell Guide to the Philosophy of Computing and Information. – Oxford: Blackwell Publishing. – 2004. – p. 167–177.
6. Strauss C. A Cognitive Theory of Cultural Meaning/C. Strauss, N. Quinn. – New York: Cambridge University Press, – 1997. – 336 p.
7. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Volume I: Concept Structuring Systems/L. Talmy. – Cambridge, MA: MIT Press, – 2000. – 495 p.

*Klimova Julia Alexandrovna,
Belgorod State University, candidate of Philology,
Associate Professor the Faculty of Russian Language
and professional – verbal communication BSU
E-mail: julia_klimova07@mail.ru*

*Strebkova Marina Viktorovna,
Belgorod State University, senior Lecturer,
the Faculty of Russian Language
and professional – verbal communication BSU
E-mail: yastrebok58@yandex.ru*

Language categorization as a reflection of knowledge

Abstract: The article is devoted to the question of language categorization as a reflection of the process of cognition. The author notes that the most important structures of knowledge are objectified and stored in a linguistic form. Knowledge of linguistic units, which are also the part of this world, are stored in our memory in a category form. Accordingly, language is seen as a category formation.

Keywords: category, cognition, language categorization, linguistic form, grammatical system.

*Климова Юлия Александровна,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
и профессионально- речевой коммуникации НИУ «БелГУ»*

E-mail: julia_klimova07@mail.ru

*Стребкова Марина Викторовна,
старший преподаватель кафедры русского языка
и профессионально- речевой коммуникации НИУ «БелГУ»*

E-mail: yastrebov58@yandex.ru

Языковая категоризация как отражение процесса познания

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению вопроса языковой категоризации как отражению процесса познания. Автор отмечает, что самые важные структуры знаний объективированы и сохранены в языковой форме. Знания языковых единиц, которые тоже являются частью этого мира, хранятся в нашей памяти в категориальной форме. Соответственно язык рассматривается как категориальное образование.

Ключевые слова: категория, познание, языковая категоризация, языковая форма, грамматическая система.

Человек как «первый вольноотпущенник природы» характеризуется своим стремлением познать окружающий мир и самого себя в нем. «Природа не имеет органов речи, но создает языки, при посредстве которых говорит и чувствует» [1, 453]. Следовательно, результаты восприятия действительности и познавательной деятельности человека накапливались в виде осмысленной системы информации, которая нашла отражение в языке.

Проблемы закрепления и структурирования в языковых единицах знаний, полученных человеком в результате осмысления своего опыта взаимодействия с окружающей действительностью, все еще остаются открытыми и весьма перспективными для научной дискуссии. Это исследовательское направление ярко представлено работами ведущих российских и зарубежных специалистов, таких, как Н. Ф. Алефиренко, Апресян, Н. Д. Арутюнова, О. В. Афанасьева, Н. Н. Болдырев, А. Вежицкая, С. Г. Воркачев, А. А. Залевская, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, В. В. Колесов, С. А. Кошарная, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, В. А. Маслова, Р. И. Павиленис, З. Д. Попова, О. Н. Прохорова, Е. В. Рахилина, Э. Рош, И. А. Стернин, В. Н. Телия, Л. Телми, Н. В. Уфимцева, А. Т. Хроленко, А. Д. Шмелев и др.

Выступая как основное средство выражения мысли, язык непосредственно отражает познание. Познание — процесс отражения и воспроизведения в мышлении действительности, в результате которого происходит накопление знаний; это взаимодействие систем восприятия, понимания, представления и порождения информации [2, 174].

Язык сложнейшим образом переплетается со знаниями о мире, проверенными общественной практикой, результатами познания действительности и адекватного ее отражения в сознании человека, поэтому базисной формой когнитивной организации результатов отражения объективных свойств и признаков действительности в сознании людей, является знание.

Как отмечает У. Чейф, «язык до сих пор лучшее окно в знание, ведь мы все время используем язык, чтобы выразить его» [3, 27.]. Отражаясь в языке, знания являются продуктом мыслительной деятельности человека. В процессе исторического развития они постепенно приобретали ценностно-смысловой статус: событиям и фактам стали давать осмысленные оценки с позиции социальной организации человека, его видения мира.

С течением времени знания упорядочиваются и «складываются в некую единую систему взглядов, своего рода единую коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [4, 38–39]. Именно благодаря актуальности и важности в жизнедеятельности человека, знание становится элементом культуры, поскольку процесс освоения человеком правил, норм, стереотипов мышления, выработанных предшествующими эпохами, происходит путем включения знаний в реальную историческую практику людей, принадлежащих соответствующему этнокультурному сообществу.

В работах Сепира – Уорфа прослеживается мысль о том, что способ познания реального мира зависит от того, на каких языках мыслят познающие субъекты. «Мы расчленим природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или

иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны. Напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован в нашем сознании, а это значит — в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия, распределяем значения так, а не иначе, в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка [5, 167].

Как и знания о мире, знания языковых единиц, которые тоже являются частью этого мира, хранятся в нашей памяти в категориальной форме. Соответственно язык — это категориальное образование, поэтому ключевыми понятиями в описании познавательной деятельности являются понятия концептуализации и категоризации.

Неслучайно в XX веке, основываясь на работах В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, В. З. Панфилова, Ю. С. Степанова, возникла новая дисциплина — когнитивная лингвистика, предметом изучения которой стал язык как общий механизм приобретения, использования, хранения и выработки знаний, которая позволяет связать все языковые процессы с познавательной деятельностью человека с актами категоризации и концептуализации мира.

Отражение человеком окружающего мира непосредственно связано с одним из основных процессов познавательной деятельности — концептуализацией, заключающейся в понятийной классификации поступающей к человеку информации и в выделении неких минимальных единиц человеческого опыта в их содержательном представлении.

Как отмечает Е. С. Кубрякова, концептуализация представляет собой осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений в виде концептов. Основная часть этих концептов закрепляется в языке значениями конкретных слов, что обеспечивает хранение полученных знаний и их передачу от человека к человеку и от поколения к поколению [6, 51].

Производя или осмысливая любое высказывание, мы обязательно обращаемся к категориям. Представления о категории свидетельствуют не только об определенном взгляде на мышление, но и об определенном понимании мира.

Самое важное, с чем человек сталкивается в жизни, — это категоризация, то есть подведение всего, что его окружает, под некие общие разряды.

Категоризация — это деление мира на категории, то есть выделение в нем групп, классов, категорий аналогичных объектов или событий. Понятие «категоризация» раскрывает то, какими знаниями мы владеем и каким образом мы их применяем, когда пользуемся языком как средством общения, получения и хранения информации.

Оно лежит в основе естественного функционирования нашего мышления, восприятия, практической деятельности и речи, поскольку в результате данного процесса происходит мысленное соотнесение объекта или события с определенной категорией, которое осуществляется с помощью языка. Категоризация является фундаментом функционирования мышления человека. Обобщается то, что человек видит, что делает, о чем размышляет, отвлекаясь от обыденности жизни, что оценивает через призму своих чувств [7, 354].

Она обеспечивает существование человека в мире природы, социума и мысли. Как пишет Н. Н. Болдырев, вслед за Дж. Лакоффом, «мы понимаем мир не только в терминах отдельных вещей, но также в терминах категорий, мы склонны приписывать реальное существование и этим категориям. У нас имеются категории для биологических видов, физических предметов, артефактов, цветов, родственников, эмоций и даже для категорий предложений, слов и их значений. Мы имеем категории для всего, о чем можно только подумать» [8, 13–51]. В этом смысле категоризация есть обобщение составных частей мира.

В большинстве случаев категоризация происходит неосознанно, и человек задумывается только о ее существовании в проблемных ситуациях. Занимаясь практической деятельностью и передвигаясь в окружающем мире, мы автоматически категоризируем животных, людей и физические объекты — как естественные, так и созданные человеком (артефакты).

Иначе говоря, категоризация — это, с одной стороны, знание категорий объектов и явлений и их названий и, с другой стороны, сам процесс отнесения тех или иных объектов к конкретной категории, включая присвоение им соответствующих названий.

Она раскрывает общие принципы познавательного процесса и формирования знаний — того, как мы познаем окружающий мир и в какой форме и каким образом мы сохраняем полученные знания при помощи языка.

И концептуализация, и категоризация представляют собой классификационную деятельность, но первая направлена на выделение минимальных

содержательных единиц человеческого опыта, структур знаний, а вторая — на объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, категории [9, 67], в которой выделяются категории-классы слов (лексические) и категории-параметры.

Кодируются знания главным образом в языковой семантике, поэтому «изучая семантику естественного языка, мы по необходимости изучаем структуру мышления, — писал Р. Джакендофф в книге «Семантика и познание». Через языковую сетку мы пропускаем абсолютно все — все знания, которые мы получаем в результате практической деятельности и благодаря образованию и которые мы передаем от одного человека и от одного поколения к другому [10, 98]. Иначе говоря, самые важные структуры знаний объективированы и сохранены в языковой форме. Следовательно, языковые формы отражают определенное видение мира человеком. В них сосредоточен весь познавательный опыт человека, влияние окружающей среды, поэтому «изучение языка — это косвенное изучение познания», является как бы своеобразной призмой, через которую человек «видит» действительность, проецируя на нее, при помощи языка, опыт общественной практики» [11, 4]. И, кажется, совершенно логичным изучать язык через проблему грамматической категоризации, поскольку информация о мире, об окружающей нас действительности закреплена в языковых знаках — словах.

Языковая семантика, закреплённая в языковых знаках, отражена в частях речи. Части речи — это категории, формирующиеся на основе познавательной деятельности человека и категоризации им окружающего мира, поэтому части речи следует рассматривать как «естественные категории», за которыми стоит когнитивная способность человека к осознанию своего многообразного опыта и его объективации средствами языка.

Общие представления о мире, его структуре находят свое отражение в лексической и грамматической категоризации языковых единиц. Наиболее существенные с точки зрения языка смыслы фиксируются в грамматике языка. «Центральные для человеческой психики концепты отражены в грамматике языков, и... именно грамматическая категоризация создает ту

концептуальную сетку, тот каркас для распределения всего концептуального материала, который выражен лексически» [11, 141].

Грамматическая система отражает категоризацию наиболее важных участков концептуальной системы, а грамматические категории являются средством объективации и репрезентации особого уровня категориальных значений. Исследование общих когнитивных механизмов формирования языковых значений и категорий стало существенным шагом в изучении грамматических категорий, которые репрезентируют картину объективного мира, дают представление о видении человеком окружающего мира.

Сошлемся на некоторые примеры широкого толкования рассматриваемого понятия. А. А. Потенция выдвигает на первый план сущность грамматических категорий как обобщенных разрядов: «... слово заключает в себе указание на известное содержание, свойственное только ему одному, и вместе с тем, указание на один или несколько общих разрядов, называемых грамматическими категориями, под которые содержание этого слова подводится наравне с содержанием многих других» [12, 35].

Широкое истолкование понятия «грамматическая категория» встречается в литературе более раннего времени. Известно высказывание Л. В. Щербы: «Под грамматической категорией я разумею те группы однообразия в языке, под которые подводятся единичные явления..» [13, 12].

Значения слов и содержание грамматических категорий — все эти неточные и неглубокие, «обывательские», как о них писал Л. В. Щерба, представления о «клеточках» действительности, — запечатлели первый и поэтому во многом жизненно важный опыт освоения человеком окружающей действительности. Эти исходные представления в целом не противоречат позже добытому знанию. Напротив, они образуют фундамент, на котором постепенно воздвигаются стены более полного, глубокого и точного знания о мире. Нельзя не согласиться с рассуждениями известного русского лингвиста о том, что именно в грамматических категориях аккумулированы основные «вехи» человеческого миропостижения и миропонимания.

Список литературы:

1. Гербель Н. В. Собрание сочинений Гёте в переводе русских писателей/Под редакцией Петра Вейнберга. — 2-е изд. — СПб.: — 1892. — Т. 1
2. Алефиренко Н. Ф. Язык, познание, культура: когнитивно-семиолог. синергетика слова/Н. Ф. Алефиренко; Белгор. гос. ун-т. — Волгоград: Перемена, — 2006. — 228 с.

3. Чейф У.Л. Значение и структура языка: пер с англ./У.Л. Чейф; отв. ред. С. Д. Кацнельсон. – М.: Прогресс, – 1985. – 432 с.
4. Апресян Ю. Д. Избранные труды. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Яз. рус. культуры: Вост. лит. РАН, – 1995. – Т. 1: Лексическая семантика: синоним. средства языка. – 472 с.
5. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии/Э. Сепир; пер. с англ. под ред. А. Е. Кибрика. – М.: Прогресс, – 1993. – 654 с.: ил. – (Филологи мира).
6. Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний в языке/Е. С. Кубрякова//Структуры представления знаний в языке: сб. науч.-аналит. обзоров/ИНИОН. – М., – 1994. – с. 5–31.
7. Витгенштейн Л. Философские работы: [пер. с нем.]/Л. Витгенштейн. – М.: Гнозис, – 1994. – Ч. 1. – 520 с.
8. Lakoff G. Classifiers as a reflection of mind/G. Lakoff//Noun classes and categorization: proceedings of a symposium on categorization and noun classification, Eugene, Oregon, October 1983/ed. by C. Craig. – Amsterdam, – 1986. – p. 13–51.
9. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по англ. филологии: учеб. пособие для студентов вузов/Н. Н. Болдырев; Ин-т языкознания Рос. акад. наук, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – 3-е изд., стер. – Тамбов: Изд-во ТГУ, – 2002. – 123 с.
10. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по англ. филологии: учеб. пособие для студентов вузов/Н. Н. Болдырев; Ин-т языкознания Рос. акад. наук, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – 3-е изд., стер. – Тамбов: Изд-во ТГУ, – 2002. – 123 с.
11. Кубрякова Е. С. Части речи в когнитивном аспекте/Е. С. Кубрякова. – 1997.
12. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике/А. А. Потебня; общ. ред. В. И. Борковского; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М.: Учпедгиз, – 1958. – Т. 1–2. – 536 с.
13. Щерба Л. В. Избранные труды по русскому языку/Л. В. Щерба; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М.: Учпедгиз, – 1957. – 187 с.

*Melnychuk Natalia Alexandrovna,
Chernivtsi National University,
Assistant Professor,
the Faculty of Foreign Languages
E-mail: sleepbeauty2007@mail.ru*

Emotional component in the structure of English emotive adjectives

Abstract: The research is devoted to the problem of emotive component in the structure of English emotive adjective. An attempt was made to explore the features of the functioning of emotive adjectives in English language and to consider their lexical and semantic characteristics.

Keywords: lexical meaning, emotiveness, connotation, emoseme, semantic structure.

Modern linguistics is characterized by the increased interest of researchers in the problems of speech embodiment of emotions which are an integral part of communication. In the process of verbal communication language is not only a means of transmitting and receiving intellectual, but also emotional information. It is impossible to show a language in its reality and to create an adequate picture of the language system without people's emotions. As noted by C. Izard, "in any person everything is moved by emotions, which are the motivational basis of his or her activity" [2, 87]. Therefore, emotions can not be unreflected in the language.

Any signs of human activity are accompanied by emotional experiences, because they constitute a significant part of all psychological processes and states of the individual. The primary function of emotions for a person is the ability to understand each other better. The infallible perception and evaluation of companion's facial expressions helps us to identify such emotional states as surprise, sadness, joy, disgust, etc.

The article investigates the problem of English emotive adjectives and some aspects of their lexical and semantical meaning. The analysis of the structure of emotive adjectives makes it possible to trace the features

of their usage and to learn the dependence of emotive meaning of adjectival units on speaker's communicative intention.

Verbalization of emotions is possible by means of two basic ways: naming emotional states as facts (when we use the word "laughter" or "death", we do not laugh and do not die, we just name or describe these states as facts) or expressing emotional states with the help of expressions and idioms (when we use the expression "laugh to tears" we show our feeling or attitude towards the denoted concepts) [5, 7].

In linguistic science emotiveness is defined as "inherent in language semantic property to express by the system of its means emotionality as a fact of mentality and to reflect in the semantics of linguistic units all social and individual emotions" [6, 24]. When exploring the phenomenon of language emotiveness, V. Shakhovskiy found that it has two plans: a plan of content and a plan of expression; through them speaker's emotional attitude or state is manifested. In addition, during the study the author found out three types of emotiveness: emotiveness actually, emotiveness as one of the implementations of word semantics and contextual emotiveness. Accordingly, there were determined three levels of expression of emotiveness: 1) emotional meaning; 2) connotation as a component connected with the logically-objective component of the word; 3) the level of emotive potential.

The emotional meaning as a major nuclear component of the semantics of a word is the basis of the first level; on the second level emotiveness is expressed through connotation which may not always be implemented as a component of the word in a variety of its usages; in its turn, the level of emotive potential changes nothing in the semantics of the word, but it shows its hidden connotations during realization in the text. That is, only the first level of expression of word emotiveness can be correlated with the language system, while the latter two depend directly on the context of their usage and that's why they come out only as a periphery of speech component.

While studying the nature of emotion in linguistic science, it is important to examine the problem of the place of emotive component in the semantic structure of a word. The correlation of components of the lexical meaning of a word is only a partially solved problem in modern linguistic paradigm. Various lexical definitions of a word are somewhat different, but their common principle is that they describe this phenomenon as the realization of the concept by means of language system. V. Levitsky notes that concepts such as semantics, pragmatics and syntactics can be grouped according to

the formula "the knowledge of a set of possible applications in linguistic and non-linguistic situation". Therefore he offers the following academic definition of the lexical meaning of a word: "... lexical meaning is the acquired through experience knowledge about a set of linguistic and nonlinguistic situations in which the word can be used" [3, 68–69].

That is, a lexical meaning of the word is a holistic and complex phenomenon, which is based on the reflection of objective reality in the human's mind. By virtue of lexical meaning a person can understand a word and use it in his or her speech.

The inner form of the word (its meaning) is a complex semantic structure which contains a number of components [1, 130–131]. Different researchers singled out in the semantics of a word either two (denotation and connotation) or three (connotation, denotation and figurative component) macrocomponents which belong accordingly to logically-objective, emotive or functionally-stylistic areas.

Some scholars distinguish in the structure of the lexical meaning such components as significative ("specific linguistic reflection of objective reality"), structural ("formal description of the properties of a lexical unit that determines its place in the language"), emotional ("specific language expression of evaluation of a signified object by means of stylistically marked lexical units") and denotative ("objective meaning of a lexical unit").

Some linguists [4, 27] believe that "within the meaning of a word there are two parts: logical part that corresponds to the concept and additional (connotative) part that reflects the subjective elements of a human perception of some concept". With this understanding denotation is characterized by a clear contrast to connotation and completely covers the subjectively-logical part of the meaning. Thus, denotative macrocomponent forms the conceptual part of the lexical meaning and expresses the primary sense of the linguistic unit, because owing to it as "the central meaning of linguistic form" [9, 45] one of the main functions of language is embodied, mainly description of objects and concepts for language speakers who have a shared knowledge of the objects of reality.

In its turn, connotation is considered as part of the lexical meaning that is different from the subjectively-logical content because it doesn't display the features of a denotate, but shows a certain speaker's attitude to it and also the characteristics of a communicative situation, its members, etc.

Denotative and connotative macrocomponents in the structure of a word semantics are closely

connected: denotation displays basic conceptual features of the peculiar object and connotation gives a speaker's evaluation and emotional attitude to them which creates a special pragmatic effect from the meaning of a word. Thus, denotative and connotative aspect of meaning interact with pragmatic, because they all have the same function — to characterize the participants of communication and their attitude to the object. And even if they own differential features, components of these categories are integrated into the structure of a lexical meaning.

The structure of a connotative aspect of meaning is quite complex: different linguists select various components such as emotive, stylistic, expressive, emotional, evaluative, intensive, figurative in its framework. Some scientists distinguish within connotation such components as pragmatic, national, ideological and cultural which are specified by social, cultural and situational aspects of communication.

Structural elements of connotation perform their function in speech: emotiveness reflects person's emotional experience of a certain phenomena, expressiveness has the ability to enhance the impact on the recipient of communication, evaluation is responsible for speaker's positive or negative reaction, stylistic element is intended to identify words belonging to a particular sphere of communication, intensity has to reflect a certain degree of manifestation of the object. Thus, connotation as part of lexical meaning has polistructural seme character and interacts closely with extralinguistic factors, because all additional semantic, stylistic or pragmatic shades of meaning are built on its basis. Let us consider the main characteristics of emotive component of connotation, as far as it is related to the field of an individual's emotional and sensory perception and, according to some linguists [6], is "a semantic core of connotation."

Emotional component is the result of display of emotions in the process of their verbalization and semantization. As it is generalized, it serves for the individual expression of the emotional evaluation of the world [6, 30] and demonstrates the correlation of two important linguistic categories — emotiveness and evaluation. Thus, emotiveness as linguistic formation is a part of the semantic structure of the word meaning as one of its components. It has the ability to actualize in appropriate contexts or is a part of a meaning that is not determined by the context, situation or subjective use.

Often the presence of emotive connotation in the semantics of a word is determined by the formation of oppositions of some words with their neutral correlates. In this case logical component of denotation correlates with

connotative aspect which is manifested as co-meaning and expresses the subject's emotional attitude to the object which he or she perceives. However, there also exists a denotative localization of emotive component of the word which is characteristic for lexical units that describe certain mental experiences. V. Shahovskiy notes that the status of obligatory (denotative) emotiveness is characteristic primarily for such words as affectives (whoops, emotional and evaluative adverbs, adjectives, vulgarism, etc) in which the actual emotional sense is the only component of their lexical meaning: *"I'll swear you do, you **damned** old miser," said Mr Gooch offensively* [7, 71].

The basic structural element of the emotive component is a seme of emotiveness or an emoseme, the concept of which was introduced in linguistic terminology by V. Shahovskiy [6]. He defined it as a separate type of a seme that correlates with a speaker's emotions. In the semantics of the word emoseme serves as a totality of specific semantic feature "emotion" and its certain concretized unit (such as "love", "hate", etc). Emoseme can display an emotional process for both the speaker and the listener, and even for a stranger. The status of an emoseme is defined not only by its place in seme structure of the word, but also establishes the character of manifestation of emotive senses. Thus, an emoseme is a combination of such elements of a model as "the idea of feeling" and "the exact name of certain feeling".

During the study of an emoseme in the lexically-semantic structure of a word it is necessary to clarify the status of its emotive meaning that is based on an emoseme. Emotive meaning is defined in linguistics as "obligatory semantic sense that coincides with the lexical meaning of the word and serves only for expressing the emotional state or attitude to the world. Denotates of emotive meaning are speakers' socialized emotions" [6, 26]. Thus, an obligatory condition for the functioning of emotive meaning in the language is the presence of an emoseme in its structure due to which an explicit emotive content is shown.

Emotional component of English adjectival lexemes actualizes directly the subject's positive or negative attitude to the object which he or she perceives and consists of semantic feature and its concretized unit. Emotions appear in two main categories, that's why a certain kind of emotion has positive or negative colouring. Let's consider how emotiveness is shown in adjectival units with the help of analysis of dictionary definitions using lexicographical data from modern dictionary of English language [8]: **abominable** — extremely unpleasant and **causing disgust**; **aghast** — **filled with horror** and

surprise when you see or hear sth; **arrogant** — behaving in a **proud, unpleasant** way, showing little thought for other people; **cocky** — too confident about yourself in a way that **annoys** other people; **ecstatic** — very happy, excited and enthusiastic; **feeling or showing great enthusiasm**; **formidable** — if people, things or situations are formidable, you **feel fear and/or respect** for them, because they are impressive or powerful, or because they seem very difficult; **loathsome** — extremely unpleasant, **disgusting**; **overjoyed** — extremely **happy or pleased**.

Considering the place of an emoseme in the structure of lexical meaning, most researchers [4, 10] agree that it is a component of connotation and only accompanies denotative component. However, it should be noted that an emoseme can also be present in denotational macrocomponent: for example, when displaying emotions as objectively existing reality in language and speech. Thus, the position of an emoseme in the seme structure of a word determines its status and character of manifestation. In this case, the crucial role of an emoseme in studying the description of emotive layer of vocabulary is clearly viewed.

There is the proved fact [6] that emosemes can build various relations with denotative semes: in adherent contexts denotative semes may acquire another referent correlation. This causes the extension of the meaning of the word by expense of appearing of some emosemes which extend its semantic valence: “*And human nature, Dr. Watson — the **black** ingratitude of it all! When did I ever refuse one of her requests? Was ever*

*a woman so **pampered**? And that young man — he might have been my own son ... And yet see how they have treated me!*” [7, 109]. In this regard, it receives new, additional emotional valence: “it is enough at least one emoseme, even hidden to be present in the meaning of a linguistic unit for it in potentia has the opportunity to ever implement it” [6, 98].

Emotional meanings are variously shown in lexical semantics, appearing at different levels of language and speech in the form of specialized semantic components, immanent for these levels and containing basic information about human emotions. Their basic function is to express the speaker's certain emotional state or attitude to the surrounding reality: “*And yet see how they have treated me! Oh, Dr. Watson, it is a **dreadful, dreadful** world!*” [7, 109]. In this case, avoiding or using of emotive meaning by the speaker is determined by his speech intention because it demonstrates an expression of his own feelings and does not always pursue specific pragmatic purposes.

Thus, emotive meaning of the adjective is a part of category of emotiveness which expresses the speaker's emotional attitude to the subjects or to their separate characteristics. The study makes a contribution to the development of the general theory of analysis of emotional adjectives in linguistics and the theory of lexical semantics. Future research of this topic can be based on the learning of lingvostylistic peculiarities of English emotive adjectives and the deeper analysis of their semantic structure.

References:

1. Антрушина Г. Б. Лексикология английского языка: учеб. пособие для студ. вузов, обуч. по пед. спец./Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова. – 3-е изд., стер. – М.: Дрофа, – 2001.
2. Изард Кэррол Э. Психология эмоций/Пер. с англ. А. Татлыбаевой. – СПб.: Питер, – 2000.
3. Левицкий В. В. Семасиология/В. В. Левицкий – Винница: Нова книга, – 2006.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Общее языкознание – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: АСТ: Восток – Запад, – 2007.
5. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и её прагматическая ориентация//Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, – 1991.
6. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка/В. И. Шаховский. – М.: ЛКИ, – 2008.
7. Crime never pays. Short stories/Edited by Clare West. – Oxford: OUP, – 2000.
8. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford: Oxford University Press, Incorporated, – 2010.
9. Trask R. L. Key Concepts in Language and Linguistics/R. L. Trask. – Routledge, – 1999.

Stashko Halyna Ivanovna,
Kiev National Linguistic University,
postgraduate student,
the Faculty of Germanic Philology
E-mail: galinastashko@gmail.com

Different approaches to the classification of American folk songs

Abstract: American folk song corpus has been widely investigated using a variety of approaches to the classification issue. All approaches are of key importance since they don't only simplify search, but also enable detailed and integrated analysis of culture and language.

Keywords: American folk song; American history and culture; folk song typology.

Folk songs exist in every culture being both a mouthpiece and a touchstone of history and national values. America, a comparatively young nation formed only several centuries ago, seems to incorporate by far the best song treasures brought by immigrants. Though American folk song heritage is allegedly claimed completely derived, it has its unique and prominent features. Many researchers and scientists find it difficult to root the public domain in question; more and more expert works are being conducted to prove its identity. Obviously the point in collecting, classifying and analyzing song folklore is not only to handle huge amounts of information, but also to identify similarities and therefore realize key differences in customs, apply received data in various spheres. It is worth noting that the most accurate classification doesn't exist; each approach is considered true and contributory and that is the reason why we use a variety of viewpoints to the classification issue. The analyzed reference list allows speaking about folk song typologies taking into account origin, chronology, region, subject-matter, et alias.

American folk songs are tied in with America's prominent historical events, so it appears logical to start by investigating the **chronological approach** offered by Theodore Raph [15], a noted composer, arranger and musical director. He classified American folk songs accordingly: **Early America (1620–1810)** ("Barbara Allen", "Yankee Doodle", etc.), **Pioneer America (1810–1860)** ("Down in the Valley", "Cindy", etc.), **America's Coming of Age (1860–1890)** ("I've Been Working on the Railroad", "Clementine", etc.), **Turn-of-the-Century America (1890–1910)** ("Daisy Bell", "I Love You Truly", etc.), **Twentieth-Century America (1910 — the present)** ("Red River Valley", "Aura Lee", etc.). This approach is still in use in directories and song collections as it is the easiest one in song tracking if the period the song achieved wide popularity in is known. Folklore can't escape blurred dates, but the American

one being comparatively young gives mostly accurate time periods with some approximations in terms of very early American Indian samples. Indeed it reflects the times, the growth and the milestones of American history. Knowledge of history and culture are interconnected; once a child is aware of his/her family customs and traditions as well as historical events, there are high chances for a nation to show common progress. The one interested in his/her national heritage will learn from mistakes in the past and respect the values set through centuries.

Carl Sandburg [16], an American writer, poet and editor, in line with numerous online song banks [3; 11] and encyclopedias [4; 9; 17], presented an **origin-based classification**, i. e. into **American-Indian** ("Hey, Hey, Wataney", "Shenandoah", etc.), **African** ("Pick a Bale of Cotton", "Good Morning Blues", etc.), **European** ("Billy Boy", "Greensleeves", etc.) origin, et alias. It helps estimate the degree of influence cultures of origin have had upon Americans and root factors molding the nation. Those interested in spotting identities may find it useful to learn old overseas customs which contributed to present-day America. Each song is accompanied with the story behind it in the context of its historical and sociological setting as well as cultural roots. So there is possibly no better way to learn American culture formation than by using and analysing incredible folk songs.

Speaking about the connection of origin and American culture it must be mentioned that American-Indian songs play a vital role in history and education, with ceremonies and stories orally passing to new generations. Judging from the analyzed songs it is clear that many rituals are shaped by folklore and contain symbols important to the nation, tribe, community, family or individual. In other words, real life is performed through songs. Similarly, it has been found that due to lexical analysis many of the songs that are identified with struggle, empowerment, human rights, and perseverance originate

from the African-American community. From blues and jazz to slave-era spirituals the influence of African culture on the evolution of folk music has been immeasurable. A great deal of American folk songs are of European origin, mainly brought by English-speaking immigrants and considered as the core background in everything connected with America due to geopolitical and social reasons. Combining, mixing, and melting into each other these cultures produced what is now called the American culture, inspired by the past though always future-oriented.

Analysing American folklore scholars often refer to the above mentioned classification as a means of culture interpretation. For instance, Alan Dundes invoked the “mirror” concept of Franz Boas that “folklore is invaluable as a reflection of a particular culture’s conditions and values”. The concept is still applied to relate historical and cultural information about a group, with the presumption that it is also a marker of a particularistic social identity [8, 54]. Similarly, Richard M. Dorson [7] called for folklorists’ attention regarding American folklore as the background of American history, with its unique circumstances and environment. It is also remarkable that Benjamin A. Botkin [6] always insisted on approaches to folklore that did not separate the lore from the folk who created it. He saw the study and use of American folklore as contribution to creative writing, an understanding of history, and cultural renewal. He granted legitimacy to studying key aspects of the life of modern folk in tight connection with ancestors. Both Richard M. Dorson and Benjamin A. Botkin being opponents shared the common view that there was distinctive American folklore that needed to be studied in relationship to the nation’s history and literature.

Regional/geographical typology [11] is widely accepted in cases when folk songs are analysed to track regional peculiarities in terms of dialects and customs. Popular art pieces with fine and catchy melody may vary from **Alabama** (“Charlie Over the Ocean”, “Kitty Kitty Casket”, etc.) to **California** (“Mohave Bird-Dance Song”, “Song of the Eagle”, etc.), from **Ozarks** (“Bought Me a Cat”, “Gypsy Davy”, etc.) to **Appalachia** (“Go Tell Aunt Rhodie”, “Jolly is the Miller”, etc.), adding new words, lines and even couplets, juggling with characters and places. Apart from folk songs popular in each state or region, there are state songs devoted to be state anthems. The most well-known examples include “Our Delaware” (Delaware), “Carry Me Back to Old Virginny” (Virginia), “The Old North State” (North Carolina).

Folk songs may also be classified by **subject matter**. The classification proposed by Alice H. Osman and Jean McConochie [13] includes such groups as **Songs of Youth and Love** (“Billy Boy”, “Down in the Valley”, etc.), **Songs of Work and Play** (“I’ve Been Working on the Railroad”, “Pick a Bale of Cotton”, etc.), **Songs of War and Protest** (“The Hammer Song”, “We Shall Overcome”, etc.), **Spirituals and Gospel Songs** (“Rock-a My Soul”, “Do Lord, Remember Me”, etc.), **Songs of the Moving West** (“On Top of Old Smoky”, “Red River Valley”, etc.). Amy Appleby and Jerald B. Stone [5] also focused on subject-matter classification which highlights the following themes: **Songs of Colony Times and British Roots** (“In Good Old Colony Times”, “Bar’bra Allen”, etc.), **On the Wild Frontier** (“The Banks of the Ohio”, “The Yellow Rose of Texas”, etc.), **Way Down South** (“Dixie”, “Kentucky Babe”, etc.), **From the Mountains and Valleys** (“Red River Valley”, “She’ll Be Coming ‘Round the Mountain”, etc.), **Battle Songs and Sea Shanties** (“Sailing, Sailing”, “Just Before the Battle, Mother”, etc.), **Hymns and Spirituals** (“Amazing Grace”, “Rock-a My Soul”, etc.), **Patriotic Anthems** (“America, the Beautiful”, “The Marines’ Hymn”, etc.), **Good Old Fashioned School Days** (“School Days”, “Bright College Years”, etc.), **Home for the Holidays** (“Home, Sweet Home”, “Jingle Bells”, etc.), **Songs of the Heart** (“Beautiful Dreamer”, “I Love You Truly”, etc.), **Novelties and Memories** (“Daisy Bell”, “Grandfather’s Clock”, etc.) et al. Additionally, online song banks [3; 11] give a wide range of subjects previously mentioned and add some extravagant ones such as **Weather and Nature** (“Sally Go ‘Round the Sunshine”, “Frosty Weather”, etc.), **Birds and Animals** (“The Cuckoo”, “Kitty Alone”, etc.), **Food and Colours** (“Shortnin’ Bread”, “Ida Red”, etc.), **Professions and Skills** (“Jolly is the Miller”, “Hunting Song”, etc.). Topical researchers provide very narrow typologies according to their scientific interests. These may be **facetious songs** (“Hole in My Bucket”, “A Frog Went A-Courtin’”, etc.) [1; 2], **children’s songs** (“Hush, Little Baby”, “Make New Friends”, etc.) [12], **ballads** (“Black Jack Davy”, “Father Grumble”, etc.) [10], which are further subdivided and meticulously analyzed. For example, Anna Maria Malkoç [12] gives a detailed classification of children’s songs: **action and counting songs** (“Hickory Dickory Dock”, “Ninety Miles from Home”, etc.), **general group songs** (“Billy Boy”, “Clementine”, etc.), **rounds and part songs** (“Are You Sleeping?”, “Make New Friends”, etc.), **lullabies** (“Hush, Little Baby”, “Sleep, Baby, Sleep”, etc.).

The subject-matter classification type is user-friendly and simple for those who are looking for instant musical activity ideas, singalongs, and programs. Drinking songs, sporting songs, train songs, work songs, war songs, and ballads do not identify the singer from the cultural perspective but create atmosphere regardless of region and family origin. Are folk songs more entertainment then? From its origin, folk music has mainly been the music of the working class. By rough definition, it is something anyone can understand and in which everyone is welcome to participate. However, judging from the American culture people generally treat the American folk song more as a tradition than entertainment as there are folk songs dating so far back, that they can be considered oral stories. They may tell stories that often don't even appear in history books.

From the onset of American history, folk music has shown up at times when the people needed it most. Present-day America is celebrating the folk song and music revival. Whilst it is generally agreed that it is partly due to modern music and song bands that popularise American folklore, and partly because of scientific investigations that aim at interpreting words, phrases and images. But the main evidence to illustrate such a revival is immense popularity of the folk song itself which attracts more attention and appeals to more souls.

In this light, the **linguistic approach** to the classification of American folk songs may appear useful due to many a reason. First, it helps analyze the very popularity and explain it with linguistic proof provided. Second, folk data when used in teaching may facilitate the educational process, motivate and inspire students. Turning now to the details of the linguistic approach, research has shown that it may range depending upon the sphere of particular scientific interest. Folk songs may be grouped according to **male and female characters** ("Danny Boy", "Oh, Susanna", etc.), showing gender preferences throughout history. **Stylistic, lexical and phonetic means and devices** help identify regional/dialectal and social status peculiarities. It is clear from the above that the approach in question is highly recommended for **educational purposes** [14]. Then folk songs may be divided up to their **level of complexity** in terms of **grammar and vocabulary** used ("Go to Sleep, Little Baby" for beginners, "Where Have All the Flowers Gone?" for intermediate level). **Monologue/dialogue** division is found useful to develop **speaking skills**, learn/teach **interrogative sentences** and contribute to **listening comprehension practice** ("Lazy Mary", "What Shall We Do with a Drunken Sailor?", etc.).

Musical classification is of huge importance herein and thereafter. Music goes inseparably with a text and is perceived as an entire block. Thus, I consider grouping by musical principles in combination with cultural aspects a relatively organic, though still incomplete, classification of folk songs; which, in its turn, will promote national values and establish communication of generations. The more precise studies focus on **musical instruments** to accompany lyrics, **rhythmic element, style, scale, form and meter parameters**, etc.

Bearing in mind the approaches discussed in this article, I propose to examine the famous song, "Clementine", and fit it to different classifications with particular attention paid to practical usage of the received information. The classical approaches listed herein help users understand historical and cultural environment (chronological and origin-based approaches) in which the song was born and developed, the territory of its popularity (regional/geographical approach). The song belongs to the **1860–1890** period slot, when **America was Coming of Age** [15]. It is of **American origin** [3; 4; 9; 11; 16; 17] which is proved by the historical event, Gold Rush that took place in **California** in 1849. The song is about a gold miner (**Professions and Skills** [3; 11]) and his daughter, Clementine, their life in the valley (**From the Mountains and Valleys** [5]) in the west of the USA (**Moving West** [13]). Both **male and female characters** make this folk song equally popular with men and women. The subject-matter classification focuses on the main characters, their lives and feelings, as these points are considered close to the audience. As far as the linguistic classification is concerned, the emphasis is on exact peculiarities of practical and scientific usage. For example, the song is worth using in teaching **the Past Simple tense, inversions, prepositional phrases, vocabulary to the topic "Appearance", the diphthong /ai/, aspiration**, etc [13; 14]. Having analyzed stylistic and musical details, it is clear that the song is **ironically humorous** in manner [1] as it is rich in stylistically-marked vocabulary to describe the girl and its melody can be even **whistled** (the character J. Frank Parnell, played by Fox Harris, did it in the 1984 film *Repo Man*, directed by Alex Cox). **Piano and guitar arrangements** also sound rich and full. The fact that "Clementine" is used in **cartoon show series** (Huckleberry Hound by Hanna Barbera production; the Sci-fi show *Red Dwarf*), **TV series** (Shelley Duvall's *Tall Tales & Legends*), **nursery rhymes** ("Call the Doctor") speaks about its **audience** who are mainly **children**. It is interesting to note that its **rhythm** supplemented with **repetition** and **anaphora** is typical of a number of **chants by sports supporters**, such as the *Barmy Army*. The second stanza

of the refrain bears marked similarities to the “Ale, Ale, Ale” fan chant heard at German DFB Pokal and UEFA Champions League soccer matches (“You are lost and gone forever, dreadful sorry, Clementine ...”). Scenes from **serious movies** (the John Ford movie *My Darling Clementine*; Michel Gondry’s film, *Eternal Sunshine of the Spotless Mind*) are immediately perceived ironic when melody excerpts are used as background.

Conspicuously, various sources give various approaches to the classification issue. Folklorists focus on regional/geographical factors, while musicians opt for melody and rhythm giving greater prominence to sense and instrument synergy; and for a linguist emphasis made is nothing but pure interest in words and images created by them and mingled with culture.

It appears, therefore, that an all-purpose scheme of classification is hardly possible and even ineffective. It comes from my analysis that each classification aims at a particular goal. Once significant features are distinguished and a specific concern is focused on, one has an empirical basis from which to determine such a classification and conduct further analysis.

All the above mentioned approaches undoubtedly prove the fact that American song folklore is claimed to be a major aspect of America’s national and cultural identity. Americans have always been proud of their musical and singing traditions; whatever classification is referred to, it always shows huge love to singing and huge love to America.

References:

1. Панасенко Н. И. Модели развития сюжета текста шуточной песни // Лінгвістичні студії. Випуск 4. – Черкаси: Вид-во ЧДУ, – 2002. – с. 40–52.
2. Панасенко Н. И., Дмитриев Я. Ф. Культурологический подход к классификации американского песенного фольклора // Вісник Луганського національного педагогічного університету ім. Т. Шевченка. № 24 (163) Грудень. – 2008. – с. 168–183.
3. American Folklore. – [electronic resource]. – http://americanfolklore.net/folklore/2010/10/american_folk_songs.html
4. An Encyclopedia of American Folklore/Edited by J. H. Brunvand. – New York & London.: Garland Publishing, Inc., – 1996. – 812 p.
5. Appleby A., Stone J. America’s All-Time Favorite Songs. – New York. London. Sydney.: Amsco Publications., – 1991. – 398 p.
6. Botkin B. A. A Treasury of American Folklore. – New York.: Bonanza., – 1993. – 932 p.
7. Dorson R. M. Handbook of American Folklore. – Bloomington, Indiana, U.S.A.: Indiana University Press., – 1983. – 568 p.
8. Dundes A. The meaning of folklore: the analytical essays of Alan Dundes/Edited and introduced by S. J. Bronner. Logan, Utah: Utah State University Press., – 2007. – 443 p.
9. Encyclopedia of American Folklore. Facts on File Library of American Literature/Edited by L. S. Watts. New York.: NY Facts on File., – 2006. – 448 p.
10. Kingman D. American Music. A Panorama. – New York: Simon and Schuster Macmillan., – 1990. – 684 p.
11. Kodaly Center. The American Folk Song Collection. – [electronic resource]. – <http://kodaly.hnu.edu/collection.cfm>
12. Malkoç A. M. Old favorites for all ages. – Washington, DC: USIA., – 1994. – 131 p.
13. Osman A. H. and McConochie J. If You Feel Like Singing. – English Language Programs Division. Bureau of Education and Cultural Affairs. United States Information Agency: USIA., – 1993. – 95 p.
14. Panasenکو N. I., Salnikova O. American Folk Songs in the Language Classroom // IATEFL-Ukraine Newsletter. Iss. 13. Vol. I, – 1998. – p. 18–19.
15. Raph T. The American Song Treasury. 100 Favorites. – New York: Dover Publications., – 1986. – 406 p.
16. Sandburg C. The people, yes. – Mariner Books., – 1936. – 300 p.
17. The Folk Songs of North America/Edited by S. Collins. – New York: Dolphin Books., – 1975. – 624 p.

*Khrabrova Ekaterina Sergeyevna,
Bryansk State University,
Associate Professor, the Faculty of Foreign Languages
E-mail: indivisibility@inbox.ru*

The ways of modeling the images of hero and enemy in the English political discourse (as exemplified in political speeches of 1939–1945)

Abstract: The article deals with analyzing the ways and methods of modeling the images of hero and enemy as well as revealing and systematizing the ways of manipulative influence employed in the English political discourse.

Keywords: political discourse, military political discourse, global strategic purpose, the cognitive aspect of strategic actions, linguistic means of political strategy implementation.

*Храброва Екатерина Сергеевна,
Брянский государственный университет,
доцент, факультет иностранных языков
E-mail: indivisibilityv@inbox.ru*

Способы моделирования образа героя и образа врага в английском политическом дискурсе (на материале политических выступлений 1939–1945 гг.)

Аннотация: В данной статье проводится анализ публичных выступлений британских и американских политических деятелей 1939–1945 гг. с целью выявления средств и способов моделирования образа героя и образа врага, а также выявления и систематизации средств манипулятивного воздействия, используемых в английском политическом дискурсе.

Ключевые слова: политический дискурс, милитарный политический дискурс, глобальная стратегическая цель, когнитивный аспект стратегического действия, лингвистические средства реализации политической стратегии.

Анализ публичных выступлений ведущих политических деятелей Британии и США периода Второй Мировой войны — Ф. Д. Рузвельта, Н. Чемберлена, У. Черчилля, позволил установить, что ключевой стратегией в английской милитарной политической риторике является моделирование образов героя и врага, что обуславливает специфику формулирования публичных речей национальных лидеров Великобритании и США.

Характерной особенностью формулирования текста публичной речи политика, способствующей реализации ее персуазивной установки (установки на убеждение), является ее бинарное структурирование, то есть подача информации по принципу «черно-белого» изображения, когда «свой/свое» противопоставляется «чужим/чужому», а образ героя противопоставляется образу врага.

Стратегия моделирования образов героя и врага основывается на взаимодействии двух основных аспектов стратегического действия — когнитивного и речевого. «Когнитивный аспект связан с планированием

и прогнозированием определенного речевого действия, в соответствии с имеющимися у коммуниканта знаниями, пресуппозициями и установками. Речевой аспект охватывает процессы выбора и комбинирования языковых средств при создании персуазивного текста для выражения в нем определенного концептуально-тематического, функционально-прагматического и формально-стилистического содержания под контролем глобальной стратегической цели» [3, 5].

По мнению А. А. Филинского, основными компонентами создания образа героя являются реификация (процесс превращения абстрактных понятий в якобы реально существующие феномены, приписывания им субстанциональности, в результате которой они начинают мыслиться как нечто материальное) и делигитимация оппонента (социально психологическое явление, присущее эскалации конфликта; заключается в описании оппонента в негативных социальных категориях, исключении его из сферы приложения конвенциональных норм и правил) и мы-дискурс [5].

По определению российского историка А. В. Фатеева, «образ врага» является идеологическим выражением общественного антагонизма, динамическим символом враждебных гражданину и государству сил, инструментом политики правящей элиты [4, 4]. Человеку свойственно переносить любые внутренние трудности и негативные качества на некий собирательный враждебный тип, который олицетворяет силы зла и разрушения. Образ врага даёт огромное облегчение для собственной совести. Он же «избавляет общество от моральной ответственности» [1, 342].

Как бы семантически ни различались те или иные виды образов «врагов», их главная функция — нести представления о том, что является угрозой самому существованию группы, угрозой базовым ценностям сообщества. Смертельная опасность, исходящая от врага, является важнейшим признаком этих смысловых или риторических конструкций. Но в любом случае враг представляет собой апеллятивный фактор, мобилизующий всех членов сообщества к солидарности и сплочению вокруг власти или группового авторитета, который гарантирует им условия безопасности и избавления от угрозы уничтожения [2].

Анализ публичных выступлений британских и американских политиков периода Второй Мировой войны позволяет выявить совокупность основных стратегий формирования образов героя и образа врага, к числу которых можно отнести следующие стратегии:

1. стратегия создания реальной угрозы;
2. стратегия создания дихотомии «мы-дискурс» vs. «они-дискурс»;
3. стратегия идеализации героя и демонизации (делигитимации) врага.

Рассмотрим языковые средства реализации каждой из указанных стратегий.

Стратегия создания реальной угрозы применяется как для формирования образа героя (преодоление угроз различного уровня для достижения победы), так и для формирования образа врага как источника этих угроз и актуализируется в тексте следующими языковыми средствами:

– использование **эпитетов**, часто имеющих метафорическую основу, описывающих всю тяжесть ситуации, в которой оказались британские и американские военные: *poignant hour* (горький час); *in this hour of great sacrifice* (в этот час великих жертв); *tremendous task which confronts us* (невероятная задача, которая стоит перед нами); *one of the greatest battles in history* (одна из величайших битв в истории);

– использование **асиндетона** для интенсификации сложного пути, который предстоит пройти героям на пути к победе:

They will be sore tried, by night and by day, without rest — until the victory is won.

We have before us many, many long months of struggle, of suffering.

– использование **развёрнутой метафоры** для демонстрации тягот лишений, которых не испугаются настоящие герои, защитники Британии и Америки:

The darkness will be rent by noise and flame. Men's souls will be shaken with the violences of war.

*We have before us **an ordeal of the most grievous kind**.*

– использование **специально подобранных лексем высокой степени экспрессивности** с семантикой бед, страданий и лишений, принесённых войной (*travail* – тяжёлый труд, тяготы; *I have nothing to offer but blood, toil, tears and sweat* — Мне нечего предложить, кроме крови, тяжкого труда, слёз и пота; *so much sacrifice and suffering* — столько жертв и страданий).

Стратегия идеализации героя актуализируется подбором языковых средств разного уровня, высвечивающих положительные качества воюющих на стороне союзнической армии лиц. Чаще всего политики акцентируют такие качества как сила, бесстрашие, отвага.

Тактические приемы и средства прагматического фокусирования образа героя реализуются:

а) через прямые номинации, например, *heroes* (герои), *brave warriors* (храбрые воины), *best-trained and finest troops* (самые лучшие войска с самой лучшей подготовкой);

б) через номинацию (чаще всего вторичную, метафоричную) явлений, ассоциируемых с героическим образом, например, *pride of our nation* (гордость нашей страны); *heroic servants* (героические слуги), *honest toil* (героический тяжёлый труд); *unbounding determination of our people* (несгибаемая решимость наших людей)).

Несгибаемость и стойкость героев также раскрывается в использовании приёмов синтаксического уровня, например, **параллелизма**.

*For these men are lately drawn from the ways of peace. **They fight** not for the lust of conquest. **They fight** to end conquest. **They fight** to liberate. **They fight** to let justice arise, and tolerance and goodwill among all Thy people. **They yearn** but for the end of battle, for their return to the haven of home.*

Стратегия демонизации врага состоит в позиционировании врага как жестокого, кровожадного, бесчеловечного. Это главным образом достигается использованием лексем с ярко выраженной пейоративной семантикой.

Тактические приемы и средства прагматического фокусирования образа врага реализуются:

а) через прямые номинации, например, *enemy*, *foe* (враг), *tyrant* (тиран);

б) через номинацию (чаще всего вторичную, метафоричную) явлений, ассоциируемых с образом врага, например, *unholy forces of our enemy* (нечестивые силы нашего врага); *the apostles of greed and racial arrogances* (апостолы алчности и расовых бесчинств); *schemings of unworthy men* (махинации недостойных людей); *aggressive act of force* (проявление агрессии); *their sickening technique* (их тошнотворные, отвратительные методы); *two giant marauders* (два хищника-гиганта), *war and tyranny* (война и тирания); *treachery* (предательство, коварство, вероломство); *Hostilities* (жестокость); *grave danger* (серьезнейшая опасность); *dastardly attack* (подлая, трусливая атака)).

Особенно ярко образ врага создается посредством использования развёрнутых метафор:

- *terrible catastrophe lies on the shoulders of one man, the German Chancellor, who has not hesitated to plunge the world into misery in order to serve his own senseless ambitions;*
- *monstrous tyranny, never surpassed in the dark and lamentable catalogue of human crime.*

Стратегия создания дихотомии «мы-дискурс» vs. «они-дискурс» главным образом реализуется на когнитивном уровне путём создания в сознании адресата политической коммуникации чётко сформированного представления о действиях Британии, Америки и их союзников как праведных и единственно возможных в ситуации противостояния жестокому и беспринципному врагу в лице гитлеровской Германии. На языковом уровне данная дихотомия чаще всего реализуется противопоставлением притяжательных местоимений *our/their*.

Our sons, pride of our nation, this day have set upon a mighty endeavor, a struggle to preserve our Republic, our religion, and our civilization, and to set free a suffering humanity.

Несколько слов хотелось бы сказать о некоторых принципиальных различиях в выступлениях британских и американских политических деятелей.

В американской военной политической риторике используется больше обращений к богу и божественному промыслу, победа в войне не мыслится без божьей помощи. Отсюда больше попыток представить действия союзнической армии как праведные и угодные богу, а фашистской армии — как грешные и заслуживающие божьей кары.

And we know that by Thy grace, and by the righteousness of our cause, our sons will triumph.

Использование инверсии в примере, приведённом выше, свидетельствует о вторичности человека и его деяний в сопоставлении с деяниями божьими.

And, O Lord, give us faith. Give us faith in Thee; faith in our sons; faith in each other; faith in our united crusade.

Приведённое выше предложение представляет собой комплекс синтаксических приёмов — повторов (анадиплозис), а также асиндетона. Целью, как и в предыдущих двух случаях, является демонстрация верховенства бога над человеком, его могущества и справедливости.

При этом действия противника именуются, как *unholy forces of our enemy*, таким образом чётко прослеживается противопоставление: наше дело свято, их действия — от дьявола.

Обращений к богу в выступлениях британских политиков гораздо меньше, противопоставление «свои» — «чужие» рассматривается с позиций нравственности и морали.

We shall enter it with a clear conscience, with the support of the Dominions and the British Empire, and the moral approval of the greater part of the world.

If out of the struggle we again re-establish in the world the rules of good faith and the renunciation of force, why, then even the sacrifices that will be entailed upon us will find their fullest justification.

Таким образом, моделирование образа героя и врага в военном политическом дискурсе Британии и США, оказывается основанным на сходных когнитивных стратегиях, реализуемых с помощью системы разноуровневых языковых средств.

Список литературы:

1. Гозман Л., Эткинд А. Структура тоталитарного сознания // Осмыслить культ Сталина. — М., — 1989.
2. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. Авторский сборник. — М.: Новое литературное обозрение, — 2004.
3. Молодыхенко Е. Н. Создание образа врага как пресуазивная стратегия американского политического дискурса: когнитивный и лингвопрагматический анализ: (на материале публичных речей политических деятелей 1960–2008 гг.) — Санкт-Петербург. — 2010.
4. Фатеев А. В. «Образ врага» в советской пропаганде 1945–1954 гг. — М., — 1999.

5. Филинский А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг.: дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, – 2002.

*Shestakova Olga Valentinovna,
Perm National Research Polytechnic University,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages and Public Relations
E-mail: ovshestakova2014@mail.ru*

Phonosemantic typology of articulatory onomatopoeia (of German and Russian languages)

Abstract: This paper presents a classification of articulatory onomatopoeia, based on objective universal typology S. V. Voronin. Generic and specific features of this type of onomatopoeia in German and Russian languages are revealed.

Keywords: phonosemantics, phonoiconic, onomatopoeia, articulatory onomatopoeia, German, Russian.

*Шестакова Ольга Валентиновна,
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
иностраннных языков и связей с общественностью
E-mail: ovshestakova2014@mail.ru*

Фоносемантическая типология артикуляторных ономатопов (на материале немецкого и русского языков)

Аннотация: В статье представлена классификация артикуляторных ономатопов на основе объективной универсальной типологии С. В. Воронина. Выявлены универсальные и специфические черты данного вида ономатопов в немецком и русском языках.

Ключевые слова: фоносемантика, звукоизобразительность, ономатопея, артикуляторные ономатопы, немецкий язык, русский язык.

Универсальная (типологическая) фоносемантика предполагает системное типологическое описание звукоизобразительной лексики различных языков и выявление на этой основе закономерностей примарной мотивированности этого пласта лексики [1]. На материале многих языков доказано, что звукоизобразительные слова различных языков сопоставимы друг с другом на уровне фонотипа, т. е. типа фонемы в зависимости от ее акустико-артикуляторных характеристик (смычный, щелевой, взрывной, звонкий, сонорный и пр.).

С. В. Воронин предложил двухчленную классификацию ономатопов — артикуляторные и акустические ономатопы. Под акустическими ономатопами понимаются единицы, воспроизводящие фонемными средствами неартикуляторные акустические звучания внешней среды: нем. *klatsch*, *klapp*, рус. *щелк*, *хлоп*

“звук удара”; нем. *klappen*, рус. *хлопать* “гроыхать; стучать”. Артикуляторные ономатопы номинируют звуковые процессы, происходящие в полостях носа, рта и горла человека: рефлекторные (сопровожающие ощущения) и «выразительные» (сопровожающие эмоции) движения: нем. *hatschi*, рус. *пчих*, *апчих* “звук чихания”; нем. *schlecken*, рус. *лизать*, *лакать*. С. С. Шляхова выделила еще одну группу ономатопов, которые отличаются от акустических и артикуляторных по соотносительности с денотатом и значимости фонического компонента, — ономатопы говорения, что приводит к трехчленной типологии ономатопов [2]. Звукоподражательная подсистема немецкого и русского языков представлена акустическими (81–83 %), артикуляторными ономатопами (около 8 %) и ономатопами говорения (9–11 %) [3]. Незначительная доля данного типа ономатопов в звукоизобразительной

системе немецкого и русского языков не умаляет их значимости, поскольку жизнь тела является семиотически значимой и в немецкой, и в русской культуре.

Артикуляторные ономотопы составляют три класса, восемь подклассов, в которых выделяется 36 типов.

Класс А. Носовые

Подкласс А. Собственно носовые

Тип 1. Втягивание носом воздуха: нем. *schneüfeln, schnaufen, schnauben*; рус. *швыркать, шмыргать*. Спираторность звучания выражается фриктивным согласным; носовой характер артикуляции — сонорными. В немецких словах отсутствует вибрант. Возможно, немцы должны сморкаться более деликатно, нежели русские.

Подкласс АВ. Носогорловые

Тип 2. Фыркание: нем. *schnauben, schnaufen*; рус. *швырк, фырка́ть, хоркать, форска́ть*.

Тип 3. Храп: нем. *schnapchen, bofen, schnurken*; рус. *хррр-хррр, храпать, храпеть*. Глухие фриктивные отражают спираторность процесса, вибрант — дрожащий элемент артикуляции. В немецком языке нередко присутствует сонорный /н/, который указывает на носовой характер артикуляции.

Класс Б. Ротовые

Подкласс БА. Ротоносовые

Тип 4. Посвистывание: нем. *pfeifen, flöten; quiquilieren*; рус. *свистеть, фьюкать, фью, фьюить, фить-фить, фюить, фию, фио, фиу*. Фриктивные отражают спираторность и щелевой характер артикуляции. Йот в русских ономотопах и дифтонг /аI/ и звук /ø:/ в немецких указывают на участие и напряженность горла в процессе.

Тип 5. Чихание: нем. *hatzi, hatschi, niesen*; рус. *чихать, прыска́ть, пчих, апчих, чих, чхи, пчих*. Заднеязычный фриктивный указывает на спираторность и участие горловой полости. Условно процесс чихания можно разделить на три стадии: вдох, смычка, выдыхание воздушной струи. Различные единицы в русском языке отражают либо все три стадии (*а-п-чих*), либо две последние (*п-чих*), либо лишь завершение процесса (*чих*). Лабиальный /П/ отражает участие губ и смычный характер кинемы. Сонорный /н/ в немецком слове указывает на участие в процессе носовой полости.

Подкласс Б. Собственно ротовые

Тип 6. Лакание, лизание: нем. *labbern, läbbern, lapren, schlabbern, lecken, belecken*; рус. *лачить, лакать, лизать*. Переднеязычный указывает на участие передней части языка и ротовой характер артикуляции; сонорный — на ее латеральный характер.

Тип 7. Сосание: нем. *saugen, lutschen, lullen, suseln, suckeln, zulken*; рус. *сосать, сосить, чунать, чмокать, тышкать*. Аффриката актуализирует участие губ в процессе и указывает на среднеязычно-небную смычно-щелевую чавкающую артикуляцию, губные — на участие губ в процессе. Корень со щелевыми актуализирует “внутренний” характер процесса (участие передней части языка и щелевой характер кинемы). В немецком языке данный тип представлен корнями, в которых могут быть как щелевой звук, так и аффриката. Сонорный /л/ в немецком указывает на связь с жидкостью.

Тип 8. Всасывание ртом жидкости: нем. *schlüpfen, schlabbern, labbern*; рус. *хлепать, швыркать, швырк, швыр*. Переднеязычный отражает латеральный элемент артикуляции, фриктивные — ее щелевой и спираторный характер, губные — участие губ в процессе.

Тип 9. Плевание: нем. *pfui, toi, spreien, spucken*; рус. *тьфу, плевать*. Взрывной указывает на смычный характер кинемы, фриктивный — на участие губ в процессе и его щелевой и спираторный характер, губно-зубной — на участие губ в процессе.

Тип 10. Чмокание (смакование): нем. *schmatzen, lapren*; рус. *чмокать, чунать, смаковать, чавкать*. Аффрикаты отражают среднеязычно-небную смычно-щелевую чавкающую артикуляцию и участие передней части языка, губные — участие губ в процессе; сонорный /л/ — латеральный характер артикуляции.

Тип 11. Цокание: нем. *schmalzen*, рус. *цок-цок, цокать*. Аффриката указывает на участие передней части языка, заднеязычный — на заднеязычный элемент увулярной смычки.

Тип 12. Щелканье: нем. *klappern, schmalzen, schmirksen*; рус. *щелкать, лязгать, клацать*. Фриктивные отражают щелевой характер артикуляции в начале, взрывные — заднеязычно-увулярную смычку в конце процесса и участие горловой полости.

Тип 13. Чавканье: нем. *schmatzen, katschen, kät-schen, schlappern*; рус. *чавкать, чамкать, чвакать, чмокать*. Аффриката указывает на участие языка и среднеязычно-небную смычно-щелевую “чавкающую” артикуляцию; взрывной — на участие горловой полости и заднеязычно-увулярную смычку. Губной и губно-зубной отражает участие губ в процессе.

Подкласс БВ. Ротогорловые

Тип 14. Дуновение (ртом): нем. *ha, ho, hu, hauchen, pusten*; рус. *фук, хуу, пфу, пфф, фука́ть*. Глухой взрывной указывает на смычный характер кинемы и участие губ; фриктивные — на спираторность; лабиальный — на участие губ.

Тип 15. Вдох/выдох: нем. *ach, hu, puh, hauchen, seufzen*; рус. дышать, пыхтеть, хрюкать, пышкать, ах, уф-ф, пф, ф-ф-ф. Основным компонентом является глухой ффрикативный, который отражает спираторность и щелевой характер кинемы.

Тип 16. Дыхание с присвистом: нем. *ausschnaufen, puh, rusten, japsen, keuchen*; рус. фук, фить. хрюкать, быхать. Основной компонент — глухой ффрикативный или взрывной.

Тип 17. Плач, вой: нем. *heu, hoi, heulen, plinsen, fleppen, jammern, schluchzen, jaulen*; рус. пиньгать, всхлипывать, нюнить, сопеть, хлюпать, грюпать, рыдать, выть, базлать. В зависимости от характера плача в ономотапах актуализируются те или иные фонемотипы:

1) нем. *plinsen, fleppen*; рус. пинькать, пиньгать, всхлипывать, нюнить, скулить, диньгать, нить, плакать, хлюпать “жалобный или тихий плач” (сонорные, часто узкие гласные);

2) рус. сопеть, хлюпать, склектывать “беззвучный плач (ффрикативные)”;

3) громкость и интенсивность плача эксплицируются за счет широких гласных: нем. *jammern* “громко плакать, причитать, голосить; вопить; кричать (от боли и т. п.)”; *jaulen* “выть, завывать”; ср. рус. грюпать, аргать, рыдать, реветь, дзярскать, джярскать, джирскать, рюмить “рыдание” (вибрант); хайгать, выть, базанить, базлать, а-а-а, о-о-о, у-у-у, э-э-э, о-о-ой, голосить “громкий, несдержанный плач” (гласные, взрывные, ффрикативные звонкие). В немецких присутствует сонорный латеральный, который отражает связь с жидкостью. Актуализация гласного отражает свободное прохождение воздуха при его модуляции колебаниями голосовых связок при вое.

Тип 18. Громкий крик: нем. *a-a, ah, schreien, plärren, johlen, brüllen, rufen*; рус. а-а-а, вопить, орать, базлать, хайланить, аркать, аргать. Актуализация широких гласных указывает на тоновый источник и громкость звучания; вибрант — на перенапряжение горловой полости и громкость процесса.

Тип 19. Оранье, рев: нем. *schreien, brüllen*; рус. орать, аргать, рывкать, реветь, рычать, гаркать. Актуализация вибранта отражает большую “грубость, резкость” процесса по сравнению с криком.

Тип 20. Пронзительный крик: нем. *schreien, gicksen, piksen, winseln*; рус. визжать, иргать. Пронзительность усиливается высокочастотным /i/, в немецком — дифтонгом /ei/; эффект резкости усилен звонким ффрикативными и взрывными.

Тип 21. Смех: нем. *ha, ho, lachen, feixen, grinsen, wiehern, gackeln*; рус. ха-ха, га-га, ржать, гоготать. Заднеязычные отражают горловой и смычный характер процесса.

Подкласс БАВ. Ротоносогорловые

Тип 22. Кусание: нем. *happ, happs, beißen*; рус. ам, хам, тяпнуть, кусать. Заднеязычные или гласные заднего ряда отражают горловой характер, смычные — смычный характер кинемы; сонорные — участие носовой полости; губные — участие губ.

Тип 23. Зевота: нем. *a-a-a, gähnen, gaffen*; рус. а-а-а, хам, зевота, хайкать. Заднеязычные в немецком отражают горловой характер кинемы, ффрикативные в русском — щелевой характер, гласные — ротовой характер кинемы.

Тип 24. Ворчание: нем. *brabbeln, grummeln, murmeln, krickeln*; рус. бухтеть, бубнить, бурчат, бормотать. Актуализируются звонкие губные согласные и вибрант.

Тип 25. Стон: нем. *ach, o-o, ächzen, stöhnen*; рус. а-а-а, ох-хо, о-о-о (часто с назализацией), стонать. Гласный и сонорный лабиальный отражают различные виды кинемы — с открытой (гласный) и с закрытой (сонорный) ротовой полостью, часто актуализируется заднеязычный.

Тип 26. Хныканье: нем. *quengeln, wimmern, maunzen, greinen*; рус. хныкать, нить, хнюкать, хинькать. Заднеязычные отражают горловой и щелевой характер кинемы; носовой переднеязычный — участие носовой полости и передней части языка.

Тип 27. Хихиканье: нем. *hi, kichern*; рус. хи-хи, хихикать. Заднеязычный ффрикативный отражает щелевой и горловой характер кинемы.

Класс В. Горловые

Подкласс ВБ. Горлоротовые

Тип 28. Удушье: нем. *urggh*; в русском языке не представлен. Заднеязычный смычный отражает заднеязычную смычку и горловой характер кинемы; вибрант — перенапряжение горловой полости.

Тип 29. Глотание: нем. *gluck, glucken, schlucken*; рус. глотать, глы-глы. Заднеязычный отражает горловой и смычный, сонорный — латеральный элемент кинемы.

Подкласс В. Собственно горловые

Тип 30. Икота: нем. *glucksen, schlucksen*; рус. икать, клокотать. Заднеязычный смычный отражает заднеязычную смычку и горловой характер кинемы. Сонорный лабиальный отражает латеральный элемент артикуляции.

Тип 31. Кашель: нем. *husten, harken, kröchen, qualstern*; рус. кхе-кхе, хыркать, керкать, кашлять.

Сочетание заднеязычных смычного и щелевого отражают горловой элемент кинемы и смену артикуляции (сначала смычная, затем щелевая) при кашле; вибрант — «резкий, лающий» характер кинемы.

Тип 32. Жиление: нем. *krächzen*; рус. *кряхтеть, рехать, кречкать*. Вибрант отражает горловой и дрожащий элементы кинемы; заднеязычный и фриктивный — горловой, спираторный и щелевой характер артикуляции.

Тип 33. Резкое движение: нем. *horr, hops*; рус. *гек, хоп*. Заднеязычные отражают горловой элемент кинемы и напряжение горла; взрывной — резкость завершения действия.

Тип 34. Рыгание: нем. *äks, rülpsen*; рус. *эк, рыгать, изрыгать*. Заднеязычные отражают — горловой характер кинемы; вибрант — горловой и дрожащий элементы кинемы; гласные — ротовой характер.

Тип 35. Рвота: нем. *brechen, speien, spucken, speiben, kotzen*; рус. *бэ, рвать, блевать, изрыгать*. Вибрант отражает горловой и дрожащий элементы кинемы; фриктивный — горловой, спираторный и щелевой характер артикуляции. Заднеязычные отражают горловой характер кинемы.

Тип 36. Хрип: нем. *krächzen, harheln, röcheln*; рус. *хрипеть, хрип, хр-хр*. Вибрант отражает горловой и дрожащий элементы кинемы; фриктивный — горловой, спираторный и щелевой характер артикуляции.

Итак, установлены следующие **универсальные свойства артикуляторной ономотопеи** в исследуемых языках:

1) данный тип ономотопеи представлен тремя классами ономотопов, восемью подклассами, которые включают 36 (немецкий) и 35 (русский) типов. Тип 28 «Удушье» в немецком языке представлен одним примером, в русском материале отсутствует;

2) немецкие и русские артикуляторные ономотопы организованы по принципу соответствия структуры элементов денотата структуре языковой единицы. В артикуляторных ономотопах наиболее значимыми для звуковой картины мира являются *крик* (9–12 %), *плач, вой* (5,6 % в нем., 12,7 % в русском) и *смех, хихиканье* (7,8 % в немецком, 6 % в русском), которые отражают базовые человеческие эмоции; небольшое значение придается таким процессам, как *шмыганье, резкое движение, стон, хныканье, удушье, глотание, кусание, икота, зевота, цоканье, щелканье, чавканье, пошвыстывание, чихание, рвота, хрип*.

Специфические черты артикуляторной ономотопеи в исследуемых языках обнаруживаются лишь в численной представленности того или иного типа: *лаканье, лизание, сосание* (14,9 % в немецком языке; 7,2 % в русском); *плевание* (4,2 % в немецком; 1,3 % в русском); *кашель* (2,1 % в немецком; 4,6 % в русском); *жиление* (0,7 % в немецком; 2 % в русском).

Список литературы:

1. Воронин С. В. Основы фоносемантики. – Л.: Изд-во ЛГУ, – 1982.
2. Шляхова С. С. Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику: учеб. пособие/Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, – 2003.
3. Шестакова О. В. Универсальное и специфическое в ономотопее: дисс. ... канд. филол. наук. – Пермь: ПГГПУ, – 2013.

Section 7. Pedagogy

*Abrosimova Lyudmila Feliksovna,
«Russian state social University», filial branch In Kislovodsk,
Associate professor of the «Social work and social law» department,
PhD in pedagogical science
E-mail: Abrosimova.lyudmila@list.ru*

Musical art and its influence on human personality

Abstract: This article discusses the influence of musical art in the identity of a person in terms of pedagogical sciences. In order to identify the most important areas of spiritual and moral education of younger generation the analysis of the activities of the literary and musical museum in Kislovodsk is carried out.

Keywords: music, art, personality, creativity, upbringing, education, enlightenment.

*Абросимова Людмила Феликсовна,
Российский государственный социальный университет,
филиал в г. Кисловодске, доцент кафедры
Социальной работы и социального права,
кандидат педагогических наук,
E-mail: Abrosimova.lyudmila@list.ru*

О влиянии музыкального искусства на развитие личности человека

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы влияния музыкального искусства на личность человека с точки зрения педагогических наук. Проводится анализ деятельности литературно-музыкального музея в г. Кисловодске с целью определения важнейших направлений духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения.

Ключевые слова: музыка, искусство, личность, творчество, воспитание, образование, просвещение.

Музыка — прекрасная и великая область искусства, оказывающая огромное влияние на жизнь человека. Она входит в жизнь человека буквально с первых его дней. Именно в детстве музыка воспринимается наиболее живо и ярко, укореняется в жизни маленького человека также прочно, как и книга.

В самом раннем детстве музыкальные интересы ограничиваются несложными песенками, легкой танцевальной музыкой. Затем появляются первые образцы классической музыки: «Неаполитанская песенка» и «Танец маленьких лебедей» из балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро», «Сурок» Л. Бетховена, «Рондо в турецком стиле» В. Моцарта и т. д. А некоторые дети уже в раннем возрасте знают и любят увлекательную симфоническую сказку С. С. Прокофьева «Петя и Волк». В подсознательной памяти каждого подрастающего гражданина России всегда живут

воспоминания о яркой и радостной музыке духовых оркестров, проходящих во главе колонн на торжественных парадах.

Интерес к настоящей, классической музыке появляется постепенно. Но чтобы понять ее, нужно потратить какое-то время и приложить определенные усилия: прочитать книгу, пойти на выставку, в театр, на концерт, а, может быть, и выучить нотную грамоту. Радость и восторг, которое испытывает человек после первого успешного соприкосновения с миром большого искусства, столь велики, что с лихвой окупят все затраты времени и сил.

Знакомство с операми, балетами, симфонической музыкой начинается с первого их прослушивания в музыкальном театре, поражая сказочным воздействием живописных декораций. Незабываемое, волшебное впечатление производит происходящее там

действие: подчиняясь одной только палочке «всеомогущего» дирижера, одновременно действуют и поют солисты и хор, играет оркестр, танцует балет.

В древности греки создали замечательный миф о певце Орфее. Когда он пел и играл на кифаре, «дикие звери выходили из своих логовищ и следовали за ним, деревья и скалы сдвигались со своих мест, чтобы послушать его дивную игру, даже море не шумело при звуках его кифары». Там, где бессильны были меч, мужество и отвага, песня Орфея делала чудеса [2, 167]. Это он помог аргонавтам благополучно доставить из Колхиды золотое руно, заглушив своей игрой пение коварных серен. Так еще в древности люди признавали могучую силу воздействия музыки.

Музыка сопровождает человека всю жизнь, в ней находят свое выражение самые высокие чувства и самые тонкие душевные переживания. В горе и в радости, в труде и на отдыхе — музыка всегда с человеком. Она так полно и органично вошла в жизнь, что ее принимают как нечто должное, как воздух, которым дышат, не задумываясь и не замечая. А между тем, попробуем на минуту представить, что из жизни человека ушла музыка. Насколько беднее стал бы мир, лишившись прекрасного своеобразного языка, помогающего людям лучше понимать друг друга.

Но язык музыки, как и любой язык, нужно знать. Конечно, трудно представить себе человека, который так или иначе не воспринимал бы музыку и не понимал бы ее. Но понимание может быть разным: поверхностным и более глубоким. Если человек хочет полюбить и понять музыку, ему необходимо слушать ее внимательно. Постепенно, как бы незаметно для себя, человек учится любить ее, понимать, отличать хорошее от плохого. Так появляется хороший вкус.

Примечательно, что в народной музыке практически нельзя найти примера дурного вкуса, она всегда необычайно правдива. Особенно хоровое исполнение народных песен вводит нас в большой и прекрасный мир музыки. Но в настоящее время наблюдается безумное увлечение, так называемой, «легкой» музыкой. Люди, увлекающиеся и слушающие одну «легкую» музыку, думают, что всякая другая музыка устарела, вышла из моды и может доставить удовольствие только старикам. Это — ни что иное, как высокомерие невежества, где бы и в чем бы оно не проявлялось. Понимание высокой музыки, высокого искусства, обогатит жизнь любого человека, чем бы он не занимался, расширит его культуру, круг представлений и знаний.

В Кисловодске уже более двух десятков лет успешно работает литературно-музыкальный музей «Дача Шаляпина» — неповторимый, уникальный музей на Кавказских Минеральных Водах. В чем же эта уникальность? Это — музей не только одного артиста, а целой культуры конца XIX – начала XX вв., давшей миру, и прежде всего России, плеяду выдающихся деятелей культуры, искусства, науки, образования, техники и т. д. Шаляпин — яркий представитель и выразитель этого времени. Он был поистине универсальной личностью — одновременно и певец, и музыкант, и актер, мастер сценического грима, мастер мелодекламации, писатель, художник, скульптор, поэт, карикатурист. Сама личность Шаляпина олицетворяет синтез искусств. Приходя в музей — памятник архитектуры начала XX века Федерального значения, — зрители наглядно, воочию соприкасаются с великим наследием прошлого: звучит музыка с записью голоса Шаляпина, собраны произведения живописи, скульптуры, фотографии, раскрывающие многочисленные грани его таланта. А любое произведение искусства, по мнению академика Д. С. Лихачева, «создает вокруг себя изумительную, духовную ауру, помогает людям понять прошлую жизнь и осмыслить настоящую. Это и влияние искусства, и приобщение к нему, и сопричастность великому наследию, и, конечно, познание мира через искусство» [3, 4].

И здесь уместно поговорить о нашем подрастающем поколении. Они — дети, в первую очередь, должны воспринимать и осваивать накопленный опыт предков. Приблизительно до 25 лет основное занятие молодых людей — изучение и обучение (в школе, институте и т. д.) Что самое главное в процессе обучения? Думается, система. Чем она последовательней, обоснованней и целенаправленней, тем легче, понятней и доступней будет проходить процесс обучения даже самым сложным предметам и наукам.

В течение нескольких лет на базе ЛММ «Дача Шаляпина» проходило обучение группы учащихся 9, 10 и 11-го классов СОШ № 14 города-курорта Кисловодска, в рамках разработанного сотрудниками музея гуманитарного проекта «Культура». Тематический план проекта учитывал, дополнял и обогащал план общешкольной программы по литературе и истории для этих классов. В нем сотрудники музея попытались соединить три глубоких и объемных пласта-направления в работе с молодежью.

1. Дополнительное гуманитарное образование, отвечающее задачам реформирования образования

в России (гуманизация и гуманитаризация). Это направление, предусматривало ознакомление со специфической музейной деятельностью, а также, углубленное изучение произведений литературы и истории, (например, сравнение интерпретации образа Бориса Годунова у А. Пушкина, М. Мусоргского и Ф. Шаляпина). Занятия по основам искусства были посвящены анализу (сходствам и различиям) эпохи Средневекового Возрождения (XIV – XVI вв.) и «Русского» Возрождения (вторая половина XIX – начало XX вв.).

2. Обучение русской культуре на примере личности Шаляпина, его жизни и творчества. Фигура Шаляпина актуальна сейчас как никогда, именно в современное время — человек «сделал себя сам», поднялся из самых низших социальных слоев России до мирового уровня и признания. Изучив жизнь и творчество Шаляпина, можно точно, ясно и определенно говорить о русском человеке вообще: его характере, судьбе, жизни, ментальности. Шаляпин — большой стимул для изучения и обучения культуре в самом широком ее смысле и значении, личность достойная подражания.

Знакомство учащихся с жизнью и творчеством гениального пианиста, композитора и дирижера С. В. Рахманинова воспринималась в музее особенно трепетно потому, что он был самым близким другом Ф. Шаляпина, аккомпанировал ему в концертах и вполне мог посещать этот дом, будучи на гастролях в Кисловодске летом 1917 года. Рахманинов — один из ярчайших композиторов России и мира

конца XIX – начала XX вв., такое же олицетворение этого времени, как и Шаляпин. В музее во время занятий звучали записи его музыки: второй фортепианный концерт, фрагменты духовного произведения «Всенощная» и многие другие.

3. Третье направление — важнейшее в системе — духовно-нравственное воспитание и просвещение. В максимально простой и доступной форме молодым людям давались основные знания в области этики, эстетики, религиоведения, философии и т. д. Это представлялось особенно важным и крайне необходимым. Мы очень часто слышим, что у нас в России падает духовность, процветает безнравственность, подлость, насилие, «продажность всего и вся». Но вряд ли кто-либо из современных людей четко сможет сформулировать что такое нравственность, духовность, совесть, милосердие, добро, красота, честь, достоинство и т. д. Без ясных и понятных определений все разговоры о таких вещах останутся в памяти ненадолго.

Искусство делают жизнь человека интереснее, содержательнее и красивее, помогает познанию и преобразованию мира.

«Я не знаю другого искусства, которому бы можно было столь безгранично довериться, как музыка. Даже литература, даже самая мудрая книга великого писателя или самые волнующие стихи лучших поэтов, как бы я страстно не любил их, не убеждают меня так в своей правоте, как это бывает, когда я слушаю музыку» [1].

Список литературы:

1. Кассиль Л. Афоризмы выдающихся деятелей русских. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://nsportal.ru/shkola/materialy-dlya-roditelei/library/vyskazyvaniya-o-muzyke> (дата обращения: 20.04.2014).
2. Кун Н. Легенды и мифы Древней Греции. – М.: Издательство «Азбука», – 2013. – 544 с.
3. Лихачев Д. С. Память продлевает время // Наше наследие. – 1988. – № 1. – с. 4.

*Avchinnikova Svetlana Olegovna,
Smolensk State University,
Professor, Social Faculty
E-mail: avsh73@mail.ru*

Dynamics of professional motivation in education in social work

Abstract: This paper discusses the changes in the structure and effectiveness of the motivation of professional activity of the future social workers. Interpretation of quantitative data obtained from the monitoring of professional adaptation of students enrolled in the period from 2003 to 2013 in high schools of the city of Smolensk.

Keywords: social work, professional motivation, motives, dynamics.

Динамика профессиональной мотивации при получении образования в области социальной работы

Аннотация: В статье рассматриваются изменения в структуре и действенности мотивации профессиональной деятельности будущих социальных работников. Дается интерпретация количественных данных, полученных в ходе мониторинга профессиональной адаптации студентов, обучавшихся в период с 2003 по 2013 годы в вузах города Смоленска.

Ключевые слова: социальная работа, профессиональная мотивация, мотивы, динамика.

В профессиях класса «человек-человек» и особенно в их «помогающей» группе, куда включается и специальность «социальная работа», мотивация является краеугольным камнем профессионализма. Между тем, в ряде научных публикаций приводятся данные о том, что по окончании вуза не более 30 % выпускников факультетов социальной работы планируют начать свою профессиональную деятельность в рамках полученной специальности [1], из них порядка 5 % приходится на тех, кто не намерен задержаться в профессии надолго, а рассматривает этот период своей профессиональной деятельности как промежуточный, вынужденный. В Российской Федерации подготовку социальных работников осуществляют сегодня более 150 вузов, ежегодно выпускается несколько тысяч специалистов, а в социозащитных учреждениях страны отмечается дефицит квалифицированных работников, текучесть кадров. Фиксируется противоречие между массовым характером подготовки специалистов для социальной сферы и отсутствием у значительного числа выпускников мотивации профессиональной самореализации на основе полученного диплома об образовании. Обозначенное противоречие лежит в основе актуальной социальной и педагогической проблемы — нерационального расходования ресурсов системы высшего профессионального образования, ориентированной на подготовку специалистов для социальной сферы.

В этой связи немаловажно установить, какие трансформации происходят в мотивационной сфере в период обучения в вузе и какие изменения в образовательном процессе для повышения мотивированности выпускников на успешную профессиональную деятельность в социальной сфере. Это и стало целью предпринятого исследования.

В исследовании на разных этапах приняли участие студенты 3-х вузов г. Смоленска, обучавшихся по специальности «социальная работа» в период

с 2003 по 2013 гг., общее число опрошенных составляет 196 человек.

На адаптивно-ориентировочном этапе подготовки для выявления мотивов выбора профессии первокурсниками использовалась методика эпистолярного сочинения Ю.З. Гильбуха [2]. Испытуемым предлагалось написать сочинение по плану, пункты которого характеризуют компоненты направленности их личности, в том числе цели и мотивы выбора профессии «социальная работа». Анализ содержания работ позволяет констатировать, что альтруистические мотивы («помощь нуждающимся») в выборе профессии являются определяющими для примерно одной четверти студентов-первокурсников. Интерес к социальным проблемам современности побудил избрать профессию «социальная работа» 15 % будущих специалистов. Осознавали социальную значимость профессии при профессиональном выборе около 13 % студентов. Руководствовались необходимостью получить диплом о высшем образовании при поступлении на социальную работу от 8 % до 22 % студентов разных лет. Выбрали социальную работу, будучи неконкурентоспособными в других специальностях, еще около 10% опрошенных. Таким образом, базовая профессиональная мотивация студентов-первокурсников не всегда способствует успешной профессиональной адаптации.

В начале обучения студентам была также предложена методика на выявление самооценки профессиональной мотивации (адаптированный вариант методики Н.П. Фетискина) [4]. Она показала, что среди студентов, поступающих на специальность «социальная работа», не более 25% имеют профессиональную потребность сознательно изучать соответствующую предметную область, овладевать основами социально-педагогического мастерства. В среднем такая же часть демонстрирует функциональный интерес к получаемому образованию. Отдельные студенты (3,3%)

проявляют эпизодическое любопытство к профессионально значимой информации. Примерно у половины студентов в совокупности присутствует либо показная заинтересованность, либо равнодушие к профессиональным проблемам. Это вполне объяснимо, приведенными выше данными о том, что многие заинтересованы лишь в формальном повышении образовательного уровня и ориентированы на профессиональную деятельность в иной сфере.

Повторное обращение к методике произошло в 8 семестре, на рефлексивно-технологическом этапе подготовки, позволило констатировать определенные позитивные изменения в профессиональной мотивации студентов в процессе обучения в вузе. Так, более чем на 15 % увеличилось число студентов, имеющих профессиональную потребность заниматься социальной работой. Несколько увеличился процент студентов, проявляющих функциональный интерес к профессии и профессиональному образованию (с 25 % до 29 %), снизился «процент равнодушия» (с 32,2 % до 22,6 %).

Наряду с изучением общей мотивации освоения профессиональной деятельности, с помощью модифицированной методики С. Н. Глазачева отслеживалась мотивация изучения дисциплин специализации (виды мотивов, доминирующие мотивы) [3]. Методика включает в себя пять групп мотивов: мировоззренческие (стремление разобраться в жизни, сущности профессии, в мировоззренческих вопросах; расширить жизненный кругозор и личностную компетентность); познавательные (интерес к содержанию, к процессу или способам познания); долженствования (долг, ответственность перед самим собой, преподавателями, профессиональным сообществом, перед обществом); престижные (желание не отстать от однокурсников, пользоваться авторитетом, занять высокое положение в обществе); вынужденные (побуждение к познанию под «давлением» извне, без внутреннего принятия этой деятельности). Данный аспект диагностировался дважды на субъектно-развивающем этапе подготовки (в 4 семестре), когда у студентов появилась возможность выбора различных элективных курсов, студенты приобрели первый опыт взаимодействия с клиентами социальных служб и самоопределения в сущности социальных проблем, а также в 9 семестре, на самоактуализационном этапе, предполагающем активное формирование Я-концепции профессионала, собственных профессиональных предпочтений, устойчивых профессиональных интересов.

К завершению обучения увеличилась доля мотивов долженствования, познавательных и престижных

и существенно сократилась доля вынужденных мотивов в общей структуре мотивации изучения дисциплин по выбору студента и дисциплин специализации. Наличие мотивов долга и ответственности свидетельствует о понимании важности профессиональных проблем, связанных со специализацией, для региона и конкретных групп населения. Усиление престижной мотивации мы также склонны трактовать как положительную тенденцию, поскольку видим в этом стремление студентов заявить о себе как о профессионалах нового поколения в социальной работе, для которых имеет значение не только профессиональная эрудиция, но и компетентность в нюансах. При выявлении особенностей выборов на разных этапах обучения по каждому из 15 мотивов, мы исходили из того, что измерения проведены в номинальной шкале и имеют две градации: «+» и «-», поэтому для каждой градации вычислялись абсолютные и относительные частоты (доли), которые затем сравнивались с использованием точного критерия Фишера. При оценке динамики выявлены статистически значимые отличия первого и второго среза по таким мотивам, как «желание разобраться во взаимосвязях между общими и частными проблемами обеспечения благополучия человека и общества», «желание лучше подготовиться к избранной профессии, чтобы оказывать клиентам комплексную качественную помощь», «желание быть компетентным в новых видах социальных услуг», «желание идти в ногу со временем и соответствовать международным стандартам в области социальной работы». Доля выборов данных мотивов на 5 курсе значимо больше доли выборов на втором курсе.

Наряду со структурой оценивалась действенность профессиональной мотивации через конкретные самообразовательные действия, совершаемые студентами: чтение дополнительной специальной литературы, опыт участия в волонтерской деятельности, в семинарах, тренингах, круглых столах по профессиональным проблемам, инициатива обсуждения социально-профессиональных проблем в различных кругах, осведомленность о деятельности общественных организаций и социальных служб города.

На первом курсе не более 10% всех опрошенных назвали по одной-две статьи, или монографии, которые прочли сверх рекомендованных преподавателями. Предприняли самостоятельные попытки повысить свой образовательный уровень путем участия в научно-практических мероприятиях также порядка 10 % студентов. Не более четверти студентов смогли назвать хотя бы одну общественную

организацию в городе, занимающуюся решением социальных проблем.

В ходе повторного анкетирования студентов на выпускном курсе, многие из них называли 5–8 специализированных изданий, несколько интернет-сайтов в качестве источников получения информации по профессиональным проблемам. Каждый четвертый студент сумел охарактеризовать собственный опыт участия в волонтерской деятельности в социальной сфере. У большинства студентов не вызвало затруднений перечисление организаций города, участвующих в решении социальных проблем.

Несмотря на общую позитивную динамику, настораживающим является факт, что не более 20 % студентов указали на испытываемое ими чувство неудовлетворенности по поводу недостаточного участия в самообразовательной деятельности по специальности. Иначе говоря, ситуацию можно охарактеризовать, как дефицит критичности по отношению к себе как субъекту будущей профессиональной деятельности.

Отсутствие стремления сделать и узнать больше по данному направлению обнаруживает дефекты в мотивации студентов, снижает ее действенность.

В целом, как свидетельствуют результаты мониторинга, несмотря на общую положительную динамику, процесс формирования устойчивой позитивной мотивации будущей профессиональной деятельности является чрезвычайно сложным и противоречивым. В среднем от 30 % до 40 % выпускников завершают обучение при отсутствии мотивации профессиональной деятельности в социальной сфере. Данное противоречие для своего разрешения требует отдельной системы мер, включающей диагностику профессиональной пригодности поступающих (возможно, даже введение производственного ценза, т. е. опыта волонтерской или профессиональной деятельности в социальной сфере до поступления в вуз), изменение подходов к материальному вознаграждению специалистов социальной сферы, повышение в целом статуса и престижа профессии в обществе и др.

Список литературы:

1. Баженова М. И., Герасимова М. В. Профессиональная реализация выпускников специальности «социальная работа»/Формирование института социальной работы и образа социального работника в современной России: сборник материалов конференции. – Смоленск: Универсум, – 2006. – С. 15–19.
2. Гильбух Ю. З. Эпистолярное сочинение как метод изучения и воспитания личности школьника//Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. – 1988. – № 7. – С. 45–51.
3. Глазачев С. Н., Когай Е. А. Экологическая культура и образование: очерки социальной экологии. – М., – 1999. – 173 с.
4. Фетискин Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Изд-во Ин-та Психотерапии. – 2002. – 488 с.

*Blahun Nataliia Mykhailivna,
Vasyl Stefanyk Precarpathian National University,
associate professor, Department of Philology
and Elementary School Teaching Methods
E-mail: blagun@email.ua*

The psychological and pedagogic dimensions of quality in education at comprehensive schools

Abstract: The article analyzes the criteria for evaluating the quality of education. It is necessary that such criteria serve as stimuli for improving education; identify the psychic, physiological, and intellectual potential of an individual. It is argued that excellent learning and teaching standards can be achieved only on condition of integrating all the key dimensions of quality in education.

Keywords: quality in education, education and upbringing, educational institution, education outcomes, quality dimensions.

Over the last years, education has been marked by the emergence of new values on the background of

progressing deideologization and rejection of the previous value systems which cultivated knowledge with little

focus on developing creative individuals capable of increasing their knowledge throughout life. The school of today operates under conditions of transition from unified to diversified education content. "The National Doctrine of Education Development" [1] focuses on a radical change of priorities in Ukraine's education. It stresses that high quality education entails an organic interrelation between education and research, pedagogical theory and practice.

Quality in education has been the focus of numerous studies [2; 4; 6; 7; 8]. However, the issues of assessing quality in education need to be addressed more profoundly; particular focus is required on how to separately measure schooling outcomes and a learner's self-education efforts.

In the comprehensive educational institutions of the 21 century, education is viewed not only as an external activity directed at a learner but also as a learner's independent activity. In this case, the previous concept of education is replaced by the new concept of an individual's education as a learner's responsibility, achievements, and failures in the process of building and developing their own personality and individuality [2]. From such a perspective, education outcome is a learner themselves, their essential characteristics which actually define human behavior.

While assessing quality in education, it is important to separately measure schooling outcomes and a learner's self-education efforts. M. Potashnik [2] conducted an experiment (involving over 200 school leavers) with a view to identifying the percentage of self-education efforts in the system of school education. The results of the survey and consultations with educationalists indicate that 23 % of the schoolers surveyed acquire education independently in addition to following the curriculum, with 60 % of them devoting equal amounts of effort to self-education and schooling. These findings suggest a shift in priorities towards self-education, developing skills of working with information sources independently, an increased sense of responsibility for one's own learning outcomes.

Many researchers define quality in education through the quality of a graduate's education. For instance, V. Polonsky [3] regards quality in education as a certain level of knowledge and skills, as well as mental, physical, and moral development achieved by the graduates of a comprehensive educational institution in accordance with education and upbringing goals. This interpretation of quality in education has a strong point in that it is connected with goals. However, the author does

not account for the notion of development in terms of measuring and evaluating it, nor does he explain how the level of knowledge and skills is measured. Other researchers view quality in schooling as a certain level of assimilating the content of education (knowledge, activities, creative experience, emotional relations, values); as physical, psychic, and moral development; and as civic awareness at various stages of the educational process in accordance with individual abilities, ambitions, education and upbringing goals. V. Panasiuk regards quality in education as certain properties which determine its adaptability to implement social goals regarding the development of an individual in terms of their learning, upbringing, social, psychic, and physical characteristics [4]. A. Subetto interprets quality in school education as a complex category and a many-faceted issue which can be described through the categories of quality, structure, system, quantity, effectiveness, evaluation, management, and so forth. From this perspective, he views quality as (a) a set of properties; (b) a hierarchical system of properties; (c) a dynamic variable which reflects the connection and interaction of elements that make up an object or process and constitute its basis; determines the specificity, integrity, and durability of an object, process, or social entity which is of value to man and society [5].

As regards interpreting quality in education in practice, it is traditionally connected with the number of learners whose academic performance is sufficient or high (according to the new evaluation scale — from 7 to 12 points). Other researchers interpret quality in education as the degree of a learner's development or characterize it in terms of the number of school leavers who were admitted to higher educational institutions, in terms of how a school prepares its graduates for life, fosters patriotism, and so forth.

H. Selevko [6] makes significant suggestions as to analyzing education outcomes. He regards the following classifications of knowledge as the most objective: (a) according to the localization of reflection (individual, social knowledge); (b) according to the type of reflection (knowledge of signs, languages, images, objects, procedures); (c) according to the area of knowledge (humanities, sciences, etc.); (d) according to the psychological level (knowledge, recognition, reproduction, awareness, application, automaticity, attitude to knowledge, needs); (e) according to the degree of generalization (facts-phenomena, concepts-terms, connections-regularities, hypotheses-theories, methodological knowledge, evaluative knowledge); (f) an associative model of individual knowledge.

We agree with the opinion that education outcomes can be evaluated in different ways: for different subjects (children, teachers, school), according to different criteria and scales, at different levels. For instance, there can be the following gradation of evaluation criteria:

- Group I — education outcomes which can be measured quantitatively, in absolute, relative, or any other values but necessarily in measurable parameters;
- Group II — education outcomes which can be measured qualimetrically, that is qualitatively, descriptively, or in the form of a point scale, with each point being assigned a certain level of quality;
- Group III — education outcomes which cannot be easily and obviously identified because they are frequently implicit referring to the learner's inner experiences.

Our major priority in education is an individual who is capable of orienting themselves in modern complicated and many-faceted life. We need to identify the integrated characteristics that make up an abstract image of a school leaver. One of the models of a school leaver suggested by educationalists includes the following features: high self-awareness; orientation towards eternal human values; internalized life principles; physical and moral health as a harmony between bodily and spiritual development; erudition which is a sign of extensive basic knowledge and continuous self-education as a need and life-lasting habit; possession of good manners and scorn for evil, rudeness, falsehood; the desire to live honestly; patriotism, civic awareness; social creativity [7]. No matter what perspective we adopt for measuring a learner's education, the main factor is the effectiveness of implementing the principle of the unity of the three functions of education: teaching, upbringing, and development. The process of measuring them is fraught with difficulties. In Ukrainian schools, academic performance is assessed on a 12-point scale, which allows to identify its levels in the following way: 1–3 points stand for the beginning level; 4–6 points, for the average level; 7–9 points, for the sufficient level, 10–12 points, for the high level. Despite being more flexible than the 5-point scale, the 12-point assessment scale is not devoid of subjectivity. This is particularly obvious in assessing a schooler's upbringing which is identified in terms of their attitude to people, learning, obligations, responsibilities, and so forth. The qualitative parameters of aesthetic and moral upbringing are significant criteria for evaluating

upbringing. Fostering moral qualities is based on realizing and internalizing moral values, which constitute contemporary universal human morality.

It should be noted that the overwhelming majority of research on quality in education has focused on the quality of the end result of the school educational cycle — a school leaver as a “product” of pedagogical activity. However, comprehensive educational institutions in Ukraine are made up of three stages, with children first obtaining elementary education (1–4 grades), lower secondary education (5–10 grades) and upper secondary education (11–12 grades). This objectively determines the necessity of developing a system of parameters, criteria and techniques of evaluating the quality at the intermediate stages of the schooling process: the quality of elementary, lower secondary, and upper secondary education. However, the quality of education at every school stage depends on the effectiveness of classroom teaching and upbringing. For this reason, it is important to identify the end result according to a schooler's learning, upbringing, and development. The following dimensions of evaluating the quality of education are pedagogically effective:

- the quality of classroom learning as the basis of education (processual evaluation);
- the effectiveness of an academic process in terms of achieving intermediate goals and the end result (learning, upbringing, development);
- the quality of classroom learning and its outcome (mixed type);
- the quality of learning environment (potential abilities of the subjects of the teaching-learning process, professional qualification, statutory documents, teaching documentation, etc.).

Therefore, Ukraine's comprehensive schools face numerous challenges in terms of the key aspects of education quality and schooling conditions. Resolving the problems requires focusing on the aspect of the school which will be critical to providing quality education; developing and implementing strategies for mobilizing the efforts of educationalists and schoolers; identifying evaluation criteria and techniques of analyzing quality in education in order to effect its transition to a new development stage. Quality in education is interpreted as the outcome of teacher-learner classroom interaction which is characterized by the end result — an individual's level of knowledge, upbringing, and development.

References:

1. Національна доктрина розвитку образования: Утв. Указом Президента Украины от 17 апр. в 2002 г. № 347//Образование. – 2002. – 26 апр. – 1 мая. (№ 26). – С. 2–4.

2. Управление качеством образования/Под ред. М. М. Поташника. – М.: Педа. общество России, – 2000. – 441 с.
3. Полонский В. М. Словарь понятий и терминов по законодательству Российской Федерации об образовании/В. М. Полонский. – М.: Моск. инст. развития образоват. систем, – 1995. – 78 с.
4. Панасюк В. П. Школа и качество: выбор будущего/В. П. Панасюк. – СПб.: Издат. центр проблем качества специалистов «КАРИЙ», – 2003. – 384 с.
5. Субетто А. И. Исследование проблемы качества сложной продукции: Дисс. д-ра экон. наук. – Л., – 1987. – 722 с.
6. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии/Г. К. Селевко. – М.: Нар. Образование, – 1998. – 255 с.
7. Фролов П. Т. Школа молодого директора/П. Т. Фролов. – М.: Просвещение, – 1988. – 223 с.
8. Осадчий И. Образовательные технологии для сельской школы/И. Осадчий//Материалы Всеукраинского проекта АПН Украины «Педагоги-новаторы в Украине», с. 5 (3 декабря 2009 г., г. Киев). – К.: – 2009. – 39 с.

*Benevolenskiy Sergej Borisowitsch,
Doktor der technischen Wissenschaften, Professor,
Professor des Lehrstuhls «Maschinenelemente und Theorie der Mechanismen»
der Moskauer staatlichen technischen Universität
für Automobil- und Straßenwesen (MADI)
E-mail: sbb640@gmail.com*

*Karelina Maria Yurievna,
Doktor der pädagogischen Wissenschaften, Professor,
Leiterin des Lehrstuhls «Maschinenelemente und Theorie der Mechanismen»
E-mail: karelinamu@mail.ru*

*Tscherepnina Tatjana Yurievna,
Kandidat der Geschichtswissenschaften,
Magisterstudentin der Moskauer staatlichen technischen Universität
für Automobil- und Straßenwesen (MADI),
E-mail: 2783974@gmail.com*

Gestaltung des Inhalts einer Lehrdisziplin als Hauptkomponente der Effektivitätserhöhung des Bildungsprozesses

*Der Mensch ist, was er als Mensch sein soll, erst durch Bildung.
Georg Friedrich Wilhelm Hegel*

Abstrakt: In diesem Artikel werden einige Ansätze zur Gestaltung des inhaltlichen Teiles einer Lehrdisziplin im Rahmen eines Bildungsprogramms, das von einer Bildungsinstitution für Hochschulbildung beim Übergang zu den Föderalen staatlichen Bildungsstandarten 3 Plus durchgeführt wird, erörtert.

Keywords: Lehrdisziplin, Auswahl des Lehrstoffs, das Wesen und die Grundsätze der Gestaltung und Entwicklung des Inhalts von Lehrdisziplinen.

Heute sind für die erfolgreiche Realisierung der sozialwirtschaftlichen Reformen die hochqualifizierten Fachkräfte, welche imstande sind, diese Reformen zu verstehen und in die Tat umzusetzen, erforderlich. In dieser Hinsicht spielt das System der höheren Ausbildung die einzigartige Rolle, weil die höhere Ausbildung als ein soziales Institut nicht nur für die Vererbung, Ansammlung und Reproduktion der wissenschaftlichen und speziellen Kenntnisse, sondern auch für die Gestaltung und Übermittlung der Kulturwerte und Verhaltensnormen Verantwortung trägt. Die moderne russische Hochschule:

– bereitet verschiedene Fachkräfte, darunter für andere Ausbildungssystemglieder, welche imstande sind, die genannten Werte zu übermitteln, vor;

– führt vielzählige wissenschaftliche Untersuchungen durch und übergibt deren Ergebnisse in den Produktionsbereich und an die Gesellschaft insgesamt;

– um ein riesiges wissenschaftlich-sachkundiges und menschliches Potential verfügend, beeinflusst in erheblichem Maße die Gestaltung des gesellschaftlichen Bewusstseins, die kulturelle und moralische Mentalität der Gesellschaft, die auf nationalen Traditionen und

allgemein-menschlichen Werten, auf den Grundsätzen der Achtung und des Schutzes der Rechte aller Bürger, darunter auch der nationalen Minderheiten, basiert.

Heute bestehen die Aufgaben der Reformierung der humanistischen und Fachausbildung in der Hochschule in der Vorbereitung einer neuen Generation der Fachkräfte, deren Mentalität mit der gesellschaftlichen Mentalität harmoniert, die über grundlegende theoretische und Fachvorbereitung verfügen und dabei moralisch und intellektuell entwickelte, kreative Persönlichkeiten sind.

Die Hochschulbildung erzieht also, indem sie zum Schlüsselkettenglied im Ausbildungssystem wird, dank ihrer humanistischen Richtung eine geistig reiche Persönlichkeit, die imstande ist, andere Völker zu verstehen und mit ihnen im Frieden zu leben, eine friedliche Entscheidung in jeder Konfliktsituation zu finden, indem sie die Sprache und Kultur eines anderen Volkes kennt und versteht.

Bei der Verhandlung des Problems der Professionalisierung der modernen Hochschulen Russlands soll man in erster Linie auf die Fragen der Struktur und des Inhalts der Studienpläne und Studienprogramme, sowie auf die Fragen, die mit der Studienliteratur im Zusammenhang stehen, was mit dem Problem der Verwaltung des Ausbildungsinhalts unmittelbar verbunden ist, Acht geben.

Das Wesen der Gestaltung und Entwicklung des Inhalts der Studienfächer, welche sowohl vom Standpunkt der Einstellung des Studierenden zu den für ihn nützlichen erforderlichen Informationen, als auch vom Standpunkt des Schaffens der Bedingungen für den entwicklungsfördernden Unterricht vorgenommen werden, beachtend, lässt sich der Rückschluss über die Faktoren, die bei der Gestaltung des Inhalts eines Studienfachs zu beachten sind, ableiten:

erstens, ist eine zielorientierte Auswahl aller Arten des Lehrstoffs mit Rücksicht auf folgende Grundsätze erforderlich:

- Wissenschaftlichkeit;
- Anschaulichkeit;
- entwicklungsfördernder Unterricht;
- Zugänglichkeit;
- Lebensbezogenheit;
- Bewusstheit;
- Regelmäßigkeit und Konsequenz;
- Dauerhaftigkeit der Aneignung der Kenntnisse;

zweitens wird der Inhalt der Ausbildung in vieler Hinsicht durch die Aktivität der Persönlichkeiten des Lehrers und des Studenten bestimmt.

Unter der Entwicklung des Inhalts eines Studienfachs und deren Bestandteile verstehen wir die Vermehrung

und Vervollkommnung der nützlichen Informationen. Als nützlichen Teil des Inhalts eines Studienfachs bezeichnen wir die Gesamtheit der Begriffe und Definitionen, sowie der Kompetenzen, welche durch die nachfolgenden Studienfächer in der Vorbereitung eines Fachmanns als Basiskompetenzen genutzt werden, was die Verwalter aller Ebenen zu beachten haben.

Der Nützlichkeitsgrad einzelner Fragmente des Lehrstoffs eines Studienfachs in der Vorbereitung eines Fachmanns schwankt in der Studententätigkeit ziemlich merkbar. Über einen hohen Nützlichkeitsgrad verfügen die Fragmente der fundamentalen Studienfächer, welche die Basiskompetenzen für spezielle Studienfächer an einer Hochschule gestalten. Durch einen niedrigen Nützlichkeitsgrad werden unserer Meinung nach die Fragmente der Studienfächer, welche den Vorbereitungslevel eines Fachmanns schwach beeinflussen, gekennzeichnet.

Wie wir aus der Praxis sehen, lässt sich der Nützlichkeitsgrad der Fragmente des Lehrstoffs eines konkreten Studienfachs mittels der Systemanalyse der strukturellen Schemata der Studienfächer, sowie der Feststellung der quantitativen und qualitativen Charakteristika der interdisziplinären Verbindungen vom ersten bis zum letzten Studienjahr des Studenten bestimmen.

Wenn man den traditionellen Inhalt der Studienfächer an einer Hochschule analysiert, wird er durch die Studienprogramme und den Studienplan, sowie Lehrbücher und Lehrmittel geregelt. Wie die vielzähligen, durch russische Wissenschaftler durchgeführten Untersuchungen zeigen, haben viele Lehrer Schwierigkeiten mit der Abänderung der Arbeitsprogramme in Bezug auf die Reihenfolge der Themen der Unterrichtsstunden oder deren Kombination.

Diese Situation ist unserer Meinung nach dadurch verursacht, dass das Programm in seiner Grundlage kein logisches strukturelles Schema des Erlernens der Begriffe hat. Doch kann dieses System keine Grundlage für das Verstehen des weltanschaulichen Wesens des zu erlernenden Studienfachs und dessen Bedeutung in Zyklen der Studienfächer für Vorbereitung der Fachleute sein.

Die Lehrer einer Hochschule verbrauchen also mehr Zeit für die Erfüllung des Studienprogramms und nicht für das Schaffen der Bedingungen für die Entwicklung der kreativen Persönlichkeit des Studenten.

Das Interesse des Studenten an der Ausbildung und Selbstausbildung hängt in vieler Hinsicht von der Qualität des Studienstoffs ab. Unter dem Inhalt eines Studienfachs verstehen wir vor allem:

- die Gesamtheit der Kompetenzen, die mit dem Studienfach logisch verbunden sind;

– die Mittel und Methoden dessen Modellierens, die es dem Studenten ermöglichen, selbständig Kenntnisse zu erwerben und seine Erkenntnisfähigkeit zu entwickeln.

Der kreative Inhalt des Studienfachs wird durch den Studienstoff, welcher den Studenten:

- die Zielauswahl;
- die Aufgabenstellung;
- die Auswahl der nützlichen Informationen;
- die Erstellung des Handlungsplans;
- die Bewertung des Ergebnisses;
- die Bestimmung der Aussicht ermöglicht, bestimmt.

Der gestaltende Faktor des Inhalts eines Studienfachs ist dessen Begriffswerk, welches einen Komplex der Zielgesamtheit der Begriffe, Mittel und Methoden für das Erlernen und Realisierung der erworbenen Kenntnisse ist.

Es wird darauf hingewiesen, dass das Begriffswerk eines Studienfachs als verallgemeinertes Instrumentarium den Inhalt aus dessen funktionellen Fragmenten gestaltet, sowie den weltanschaulichen Wert des Studienfachs schafft. Dieses verallgemeinerte Instrumentarium der Erkenntnis des Studienfachs und dessen funktioneller Bestandteile ermöglicht dem Studenten den Erwerb der Kompetenzen im Bereich der Analyse und Synthese des Lehrstoffs.

Aus dem oben gesagten lässt sich der Rückschluss ableiten, dass der Inhalt eines Studienfachs durch das vollständige einheitliche Begriffsinstrumentarium gestaltet werden soll.

Das Fehlen der Basiskompetenzen kann zu einem tiefen Start der Aneignung des Lehrstoffs durch den Studenten führen, ohne eigene allgemeinkulturelle und Fachkompetenzen verliert das Studienfach sein geistesbildendes Gesicht.

Wir sind davon ausgegangen, dass es unter dem Begriffswerk des Studienfachs zwei im Zusammenhang stehende Gruppen der Hauptbegriffe verstanden werden:

- eine Gruppe ist mit dem Studiengegenstand verbunden und erklärt seine Qualitätsseiten;
- die andere Gruppe der Begriffe legt die Mittel und Methoden für das Erlernen der Eigenschaften dieses Gegenstands fest.

Der Zusammenhang dieser Begriffsgruppen bildet die weltanschaulich-kognitive Zielbezogenheit des Studienfachs. Er wird bei der Begründung deren strukturell-logistischen Schemas und Erziehung bei den Studenten der dialektisch-materialistischen Weltanschauung genutzt.

Bei der Zusammenstellung des Begriffswerks des Studienfachs wird in der Regel das Grundprinzip der Logik angewandt, in welchem jeder Begriff durch ein entsprechendes Merkmal charakterisiert wird. Dieses Merkmal kann seinerseits zu einem Begriff werden, und bei der mehrmaligen Fortsetzung solcher Folgenreihe kann man einige Begriffe des konkreten Studienfachs in eine Reihe, welche immer mit einem einfachen Begriff ohne Merkmal endet, einordnen.

Unter dem Begriff des Studienfachs betrachten wir die Gedanken (Ideen), welche die wesentlichen Merkmale des zu studierenden Studienfachs oder der Gruppe der Studienfächer widerspiegeln, was beim Treffen der Verwaltungsentscheidungen innerhalb der Hochschule sehr wichtig ist.

Mit Hilfe des Begriffswerkes kann man also die Hierarchie der Begriffe im Studienfach und die interdisziplinären Verbindungen mit anderen Studienfächern des Studienplans feststellen, sowie die Struktur der zu studierenden Begriffe darin logisch begründen.

In dem zu untersuchenden Verwaltungsproblem ist die Frage der Auswahl des Studienstoffs an einer Hochschule wichtig. Darunter wird die Auswahl der Lehrinformationen (theoretische Bestimmungen, methodische Empfehlungen, Algorithmen, Anweisungen usw.), die auf die Erreichung konkreter Ziele und Aufgaben in der Vorbereitung eines gegenwärtigen Fachmanns gerichtet sind, verstanden.

Bei der Auswahl des Fachinhalts des Studienfachs sollen die Hauptfaktoren (Zielfaktoren, Ressourcenfaktoren usw.), welche die Auswahl des Inhalts eines Studienfachs beeinflussen, berücksichtigt werden. Falls der Inhalt des Studienfachs im Teil der Widerspiegelung der Fachkompetenzen unrichtig ausgewählt ist, kann die Einführung der Fachelemente sogar bei der günstigsten Kombination von Faktoren zum negativen Einfluss auf die Ausgangsergebnisse des pädagogischen Systems führen. Die Optimalität des Inhalts des Studienfachs kann nach verschiedenen Kriterien bewertet werden [1, 229].

Die Auswahl des Lehrstoffs vereinigt in sich den kreativen Prozess der Einfügung dessen origineller Fragmente in den Inhalt des Studienfachs mit der nachfolgenden experimentellen Prüfung in der Lern- und Erkenntnistätigkeit bei der Einhaltung der Forderungen des Arbeitsprogramms des Studienfachs.

Die Fragen des Wesens der Gestaltung und Entwicklung des Inhalts eines Studienfachs an der Hochschule, sowie die Fragen des Inhaltswerkes des Studienfachs und der Auswahl des Lehrstoffs haben eine gestaltete feste theoretische Basis und spielen eine große praktische

Rolle in der Lösung des Verwaltungsproblems — eines wichtigen Bestandteils des ganzheitlichen organisationspädagogischen Problems des Verhältnisses der humanistischen und Fachvorbereitung der Studenten unter gegenwärtigen Bedingungen.

Insgesamt sind wir im Ergebnis der Untersuchung des Problems der Verwaltungsmenschenkunde und des Inhalts der Fachausbildung zu folgenden Schlussfolgerungen gekommen:

- das Treffen der Verwaltungsentscheidungen auf verschiedenen Ebenen ist durch die Notwendigkeit der Professionalisierung des Inhaltes der Ausbildung bedingt, was durch die Änderungen im politischen und sozialwirtschaftlichen Bereich, sowie durch die Bedürfnisse der Gesellschaftspraxis hervorgerufen ist;

- die Richtungen der Reform des Ausbildungssystems wurden zur Grundlage für die Entwicklung neuer Verwaltungsentscheidungen, die den modernen Forderungen entsprechen, was seinen Niederschlag in Studienplänen und Studienprogrammen, Studienliteratur der Hochschulen Russlands, und zwar in Realisierung

des Lernprozesses an der Moskauer staatlichen technischen Universität für Automobil- und Straßenwesen (MADI), gefunden hat;

- die Realisierung der Bestimmungen der Föderalen staatlichen Ausbildungsstandards ist, im Grunde genommen, die Widerspiegelung des Levels der Verwaltung des Ausbildungsinhalts;

- die während der Vorbereitung der Universität an die staatliche Akkreditierung im Studienjahr 2013–2014 ausgeführte Analyse der Studienpläne der Hauptausbildungsprogramme, die an der Moskauer staatlichen technischen Universität für Automobil- und Straßenwesen (MADI) realisiert werden, hat die Feststellung der Änderungen im Charakter der Verwaltung des Inhalts der russischen Hochschulbildung, die in Ansätzen und Grundsätzen der Zusammenstellung der Studienpläne neuer Generation realisiert ist, ermöglicht;

- insgesamt ist das Problem der Verwaltung des Ausbildungsinhalts gewissermaßen auch mit der Fachkompetenz der Lehrkräfte und mit der Professionalisierung des Ausbildungsinhalts verbunden.

Referenzen:

1. Karelina M. Yu., Tscherepnina T. Yu. Geisteswissenschaftliche Entwicklung des Inhalts der fachlichen Vorbereitung der Studenten an den Hochschulen // Kasanskaja Nauka. – 2014. – Nr. 3 – S. 226–229.

*Wagner Irina Wladimirovna,
Institut für strategische Forschungen auf dem Gebiet der Bildung
der Russischen Akademie der Bildung, Professorin, Lehrstuhlleiterin
E-mail: wagner.mail@mail.ru*

Umwelt- und Medienerziehung: sieben prinzipien für das integrative Gebiet Umweltmedienpädagogik

Die Forschungen sind von der Russischen Stiftung für die Geistes- und Sozialwissenschaften unterstützt (Das Projekt № 13-06-00479 «Human Ecology: ein Faktor der Kultur. Die Entwicklung der Umweltkultur von Kindern und Jugendlichen in der Informationsgesellschaft», 2013–2015 Jahre)

Abstrakt: Ein integratives Forschungsgebiet ist im Artikel skizziert. Der Begriff für die integrative Richtung der Erziehungswissenschaft, der im Artikel vorgebracht ist, heißt «Umweltmedienpädagogik». Dieses integrative Gebiet liegt an der Kreuzung der zwei Richtungen: Umwelterziehung und Medienpädagogik. Die beiden Schwerpunkte der Pädagogik sind im Kontext Globalisierung immer häufiger diskutiert. Dabei formt sich ein neues integratives Forschungsgebiet, das verschiedene Aspekte berührt. Sowohl einige aktuelle Aspekte der Forschungen auf dem Gebiet der Umweltmedienpädagogik, als auch einige Gründe der Integration der Umwelt- und Medienerziehung sind in dem Artikel bezeichnet. Sieben Prinzipien der Umweltmedienpädagogik sind im Artikel vorgestellt.

Keywords: Umweltmedienpädagogik, Integration von Umwelt- und Medienerziehung, Massenmedien, Umweltkultur der Persönlichkeit.

Eine neue Generation kommt auf unseren Planeten bei der Globalisierung und bei der intensiven Entwicklung der Informationsgesellschaft. Das ist sogenannte

«Mediengeneration». So nennt man moderne Kinder und Teenager, die immer mehr Zeit am Computer verbringen und Informations- und Kommunikationstechnologien

immer aktiver benutzen. Was für die Einstellungen zur Natur wird «Mediageneration» haben?

Das globale Informationsnetz ist nur eine Seite der Globalisierung. Andere Seite ist eine gefährliche ökologische Entwicklung, ein globaler Charakter der Umweltprobleme. Man muss den «Mediengenerationen» eine Umweltkultur beibringen, damit sie überleben und unseren lebenden Planeten erhalten könnten. Deswegen werden Umwelt- und Medienpädagogik immer akuter.

Der globale Charakter der Prozesse der Informations- und ökologischen Entwicklung bestimmt die entscheidende Bedeutung dieser Gebiete der Erziehungswissenschaft und des Bildungssystems für die zukünftige Zivilisation. Es lässt sich nicht leugnen, dass diese Prozesse nicht isoliert, sondern zusammenverbunden sind. Eine neue pädagogische Richtung, ein neues Forschungsgebiet formt sich jetzt auf der Kreuzung der Umwelt- und Medienpädagogik. Man kann dieses integrative Gebiet als Umweltmedienpädagogik bezeichnen.

Die folgenden Fragen auf diesem Gebiet sind heute aktuell. Welchen Einfluss haben heutige Massenmedien auf die Entwicklung der Umweltkultur der Persönlichkeit? Was für die Einstellungen zur Natur bekommen die Kinder, die die Natur am häufigsten nur im Computer oder im Fernseher sehen? Hängt die Entfremdung der Kinder von der Natur von der Information- und Kommunikationstechnologien ab? Welche Bedeutung haben die persönlichen Erlebnisse der Kinder in der Natur für die Entwicklung ihrer subjektiven Vorstellungen über unseren Planeten? Was für die neuen Möglichkeiten bringen die Informations- und Kommunikationstechnologien für die Umwelterziehung? Wie kann man die ökologischen Prinzipien im Informationsnetz anwenden? Welche Komponente der Prozesse der Umwelt- und Medienerziehung entwickeln sich parallel, fast unabhängig von einander und welche Komponenten integrieren sich? Was muss man machen, um die positive Entwicklung eines neuen Phänomens der Persönlichkeit — einer Umweltinformationskultur zu fördern?

Dieses Forschungsgebiet und diese Richtung der Erziehung sind neu, formen sich jetzt. Es gibt heute fast keine Antworten auf die gestellten Fragen. Das ist aber objektiv determiniert: Diese Prozesse entwickeln sich zu schnell und bringen zu viele widersprüchliche Faktoren, die sowohl negativen als auch positiven Einfluss auf die Persönlichkeitsentwicklung haben. Heute ist es aber klar, dass es um Grundlagen der integrativen Entwicklung der Umwelt- und Medienerziehung gehen sollte. Die Umfragen, die wir durchgeführt haben, zeigen das genau. Alle Experten haben viele negative Faktoren der

modernen Informationsprozesse genannt. Sie haben auch unterstrichen, dass die Informationstechnologien ein positives Potenzial haben; aber man muss sie richtig benutzen. Diese einmütige Meinung war ein Anlass, um nach einem Weg zur gewünschten richtigen Integration der Umwelt- und Medienerziehung zu suchen. Wir schlagen weite vor einige Ideen dazu, die als Prinzipien der Umweltmedienpädagogik betrachtet werden können.

Eine tiefe Integration: Erziehung zur Umweltinformationskultur. Der Weg zu einer neuen Zivilisation soll durch die Entwicklung von persönlich Umwelt- und Informationskultur gebahnt werden. Jetzt geht es am häufigsten um technische Modernisierung der Prozess der Umweltbildung. Es wäre oberflächlich, damit dieses Thema zu begrenzen, weil die globalen Tendenzen der Informatisierung und ökologischen Entwicklung das Wesen der Menschen und der menschlichen Kultur ändern. Man muss eine besondere Aufmerksamkeit der Umweltinformationskultur der Persönlichkeit schenken. Umweltkultur der Persönlichkeit ist der Weg zur Informationssicherheit. Informationskultur bringt neue Möglichkeiten um die Umweltschutzprogramme zu erweitern.

Der ethische Imperativ der Umweltmedienerziehung. In der virtuellen Welt, sowie in der Natur sind die Grenze zwischen Gut und Böse innere Moral, Sittlichkeit und Ethik der Person. Der ethische Imperativ ist die moralische Verantwortung für die Qualität der Informationen und den Zustand der Umwelt auf dem Planeten. Der Informationsraum ist grenzenlos, und die Natur ist antwortlos. Nur innere Werte, Einstellungen, Normen, Gewissen, Verantwortung bestimmen ein menschliches Handeln in der Abwesenheit der externen Kontrolle. Der ethische Imperativ bedeutet eine zielstrebige Erziehung zur hochmoralischen Fähigkeit der Umwelt- und Informationsethik im Alltag folgen.

Ehrfurcht vor dem Leben als Prinzip der Umweltmedienpädagogik. Die lebende Natur kann durch die virtuelle Welt nicht ersetzt werden. Als Albert Schweitzer die Idee der Ehrfurcht vor dem Leben [1] ausgedrückt, war das Informationsnetz nicht vorhanden. Heute, in der Informationsgesellschaft, nehmen Schweitzers Worte eine neue Bedeutung, wenn die «virtuelle Natur» in den subjektiven Vorstellungen der Kinder über unseren Planeten, eine lebende Natur verdrängt; wenn sich «Mediengenerationen» mit der lebenden Natur immer seltener treffen, aber täglich viele Stunden am Computer verbringen; wenn Grausamkeit und Gewalt in den Massenmedien präsentiert werden. Der Wert des Lebens — das ist, was die wichtigsten axiologische Grundlage der modernen Humanismus,

Umweltmedienpädagogik sein soll. Dabei bedeutet Humanismus kein Anthropozentrismus, sondern eine Bereitschaft, jedes Leben zu erhalten: ein Leben des Menschen, der Gesellschaft und eigenes Leben, das Leben der Tiere, Pflanzen, Natur, unseres Planeten. Humanismus bestimmt eine Beziehung zur Natur, die als einen Wert betrachtet wird. Das Prinzip der Ehrfurcht vor dem Leben ist der Idee von der Eroberung der Natur entgegengesetzt. Es ist auch der Permissivität, der uneingeschränkten Freiheit und dem unkontrollierbaren Handeln in der virtuellen Welt gegensätzlich, einschließlich der virtuellen Zerstörung von Leben. Erschießen in den virtuellen Raum ist nicht schädlich für die Umwelt und die Menschen, aber der Mord als Unterhaltung, jede Zerstörung des Lebens ist unmoralisch per Definition. Jahrhunderte der menschlichen Erfahrung sagt: «Du sollst nicht töten». Es geht um die Beziehung zum Leben, um den Wert des Lebens.

Das Konzept der aktiven Tätigkeit. Im Leben gibt es keinen Zuschauerraum. Ein Passives Mitleid hilft niemandem. Über den Mensch wird nach seinem Tun gerichtet. Das moderne Informationsnetz schenkt den Kindern die Illusionen des Zuschauerraums: Man kann am Computer die ganze Welt sehen, mit den Freuden sich unterhalten, verschiedene Informationen finden, Spielen, surfen, Musik hören, Filme sehen... Das ist wirklich gut und nötig. Aber die Persönlichkeitshaltung hängt von den Lebenserfahrungen des Menschen. Wenn ein Kind immer die Rolle der passiven Zuschauer am Computer spielt, wird seine Persönlichkeitshaltung auch passiv. Man kann ein Mitleid erregen, wenn er auf dem Schild des Computers oder im Fernseher sterbende Vögel bei einer Ölkatastrophe beobachtet. Diese Vögel brauchen aber kein Mitleid, sie brauchen eine richtige Hilfe. Die Menschen können helfen, wenn sie verlorne Vögel an den Stränden fangen oder sie mit Booten aus dem Meer retten und sie zur mobil aufgebauten Rettungs- und Rehabilitationsstation bringen, wo die Wildtiere rehabilitiert, also gesund gepflegt werden... Ein passives Mitleid ist eine gefährliche Persönlichkeitshaltung, die Kinder bei der Entwicklung der Informationstechnologien bekommen können. Umweltmedienpädagogik muss den Kindern helfen, eine aktive Persönlichkeitshaltung entwickeln. Dieses Ziel kann man erreichen, wenn man eine Umweltschutz- und Informationstätigkeit der Kinder organisiert. Umweltmedienpädagogik muss die Bedingungen schaffen, damit die Kinder zum Zusehern, sondern zu den aktiven Personen werden, die Bedürfnisse, Motivation und Bereitschaft haben, an der Rettung der lebenden Planeten teilzunehmen.

Wertvolle Erlebnisse und emotionelle Dialog mit der Natur. Die «virtuelle Natur» spricht nicht und braucht den Menschen nicht. Man kann nur eine lebende Natur hören, befühlen, lieben. Emotionelle Wahrnehmung der lebenden Natur ist die wichtigste Motivation zum Umweltschutz. Man kann das nicht vernichten, zerstören, was man liebt. «Mediengeneration» muss eine emotionelle Dialog mit der Natur führen, um sie als ein Leben erkennen. Die Beobachtung der Natur im Internet kann den Kindern neue Information über die Natur, neue Kenntnisse geben. Aber das Gefühl der Liebe zur Natur kommt, wenn man emotionelle Erlebnisse hat, wenn man einen Dialog mit ihr führt. Für Mediengenerationen ist besonders wichtig, die «virtuelle Natur» und die lebende Natur unterscheiden zu können.

Es ist bekannt, dass Kinder nicht immer das Spiel von der Wirklichkeit unterscheiden. Sie können einige Rolle, Handeln, Ziele aus dem Spiel in die Wirklichkeit übertragen. Das ist gefährlich. «Mediengeneration» soll verstehen, dass jedes Lebewesen ein einziges Leben hat und dass es in der Wirklichkeit für jedes Lebewesen keine Taste gibt, um neu zu starten. Deswegen soll die Umweltmedienpädagogik die Kinder zur Idee beibringen, dass das Leben aus dem Spiel bleibt. Dieser Prinzip kann so formuliert werden: «Das Leben ist kein Spiel. Niemand kann mit dem Leben neu starten».

Die Netzmotivation als der kürzeste Weg zur Umweltkultur. Das moderne Informationsnetz hat reiche Ressource, um die neuen Generationen Umweltwerten beizubringen. Heute konstatieren Experten, dass eine negative Information über Umweltprobleme dominiert. Aber der negative Informationsfluss führt zum Pessimismus anhand des Umweltschutzes. Die Forschungen zeigen, dass Teenager eine Umweltkatastrophe als Unvermeidlichkeit betrachten, dass die Einstellungen der Kinder zur Natur von ihrer Umwelterfahrung abhängen. Den Meinungen der Teenager nach, kann ihre Generation schon nichts machen, um die Umweltkatastrophe zu vermeiden. Damit neue Generationen den lebenden Planeten retten können, sollten sie jetzt eine positive Umwelterfahrung bekommen. Man muss ihnen nicht nur Verbote, sondern richtige Handeln beibringen. Sie sollten kennen, was sie persönlich für die Natur, für die Umwelt machen können. Sie brauchen positive Muster. Sie brauchen eine nützliche, positive Information, die sie motiviert und hilft zu handeln. Je mehr positive Beispiele bekommen Teenager im Internet, desto reicher ist ihre positive Umwelterfahrung. Je mehr positive Muster Menschen haben, desto mehr positive Schritte sie wiederholen können. Je mehr positive

Wirkung auf das Modell, desto größer ist die Chance auf einen unabhängigen Umweltgutachter Aktion. Je mehr Umweltschutzaktionen und Umweltschutzorganisationen, desto mehr Chance auf die Rettung des lebenden Planeten.

Solcherweise entwickeln wir sieben Prinzipien der Umweltmedienpädagogik, die wir als ein integratives Gebiet der Erziehungswissenschaft und Praxis bezeichnen:

1) Eine tiefe Integration: Erziehung zur Umweltinformationskultur.

2) Der ethische Imperativ der Umweltmedienerziehung.

3) Ehrfurcht vor dem Leben als Prinzip der Umweltmedienpädagogik: Die lebende Natur kann durch die virtuelle Welt nicht ersetzt werden.

4) Das Konzept der aktiven Tätigkeit: Im Leben gibt es keinen Zuschauerraum; ein Passives Mitleid hilft niemandem; über den Mensch wird nach seinem Tun gerichtet.

5) Wertvolle Erlebnisse und emotionelle Dialog mit der Natur: Die «virtuelle Natur» spricht nicht und braucht den Menschen nicht; man kann nur eine lebende Natur hören, befühlen, lieben.

6) Das Leben ist kein Spiel; niemand kann mit dem Leben neu starten.

7) Die Netzmotivation als der kürzeste Weg zur Umweltkultur.

Das Fazit könnte lauten: Der Weg zu einer neuen Zivilisation soll durch die Entwicklung von der persönlichen Umwelt- und Informationskultur gebahnt werden.

Referenzen:

1. Schweitzer A. Die Ehrfurcht vor dem Leben – Grundtexte aus fünf Jahrzehnten. – Beck, München – 1991.

*Golovnya Vyacheslav Dmitriyovych,
Zhitomir State Technological University,
The Senior Teacher at the Department of Technical Sciences
E-mail: slvgol@gmail.com*

The main conditions and ways of designing skill development of future engineers

Abstract: The main conditions and ways of designing skills development during the training process are considered in the article. The focus is on graphics related subjects. The intensification ways based on the modern computer methods of training are suggested.

Keywords: designing skills, graphics training, creative potential.

*Головня Вячеслав Дмитриевич,
Житомирский государственный технологический университет,
старший преподаватель кафедры общетехнических дисциплин
E-mail: slvgol@gmail.com*

Основные условия и пути развития конструкторско-технологических способностей будущих инженерно-технических специалистов

Аннотация: В статье рассмотрены основные условия и пути развития конструкторско-технологических способностей студентов в процессе обучения графических дисциплин. Предложены пути интенсификации их развития с использованием современных компьютеризированных методов обучения.

Ключевые слова: конструкторско-технологические способности, графическая подготовка, творческий потенциал.

Социально-экономические трансформации, процессы глобализации, интеграции, демократизации и информатизации общества, повышение роли информации и знаний в его развитии выдвигают принципиально новые требования к профессиональной

подготовке специалистов с высшим образованием. В значительной мере это касается инженерно-технических специалистов, профессиональная деятельность которых особенно подлежит модернизации, поскольку происходит в контексте изменений

технологий, средств производства, организационных процессов и т. п. на предприятиях.

Исключительной функцией будущего инженерно-технического специалиста является интеллектуальное обеспечение процесса создания техники на основе применения научных знаний в технической практике. Исходя из этого, во-первых, специальное инженерное образование определяется как сущностная характеристика инженерной деятельности и, во-вторых, предъявляются высокие требования к инженерному образованию, в том числе и в части формирования конструкторско-технологических способностей в процессе обучения в высшем техническом учебном заведении.

Необходимым условием успешного развития конструкторско-технологических способностей в инновационной экономике является владение специалистом современными методами конструирования и изготовления конкурентоспособных изделий, включающих разработку альтернативных вариантов, их анализ и синтез, прогнозирование динамики и тенденции развития объекта, умение пользоваться трехмерными моделями и т. п.

Способности включают в себя как отдельные знания, умения и навыки, так и готовность к обучению новым приемам. Только в этом случае развитие творческих и интеллектуальных способностей превращает, на первый взгляд, обычного человека в гениального ученого, изобретателя или, по крайней мере, выдающуюся личность.

Следует отметить, что в условиях все более широкого внедрения информационно-компьютерных методов обучения при подготовке инженерно-технических специалистов в кругу ученых-графиков высших технических учебных заведений все больше поднимается вопрос о реорганизации графической подготовки (И. С. Голяд [1], Е. М. Джеджула [2], Ю. А. Дорошенко [3], Н. Н. Козяр [4], Г. А. Райковская [5], М. Ф. Юсупова [6] и другие). Внимание заостряется на мысли, что традиционные методы обучения теряют свою актуальность и на их место приходят информационно-коммуникационные. Так, ими осуществлен ряд попыток проанализировать перспективы информатизации графической подготовки и отразить в своих исследованиях ее преимущества и негативные последствия. Однако остается ряд нерешенных вопросов. Тенденция к созданию универсального технического образования требует новых подходов, в рамках которых, кроме глубокого и прочного усвоения будущими специалистами фундаментальных инженерных знаний, у них должны сформироваться

инновационные качества, способствующие креативному развитию профессиональных способностей.

Поэтому одним из методов интенсификации развития конструкторско-технологических способностей является подготовка специалистов в новой информационной среде с применением специального программного обеспечения. Такую подготовку можно вести двумя путями:

- дать студентам конструкторско-технологические знания, которые реализованы в универсальной графической компьютерной среде;

- комплексное внедрение педагогических информационно-коммуникационных средств в учебный процесс, четкая организация самостоятельной работы.

Интеллект будущего инженера, его профессиональные конструкторско-технологические способности закладываются уже в начале графической подготовки, обучения начертательной геометрии, инженерной и компьютерной графики. Подготовка к инновационной конструкторско-технологической деятельности начинается уже с первого семестра обучения — базовая графическая подготовка. Однако это не означает, что после овладения базового курса «Начертательная геометрия, инженерная и компьютерная графика» графическая подготовка завершается. Нет, она продолжается в течение всего обучения в вузе.

Если рассмотреть влияние начертательной геометрии на развитие конструкторско-технологических способностей, то следует отметить, что это математическая дисциплина, и ее задача состоит не только в обеспечении курса инженерной компьютерной графики теоретическими основами построения чертежей, но и в обеспечении профессионально-ориентированных и специальных дисциплин (речь идет не только о линейной и нелинейной начертательной геометрии, но и о многомерном пространстве с его разнообразной структурой).

Предложенный путь решения проблемы, возникшей в результате информатизации образования, различных видов производственной деятельности человечества, в полной мере удовлетворит реальный уровень профессиональной деятельности, который требуется сегодня. Но это ставит конкретные требования к материально-техническому обеспечению дисциплин графического цикла, решения еще одной проблемы — возвращение дисциплин, связанных с компьютерной графикой на специализированные кафедры, которые были переданы ранее на

выпускные кафедры, при этом нарушив естественную иерархическую последовательность графической подготовки, например, «Компьютерное конструирование и геометрическое моделирование».

Первоочередными задачами по достижению поставленной цели являются: создание организационно-педагогических условий, основанных на модернизации их содержания и структуры; подготовка специалистов в соответствии с современными требованиями высокотехнологического рынка труда; предоставление качественных образовательных услуг на основе компьютерных технологий.

Под организационно-педагогическими условиями по реализации технологии формирования конструкторско-технологических способностей студентов средствами графических дисциплин понимается профессионально-ориентированные формы создания образовательной деятельности студентов на занятиях по начертательной геометрии, инженерной и компьютерной графике.

В качестве научно обоснованных организационно-педагогических условий формирования конструкторско-технологических знаний, умений и навыков будущего специалиста мы предлагаем:

- полную компьютеризацию и информатизацию образовательного процесса;
- широкомасштабное использование специальных программных средств в графической подготовке, начиная с базовой;
- развитие образовательных информационных ресурсов, предназначенных для использования в образовательном процессе;
- формирование информационной графической культуры как студентов, так и преподавателей графических дисциплин;
- широкое использование компьютерной графики, специальных графических программ в процессе решения графических задач начертательной геометрии, инженерной графики, проектных работ (курсовое и дипломное проектирование) и т. д.

Использование современных компьютерных технологий позволяют перейти на качественно новую технологию графической подготовки — геометрическое моделирование, ориентированное на разработку чертежей (геометрических моделей) технических изделий, необходимых для их изготовления средствами систем автоматического проектирования. Иными словами, начертательная геометрия как теоретическая основа конструкторско-технологических способностей перейдет на качественно новый уровень.

На наш взгляд, главной составляющей конструкторско-технологических способностей современного квалифицированного инженерно-технического специалиста есть такое качество личности, как его творческий потенциал.

Под творческим потенциалом понимается готовность к созданию субъективно и объективно новых, оригинальных идей и готовность отклоняться от традиционных схем мышления. Инженерно-технический специалист, имеющий высокий уровень сформированности, может самостоятельно находить новые пути решения производственных задач, не имеющих аналогов, и успешно реализовывать их на практике во время своей профессиональной деятельности.

Творческая активность инженерно-технического специалиста является условием выявления и развития его творческого потенциала, а также механизмом реализации и совершенствования конструкторско-технологических способностей.

В работе [7] отмечается, что источником творческой активности студентов является прежде всего интерес к процессу и результату своего труда. Как известно, формированию познавательных мотивов способствуют все средства совершенствования учебного процесса: обновление содержания учебных курсов, модернизация структуры занятий, налаживание связей между предметами, совершенствование методов обучения, расширение форм самостоятельной работы студентов.

Следует отметить, что на развитие конструкторско-технологических способностей будущих инженерно-технических специалистов в значительной мере влияет не только готовность студентов к усвоению учебного материала, подаваемого преподавателем, но и его методическая деятельность. Именно он становится той личностью, которая осознанно регулирует стандарты своего поведения и в процессе обучения постепенно формирует у студентов фундамент знаний, на котором будут формироваться конструкторско-технологические способности. В первую очередь это происходит через осознание своего профессионального опыта.

Исходя из выше изложенного, конструкторско-технологические способности будущего инженерно-технического специалиста — это одна из составляющих в структуре его деятельности, в которой закладываются способности к профессиональной деятельности, направленной на формирование инженерного мышления. Такой деятельностью является инженерное проектирование. Его реализация в высших технических

учебных заведениях приближает студента к реальной профессиональной деятельности, делает активными его знания, учит использовать не только имеющиеся, но и отыскивать необходимые для решения задачи знания.

Многозначность ответов, необходимость принятия последовательных решений «в режиме реального времени» резко увеличивает интерес студентов к труду и открывает простор для развития индивидуальности.

Список литературы:

1. Голяд І. С. Комп'ютерні засоби й технології у вивченні графічних дисциплін. – [Електронний ресурс]/І. С. Голяд. – Режим доступу: [www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum1 ...3/.../ped_2009_03_24_Goliyad.pdf](http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum1...3/.../ped_2009_03_24_Goliyad.pdf)
2. Джеджула О. М. Теорія і методика графічної підготовки студентів інженерних спеціальностей вищих навчальних закладів: дис. ... доктора пед. наук: 13.00.04/Олена Михайлівна Джеджула. – Тернопіль, – 2007. – 460 с.
3. Дорошенко Ю. О. Структура, зміст і дидактичне забезпечення дисципліни «Комп'ютерна графіка» для технічних ВНЗ/Ю. О. Дорошенко//Інформатика та інформаційні технології в навчальних закладах. – 2007. – № 4 (10). – с. 76–79.
4. Козяр М. М. Інноваційні педагогічні технології в процесі графічної підготовки майбутніх фахівців технічної галузі: монографія/М. М. Козяр. – Рівне: НУВГП, – 2012. – 320 с.
5. Райковська Г. О. Теоретико-методичні засади графічної підготовки майбутніх фахівців технічних спеціальностей засобами інформаційних технологій: дис. ... доктора пед. наук: 13.00.04/Галина Олексіївна Райковська. – К., – 2011. – 433 с.
6. Юсупова М. Ф. Методика інтерактивного навчання графічних дисциплін у вищих технічних навчальних закладах: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра пед. наук: спец. 13.00.02 «Теорія та методика навчання»/М. Ф. Юсупова. – К., – 2010. – 36 с.
7. Кучер У. В. Розвиток творчого потенціалу студентів. – [Електронний ресурс]/У. В. Кучер. – Режим доступу: http://tme.umo.edu.ua/docs/Dod/2_2010/kucher.pdf

*Dvornikova Eugene Ignatyevna,
Stavropol State Pedagogical Institute, Professor
of Russian and foreign literature, History and Philology fakltut
E-mail: k.lit@mail.ru*

Personality and the problems of cultural identity

Abstract: In this article the process of “entry” into the culture as a process of becoming self-consciousness, as the process of cultural identity.

Keywords: identity, culture, identity, dialogue.

*Дворникова Евгения Игнатьевна,
Ставропольский государственный педагогический институт,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы,
историко-филологический факультет,
E-mail: k.lit@mail.ru*

Личность и проблемы культурной идентичности

Аннотация: В статье рассматривается процесс «вхождения» в культуру как процесс становления самосознания личности, как процесс формирования культурной идентичности.

Ключевые слова: личность, культура, идентичность, диалог.

Процесс культурной идентичности, обретения своего места в социокультурном пространстве всегда связывается со способностью субъекта видеть и оценивать, наделять идеологическими характери-

стиками объект (другую личность или событие) и самого себя.

Нам необходимо для самого существования сознания оценивать себя с точки зрения Другого,

стремиться выйти за пределы собственного внутреннего знания о себе: «Мы постоянно и напряженно подстерегаем, ловим отражения нашей жизни в плане сознания других людей» [1, 17]. Взгляд Другого необходим для нашего существования потому, что одно сознание существовать просто не может. «Я осознаю себя и становлюсь самым собою, только раскрывая себя для другого, через другого и с помощью другого. ... Важнейшие акты, конституирующие самосознание, определяются отношением к другому сознанию (к Ты)» [2, 344].

Но в нашем сознании любое знание о себе со стороны Другого, оцененное Другим, не сохраняется неизменным. «Все эти через другого узнаваемые и предвосхищаемые моменты совершенно имманентизируются в нашем сознании, переводятся как бы на его язык, не достигают в нем оплотнения и самостояния» [1, 17]. М. М. Бахтин разделял две формы знания, два типа слова: окончательное, затвердевшее знание, монологичное слово и неокончателное, открытое, незавершенное знание, представленное в диалоге. И если взгляд со стороны, с точки зрения Другого, всегда конечен и завершен, как любое точное знание, то собственное знание о себе никогда не бывает конечным, завершенным. Ведь о самом себе человек не может сказать завершающего слова. «Сознание по самой природе своей не может иметь осознанного же начала и конца, находящегося в ряду сознания как последний его член, сделанный из того же самого материала, что и остальные моменты сознания» [1, 314]. Когда мы включаем в сознание знание о себе глазами Другого, то оно теряет свою завершенность, преобразуется, мы преодолеваем его, лишь расширяя, обогащая собственное сознание.

М. М. Бахтин ставит акцент на аффективную, экспрессивную функцию слова, учет которой необходим для адекватного понимания как самого механизма диалога, того, как он осуществляется и как происходят в диалоге процессы. Слово у М. М. Бахтина всегда представлено для говорящего в трех аспектах: как нейтральное, как принадлежащее другим и несущее следы их употребления и как свое собственное. Последние два аспекта реализуются через экспрессивную позицию в конкретной ситуации общения, которую можно прежде всего чувствовать, а не рационально истолковывать. «Хотя мы на самом деле не можем «видеть» мысли Другого, по тому, как его слова «задевают» нас, мы можем их ощутить, почувствовать их форму. Мы можем «интериоризованно» научиться преодолевать пропасть между тем, что

лежит в пределах наших аффективных возможностей, и тем, что вне нашего контроля с точки зрения нашей позиции в той или иной интралингвистической реальности» [3, 116]. Это создает место диалогического контакта, где происходит борьба между степенями свободы говорящего и слушающего, борьба за возможность понимать, а не интерпретировать, принимать позицию Другого, не теряя собственную. И для этого эмоционально-экспрессивной позиции уже не достаточно, необходимо использовать рациональные средства. Местом диалога является сознание, позволяющее развести собственную позицию и позицию Другого. Реализация возможности авторства, возможности своего голоса требует усилий как по осознанию чужих голосов, так и по утверждению собственной позиции на уже занятой территории.

«Я должен выйти за пределы того ценностного контекста, в котором протекает мое переживание ... я должен занять иную позицию в ином ценностном кругозоре...» [1, 107]. То есть необходимо изменить свою точку зрения, заняв на время иную позицию, чтобы увидеть свои переживания и свою ситуацию со стороны.

Б. А. Успенский выделяет ряд планов, определяющих позицию в художественном мире произведения. Это, прежде всего план идеологический, ценностный или оценочный. Автор произведения, определяя «свою» точку зрения, воспринимает изображаемый им мир. Авторская позиция может меняться, вступать в полемику со взглядами героев, а само произведение представляет собой в терминологии М. М. Бахтина многоголосое поле разных позиций. «... Полифония, – пишет Б. А. Успенский, – представляет собой случай проявления точек зрения в плане идеологии» [4, 221].

В произведении «точка зрения» как способ передачи события и взгляда на него выступает в качестве важнейшего композиционного приема. Наряду с полифоническим способом структурирования художественного мира распространенным является «внутренняя и внешняя точка зрения», указывающие на уровни рефлексии автора и героя. Они также имеют идеологический характер. Размещение точек зрения в пространстве произведения может быть представлено в виде диалогического обмена говорящего и слушающего. «Свое» и «чужое» слово принадлежат разным позициям, разным оценочным суждениям. Однако и в одном лице за счет совмещения «внутренней речи», монологического слова, и «внешней речи», слова диалогически обращенного на Другого, сосредоточено несколько оценок, несколько взглядов

на один объект в одном сознании. «Возникает необходимость в особом «языке сознания», способном уловить отвергнутое многообразие выборов, «говорящих» субъекту о себе в точке его непосредственного контакта с миром» [5, 141].

Феномен внутреннего диалога в структуре самосознания на конкретном экспериментальном материале рассматривал В.В. Столин, опиравшийся на положение о том, что уже в самом факте самосознания заложена его двойственность, диалогизм «Я». Источником выступает как разделенность на феноменологическое «Я» и рефлексивное «Я», формирование на основе общения и вовлеченность субъекта в различные и противоречивые отношения. «Возможность рефлексии, возможность критики и несогласия с самим собой возникает отнюдь не в силу каких-то имманентных свойств бестелесного «духовного — Я». Эта возможность создается реальной вовлеченностью в различные системы связей, которые и определяют возможность различных точек зрения субъекта на мир и в том числе на себя самого» [6, 179]. Диалогичность самосознания наиболее ярко проявляется, как считает В.В. Столин, в отношениях «Я — антипод Я». В них воплощается разграничение принимаемых в себе сторон с вытесняемыми, отрицаемыми. Структура самоотношения «раскрывается в диалоге с выделенными «Я» собеседниками, один из которых является сходным, подобным субъекту, а другой — отличающимся от него, объективно другим. Выделение этих других партнеров по самосознанию соответствует реальному различению в процессе общения моментов безусловного и условного принятия» [6, 230]. Эти отношения могут иметь различную эмоциональную окрашенность, быть уважительными и презрительными. «Обращение же к внутреннему диалогу позволяет вскрыть диалектику процесса самоотношения, увидеть, как субъект пытается переработать негативное отношение к себе, сделать свое «Я» более приемлемым» [7, 56].

Уникальную позицию занимает точка зрения автора. Авторское сознание представляет собой некое целое единство, в котором совмещены множества различных позиций. «Сознание автора есть сознание сознания, то есть объемлющее сознание героя и его мир, сознание, объемлющее и завершающее это сознание героя моментами, принципиально трансгredientными ему самому, которые, будучи имманентными, сделались бы фальшивым это сознание. Автор не только видит и знает все то, что видит и знает каждый герой в отдельности и все герои вместе, но и больше

их...» [1, 4]. Но если автор «видит» со всех сторон и героя и все обстоятельства его жизни, то герой не обладает такой визуальностью. Он, его сознание, окружено абсолютно все знающим сознанием автора, но самому ему не вполне видны даже собственные поступки со стороны. Перед ним открывается только лишь возможность увидеть мир и себя в нем. В этом незавершенность позиции героя, позволяющая ему «жить» в пространстве произведения. «... Чтобы жить, надо быть незавершенным, открытым для себя., надо ценностно еще предстоять себе, не совпадать со своею наличностью» [1, 14].

Таким образом, при изучении литературного произведения эмоционально-личностная идентификация с позицией автора создает наиболее благоприятные условия для развития личности в восприятии социальной и культурной реальности.

По М.М. Бахтину, точка зрения, пространственная или временная позиция личности, всегда имеет ценностное наполнение. Позиции моего «Я» и Другого связаны со способностью оценивать, определять аксиологический смысл того или иного предмета. Именно наша оценка, наше отношение к событию, личности, предмету во многом формирует их. «То, что мы в жизни, в познании и в поступке называем определенным предметом, обретает свою определенность, свой лик лишь в нашем отношении к нему: наше отношение определяет предмет и его структуру, но не наоборот...» [1, 8]. Но такой созидательный характер наша точка зрения приобретает лишь в том случае, если она связана с принципиальной позицией наблюдающего. Если же это отношение к вещам оказывается случайным, «когда мы отходим от своего принципиального отношения к вещам и миру, определенность предмета противостоит нам как что-то чужое и независимое и начинает разлагаться и мы сами подпадаем господству случайного, теряем себя, теряем и устойчивую определенность мира» [1, 8].

У М.М. Бахтина эту принципиальную точку зрения может занимать автор произведения. Не автор-человек, а автор-творец, создатель цельного и многообразного художественного мира литературного произведения.

Таким образом, понятие «точка зрения» непосредственно связана с личностью, обладающей способностью видеть мир и себя в нем, оценивать окружающую реальность, рассматривать ценности своего «Я» в контексте культуры. Формирование «точки зрения» в сущности совпадает с процессом формирования субъекта культуры, который выражается

в способности индивида усваивать духовные ценности, отождествляться с идеалом. Соответственно объекты отождествления, к которым стремится личность, содержатся в произведениях искусства. Знакомство

в процессе литературного образования с высокохудожественными памятниками слова, таким образом, позволяет создавать наиболее эффективные условия для формирования культурной идентичности личности.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, – 1979.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 т. – Т. 5. – М.: Русские словари, – 1996.
3. Шоттер Дж., Бахтин М. М. и Выготский Л. С. Интериоризация как феномен границы // Вопросы психологии. – 1996. – № 6.
4. Успенский Б. А. Семиотика искусства. – М.: Языки русской культуры, – 1995.
5. Субботский Е. В. Индивидуальное сознание как система реальностей // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А. Н. Леонтьева. / Под ред. А. Е. Войскунского, А. Н. Ждан, О. К. Тимоширова. – М.: Смысл, – 1999.
6. Столин В. В. Самосознание личности. – М.: Изд-во МГУ, – 1983.
7. Столин В. В., Визгина А. В. Внутренний диалог и самоотношение // Психологический журнал. – М., – 1980. – № 6.

*Dubrovina Irina Vladimirovna,
Pavlo Tychina Uman State Pedagogical University,
postgraduate student,
Department of choreography and artistic culture
E-mail: iradubrovina@ukr.net*

Self-educational activities of music teachers as a condition for creativity implementation

Abstract: Artistic self-educational activities of music teachers are analyzed as a scientific problem. The category of “artistic self-education” of music teachers is defined. Main priority targets and indicators of artistic self-education of music teachers are outlined. The mechanisms of stimulation of artistic self-education of music teachers, their self-education skills as a condition for the implementation of creativity are described.

Keywords: self-education, self-educational skills, creativity, individuality, music and teaching activities, professionalism.

Artistic self-educational activities of music teachers are closely linked with the constant creative search. Synthesis of creativity and artistic self-education creates conditions for renewal of pedagogical professionalism of a teacher, his self-realization and improvement of value orientations. Modern music teacher creates his own moral, professional and aesthetic ideal of «I am a professional image», based on the principles of self-education: activity, systematic, scientific, accessibility, visibility, information. These principles stimulate creative skills in scientific and practical activities as well as in musical and pedagogical work.

K. Zavalko believes that a prerequisite for a music teacher personality self-improvement is self-educational activities. That is why the question of its formation, development and activation is the subject of scientific

researches and the object of relevant discussions, had by many scientists [2], who try to characterize the category of «artistic self-education of music teachers» [3]. After the scientists' researches having been analyzed, we define the concept of «artistic self-education of music teachers» as an independent, voluntary, self-organized and purposeful activity, based on a self-reflection of one's own professional activity and dynamic development of cultural and aesthetic self-consciousness, which is a variable qualitative component of an artistic perception and empathy, derived from aesthetic contacts and aimed at the acquisition of new sensory-evaluative experience, which is necessary to perform professional activities. So, artistic self-education is seen as a leading method for self-improvement of music teachers' professional skills, a condition for a high-quality

implementation of professional functions that are directly aimed at the mastery of all kinds of musical activities. We believe that artistic self-education of music teachers, primarily develops such integrated skills and qualities of a music teacher individuality as an artistic and auditory perception, an artistic imagination, emotions, vocal hearing, the ability to intonate vocal and speech accurately, cognitive, analytical and intellectual qualities, the ability to expand the overall cultural outlook, musical and rhythmic plastic, creative thinking, design capacity. In our opinion, a music teacher should be competent at modern musical styles and genres, artistic and pedagogical technologies (be able to work with musical information computer software, computer programs such as music editors which help to create arrangements and songs to a lesson, instrumental compositions). Creativity, as a basis for self-education, manifests in a musical and also in a pedagogical activity: an ability conduct interesting, fascinating music lessons and extra-curricular activities, to organize concerts, musical and literary evenings, to perform and interpret different pieces of music etc. Naturally, musical, pedagogical and self-educational skills of a music teacher develop gradually on the basis of critical thinking, dialogic musical perception, formation of independent opinions and estimates of perceived art phenomena, artistic and pedagogical experience, awakening teachers' initiative and creative imagination. Without mastering the skills of self-education, a teacher cannot reach the top of pedagogical skills. Therefore, a process of a music teacher self-development is performed continuously on the basis of self-education, which affects the formation of pedagogical skills and the basics of pedagogical culture, psycho-pedagogical literacy and scientific erudition in art regularities. Art is a unique and productive means of self-creation and self-identity of a person, a universal way of a holistic embodiment of a moral and aesthetic ideal and the processes of its development, a paradigm of education [5]. The potential of art is reflected in the self-creation of individuality by the laws of Beauty — the Truth — Good [1]. Scientific researches in psychology of creativity state that art has no meaning outside the perception of individuality; it reproduces the human model, universally expands and, thus, contributes to its formation and socialization [6]. An emotionally weathered artistic image, an intellectually-conscious attitude to it becomes a means of moral and aesthetic development of personal and professional growth through professional judgment and decision content of art as one's own experience. So, a creative

individuality of a music teacher always forms and develops in the creative process. Art is intrinsically linked to a person's attempts to comprehend one's own image of «I am a professional» and the original classification of personal and professional values. The value of artistic self-education, its conceptual foundations affect the level of a music teacher professionalism. The main indicators of artistic self-education of a music teacher include:

- an axiological focus, which allows to focus on the value priorities of teachers and their hierarchy in the structure of personality, creates the conditions for the perception of beauty in nature and life; an objective environment, human mental capabilities and a creative process within the aesthetic requirements (it acquires some special importance due to its professional specialization);
- functional capacity, which affects the culture of a pedagogical dialogue, identifying a pedagogical tact, a teacher's image formation, the creation of a teacher's information fund (the aesthetic patterns database of nature phenomena, art, social life), invariant comprehension and creativity;
- creative activity, which is the ability to generate new ideas that deviate from the stereotypical thinking, to react properly in solving certain pedagogical situations and it acts as a conceptual development indicator (creative inspiration, teaching search, research and development activities). Creative inspiration is one of the categories of a creative activity because it acts as a stimulus factor of creative forces, the capacity accumulator for a teacher.

The creative nature of musical art opens up great opportunities for self-education of a music teacher. After all, it is evident not only in the cultural and aesthetic consciousness, but also in the interpretation of musical works based on the comprehension of a composer's intent, ideas, artistic image of the product. A decisive role in this process is played by musical auditory representations, a musician's intelligence, his artistic and aesthetic experience, his search for the means of artistic expression. It should be emphasized that the creative musical as well as pedagogical activity requires increased emotionality, imaginative thinking, wealth of artistic associations, it appeals to the individual creativity not outside, but also «inside». Self-education depends on a number of circumstances, primarily on the pedagogical environment in which a teacher works; his personal qualities, the level of general education are also very important. Therefore, in order to realize one's own potential

actively, consistently and fully, a teacher needs to master the components of self-education: to design those professional and pedagogical tasks that can match the didactic objectives of the harmonious development of students; to enrich one's own associative thinking by the synthesis of interaction with other kinds of art; to model and improvise pedagogical situations; to combine different methods in the classroom which promote the atmosphere of creativity; to develop series of creative tasks to enhance students' cognitive activity aimed at the formation of their musical competences; to apply various professional roles in accordance with the kind of musical activity.

Developing within a complex interaction, they have a mutual influence on their professional musical and pedagogical activities, increasing its quality level because musical and pedagogical activities are characterized by both general and special skills. Self-educational skills are not only a prerequisite for a teacher's successful professional work, but also a reflection of its structure, because the individual characteristics of a teacher are associated with the characteristics of his professional development that is understood as a compliance of a chosen profession, interests, aptitudes, needs, personality traits, and spiritual needs.

In the process of artistic self — education gradual changes in professional skills quality of music teachers occur, regarding the requirements related to the activities and qualities that make components of his future professionalism are elicited. Thus, an integral structure of a music teacher individuality is formed in the process of musical and pedagogical activities, where artistic and creative, psychological and pedagogical skills as well as self-educational ones are necessary and obligatory components of modern specialist.

A distinctive feature of a musical teaching profession is that special musical knowledge and skills are in a unity with the general teaching abilities. In modern conditions, innovative technologies and approaches in musical educational activities, aimed at an educated, mobile and competitive teacher, require a review of his professional knowledge and skills [1].

It is well known that a music lesson, as an art lesson, is based on the laws of psychology of music perception, the principles of a dramatic musical art, the analysis of a musical form. A didactic lesson structure, determines the nature of its dramatic communication, methods selection, techniques which enhance the aesthetic consciousness of students, the feasibility of using the necessary artistic and pedagogical techniques, logical organization of musical

activity types. A music lesson can be considered successful if there are these forms of work: freedom of judgment, a creative activity and initiative, a unity of a teacher's and student's creative aspirations, an emotional response to a piece of musical art, cognitive activity. The idea of a music lesson is intended to reflect the current state of culture in the society, the students' perception of the art phenomenon and its relationship with life. A modern music teacher refuses patterned and determined lesson forms, seeking for a variety of artistic and pedagogical methods, forms and techniques. A teacher has a system of knowledge and skills that at the high-level of modern requirements can intensify students' educational interest and inspire them by deep content of musical art.

In our opinion, the priority tasks of self-education of a music teacher are: to define an artistic and a didactic lesson goal; to master the psychology of teaching and musical process, to study emotional and cognitive students' capabilities, to monitor artistic and creative abilities of students; to master the elements of art and pedagogical impersonation and reflection of teaching activities. As musical and pedagogical activities combine musical performance, teaching music, methodically research work, based on the ability to generalize and systematize the knowledge got, so the improvement of professional skills constantly occurs in the context of self-education. Thus, for mastering professionalism as the highest level of pedagogical skills, it is necessary to master the whole complex of various self-educational skills: designing, researching, methodological, artistic, creative, informational, and organizational.

Self-educational methodological skills of music teachers allow them to understand the phenomena of musical art deeper as well as the main stages of history and theory of musical pedagogy in its interrelationship and interdependence. As it gives a teacher knowledge of basic laws of formation and development of native and foreign artistic and pedagogical heritage as they relate to the socio- historical conditions, mastering the basic features of national composer schools; the dialectic development of artistic styles; the evolution of the main musical genres and forms. Self-educational methodical preparation of a music teacher should be specially mentioned: mastering the techniques of musical education, special, musical and pedagogical knowledge and skills. Constant practical improvement of musical art teachers requires the development psychological and pedagogical skills: a teacher should know students' musical age psychology, identify the main features of a musical style, analyze pieces of art at ease, identify patterns

of image content and its implementation throughout the complex expressive means. Artistic creative skills that stimulate the mechanisms of creative activity in one's favorite form of musical activity and the need to improve the quality of knowledge and skills related to the improvement of its acquisition develop fruitfully through the process of self-education. To perceive pedagogical process in music pedagogy creatively means to identify and disclose to the end one's own attitude to the pieces of art and musical geniuses of the historical era in which they lived and worked, so clearly and with conviction, as a composer does in order to realize himself in his profession as a creator, researcher and the younger generation mentor who helps to understand the world art values. A music teacher professionalism is reflected in the ability to reveal the drama of a piece of music through creative contemplation of art, which can arouse emotional responsiveness and activity among students while performing, listening to music and thinking about it. Thus, through the development of project and research skills, a music teacher knows, understands, acknowledges and learns the patterns of art. The process of self-education expands the horizons of a music teacher performing and creative work, gives him the opportunity to increase the level performing skills, develops musical skills, enriches artistic and aesthetic experience, develops cultural competence. A music teacher self-educational activity is aimed at enhancing cognitive interests through the atmosphere of a positive emotional state, steady motivation to excel in the world of constant changes as a way to stability in a teaching position. Therefore, a modern teacher needs to develop such skills as self-control, the ability to hold in demesne

one's own perception in the process of mastering music as well as skills which help to interpret modern life philosophically and artistically.

A music teacher educational needs are aimed at self-realization, stimulation of the emotional and volitional sphere, activation of creative pedagogical search, mastering information and organizational skills to demonstrate creativity in one's professional activity. The goal of artistic pedagogy is to help a music teacher to open his creativity potential. In teaching practice the cases of holistic musical talent of music art teachers are rare. Among this category of successful music teachers certain special inclinations and abilities (e. g. vocal performance, knowledge of musical literature) dominate but other ones are insufficiently developed (for example, performing skills, knowledge of the theory and musical analysis, psychological and pedagogical skills, knowledge in music psychology of students).

As a result of activation the process of artistic self-education, musical and pedagogical professional skills of a music teacher balance and come in a harmonious balance by stimulating integral individual teachers' traits (self-cognition, self-organization, self-regulation, self-control) and mastering the skills of pedagogical reflection. Therefore, the artistic self-education of a music teacher is a holistic system of an artistic and aesthetic development of cultural processes. An activation of self-educational process of art teachers is a condition for the realization of creativity, which stimulates research skills and scientific intuition, creative thinking and generates scientific and practical skills, improves artistic thinking as a component of a modern teacher professionalism.

References:

1. Dubrovina I. Self-educational activities of music teachers in the context of teaching creativity / I. Dubrovina // «Modern socio-cultural space 2013»: Proceedings of the Tenth International Scientific and Practical Internet Conference (18–20 September), part 2. – Kyiv, – 2013. – p. 12–17.
2. Zavalko K. Self music teacher: Theory and Technology Monograph / K. Zavalko. – Cherkasy: Ed. from. CNU named after Bohdan Khmelnytsky, – 2007. – 274 p.
3. Zyazyun I. Pedagogy good: ideals and realities / I. Zyazyun. – K.: AIDP, – 2002. – 312 p.
4. Kovalchuk V. On the objective conditions and factors upgrading training modern teacher / V. Kovalchuk // Chelovekovedcheskih Studio: Collected Works Drogobyt'skyy State Pedagogical University named after Ivan Franko / ed. count. T. Bilenko. (editor), B. Keming, M. Chepil et al. – Drogobich: Measurement, – 2004. – Issue 9. Pedagogy. – p. 192–196.
5. Maslow A. Long limits of the human psyche / A. Maslow. [in. from English. A. Tatlydaeva]. – St. Petersburg.: Eurasia, – 1997. – 430 p.
6. Teplov B. Psychology musical abilities / B. Teplov // Selected Works [In 2.]: T. 1 – M.: Education, – 1985. – p. 42–222.

*Zaichenko Nataliia Ivanivna,
National University of Life and Environmental
Sciences of Ukraine, doctorate, the Faculty of Pedagogy
E-mail: natalia_zachenko@ukr.net*

Peculiarities of social-pedagogical work with disabled children in Latin American countries

Abstract: Peculiarities of social-pedagogical work with disabled children in Latin American countries are revealed in the article. The author notes their conditionality with opportunities of the social state and civil society to promote achievement of the general benefit.

Keywords: disabled children, social-pedagogical work, social integration, rehabilitation, social support.

*Зайченко Наталия Ивановна,
Национальный университет биоресурсов
и природопользования Украины,
докторант, педагогический факультет
E-mail: natalia_zachenko@ukr.net*

Особенности социально-педагогической работы с детьми с ограниченными функциональными возможностями в странах Латинской Америки

Аннотация: В статье рассматриваются особенности социально-педагогической работы с детьми с ограниченными функциональными возможностями в странах Латинской Америки. Автор отмечает их обусловленность возможностями социального государства и гражданского общества способствовать достижению всеобщего блага.

Ключевые слова: дети с ограниченными функциональными возможностями, социально-педагогическая работа, социальная интеграция, реабилитация, социальная поддержка.

На рубеже XX–XXI вв. произошли важные изменения в организации социально-педагогической работы с детьми с ограниченными функциональными возможностями в обществе в странах Латинской Америки. Они связаны с осознанием значимости деятельности социальных служб и их роли в социальной интеграции людей-инвалидов, содействии социальному и гражданственному участию таких людей. На международном уровне в латиноамериканском регионе были приняты правовые документы, определяющие политику стран Латинской Америки в отношении людей с ограниченными функциональными возможностями, в частности, Картахенскую Декларацию о комплексной политике в отношении людей с ограниченными функциональными возможностями на Иberoамериканской территории (1992 г.), Межамериканскую Конвенцию об искоренении всех форм дискриминации в отношении людей-инвалидов (1999 г.), Декларацию десятилетия о правах и достоинстве людей с ограниченными функциональными возможностями (2006–2010 гг.) и др.

В Конвенции о правах инвалидов ООН (2006 г.) утверждается, что государства-участники принимают все необходимые меры для обеспечения полного осуществления детьми-инвалидами всех прав человека и основных свобод наравне с другими детьми; во всех действиях в отношении детей-инвалидов первоочередное внимание уделяется высшим интересам ребенка (ст. 7) [6].

На рубеже XX–XXI вв. в странах Латинской Америки, подобно к общемировой практике, приобретает развитие социальная модель защиты дезадаптированных людей, а в ее контексте образовательная система для детей с ограниченными функциональными возможностями, ориентированная на особенности их потребностей и многостороннюю социальную интеграцию. Современная общественная практика поддержки в социально неравном мире отражает не столько разные формы социального участия населения, сколько разные возможности достижения социального блага. Социальные вызовы для подрастающего поколения в развивающемся мире представляются большей сложностью

на пути созидания общества свободы и благоденствия в сравнении с изначальными возможностями молодежи в странах с высоким уровнем социально-экономического развития. Социально-педагогическая работа как практика общественной поддержки в латиноамериканском регионе направлена на обеспечение возможностей повседневного выживания значительных групп населения, преодоление социальных барьеров, на воплощение “педагогике освобождения” (П. Фрейре).

Социально-педагогическая работа в странах Латинской Америки ориентируется на продуцирование разнообразных практик социального, гражданского, межкультурного воспитания. Первоочередное внимание в этой деятельности сосредотачивается на поддержке детей, пребывающих в условиях социальной эксклюзии, лишенных возможностей получать образование.

Содержательными компонентами социально-педагогической работы в странах Латинской Америки выступают организация центров дошкольного воспитания, детских приютов, гражданских учреждений, а также деятельность социальных визитеров с детьми, семьями. Сами центры социальной помощи распределяются на две группы: к первой группе относятся центры, в которых социальную деятельность поддержки осуществляют профессиональные социальные работники и педагоги, ко второй — те, в которых поддержку предоставляют главным образом волонтеры (прежде всего это гражданские приюты).

В Мексике организация социальной работы по реабилитации людей-инвалидов начинается с 1950-х годов. Детская больница в Мехико в ходе борьбы с эпидемией полиомиелита создала условия для медико-социальной реабилитации больных детей, а в 1952 г. был основан Центр реабилитации (в апреле 1976 г. преобразован в Национальный Медицинский Институт реабилитации). В 1960 – 1970-е годы ведущую роль в социальной поддержке детей с ограниченными функциональными возможностями осуществляли Национальный Институт опеки детства и Мексиканский Институт помощи детям.

В 1980-е годы Национальная Система комплексного развития семьи Мексики разработала Программу реабилитации инвалидов и с целью ее реализации создала огромную социальную инфраструктуру — Реабилитационный центр в Мехико, Национальный Институт реабилитации слепых детей, Национальную школу слепых людей, Центр трудовой адаптации, центры реабилитации и специального образования, центры комплексной реабилитации, психопедагогические

центры. В течение 1988 – 1994 годов Национальная Система комплексного развития семьи работала над внедрением и воплощением Программы помощи инвалидам, содействовавшей облегчению социальной интеграции людей с ограниченными функциональными возможностями в семье и обществе.

Созданная в феврале 1995 г., Национальная Комиссия содействия благосостоянию и развитию людей с ограниченными функциональными возможностями среди ведущих направлений социальной поддержки людей-инвалидов определила такие программы, как: здравоохранение, обеспечение благосостояния и социальной защиты; доступность образования; программа трудовой реабилитации и труда; программа культурного культурного развития, рекреации и спорта; правовая защита людей с ограниченными функциональными возможностями и др. [1, 15–16].

В рамках Национального плана развития Мексики 2001 – 2006 гг. была инициирована Национальная программа внимания к людям с ограниченными функциональными возможностями, в которой нашли отражение положения об актуальности новой культуры социальной интеграции дезадаптированных людей в обществе, необходимости обеспечения их политических, социальных, личностных прав, достижения равенства возможностей в обществе, социальной справедливости. Для реализации целей, обозначенных в документе, был образован Национальный консультативный совет по интеграции людей с инвалидностью в обществе. В Мексике действует 988 ассоциаций, объединяющих людей с ограниченными функциональными возможностями или же образованных для защиты их прав и интересов в обществе; 871 организация признана официально [1, 18].

В Аргентине первое учреждение реабилитации инвалидов было основано в 1937 г. в Буенос-Айресе. В 1960-е годы Национальная Комиссия реабилитации инвалидов в составе Министерства социальной помощи и здравоохранения Аргентины инициировала деятельность Института реабилитации инвалидов, Центра профессиональной реабилитации, Школы протезирования, Школы эрготерапии, Школы детской психиатрии и иных учреждений, предназначенных исследовать проблемы инвалидности и способствовать их разрешению.

В соответствии с законом № 22.431 от 16 марта 1981 г. о системе комплексной защиты инвалидов Аргентины было определено, что медицинская помощь, образовательная поддержка и социальное обеспечение являются основными составляющими

социальной защиты людей с ограниченными функциональными возможностями в обществе. Социальная поддержка людей-инвалидов, гарантированная государством, предусматривает комплексную реабилитацию (развитие способностей человека), трудовое и профессиональное обучение, социальную помощь, образование (в общеобразовательных и специальных учебных заведениях), ориентирование и поддержание индивидуального и социального развития человека (ст. 4) [2].

В чилийском законе № 20.422 от 10 февраля 2010 г. о равенстве возможностей и социальной инклюзии людей с ограниченными функциональными возможностями было утверждено положение о том, что они могут получать образование в общеобразовательных государственных и частных учреждениях или в учреждениях специального воспитания (ст. 34). В целях реализации социальной политики по поддержке людей с ограниченными функциональными возможностями, по содействию их социальной интеграции и участию создавалась Национальная служба по делам инвалидности (el Servicio Nacional de la Discapacidad — SENADIS) (ст. 61) [3].

Национальной службе по делам инвалидности Чили отводилась ведущая роль в разработке и внедрении Национального плана действий по социальной интеграции людей с ограниченными функциональными возможностями (2013–2020 гг.).

7 % населения Чили (2011 г.) имеет определенную степень инвалидности. 19,4 % населения с функциональными ограничениями на протяжении жизни не может обучаться; 30,6 % — не завершают начальное образование; всего 14,1 % — имеют полное среднее образование и 7,1 % — высшее [4, 15].

Среди стран латиноамериканского региона формы инклюзивного образования для детей с ограни-

ченными функциональными возможностями наиболее распространены в Коста-Рике, в других странах доминируют учреждения специального воспитания. Например, в Мексике 70 % детей с ограниченными функциональными возможностями посещают заведения специального воспитания [5, 36].

Учреждения социальной поддержки для детей с ограниченными функциональными возможностями условно можно классифицировать таким образом:

– центры помощи, в которых с детьми работают учителя, имеющие специальную профессиональную подготовку, социальные работники, педагоги, психологи; к этой группе относятся образовательные учреждения поддержки (las Unidades de Servicio de Apoyo a la Educacion Regular), центры психопедагогического внимания дошкольного воспитания (los Centros de Atencion Psicopedagogica de Educacion Preescolar), комплексные центры (los Centros de Atencion Multiple);

– школьные службы (los Servicios Escolarizados), предназначенные для детей с тяжелыми формами инвалидности, нарушениями развития; здесь обязательно работают врачи, окупациональные терапевты, социальные работники;

– социальные службы ориентирования, предоставляющие поддержку и социальные услуги информационного и консультационного характера индивидуально или семьям, коллективам по проблемам преодоления инвалидности.

Таким образом, организация социально-педагогической работы с детьми с ограниченными возможностями в странах Латинской Америки имеет свои особенности, обусловленные возможностями социального государства и гражданского общества способствовать достижению всеобщего блага.

Список литературы:

1. Las personas con discapacidad en Mexico: una vision censal. – Mexico: Instituto Nacional de Estadistica, Geografia e Informatica, Edificio Sede, – 2004. – 222 p.
2. Argentina: Ley 22.431 de proteccion integral para los discapacitados. – [El recurso electronico]. – El regimen del acceso: <http://digitalcommons.ilr.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1005&context=gladnetcollect>.
3. Ley 20.422 establece normas sobre igualdad de oportunidades e inclusion social de personas con discapacidad. – [El recurso electronico]. – El regimen del acceso: <http://www.leychile.cl/Navegar?idLey=20422>.
4. Politica Nacional para la inclusion social de las personas con discapacidad 2013–2020. – Santiago de Chile: Servicio Nacional de la Discapacidad, Ministerio de Desarrollo Social, – 2013. – 48 p.
5. Samaniego de Garcia, P. Personas con discapacidad y acceso a servicios educativos en Latinoamerica. Analisis de situacion. – Madrid: Comité Español de Representantes de Personas con Discapacidad, – 2009. – 538 p.
6. Конвенция о правах инвалидов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml.

*Ivanova Severina Vladimirovna,
Russian State Pedagogical University A. I. Gertsena,
postgraduate student
E-mail: severina.iv587@gmail.com*

Canadian virtual school initiatives

Abstract: This article considers different distance learning programmes in Canadian schools. The materials of annual reports of Ministry of Education and provincial consortia of Canada are used.

Keywords: distance learning, virtual initiatives, e-learning strategies.

*Иванова Северина Владимировна,
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург,
кафедра педагогики и психологии, аспирант
E-mail: severina.iv587@gmail.com*

Канадские виртуальные инициативы в школах

Аннотация: В данной статье рассматриваются различные программы дистанционного обучения в школах Канады. Используются материалы ежегодных отчетов Министерства образования, консорциумов провинций Канады.

Ключевые слова: дистанционное обучение, виртуальные инициативы, стратегии электронного обучения.

Приводимые ниже сведения о провинциальных программах выполнены на основе данных исследования INACOL 2010 года, являются поправками, обновляются и дополняются современными исследованиями.

Центр дистанционного обучения и инноваций (CDLI) является технологией принятой в провинциях Ньюфаундленд и Лабрадор, которые поддерживали дистанционное обучение, взяв на себя ответственность за образование студентов, проживающих в отдаленных районах. В 100 школах активно обучается около 1 500 студентов (это в провинции с населением всего 500 000 человек).

Франкоязычный школьный совет, совет Scolaire Acadien (CSAP) предоставляет онлайн обучение (и традиционные школы) для студентов в Новой Шотландии и Нью-Брансуик [10]. В докладе INACOL за 2010 год говорится, что вместе NSVS и CSAP обучались около 650 студентов в год.

Нью-Брансуик является двуязычной провинцией и имеет онлайн обучение на английском и французском языках. Программы обучения в настоящее время предлагают "... более 40 высоких школьных курсов, включая все необходимые курсы в 11 и 12 классах уровней, а также множество дополнительных". Студенты в Острове принца Эдварда имеют доступ к системам видеоконференции и некоторым новым ресурсам Brunswick онлайн-обучения учащихся, но эти

группы малочисленны (даже с поправкой на размер провинции с населением всего 140 тысяч), немногим более 30 студентов.

В провинции Онтарио Министерство образования исторически организовало большую часть своей программы K-12 онлайн обучения на районном уровне, хотя INACOL сообщает, что министерство в настоящее время играет еще более активную роль. Министерство опубликовало стратегии электронного обучения в 2006 году и в настоящее время предлагает школьным советам доступ к провинциальным системам управления обучением и интернет-ресурсами. Консорциум Онтарио электронного обучения (OELC) представляет собой консорциум из 20 школьных советов, направленных на максимальную экономию, посредством обмена ресурсами и опытом. Контингент учащихся значительно увеличился в 2009 – 10 годах, и составил почти 9 700 учащихся [11]. Существуют также в провинции Онтарио католические E-Learning Consortium, некоторые католические школьные объединения являются членами OELC.

Консорциум Consortium d'apprentissage Virtuel de Langue Française de l'Онтарио сообщил, что по его программам онлайн обучения успешно были завершены 1 300 курсов в 2009 – 10 годах, с отказом всего 4 % от общего количества учащихся [21].

В провинции Онтарио Министерство образования отвечает за электронное обучение, которое

обеспечивает средние школы в провинции, имеющие доступ к широкому спектру онлайн-курсов для 9–12 классов. Министерство также финансирует школу-пансион. Это расширение проекта на экспериментальной основе в 2007–2008 годах Hamilton-Wentworth католических DSB и Hamilton-Wentworth DSB. Выполнение домашних заданий является свободно доступным в режиме реального времени (но с синхронной или асинхронной поддержкой учителя) программа помощи по математике теперь доступна для 236 000 студентов [22].

Западная Канада (Альберта, Британская Колумбия, Манитоба и Саскачеван) охватывает несколько крупных городских агломераций (например, Ванкувер, Виктория, Эдмонтон, Калгари и Виннипег) и большие просторы с низкой плотностью населения — такие инициативы в области ИКТ составляют большой спектр ответов на различные обстоятельства и проблемы. В докладе INACOL отмечается, что область имеет традиции централизованного K-12, собственные инициативы в области дистанционного образования, но констатирует отсутствие централизованной модели дистанционного обучения.

Провинция Альберта имеет более чем 20 видов K-12 распределенных программ обучения, в докладе отмечается, что «распределение» охватывает все формы дистанционного образования, однако, изучение тематических исследований показывает, что оно может также включать «элементы смешанного обучения» и доступ к Learning Platform. Ответы на всеобъемлющее исследование 2010 года, проведенное в провинции Альберта, предполагают, что студенты, как правило, ценят цифровые технологии для обучения (хотя только 192 респондентов используют программы лично-ориентированного образования, компетенции и других дистанционных учебных программ) [9].

В Британской Колумбии (BC) программа распределенного обучения основана на инициативах районного уровня, есть, например, сельская сеть образования, в провинции, использующие широкий спектр программ, которые лежат в основе этой (и может быть использована самостоятельно распределенными программами обучения в школах). Есть около 60 школ распределенного обучения, перечисленных LearnNowBC хотя и не ясно, в какой степени и каким образом они используют технологии для поддержки обучения. В докладе INACOL сообщает, что было 71 405 уникальных студентов, обучающихся на одном или нескольких курсах через распределенное

обучение в Британской Колумбии (по сравнению с 33 022 учащихся в 2006–07 учебном году).

В провинции Саскачеван центр дистанционного обучения K-12 (в провинции Министерство образования отвечает за доставку курсов через интернет, ТВ и печать на основе моделей) был, в 2009–10 годах, передан в школы. Семнадцать школ и подразделений (есть 29 отделений школ) в настоящее время также используют e-Learning [7]. Центр дистанционного обучения предлагает курсы или места для студентов за пределами своей школы. В докладе INACOL сообщает, что в 2009–10 годах в провинции Саскачеван было «3 591 учащихся дистанционного обучения и 2 650 студентов обычного традиционного обучения».

Три территории Северной Канады (Юкон, Северо-Западные территории, Нунавут и) имеют поразительно низкую плотность населения (0,03 человека на квадратный километр), а вместе составляют менее 1 % от общего населения Канады, по площади суши территории больше, чем в Индии. Таким образом, во многих отношениях, на территории есть меньше автономии, чем в других, и они имеют тенденцию к повторному использованию или адаптации существующих моделей учебной программы других территорий. Это явно влияет на дистанционное обучение K-12 программ в регионе [5].

Правительство Северо-Западных территорий департамента образования (в котором перечислены всего 50 школ) проводит обучение по той же программе, как в провинции Альберта. В докладе INACOL отмечает, что, только один небольшой курс в режиме онлайн, предложил Аврора колледж — высшее учебное заведение.

Точно так же провинция Нунавут не имеет очевидного K-12 онлайн обучения.

Департамент образования провинции Нунавут имеет программу коллективного доступа, согласно которой, «... в местных школах, библиотеках и общинных центрах действуют, чтобы обеспечить компьютерами и поддержкой, как наилучшим образом использовать программы электронного обучения в Интернете». Департамент также имеет схему, чтобы обеспечить низкую стоимость электронного обучения и «аккуратно использовать» компьютеры в школах [19].

Программа электронного обучения, используемая в провинции Юкон, соответствует курсу Британской Колумбии — с учетом местных культурных и языковых контекстов. Департамент образования провинции Юкон опирается на данные Статистического управления Канады, и оценивает провинцию Юкон как

“... самая развитая область, в Канаде имеющая сочетание студент/компьютер с высоким отношением 2,9:1”.

Из доклада Юкон Департамента образования Годовой отчет за 2009 – 2010 учебный год:

“Независимо от места нахождения учащегося или школы, через распространяемые программы обучения, студенты имеют доступ ко всем курсам, доступным в восьми школах дистанционного обучения в Британской Колумбии. Локально, распределенные возможности обучения доступны при подключении с другими классами провинции Юкон с помощью видео-конференц-связи. Французские студенты могут получить доступ к курсам электронного обучения через центр франкоязычной диаспоры дистанционного образования” [15].

Годовой отчет также отмечает, что программа дистанционного обучения “продолжают расти” создаются новые сообщества и что все 14 школ Юкон-сообщества теперь имеют видео-конференц-залы (в дополнение к объектам в некоторых других центрах провинции Юкон).

Кредиты и курсы

На сегодняшний день департаменты по образованию всех канадских провинций предлагают десятки программ онлайн-обучения. Благодаря e-learning desktop желающие изучают иностранные языки с последующим получением сертификата об окончании курсов. Необходимые восемь кредитов — это семь обязательных курсов и один предмет по выбору. К первым относятся английский язык и литература (три курса = три кредита), математика (два курса = два кредита), история (два курса = два кредита). Свободный предмет (один курс = один кредит) выбирают в зависимости от специальности, которую рассчитывают изучать в университете. 28 кредитов позволяют получить диплом об окончании канадской средней школы. Например, изучение английского языка включает не только написание традиционных эссе, подразумевающее анализ различных литературных источников и жанров, но и работу с текстами по финансовой и деловой тематике, основанную на конкретных примерах. Например, задание предполагает оценку проведения сделки с помощью имеющейся информации. Курс истории основан, прежде всего, на истории Канады, включая при этом как темы развития канадских территорий, так и современную тематику. К последним относится, скажем, тема «СМИ и их влияние на современное общество» [14]. По математике ученики виртуальной школы проходят квадратичные функции, тригонометрию, аналитическую геометрию,

потребительскую математику, логику. Основной упор при получении знаний сделан не столько на механическое запоминание, сколько на развитие аналитических способностей.

Как происходит процесс виртуального обучения? В виртуальном классе одновременно занимаются порядка десяти учеников. Это могут быть одноклассники, посещающие одно учебное заведение, либо школьники, до этого не знакомые между собой, объединенные обучением, в данной онлайн-школе.

В конце урока ученики получают домашнее задание, которое каждый выполняет в своем ритме до определенного дня. Они могут использовать обширную виртуальную библиотеку, где большинство сведений поданы в мультимедийном виде с использованием звука и анимации.

Выполненные задания школьник записывает в персональный файл, куда будут занесены и данные о его успеваемости и прилежании [1]. Таким образом, заходя в эту базу и используя собственные логин и пароль, родители имеют возможность контролировать успехи своего ребенка.

В случае если ученик не справился с заданием, учитель, проанализировав проблему, отправляет школьника к определенному разделу библиотеки, в котором более подробно объяснен необходимый материал. Порой оказывается, что тема не усвоена в ходе предшествующего обучения в обычной школе. Часть учебного времени посвящена групповой работе над проектом, выполняемой как с одноклассниками, так и с ребятами из других виртуальных классов. Ученик, в случае пропуска занятий по уважительной причине, может заниматься в собственном темпе, не отставая от «онлайновых» одноклассников.

Доля учебных курсов онлайн в Канаде является одной из самых высоких среди стран мира, однако исследования показывают, что канадские высшие учебные заведения медленнее, чем во многих других странах включают значительные компоненты в свои программы. Кроме того, электронное обучение не стало стандартной функцией обучения сотрудников. Различные исследования показывают, что к 2005 году доля обучения на рабочем месте в онлайн диапазоне составляла от 15 % до 20 %, к 2010 году этот диапазон составил от 17 % до 25 %.

Выводы

Потенциал электронного обучения как технологии, изменяющей и преобразующей содержание образования, еще не достаточно изучен, существуют лишь несколько эмпирических исследований оценки

преимуществ электронного обучения перед традиционным обучением. Необходимо продолжать исследования целесообразности и эффективности применения в обучении электронного обучения. Связь через компьютер ученика и учителя обогащает среду обучения, помогает улучшить мотивацию и преодолеть чувство изоляции ученика на расстоянии. Использование электронного обучения требует новых ответов общества: педагогов-практиков, исследователей, политиков. В школе должен быть найден баланс применения традиционных форм обучения и электронного обучения, соотношения затрат и выгод в планировании

бюджетов, применении технологических средств, в решении какие технологии использовать и когда и какие новые технологии внедрять. Профессиональное образование, развитие и обучение для педагогов должны гарантировать сформированные навыки применения, использования, создания и распространения новых технологий и ресурсов. Электронное обучение может быть использовано на разных этапах обучения от начальной грамотности до научно-исследовательской деятельности. Е-обучение может обеспечить учащихся широким спектром навыков, от технических до административных и управленческих.

Список литературы:

1. Бакулев Г. П. Массовая коммуникация. Западные теории и концепции/Г. П. Бакулев. – М.: Аспект-пресс, – 2005. – 176 с.
2. Березин В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия/В. М. Березин. – М.: Изд-во РИП-Холдинг, – 2004. – 174 с.
3. Дистанционное обучение/Под. Ред. Е. С. Полат. – М.: Владос, – 2001. – 272 с.
4. Келли Дж. Образование в Канаде: современное состояние и тенденции развития/Дж. Келли, Р. Данко, Е. Корзинский//Педагогика. – 2000. – № 1. – с. 93–100.
5. Комкова Е. В. Канада в сети Интернет. – 2000. – [Электронный ресурс]/Е. В. Комкова. – Режим доступа: <http://www.canadarussia.com/passport/?issue=10&page=20>
6. Лотман Ю. М. Культура и взрыв/Ю. М. Лотман. – М.: Гнозис-Прогресс, – 1992. – 272 с.
7. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека/М. Маклюэн; пер. с англ. В. Г. Николаева. – М.: КАНОН – пресс-Ц, – 2003. – 464 с.
8. Медиаобразование, интегрированное с базовым/Под ред. Л. С. Зазнобиной. – М.: Изд-во Южного округа управления московского образования, – 1999. – 173 с.
9. Мёллер К. Передовой опыт распространения медиаобразования в Канаде на примере медиаобразовательной организации Media Awareness Network (Mnet). Справочник по свободе массовой коммуникации в Интернете/К. Мёллер, А. Амуру. – Вена, – 2004. – с. 180–189.
10. Монахов С. В. Дистанционное образование в Канаде. – [Электронный ресурс]/С. В. Монахов. – Режим доступа: <http://www.teacher.fio.ru/news.php?n=l5011&c=291>
11. Немова Л. А. Канада: политика государства в сфере образования/Л. А. Немова//США и Канада: образование. – 2006. – № 11 – с. 82–103.
12. Прессман Л. П. Методика применения технических средств обучения: Экранно-звуковые средства/Л. П. Прессман. – М.: Просвещение, – 1988. – 191 с.
13. Симмонс Р. Канада: от информационного неравенства к информационным возможностям//Государство в XXI веке. Материалы конференции Microsoft для государственных деятелей. – 2001. – Выпуск 9. – с. 10–11.
14. Соколов В. И. Канада: на путях построения инновационного общества//США и Канада: образование. – 2005. – № 6 – с. 23–35.
15. Уинг К. Что такое Интернет грамотность. Справочник по свободе массовой информации в Интернете/К. Уинг. – Вена, – 2004. – с. 167.
16. Учеба на расстоянии. – [Электронный ресурс]/Информационно-аналитический портал «Все образование Канады». – Режим доступа: <http://www.studyCanada.ru/cgi-bin/issue.cgi?action=article&arid=155>
17. Фёдоров А. В. Медиаобразование в Канаде//Высшее образование в России. – 2002. – № 1 – с. 116–118.
18. Щукина Т. А. Государственное регулирование теле- и радиовещания в Канаде//США и Канада: Экономика, политика, культура. – 2004. – № 8 – с. 89–104.
19. Якушина Е. В. Подростки в Интернете: специфика информационного воздействия//Педагогика. – 2001. – № 4 – с. 45–62.

20. Baron M. Media Education an Agent of Change. – [Электронный ресурс]/М. Baron, L. Rother. – Режим доступа: <http://edu.of.ru/attach/17/1386.doc>
21. Caron A. Centre for Youth and Media Studies/A. Caron. – Montreal: CYMS-NTRL, – 1998. – 33 p.
22. Cheung C. Learning from the pioneers. Development of media education in Hong Kong and Canada/C. Cheung, I. Rother//In the Service of Young People? Studies and Reflections on Media in the Digital Age. Nordicom, – 2006 – p. 298–320.
23. Chronology of Media Education in Canada. – [Электронный ресурс]/Media and Internet education resources. – Режим доступа: <http://www.media-awareness.ca/eng!ish/teachers/mediaeducation/mediaeducationchronology.cfm>
24. Duncan B. The Story of Media Education in Canada: An Interview with Barry Duncan//Orbit. – 2005. – Vol. 35. – № 2. – p. 6.

*Karpanina Elena Nikolaevna,
Kuban State University of Technology,
Ph. D., Associate Professor
E-mail: karpanina@mail.ru*

*Tamov Mukhamed Alievich,
Kuban State University of Technology,
Ph. D., Associate Professor
E-mail: tamovma@rambler.ru*

On the problem of management of innovation in contemporary higher education

Abstract: This article discusses the management of innovation in contemporary higher education. Analysis of opportunities of advancement of the efficiency of innovations management in the conditions of modern higher education is conducted.

Keywords: management, innovation, modern high school, efficiency.

*Карпанина Елена Николаевна,
Кубанский государственный
технологический университет,
кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: karpanina@mail.ru*

*Тамов Мухамед Алиевич,
Кубанский государственный
технологический университет,
кандидат технических наук, доцент
E-mail: tamovma@rambler.ru*

К проблеме управления инновациями в современной высшей школе

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы управления инновациями в современной высшей школе. Проводится анализ возможностей повышения эффективности управления инновациями в условиях современной высшей школы.

Ключевые слова: управление, инновации, современная высшая школа, эффективность.

Качественное осуществление инноваций в условиях современной высшей школы обеспечивается изменениями как в организации учебно-воспитательного процесса, в содержании образования, в

использовании современных и эффективных педагогических и образовательных технологий, введении новых методик диагностики студентов и педагогов, так и в управляющей системе образовательного учреждения.

Учебно-воспитательный процесс, а также процессы, его обеспечивающие, являются объектом управления при работе высшей школы в режиме функционирования. Сама инновационная деятельность коллектива высшей школы в режиме развития становится объектом управления.

Состав функций, реализуемых управляющими системами, в зависимости от выбранной стратегии инновационного поведения, будет существенно меняться. Если в образовательном учреждении вводятся локальные инновации, то выполняться будет небольшая часть функций управления развитием, связанных с планированием нововведений, мотивацией исполнителей, контролем реализации инноваций [1, 15].

В современных условиях сегодня только личность, социально адаптированная к экономической, политической, культурно-демографической ситуации, способна развиваться интеллектуально, духовно, физически, нравственно. Высшая школа с инновационной образовательной средой занимает важнейшее место в решении этой проблемы, поскольку такая модель высшего образовательного учреждения позволяет активнее использовать в формировании личности педагогические инновации.

Инновация в образовании — это специфическая форма управления развитием образования, позволяющая системно изменять структуру, содержание и организацию образовательного процесса в целом.

В результате трансформируется и сама культура управления, поскольку инновационный способ развития предъявляет к ней особые требования. Однако, как показывают исследования, эти процессы в образовательной действительности, идут достаточно противоречиво. Так незначительная часть педагогических работников сознательно и системно использует инновации как социальный механизм развития образования и способ самоизменения в этом процессе.

Состав реализуемых функций управления развитием будет более широким только при системных нововведениях. При этом возрастет и время, которое руководитель будет тратить на решение задач, связанных с управлением инновационными процессами в условиях высшей школы.

Педагогическая наука и передовой опыт инновационной деятельности позволяют определить ряд

общих правил эффективного управления инновациями в современной высшей школе.

1. Все инновационные цели и задачи должны быть интегрированы в единую концепцию ее развития. При этом обязательно:

- все субъекты образовательного учреждения понимают принятую концепцию инновационного развития и придерживаются ее;
- все сферы деятельности образовательного учреждения эффективно взаимодействуют и согласованно развиваются в рамках этой концепции;
- инновационные проблемы ориентированы на решение задач, поставленных обществом перед высшим профессиональным образованием;
- инновационный потенциал сосредоточен в ограниченном инновационном пространстве.

2. В высшей школе должен быть создан и поддерживаться плодотворный инновационный климат, а именно:

- осуществляется стимулирование инновационной активности;
- развиваются и углубляются коалиционные связи, кооперируется деятельность с другими образовательными учреждениями и партнерами.

3. Деятельность высшей школы строится на использовании неординарных организационных решений. Это означает, что в основе деятельности лежат инновации, а в образовательном учреждении существуют, поддерживаются и развиваются гибкие, адаптивные инновационные структуры.

4. Разрабатываются и активно применяются эффективные методы управления инновационными процессами, а именно:

- осуществляется всесторонняя подготовка инноваций и качественное планирование проектов;
- имеются объективные оценки и тщательно обосновываются проекты;
- обеспечивается строгий контроль исполнения проектов.

5. Обеспечивается высокая эффективность инновационной деятельности и высокий результирующий эффект инноваций, т. е.:

- обеспечивается высокий уровень выполнения поставленных целей и задач;
- осуществляется упреждающая инновационная деятельность; минимизируются

материальные, финансовые и трудовые затраты ресурсов на осуществление инноваций;

- постоянно идентифицируются высшие достижения в сфере реализуемой инновационной деятельности и ориентируются собственные инновации на их использование [2, 25].

В свою очередь, социально-психологическая, организационно-методическая, опытно-экспериментальная работа — все эти направления управленческой деятельности будут эффективными, если на практике удастся реализовать следующие подходы в руководстве:

- проблемно-диагностический подход;
- организация и управление успехом;
- встречное планирование (снизу вверх);
- стимулирование в процессе и по результатам деятельности;
- использование преимуществ диалогической и микрогрупповой работы;
- индивидуальное проектирование;

- реализация принципа педагогической поддержки;
- отказ от решения глобальных педагогических и отвлеченных проблем в пользу реальных педагогических затруднений;
- индивидуализация управленческих действий.

Всякая деятельность начинается с оценки ситуации, углубленного анализа [1, 16].

На основе точного знания необходимо определять истинные проблемы, способы и пути организации положительной педагогической деятельности, важнейшей задачей также является осознание современных концепций высшего образования, научно-методическое обеспечение разработки и апробации новых технологий обучения и воспитания в высшей школе, выявления и учет индивидуальных особенностей каждого педагога, организация исследовательской работы по определению и использованию педагогического опыта.

Список литературы:

1. Тамов М. А., Карпанина Е. Н. Инновационные аспекты деятельности современной высшей школы // Инновационные процессы в высшей школе: Сборник материалов XVI Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Издательство КубГТУ, – 2010.
2. Тамов М. А., Карпанина Е. Н. Эффективное управление инновациями в современной высшей школе // Инновационные процессы в высшей школе: Сборник материалов XVII Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Издательство КубГТУ, – 2011.

*Melnichuk Marina Vladimirovna,
Financial University, Doctor of Science (Economics),
Candidate of Science (Education), Professor,
Head of Chair of Foreign Languages – 3
E-mail: mvmelnichuk@gmail.com*

*Nenyuk Evgenia Abramovna,
Financial University, Ph.D in Linguistics,
Chair of Foreign Languages – 3
E-mail: janna_tev@hotmail.com*

*Alisevich Marina Valerievna,
Financial University, Assistant Professor,
Chair of Foreign Languages – 3
E-mail: zaita@list.ru*

Psycholinguistic aspects as a base for a foreign language learning

Abstract: an integral concept of a foreign language speech involving psycholinguistic treatment is examined in the article. The methods and mechanisms of such activity are discussed.

Keywords: speech, foreign language, communication.

Мельничук Марина Владимировна,
Финансовый университет, доктор наук, профессор,
заведующий кафедрой "Иностранные языки-3"
E-mail: mvmelnichuk@gmail.com

Ненюк Евгения Абрамовна,
Финансовый университет, Ph. D in Linguistics,
старший преподаватель кафедры "Иностранные языки-3"
E-mail: janna_tev@hotmail.com

Алисевиц Марина Валерьевна,
доцент кафедры "Иностранные языки-3"
E-mail: zaita@list.ru

Психолингвистические аспекты как основа практического изучения иностранного языка

Аннотация: в статье рассматривается целостная концепция речевой деятельности на иностранном языке в лингвопсихологической трактовке, включающей рассмотрение способов и механизмов этой деятельности.

Ключевые слова: речевая деятельность, иностранный язык, коммуникация.

Неоспоримой истиной является тот факт, что важность владения иностранным языком в современных реалиях сложно переоценить. Вместе с тем, академическое языковое образование не подходит и не требуется ни студентам неязыковых вузов, ни специалистам-профессионалам, занятым определенным видом деятельности на своем рабочем месте. При этом иностранный язык нужен всем, или, по крайней мере, многим, однако, если разобраться в сути этого феномена, то выясняется, что в современном мире он необходим, прежде всего, для повышения самооценки и повышения чувства собственной значимости, что, в свою очередь, ведет к профессиональным успехам непосредственно на рабочем месте или в процессе получения образовательных услуг. Однако, это происходит исключительно в случае реального достижения поставленной цели — овладения иностранным языком. Более часты случаи, когда человек может изучать язык всю жизнь, но чувствовать себя беспомощным в момент необходимости использовать свои знания, вследствие чего пропадает мотивация для дальнейшего изучения иностранного языка. Однако обучающийся не должен разбираться в психологических мотивировках собственных достижений или неудач — это задача преподавателя. Обучающийся должен получать удовлетворение от собственных успехов, достижение которых абсолютно реально. Как проверить достоверность заявленного постулата логическим путем? Для этого следует всего лишь задуматься, для чего мы используем любой язык. Ответ — для того чтобы выяснить и получить интересующую нас информацию.

Данный постулат подтверждают и теоретические исследования. По предложенному определению Зимней И. А., речевая деятельность есть активный, целенаправленный, мотивированный, предметный (содержательный) процесс выдачи и (или) приема сформированной и сформулированной посредством языка мысли (волеизъявления, чувств), направленный на удовлетворение коммуникативно-познавательной потребности человека в процессе общения [1, 51]. Таким образом, именно результат доставляет нам удовлетворение, хотя в случае с использованием родного языка мы об этом не задумываемся. При использовании же иностранного языка, мы страшно боимся не только быть непонятыми, но и выглядеть глупо в случае допущения грамматической ошибки. Однако, если задуматься, мы выполняем то же действие: обмениваемся информацией, только в иной системе координат. Страх и неуверенность ставит непреодолимый барьер в нашем коммуникативном процессе. Хотя современная точка зрения антропологов, основанная на опыте взаимодействия с другими культурами, утверждает когнитивное единство человечества, которое означает, что мыслительные процессы не различаются в разных культурах [2]. Как отмечает автор, различаются лишь содержание этих процессов, ситуация или условия среды, отбирающие тот или иной тип мышления [2, 293].

Таким образом, язык — это не предмет для изучения, это навык, которым необходимо овладеть и суметь правильно использовать. И задача преподавателя — этот навык привить. Соответственно в таком

процессе необходимо использовать не только языковые, но и психолингвистические методики, проще говоря, опираться на истинные мотивы человеческого поведения, что является увлекательным и продуктивным процессом. В основе данных методик лежит утверждение, что язык — это система, средство коммуникации, а не набор грамматических правил. Данный подход не является новым и является основой для обучения речевой деятельности на иностранном языке во многих лингвистических центрах [3, 4]. Одной из характеристик речевой деятельности являются ее механизмы. Они представляют собой сложное многозначное образование, каждое из звеньев которого тесно связано с другими. При этом собственно речевые механизмы, например, грамматическое структурирование, основываются на действии общефункциональных механизмов мышления, памяти, опережающего отражения [1, 63]. Необходимо упомянуть технологии и инструменты, которые используются при таком подходе: обучение английскому на английском языке (перевод не приемлем); опора на культурные реалии страны, язык которой изучается; изучение грамматики не как дисциплины, а как инструмента для понимания темы. Таким образом, к языку нужно подходить не как к предмету для изучения, а как к системе навыков общения и поведения и всего лишь менять лингвистическую оболочку.

Нам представляется абсолютно бессмысленным заучивание отдельных слов с их переводом. Дело в том, что наше мышление ассоциативное, и в памяти остается не слово, а процесс. Приведем самый примитивный пример. Студент, заучивший слово «книга», забудет его после сдачи экзамена. В то же время, если он выучил маленький диалог, в котором его друг признается, что не любит читать, однако, данная книга была интересная, он вспомнит это слово в нужный момент по ассоциации. Таким образом, мы рекомендуем заучивать тексты наизусть. Студенты должны заучивать небольшие диалоги и тексты с начала первого этапа обучения. В данном случае ключевым моментом является именно заучивание, а не пересказ, так как при пересказе студент невольно вспоминает содержание по-русски и мысленно его переводит, что тормозит речевоспроизведение. В случае с заучиванием, он воспроизводит готовые клише и в дальнейшем использует их в нужной ситуации, что также является элементом погружения. Наш опыт говорит о том, что данная методика работает на любом образовательном уровне.

Как указывает П. И. Зинченко [5, 465–474], целенаправленная деятельность занимает основное место

в жизни человека, поэтому непроизвольное запоминание, являющееся продуктом такой деятельности, является основной, наиболее жизненно значимой его формой. Более того, процессы повторения играют значительную роль в повседневной памяти [5, 530]. При работе со словесным материалом любого типа происходит заметное забывание вскоре после того, как материал впервые выучен. Таким образом, указывает английский психолог Ф. Бартлетт, заниматься зубрежкой отдельных слов почти всегда невыгодно: удачи здесь могут быть только случайными [5, 292]. Под хорошей памятью следует понимать запоминание того, что является наиболее полезным для успешного приспособления к требованиям, предъявляемым нам жизнью, то ее секрет заключается в организации деятельности под воздействием многосторонних интересов, тесно связанных между собой [5, 302].

На следующем этапе обучения студентам предлагаются оригинальные английские тексты, как прозаические, так и поэтические. Знакомясь с такими текстами, студенты начинают понимать английский юмор. Это означает, что они переходят на новую ступень понимания. В то же время делается акцент на принципиальных элементах понимания прочитанного материала (*reading comprehension*): поиск ключевых слов, ключевые фраз, маркеров и т. д. Данная подготовка также полезна студентам, желающим продолжить свое обучение на более высокой ступени, так как вышеупомянутые виды контроля являются обязательным требованием для любого колледжа или университета. Раздел «*Reading comprehension*» крайне важен. С одной стороны, это поможет студенту научиться читать «по диагонали» (*skimming and scanning*) любую литературу из научных источников и сети Интернет. С другой стороны, чтение с удовольствием, без постоянного обращения к словарю возбуждает интерес. Таким образом, возникает дополнительная мотивация для изучения иностранного языка. Перечислим основные требования, предъявляемые к процессу обучения чтению: студенты не должны читать текст пословно — они должны «перелистывать» его (*skimming and scanning*), а при чтении литературы по направлению подготовки студент должен уметь выделить основную идею всего текста. Статья, как правило, делится на параграфы или главы. Следующим шагом является найти ключевое предложение каждого параграфа. Иногда поиск ключевого предложения представляет определенную сложность, и дополнительным элементом является поиск ключевых слов. После выполнения всех этих этапов следует

вернуться к названию статьи и объяснить его. Работа по изучению нового текста, как правило, выполняется в домашних условиях. Преподаватель проверяет понимание прочитанного, задавая определенные устные или письменные вопросы. Наиболее эффективными, с нашей точки зрения, являются задания типа multiple choice и true/false. Далее рекомендуется переключиться на другой вид деятельности, в частности, на устную дискуссию. Можно с уверенностью заявить, что только после изучения техники чтения и понимания профессионального текста студенты будут успешно двигаться в освоении материала по своему направлению подготовки.

Нельзя не упомянуть такой этап обучения, как освещение «нашей повседневной жизни». Что это значит? Студенты читают дневники других людей и учатся писать собственный дневник на английском языке. Другими словами, они начинают «жить» своей жизнью на английском языке. Они смотрят популярные американские сериалы. Предполагается, что они должны прочитать или посмотреть один эпизод в день и сделать соответствующие упражнения к данной главе. Упражнения носят не грамматический, а смысловой характер. Таким образом, они вовлекаются в содержание и ждут следующего эпизода, как бы они это делали в реальной жизни. Постепенно процесс обучения из тяжелой обязанности превращается в ожидание удовольствия. Очень важным элементом данного этапа является кросскультурный тренинг, который был впервые предложен Х. Трианди. Поскольку его задачей является знакомство с межкультурными различиями в межличностных отношениях, это требует проигрывания ситуаций, в которых что-либо протекает по-разному в двух культурах. В результате тренинга становится возможным сделать перенос полученных знаний на новые ситуации. Согласно классификации, предложенной У. Брислином, существует пять типов тренингов, которые можно использовать в процессе обучения: тренинг самосознания, в котором личность познает свои культурные основы; когнитивный

тренинг, в котором людям дается информация о другой культуре; тренинг атрибуции, который учит давать объяснения ситуации с точки зрения другой культуры; поведенческий тренинг; обучение практическим навыкам [2, 309]. Кросскультурный тренинг невозможен без понимания на слух устной иностранной речи.

Понимание на слух (listening comprehension) обычно вызывает особые трудности у студента. Обучение навыкам аудирования является одной из самых сложных задач для любого учителя ESL, так как для их успешного освоения студентами требуется серьезная и длительная практика. Одной из проблем аудирования являются мысленные блоки, которые часто ставят себе студенты. Какое-то незнакомое слово внезапно тормозит процесс и студент может увязнуть, пытаясь вспомнить аналог незнакомого слова. Теряя нить повествования, студент убеждает себя, что он неспособен понимать устную речь, тем самым создавая для себя серьезную психолингвистическую проблему. Исходя из выше изложенного, мы рекомендуем устраивать групповые беседы. Общаясь друг с другом, студенты не боятся сделать ошибку, так как чувствуют себя равноправными участниками процесса. Еще одним вспомогательным элементом может быть прослушивание музыкальных произведений (песен) в соответствии с собственными предпочтениями. Мы считаем это очень важным моментом, так как дает студентам свободу выбора в этом виде работы.

Таким образом, реализация в психолингвистике системного подхода к обучению иностранному языку предполагает превращение его в способ анализа не только сложившейся психологической организации личности, но и структуры самого процесса развития личности — основного способа ее существования. Как указывает Л. И. Анцыферова, характерные для каждого периода личностные новообразования продолжают развиваться и преобразовываться на последующих уровнях личностного развития и складываться в многоуровневую организацию зрелой личности [6, 51].

Список литературы:

1. Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности. – М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», – 2001. – 432 с. (Серия «Психологи Отечества»).
2. Кочетков В. В. Психология межкультурных различий. – М.: ПЕР СЭ, – 2002. – 416 с.
3. Lozanov G. Suggestology and suggestopedia – Theory and Practice. – Bulgaria, – 1978.
4. Красных В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: Гнозис, – 2001. – с. 8–31.
5. Психология памяти/Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и В. Я. Романова. – 3-е изд. – М.: «ЧеРо», – 2002. – 816 с.
6. Психология личности: Сборник статей/Сост. А. Б. Орлов. – М.: ООО «Вопросы психологии»; – 2001. – 192 с. (Б-ка журнала «Вопросы психологии»).

*Mihailova Svetlana Viktorovna,
South Urals State University, Dr. of Pedagogics,
Senior lecturer at Chair of the General Education
E-mail: lana2305@yandex.ru*

Personal development of a student's physical training as a result of humanization of education

Abstract: Humanization of education has as a purpose the continuous harmonious lifelong education of an individual. The phenomenon of a student's physical training let us consider it as a general index of a future specialist's professional culture and as a goal of individual's self-education.

Keywords: physical culture, physical education, personality, humanization, self-importance, self-education.

*Михайлова Светлана Викторовна,
Южный уральский государственный университет,
старший преподаватель кафедры общего образования,
доктор педагогики
E-mail: lana2305@yandex.ru*

Личностное развитие физической культуры студента как результат гуманитарного образования

Аннотация: Гуманизация образования ориентирует на непрерывное гармоничное развитие личности на протяжении всей жизни. Феномен же физической культуры личности студента позволяет представить ее как обобщенный показатель профессиональной культуры будущего специалиста и как цель личностного саморазвития и самосовершенствования.

Ключевые слова: физическая культура, физическое воспитание, личность, гуманизация, самооценочность, самовоспитание.

К основным направлениям модернизации образования по физической культуре относятся процессы гуманизации и гуманитаризации роста [1, 2]. Гуманизм культивирует человечность в человеке, его стремление к свободе, достоинству, творчеству, самоопределению. Гуманизация образования определяет придание знаниям личностно значимого смысла, максимально возможный учет индивидуальных способностей и особенностей студентов для достижения образовательных целей. Гуманизация образования ориентирует на непрерывно гармоничное развитие личности на протяжении всей жизни, превращение обучения в одну из основных потребностей личности, создает базис для развития ее индивидуальности.

Гуманитарная значимость физической культуры предполагает достижение целостности знаний о человеке, понимание значения человеческих ценностей в современном мире, осознание своего места в культуре, развитие культурного самосознания, способностей и возможностей к преобразовательной культурной деятельности. Она проявляется через

гармонизацию духовных и физических сил личности, формирование таких общечеловеческих ценностей, как здоровье, телесная культура, повышенная работоспособность, физическое совершенство, хорошее самочувствие и др. [3, 27–29]. Являясь по своей сути человековедческой дисциплиной, физическая культура направлена на развитие целостной личности, ее способности и готовности полноценно реализовать свои сущностные силы в здоровом и продуктивном стиле жизни, профессиональной деятельности и др. она обеспечивает ориентацию на гуманитарно-личностное развитие, единство телесно-духовного развития, создание предпосылок физического и психического благополучия. Физическая культура прямо и опосредованно охватывает такие свойства, качества, ориентации личности, которые позволяют ей развиваться в гармонии с культурой общества, достигать гармонии знаний и творческого действия, чувств, общения, разрешать противоречия между природой и производством, трудом и отдыхом. Феномен физической культуры личности студента позволяет представить ее как интегральное качество

личности, как условие и предпосылку эффективной учебно-профессиональной деятельности, как обобщенный показатель профессиональной культуры будущего специалиста и как цель личностного саморазвития и самосовершенствования [3, 28–29; 5]. Общеизвестно, что уровень физической культуры человека определяется, прежде всего, степенью его образованности в данной сфере и, сформированной на его основе, осознанной потребностью в использовании физических упражнений с целью укрепления своего здоровья и всестороннего физического самосовершенствования. Практика также показывает, что отсутствие теоретических знаний по физической культуре снижает эффективность обучения и воспитания, уменьшает интерес к занятиям физическими упражнениями, мешает привитию студентам положительного отношения и потребности в систематических самостоятельных занятиях физическими упражнениями, не способствует перерастанию учебного процесса в процесс самообразования и самосовершенствования.

Восстановление разумного, гуманистического отношения к человеку, преодоление отчуждения его от ценностей физической культуры невозможно без определенной переоценки сложившихся точек зрения и подходов, без мировоззренческих гарантий защиты отдельного человека, его автономии. При этом сущность образовательно-воспитательной направленности физического воспитания, других форм присвоения человеком ценностей физической культуры может состоять в признании приоритета самоценности человека, несводимости его духовной сущности только к общему, коллективному. Самоценность человека, в данном случае, предстает как условие существования всех других ценностей, как ценность сама по себе, объективно, и в мысли человека о ней, субъективно, т. е. как его обращение к смыслу и ценностям жизнедеятельности, к ее содержанию, к снятию зависимости от внешних сил и создания условий для самоопределения.

Становление человека реальной самоценностью и самоцелью предполагает, во-первых, «принятие этой ценности как высшей всем обществом», и, во-вторых, принятие этого принципа каждым для себя, как принципа оптимальной самореализации, развития и гуманистического приложения своих сил и способностей. Феноменальный характер самоценности человека означает, что его формирование как индивидуальности представляет собой не только присвоение ценностей физической культуры,

свободно избираемых им в процессе физкультурно-спортивной деятельности, не только иерархией ценностей, представляемых ему обществом, а всей фактичностью обстоятельств, связывающих его с окружающей действительностью — всем миром. Поэтому в реальном процессе становления человеческой индивидуальности нет существенного: вся фактичность человеческого участия в мире равно формирует индивидуальность [1, 81–87]. Самообразование, воспитание, формирование человеческой индивидуальности представляет собой необходимый компонент становления, функционирования и развития человеческой жизнедеятельности. В этой связи формирование человека в процессе физического воспитания оказывается не просто специальным деянием, сопровождающим другие виды человеческих действий, оно понимается как его самообретение, самоопределение и самоизменение.

Наиболее полно сущность самовоспитания выражена в определениях, сформулированных в исследованиях А. И. Кочетова: «Самовоспитание — это осознанное, управляемое самой личностью развитие, в процессе которого в интересах общества и самой личности планомерно формируются качества, силы и способности человека, причем, функции воспитателя постоянно передаются воспитуемому (переход воспитания в самовоспитание)». А. И. Кочетов, анализируя термин «самовоспитание», состоящий из двух смысловых единиц (само- и воспитание), подчеркивает: «Главное — воспитание, само — означает самостоятельность, активность, своеобразие формирующего личность процесса». В словаре С. И. Ожегова «само...» определяется как: направленность чего-нибудь на себя, исхождение от себя или осуществление для себя; обращенность к самому себе, в самого себя и направленность на самого себя; совершение чего-нибудь без посторонней помощи. Исходя из краткого определения самовоспитания как «воспитания самого себя», сущность этого процесса следует представить в осуществлении самим воспитуемым всех целеполагающих и организационно-структурных педагогических функций, что соответствует новому смыслу образования «как обретения человеком своей сущности».

Личностное развитие физической культуры студента предполагает наличие как минимум двух моделей самореализации. Прогрессивный вариант — характеризует процесс постоянного преодоления противоречий, преодоления себя и регрессивный

вариант — представляет собой уход на узкие сферы самореализации, основой которого служат иллюзии прошлого опыта [3, 30]. Являясь результатом гуманитарного образования физическая культура личности может проявлять себя в нескольких направлениях: показывает способность к саморазвитию, является основой инициативного самовыражения специалиста, отражает творчество личности, направленное на общественные отношения. Для воспитания самостоятельного творческого подхода к решению возникающих перед студентами образовательных задач необходимо изменить ориентацию их деятельности с достижения практического результата любой ценой на метод деятельности, который ведет к его осмысленному достижению. Гуманитарная парадигма образования в области физической культуры предполагает разработку личностно ориентированных педагогических технологий, в основу которых положен диалогический подход. При таком подходе преподаватель не только учит и воспитывает, сколько актуализирует, стимулирует студента к общекультурному, профессиональному и физическому развитию, создает условия для его самостоятельности. Таким образом, реализация индивидуально-творческого подхода позволяет включить механизм саморазвития студента, учитывает его мотивацию, ее динамику в процессе обучения.

В настоящее время намечаются тенденции переосмысления подхода к физическому воспитанию и физической культуре, акцентирующих внимание преимущественно на двигательной сфере, в пользу физкультурного образования и самообразования. Проходит мысль о воспроизводстве целостного человека (как одухотворенной, нравственной, свободно действующей телесности) в сфере физической

культуры. В отличие от процесса физического воспитания (которому нужны и определенные знания о формировании собственной телесности), где ставится проблема совершенствования собственного тела, физическая культура предполагает выход человека, индивида за рамки самого себя, а потому предполагает формирование не только универсального тела, способного не только к определенной социальной роли, а и к деятельности в любой сфере человеческой жизни, — субъекта, нуждающегося в знаниях о формировании себе подобных, в том числе и в передаче своего социального опыта в сфере физической активности и в образе жизни подрастающему поколению [4, 33].

Мировоззрение и культура являются промежуточным звеном между личностью и ее целенаправленной деятельностью. Личность и деятельность неразделимы. Изменяя в процессе практической деятельности окружающий мир, человек изменяет самого себя. Под влиянием практической деятельности, общения с другими людьми, окружающей среды (социальной и природной), целенаправленного педагогического воздействия осуществляется внутренняя мыслительная деятельность, в результате которой формируется идеал взаимодействия с окружающим миром. Формирование деятельностной сферы личности связано с воспитанием потребностей, мотивов, отношений, интересов, то есть тех компонентов, которые определяют направленность личности. Предметом деятельности в образовании является социо-природная среда, сам индивид и характер их взаимодействия. На них должен быть направлен интерес индивида, активность его внешней и внутренней деятельности. Чем интереснее и личностно значимее этот предмет, тем активнее деятельность.

Список литературы:

1. Быков В. С. Теоретические основы физической активности детей и подростков. [Текст]: Монография. – Челябинск: типография «Тираж», – 2008. – 202 с.
2. Лубышева Л. И. Концепция формирования физической культуры человека. [Текст]. – М.: ГЦОЛИФК, – 1992. – 40 с.
3. Виленский М. Я. Физическая культура в гуманитарном образовательном пространстве вуза. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.sportedu.ru/press/fkvot/1996№1/p27-32>.
4. Востриков В. А. Структурно-содержательная характеристика физкультурного образования в аспекте становления личности/Востриков В. А.//Теория и практика физической культуры. – 2012. – № 2. – с. 32–35.
5. Лукина Л. Б. Педагогическая модель самообразования и самосовершенствования студентов в области физической культуры. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к. п. н., – Майкоп – 2007.

*Petrachkov Konstantin Vladimirovich,
postgraduate student of the Department of music and arts education
Ural state pedagogical University, Russia, Ekaterinburg
E-mail: petrachrov@mail.ru*

Practice cadet corps in Russia. History and specific features of the marching songs as a musical genre. Problems of training of cadets in the performance of combat songs

Abstract: The article considers the problem of learning music students of cadet schools and cadet classes. Identifies features of musical and vocal education of these students. The attention to unresolved issues and problems of their vocal training. Examines traditional methods of learning combatant songs. Reveals the history of military marching songs.

Keywords. Cadets, marching song, especially combatant military songs, teaching methods cadets execution of combatant songs.

Recently in various regions of the Russian Federation and in countries that were once in the Soviet Union, which actively develops cadet movement. Open cadet classes in secondary schools, cadet schools and cadet corps. Currently in the Russian Federation opened and the special military school of music building, where each cadet must learn the skills to play a certain instrument, usually brass, learn the basics of music, solfeggio, playing in the orchestra.

The features of the educational process, and in particular, music education cadets in Russia.

Analysis of music and conventional hulls to say that in the work on the formation of the musical culture of the pupils rarely are those that are associated with the formation of the ability to perform drill song. In this regard, work on the formation of these skills should be conducted by the teacher in the cadet classes and, of course, the music teacher, who must be ready to implement various activities in the classroom, including the vocal performance of the various song repertoire [4]. In this regard, music teachers, class teachers cadet classes, principals on educational work presented will be useful in the article of historical, musicological and methodological material.

In some musical training cadets the authors put forward the task of mastering performance, propulsion war songs. For example, N. M. Abubakirov, teacher of music, history and culture, "GESHER "Cadet school № 2", Salavat development programme says that each cadet class has its own anthem and her drill song. Repertoire is chosen taking into account age features cadets and direction of the class. The basis of a varied repertoire of cadets are works of love for the Homeland, parents, careful attitude to nature, the beauty of his native land, about the need to protect her" [1].

The daily routine in these institutions is the same as in the army. Education is given great attention. In the

afternoon, the cadets learn the etiquette, fundamentals of law, engaged in ballroom dancing, learn to play musical instruments, singing, sport: athletic gymnastics, comprehensive martial arts, football, basketball, tennis. Last but not least also firing and drill, during which the cadets learn not only March, but in parallel to perform marching, marching songs, called front.

History and specific features of the marching songs as a musical genre.

It should focus on such a specific genre of music and martial arts, as a marching song. She is a choir, as a rule, the main product, executable military units in combination with a ceremonial step, a capella or accompanied by the orchestra. Drill song usually has the couplet form, and solo performed by soloist and chorus by all the singers.

The pace of marching songs is determined by the characteristic of the stepping mode of the military. On the March he is equal to 100 beats per minute. In the melody of the songs included exclamations, simulate signals of wind and percussion instruments and the melodic line includes along with the gradual development of many wide intervals — Quartus, Quintus, Sextus, and Septim. If drill song is sung drip, then the basis of rhythm and tempo gives marching step, heels which soldiers hear and coordinate their stepping mode.

History marching song originates from the epoch of Peter I, who introduced a small but mandatory trains musicians in each regiment. It was at this time and were born marching soldiers' songs, ceremonial greeting songs, panegyric edges, or, as they are called, vivaty or "Peter the edge. Distinctive features of these songs were performed in chorus, plenty of conscript intonations in tones, imitating the trumpet signals, clear marching pace. Features Peter edge has manifested in the form and content of modern combat songs. To be fulfilled drill song

was only on the parade ground and in combination with a ceremonial step [2].

The music of fighters Chagall easier and more confident. Music can unite people in a single emotional outburst, to inspire confidence in victory. It expresses the joy of victory and helps to survive the tribulation of those who died in battle in Order to use these songs were raising the morale of the troops, the glorification of the Emperor and faith in him, chanting glory, victories and traditions of the Russian army [3].

The problematic issues in the training of cadets execution of combatant songs.

Problems working with cadets in mastering the Cadet corps and school, school cadet classes in Russia are working on training plans regulated by the state educational standards.

The analysis of these plans and programmes on music lessons and extra-curricular activities, including the necessity of doing combatant songs, such as festivals, parades of marching and singing, traditionally included in the system of each cadet schools, suggests that this activity is methodically little developed. As a rule, in the description of the methodology training drill song authors point to the formation of the sense of unity, cohesion cadets, on the emotional impact of the song on the necessity of using a special song-March of the material.

However, how to teach such singing cadets, mostly boys, who make up the majority of cadet classes and have problems voice development in mutational time, what to use methods and techniques, forms and tools about this in a methodical recommendations and materials almost nothing.

Practice observations musical education of cadets also suggests that educators and teachers are working in this direction, without worrying about the protection of the vocal apparatus of the students. Therefore, the louder, "strident" sings the class is considered better. In addition, often educators do not know the methods and techniques of rhythmic education, from the rehearsal marching songs turn into endless drills and repetitions, which significantly reduces the interest of the cadets to conduct the necessary military ritual.

Work on the skills of choral singing at music lessons are more comfortable than in the performance of marching songs on the parade ground. When singing lesson music students sing sitting or standing.

Combat songs about their school, about yourself, about heroes, famous generals cadets sing with pleasure. These combat songs, usually sung with special diligence and dedication. It is necessary to achieve diversity executable

songs, creative approach to the selection of repertoire. Meager repertoire, when all the time performed the same drill song bored soldiers, dulls its educational impact.

The teacher should always remember that the performance of the marching songs should not harm the voice data of the cadets, which can perform not only in movement, but also on the parade ground in different weather conditions, when often adverse conditions that may affect the state of the vocal apparatus of the students.

The teacher is building a vocal, cantilena performance. On the parade ground is often the melody of the song should not be lokalisierung, stretch, and perform with a clear articulation of words and minimal stretching of vowels, while still alternating motion with his hands and doing the steps by foot, getting into the pace and rhythm of the song.

All this necessitates the use of specific methods of forming the cadets skill drill singing, which, in addition to all above mentioned, shall, as and for the music lesson, to be zdorovesberegayushih.

All of the above necessitated a review of methods of work on the skills front singing cadets adolescents enrolled in the cadet classes of secondary schools or in the cadet schools.

Group is learned drill consistently song, musical phrases. You must pay attention to the dynamic gradation, stops to take breath, semantic climax, orthoepy, and pace. The teacher needs to monitor the singing cadets to low notes were sung by them without effort, natural sound, top — louder, brighter, but in any case not forced.

The effectiveness and success of a teacher depends on the ownership of a variety of practical techniques of practical work on the formation of vocal and choral skills.

Occupies an important place and metro-rhythmical and tempo organization when learning combatant songs. The meter is very important in the organization performing the process. The size of describing the music, organizes metric based motion musical thoughts in time, and the unit of account of each quantum is marching step. Also requires consistent work on diction and phrasing in the performance of marching songs. Important literary text marching songs.

Perspectives on the topic are to determine the theoretical foundations and practical implementation of a complex of exercises on combining singing with the movement for the intermediate stage of learning performance combatant songs cadets. Comparing all of the above forms of work on the combat skills of singing, you can reach a large and significant results and high performance combatant songs students of cadet colleges.

References:

1. Абубакирова М. М. Музыкально-патриотическое воспитание кадетов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iroirb.ru/index.php>
2. Белый генерал. Сборник солдатских, боевых песен и стихов про М. Д. Скобелева и Русско-турецкую войну. – М., Юргенсон – 1912. – 143 с.
3. Ливанова Т. А. Очерки и материалы по истории русской музыкальной культуры. – М.: Искусство, – 1938 – 223 с.
4. Тагильцева Н. Г. Современный учитель музыки: проблемы профессиональной подготовки // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – № 3 (92). – с. 134–140.

*Popovych Galina Leonidovna,
Poltava National Pedagogical University named after V. G. Korolenko,
postgraduate student of the department of teaching skills and management
E-mail: glkushnir@mail.ru*

The effect of motivational facilities on the level of achievement of local lore and tourist knowledge by students-geographers

Abstract: This article deals with the importance of motivation when students-geographers choose their future profession. There is the analysis of the relationship between the motives of choosing the profession and the level of achievement of local lore and tourist knowledge. There is the definition of the statement “local lore and tourist knowledge” that is given by author in the scientific literature.

Keywords: motivation, motive, internal motives, external motives, interest, knowledge, local lore and tourist knowledge.

*Попович Галина Леонидовна,
Полтавский национальный педагогический университет им. В. Г. Короленка,
аспирант кафедры педагогического мастерства и менеджмента
E-mail: glkushnir@mail.ru*

Влияние мотивационных установок на уровень усвоения краеведческо-туристических знаний студентами-географами

Аннотация: В статье раскрыто значение мотивации при выборе студентами-географами своей будущей профессии. Анализируется зависимость между мотивами выбора профессии и уровнем усвоения краеведческо-туристических знаний. Автором дано определение дефиниции «краеведческо-туристические знания».

Ключевые слова: мотивация, мотив, внутренние мотивы, внешние мотивы, интерес, знания, краеведческо-туристические знания.

В начале XXI в. важнейшим стратегическим ресурсом развития Украинского государства стало образование. Все большее значение приобретает необходимость развития системы подготовки будущих учителей географии, усовершенствование педагогического процесса, направленного на реализацию новых методических подходов и концептуальных идей, которые должны соответствовать требованиям государства, вузов, преподавателей, общественным запросам. Вопрос повышения профессиональной компетентности будущих учителей

географии в соответствии с социальными заказами современности должны основываться на методологической основе.

Высшее образование нуждается в высококвалифицированных, творчески одарённых преподавателях, которые способны нестандартно обучать будущих учителей географии. Подготовка современных учителей-географов в соответствии с требованиями образовательной среды третьего тысячелетия требует усовершенствования содержания, форм и методов учебного процесса.

Формирование краеведческо-туристических знаний при подготовке учителей географии будет иметь высокий уровень усвоения, если во время организации и проведения учебного процесса обеспечить поддержку позитивной мотивации студентов; активизировать личность каждого студента учитывая его психологические и физические возможности; разнообразить формы и методы краеведческой работы, которые помогут как теоретически, так и практически обеспечить высокий показатель усвоения студентами краеведческо-туристических знаний.

Поведение любого человека, в том числе и молодого, побуждается различными потребностями и мотивами, находящимися в определенных взаимоотношенностях друг к другу. Доминирование различных видов мотивов и их относительная роль в поведении индивида определяют строение мотивационной сферы, которая является важнейшим фактором детерминации человеческой активности [9, 100].

Вопрос мотивации и ее влияния на уровень усвоения знаний изучали: Ильин Е. П., Мешков Н. И., Огурцов А. П., Шапошникова И. В. и другие.

Исходя из важности обозначенной выше задачи автором ставится цель — раскрыть значение категории «мотив» и «мотивация» при формировании краеведческо-туристических знаний, дефинировать понятие «краеведческое знание/знания» и определить значимость мотивов при выборе студентами будущей профессии учителя географии.

Мотивация — совокупность стойких мотивов, побуждений, определяющих содержание, направленность и характер деятельности личности, ее поведения [3, 198].

Мотив — повод, источник, внутренняя побудительная причина поведения человека. Мотивы поведения основаны на потребностях человека и в соответствии с ними могут быть самыми разными: биологическими, социальными, осознаваемыми и неосознаваемыми [5, 258].

Разные авторы называют различные мотивы поступления в вуз, что во многом зависят от ракурса изучения этого вопроса, а также от произошедших за последние годы социально-экономических и политических изменений в нашей стране. Все же можно отметить стабильно проявляющиеся мотивы, не утрачивающие своего значения при различном укладе общественного строя.

Основными мотивами поступления в вуз являются: желание находиться в кругу студенческой молодежи, большое общественное значение профессии

и широкая сфера ее применения, соответствие профессии интересам и склонностям и ее творческие возможности [2, 264].

Автором осуществлён исследовательский эксперимент, основной задачей которого являлось определение побудительных мотивов студентов при выборе будущей профессии учителя географии. Студентам предлагалась анкета, в которой приводится иерархия таких мотивов. Участникам эксперимента предлагалось по своему усмотрению определить важность каждого мотива при выборе будущей профессии в баллах: «5» баллов — если мотив важен (или является первоочередным) и дальше в порядке убывания, «0» баллов — если мотив не имел значения.

Мотивы студентов при выборе будущей специальности при поступлении в вуз (пример анкеты):

- стремление получить высшее географическое образование;
- стремление в будущем работать в школе и заинтересовывать детей краеведческим материалом;
- стремление в самовыражении;
- выбор вуза и специальности под влиянием семейного фактора;
- когнитивный интерес к краеведению и туризму (потребность в получении новых знаний);
- педагогический зов (ваше осознание того, что быть учителем — ваше назначение);
- социальная обеспеченность и материальное благополучие;
- социальная принадлежность к категории специалистов, имеющих высшее образование;
- новизна и поиск новых ощущений средствами краеведения и туризма;
- доступность цены и качества образования;
- желание находиться в кругу студенческой молодежи;
- соответствие профессии интересам и склонностям опрашиваемых.

Проведя анализ ответов 280 участников эксперимента, было установлено, что ведущими мотивами при выборе будущей специальности были: желание находиться в кругу студенческой молодежи; соответствие будущей профессии интересам и склонностям опрашиваемых; социальная принадлежность к категории специалистов, имеющих высшее образование; когнитивный интерес к краеведению и туризму (потребность в получении новых знаний).

На мотив поступления в вуз существенно влияют социальные условия жизни населения. В традиционном

образовании мотивация формируется на основе убеждений о необходимости обучения. Поэтому мотивы в этом случае занимают внешнюю позицию по отношению к обучению. Чтобы реализовать цели современного высшего образования необходимо сформировать личностные учебно-познавательные мотивы, направленные на содержание учебного материала и учебной деятельности. Мотивы целесообразно направлять на усвоение способов деятельности.

Мотивы рассматриваются как побуждение к деятельности, связанные с удовлетворением определённых потребностей субъекта, как совокупность психологических условий, вызывающих целенаправленную активность субъекта [4, 200].

Учебная деятельность определяется мотивами, которые с внутренней стороны выражены через познавательный интерес. Интерес — (от лат. interest — имеет значение, важно) — в педагогике и психологии — форма проявления познавательной потребности, обеспечивающая направленность личности на осознание целей деятельности и тем самым способствует ориентации, ознакомлению с новыми фактами, более полному и глубокому отражению действительности [1, 147].

Критериями познавательного интереса студентов являются: особенности их поведения во время обучения, активное желание включиться в учебно-воспитательный процесс, сконцентрироваться на нем. Именно на основе интереса развиваются мотивы учения, которые вплотную связаны с реализацией принципа положительного эмоционального фона в обучении.

По мнению Щукиной Г. И. «Познавательный интерес — это также обнаружитель и показатель общего развития личности... Уровни овладения знаниями — это уровни обобщений, ..., в то же время это и уровни развития познавательного интереса... Нет сомнения в том, что наличие познавательного интереса обеспечивает более быстрое и основательное овладение знаниями» [10, 46].

В соответствии с видом учебной деятельности: творческой, самостоятельной, познавательной, научной студенты формируют своё отношение к определённому учебному предмету. Для достижения высокого уровня усвоения краеведческо-туристических знаний, умений и навыков, преподаватель должен организовать учебно-воспитательный процесс, который бы отвечал современным принципам мотивации и личностным потребностям студентов.

В издании «Новая философская энциклопедия» (2010) говорится, что «знание — это форма

социальной и индивидуальной памяти, свёрнутая схема деятельности и общения, результат обозначения, структурирования и осмысления объекта в процессе познания» [6, 51].

Понятие «краеведческо-туристические знания» включает в себя два элемента «краеведение» и «туризм». Туризм — это путешествие (поход), преследующее спортивные и оздоровительные цели, соединённые с целями образовательными, достигаемыми в процессе знакомства с местами, в которые проводится путешествие [8, 64].

Автором предложено дефинировать понятие «краеведческо-туристические знания» как совокупность знаний о родном крае, которые получают студенты во время туристических походов и полевых исследований, необходимых для закрепления теоретического краеведческого материала, который актуализирует потребности личности в познании природного, хозяйственного и социального места своего существования, способствуя формированию её ценностных ориентаций и целостных гражданских качеств.

Ведущим фактором, который мотивирует студентов к продуктивной учебной деятельности являются: во-первых — важность именно этого предмета для их профессиональной подготовки; во-вторых — понимание студентами целей обучения; в-третьих — педагогическое мастерство преподавателя-предметника; в-четвертых — личное отношение студента к преподавателю и эмоции которые вызывают его занятия. Условием, которое способствует усвоению краеведческо-туристических знаний, является создание на занятиях убедительной учебной мотивации. Важной задачей сегодня является формирование у студентов потребности к получению новых знаний, желание получать новую информацию, самосовершенствоваться.

Мотивы к обучению можно разделить на внешние и внутренние. К внешним мотивам можно отнести:

- 1) организацию учебного процесса;
- 2) взаимоотношения с преподавателем;
- 3) совершенствование содержания учебных дисциплин;
- 4) использование профессионально ориентированных задач;
- 5) качественное проведение занятий с учётом потребностей профессиональной подготовки;
- 6) использование нетрадиционных форм обучения;
- 7) надлежащее руководство учебным процессом;
- 8) взаимоотношения в студенческом коллективе.

Внутренними мотивам можно считать:

1) профессионально значимый мотив — мотив профессионального становления, желание получить качественные профессиональные знания;

2) познавательные интересы;

3) потребности в приобретении новых знаний;

4) чувство долга;

5) необходимость самосовершенствования;

6) желание быть первым;

7) стремление к личному успеху;

8) мотивы планирования будущей жизнедеятельности — стремление к материальному благополучию;

9) наклонности, предпочтения, способности [7, 16].

Главным заданием педагогических ВУЗов есть обеспечение высокого уровня педагогических и дидактических условий усвоения знаний, формирование у будущих учителей географии позитивной мотивации, которая бы в будущем определяла краеведческую сторону профессиональной деятельности через мотивы, а именно: стремление знать о природных и социально-экономических особенностях своего края, любовь к Родине, позитивное отношение к работе учителя-географа.

Список литературы:

1. Гончаренко С. У. Український педагогічний словник/С. У. Гончаренко. — К.: Либідь, — 1997. — 374 с.
2. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы/Е. П. Ильин. — СПб.: Питер, — 2002. — 512 с. — (Серия «Мастера психологии»).
3. Коджаспирова Г. М. Словарь по педагогике/Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. — Москва: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», — 2005. — 448 с.
4. Мешков Н. И. Ценностный подход к проблеме мотивации учебной деятельности студентов/Н. И. Мешков, Н. Е. Садовникова//Вектор науки ТГУ. 3 (6), — 2011. — с. 199–201.
5. Немов Р. С. Психология: словарь-справочник: в 2 ч./Р. С. Немов — М.: Изд-во Владос-Пресс, — 2003. — Ч. 1. — 304 с.
6. Новая философская энциклопедия: В 4 т./Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В. С. Степин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. — М.: Мысль, — 2010. — Т. II. — 634 с.
7. Огурцов А. П. Як навчити студентів учитись: монографія/А. П. Огурцов, В. В. Заліщук. — Дніпродзержинськ: Вид. ДДТУ, — 2009. — 325 с.
8. Строев К. Ф. Краеведение/К. Ф. Строев. — М.: Изд-во Просвещение, — 1967. — 143 с.
9. Шапошникова І. В. Вищий навчальний заклад як середовище первинної професійної соціалізації: монографія/І. В. Шапошникова. — Херсон: Видавничий дім «Гельветика», — 2013. — 308 с.
10. Щукина Г. И. Актуальные вопросы формирования интереса в обучении: Учеб. пособие для слушателей ФПК директоров общеобразоват. шк. и в качестве учеб. пособия по спецкурсу для студентов пед. ин-тов/Г. И. Щукина, В. Н. Липник, А. С. Роботова и др., Под ред. Г. И. Щукиной. — М.: Просвещение, — 1984. — 176 с.

*Rakhmanova Yulduzhon Amanovna,
1-Akadem. lyceum of Samarkand State University,
The teacher of mathematics and computer science
E-mail: yulduz.amanovna@mail.ru*

Role of entertaining problems on an independent way of thinking in formation and development of logic mathematical thinking of the Person in system of continuous formation

Abstract: in the article questions of application of various entertaining problems for improvement of the quality of formation by development of logic mathematical thinking and use of world innovative tendencies at lessons are considered. The mathematical thinking makes rather serious impact on intellectual development and turns to process of education of working out of means of logic reflexion, as knowledge means.

Keywords: Independent way of thinking, the analysis, synthesis, designing, situation modeling.

Рахманова Юлдузхон Амановна,
1-Академ. лицей при Самаркандском Государственном Университете,
Преподаватель математики и информатики
E-mail: yulduz.amanovna@mail.ru

Роль занимательных задач на нестандартное мышление в формировании и развитии логического математического мышления личности в системе непрерывного образования

Аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы применения различных занимательных задач для повышения качества образования путём развития логического математического мышления и использования мировых инновационных тенденций на уроках. Математическое мышление оказывает весьма серьёзное влияние на интеллектуальное развитие и превращается в процесс воспитания разработки средств логического отражения, как средств познания.

Ключевые слова: нестандартное мышление, анализ, синтез, проектирование, моделирование ситуации.

Вступление и постановка проблемы. В данное время педагоги всего мира ищут новые методики преподавания и стараются применять на уроках различные логические задачи на нестандартное мышление. С появлением Интернета стал гораздо проще процесс поиска интересных занимательных задач, викторин на логику.

Логические задачи, так же как и математику, называют «гимнастикой ума». Но, в отличие от математики, задачи на логику — это занимательная гимнастика, которая в увлекательной форме позволяет испытывать и тренировать мыслительные процессы, иногда в неожиданном ракурсе. Для их решения нужна сообразительность, иногда интуиция, но не специальные знания. Решение задач на логику состоит в том, чтобы досконально разобрать условие задачи, распутать клубок противоречивых связей между персонажами или объектами.

Формирование логического мышления младших школьников — важная составная часть педагогического процесса. Помочь учащимся в полной мере проявить свои способности, развить инициативу, самостоятельность, творческий потенциал — одна из основных задач современной школы [2, 10].

Уже в начальной школе дети должны овладеть элементами логических действий (сравнения, классификации, обобщения, анализа и др.). Поэтому одной из важнейших задач, стоящих перед учителем начальных классов, является развитие самостоятельной логики мышления, которая позволила бы детям строить умозаключения, приводить доказательства, высказывания, логически связанные между собой, делать выводы, обосновывая свои суждения, и, в конечном итоге, самостоятельно приобретать знания. Математика именно тот предмет, где можно в большой степени это реализовывать [1, 32].

Даже самые сложные задачи на логику не содержат чисел, векторов, функций. Но математический способ мышления здесь необходим: главное, осмыслить и понять условие логической задачи. Не всегда самое очевидное решение, лежащее на поверхности, является правильным. Но чаще всего, решение задачи на логику оказывается гораздо проще, чем кажется на первый взгляд, несмотря на путаное условие.

Интересные задачи на логику для детей по самым разным предметам — математике, физике, биологии — вызывают у них повышенный интерес к этим учебным дисциплинам и помогают в их осмысленном изучении. Логические задачи на взвешивание, переливание, задачи на нестандартное логическое мышление помогут и в повседневной жизни решать житейские проблемы нестандартным образом.

В статье Гончаровой О. С. обосновывается то, что основная работа для развития логического мышления должна вестись с задачами. Ведь в любой задаче заложены большие возможности для развития логического мышления. Нестандартные логические задачи — отличный инструмент для такого развития [6, 330].

Наибольший эффект при этом может быть достигнут в результате применения разных форм работы над задачами. Это:

1. Работа над решенной задачей. Многие ученики только после повторного анализа осознают план решения задачи. Это путь к выработке твердых знаний по математике. Конечно, повторение анализа требует времени, но оно окупается.

2. Решение задач разными способами. Мало уделяется внимания решению задач разными способами в основном из-за недостатка времени. Но это умение свидетельствует о достаточно высоком математическом развитии. Кроме того, привычка нахождения

другого способа решения сыграет большую роль в будущем. Но я считаю, что это доступно не всем ученикам, а лишь тем, кто любит математику, имеет особенные математические способности.

3. Правильно организован способ анализа задачи — по вопросу или от данных к вопросу.

4. Представление ситуации, описанной в задаче (нарисовать «картинку»). Учитель обращает внимание детей на детали, которых нужно обязательно представить, а которые можно опустить. Мнимое участие в этой ситуации. Разбивка текста задачи на части. Моделирование ситуации с помощью чертежа, рисунка.

5. Самостоятельное составление задач учениками.

Систематическое использование на уроках математики и внеурочных занятий специальных задач и заданий, направленных на развитие логического мышления, расширяет математический кругозор младших школьников и позволяет более уверенно ориентироваться в самых простых закономерностях окружающей их действительности и активнее использовать математические знания в повседневной жизни [1, 42].

Т.о. преподавателям любых предметов рекомендуется использование логических и занимательных задач во время занятий таких задач расширяет математический кругозор учащихся, способствует развитию и повышает качество подготовленности.

При решении занимательных задач преследуются следующие цели [5, 235]:

- формирование и развитие мыслительных операций: анализа и синтеза; сравнения, аналогии, обобщения и т. д.;
- развитие и тренинг мышления вообще и творческого в частности;
- поддержание интереса к предмету, к учебной деятельности (уникальность занимательной задачи служит мотивом к учебной деятельности);
- развитие качеств творческой личности, таких, как познавательная активность, усидчивость, упорство в достижении цели, самостоятельность;
- подготовка учащихся к творческой деятельности (творческое усвоение знаний, способов действий, умение переносить знания и способы действий в незнакомые ситуации и видеть новые функции объекта) [1, 43].

В Узбекистане из-за переориентации общества на новые ценности необходимы существенные перемены в системе образования, и особенно в том ее звене, где формируется специалист высшей квалификации. Кроме высокого профессионального

уровня, современный специалист с высшим образованием должен обладать достаточно высоким уровнем коммуникативных умений для успешной профессиональной деятельности, включающей профессиональный рост на основе отечественных и зарубежных достижений, обмен опытом с коллегами, научные исследования и т. д. В связи с этим вопросы, связанные с проблемой формирования профессиональных коммуникативных умений, в последнее время широко исследуются как отечественными, так и зарубежными учеными. Практика подготовки специалистов в технических вузах показала, что обучение студентов в большинстве случаев проводится с использованием традиционных методов обучения, технология же игрового обучения в формировании профессиональных коммуникативных умений у студентов используется лишь эпизодически и не носит системного характера. Уровень обученности и уровень сформированности профессиональных коммуникативных умений студентов не удовлетворяет современным требованиям к качеству профессиональной подготовки специалистов [7, 4–9].

В процессе решения *задач на логику* учащиеся познакомятся с математической логикой — отдельной наукой, именуемой по-другому «математикой без формул». Логика как наука была создана Аристотелем, который был не математиком, а философом. И логика первоначально была частью философии, одним из методов рассуждений. В труде «Аналитики» Аристотель создал 20 схем рассуждений, которые назвал силлогизмами. Одним из самых известных его силлогизмов является: «Сократ — человек; все люди смертны; значит Сократ смертен». Логика (с др.-греч. *Λογική* — речь, рассуждение, мысль) — это наука о правильном мышлении, или, иными словами, «искусство рассуждения».

Существуют определенные приемы *решения логических задач*:

способ рассуждений, с помощью которого решаются самые простые логические задачи. Этот метод считается самым тривиальным. В ходе решения используются рассуждения, последовательно учитывающие все условия задачи, которые постепенно приводят к выводу и правильному ответу;

способ таблиц, применяемый при решении текстовых логических задач. Как следует из названия, решение логических задач заключается в построении таблиц, которые позволяют наглядно представить условие задачи, контролировать процесс рассуждений и помогают сделать правильные логические выводы;

способ графов состоит в переборе возможных вариантов развития событий и окончательном выборе единственно верного решения;

способ блок-схем — метод, широко используемый в программировании и решении логических задач на переливание. Он заключается в том, что сначала в виде блоков выделяются операции (команды), затем устанавливается последовательность выполнения этих команд. Это и есть блок-схема, которая по сути является программой, выполнение которой приводит к решению поставленной задачи;

способ бильярда следует из теории траекторий (один из разделов теории вероятности). Для решения задачи необходимо нарисовать бильярдный стол и интерпретировать действия движениями бильярдного шара по разным траекториям. При этом необходимо вести записи возможных результатов в отдельной таблице.

Каждый из этих методов применим к *решению логических задач* из разных областей. Эти, казалось бы, сложные и научные приемы вполне можно использовать в *решении задач на логику на уроках в школе*.

Для сравнения уровня логического мышления у студентов технического и гуманитарного направления, я провела сравнительный анализ работ учащихся. В Интернете представлены самые разнообразные *логические задачи*, которые интересны как для учащихся школ, так и лицеев, студентов ВУЗов, можно их скачать. Я подобрала для учащихся 1-Академического Лицея при Самаркандском Государственном Университете наиболее *интересные задачи на логику*, которые были интересны не только детям, но и их родителям для самостоятельной работы [10, 5–12].

Ученики лицея заинтересованно решали задачи, например Тесты Васло [10: 13, 28]. Применяя разные методы решения логических задач, они подробно описали ход мысли и логическое объяснение своего ответа.

Во время школьных занятий можно применять задачи тренирующие память, например:

Запомните слова: Вам дается 2 минуты для того, чтобы запомнить слова, изображенные на рисунке. Можете переписать их. Потом закройте рисунок и напишите по памяти, столько слов, сколько сможете вспомнить. Если Вы записали меньше пятнадцати слов, советуем Вам всерьез заняться тренировкой внимания, памяти.

Шесть кругов: 6 кругов разделены на части. Вам дается полминуты на то, чтобы решить, какие два круга разделены на наибольшее число частей. Если начать

заниматься подсчетами, Вы не уложитесь в отведенное время. Единственный выход — оценивать на глаз.

Пять пар кубиков: Перед Вами пять пар кубиков. Посмотрите на них внимательно. Найдите пары, в которых кубики совершенно одинаковы. Срок — две минуты.

Первенство по хоккею: В первенстве города по хоккею с шайбой, которое проводилось по круговой системе (каждая команда сыграла с каждой по одному разу), участвовали четыре команды: «Север», «Юг», «Восток» и «Запад». Согласно положению, за выигрыш команда получала два очка, за ничью — одно и за проигрыш — ноль очков. Последняя встреча окончилась неожиданно: «Север» проиграл «Востоку». Однако это не помешало «Северу» стать чемпионом, а «Восток» не улучшил своего турнирного положения. Как сыграли между собой «Восток» и «Запад»?

Применение компьютерных технологий в обучении не только не снизило актуальность педагогических исследований, — результат диаметрально противоположен. Первые успехи и первые разочарования породили процесс лавинообразного роста интересов и новых идей. Идущий параллельно с прогрессом информационных технологий, инновационный процесс в компьютерной педагогике и андрогогике не только развивается на путях, намеченных традицией этих наук с учётом новых реалий, но и черпает свежие идеи из самих информационных технологий [8, 57].

В психологии мышление определяется как психическая деятельность, направленная на обобщенное и опосредованное познание объективной действительности путем раскрытия связей и отношений, существующих между познаваемыми предметами и явлениями. По определению Ожёгова С. И. «Мышление — это способность человека рассуждать, представляющая собою процесс отражения объективной действительности в представлениях, суждениях, понятиях.

Развитие логического мышления — одна из главных задач всестороннего развития детей, которому следует уделять серьёзное внимание. Мышление — это высшая форма познавательной деятельности человека, процесс поисков и открытия существенно нового. Развитое мышление даёт возможность ребенку понять закономерности материального мира, причинно-следственные связи в природе, общественной жизни и межличностных отношениях. Логическое мышление является основополагающим при достижении успеха в жизни. С его помощью

человек способен проанализировать любую ситуацию и выбрать наилучший вариант действий в сложившихся условиях.

Логическое мышление необходимо постоянно тренировать, лучше всего — с раннего детства, чтобы избежать стереотипного мышления, которое свойственно основной массе людей. С помощью логического мышления вы сможете отделять существенное от второстепенного, находить взаимосвязи между объектами и явлениями, создавать умозаключения, искать и находить подтверждения и опровержения.

Развитие мышления возможно с помощью задач на логическое мышление. Они способствуют:

- увеличению скорости мышления;
- осмысленности мышления;
- повышению гибкости мышления;
- увеличению глубины мышления;
- развитию свободы и эффективности мышления.

Взрослые также могут тренировать мышление с помощью игр на развитие мышления и задач на логическое мышление. Ведь возрастные проблемы с памятью и логикой — это результат бездействия и отсутствия умственных упражнений: человек либо использует свой мозг, либо деградирует.

Для определения уровня развития и качественных характеристик вашего мышления предлагаю пройти тест на логическое мышление. Качество мышления определяется следующими характеристиками:

- быстрота мышления — это способность находить правильные решения в условиях недостатка времени;
- гибкость мышления характеризует умение изменить намеченный порядок действий при смене обстоятельств;
- глубина мышления — это степень проникновения в суть ситуации или явления и способность уловить и выявить логические связи между объектами задачи.

Эти качества в разной степени присутствуют у всех людей. Некоторые из них более значимы для решения теоретических задач, другие — для решения практических вопросов.

В процессе роста человека, при вхождении его в социальную жизнь развитие мышления происходит последовательно в несколько стадий:

- предметно-действенное мышление, характерное для возраста от 1 до 3 лет — это мышление в виде практических действий. Дети в этом возрасте познают окружающий мир, пробуя предметы на вкус и запах, трогая руками, разбирая их и ломая;

- наглядно-образное мышление более развито в возрасте от 4 до 7 лет, но присутствует и у взрослых людей в виде наглядных образов и представлений: зрительных, слуховых, тактильных. Наиболее развит такой тип мышления у людей творческих профессий (художников, музыкантов и т. п.);

- абстрактно-логическое или отвлеченное мышление представлено в форме отвлеченных понятий, символов и цифр. К примеру, математические термины «интеграл» и «производная» — это абстрактные понятия, которые не могут восприниматься органами чувств человека.

Процесс мышления включается, как правило, при возникновении какой-либо проблемы или задачи, решение которой может осуществляться различными способами в зависимости от уровня *развития логического мышления*. Самый примитивный приём — метод проб и ошибок, в процессе которого не происходит даже осознания проблемы, не говоря уже о построении тактики ее решения и проверки гипотез. У взрослых людей *логическое мышление* перерастает в умение исследовать поставленные задачи и определять цели, создавать план и способы достижения цели. *Развитое мышление* — это способность думать творчески, не пользоваться шаблонными знаниями, а изобретать и выдумывать что-то новое. *Решение логических задач и игры на развитие мышления* развивают не только логику, но и интеллект, фантазию, воображение.

При решении задач на логическое мышление или в играх на развитие мышления необходимо соблюдать этапность:

- Мотивация, то есть желание победить;
- Анализ условий задачи или игровой ситуации;
- Поиск решения задачи на основе логических рассуждений, аналогий, эвристических и эмпирических приёмов. В играх на развитие мышления иногда победе способствует простое озарение;
- Доказательство и обоснование правильности решения;
- Проверка решения; при необходимости — его коррекция.

Вывод

Наши учащиеся должны владеть приёмами логического математического мышления и научиться нестандартно мыслить применяя навыки анализа, сравнения, синтез, абстрагирование, измерение, координатизация, структурирование, проектирование, систематизация и др. в профессиональной и научной деятельности в будущем.

Список литературы:

1. Беседы с учителем. Методика обучения: Первый класс четырёх летней начальной школы. /Под ред. Л. Е. Журовой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Вентана – Графф, – 2002.
2. Игры – обучение, тренинг, досуг. /Под ред. В. В. Петрушинского. – М.: Издательский центр «Академия», – 2004. – 238 с.
3. Истомина Н. Б., учебное пособие, «Методика обучения математике в начальной школе», – 2000.
4. Лавриненко Т. А. Как научить детей решать задачи: Методические рекомендации для учителей начальных классов. – Саратов: Лицей, – 2000. – 64 с.
5. Стойлова Л. П. Математика: Учебник для студентов высших педагогических учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», – 2002. – 424 с.
6. Библиографическое описание: Гончарова О. С. Развитие логического мышления на уроках математики в начальных классах [Текст]/О. С. Гончарова//Молодой ученый. – 2012. – № 10. – с. 329–331.
7. Абдрахманова Л. В. Формирование профессиональных коммуникативных умений у студентов технического ВУЗа при использовании технологий игрового обучения.://Вестник самар. гос. тех. университета. – 2007. – № 7 (1). – с. 4–9.
8. Дьяконов Г. Н., Козырская Л. А., Удальцова Е. Г. Компонентное моделирование межличностного и человеко-машинного диалога в учебном процессе://Вестник самар. гос. тех. университета. – 2007. – № 7 (1). – с. 51–58.
9. Интернет-сайт Эльмиры Давыдовой, директора центра профориентации «ПрофГид», кандидата психологических наук, консультант по карьере и профориентации, измерения IQ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.profguide.ru/test/category/proforient>
10. Слоун Пол и Дес Мак Хейл. Занимательные задачки на нестандартное мышление. Перевод с англ. Н. Чупева; ил. Мирона Миллера. – М.: АСТ; Астрель, – 2007.

*Prikhodko Vyacheslav Mikhailovich,
correspondence member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Technical Sciences, Professor, Rector,
Moscow State Automobile and Road Technical University (MADI).
E-mail: rector@madi.ru.*

*Atamanenko Natalya Vladimirovna,
master teacher of the Chair «Machine parts and theory of mechanisms», MADI
E-mail: natalia6807@mail.ru*

*Karelina Maria Yurievna,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Head of Chair “Machine parts and theory of mechanisms”, MADI
E-mail: karelinamu@mail.ru*

Some aspects of humanitarization of the content of the professional training of Students at a technical university

Abstract: the present article deals with questions of planning the substantial part of the disciplines of basic educational programs at technical universities with consideration of the professionalization of the higher school.

Keywords: general cultural and professional competences, professional training, teaching and educational process, educational discipline, syllabus, educational and methodical complex.

The main purpose of university education is the general and professional development of the personality of a future specialist and mastering integral professional activity by the latter [2]. Modern teaching and educational process at higher educational institutions represents a

system of formation of the personality of a future specialist in compliance with the guidelines set out by the federal state educational standards. One of the most important pillars in making up the personality of the future specialist is, in our opinion, formation of the professional

outlook of modern students of higher educational institutions of Russia as a factor in the development of the ability to be properly guided in the contemporary socio-economic, political, cultural, educational and other processes, taking the most active part in their solution.

As we know, the professionalism is formed only if it develops within a general cultural framework which is good (sufficient). Such a framework at higher educational institutions should be created during the educational process on a prognostic basis and especially while studying such subjects as Philosophy, Culturology, Psychology and other similar subjects. In our opinion, the knowledge studied must inherently be integrated with respect to common problems of the said disciplines.

In the context of the transition to a two-level specialist training system the Russian higher education faces challenges to find the most effective and knowledge-intensive educational technologies covering psychological, general pedagogical, didactic and special methodical procedures of interaction between teachers and students in the learning process aimed at developing the professional competencies that meet the requirements of the employer [1].

It should be noted that in the traditionally existing process of Russian higher education, that has already been updated within its structure, the disciplines often exist autonomously and are distributed in the semester syllabi of the faculties quite arbitrarily, without regard to their logical sequence and interdependence, without proper scientific justification. Under these conditions, without integration, they can not constitute a comprehensive system of general cultural and professional competencies creating the foundation to form a high level professional training, in which the driving forces of development and formation of the personality, laws of its formation, the dialectic and the basic contradictions of the educational process and the educational systems development are presented.

Thus, as a result of the above the acquired knowledge in core academic subjects represents the scattered set of data, on which one must report only several times in the academic year during exams.

Invariant and variant knowledge usually has no special division which, in our opinion, not only does not contribute to the formation of flexibility of professional thinking of students but rather orient to the mere mention of the studied material.

The question of how to solve the identified problems is raised. In our opinion, the answer to these questions may be hypothetical because there is no serious practical experience of integrating the humanities and special disciplines

at higher educational institutions. Therefore a deep theoretical study of this problem is required.

At the same time approbation of certain measures is possible, namely, for example:

- correlation the humanities and special disciplines in relation to the time of studying given the logic of their interaction (the prerogative of the Faculty Councils);
- conducting interdepartmental methodological seminars (1–2 times a month) on the interaction and integration of sections (subjects) of academic disciplines involved in the formation of students' attitudes and beliefs in the field of general cultural and special professional problems (training and methodical department coordinator);
- making the necessary changes in the structure of work programs of the disciplines in order to integrate the content of the studied problems from the standpoint of the interaction;
- creation and organization of work of student interdepartmental research laboratories for the study and development of the most relevant professional systemic problems (coordinator — Student Scientific Research Department Head);
- determination of the conditions for the development of integrative graduation projects representing a comprehensive study of certain professional problems.

By all means, this is only some of the problems of the professionalization of the teaching and educational process at higher educational institutions. Certainly, the role of higher education is great at the present level of development of the society, when the fundamental scientific discoveries are made mainly at the intersection of several sciences.

Modern integrated professional education is especially important in the preparation of future specialists of various profiles. Among others it concerns both engineers who, even having rather strictly specialized education, but still can, for example, quite successfully carry out their professional activities, and the teacher, whose highly specialized knowledge of their subject (even very deep one) is quite insufficient to carry out full-fledged work.

Thus, in addition to his professional duties a modern university graduate, in our opinion, should be familiar with the general cultural, universal values, national traditions, with application of this science in other fields of knowledge, and so on, that is, he or she should be a professional who has received the relevant competences in the process of training and be the person with a broad world outlook.

Orientation of modern educational technologies towards the formation of general cultural and general

professional competences above all, contributes to the development of skills to work in a group, to be engaged in a dialogue and debates; skills in working with different types of information; ability to critically comprehend, structure, rank according to the degree of novelty and importance, to present the material under study graphically [3].

In connection with the above, it is quite obvious that when carrying out professional training it is especially important to take into consideration the optimal combination of principles of modern liberal arts education and special education. Considering the issues related to the professionalization of the teaching and educational process one should pay attention to systemically important function of principle of a professional orientation in the selection of the content of the subject. It is clear that while applying the principle of professional orientation as a basic principle of training, the content selection process can not be recognized as system-defined one without taking into account the system-forming role of this principle.

By the very nature of the professional education the educational process, as it is known, is divided into two sections:

- acquisition of general cultural competences;
- acquisition of professional competences.

In the plane of academic discipline each of them, evidently, will be reflected either in its main section or in additional section (processual), or in both sections simultaneously. The professional cycle sections are not homogeneous. Each subsystem when projecting it on a plane of the academic discipline will generate the educational material complexes therein being relevant to the said edges. The structure of each such complex is connected with the professional activity structure disclosing this requirement for a specialist model.

Each element of the professional subsystem can be a source of a professional content in the appropriate element of the complex of the analyzed academic discipline. Nevertheless, it is easy to imagine a situation where certain element of the professional subsystem or subsystem as a whole, when projecting it on a plane of the academic subject, makes no contribution at all.

For example, one of the professional requirements for a specialist of road transport is knowledge of the laws of a failure of certain units. One can list all the details of the subsystem of competencies that meet this requirement and to make sure that one of them can not be used as a source of professional competence of the course named, for example, "Descriptive Geometry and Drawing". Therefore, we can say that the projection of this professional subsystem (competencies) on a plane of

the subject named "Descriptive Geometry and Drawing" is simply not available.

At the level of content selection (and partly at the level of its building) the system-forming function of the principle of professional orientation should appear primarily in the educational and methodical complex meeting the different aspects of the professional activities. Such complexes are formed when the following conditions are met:

- upon detailed decomposition of each of the aspects of professional activity into the elements;
- conducting analysis of each element as a source of the content of such academic discipline.

This will permit to find the projection of this element on a plane of the academic discipline and to build an appropriate complex of interrelated elements of content (competencies) therein.

One may note the important properties of such complexes, arising out of the very essence of their building:

1. Each complex represents the source of content of professional knowledge and skills of this academic discipline in the systemic form.
2. The collection of complexes provides the opportunity to satisfy the completeness and exhaustiveness of presentation of all aspects of the professional activity in the discipline.
3. The complexes fully provide with opportunities to learn the academic subject in the context of professional activity.
4. The complexes orient the teaching system of this discipline towards training the professionally oriented personality.

This means that building of complexes of content of an academic discipline that are relevant to the competencies of various aspects of professional activity of the specialist solves the problem of the implementation of professionally oriented training at the initial stage of selection of the content of the academic subject, concerning the determination of sources of content and presenting them in a systematic manner.

Thus, belonging of the content to a professional complex is the basis for the inclusion of such content in the analyzed academic discipline.

The main factors that affect the selection of the content of the academic discipline (target, resource, etc.) must be taken into account when selecting the professional content of the discipline. If the content of the discipline was selected in a wrong way in terms of the reflection of professional competences, then the introduction of the professional elements, even under the

most favorable combination of factors, may lead to negative influence on the outcome of the pedagogical system. The optimum content of the academic discipline can be evaluated according to different criteria.

As one of them one may name meeting the criterion of interaction between the discipline's content and professional activity. The more the criterion is violated, the worse the content is selected from the point of view of the principle of professional orientation.

Secondly, the optimum content may comprise the same that provides the highest value of the objective function (for example, progress) at the output of the educational system. However, the objective function value depends both on building of the content and on many other factors, so that the content selection factor in this case is one among many factors.

Thirdly, the optimum content may comprise the same providing the best results in solving professional problems.

Thus, the problem of optimizing the selection, in principle, is a multicriteria problem. In such cases one usually takes one of criteria as the main one and the rest serve as some limiters.

For example, we can admit some specified violation of the interaction between the content of the discipline and the professional activity and, at the same time, we may further optimize the output of the system of education, or output in the solution of professional problems. The uniqueness of the optimality criterion can not be established. One should use such criterion that is the most consistent with the objectives of a particular stage of training.

The following may be used as the criteria of optimality of the selected content:

- the degree of violation of the criterion of interaction between the subject content and the professional activity should be minimized;
- the objective function of the educational system at the output (for example, progress) should take the maximum value;
- selected content should provide the best results in the solution of purely professional problems.

It should be noted that the above criteria are applicable both upon the selection of the content of the academic disciplines and at the level of educational material.

References:

1. Bakhareva S. R. Designing educational programs for training Bachelors in logic of competence-based approach (evidence from "Teacher Education", "Biology" profile) // M. A. Sholokhov MGGU Bulletin. Psychology and Pedagogy series, edition 1, – 2011. – p. 27–31.
2. Verbitsky A. A. Competence-based approach and the theory of contextual learning. – M.: ITS PKPS, – 2004, – p. 84.
3. Lobodina L. V. Modern educational technologies as a tool for the formation of a system of methodical knowledge of students // M. A. Sholokhov MGGU Bulletin. Psychology and Pedagogy series, edition 1, – 2013. – p. 52–59.

*Rakhmanova J ulduzhon Amanovna,
Academic Lyceum of Samarkand State University,
The teacher of mathematics and computer science
E-mail: yulduz.amanovna@mail.ru*

Problems of process of integration of interaction of Lyceum and HIGH SCHOOL as complete system of continuous formation

Abstract: Now important scientifically to prove process of integration of interaction of Lyceum, high school and manufacture as complete system in interests of a sustainable development of quality of general educational preparation of graduates Lyceum, to investigate interaction process in integration system «Lyceum — high school — manufacture», providing a sustainable development of quality of educational preparation of pupils.

Keywords: professional qualification, integration system, a development of education, profound studying of subjects.

Social and economic development of Uzbekistan is characterized global, an information saturation and dynamism with a view of achievement of a sustainable

development of the world community. The development of education can be reached system integration of available and perspective resources (human, social, economic,

psychological, administrative, etc.). Steering of creation and development of these resources becomes complicated in connection with features of the changes occurring in our society: environment complication — information saturation, a competition; manufacture complication — an information need, high manufacturability, orientation to the world standards; change of the person — valuable orientations, priorities, psychology of relations.

Modern lines of social and economic development are characterized глобальностью, an information saturation and dynamism with a view of achievement of a sustainable development of the world community. One of the fundamental bases of achievement of this purpose is the outrunning development of education which stability can be reached system integration of available and perspective resources (human, social, economic, psychological, administrative, etc.). Steering of creation and development of these resources becomes complicated in connection with features of the changes occurring in the Russian society: environment complication — information saturation, a competition; manufacture complication — an information need, high manufacturability, orientation to the world standards; change of the person, valuable orientations, priorities, psychology of relations [1, 112.]

All these processes have led to change of functions of formation and have demanded search of ways of increase of its quality. One of possible versions of the solution of this problem is Lyceum and high school integration.

The pedagogical science of the present aspires to system integration of scientific knowledge into transitive conditions. Among activities of this direction it is necessary to allocate V. T. Fomenko's probes (the empirical theory of the maintenance of formation), A. J. Daniljuk (the theory of integration of arts education), V. I. Kogan (interdisciplinary integration), L. N. Talalova (интегративные tendencies in the theory and practice of modern formation).

Training in Lyceum is a real capability not only to be prepared for receipt in a higher educational institution, to adapt for high school system of training, to get reliance of the forces, but also to solve a difficult question of selection of a trade.

The Lyceum provides training, education, development of the pupils having obvious abilities to intellectual work, internally мотивированных to obtaining of the general secondary education of the increased level. The Lyceum orients pupils on obtaining of the higher professional qualification in technical, linguistic and other fields of activity [1, 210].

The Lyceum gives deep fundamental formation, executing pedagogical process at high professional level.

Pedagogical process of Lyceum is under construction on humanistic principles, realizes ideas of the concept of education modernization.

At the heart of Lyceum activity the idea of continuous formation where actually the Lyceum plays a link role between general educational and the higher school lies. It is the original training apparatus preparing the capable child to effective continuation of formation in selected sphere of professional work. This mission of Lyceum completely corresponds to ideas of strategy of a development of educatio [5, 10].

The basis of intensive educational process independent educational-informative activity of pupils, individually организуемая and accompanied by the teacher gets out. The role of the teacher is a role of the instructor, the adviser, the assistant and the adviser. Educational-research activity uses a special priority. Participation in conferences of different level is an important technological element of education of intellectuals [4, 53]. Against described above educational process preparation for formation continuation in HIGH SCHOOL is a most important task organically decided in process of advancement of the pupil in educational space of Lyceum and motivated with internal requirements of self-improvement of the person.

The organization of educational process of Lyceum promotes effective preparation of the graduate for high school system of training, programming its painless adaptation and successful training in HIGH SCHOOLS. Technically necessary effect is reached by introduction in Lyceum of the form of implementation of educational process as high school with connection of gears of pedagogical support of lyceum students at individual level [6, 143]. The Lyceum orients the pupil on effective work in the further professional work and social success in independent habitability.

Thus, an ideal of the lyceum student is the person having, on the one hand, good base educational preparation, a broad outlook, the uncommon erudition, owning knowledge modes, high level of culture, firm is moral — ethical installations; with another — owning special knowledge and skills of fulfillment of activity in some, concerning the narrow professionally — oriented activity. Graduates of Lyceum appear capable of active self-education and self-development, to integration into system of new communications and relations, to employment by research activity into the selected professional area [7, 306].

But there are problems which are necessary for deciding for a development of education:

- Strengthening of material base of Lyceum;
- Maintenance of teaching and educational process with means of training and educational-visual aids;
- Creation of conditions for actuation of pupils in research activity;
- Program working out on a number of cross-sectional subjects and the integrated courses;
- Maintenance of efficient control with the Lyceum, connected with out-of-date computer park, with the limited quantity of multimedia means, and also with necessity of rejuvenates of pedagogical collective.

It is necessary to involve constantly more pupils in carrying out of educational-research activity, as within the limits of studying of school subjects, and implementation of original probes;

- To stimulate participation of lyceum students in open competitions of student's activities of research type;
- To organize scientific lyceum a society;
- To organize educational excursions in branch institutes;
- To employ teachers of HIGH SCHOOLS with pupils of Lyceum, Scientific management of research activities of lyceum students;
- To develop programs of profound studying of subjects and To prepare lyceum students for the Olympic Games of various level.

Let's try to show realization of the concept of system of integration of Lyceum, HIGH SCHOOL on an example of the 1-academic Lyceum at the Samarkand State University. The Lyceum has been created in 1996 for study at 10–11 classes, 1998 is renamed into the Academic Lyceum-boarding school, and in 2003 has moved to a modern new building of University Parkway. Important that in Lyceum teachers of HIGH SCHOOLS work, masters, on the other hand, the student's collective of school is formed on the basis of competitive takeoff, interview and testing carrying out. In Lyceum training is conducted as in Russian and on the Uzbek; at present pupils are distributed in directions which they have chosen: technical, economic, natural sciences, foreign philology and the humanities, the efficient commixed collective of teachers of high school and school is generated, the technology of a competitive set of pupils is fulfilled, the school material resources are created, the concept of educational activity is approved.

For years of the existence the Lyceum has shown the success in respect of deployment and motivation development to training, creation of preconditions to continuous formation, uses of advantages of the commixed collective of teachers and wide use by Lyceum of high

school base. Many pupils have successfully continued the training in HIGH SCHOOLS as Uzbekistan and abroad.

For 18 years Lyceum have ended about 10 000 pupils from whom 80–85 % have arrived in HIGH SCHOOLS of the pupils representing most мотивированную, well adapted for high school conditions of training, it is moral also physically healthy part of student's collective.

Advantages of training in the Academic Lyceum:

- Training at the best teachers and teachers of University and under special programs with use of innovative methods and approaches;
- Study among the contemporaries having an active vital position, in creativity and rivalry atmosphere;
- Participation in interesting out-of-study actions of University;
- Close connection with chairs and other structures of the Samarkand State University and Institute of Foreign languages;
- Capability of direct familiarization with the chosen trade and its teachers representing;
- Obtaining of quality education which will allow choosing the best high school and will provide a perspective place of activity and a high standard of living;
- Obtaining of the psychological help and the pedagogical tracking, providing conditions for effective professional and personal development (self-development);
- Immersing in high school system of the training, allowing the graduate of the Academic Lyceum to avoid the adaptable period at receipt in high school and the subsequent training;
- Familiarizing with educational, scientific and out-of-study activity of HIGH SCHOOL (conference, round tables, mugs, sections, cultural actions);
- High productivity of receipt in high schools.

Lyceum students receive preparation not only in subject domain, but also skills of independent activity and thinking — prepare for style and mode of study in high school.

The generality of interests of listeners creates special creative atmosphere in Lyceum. It promotes development of the person of each listener, helps to find reliance of the forces, and stimulates aspiration to knowledge and independent activity.

Lyceum students make the realized selection of the future specialist to that promotes:

- Acquaintance to faculties and chairs of HIGH SCHOOLS;
- Dialogue on employment and out of their frameworks with teachers of the various institutes conducting pedagogical, scientific and practical activities;

- Participation in open days of University and faculties;
- Dialogue with students — about features of training on different directions and on various specializations.

The purposes and Lyceum problems:

- Active participation in process of formation of a mental potential of a city and area;
- Preparation trained to entrance examinations in high school, to study in high school, to creative activity in various spheres of habitability;
- Elimination of blanks in school knowledge, and also recess of theoretical knowledge in the subjects which are taken out on entrance examinations;
- Formation at schoolboys of professionally oriented informative interest;
- Creation of conditions for the further personal and professional development of listeners of Lyceum;
- Acquaintance trained with teaching structure of high school;
- Search, working out and introduction of the new maintenance of formation (curricula, programs on the mathematician, physicist, chemistry, computer science and so forth);
- Maintenance of adaptation trained to high school technologies of training;

- Implementation more a close acquaintance trained with a chosen trade.

The maintenance of activity of the Lyceum:

- Scheduling on the basis of the deep scientific analysis;
- Definition of a mental potential of pupils;
- Check of abilities to sciences of a natural cycle and volume of the saved up knowledge;
- Introduction of new forms and training and education methods;
- The account of desire of the child to be trained under Lyceum programs;
- Use of an advanced experience of teachers of institutes;
- Current check of mastering of a material;
- Monitoring of personal and professional development of the lyceum student, etc.

Conclusion: the Organization of educational process of Lyceum promotes effective preparation of the graduate for high school system of training, programming its painless adaptation and successful training in HIGH SCHOOLS. Integration of Lyceum of a high school and academic science is important not only for reproduction of scientific potential, but also for introduction of the newest scientific workings out in manufacture.

References:

1. Е. А. Шаповалова. НТР Становление новой системы профессионализации материального производства // Развитие человеческой деятельности в условиях научно-технической революции. – Л.: ЛГУ, – 1984, – с. 112.
2. Философский энциклопедический словарь. Сов. Энциклопедия, – 1983, – с. 210.
3. Горелов А. А. Экология- наука- моделирование (философский очерк)/Отв. Ред. Шаталов А. Т. – М. Наука, – 1985, – с. 203.
4. Ставская Р. Н. Философские вопросы развития современной науки. – М. Высш. шк., – 1974, – с. 53.
5. Тюнников Ю. С. Методика выявления и описания интегративных процессов в учебно-воспитательной работе СПТУ. – М., – 1988, – с. 10.
6. Салов Ю. И., Тюнников Ю. С. Психолого- педагогическая антропология. – М. Владос, – 2003., – с. 143.
7. Громкова М. Т. Психология и педагогика профессиональной деятельности. – М. ЮНИТИ. – 2003. – с. 306.

*Subina Oxana Alexandrovna,
National Pedagogical Dragomanov University,
lecturer at the Department of educational policy
E-mail: oxandiy@mail.ru*

Social competence as an important component for training the Teachers

Abstract: The article describes the theoretical approaches to the interpretation of the essence of social competence; based on the analysis of the concept of social, social action, social norms and social functions of the teacher formulated author's definition of the content of social competence of the future teacher.

Keywords: social norms, social functions, self-identity, humanistic orientation.

Субина Оксана Александровна,
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова,
преподаватель кафедры образовательной политики
E-mail: oxandiy@mail.ru

Социальная компетентность как важная составляющая профессиональной подготовки педагога

Аннотация: в статье раскрываются теоретические подходы к трактовке сущности социальной компетентности; на основе анализа понятий социальное, социальное действие, социальные нормы и социальные функции педагога формулируется авторское определение содержания социальной компетентности будущего преподавателя.

Ключевые слова: социальные нормы, социальные функции, самоидентичность, гуманистическая ориентация.

Основные тенденции современного мира определяют главную задачу образования — раскрытие способностей каждого учащегося, воспитания личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире. Причем ключевой характеристикой учебно-воспитательного процесса становится не только передача знаний и технологий, но и формирование морально-этических качеств, творческого инновационного потенциала готовности к обучению в течение жизни. Реалии современности обуславливают потребность в постоянном поиске действенных подходов к формированию профессиональных и личных качеств преподавателей, на которых возлагается ответственная миссия развития гармоничного, целостного, духовного мировосприятия подрастающего поколения, «содействие — как указано во Всемирной декларации прав человека, — взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, подержанию мира».

Современные преподаватели должны быть не только высококвалифицированными специалистами в своей области и в полной мере владеть психолого-педагогическим мастерством, но и иметь надлежащие личные качества, социальную компетентность, что позволит эффективно действовать в непредвиденных условиях, обучать и воспитывать подрастающее поколение на основе гуманистических идеалов и носферного мышления.

Важность поиска новых форм и методов профессиональной подготовки преподавателей обусловлена также основными проблемами, вызовами и рисками, определенными в «Национальной стратегии развития образования в Украине до 2021 года», среди которых, в частности: «отсутствие целостной системы воспитания, физического, нравственного и духовного

развития и социализации детей и молодежи; падение общественной морали, что привело к бездуховности, низкой культуре поведения части учащейся и студенческой молодежи» и т. д.

Решение указанных проблем возможно лишь при условии определения действенных подходов в образовании для формирования социально значимых качеств и компетенций граждан Украины.

Все это подтверждает важность и актуальность исследования структуры и средств формирования социальных компетенций будущих преподавателей в системе высшего педагогического образования.

Практический опыт указывает на то, что, — с одной стороны, социальная компетентность востребована практически во всех сферах общественной жизни и поэтому является составляющей многих ключевых компетентностей, с другой — в зависимости от контекста она конкретизируется по-разному. Это обстоятельство влечет за собой много последствий, в том числе, негативных. Так, обвинения в отсутствии социальной компетентности могут использоваться для персонализации ответственности за неудачи в работе и тем самым сильно навредить карьере сотрудника.

Социальная компетентность обычно считается бесспорно положительным явлением, идеалом, к которому нужно стремиться. При этом, зачастую, не подлежит обсуждению вопрос, может ли она иметь также негативные последствия. Учитывая вышесказанное, можно констатировать, что важная и актуальная проблематика формирования и реализации социальной компетентности требует детального изучения и развития.

Начало исследования социальной компетентности связано с работами Р. Уайта (White R.) и

относится к 1950-м гг. XX ст. С точки зрения Р. Уайта социальная компетентность рассматривается как определенная способность индивида эффективно взаимодействовать с окружающей средой. Ю. Хабермас (Habermas Jürgen) конкретизируя данное понятие, подчеркивает, что социальная компетентность заключается в адекватности и эффективности решения разнообразных проблемных ситуаций, с которыми сталкивается человек в социуме.

В современной западной социальной психологии социальная компетентность определяется, как способность достигать собственных целей в процессе взаимодействия с другими, поддерживая с ними хорошие отношения в любой ситуации (К. Х. Рубин и Л. Роуз-Крэснор) [6], Т. Кавел (Cavell T.) предлагает трехкомпонентную модель социальной компетентности, включающую социальные способности, представление и достижения. В качестве критерия социальной компетентности выделяется результативность межличностного взаимодействия, социального достижения. В. Пфлингстен (Pfungsten W.) и Р. Хинтч (Hinch R.) определяют социальную компетентность как систему когнитивных, эмоциональных и моторных способов поведения, которые обуславливают долгосрочные положительные последствия в конкретной социальной ситуации. Социальная компетентность включает в себя наличие развитой способности находить компромисс между собственными целями самореализации и целями других людей, лежит в основе социальной адаптации (Zimmer D.).

Различные аспекты проблемы социальной компетентности привлекали внимание многих исследователей. Учеными исследовались структура и содержание социальной зрелости (А. Михайлов, В. Радул); профессиональная и коммуникативная компетентности (И. Бех, С. Демченко, М. Элькин, С. Козак, А. Онкович и др.); социально-психологическая компетентность (Л. Лепихова); вопросы сущности, структуры и содержания профессионально-педагогической компетентности освещаются в работах А. Евсюкова, Л. Карпова, В. Лозовой, М. Лукьяновой, А. Марковой, Т. Мельниченко, Т. Митиной и других ученых; социальная компетентность исследовалась М. Докторович, И. Ермаковым, Л. Сохань, И. Ящук и др.; структура социальной компетентности — В. Масленниковой.

По мнению Р. Вундерера и П. Дик [1, 105–110], социальная компетентность играет ведущую роль везде, где люди общаются, взаимодействуют, сотрудничают

друг с другом (в семье, школе, на предприятии, в обществе в целом). В сфере трудовых отношений она является решающим фактором успеха специалистов всех профессий. Нередко недостаток социальной компетентности (педантизм, неумение владеть собой, слабый контакт с людьми, завышение требований к другим людям, перенос собственной неуравновешенности на окружающих) вызывают неудачи в личной и профессиональной сфере. Таким образом, социальная компетентность востребована практически во всех направлениях социальной активности, как в бытовом общении, так и в области трудовых отношений.

В то же время, ее дефицит сейчас проявляется на самых разных уровнях общественной жизни. Свидетельством тому является рост гражданских конфликтов, случаев словесного и физического насилия, эгоистического и неприемлемого поведения. Обозначенные проблемы нашли свое отражение и в «Национальной стратегии развития образования в Украине до 2021 года», где к основным «проблемам, вызовам и рискам», происходящим в нашем государстве, относят: «отсутствие целостной системы воспитания, физического, нравственного и духовного развития и социализации детей и молодежи; падение общественной морали, что привело к бездуховности, низкой культуре поведения части учащейся и студенческой молодежи» [4].

Все это подтверждает исключительную важность поиска новых форм и методов формирования социальной компетентности будущих преподавателей и не только потому, что педагог должен эффективно общаться и взаимодействовать со своими воспитанниками, учениками, студентами, передавая свой опыт и знания, но и потому, что основная функция педагога любой специальности — формирование всесторонне развитой, социально зрелой личности, которая живет и работает в соответствии с социальными нормами.

Наше исследование в плане определения содержания и структуры понятия социальная компетентность мы построили на анализе понятий социальное, социальное действие, а также социальные нормы и социальные функции преподавателя.

Философский энциклопедический словарь определяет «социальное» — как название всего межличностного, то есть всего того, что связано с совместной жизнью людей, с различными формами их общения, в первую очередь того, что касается общества и общности, имеет общественный и общий характер [9, 638].

По Макс Веберу содержание понятия «социальное» (от латинского *societas* — общество) характеризуется как, так называемое, ожидание, то есть ориентация на другого, на ответную реакцию [3, 10].

По мнению Г. В. Осипова, — социальное является результатом совместной деятельности различных индивидов, проявляющийся в общении и во взаимодействии этих индивидов.

Социальное возникает в ходе взаимодействия людей, детерминируется различиями их места и роли в конкретных общественных структурах, проявляется, в свою очередь, в различных отношениях индивидов и групп индивидов к явлениям и процессам общественной жизни. Социальные явления и процессы возникают, когда на поведение индивида (даже одного) влияет другой индивид или целая группа, при этом не важно, присутствует физически этот индивид или группа, или нет [7, 62]. Исходя из вышеизложенного, — «социальное» это то, что возникает в ходе взаимодействия людей и реализуется в их социальных действиях.

Социальное действие — важнейшее понятие теоретической социологии, введенное в социологию М. Вебером, который основным признаком социального действия считал осмысленную ориентацию его субъекта на другого, в ответ на реакцию со стороны других участников взаимодействия. Действие, не ориентированное на других людей, не является социальной [5, 87].

Относительно социальных функций, то по мнению Косолапова Н. А. «социальная функция» определяется как виды деятельности и работа, которые должны реализовываться, чтобы общество, политический процесс и их компоненты функционировали нормально и стабильно [2, 106].

Относительно социальных функций педагога, то его роль в прогрессивном развитии общества чрезвычайно важна, — хотя бы потому, что он воспитывает молодежь, формирует поколение, которое должно продолжать и развивать дело старших уже на более высоком уровне развития общества. Поэтому в определенной степени можно утверждать, что педагог формирует будущее общества, будущее его науки и культуры.

Социальные функции педагога конкретизируются в профессиональных функциях, которые имеют непосредственное отношение к его образовательной деятельности. Они реализуются в отношениях с учащимися и их родителями, коллегами и администрацией учебного заведения, сотрудниками

системы управления образованием, представителями общественности и другими образовательными учреждениями.

Краткая характеристика профессиональных функций педагога в различных видах педагогической деятельности может быть представлена следующим образом: обучающая функция, которая является основной педагогической функцией; неразрывно связанная с ней, — воспитательная функция; коммуникативная функция, — так как педагог немалым без общения; организаторская функция, корректировочная функция, связанная с процессом педагогического контроля и, конечно же, — инновационная функция, — неотъемлемая составляющая педагогической деятельности.

И, конечно же, социальные функции преподавателя должны реализовываться в рамках действующих социальных норм.

В общепринятом понимании социальные нормы — это общие правила и образцы поведения, сложившихся в обществе в результате длительной практической деятельности людей, в ходе которой были выработаны оптимальные стандарты и модели поведения [8].

В качестве сложных специфических и самостоятельных видов социальных норм, представляющих общепринятые нормы поведения, основные факторы единства общества, обычно выделяют нормы морали и права. И право, и мораль регулируют общественные отношения путем создания общеобязательных правил поведения и установления определенной ответственности в случае их несоблюдения.

Таким образом, определив содержание понятий «социальное», «социальные функции» и, в частности, «социальные функции педагога», а также — «социальные нормы», — можно определить сущность понятия «социальная компетентность» в общем широком смысле — как компетентность, что позволяет человеку эффективно реализовать свои социальные функции в пределах определенных обществом социальных норм.

В узком смысле социальная компетентность может быть определена как способность лица эффективно взаимодействовать с другими людьми для решения профессиональных и личных вопросов.

В то же время, на основании анализа социальных и профессиональных функций педагога, по мнению автора, основными составляющими социальной компетентности преподавателя должны быть:

- 1 — самоидентичность;
- 2 — искренность;

- 3 — коммуникативные способности;
- 4 — способность к эмпатии;
- 5 — эрудиция;
- 6 — педагогический такт;
- 7 — толерантность.

Вышеназванные структурные составляющие социальной компетентности педагога должны базироваться на социальных нормах и соответствующих социальных функциях преподавателя, сущность которых описана выше. В то же время, основным требованием детерминации социальной компетентности является акмеологическое направление личности преподавателя, ориентирующее его на прогрессивное развитие (профессиональное и личное), максимальную творческую самореализацию в профессиональной сфере и жизнедеятельности в целом. Данное личностное качество актуализирует и творческую активность человека, направляет ее на самосовершенствование и самореализацию. Содержательную окраску акмеологической направленности будущих преподавателей определяет профессиональная ориентация, связующая стремления, интересы и активность педагога с конкретным видом деятельности. Она включает в себя мотивы, установки, ценностные ориентации, которые побуждают к прогрессивному развитию в любых сферах человеческих и трудовых отношений.

В обобщенном виде акмеологическая направленность личности — это ценностные ориентации, мотивы, способности, знания и умения, стремление к успеху, обусловленное мотивацией достижений.

Подводя итоги исследования, хочется подчеркнуть, что социальная компетентность является необходимым элементом всех социальных и профессиональных функций педагога, основой успеха организации учебного процесса и внеаудиторной работы. Успех и эффективность формирования социальной компетентности будущих преподавателей в процессе профессионального образования будет зависеть от обеспечения гармоничного единства содержания учебного материала, адекватных принципов, методов, приемов, средств и педагогических условий, при которых будет организовано процесс обучения. Важным условием при этом должно стать осознание будущими педагогами сущности и важности тех человеческих качеств, которые являются составляющими социальной компетентности и логически связаны между собой своей гуманистической ориентацией; обеспечение понимания целостного мировоззренческого восприятия и причинно-следственных связей развития общества и отдельной личности, принятие принципов эмерджентного управления и самоуправления в процессе образования.

Список литературы:

1. Ключевая роль социальной компетенции в концепции сопредпринимательства/Р. Вундерер, П. Дик//Проблемы теории и практики управления: Международный журнал. – 09/2003. – N 5. – с. 105–110.
2. Косолапов Н. А. Социальная психология и международные отношения. – М., – 1983.
3. Кузьменко Т. М. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-catalog.mk.ua/cgi/base_moba/cgiirbis_64.exe?LNG=&Z21ID=&I21DBN=NPB&P21DBN=NPB&S21STN=1&S21REF=5&S21FMT=fullweb&C21COM=S&S21CNR=10&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=M=&S21STR= Соціологія [Текст]: навч. посібник/Т. М. Кузьменко. – К.: Центр учбової літератури, – 2010. – 320 с.
4. Національна стратегія розвитку освіти в Україні до 2021 року. /Сайт «Законодавство України». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mon.gov.ua/images/files/news/12/05/4455.pdf> – Название с экрана.
5. Подольська Є. А. Соціологія: 100 питань – 100 відповідей [Текст]: навчальний посібник/Є. А. Подольська, Т. В. Подольська. – К., – 2009.
6. Рубин К. Х., Роуз-Крэнор Л. Решение межличностной проблемы и социальная компетентность в поведении детей//Межличностное общение/Сост. и общ. ред. Н. В. Казариновой, В. М. Погорьши. – СПб., – 2001.
7. Социология: Учебник для высших учеб. заведений/[Г. В. Осипов, А. В. Кабыща, М. Р. Тульчинский и др.: Ред.-кол. Г. В. Осипов (отв.ред.) и др.] – М.: Наука, – 1995. – 373 с.
8. Социология: Энциклопедия/Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, – 2003. – 1312 с.
9. Философский энциклопедический словарь/Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов – М.: Сов. Энциклопедия, – 1983. – 840 с.

*Fizeshi Oktaviia,
Mukachiv university, Ukraine,
Ph. D. pedagogical sciences,
the general pedagogic and the history of pedagogic
E-mail: oktavia_fizesi@mail.ru*

Development of the elementary school in Transcarpathia in the system of educational transformations: sources of research on the history of pedagogy

Abstract: In the article the attention is paid to the issue of the role of the source study in the historical and pedagogical studies, are considers the various sources of the study of the history of the pedagogy (the historical works, historical and pedagogical studies, monographs, dissertation studies, periodicals, archival sources). The necessity of the analysis of the great source base is due with the transformation processes, that took place in the socio-political and socio-economic life of Transcarpathia in the second half of the XIXth and early XXth century and they have influenced on the development of the elementary school.

Keywords: the historical and pedagogical study, the sources of the study, the transformation processes in the education, the elementary school, Transcarpathia.

The elementary school performs the role of the foundation, on which a whole system of the national education and training is based. All that is laying by the students in this period of their training and education subsequently determined the success of the process of formation of personality, its worldview and general development. The personal qualities as well as knowledge and skills which were acquired in the elementary school, determined the features of the practical, civic and professional activities of an adult. Today there is the need of the constructive and constructive and critical and creative understanding of the positive teaching and educational experience of the past that will enrich the modern pedagogy by the new facts and theoretical propositions.

The purpose of the publication is the systemic and versatile, objective historical and pedagogical analysis of the sources of research of the development of the elementary school in Transcarpathia at every historical stage will provide subsequent creative use of its results considering the new requirements and opportunities in the teaching and educational process of the modern elementary school.

The Ukrainian scientists such as A. Bojko, L. Vakhovs'kyi, N. Hupan, N. Dem'yanenko, M. Yevtukh, Ya. Kodlyuk, A. Sbruyeva, O. Sukhomlyns'kyi and other were engaged by the study of the modern historical and pedagogical science.

The important place in the historical and pedagogical studies is studying of the sources of research. It is the science source study. It is "an indispensable condition of successful research work of the historian at all stages:

from finding and detection of the sources, of their systematization and classification to scientific criticism, the establishing probability of source information, its interpretation, ... substantially affected on the scientific level of the studies, promotes the objective coverage of events and phenomena" [4, 456].

The scientists who have been studying the historical source study (I. Vojstekhiv's'ka, Ya. Kalakura, S. Pavlenko and other) believe that "the Ukrainian historiography has an old source study tradition, the basis of this historiography constitutes the analysis of the documents of the historical science, the respectful and responsible attitude to the sources and their informational data" [4, 458]. It follows that the foundation of the scientific historical and pedagogical works is historiography of the specific problem, that helps to define the goals, objectives, scientific novelty of a study.

The historiographical method as a general theoretical approach to execution the historical and pedagogical searches substantiate the Ukrainian scientist N. Hupan. In particular, he proposes make the historiographical analysis "according to such principles:

- by the methodology of the studying of the educational phenomena and processes of the past to distinguish the historical works, where elucidate the educational phenomena in terms of the development of the general cultural processes (the availability and numerosity of the educational institutions in the different regions, the quantitative and qualitative composition those who teachers and learns, the material and technical basis of training, etc.); the historical and pedagogical works,

where the dominant is the study of the process of learning (education) from the perspective of its purpose, objectives, content, forms, methods, ways of teaching, etc.;

- within the meaning determined the scientific studies (the monographs, scientific articles, dissertations), the promotional works (the journalism, the scientific and popular editions), the training editions (the manuals, textbooks), the reference literature (the encyclopedias, the bibliographic indexes, the dictionaries, etc.), the reader editions (the collections of documents, the editions of works, etc.);

- for the chronological framework the studies differentiated on the historical and contemporary (authentic) works that is works which were written by the contemporaries of these phenomena and processes" [2, 17–18].

Besides, N. Hupan offers three approaches for the systematization of the historical and pedagogical works. They are a problem-thematic, chronological and personalized. It should be noted that all three approaches have a place to be used in the problem which is studying by us — the elementary school in Transcarpathia in the system of education.

In the context of our study we consider the elementary school as a socio-cultural open system, which at a certain stage of its development reflects the state of the socio-political, socio-economic and cultural development of the society and it is able to the transformations and changes. In particular, in his studies A. Vasylyuk, given the natural variability of the world, and the result of it is the continuous transformation, then by the category "transformation" denotes one of the external factors of the educational reforms: "the school as one of the main segments of the education, is ingrained on the past and on their own traditions and because is extremely slow, even with some resistance or exposed to the transformation processes, which are reflected much more actively in many other areas of the life" [1, 19].

The concept of "transformation" as a characteristic of certain transformations mostly have been considered in the context of studies of the socio-political, economic and social changes in the modern public life (O. Brusylivska, S. Katayev, S. Krymskyi, I. Kuras, M. Mykhalchenko, V. Tancher, V. Stepanenko, M. Fulan, Yu. Shajhorodskyi, D. Kharhrivs and other).

For example, S. Krymskyi in his scientific quests the term "transformation" denoted as the typical transitional process of a social evolution, which provides the desire to combine the old and new forms. The transformations may be gradual or reverse (at what the reverse transformations is not always negative), systemic or unsystemic.

M. Mykhalchenko also considers the term "transformation" in the context of certain changes in a society primarily which are relating to a political sphere. As he points out on that the term "transformation" "is a natural in relation to dynamics of a public process, to its progressive tendencies. A transformation, change, development can be oriented on change of the realities anywhere: forward, backward, sideways, in a circle and etc." [6, 34–35]. The scientist points to the following directions of the transformation as "revolutionary and evolutionary, progressive and reversible, systemic and unsystemic, etc." The same time he observes that have been using the term "transformation" for the analysis of the social changes should consider the thesis "about the systemic nature of a society and about that a change in any one unit, segment of a society causes systemically oriented changes in other segments" [6, 35–36].

In the context of our study this remark is extremely substantial, because the education is also a part of the social process and the changes that occur in a society as a whole is inevitable in the education too. So on the development and functioning of the elementary schools in Transcarpathia in different historical periods affected all social changes, including politics, economics, culture which were characteristic to the different types of the state: for the Austro-Hungarian Monarchy, Czechoslovak Republic, the Union of the Soviet Socialist Republics with its totalitarianism, Ukraine with its democratic transformations. All these differs in a form, content, values state formations gradually transformed on the territory of the modern Transcarpathia and led to systemic, and in some cases unsystemic, transformations of a public life, and hence the education.

Given this it should be noted that A. Vasylyuk in his works also points to the problem of systemic of the transformation processes "... the education can be reformed by achieving and use the experience of the transformation processes, on which it is subject itself. The political, economic, public, social and even religious systems are the subject of realignment. The inevitability of the transformation processes that are related with a life and human activities is the factor that determines the educational reforms. The base of the transformation of the educational system stems from the need certain "equilibrium" between all the spheres which are wrapped by its processes" [1, 19–20]. According to the author, the transformation does not give ready solutions concerning changes in the educational system, it (here: the transformation — O. F.) only realizes the necessity of such changes in the system of the education, the result of

which is the increased of the general level of knowledge of a person, her preparedness to a life in the dynamically variable conditions and the systems of this world.

Giving the characteristics to a concept of “the educational reform” N. Shchubelka considers the education as a cultural phenomenon and considers of its development through the prism of the cultural transformation, which have the evolutionary nature, as “the evolutionary changes on the way of exit from a cultural crisis require of the changes of mass spirituality. They can be provided by the educational activities, the education of respective, non-crisis nature, ... as experience shows the transformational possibilities of the education, as a rule to overestimate namely those, who cares about acceleration of the natural process of a cultural evolution. The pedagogical innovations that did not have reinforcements, even partially, in the cultural transformation, did not have the desired effects” [8, 99].

The foreign scientists also considering the concept of “the transformation” in a concept of the historical and pedagogical studies. So, the famous theorist of the educational changes, D. Kharhrivs, acknowledges the transformation by “a great word”, what means that “the deep fundamental changes which are caused by the radical and not partial innovations” [5, 27]. Other scientist M. Fullan without using a concept “the transformation”, notes that the changes in the education are nothing else as the chaos comparing with full control. He points on the cyclical, non-linear, uncontrolled complex nature of the changes, on which affect both predictable so unplanned factors which we can not steer clear. This is the policy of a government, which constantly is changing and rebuilt, the main leaders go from their positions, and important contact persons are moved to other roles, appear new technologies, increased immigration, the economic crisis reduces the available resources, arise bitter conflicts, etc. Finally it becomes clear that each new minor change, which appears in this equation, creates dozen of unforeseen complications, etc.” [7, 46]. What about the nature of the changes, the author notes, that the reforms which go from top to bottom almost have no chance to reach to a nucleus of a problem [7, 95]. The reforms which are directed from top to bottom have a hidden theory, the fallacy of which, on the opinion of M. Fullan, consists in that “a change can come from the proclamation of new policy, or from its legalization, or from new standards of progress, or from a creating of an atmosphere of strictness, or finally may be caused by all these factors” [7, 96]. The most important factor, the driving force of the changes, as M. Fullan believes, is a teacher — “this is exactly what

from which we should start, because the main levers for the changes will act more efficiently with the help of the efforts of the individual teachers. ... all and every educator should make every efforts to be effective bearers of the changes” [7, 35]. So as we see M. Fullan attaches great importance to an educational activity of the teachers themselves, to their desire to new professional knowledge, to the growth of their pedagogical skills and broadmindedness. The history of pedagogy and development of schooling has been repeatedly proved that many of progressive changes in the pedagogical systems and educational reforms are caused by the separate personalities, which “are from bottom”, the teachers-practices.

During the study the systems educational transformations, that have taken place in the development of the elementary school in Transcarpathia in the second half of the XIX – XX century, we also support the opinion of N. Hupan, who also represents the historiography of the history of pedagogy as a process of image in the historical and pedagogical literature of such components:

1) the history of the school and education (“includes a history of the formation and functioning of various types of instructional and educational establishments and institutions, the systems of schooling and education as a whole, the development of a practice of education and training on one or the other stage of a development of a society, a totality of the social institutions, norms and rules, that regulating them”);

2) the history of the teaching personalities (“the creative biographies and a consistent systematized elucidation of altogether of the pedagogical beliefs of the individual teachers or outstanding figures, thinkers, who had worked in the field of the education and training”);

3) the history of a pedagogical thought (“a totality of the concepts, theories and considerations about training and education, which have been accumulated and elaborated by the representatives of a pedagogical public throughout the centuries”) [2, 5–6].

The analysis of a large array of the literature and documents from the problem of our study, which covers the large chronological period (nearly a hundred years), gave us the opportunity to group them by following directions:

1) the scientific works on the development of the education and schooling in Transcarpathia;

2) the scientific works of a historical and pedagogical character;

3) the periodicals;

4) the archival sources.

Is worth noting that the historiographical search of our problem have shown, that at all stages of the systemic

transformation processes of the elementary school, when scientists of different scientific spheres, teachers, the educational leaders make public the dedicated to current and previous changes the scientific researches, we can consider them both as the historiographical works and as the sources of the problem that we have studied.

Since our study examines the development of the elementary school in the systemic educational transformations that the great importance attaches the works on the history of Transcarpathia, in which image the issues of the political system, the development of an economic and social sphere, culture and education as a whole. To such works belongs the fundamental work "The Essays on History of Transcarpathia" in three volumes under the editorship of I. Hranchak (Uzhgorod, 1993 – 2003), which examines the general tendencies of the history of Transcarpathia from the most ancient times to modern times.

A separate historical periods that we examine, for example, the period of the stay of Transcarpathia as a part of Austro-Hungary is shown by M. Luchkai in the five volumes works "The History of the Carpathian Ruthenians" (Uzhgorod, 1999 – 2002), A. Olashyn "History of Transcarpathia" (Kyiv, 1997).

The history of the development of Transcarpathia of the Czechoslovakian period is shown in the studies of M. Boldyzhar "Transcarpathia Between the World Wars. Facts. Events. People. Opinions" (Uzhgorod, 2001), "The Publications about the Edge of Subcarpathian Rus (1919 – 1932)" (Banska Bystrytsya, 1932, reprinted: Uzhgorod, 2006).

The histories of the independent Carpathian Ukraine, which existed almost six month from October 1938 till March 1939 years are dedicated the works of M. Vehesh, M. Tokar, M. Basarab "Transcarpathian Ukraine in the content of Ukrainian formation of a state" (Uzhgorod, 2008), I. Stercho "Carpatho-Ukrainian state" (Lviv, 1994).

For the purpose of objectivity of image of the important external factors (political, socio-economic, cultural) educational transformation processes, we use their analyses from the history of Transcarpathia the scholars from the Diaspora, such as V. Shandor "Transcarpathia. The Historically Legal Essay since IX century till 1920 year" (New York, 1992), P. R. Mahochii "The Formation of the National Consciousness: Carpathian Rus 1848–1948" (Uzhgorod, 1994).

The important aspect of the research of our problem is a study of the sources from the history of the school and education of Transcarpathia in the various historical periods. Among of this array of the historical works we distinguish the scientific papers, dissertations, archival sources.

The scientific papers we differentiate as properly Ukrainian, Ruthenian, Hungarian, Slovak. Hence, to the national scientific works in which image the history of a development of the education and schooling on Transcarpathia, primarily, we refer the scientific researches and monographs of the Transcarpathian scholars such as: A. Bondar, A. Chuma "The Ukrainian School on Transcarpathia and Eastern Slovakia: The Historical Essay" (Presov, 1967), V. Homonnai "Anthology of the Pedagogical Thought of Transcarpathia (XIX – XX centuries)" (Uzhgorod, 1992), "Folk Education of Soviet Transcarpathia" (Uzhgorod, 1988), V. Homonnai, V. Rosul, M. Talapkanych "School and Education of Transcarpathia" (Uzhgorod, 1997), Yu. Dumnych "The Ukrainization of School on Carpathian Rus during the Czechoslovak period" (2009), a collective monograph of Khymynets V., Strichyk P., Kachur B., Talapkanych M. "Education of Transcarpathia" (Uzhgorod, 2009). In the above works mainly talking about the tendencies of the development of the general education, is presenting the statistical data on the development of the different types of the schools including the elementary school. But in these works little attention is paid proper to the issues of a pedagogical aspects of an activity of the elementary school of Transcarpathia, namely of the peculiarities of a formation of the purposes and content of the elementary education, of the methods and organization forms of a teaching at the elementary school. Also the educational reforms are shown weakly (1868 year, 1908 year, 1920 year), which in the pedagogical plan have had direct influence on the development of the educational school and providing the junior pupils by the education on their native language.

An elucidation of the history of the education and schooling on Transcarpathia in the context of the history of the Ukrainian pedagogy we find in the works of M. Hryshchenko "The Folk Education in the West regions of the Ukrainian Soviet Socialist republic" (Kyiv, 1960), O. Lyubar, M. Steljmakhovych, D. Fedorenko "The History of the Ukrainian Pedagogy" (Kyiv, 2003), S. Siropolka "The History of the Education on Ukraine" (Kyiv, 1991), M. Yurmachenko "The development of a Folk Education and Pedagogical Thought on Ukraine (X – the beginner of the XX centuries): Essays" (Kyiv, 1991). These mentioned works contains details about the peculiarities of the development of the education and schooling on Transcarpathia in various historical periods. The issues of the elementary school are considered in the context of their types, the language of training depending on an educational policy of the states as a complement of which entered Transcarpathia, etc.

For completeness the study of the main tendencies of the development of the elementary school on Transcarpathia notably acquire the scientific researches of the foreign scholars of the history of the education and schooling on Transcarpathia. Among those studies we focus our attention on such works as “The General Education of Hungary after the World War” Dyula Kornish (Budapest, 1927), “The Schooling on Subcarpathian Rus” Joseph Peshyna (Praha, 1933), “The Representational Digest of the Development of the Schooling on Subcarpathian Rus for 20-th years of being a part of the Czech Socialist Republic” Frantisek Stoyan (Presov, 1938).

Among the dissertation researches concerning the development of the education on Transcarpathia we can separately noted the research work of D. Demchyli “The Prerequisites of realization of the secondary education in Transcarpathia” (1970), V. Rosul “The Tendencies of the Development of the School and Pedagogical Thought of Transcarpathia (XIX – XX centuries)” (1997), O. Morozova “The Move for an Engrain the Ukrainian Language in the Elementary Institutions of Ukraine at the end of the XIX – in the beginner of the XX century” (2007), which reflect the general tendencies of the development of the education and schooling on Transcarpathia of the definite period. The dissertational researches of H. Lemko “The Content of the Elementary Education in the Ukrainian Schools on the Western Ukrainian Lands (1919 – 1939 years)” (2006) and H. Rozlutsjkyia “The Content of the School Manuals as a Factor of the Multicultural Education of the Junior Students in Transcarpathia (1919 – 1939 years)” (2007) elucidate separate aspects of the content of the elementary education on Transcarpathia during it stay under the jurisdiction of Czechoslovakia.

The period in the development of the elementary school on Transcarpathia is unexplored in terms of a formation of the content of the elementary school, the methods of an organization of a training and educational process, this is the period of the World War II, in particular, when Subcarpathian Rus again became a part of Hungary, which carried out the policy of the magyarization. Among the dissertation researches which are devoted to this historical period is the research work of H. Stefanyuk “The Schooling in West Ukraine During the German Occupation (1941 – 1945 years)” (2004), in which the author sits over the general tendencies of the chauvinistic policy of the Hungarian government, in particular undoing of the language problem and its impact on the enjoyment of the schooling as a whole. Hence the issue of the development of the elementary school is not considered.

The role of the educational press in the development of the education, schooling and pedagogical science of the period which we study, is shown in the dissertation researches of I. Meljnyk “The Problem of a Folk School and Education in the Pedagogical Press (for the materials of the Western-Ukrainian editions of the second half of the XIX and early XX century)” (1997) and M. Kukhta “The Formation of a National Educational Ideal in the Schooling of Transcarpathia in the 20 – 30th years of the XX century” (1998).

As regards studying of separate personalities of definite period, who have played a significant role in the development of the education and schooling, should single out the monographs of M. Klyap “The Pedagogical, Cultural and Educational Activities of A. Voloshyn in the Interwar Period” (2000), V. Mashtaler “The Pedagogical and Educational Activity of O. V. Dukhnovych” (1966), V. Mykytasj “O. V. Dukhnovych. The Literary-Critical Essay” (1959).

As an important historiographical sources we used the periodicals, which came out in different historical periods, among which the magazines “The Newspaper for the Folk Teachers” (1868 – 1873), “The Teachers” (1920 – 1936), “Subcarpathian Rus” (1926 – 1936); “The Teacher’s Voice”, and “Our School”, “The Teacher” (1920 – 1936), “Our Native Edge” (1922 – 1939), “The Little Bee” (1922 – 1932), “The Wreath for Subcarpathian children” (1919 – 1924) and etc.

Among the archival sources of the State Archives of the Transcarpathian region we get the exhaustive information about the development of the elementary school on Transcarpathia from more than 146 funds, that we classified by the following features:

- chronological — these are the funds that contain data about the development, functioning and information on development of the elementary schools in the period of being the Transcarpathian-Ukrainian lands as a part of the Austro-Hungarian (the second half of the XIX till 1918 year) are 18 funds, of Czechoslovakia (1919 – 1938 years) were 85 funds, Subcarpathian Rus (1938 – 1939 years) are 13 funds, in the period of the World War II are 28 funds;
- thematic — the state elementary schools are 65 funds, the national elementary schools (the Hungarian, Czech, Ruthenian, Ukrainian, Russian, Jewish, German, Romanian and other) are 53 funds, religious (Roman Catholic, Greek Catholic, Reformed, Jewish and other) are 27 funds.

The typical feature of the aforementioned fund is that each of them represents totality of affaires relating

to a separate elementary school, which functioned in a specific town or village, they reflect its correspondence with the educational authorities, the Ministries and departments, and well as organizational (a quantity of students, a staffing table) and the material and technical issues (a salary of teachers, data about a payment for school by the children, school attendance, rewards, awards etc.), the information about the teaching and methodical work (the educational plans, curriculum, training programs, featured textbooks, the methodological recommendations on teaching, an achievements of students, timesheet), the report documentation and other.

For example, the fund 113, the description 2, 238 affairs "The Royal School Inspectorate of Uzhansjka Zhupa, town Uzhgorod, 1868 – 1917" gives us the detailed information about the peculiarities of the education and schooling of Transcarpathia, when it was a part of Austro-Hungary:

- the correspondence of the Ministry of Religion and Education of the Hungarian Kingdom with the regional heads on the various issues, inspectors, school director's, for example: the establishing and paying the wages to the teachers, 1868 (the affairs 1), an organization of training, a provision of the means for a training, a prohibition of the textbooks, 1875 year (the affair 13), a financing of the construction and repair of the school and school premises, 1880 year (the affair 21);
- the circulars of Mukachiv Greek and Catholic concerning of the organization of training in the Greek and Catholic elementary schools, 1881 – 1882 years (the affairs 23);
- the reports of the school inspectors and directors of the schools about the results of work for the 1887 – 1888 academic year (the affairs 40);
- the Law about regulation of the teacher's salary and the Circular of the Ministry of Religion and Education of the Hungarian Kingdom about its execution, 1894 year (the affair 52);
- the statistics about the state of the school, a quantity of the teachers and students Uzhansjka Zhupa since 1896 – 1897 academic year (the affairs 67);

- a list of the Greek and Catholic schools, in which insufficiently studied the Hungarian language in the 1900 – 1901 academic year (the affairs 93);
- the correspondence with the Ministry of Religion and Education of the Hungarian Kingdom about scheduling of the lessons at school, the opening and closing of the schools, the admission and visiting of the students, the purchase of the school equipment, 1905 – 1910 years (the affairs 122);
- the statistics about the students taking into account of their sex, religion for the 1906 – 1907 academic year (the affairs 134);
- the lists of the textbooks which are used at the schools, and the report about the complementing by the textbooks of the school libraries, 1906 year (the affairs 136);
- the correspondence with the Ministry of Religion and Education of the Hungarian Kingdom, with rural communities about the transfer the rural schools into the state ownership, 1908 – 1914 (the affairs 166) [3].

Deserve a particular attention those archival funds that make possible to explore the features of the organization of the preparation of the teachers to a work at the elementary school, for example, "The Testing Commission for the Teachers of the Elementary Schools, the town Uzhgorod" (F. 816), "The Disciplinary Commission for the Teachers of the Elementary Schools, the town Uzhgorod" (F. 817), and funds, in which is shown the activity of the teachers' associations, the teachers' seminars of the towns Sevlyush, Mukachevo, the activity of the inspectors in the issues of the education "Tyachivskiy District School Inspectorate, v. Tyachiv" (F. 1118), "The School Inspectorate of the Ministry of religion, School and Folk Education, t. Sevlyush (Vinogradiv)" (F. 1121); "The School Inspectorate of the Ministry of religion, School and Folk Education, v. Velykyi Berezhnyi" (F. 1122) and etc.

Hence, thorough analysis of the archival sources in totality with other sources make it possible to carry out holistic and objective historical and pedagogical study of the development of the elementary school in Transcarpathia in the systemic educational transformations in the second half of the XIXth and early XXth century.

References:

1. Vasylyuk A. V. The Reforms of the School Education in Poland: History and Modernity: Monograph/Alla Volodymyrivna Vasylyuk. – Nizhyn, – 2007. – 340 p.
2. Hupan N. M. The Ukrainian Historiography of the History of Pedagogy/N. M. Hupan. – K.: "A. P. S.", – 2002. – 224 p.
3. State Archive of Transcarpathia region, Fund 113, the description 2, 238 affairs "The Royal School Inspectorate of Uzhansjka Zhupa, town Uzhgorod, 1868 – 1917".

4. Historical Source Study. Tutorial/Yaroslav Stepanovych Kalakura, Iryna Ninelijivna Voytsekhivska, Svitlana Fedorivna Pavlenko and other. – K.: Lybidj, – 2002. – 488 p.
5. Hargreaves D. H. Personalising learning: Next steps in working laterally/D. H. Hargreaves-london: Specialist school Trust, – 2004 – 128 p.
6. Mikhaljchenko N. I. The Ukrainian Society: the transformation, modernization or limitrophe of Europe/Nikolay Mikhaljchenko; NAS of Ukraine. Institute of Sociology, APN of Ukraine. Institute of the Higher School. – K., – 2001. – 440 p.
7. Fullan M. Forces of the Changes. Measurement of a Depth of the Educational Reforms/Michael Fullan. – Lviv: Edition "Litopys", – 2000. – 272 p.
8. Shchubelka N. V. The Transformation of the Education as a Phenomenon of the Modern Culture (the philosophical analysis). The Dissertation for the scientific degree of the Philosophical Science. Specialty 09.00.10-the philosophy of the education. Kyiv University by the name of Taras Shevchenko/Nataliya Volodymyrivna Shchubelka. – Kyiv, – 1998. – 170 p.

*Нарачева Сара Муратовна,
Адыггейский Государственный университет, Майкоп,
Кандидат Педагогического Научного Степеня, Ассоциатный Профессор
Кафедры Педагогического Научного Степеня и педагогических техник
E-mail: azimaka@list.ru*

Program on the development of communicative competence younger students in terms of game activity

Abstract: The article discusses the program on the development of communicative competence younger students in terms of game activity. Presents program development activities contributed to the development of communicative skills, which resulted in a qualitative change in the socio-reflective personality development, communication skills, listening skills, to Express their point of view, to come to a compromise, to argue and end, the solution to defend their position, as well as facilitated the period of adaptation to the secondary link.

Keywords: communication, interpersonal relations, interpersonal interaction, communicative culture, communicative competence, the development of communicative skills.

*Нарачева Сара Муратовна,
Адыггейский Государственный университет,
к. п. н., доцент кафедры педагогики
и педагогических техник, г. Майкоп
E-mail: azimaka@list.ru*

Программа по развитию коммуникативной компетенции младших школьников в условиях игровой деятельности

Аннотация: В статье рассматривается программа по развитию коммуникативной компетенции младших школьников в условиях игровой деятельности. Представленная программа, развивающих мероприятий способствовала развитию коммуникативных навыков, которая повлекла за собой качественные изменения социально-рефлексивного развития личности, навыков общения, умения слушать, высказывать свою точку зрения, приходиться к компромиссному решению, аргументировать и неагрессивно отстаивать свою позицию, а так же облегчила период адаптации к среднему звену.

Ключевые слова: общение, межличностные отношения, межличностные взаимодействия, коммуникативная культура, коммуникативные компетенции, развитие коммуникативных навыков.

Проблема общения относится к числу важнейших для детей сфер жизнедеятельности. Межличностные отношения детей в классном коллективе — это форма реализации социальной сущности каждого

ребенка, психологическая основа для сплочения детей. От того, как складывается общение, зависит формирование личности.

С первых дней пребывания в школе ребенок включается в процесс межличностных взаимодействий с одноклассниками и учителями. Младший школьный возраст, представляет большие возможности для формирования нравственных качеств и положительных черт личности. Податливость, внушаемость, склонность к подражанию, авторитет учителя и взрослых создаёт благоприятные предпосылки для формирования личности. На протяжении младшего школьного возраста это взаимодействие имеет определенную динамику и закономерности развития. Младший школьник — это человек, активно овладевающий навыками общения. В этот период происходит интенсивное установление дружеских контактов.

Детский коллектив активно формирует межличностные отношения. Общаясь со сверстниками, младший школьник приобретает личный опыт отношений в социуме, социально-психологические качества (умение понимать одноклассников, тактичность, вежливость, способность к взаимодействию). Именно межличностные отношения дают основу чувствам, переживаниям, позволяют проявить эмоциональный отклик, помогают развивать самоконтроль. Духовное влияние коллектива и личности взаимно.

Важна и социально-психологическая атмосфера коллектива. Она должна создавать оптимальные условия для развития младшего школьника: порождать чувство психологической защищенности, удовлетворять потребность ребенка в эмоциональном контакте, быть значимым для других людей. Приобретение навыков социального взаимодействия с группой сверстников и умение заводить друзей является одной из важнейших задач развития на этом школьном этапе.

У младших школьников четко прослеживается линия взаимоотношений «я и учитель», а не линия «я и одноклассники», что ослабляет значимость межличностных отношений. Для многих учащихся начальной школы в основе межличностных отношений лежат микрогруппы (2–3 человека).

Положительный психологический и педагогический потенциал детского коллектива не может сложиться сам, стихийно. Нужна «окружающая ребенка атмосфера» социальной мысли, внешнее педагогическое влияние и руководство [2, 12–13].

Коммуникативная культура личности, как и коммуникативная компетентность, не возникает на пустом месте, она формируется. Но основу её

формирования составляет опыт человеческого общения. Коммуникативная компетентность рассматривается как система внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективного коммуникативного действия в определённом круге ситуаций межличностного взаимодействия.

Развитие коммуникативных навыков происходит в основном в детском и подростковом возрасте. Ребенок должен уметь согласовывать свои действия, решения и амбиции с групповой задачей, достижениями других людей и их мнениями. Что является уже не только учебной, но и коммуникативной задачей. Отсюда то ключевое значение, которое придается развитию коммуникативной компетентности уже на сравнительно ранних этапах обучения в школе. В связи с этим, своевременное изучение и правильная оценка навыков коммуникативности является обязательным условием управления процессом повышения коммуникативности [1, 158].

Данная программа направлена как на развития коммуникативной культуры личности, так и коммуникативную компетентность у детей младшего школьного возраста. В качестве дополнительных направлений программы предусмотрена коррекция самооценки детей, повышение активности и самостоятельности.

Цель программы: развитие коммуникативных компетенции учащихся начальной школы в условиях игровой деятельности.

Основные задачи: формирование и развитие коммуникативной культуры обучающихся.

Развитие навыков общения, умения слушать, высказывать свою точку зрения, приходить к компромиссному решению, аргументировать и неагрессивно отстаивать свою позицию.

Выработка защитных качеств личности: уверенность в себе, открытости, чувства юмора.

Программа включает в себя систему занятий, основу которых составляют игры и игровые упражнения, т. к. по данным исследованиям Л. С. Выготского, в процессе игры легче, чем при выполнении какой — любой другой деятельности, наладить позитивные взаимоотношения с окружающими [4, 58]. В ходе работы используются: игровые методы, элементы тренинга, метод групповой дискуссии, проективные методики рисуночного и вербального типов, а также психогимнастика.

Развивающие занятия проводятся 1 раз в неделю/1 час выделяется из школьного компонента учебного плана/, продолжительность занятия — 40 минут.

Структура занятия: каждое занятие проводится в стандартной форме и включает в себя следующие

элементы: ритуал приветствия; основное содержание, которое направлено на развитие коммуникативных навыков общения; рефлексию по поводу данного занятия и ритуал прощания.

Для оценки эффективности программы проводились диагностические мероприятия, включающие в себя ряд методик: методика Дж. Морено для изучения структуры межличностных отношений в классе, определение индекса групповой сплоченности Сисшора. Как дополнительный инструмент, исследования межличностных отношений, можно использовать модифицированный вариант социометрической методики Р. Желя. Проводится анкетирование для оценки привлекательности классного коллектива, которую можно использовать в качестве беседы об особенностях взаимоотношениях ученика с классом.

Эффективность работы в группе отслеживается на каждом этапе деятельности и на каждом новом возрастном витке с помощью указанных выше методик. Программа выполняла развивающую функцию. Применяемые приемы развивающих мероприятий реализовались на группе учащихся 4-х классов начальной школы.

Развитие коммуникативных навыков заключалось в обучении умения слушать, высказывать свою точку зрения, приходить к компромиссному решению, аргументировать и неагрессивно отстаивать свою позицию. Что способствовало так же выработке защитных качеств личности: уверенность в себе, открытости, чувства юмора. Оказывало воздействие на разностороннее формирование личности.

Развивающие мероприятия подбирались исходя из индивидуальных особенностей детей данного возраста.

Диагностические данные по методикам были соотнесены с ранее полученными результатами. Социометрическая техника применяется для диагностики межличностных отношений, что показывает динамику роста взаимоотношений. Увеличиваются взаимные выборы и уменьшаются взаимные отвержения. Умение адекватно оценивать отношение к себе других людей называется социально-рефлексивными

навыками. Уровень социально-рефлексивного развития — важный показатель личностной зрелости, эмоционального благополучия человека. Развивающие занятия помогли некоторым учащимся научиться адекватно, оценивать свое место в коллективе, они приобрели социально-рефлексивные навыки.

Групповая сплоченность — важный параметр, показывающий степень взаимоотношений в группе. Сравнение испытуемой группы с контрольной обязательно, т. к. сплоченность группы, так или иначе, связано с «руководящей линией» взрослого, работающего с классом, который обязательно развивает данный показатель в рамках воспитательной работы. При переходе учащихся в среднее звено проводится ряд мероприятий по выявлению уровня адаптации учащихся 5 класса. Проанализировав полученные результаты можно констатировать тот факт, что легче всего адаптация проходит у учащихся из испытуемой группы, т. е. у тех ребят кто участвовал в данной развивающей программе [5, 28–29].

Данная программа успешно формирует и развивает коммуникативную культуру обучающегося. Это выражается в изменении качества общения членов учебной группы. Проявляются навыки эффективного слушания, активно высказывают свое мнение, аргументировано и неагрессивно отстаивают свою позицию.

Полученный опыт ведет к выработке защитных качеств личности: уверенности в себе, открытости.

Целенаправленная работа и грамотно подобранные упражнения увеличивают рост «сплоченности группы». Приобретенные навыки сотрудничества создают в группе дружелюбную атмосферу, в которой каждый участник чувствует себя в безопасности.

Данная система развивающих мероприятий способствовала развитию коммуникативных навыков, повлекла за собой качественные изменения социально-рефлексивного развития личности, навыков общения, умения слушать, высказывать свою точку зрения, приходить к компромиссному решению, аргументировать и неагрессивно отстаивать свою позицию, облегчила период адаптации к среднему звену.

Список литературы:

1. Болдырев Е. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Уч. пособие./Е. В. Болдырев. — М., — 2010.
2. Выготский Л. С. Педагогическая психология/Под ред. В. В. Давыдова. — М., Педагогика-Пресс, — 1999. — 534 с.
3. Максимова А. А. Развитие коммуникативных умений младших школьников в сюжетно-ролевых играх/А. А. Максимова Начальная школа. — 2005. — № 1. — с. 30–34.
4. Немов Р. С. Возрастная психология/Р. С. Немов. — М., — 1998.
5. Спиваковская А. Психотерапия — игра, детство, семья/А. Спиваковская. — М., — 2000.
6. Флерица Е. А. Игра и игрушки/Е. А. Флерица. — М., — 2003.
7. Эльконин Д. Б. Психология игры/Д. Б. Эльконин. — М., — 1999.

*Khilmanovich Valentina Nikolaevna,
Grodno State Medical University,
Department of medical and biological physics,
Senior lecturer, candidate of pedagogical science,
E-mail: valentina-gr@yandex.ru*

Specifics and effectiveness of a pedagogical model of teaching the basics of quantum mechanics in higher school

Abstract: In the article is presented a pedagogical model of teaching the basics of quantum mechanics in higher school using optical analogies. The choice of optical analogies is grounded as the most effective method of increasing of the visualization of elements and improving the student's perception of basic quantum effects.

Keywords: pedagogical model; optical analogies, quantum phenomena.

*Хильманович Валентина Николаевна,
Гродненский государственный медицинский университет,
кафедра медицинской и биологической физики,
старший преподаватель, кандидат пед. наук,
E-mail: valentina-gr@yandex.ru*

Особенности и эффективность педагогической модели преподавания основ квантовой механики в высшей школе

Аннотация: В статье представлена педагогическая модель преподавания основ квантовой механики в высшей школе с использованием оптических аналогий. Обоснован выбор оптических аналогий как наиболее эффективного метода для повышения элементов наглядности и улучшения восприятия студентами базовых квантовых эффектов.

Ключевые слова: педагогическая модель, оптические аналогии, квантовые эффекты.

Важность изучения и понимания основ квантовой механики студентами высшей школы обусловлена нарастающим развитием самого перспективного направления мирового научно-промышленного комплекса — нанотехнологий. На приложениях квантовой механики базируются микроэлектроника, оптическое и оптоэлектронное приборостроение. Она играет важную роль в понимании строения вещества, является основой для формирования научного мировоззрения студентов.

Однако квантовые явления не обладают наглядностью, что затрудняет процесс их восприятия. Стандартные методики, использующие сложный математический и понятийный аппараты, не позволяют сформировать у студентов комплекс глубоких теоретических знаний. Поэтому мы предлагаем применить в процессе преподавания основ квантовой механики в высшей школе педагогическую модель, особенностью которой является систематическое применение оптических аналогий квантовых явлений.

Оптические аналогии выбраны не случайно. Волновые эффекты в оптике хорошо известны из повседневного опыта и обладают элементами наглядности.

Это — отражение и преломление света на границах раздела двух сред, интерференционная окраска тонких пленок, зеркальные свойства металлических поверхностей. Но самым серьезным аргументом, обусловившим выбор оптических аналогий для повышения наглядности при описании квантовых эффектов, стало удивительное «взаимодействие» волновой оптики и квантовой механики в процессе развития физической науки. В результате анализа работ первоисточников ученых, стоявших у истоков квантовой механики, было установлено, что оптические и оптико-механические аналогии имели определяющее значение в период становления квантовой механики как науки [1, 3–15]. На это указывают работы Л. де Бройля (1923, 1924 гг.), Э. Шредингера (1925, 1926 гг.), М. Планка (1927 г.), В. Гейзенберга (1932 г.), А. Зоммерфельда и др.

Оптические аналоги квантовых эффектов имеют и прочную математическую платформу [2, 11–25]. На основании математического подобия основного уравнения квантовой механики — уравнения Шредингера:

$$\nabla^2 \psi + \frac{2m}{\hbar^2} E \psi = 0,$$

описывающего стационарные состояния квантовой частицы, и основного уравнения волновой оптики — уравнения Гельмгольца:

$$\nabla^2 A + \frac{\omega^2 n^2}{c^2} A = 0,$$

описывающего электромагнитную волну, удалось установить, что существуют пары аналогичных оптических и квантовых явлений, которые являются следствиями волновой природы света и квантовых частиц. В этих уравнениях ψ — волновая функция квантовой частицы, $\hbar$ — постоянная Планка, деленная на 2π ,

m — масса частицы, E — ее кинетическая энергия, A — амплитуда электрического поля волны, ω — частота, n — показатель преломления среды, c — скорость света в вакууме. Каждая пара аналогичных эффектов связана с проявлением одного или нескольких основных явлений: отражением волны на скачках показателя преломления или потенциала, интерференции волн, существованием экспоненциального затухания волн в так называемых «классически запрещенных» областях (таблица 1).

Таблица 1. – Аналогия свойств электронов и электромагнитных волн при распространении в сложных средах

Профиль потенциала	Электрон	Электромагнитная волна
Полубесконечный барьер	Отражение/прохождение	Отражение/прохождение
Яма конечной ширины	Отражение/прохождение над ямой	Отражение, прохождение и моды Фабри-Перо в воздушном зазоре между диэлектриками
Барьер конечной ширины	Отражение/прохождение над барьером	Отражение/прохождение и моды Фабри-Перо для тонких диэлектрических пластинок
	Туннелирование под барьером	Прозрачность тонких металлических пленок Нарушенное полное внутреннее отражение
Яма между двумя барьерами	Резонансное туннелирование	Прозрачность интерферометров Фабри -Перо
Последовательность одинаковых барьеров/ям	Многократное расщепление стационарных уровней энергии	Многократное расщепление резонансных полос пропускания в связанных микрорезонаторах

В нашем подходе основополагающими являются две аналогии. Первая — это аналогия между отражением/прохождением света на границе двух диэлектриков и отражением/прохождением квантовой частицы над потенциальным полубесконечным барьером. Вторая — это аналогия между туннелированием квантовой частицы под барьером и распространением электромагнитной волны сквозь тонкую металлическую пластинку, либо сквозь тонкий слой диэлектрика в условиях нарушенного полного внутреннего отражения.

Так, например, квантовое резонансное туннелирование (прохождение без отражения сквозь два потенциальных барьера при определенных соотношениях между энергией частицы и параметрами барьеров) находит естественное объяснение на примере мод Фабри-Перо в оптическом интерферометре, состоящем из параллельных металлических зеркал. Безотражательное распространение квантовой частицы над потенциальным барьером для некоторых значений ее энергии оказывается квантовым аналогом мод Фабри-Перо плоскопараллельной диэлектрической пластинки. Моды Фабри-Перо в тонком слое воздуха между двумя диэлектриками сразу указывают на безотражательное распространение квантовой частицы не только над барьером, но и над ямой (естественно при определенных значениях энергии частицы,

обусловленных шириной ямы). Во всех случаях квантовое явление оказывается следствием интерференции волн, отраженных либо прошедших через преграды. Отметим, что указанные квантовомеханические эффекты традиционно считаются ярким проявлением отсутствия наглядности квантовой механики.

Примечательным является и то, что введение понятия относительного показателя преломления применительно к задачам квантовой механики позволило нам привести к одинаковому виду выражения для коэффициентов отражения и прохождения с соответствующими выражениями в оптике. Такое введение не является случайным. Впервые показатель преломления для задач квантовой механики был предложен А. Зоммерфельдом в 1951 г.:

$$n = \sqrt{\frac{W - V}{V}},$$

где W — кинетическая энергия электрона, V — высота потенциального барьера [3, 487–488]. Он также впервые продемонстрировал совпадение формул для случаев отражения частицы от потенциального барьера и электромагнитной волны от границы раздела двух сред.

На протяжении всей истории развития квантовой механики разные ученые в разные временные периоды интуитивно предсказывали возможные

оптические аналогии квантовых эффектов. Так В. Гейзенберг в 1932 г. впервые указал на возможность проведения аналогии между явлением квантового туннелирования и прозрачностью тонких металлических пленок [4, 34–40]. На существование аналогии между резонансным туннелированием в квантовой механике и прозрачностью интерферометра Фабри-Перо в оптике указывал Л. Эсаки, получивший Нобелевскую премию по физике в 1973 г. за экспериментальные работы по открытию туннельных явлений в

полупроводниках [5, 569–582]. Но системного подхода не было. Нам удалось не только систематизировать выявленные аналогии, поставить их на прочную математическую основу, но и придать им форму педагогической модели, которую можно использовать в преподавании основ квантовой механики в высшей школе. Подробнее выводы формул для коэффициентов прохождения и отражения, а также графический и исторический аспект установленных аналогий показан в нашем учебно-методическом пособии [6].

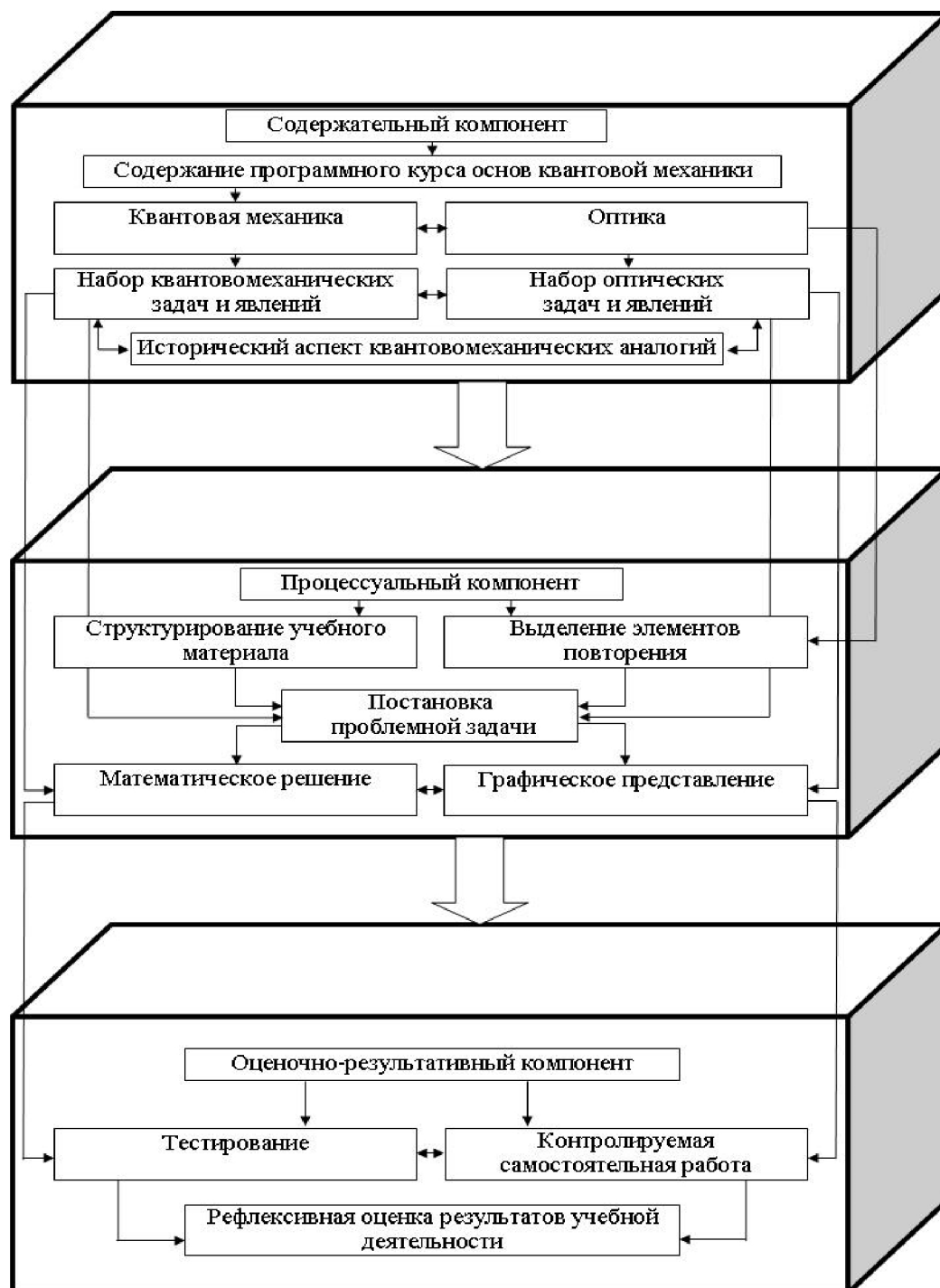

Рис. 1. Педагогическая модель преподавания основ квантовой механики с использованием оптических аналогий

Платформой предлагаемой педагогической модели является ряд концептуальных оснований: теория развивающего обучения, теория проблемного обучения, теория поэтапного формирования умственных действий и ассоциативно-рефлекторная концепция. Используемые концептуальные теории тесно связаны и органично дополняют друг друга.

Построенная нами педагогическая модель содержит три компонента: содержательный, процессуальный и оценочно-результативный.

Содержательный компонент модели составляет содержание программного курса основ квантовой механики, изучаемого в высшей школе. В нем в обязательном порядке рассматриваются задачи движения квантовой частицы над полубесконечным потенциальным барьером, ямой, процессы туннелирования, резонансного туннелирования и другие задачи и их оптические аналогии. Математическое решение этих стандартных задач в связке с оптическими аналогами образует «ядро» содержания модели и является ее отличительной особенностью.

В содержательный компонент мы включили исторический аспект выявленных аналогий. Он опирается на работы ученых-создателей квантовой механики, а также рассматривает обратный процесс переноса представлений из квантовой механики в оптику, что также является особенностью. Таким образом, содержательный компонент включает не только физико-математическое и историко-научное содержание программного курса, но и показывает тесную связь между ними на основании

установленных оптических аналогий изучаемых квантовых явлений.

Процессуальный компонент представляет этапы осуществления деятельности по проведению аналогий. Компонент включает в себя несколько этапов: структурирование учебного материала с целью выявления тем занятий по основам квантовой механики, где возможно применение метода аналогий; выделение элементов из программного материала, требующих повторения оптики; формирование проблемной ситуации. Последний этап может вытекать из математического решения рассматриваемой задачи и его графического представления. Наличие обратной связи обязательно.

Оценочно-результативный компонент представляет собой набор тестовых заданий, проводимых в три этапа для проверки уровня успешности студентов, вопросы и задания для самостоятельного решения (контролируемая самостоятельная работа студентов) и рефлексивная оценка результатов учебной деятельности.

Разработанная педагогическая модель может быть использована в педагогических университетах; в технических вузах, в технических колледжах. Ее можно применять в спецкурсах, читаемых для студентов, специализирующихся в области физики полупроводников, микро- и нанoeлектроники. В упрощенном виде она может быть также адаптирована для гуманитарных специальностей высшей школы, изучающих концепции современного естествознания.

Список литературы:

1. Хильманович В. Н., Гапоненко С. В., Жуковский С. В. Квантовая механика и оптика: II. Роль оптических аналогий в становлении квантовой механики и обратное влияние квантовой механики на развитие современной оптики/Физическое образование в вузах. – 2011. – Т. 17, – № 1.
2. Гапоненко С. В., Жуковский С. В., Хильманович В. Н. Квантовая механика и оптика: I. Математическое обоснование оптических аналогий некоторых квантовых явлений/Физическое образование в вузах. – 2010. – Т. 16, – № 4.
3. Зоммерфельд А. Оптика/под. ред. М. А. Ельяшевича. – М.: Изд-во иностранной литературы, – 1953.
4. Гейзенберг В. Физические принципы квантовой теории. – Л.-М.: Государственное физико-теоретическое из-во, – 1932.
5. Эсаки Л. Путешествие в страну туннелирования. Нобелевские лекции по физике 1973 г. /УФН. – 1975. – Т. 116, – Вып. 4.
6. Гапоненко С. В., Жуковский С. В., Хильманович В. Н. Оптические аналогии квантовых явлений: учеб.-метод. пособие – Минск: РИВШ, – 2009.
7. Хильманович В. Н., Жуковский С. В., Гапоненко С. В. Квантовая механика и оптика: III. Педагогический эксперимент с использованием аналогий/Физическое образование в вузах. – 2011. – Т. 17, – № 2.

*Shadiev Rizamat Davranovich,
Karshi state university
Turdiyev Shoxrux,
Karshi state university
E-mail: r.d07@mail.ru*

On questions of particularities of teaching mathematics in technical higher education institutions (HEI)

Abstract: In the article, a special attention is paid to teaching mathematics in technical HEI. Specifically to differential equations section, because it is not only to provide specific knowledge but has development aspects since it is a material enabling to solve practical problems and to form universal technical and professional view of mathematics as a tool for solving professional tasks.

Keywords: teaching mathematics, mathematic modeling, professional education, differential equations, oil and gas specializations, practical problems, professional directions.

*Шадиев Ризамат Давранович,
Каршинский Государственный университет
Турдыев Шохрух,
Каршинский Государственный университет
E-mail: r.d07@mail.ru*

К вопросу об особенностях преподавания математики студентам технических вузов

Аннотация: в статье уделяется особое внимание преподаванию высшей математики в технических вузах. Особенно к разделу дифференциальных уравнений, поскольку он не только способствует давать определенные знания, но и имеет развивающий аспект, так как является материалом, способным решать прикладные задачи и формировать общетехническое и профессиональное мировоззрение на математику как на средство для решения профессиональных задач.

Ключевые слова: преподавание математики, математическое моделирование, профессиональное образование, дифференциальные уравнения, нефтегазовые специальности, прикладные задачи, профессиональная направленность.

Известно, что наиболее сложным периодом для студентов технических вузов является период адаптации, привыкания к новым порядкам в организации учебного времени, иному способу преподавания изучаемого материала, новому коллективу (студентов и преподавателей), иному построению всего учебно-воспитательного процесса. Сложность заключается еще в огромном напряжении из-за того, что студентам не хватает математических знаний, умения слушать, пользоваться специальным учебным материалом, правильно организовать самостоятельную работу, увязывать математические навыки с материалом других общетехнических дисциплин, в частности, физики, теоретической механики и других.

Все эти факторы негативно влияют на успеваемость учащихся, их лояльность к избранной специ-

альности и обуславливают достаточно большой отсев студентов 1–2 курсов.

Вот почему так важны первые презентационные лекции, в которых педагог должен в самой доходчивой форме донести до студентов особенности организации вузовского обучения математике, его специфику, в частности, объяснить как готовиться к лекциям и практическим занятиям, как отчитаться по контрольным работам, какие типовые расчеты предстоит выполнить, как организовать самостоятельную работу и использовать специальную литературу.

Следовательно, сразу на первый план выдвигается вопрос, как правильно спланировать учебную нагрузку студентов, учитывая что: как основной, базовый материал по математике читается именно на первом курсе. Кроме того, этот материал велик и по объему, так как обычно читаются специальные

главы математического анализа, теория вероятностей, элементы математической физики, операционное исчисление и др. К тому же студенты должны выполнить огромное количество самостоятельной работы. Все это обуславливает перегрузки студентов, избежать которые можно только оптимально спланировав объем и содержание отчетных работ, и домашних заданий. При этом преподаватель должен стремиться подготовить студентов к изучению общетехнических дисциплин — физики, теоретической механики и др., т. к. уже во втором семестре необходимы добротные знания линейной и векторной алгебры, аналитической геометрии, дифференцирования и интегрирования, в частности, для изучения теоретической механики (статики, кинематики, динамики). Проанализировав общетехнические и специальные предметы, изучаемые в технических вузах нефтегазовых специальностей, с точки зрения использования в них математических знаний, в частности, физику, теоретическую механику, сопротивление материалов, электротехнику, машины и механизмы нефтегазовой отрасли, системы управления нефтегазовыми процессами, техническую термодинамику и теплотехнику, спецкурс по нефтегазовому делу, мы сделали однозначный вывод: наиболее применимы в общетехнических дисциплинах линейная и векторная алгебра (физика, теоретическая механика), дифференциальное и интегральное исчисления, дифференциальные уравнения (физика, теоретическая механика, сопротивление материалов, электротехника). В специальных дисциплинах наиболее применимы: дифференцирование, интегрирование, дифференциальные уравнения, уравнения математической физики, теория вероятностей и математическая статистика, линейная и векторная алгебра, из-за нехватки знаний по которым и возникает большинство проблем в продвижении к более сложному материалу.

Проблему отсутствия недостающих математических знаний в определенной мере можно решить, разделив курс математики таким образом, чтобы в первом семестре аналитическая геометрия и линейная алгебра излагались параллельно с математическим анализом, т. е. скорректировать программу. При этом следует ориентироваться на особенности мышления студентов технических вузов, отличающегося левополушарным мышлением [1, 82], для которого характерен последовательный способ обработки информации, свойственный логическому мышлению, а это значит, что одной из важных составляющих обучения математике будущих инженеров должно быть

активное использование графиков, чертежей, схем, таблиц, умение проводить систематические исследования, классифицируя, выделяя существенные стороны, обобщая их до общих схем и алгоритмов, а также развитие абстрактно-логического, пространственно-образного мышления, с несомненным учетом оценки излагаемого курса математики применительно к данной специальности, математического моделирования, приспособленного к избранной профессии, и в соответствии с имеющимся временем на изучение излагаемого предмета и профессиональной необходимости именно в этих математических знаниях. Мы не сделаем открытия, сказав, что в разных технических специальностях преподаватели специальных дисциплин опираются на разный математический материал, используют различный математический аппарат для решения профессиональных задач, хотя многие исследователи не рассматривают отдельно курс применительно к специальности, а говорят о техническом вузе вообще. На наш взгляд, такой подход является не вполне корректным, так как требования скажем, таких дисциплин как: теоретическая механика, сопротивление материалов, гидравлика, электротехника, электроника или метрология, несомненно, различны, значит нужно четко знать, что понадобится студенту именно этой, конкретной специальности в будущем, чему и уделить большее внимание.

В нашем случае в курсе высшей математики особое внимание следует уделить разделу дифференциальных уравнений, поскольку он позволяет не только дать определенные знания, но и работает как развивающий аспект, поскольку является материалом, способным решать прикладные задачи, формировать общетехническое и профессиональное мировоззрение на математику как на средство для решения профессиональных задач. Незаменим этот раздел особенно при изучении математического моделирования, цель которого — «научить студента исследовать процессы методом математического моделирования» [2, 35]. Трудно представить себе решение задач гидродинамики, изучение движения жидкостей и газов в трубопроводах и аппаратах, газообразной или жидкой среде, через пористый слой, процессов абсорбции (поглощения газа жидкостью), задачи оптимизации каталитических процессов без применения специально разработанных алгоритмов. Особенно это касается дифференциальных уравнений с разделяющимися переменными, линейных дифференциальных уравнений первого и высших порядков, систем линейных дифференциальных уравнений.

При этом на наш взгляд, особенно существенным является раскрытие роли численных и приближенных методов решения дифференциальных уравнений, которые необходимо изучать с помощью информационных математических программ. Вводя численные методы: метод исключения, интегрируемых комбинаций, матричный способ (метод Эйлера) в курсе дифференциальных уравнений в ознакомительном объеме мы расширяем представления студентов о методах решения дифференциальных уравнений, в частности при решении задач, связанных со специальностью.

Поставив цель решать профессиональные задачи в курсе математики, мы должны, в первую очередь, обратиться к выбору методов этого решения. Педагогика здесь отдает предпочтение деятельностному подходу к обучению (Л. С. Выготский, П. Я. Галперин Эльконин и др., в математических науках — М. И. Махмутов и др.), включающему: потребности, мотивы, выполнение действия.

Мотив (потребность) побуждает к постановке задачи, к выяснению той цели, которая требует выполнения определенных действий направленных на достижение цели. Потребность — обязательная предпосылка деятельности, пробуждающая активность студента, не обязательно мотивированную, основанную на его отношении, внутреннем настрое на эту деятельность. Значит, главная задача педагога — формирование мотивации, для обучения, приобретения знаний, для чего необходимо применять особые формы преподавания для получения наиболее эффективных результатов. Для этого следует, прежде всего, выработать у студентов стойкие мотивы, цели и обучить способам осуществления, а это значит, что надо научить умению правильно воспринимать информацию, анализировать ее (выявить характерные признаки, осознать их, преобразовать информацию), запомнить (создать образ), оценить.

Не требует доказательств аксиома, что полнее усвоить изучаемый материал студент сможет лишь при активных методах обучения — поисковых, проблемных и других.

Многие исследователи (И. Я. Лернер, М. И. Махмутов) рассматривают проблемную ситуацию как ситуацию затруднения, другие же (М. Н. Скаткин) ставят во главу угла противоречие, в обучении проблемная ситуация имеет ценность возникающую только тогда когда обучаемому интересно, когда он чувствует, что решить проблему в целом он может, но ему не хватает необходимых знаний.

М. И. Махмутов отмечает несколько способов создания проблемных ситуаций, например: при столкновении обучающихся с фактами, требующими теоретического объяснения, при организации практической работы, при формулировании гипотез, при необходимости анализировать, сравнивать, сопоставлять, обобщать новые факты, при выполнении исследовательских заданий [3, 47].

Все эти задачи разрешимы, по нашему мнению, при использовании индуктивных методов, постепенно подготавливающих к использованию дедуктивного подхода.

Если изучение материала начинается с конкретных примеров, то за этим должно следовать абстрагированное обобщение, а следовательно, все абстрактное должно подтверждаться конкретными примерами, т. е., если лекция начинается с решения задач, то должны быть предложены общие методы их решения, если же дается метод решения различных уравнений, то следует привести достаточное количество конкретных примеров.

«Процесс усвоения происходит при определенной деятельности обучаемых и преподавателя, в которой можно выделить составные элементы, дающие ответ на вопрос, что делать и в какой последовательности для того, чтобы усвоение научных знаний проходило в соответствии с дидактическими принципами развивающего и воспитывающего обучения» [4, 39].

С учетом цели обучения математике в техническом вузе следует вводить в процесс обучения метод математического моделирования, основанного на построении умозрительных моделей, которые имитируют реальный объект с помощью абстрактных представлений, созданных путем отвлечения от некоторых свойств изучаемого объекта для выделения тех его сторон и признаков, которые наиболее важны для исследования. Образование умозрительной физической модели позволяет перейти к построению математической модели. Это могут быть: функция, матрица, геометрическая фигура, уравнение или система, которые идентифицируются, уточняются, что и позволяет использовать их как действенное средство реализации профессиональной направленности математики в техническом вузе.

Резюмируя все сказанное, отметим главное:

1. Первое и главное условие использования математического материала в преподавании общетехнических и специальных дисциплин — учет уровня подготовленности обучающихся студентов, их

мыслительных способностей, в первую очередь, логику умения сформулировать свои мысли, использовать уже имеющиеся знания.

2. Профессиональная направленность в обучении студентов нефтегазовых специальностей должна начинаться с анализа того материала, который будет дан студентам, с точки зрения его объема, информативности и доступности, в соответствии с чем необходимо скорректировать программу, содержание курса, соотношение его с изучаемой дисциплиной, не допуская перегрузки студентов дополнительными знаниями и учитывая время, отведенное на изучении материала в рамках лекции, семестра, года, т.е. презентуя дозировано. Наиболее подходящим разделом для широкого практического применения в дисциплинах, связанных с нефтегазовой специальностью, по нашему мнению,

основанному на практике, являются дифференциальные уравнения.

3. Опираясь на деятельностный подход в обучение, в первую очередь, необходимо ориентироваться на активные методы обучения — математическое моделирование проблемное обучение, электронных пособий и материалов, что позволит активизировать самостоятельную работу студентов и реализовать поставленную задачу по использованию фундаментальных, математических знаний в профессиональной подготовке студентов нефтегазовых специальностей.

4. Критерием в отборе математического материала должна стать профессиональная целесообразность и вкуче с ней многократная применимость, внутренняя логика, междисциплинарные связи и соответствие государственным стандартам.

Список литературы:

1. Василевская Е. А. Профессиональная направленность обучения высшей математике студентов технических вузов. Текст.: дис.. канд. пед. наук/Е. А. Василевская. – М., – 2000.
2. Колмогоров А. Н. Математика наука и профессия Текст./А. Н. Колмагоров. – М.: Наука, – 1988.
3. Махмутов М. И. Принцип профессиональной направленности обучения. Текст./М. И. Махмутов//Принципы обучения в современной педагогической теории и практике. – Челябинск: ЧПУ, – 1985.
4. Шодиев Р. Д. Методолого-дидактические основы анализа учебных текстов. – Ташкент.: ФАН, – 2004. – 105 с.

*Shkola Alexandr Vasilyovich,
National Pedagogical Dragomanov University Kiev,
Ph. D., Associate Professor
E-mail: aleksandrshkol@yandex.ru*

Logic underlying the Course of Theoretical Physics In Pedagogical University

Abstract: The article deals with the theoretical and methodological approaches to the construction of the content and structure of program of the compulsory discipline “Theoretical Physics” for students of pedagogical universities. Taking into account the leading didactic principles of pedagogy of high school — basic and professional orientation of training of future specialists — the author defined the subject, the purpose, the main tasks, interdisciplinary communication and backbone elements of the discipline.

Keywords: theoretical physics, fundamentalization, professional orientation, subject expertise.

*Школа Александр Васильевич,
Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова,
кандидат педагогических наук, доцент, г. Киев
E-mail: aleksandrshkol@yandex.ru*

Логика построения курса теоретической физики в педагогическом университете

Аннотация: В статье рассматриваются теоретико-методические подходы к конструированию содержания и структуры программы нормативной учебной дисциплины “Теоретическая физика” для студентов

педагогических университетов. С учётом основных дидактических принципов педагогики высшей школы — фундаментальности и профессиональной направленности подготовки будущих специалистов — определены предмет, цель, основные задачи, междисциплинарные связи, системообразующие элементы дисциплины.

Ключевые слова: теоретическая физика, фундаментальность, профессиональная направленность, предметная компетентность.

Анализ материалов научно-практических конференций и семинаров, периодических изданий, отзывы опытных учителей позволяет констатировать снижение уровня профессиональной подготовки выпускников физических специальностей педагогических вузов. Как следствие, часть из них сталкивается со значительными трудностями в современных условиях уровневой и профильной дифференциации, вариативности школьных программ и учебников по физике, развития новых информационных образовательных технологий. Последнее свидетельствует о том, что методические проблемы преподавания фундаментальных профессионально ориентированных дисциплин в педагогических вузах далеки от своего решения.

В методике профессионального физического образования особое место принадлежит проблеме конструирования содержания и структуры фундаментальных учебных дисциплин (прежде всего курсов общей и теоретической физики), которые должны представлять собой дидактически апробированную модель современной науки. Эта проблема является чрезвычайно сложной и важной одновременно, она не может быть один раз и навсегда решенной. Проектирование и обновление содержания физического образования — исторически необратимый процесс, обусловленный развитием науки-физики, достижениями психолого-педагогических наук, обобщением передового педагогического опыта, изменением требований социального заказа, необходимостью обеспечения соответствия качества профессиональной подготовки специалистов современным международным критериям.

Теоретическая физика преподаётся студентам многих специальностей в классических, технических и педагогических университетах. Для последних эта дисциплина обладает определённой спецификой, что отражается как в содержательном, так и процессуальном компонентах процесса обучения. Актуальность модернизации и обновления программы учебной дисциплины в контексте компетентностного подхода в современном образовании усиливается еще и тем, что в отличие от курса общей физики, этот процесс в отечественной дидактике физики высшей педагогической школы продолжается уже

не одно десятилетие. Сейчас, как никогда, ощущается несоответствие между растущим объемом научных знаний и возможностью их качественного усвоения. Это смещает акценты в формировании целей обучения теоретической физики: главным становится не приобретение студентом определенной суммы знаний, а овладение способами их получения, методологией научного познания, стилем научного мышления. Неслучайно ведущими отечественными методистами-физиками (П. Атаманчук, Л. Благодаренко, И. Богданов, А. Бугаев, С. Величко, С. Гончаренко, А. Касперский, Е. Коршак, А. Ляшенко, М. Мартынюк, В. Савченко, М. Садовой, А. Сергеев, В. Сергиенко, В. Сиротюк, Н. Сосницкая, В. Шарко, М. Шут и др.) подчеркивается необходимость тесной связи методики изучения дисциплины с методологией науки, поскольку «сущностью обучения является не только овладение языком, но и методом мышления науки». В этой связи современный этап развития физической науки с характерным проникновением информационных технологий и постнеклассическим (эволюционно-синергетическим) типом мышления должен найти адекватное отражение в содержании учебного курса. На основе системного анализа научно-методических работ по теории содержания образования, действующих учебных планов и программ, образовательно-квалификационных характеристик будущих специалистов, логических схем ее построения в ведущих отечественных вузах нами разработана новая модульная учебная программа курса теоретической физики для педагогических университетов, предполагающая решение главной задачи: усвоение будущими педагогами фундаментальных научных знаний должно способствовать развитию их личности, носить деятельностный характер и быть органически включенным в процесс формирования профессиональной компетентности. Ниже приведены концептуальные основы проектирования программы нормативной учебной дисциплины «Теоретическая физика», составленной в соответствии с образовательно-профессиональной программой подготовки специалистов образовательно-квалификационного уровня «бакалавр» направления 6.040203 Физика*.

Предметом изучения дисциплины “Теоретическая физика” является наиболее общие фундаментальные физические закономерности, определяющие строение, свойства и эволюцию материального мира на всех его структурных уровнях (микро-, макро- и мегамир). Теоретическая физика является неотъемлемой составляющей современной физики, в которой в качестве основного способа познания природы используется математическое моделирование исследуемых объектов, явлений и процессов и их сопоставление с реальностью. Строго говоря, теоретическая физика изучает свойства не самой природы, а свойства предлагаемых абстрактных моделей. Специфической особенностью теоретической физики по сравнению с другими естественными науками является формулировка постулатов, принципов, законов и создание на их основе новых научных теорий, которые не только систематизируют и обобщают накопленный эмпирический материал, но и позволяют предсказать класс новых экспериментально еще открытых явлений и законов, спрогнозировать результаты будущих измерений с учетом погрешностей модели и эксперимента.

Фундаментальный характер физического знания как философии науки и методологии естествознания, теоретической основы современной техники и производственных технологий, неотъемлемой составляющей культуры современного высокотехнологичного информационного общества определяет образовательное, мировоззренческое, воспитательное и социокультурное значение курса теоретической физики. Благодаря этому в системе профессиональной подготовки будущих учителей физики он играет роль базового компонента их естественнонаучного образования. Согласно учебному плану нормативная дисциплина “Теоретическая физика” является составной частью цикла профессиональной и практической подготовки бакалавров направления “Физика*”. В содержании программы дисциплины “Теоретическая физика” учтены **междисциплинарные связи** с учебными курсами циклов естественно-математической и профессионально-практической подготовки бакалавров-физиков: “Общая физика”, “Методика обучения физике”, “Математический анализ”, “Аналитическая геометрия и линейная алгебра”, “Основы векторного и тензорного анализа”, “Дифференциальные и интегральные уравнения”, “Теория вероятностей и математическая статистика”, “Математические методы физики”, “Физика твердого тела”, “Основы современной электроники”, “История физики”, “Нанофизика и нанотехнологии”, “Философия”, “Экология”.

Программа учебной дисциплины “Теоретическая физика” включает в себя содержательные модули: “Классическая механика и основы механики сплошных сред”, “Электродинамика”, “Квантовая механика”, “Термодинамика и статистическая физика”.

Целью изучения дисциплины “Теоретическая физика” является обеспечение предметной компетентности и развитие личности студента средствами физики как учебного предмета, предполагающее формирование целостных представлений о современной физической картине мира как неотъемлемой составляющей его научного мировоззрения на основе усвоения содержания фундаментальных физических теорий в соответствии с логикой развития науки-физики; овладение методами научного познания окружающего мира; развитие познавательного интереса, интеллектуальных и творческих способностей.

Основными задачами дисциплины “Теоретическая физика” являются:

1) расширение, углубление, обобщение и систематизация знаний студентов о фундаментальных физических теориях, необходимых для понимания закономерностей протекания природных явлений на всех структурных уровнях организации материи; принципов действия и областей применения важнейших технических объектов;

2) овладение основами математического аппарата и научной терминологией современной физической науки, необходимых для аргументированного и убедительного изложения научной и учебной информации, результатов научного исследования, осуществления учебно-воспитательного процесса в общеобразовательных учебных заведениях на высоком профессиональном уровне;

3) формирование материалистических убеждений и представлений студентов о главных аспектах современной физической картины мира как составной части единой научной картины мира, о фундаментальном единстве естественных наук и путях их развития;

4) овладение студентами общенаучными методами познания и приемами логического мышления/индукция и дедукция, анализ и синтез, сравнение, абстрагирование, конкретизация, теоретическое моделирование, аналогия, обобщение/для решения учебных и научных задач;

5) приобретение студентами опыта познавательной и творческой деятельности в применении полученных знаний для объяснения научных фактов, природных явлений и процессов, физических свойств объектов, решения проблемных и эвристических задач;

6) формирование у студентов навыков самостоятельного приобретения знаний с помощью печатных и электронных источников информации, использования средств компьютерной техники в процессе учебно-познавательной и научно-исследовательской деятельности;

7) ознакомление студентов с историей развития физики в Украине, с вкладом известных отечественных и зарубежных ученых в определенную область науки и техники; формирование ценностного отношения к научному наследию и физической науке как элементу общечеловеческой культуры;

8) осознание студентами энергетических и экологических проблем человечества, связанных с достижениями современной науки и техники, возможностей их устранения или предупреждения;

9) формирование национального самосознания и патриотизма, трудолюбия и ответственности, потребности в самообразовании и постоянном профессиональном самосовершенствовании.

Учебная программа дисциплины “Теоретическая физика” сочетает в себе *систему знаний* и *систему деятельности*. Определение содержания и структуры программы происходило с учетом общепризнанной идеи современного образования: соответствия процесса обучения логике развития науки, а также тем методам познания, которые стали в ней решающими. В связи с этим учебный курс теоретической физики представляет собой своеобразный цепь решения все новых практических задач с использованием комплекса методов научного познания. Учебные материалы курса структурированы в соответствии с принципом: от логики развития физической науки к логике возникновения отдельной фундаментальной теории, а от нее к логике изучения и применения этой теории в объяснении/прогнозировании новых физических явлений и процессов. Подобное структурирование учебного материала принято в курсах физики средней школы и общей физики, поэтому данный подход в курсе теоретической физики для будущих учителей физики в полной мере соответствует не только принципу фундаментальности, но и принципу профессиональной направленности обучения. Кроме традиционных дидактических принципов (научности, доступности, систематичности и последовательности, наглядности, системности, сознания и творческой активности, связи теории с практикой и др.) основу учебной дисциплины “Теоретическая физика” составляют ряд идей, которые можно рассматривать как конкретно-методические принципы его построения.

Принцип целостности и содержательной компактности. Учебный курс является логически завершенным, содержит в концентрированной форме основы фундаментальных физических теорий как классической, так и современной физики; уровень представления учебного материала с учетом специфики профессиональной подготовки студентов предполагает широкое и содержательное обобщение ранее изученного материала в процессе актуализации опорных знаний, установление логических связей в новом материале, расширение и углубление имеющихся знаний с использованием математического аппарата физической науки.

Принцип генерализации и цикличности. Группировка материалов дисциплины вокруг фундаментальной физической теории как основной дидактической единицы ее содержания не только соответствует принципу фундаментализации образования, предполагающего усвоение студентами инвариантного ядра современной физической науки, но и способствует формированию их научного стиля мышления, поскольку теория как ведущая форма научного знания содержит “в свернутом виде” основные этапы цикла как научного, так и учебного познания (наблюдения и факты, постановка проблемы, выдвижение гипотезы, моделирование, теоретическое обоснование и выводы, следствия, эксперимент), что реализуется при изучении студентами каждого содержательного модуля дисциплины.

Принцип взаимосвязи и преемственности. Содержание учебного курса учитывает уровень базовой и математической подготовки студентов по результатам предыдущего этапа обучения, в частности изучения ими курса общей физики и дисциплин цикла естественно-математической подготовки.

Принцип вариативности. Содержание учебной дисциплины предполагает реализацию дифференцированного подхода в обучении, позволяя студентам выбрать индивидуальную “траекторию обучения” в соответствии собственными способностями и познавательными возможностями, для чего программой предусмотрено два уровня изучения материала — инвариантный (фундаментальный) и вариативный (прикладной, профессионально ориентированный).

Принцип гуманитаризации. Его реализация предполагает использование гуманитарного потенциала физической науки, формирования ценностного отношения студентов к научному наследию, осознание ими связи физики с развитием общества, мировоззренческих, нравственных, энергетических и экологических проблем.

Как деятельность наука-физика реализуется в содержании учебного курса в качестве его элемента через систему методологических знаний (знания о процессе и методах познания); познавательную деятельность студентов в соответствии с этапами и логикой научного поиска; приемы обучения, соответствующие методам науки (например, использование метода теоретического моделирования для получения новых знаний). На первый план везде выдвигается идейная и эвристическая сторона теории, раскрывается механизм и сущность явления, даётся физическая интерпретация математических моделей и выводов теории. Что касается конкретных задач, традиционно решаемых в курсе теоретической физики, то их число ограничивается самыми необходимыми. В процессе их решения необходимо анализировать не только конечный результат и пути его достижения, но и особенности развития личности студента, его мышления, профессиональных качеств.

Дидактическая модель учебной дисциплины “Теоретическая физика” представляет собой единство реализации в обучении двух компонентов: содержательного и процессуального. Первый включает в себя основные предметные знания, составляющие инвариантную часть курса (научные факты, понятия, модели, фундаментальные принципы, законы и теории), и вспомогательные знания (философские, межпредметные, исторические, профессионально ориентированные, прикладные), представляющие её вариативную часть. Процессуальный блок составляют методы, средства и формы практической деятельности студентов, адекватные целям, содержанию и характеру их будущей профессиональной деятельности.

Основными системообразующими элементами дисциплины “Теоретическая физика” являются:

1) общенаучные знания: философские категории и законы, методологические знания; методы научного познания природных явлений; общенаучные понятия/природное явление, эмпирический факт, проблема, гипотеза, модель, принцип, закон, теория;/ физическая картина мира, технические знания;

2) естественнонаучные знания: принципы причинности, соответствия, дополненности, симметрии; законы сохранения, пространственно-временные и корпускулярно-волновые свойства материи, эволюция Вселенной, фундаментальные проблемы физики;

3) фундаментальные физические знания: решающие эксперименты в физике, основные физические явления, понятия, принципы, постулаты, законы, теории; фундаментальные физические взаимодействия;

4) знание профильного направления, которые обеспечивают подготовку студентов к будущей профессиональной деятельности.

Изучение дисциплины “Теоретическая физика” предусматривает формирование у студентов **системы гуманистических ценностей**, что реализуется путем использования в обучении историко-научных материалов. Последнее для будущих учителей физики имеет важное профессионально-педагогическое значение, поскольку способствует не только более глубокому усвоению самой физики, но и вооружению их историческим подходом к преподаванию физики в общеобразовательных учебных заведениях, формированию личностного отношения к религиозным учениям, мистике, оккультизму, правильной ориентации в современном потоке лженаучной информации. Воспитывать целостную личность ученика, формировать его научное мировоззрение и творческие способности средствами физики как учебного предмета может только тот учитель, который имеет высокий уровень профессиональной компетентности и мировоззренческой культуры. В обучении теоретической физики следует обращать внимание студентов на достижения украинской школы физиков-теоретиков, целесообразным также является их ознакомление с основными направлениями научно-исследовательской деятельности институтов НАН Украины.

Учебная программа курса теоретической физики предполагает комплексную проверку составляющих предметной компетентности студентов в рамках каждого содержательного модуля: “студенты знают/понимают” (содержание физических понятий и величин; явления, эффекты, методы, опыты, теории, законы и закономерности, модели, принципы, постулаты, теоремы, уравнения, физические константы, устройство, принцип действия и область применения важнейших технических объектов); “студенты умеют” (объяснить, изображать и анализировать, моделировать, определять, решать, делать выводы философского характера, использовать, составлять, участвовать, характеризовать, соблюдать). Учебная программа содержит перечень основной и дополнительной литературы (155 наименований), программного обеспечения и Интернет-ресурсов, методические рекомендации по контролю успеваемости студентов (формы, средства диагностики, объекты и критерии оценивания учебных достижений). Сформулированные положения концепции являются основанием для построения модели методической системы обучения теоретической физики в педагогическом университете.

Список литературы:

1. Брусник О. В. Общие методические указания к изучению курса теоретической физики в педагогическом университете / О. В. Брусник // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Естественные и точные науки. – Томск: ТГПУ, – 2006. – Вып. № 6 (57). – С. 167–169.
2. Загальна фізика. Програма навчальної дисципліни підготовки фахівців освітньо-кваліфікаційного рівня “бакалавр” напряму 6.040203 Фізика* / автори-укладачі: М. І. Шут, Л. Ю. Благодаренко, Т. Г. Січкара. – К., – 2013. – 40 с.
3. Ляшенко О. І. Про різні підходи до побудови змісту освіти / О. І. Ляшенко, Е. Лодзинська // Дидактичні проблеми фізичної освіти в Україні: матер. наук.-практ. конф. – Чернівці: ЧДПУ імені Т. Г. Шевченка, – 1998. – с. 99–101.
4. Програми для фізико-математичних факультетів педагогічних інститутів: зб. № 2 / Кол. авт.; за заг. ред. М. І. Шкіля та Г. П. Грищенко. – К., – 1992. – 144 с.
5. Шут М. І. Історія фізичних досліджень в Україні у навчанні фізики: навч.- метод. посібник / М. І. Шут, Л. Ю. Благодаренко, В. М. Андріанов. – К.: Шкільний світ, – 2008. – Ч. 1. – 79 с.; Ч. 2. – 47 с.

*Yakusheva Svetlana Dmitriyevna,
Moscow State Pedagogical University,
candidate of pedagogical sciences, associate professor,
the department of theory and history of pedagogics
E-mail: jawa57@mail.ru*

The development of modern school system in Russia

Abstract: The article reveals the features of modern educational complex, the long-term development of which is based on the educational initiative «Our new school».

Keywords: educational complex, modification, competence, engineering, professional and pedagogical engineering.

*Якушева Светлана Дмитриевна,
Московский городской педагогический университет,
кандидат педагогических наук, доцент,
общеинститутская кафедра теории и истории педагогики
E-mail: jawa57@mail.ru*

Развитие современной системы школьного образования в России

Аннотация: В статье раскрываются особенности современных образовательных комплексов, перспективное развитие которых осуществляется на основе инициативы «Наша новая школа».

Ключевые слова: образовательный комплекс, модификация, компетентность, инжиниринг, профессионально-педагогический инжиниринг.

Новое столетие — этап высоких скоростей, нанотехнологий, реформирования образования, которое является наиболее важным фактором, способствующим социальной и экономической стабильности, развитию института гражданского общества.

Система образования призвана задавать именно ту траекторию развития восходящего человеческого потенциала, которая необходима современному обществу.

Переход от образовательной парадигмы индустриального общества к парадигме постиндустриального общества предполагает, в первую очередь, отказ от понимания образования как получения готового знания и представления о педагоге как о носителе нового знания. На смену приходит понимание образования как достояния личности, средства ее самореализации в жизни, построения карьеры и т. д. [11, 43].

Изменения в характере обучения происходят в контексте глобальных образовательных тенденций, получивших название «мегатенденций». К их числу относятся: массовый характер образования и его непрерывность как новое качество; значимость, как для индивида, так и для общественных ожиданий и норм; ориентация на активное освоение человеком способов познавательной деятельности; адаптация образовательного процесса к запросам и потребностям личности; ориентация обучения на личность обучающегося, обеспечение возможностей его самораскрытия.

Существенным направлением современного обучения является подготовка учащихся к активному освоению ситуации социальных перемен. Данные образовательные ориентиры получили международное признание в качестве рабочих ориентиров в программах ЮНЕСКО [29; 30].

В конце 70-х гг. авторы, получившие широкую мировую известность за доклад Римскому клубу «Нет пределов обучению» считают, что обучение в широком смысле слова является процессом приращения опыта, как индивидуального, так и социокультурного [28].

В новом столетии изменился уровень массового обучения. Так в первой половине столетия в индустриально развитых странах осуществлялось массовое начальное обучение, а с конца 40 годов (по окончании Второй мировой войны) всеобщей стала средняя школа. В условиях постиндустриального общества (последние десятилетия) массовым является обучение и в высшей школе. С середины столетия массовый характер охватил все уровни образования. Особенно значимым для обучения явилось изменение социальной и жизненной роли знаний, раскрывающих познавательно-творческие возможности человека.

Школа, по утверждению социолога О. Тоффлера, несет на себе следы конвейерной организации труда раннего этапа индустриального производства [31]. В разных странах мира нетрадиционным для педагогов является построение обучения в контексте непрерывного образования. Данный курс направлен на создание для учащегося возможностей занимать инициативную позицию в учебном процессе, т. е. «усваивать» материал, познавать мир и вступать с учителем в активный диалог, искать ответы, не останавливаясь на достигнутом [5].

Стратегической целью России (Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года) является достижение уровня экономического и социального

развития, соответствующей статусу России как ведущей мировой державы XXI века. Она занимает передовые позиции в глобальной экономической конкуренции, надежно обеспечивает национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан [16].

Вхождение России в мировое образовательное пространство предполагает сближение национальной системы образования с аналогичными системами европейских стран.

Модификация российского образования, с учетом зарубежного опыта, предоставляет не только новые знания, но и помогает лучшему осознанию проблем на современном этапе развития отечественного образования. В свою очередь это дает возможность осознать место российской школы в мировом сообществе, а также прогнозировать пути модернизации образования. Ряд направлений, присущих образованию в развитых странах зарубежья, заслуживают внимания отечественных педагогов:

- использование вариативности образования при сохранении общегосударственных стандартов;
- использование принципа дифференциации содержания образования на старшей ступени школы, создание профильных учебных заведений, введение базового и дополнительного учебного материала;
- разрешение противоречия между быстрым приращением знаний и ограниченными возможностями их усвоения путем устранения устаревшего материала, более широкого использования межпредметных связей и создания интегрированных курсов;
- разработка новых форм стандартов содержания образования, включающих учебные задачи и ожидаемые результаты достижения;
- создание комплексной, дифференцированной системы оценивая достижений учащихся, объединяющей объективную внешнюю оценку (тесты) с изучением продвижения учащихся в освоении знаний и умений;
- отказ от вступительных экзаменов в вузы путем отработки итоговой школьной аттестации и др.

Анализ основных направлений реформирования образования в зарубежных странах показывает, что Россия находится в русле современных мировых тенденций [14, 117].

Инновационные процессы, определившие различные векторы образовательных систем всех уровней, внедряются благодаря модификации отечественного социально-экономического строя. Концептуальные изменения определили стержневую линию —

совершенствование гибкой и многофункциональной системы, осуществление личностно-ориентированной модели вариативного образования.

Образование предстает как единое проблемное поле, в котором личность имеет свои предпочтения, интересы и ценности, а их реализация приводит к самоутверждению.

В феврале 2010 года была утверждена Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа», являющаяся стратегической политикой в сфере образования.

Проект направлен на переход к новым образовательным стандартам, изменение инфраструктуры школьной сети, сохранение и укрепление здоровья школьников, развитие педагогического потенциала и системы поддержки талантливых детей.

Генеральная линия образовательной инициативы «Наша новая школа» заключается: в создании школы, способной раскрыть личностный потенциал обучающихся; воспитании в них интереса к учебе и знаниям; стремлении к духовному росту и здоровому образу жизни; подготовке к профессиональной деятельности; готовности обучаться в течение всей жизни.

В условиях решения этих стратегических задач важнейшими качествами личности становятся: инициативность, способность творчески мыслить и находить нестандартные решения, умение выбирать профессиональный путь, непрерывно повышать уровень знаний и осваивать новые виды деятельности.

Новая школа — это:

- школа для всех, успешная социализация детей с ограниченными возможностями здоровья, детей-инвалидов, детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся в трудной жизненной ситуации;
- новые учителя, компетентные и творческие, открытые ко всему новому, понимающие детскую психологию и особенности развития школьников, хорошо знающие свой предмет;
- центр взаимодействия как с родителями и местным сообществом, так и с учреждениями культуры, здравоохранения, спорта, досуга, другими организациями социальной сферы;
- современная инфраструктура, добротной и функциональной школьной архитектурой — медиатекой и библиотекой, высокотехнологичным учебным оборудованием, широкополосным Интернетом, интерактивными учебными пособиями;
- современная система оценки качества образования, которая должна обеспечивать нас достоверной информацией о том, как работают и отдельные

образовательные учреждения, и система образования в целом [10].

Необходимость модернизации общеобразовательной школы и ее образовательного пространства, требует развития информационной культуры педагога, овладения техникой и технологиями; повышения педагогического мастерства учителя; развития средового подхода, осуществляющего формирование сферы культуротворческой среды, включающей духовную, интеллектуальную, социальную и материальную культуру; осуществления педагогического проектирования среды жизнедеятельности школы, которая предполагает внедрение педагогического инжиниринга; разработки концептуальной типовой модели школы нового поколения; создания сети организаций, видов и типов общеобразовательных школ или интегрированных образовательных комплексов; разработки нормативных документов, производства продукции учебного назначения высокого дидактического качества, методических разработок и подходов [9].

Меняющаяся концепция образования предполагает не только внедрения нового содержания и овладения инновационными технологиями, но и развития образовательных комплексов.

Так, «образовательный комплекс», по определению Д. А. Новикова и Н. П. Готовой, — это форма организации образовательных систем как объединения организационно-интегрированных образовательных учреждений, реализующих комплекс взаимосвязанных образовательных программ различных уровней [12, 4]. При этом, развитие идеи создания комплекса, как образовательной организации интегративного типа, базируется на объединении педагогических возможностей общества в образовании XXI века, прошедшего долгий путь от создания воспитательных центров, учебно-воспитательных и социально-педагогических комплексов, адаптивных, авторских школ к социокультурному комплексу и ассоциации школ [6].

Комплекс функционирует как система, определяя не только закономерности развития, но и активизируя следующие механизмы его управления:

- экономическую систему (например, на основе слияния организаций или функционирующих на основе договоров);
- педагогическую систему, при которой осуществляется процесс воспитания, развития и обучения, разрабатывается индивидуальный образовательный маршрут и обеспечивается реализация образовательной услуги;

- социальную систему, функционирующую на условиях социального партнерства и межведомственной координации, в которой задействованы педагогические коллективы дошкольного, общего и дополнительного образования, а также «непрофильные» для образовательных услуг специалисты.

Д. А. Новиков и Н. П. Глотова предложили идеи и принципы, позволяющие рассматривать комплекс как единую образовательную систему, которая обладает рядом закономерностей и является организационной. Система построена на принципах социального партнерства, синергизма и единого образовательного пространства [8, 26–27].

Созвучна идеям В. В. Путина государственная программа Москвы «Развитие образования Москвы («Столичное образование»)», рассчитана на среднесрочный период (2012–2016 гг.). Одна из ее задач направлена на *«комплексное развитие сети образовательных учреждений для обеспечения доступности дошкольного, общего и дополнительного образования независимо от территории проживания и состояния здоровья»*.

Первые крупные образовательные комплексы в Москве начали создавать в середине 90-х годов прошлого века. Стимулом к их созданию послужило стремление школ максимально удовлетворить потребности московских семей в доступном качественном образовании, современная система финансирования, активное участие родителей и педагогов в жизни школы, открытость и прозрачность работы образовательного учреждения и многое другое [22].

Деятельность современного образовательного комплекса строится в соответствии с основной образовательной программой образовательной организации. Программа всех ступеней обучения выстроена с учетом ресурсов, которые сосредоточены в комплексе.

Развитие такой системы обучения требует выработки и реализации научного подхода к содержанию непрерывного процесса, формирования его законченной модели, позволяющей эффективно достигать основных целей обучения и решать следующие задачи:

- осуществление гибкой инновационной структуры образовательной системы современного инновационного уровня комплекса;
- обеспечение непрерывности образования;
- реализация программно-целевого подхода, который предполагает сквозную (прозрачную) систему планирования, корректировку и преемственность программ (дошкольное, общее и дополнительное образование);

- формирование ключевых компетенций обучающихся;

- овладение учащимися объемом знаний в соответствии с Федеральным стандартом второго поколения;

- подготовка к обучению и дальнейшей профессиональной деятельности в сфере наукоемких технологий;

- развитие творческого потенциала детей;

- осуществление психолого-педагогического сопровождения в системе дополнительного образования [8, 29].

Образовательная деятельность образовательного комплекса, считаем мы, осуществляется по трем направлениям: системность, универсальность и интеллектуально-смысловая прегнантность (насыщенность) образования.

Основной характеристикой деятельности образовательного комплекса является принципиальное единство непрерывных инновационных процессов. Реализация непрерывной инновационной программы может быть осуществлено по следующим направлениям:

1. интеграционные процессы в непрерывном образовании;
2. инновационная деятельность — модель образовательного пространства образовательного комплекса;
3. учебная и воспитательная деятельность как основа лично-ориентированного подхода в развитии детей;
4. непрерывное дополнительное образование как целостная система;
5. проектная и исследовательская деятельность обучающихся [23, 216].

В образовательном комплексе необходима реализация научно-методической основы для интеграции образовательных, педагогических и психологических программ различного уровня в систему непрерывной многоуровневой подготовки, в том числе, с использованием дистанционных технологий. В связи с развитием системы непрерывного интегрированного многоуровневого дистанционного образования создаются условия для:

- обеспечения полноценного развития личности обучающегося без отрыва от его постоянного места проживания (в случае болезни) и др.;

- оптимального удовлетворения потребностей воспитанника и педагога в обоснованных образовательных услугах;

- развития, как образовательной системы, так и профессиональной среды;

- разработки и введения в учебный процесс общего образования дополнительных образовательных программ различной направленности, реализующих интегрированные формы обучения в процессе образовательной деятельности;

- духовно-эстетического просвещения воспитанников;

- осуществления непрерывного дополнительно-го, педагогического и психологического образования.

Управление образовательным комплексом актуализирует объединение интеллектуальных ресурсов вузов и базовых образовательных учреждений, которое может быть направлено на решение следующих задач:

- 1) обеспечение инновационного характера образования;

- 2) создание комплексной системы предоставления образовательных услуг высокого качества на разных уровнях образования;

- 3) обеспечение условий непрерывности образовательного процесса, при ступенчатом переходе обучающихся внутри образовательного комплекса с одного уровня на другой;

- 4) построение и развитие модели лаборатории «Профессионально-педагогические мастерские» педагогического и психологического обеспечения образовательного процесса структурных подразделений образовательного комплекса;

- 5) организация в структурных подразделениях образовательного комплекса экспериментальной и научно-исследовательской работы по различным направлениям под руководством научного руководителя;

- 6) организация комфортного непрерывного образования для обучающихся;

- 7) подготовка, переподготовка и повышение квалификации в области педагогики, психологии и образовательного менеджмента педагогических работников и руководителей структурных подразделений образовательного комплекса;

- 8) создание единого информационного пространства, объединяющего базовые образовательные и иные учреждения и организации (создание единых баз данных, межбиблиотечного фонда, пользование Интернет-ресурсами и т. д.);

- 9) создание для детей с особыми образовательными потребностями развивающей образовательной среды, ориентированной на развитие социальной компетентности обучающихся и на психолого-педагогическую поддержку их семей;

- 10) обеспечение психолого-педагогической поддержки деятельности структурных подразделений

комплекса в целях оказания помощи педагогическому коллективу;

- 11) осуществление совместной издательской, спортивно-оздоровительной, культурно-массовой и иной деятельности; обеспечение условий, способствующих привлечению дополнительных ресурсов из внебюджетных источников [23].

В связи с этим, образовательные комплексы являются той прогрессивной сферой, где качественно меняется не только образовательное пространство организации, но и осуществляется становление современного педагога, совершенствование его профессионального мастерства.

Современный педагог — яркая индивидуальность, творческая личность, способная к развитию личностной и интеллектуальной культуры, инновационному творческому мышлению, самопознанию и осмыслению, умеющая решать проблемные ситуации, а также заинтересовать и увлекать процессом саморазвития [24, 6].

Как известно интеллектуалом не рождаются. Очень многое зависит от того, какие возможности представит окружение для становления личности педагога, а также какой выбор он сделает сам.

Профессиональное становление личности связано с вопросами освоения профессиональной деятельности, развития и реализации творческого потенциала.

Педагог XXI века Само понятие «педагог» уже вышло далеко за пределы сугубо профессиональной деятельности. В современной интерпретации педагог — это, безусловно, ученый-исследователь, тщательно постигающий особенности многообразной педагогической деятельности. Постигая тайны профессионального мастерства, он учится на протяжении всей жизни [25].

Образованность, интеллект, духовность и культура, стремление к творчеству и умение ориентироваться в изменяющихся условиях являются важнейшими факторами развития современного профессионала, совершенствования его мастерства.

Совершенствование профессионального мастерства педагога, на наш взгляд, — это кумулятивное поэтапное развитие, определяемое итериальным вектором социокультурных процессов в образовании, достижение на каждом витке спирали (этапе) апогея, обусловливаемое новым качественным состоянием и органической целостностью, а также стремление к абсолютному императиву.

Меняющаяся концепция образования, предполагает способность педагога осваивать новое его содержание, овладевать инновационными технологиями,

внедрять такие методы воспитания и обучения, которые учитывали бы социальные, культурные изменения, характерные для России нового столетия.

Существенные изменения в системе общего образования в условиях перехода к рыночным отношениям претерпевают глубокие преобразования.

Современное педагогическое сообщество испытывает на себе серьезное влияние экономической ситуации, которая, стремительно вторгаясь в образовательное пространство, характеризуется повышенным риском, неопределенностью и динамизмом окружающей среды. В связи с этим, педагог, на наш взгляд, должен быть не только готов к выполнению профессиональной деятельности в условиях рыночной экономики, но и:

- быть компетентным;
- систематически совершенствовать свое профессиональное мастерство и непрерывно обновлять и обогащать свои знания, применяя их в своей деятельности;
- строить межличностные отношения и принимать управленческие решения;
- иметь навыки проектной, организаторской и методической работы.

Внедрение рыночной экономики в систему образования и жесткая конкуренция, предъявляют новые требования к современному педагогу: высокой уровень мастерства и профессионализма, являющиеся основными факторами педагогического совершенствования, становление и развитие личности; формирование ключевых компетенций, вызванных модификацией интеграционных процессов педагогических технологий; высокая профессиональная мобильность, обусловленная изменением и развитием деятельности современных образовательных комплексов (организаций); подготовка конкурентоспособного профессионала, умеющего: самостоятельно критически мыслить, видеть возникающие в реальном мире трудности и находить пути их преодоления, используя современные технологии:

- четко осознавать, где и каким образом приобретаемые им знания могут быть применены в окружающей действительности;
- быть способным генерировать новые идеи, творчески мыслить;
- грамотно работать с информацией;
- быть коммуникабельным, контактным в различных социальных группах;
- уметь работать в команде, предотвращая конфликтные ситуации или умело выходить из них;

- самостоятельно трудиться над развитием интеллекта, нравственности, культурного уровня [32, 126].

Организациям общего образования необходимо соответствовать требованиям современной рыночной экономики. Новые условия предоставления образовательных услуг в России, такие, как переход от государственной монополии к многоукладной системе образования, платное образование, конкурентная борьба за потребителя, ужесточив требования к качеству и условиям предоставления услуг по обучению, вызвали необходимость перестройки работы современных образовательных комплексов (организаций). Они переживают период реформ, обусловленных переходом к новой образовательной парадигме, приоритетами которой являются интересы личности, адекватные тенденциям интенсивного развития общества. Осуществляемые преобразования определяют появление новых целей, заключающихся в достижении такого уровня образованности отдельной личности и общества в целом, который обеспечивает решение жизненно важных задач [17, 70].

В связи с этим образовательные комплексы, обеспечивающие подготовку и распространение передовых педагогических практик, служат первыми «реперными» точками развития инфраструктуры науки и педагогического образования.

Итак, образовательные комплексы рассматриваются как организации, способные обеспечить широкий спектр образовательных услуг. Весьма значимо, что в таких комплексах происходит интеграция материально-технических, экономических, кадровых и других ресурсов всех объединенных образовательных организаций (дошкольного, общего и дополнительного), коррекционного структурного подразделения и профессиональных образовательных организаций [26, 62].

Одними из таких комплексов являются государственные бюджетные образовательные организации города Москвы средние общеобразовательные школы № 1357 (директор Т.А. Салтыкова), № 1716 «Эврика-Огонек» (директор С.А. Микитенко) Юго-Восточного окружного управления образования, № 2055 (директор Н.М. Шелкова) Центрального окружного управления образования.

Деятельность образовательных комплексов осуществляет широкий спектр инновационных процессов, определяет новые цели и задачи в соответствии с требованиями рыночной экономики, отводя важную роль профессионально-педагогическому инжинирингу.

Изначально термин **инжиниринг** появился во французском языке *engin* и истолковывался как сообразительность, смекалка.

В дальнейшем термин получил интерпретацию в других европейских языках:

- английское слово *engineering*, понимается как сооружать, проектировать, устраивать, затевать, придумывать, изобретать;
- латинское *ingenium* «создавать, творить» обозначает изобретательность, выдумка, знания, искусный.

Первоначально термин «инжиниринг» использовался для обозначения интеллектуальных способностей человека, решения каких-либо практических задач. Необходимо заметить, что «инжиниринг», являясь однокоренным словом «инженер» и «инженерия», трактуется и как «гений» и «гениальность» и т. п. [33].

В зарубежной литературе **инжиниринг** истолковывается в разнообразных контекстах:

- во французском словаре “Le lettre” как поиск собственной гениальности, мышления, средства преуспеть [20];
- в словаре “Petit Robert” как глобальное исследование промышленных проектов во всех аспектах (технических, экономических, социальных) [19];
- в словаре иностранных слов и выражений как одну из форм коммерческих связей в сфере науки и техники, основное направление которой — предоставление услуг по доведению исследовательских и опытно-конструкторских разработок до стадии производства [18, 236].

Существуют различные подходы к определению **инжиниринга**:

- деятельность по применению научных знаний для целей проектирования, строительства, управления машинами и установками. Выделяется механический **инжиниринг**, химический **инжиниринг** и другие виды **инжиниринга** по отраслям промышленности. В более широком смысле понятие **инжиниринг** переносится даже в такие области, как генетика, финансы, социальная сфера: геновая инженерия, финансовый и социальный **инжиниринг** (*Оксфордский словарь*);
- особая деятельность, связанная с созданием и эксплуатацией предприятий и объектов инфраструктуры; совокупность проектных и практических работ и услуг, относящихся к инженерно-технической области и необходимых для строительства объекта и содействия его эксплуатации (*Европейская экономическая комиссия ООН*);
- широкий спектр работ и услуг, предоставляемых консультационной компанией: от составления

технических заданий и проектных предложений, проведения инженерно-изыскательных работ, включая строительство новых и реконструкцию действующих промышленных объектов, разработку машин, оборудования и технологических приемов, до консультаций экономического, финансового и другого характера (*Американский Совет по профессиональному развитию*) [33, 290].

- совокупность интеллектуальных видов деятельности, имеющей своей конечной целью получение наилучших (оптимальных) результатов от капиталовложений или иных затрат, связанных с реализацией проектов различного назначения за счет наиболее рационального подбора и эффективного использования материальных, трудовых, технологических и финансовых ресурсов в их единстве и взаимосвязи, а также методов организации и управления, на основе передовых научно-технических достижений и с учетом конкретных условий и проектов [4].

В. А. Мижериков считает, что **инжиниринг** (англ. *engineering*) — постановка в рамках инновационной деятельности предприятия комплекса услуг, сопутствующих инновации [7, 95].

В. Г. Прахов и Н. М. Зенкин заявляют, что **инжиниринг** — это работы и услуги, включающие: составление технических заданий; проведение НИР, составление проектных предложений и ТЭО строительства промышленных и других объектов; проведение инженерно-изыскательских работ; разработку технических проектов и рабочих чертежей строительства новых и реконструкции действующих промышленных и других объектов; разработку предложений во внутривозвратной и внутрицеховой планировке, межоперационным связям и переходам; проектирование и конструкторскую разработку машин, оборудования, установок, приборов, изделий: разработку составов материалов, сплавов, других веществ и проведение их испытаний; разработку технологических процессов, приемов и способов; консультации и авторский надзор при шеф-монтаже, пусконаладочных работах и эксплуатации оборудования и объектов в целом; консультации экономического, финансового или иного порядка [15].

А. Р. Станиславский считает, что европейская транскрипция **инжиниринга** охватывает очень широкую область, нежели референциальное значение русского языка. Исходя из этого следует, что в российских источниках не совсем то, что означает *engineering* в европейских и между ними имеет место только частичное соответствие [1, 77].

Итак, инжиниринг является одним из видов инновационных технологий и включает комплекс работ по разработке проекта на основе создания, реализации, продвижения и распространения определенной новации [13].

Главным методологическим принципом педагогики является принцип изучения и обобщения педагогического опыта, позволяющего отбирать и обогащать инновационную палитру нового столетия.

Диссертационные работы Е. З. Власовой [2], Т. В. Чемодановой [21] и Б. С. Иванова [3] посвящены подготовки студентов в вузе. Акцентируя внимание на инновационных технологиях обучения, ученые рассматривают педагогический инжиниринг в рамках преподаваемых специализированных курсов информационных технологий, предназначенных для совершенствования той или иной сферы профессиональной деятельности.

Безусловно, понятийный ряд данного понятия явно недостаточен и ограничивается либо разработками инновационных технологий, либо преподаванием дисциплин производственно-индустриальной направленности.

Педагогический инжиниринг, по утверждению ученых, представляет собой целенаправленную деятельность педагога (разработчика) по созданию, освоению и распространению инновационных технологий обучения.

В процессе анализа понятий «инжиниринг» и «педагогический инжиниринг», а также исследований ученых, мы считаем необходимым введения в образовательное пространство понятия «*профессионально-педагогический инжиниринг*», рассматривая его как систему в профессионально-педагогической сфере, направленной на инновационное преобразование (совершенствование), как самого педагога, так и организации общего образования (комплекса) в целом. До настоящего времени профессионально-педагогический инжиниринг еще не стал предметом научного педагогического исследования.

Профессионально-педагогический инжиниринг рассматривается нами в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 02 июля 2013 г. № 185-ФЗ, статья 6, п. 9 «интеграция науки и образования на основе различных форм участия работников и обучающихся образовательных организаций высшего образования в научных исследованиях и экспериментальных разработках посредством создания лабораторий и кафедр в образовательных организациях».

Основной функцией науки является познание, в то время как основной миссией инжиниринга является преобразование, практическая деятельность, базирующаяся на результатах научной деятельности.

Образование призвано научить человека преодолевать стоящие перед ним проблемы. В связи с этим именно благодаря профессионально-педагогическому инжинирингу, на наш взгляд, осуществится становление педагога и совершенствование его профессионального мастерства, реализуется системное проектирование моделей образовательного процесса, так как компонентами профессионально-педагогического инжиниринга являются интеллектуальные виды профессиональной деятельности педагога и научно-образовательный менеджмент.

Профессионально-педагогический инжиниринг мы понимаем как совокупность процессов, объединяющих интеллектуальные виды профессиональной деятельности (становление и мастерство педагога и т. д.) и научно-образовательного менеджмента (менеджмент-маркетинговое пространство и паттерн инжиниринг), конечной целью которых является творческое применение научных методов и принципов в реализации инновационных проектов (создание флэш-кейса ресурсного поля и формирование механизмов взаимодействия внутри консорциума проекта).

Основная концептуальная идея состоит в том, что на современном этапе развития отечественного образования становится закономерной необходимостью перехода к инновационному непрерывному образованию. Гносеологическим критерием целостности является уровень рефлексивности, изменение содержания и развитие, направленное на возникновение общего результата и качества.

Внедрение профессионально-педагогического инжиниринга в единую образовательную систему образовательных организаций позволяет объединить инновационные технологические процессы функционирования структурных подразделений в единое образовательное пространство, предоставив тем самым возможности для всех участников образовательного процесса успешного взаимодействия.

Профессионально-педагогический инжиниринг предполагает не только видение определенной инновационной проблемы, но и умение творчески мыслить, модифицируя и чутко реагируя на все происходящее вокруг.

Итак, *профессионально-педагогический инжиниринг* — комплекс мероприятий и проектов,

определяющий интеллектуально-управленческую деятельность современного профессионала в инвариантных научных направлениях.

Сущностные особенности профессионально-педагогического инжиниринга заключаются, в конечном счете, в реализации образовательных услуг для улучшения качества знания как интеллектуального товара в условиях рынка.

Гибкая и многофункциональная система — доминанта современного образования, которая осуществляется благодаря личностно-ориентированной модели вариативного образования. Она рассматривается нами как процесс формирования такой картины мира, которая смогла бы обеспечить ориентировку личности педагога, в разнообразных ситуациях постоянно развивающейся и меняющейся реальности. Спектр профессионального поля современного педагога обуславливает развитие его творческого потенциала, поиск новых решений, осуществление исследовательской, проектной и инновационной деятельности, совершенствование мастерства в профессиональной деятельности. Контент-анализ данной позиции позволяет выйти на иной уровень личностно профессиональных качеств педагога.

Услуги, предоставляемые многоуровневым образовательным комплексом, обязаны соответствовать единообразным критериям качества, вырабатываемым органами государственного, муниципального или общественного управления образованием либо

международными организациями и зависящим от цели и уровня качества получаемого образования, в соответствии со стандартами.

Масштабность задач и множество вариантов трансформации содержания, необходимость исследования потребностей рынка образовательных услуг требуют поиска новых решений и радикального преобразования. Внедрение в российское образовательное пространство профессионально-педагогического инжиниринга организаций общего образования позволяет осуществить не только решение интеграционной основы управления, но и развития компетентности, мобильности, становления и совершенствования мастерства современного педагога.

Таким образом, профессиональное становление и мастерство педагога начинается с гуманистической позиции и общения, создающего среду, которая окрашивает педагогическое сотрудничество и оптимизирует образовательный процесс.

Все это определяет поиск инновационных направлений и подходов, как для совершенствования существующих, так и для разработки новых, одним из которых является профессионально-педагогический инжиниринг организаций общего образования.

Итак, одна из наиболее важных проблем развития современной системы школьного образования — модификация и модернизация социально-экономического механизма функционирования российской образовательной системы.

Список литературы:

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. — М.: Международные отношения, — 1975.
2. Власова Е. З. Теоретические основы и практика использования адаптивных технологий обучения в профессиональной подготовке студентов педагогического вуза: Дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08. — СПб., — 1999.
3. Иванов Б. С. Теория и методология реализации педагогической системы качества образовательного процесса в вузе: Дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08. — СПб., — 2004.
4. Инжиниринговое управление ресурсным потенциалом. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://resoursum.com/conception>
5. Кларин М. В. Инновационные модели обучения в зарубежных педагогических поисках. — М.: Арена, — 1994.
6. Любезнова Л. В. Организация и содержание работы образовательного территориального комплекса // Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01: Общая педагогика, история педагогики и образования. — М., — 2011.
7. Мижеригов В. А. Управление образовательным учреждением: словарь-справочник: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Мижеригов; под ред. П. И. Пидкасистого. — М.: Издательский центр «Академия», — 2010.
8. Микляева Н. В., Маринюк А. А., Якушева С. Д., Алисов Е. А. Закономерности и принципы организации территориальных (многоуровневых) образовательных комплексов // Вестник Московского городского педагогического университета. Научный журнал. Серия «Педагогика и психология». — 2013. — № 2.
9. Назарова Т. С. Проблемы формирования и развития образовательной среды в контексте реализации национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» // Вестник образования России. — 2012. — № 1.
10. Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа». — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://old.mon.gov.ru/dok/akt/6591/>

11. Новиков А. М. Постиндустриальное образование. – М.: Издательство «Эгвес», – 2008.
12. Новиков Д. А., Глотова Н. П. Модели и механизмы управления образовательными сетями и комплексами. – М.: Институт управления и образованием РАО, – 2004.
13. Осика Л. Современный инжиниринг: определение и предметная область // Эл. журнал «ЭнергоРынок». – 2010. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.up-pro.ru/library/modernization/engineering/sovremennij-inzhiniring.html>
14. Педагогика: учеб. пособие / В. Г. Рындак, Н. В. Алехина, И. В. Власюк, и др.; Под ред. проф. В. Г. Рындак. – М.: Высшая школа, – 2006.
15. Прахов Б. Г., Зенкин Н. М. Изобретательство и патентование. – К.: Техника, – 1981.
16. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. N 1662-р О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года (с изменениями и дополнениями). – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://base.garant.ru/194365/#ixzz3HZipyvniT>
17. Сергеев А. А., Сергеева М. Г. Модель специалиста в условиях непрерывного профессионального образования: Монография. – Тверь: ВА ВКО, – 2009.
18. Словарь иностранных слов и выражений / Авт.-сост. Е. С. Зенович. – М.: Олимп: ООО «Фирма «Издательство АСТ», – 2000.
19. Словарь “Petit Robert”. – [Электронный ресурс]. – <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2813048>
20. Французский словарь. – [Электронный ресурс]. – http://lingvo.mail.ru/?lang_id=1036&text=lettre
21. Чемофанова Т. В. Система информационно-технологического обеспечения графической подготовки студентов технического вуза: Дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08. – Екатеринбург, – 2005.
22. Чернобай Е. Крупные образовательные комплексы столицы как новые возможности для достижения новых образовательных результатов // Учительская газета. № 07 от 12 февраля 2013 г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ug.ru/archive/49836>
23. Якушева С. Д. Интеграционные процессы непрерывного образования в учреждениях Университетского образовательного округа МГППУ. Инновации в современном мире: проблемы и перспективы Часть 2. Всерос. науч.-практ. конф. (2008, Волгоград). Всероссийская научно-практическая конференция «Инновации в современном мире: проблемы перспективы», 30 марта 2009 г.: [Материалы] / отв. ред. А. А. Огарков [и др.]. – Волгоград-М.: ООО «Глобус», – 2009.
24. Якушева С. Д. Профессионально-педагогический инжиниринг в инновационной деятельности образовательного учреждения: теория и практика: Монография. 2-е изд., испр. и доп. – М.: АПК и ППРО, – 2012.
25. Якушева С. Д. Профессионально-педагогический инжиниринг в инновационной деятельности современных образовательных учреждений // European Social Science Journal. – 2012. – № 12/1.
26. Якушева С. Д. Педагогическое мастерство как основа целостности, устойчивости и развития интеграционных процессов многоуровневых образовательных комплексов // “Science of future” X Европейский научно-практический конгресс психологов и педагогов: материалы Международного научно-практического конгресса. г. Прага (Республика Чехия), 8 мая 2014 г. / Науч.-инф. издат. центр на базе Европейской ассоциации педагогов и психологов “Science”. – Прага: Изд-во – 2014.
27. Якушева С. Д. Основы педагогического мастерства и профессионального саморазвития: учеб. пособие. – М.: Форум; ИНФРА-М, – 2014.
28. Botkin J. W., Elmandra M., Malitza M. No limits to learning. – Oxford, – 1979.
29. Naisbitt J., Aburdene P. Mega-trends 2000. – N. Y., – 1990.
30. Towards developing new teacher competencies in response to mega-trends in curriculum reforms. – Bangkok, – 1992.
31. Toffler A. The third wave. – N. Y., – 1980.
32. Yakusheva S. D. Professional-pedagogical engineering in innovative activity of contemporary Russian education // The collection includes The International Conference on the Transformation of Education proceedings Held by SCIEURO in London 22–23 April 2013. – Vol. 2.
33. Yakusheva S. D. State Budget Educational Institution of the Higher Professional Education “Moscow City University of Education”, Russia // Science, Technology and Higher Education [Text]: materials of the IV International research and practice conference, Vol. II, Westwood, January 30th, 2014 / publishing office Accent Graphics communications Westwood-Canada, – 2014.

Section 8. Political science

*Huseynova Sevda Elbrus,
Azerbaijan Tourism Institute, postgraduate student,
the Faculty of International Relations and Global Development
E-mail: sevda_adu@yahoo.com*

WTO trade disputes settlement system and handling transatlantic and transpacific disputes

Abstract: Dispute settlement is the central pillar of the multilateral trading system, and the WTO's unique contribution to the stability of the global economy. Without a means of settling disputes, the rules-based system would be less effective because the rules could not be enforced. The WTO dispute settlement system is based on clearly-defined rules, with timetables for completing a case. This article describes how WTO dispute settlement mechanism is working and as well as WTO role on solving transatlantic and transpacific trade conflicts. It also provides an overview to the short history of the transatlantic and transpacific trade conflicts.

Keywords: World Trade Organization, transatlantic conflicts, transpacific conflicts, Dispute Settlement Body, Dispute Settlement Understanding

Slogan of the World Trade Organization's dispute settlement mechanism — “The priority is to settle disputes, not to pass judgement” — can be heard quite frequently. This is not occasionally. Since its very beginning of operations, some observers were arguing that GATT/WTO is implementing political and economic will of super power states and such opinions were undermining values of WTO –democracy, equitable, fast, effective and mutually acceptable. First of all, it would be worth to review WTO dispute settlement mechanism in order to understand how it works to implement afore mentioned values into practice.

Dispute settlement is the central pillar of the multilateral trading system, and the WTO's unique contribution to the stability of the global economy. Without a means of settling disputes, the rules-based system would be less effective because the rules could not be enforced. The WTO dispute settlement system is based on clearly-defined rules, with timetables for completing a case. By January 2008, only about 136 of the 369 cases had reached the full panel process. Most of the rest have either been notified as settled out of court or remain in a prolonged consultation phase — even some since 1995 [1, 1].

Disputes arise when one country adopts or implement a trade policy measure or takes some actions that one or more WTO members considers to be breaking the WTO agreements or to be a failure to live up

to obligations. Thus, the case is brought to WTO to be solved. procedure for settling disputes existed under the old GATT, but it had no fixed timetables, rulings were easier to block, and many cases dragged on for a long time inconclusively. The Uruguay Round agreement introduced a more structured procedure for solving such disputes. It introduced greater discipline for the length of time a case should take to be settled, with flexible deadlines set in various stages of the procedure. If a case runs its full course to a first ruling, it should not normally take more than about one year — 15 months if the case is appealed. The agreed time limits are flexible, and if the case is considered urgent (e. g. if perishable goods are involved), it is accelerated as much as possible.

The Uruguay Round agreement also made it impossible for the country losing a case to block the adoption of the ruling. Under the previous GATT procedure, rulings could only be adopted by consensus, meaning that a single objection could block the ruling. Now, rulings are automatically adopted unless there is a consensus to reject a ruling — any country wanting to block a ruling has to persuade all other WTO members (including its adversary in the case) to share its view. Although much of the procedure does resemble a court or tribunal, the preferred solution is for the countries concerned to discuss their problems and settle the dispute by themselves.

Settling disputes is the responsibility of the Dispute Settlement Body (the General Council), which consists

of all WTO members. The Dispute Settlement Body has the sole authority to establish panels” of experts to consider the case, and to accept or reject the panels’ findings or the results of an appeal. It monitors the implementation of the rulings and recommendations, and has the power to authorize retaliation when a country does not comply with a ruling. Panels are like tribunals. But unlike in a normal tribunal, the panelists are usually chosen in consultation with the countries in dispute.

Disputes are reviewed in two stages:

First stage: consultation (up to 60 days). Before taking any other actions the countries in dispute have to talk to each other to see if they can settle their differences by themselves. If that fails, they can also ask the WTO director-general to mediate or try to help in any other way.

Second stage: the panel (up to 45 days for a panel to be appointed, plus 6 months for the panel to conclude). If consultations fail, the complaining country can ask for a panel to be appointed. The country “in the dock” can block the creation of a panel once, but when the Dispute Settlement Body meets for a second time, the appointment can no longer be blocked (unless there is a consensus against appointing the panel) [2, 233].

Panel is helping the Dispute Settlement Body make rulings or recommendations. But because the panel’s report can only be rejected by consensus in the Dispute Settlement Body, its conclusions are difficult to overturn. The panel results should normally be presented to the parties to the dispute within six months. In cases of urgency, including those concerning perishable goods, this period is shortened to three months. Both parties can appeal the panel decision [2, 248].

One of the impact of WTO dispute settlement system and advantage of this system is that, it doesn’t immediately decides on sanction to be issued to one of the complaining parties. It calls the parties to comply with the WTO mutual agreements and procedures and change their in compliant (if decides so) trade policy to be complaint.

Not all WTO members bring complaints to the Dispute Settlement Body, or are complained against in that body. Fully 44 members of the WTO, or close to 1/3 of the total membership, did not participate in a dispute settlement case in any capacity from 1995 to 2012 [3, 36]. Another 35 members participated exclusively as third parties in at least one dispute settlement case in which they were neither a complainant nor a respondent. In some instances, they did so because of an identifiable national interest in the matter, and in

some instances because they followed the advice of the WTO Secretariat that it is good to participate as a third party so as to get some practical experience in how disputes are conducted. China, for example, was a third party in 92 cases through 2012, a step it took in part to provide training for its officials. In sum, precisely half of the 158 total members had either little or no experience in the DSU [4, 302].

The story of dispute settlement at the World Trade Organization (WTO) is, in large part, the story of the transatlantic relationship between the United States (US) and European Community (EC). According to WTO, the US and EC together accounted for fully 38 per cent of global merchandise trade in 2000, more than the ten next largest trading economies combined [5, 22]. Thus it’s not surprising that disputes between US and EU is not passing away without impacting global trade and this was quite obvious during the Doha Round. Indeed, it is widely argued that Uruguay Round reforms have dramatically increased the WTO’s capacity to resolve disputes, compared to the practices under the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT) [6, 45].

From the other side, apparent success in resolving US-EC disputes since 1995 is due largely to the expansion of the WTO’s scope in new areas, notably intellectual property (IP) and traded services. Some experts think that main success of the WTO dispute settlement system was lying on the “how it managed to solve high importance cases”. Even there is kind of a classification of disputes as low, medium and high importance cases. Low importance cases are considered the ones that could have impact on trade in the amount of 50 million dollars, whereas, high importance cases are those that could impact trade in the amount of 150 million dollars. 25 out of 32 transatlantic disputes (between EU and USA) were considered to be high importance cases [7, 184].

Vast majority of the complaints brought to WTO/DSB was from the Quad (Canada, the European Union, Japan and the United States) [8, 86]. Here the logic of a tit-for-tat approach is compelling. If member A brings a complaint against member B, there is a fair chance that member B will respond in kind [9]. It’s not surprising that EU raised 32 complaints against US, and similarly the same number of complaints was raised against EU by US. If in between 1995–2000 these parties were raising complaint every two month, during 2007–2012 this reduced to once in 2 years only. From the other hand, these two

transatlantic parties took part in 80–85 % of all cases reviewed at the WTO [10, 249].

Another interesting point is that, there was observed a trend of increasing transpacific disputes in comparison with transatlantic ones. In 2004 US presenting its first complaint against China. Till that 17.2 % of total disputes brought to WTO DSB were transatlantic disputes and after 2004, share of transpacific disputes raised up to 11.4 % of total disputes [10, 255].

Some experts consider that China after becoming a member of WTO tried to take the role of USA and kind of explored US tactic. Trying more efficiently benefit from the WTO Dispute Settlement system, China presented 8 complaints against US and the latter “paid of” by presenting 12 complaints against China. Adoption of “currency manipulation” bill in 2011 by US was considered by China as an attack to it and thus China started to “solve its disputes” as well as out of WTO framework [11, 1].

Trade disputes filed on the American side of the Pacific often follow the US government’s legislative calendar. In September 2009, for example, the Obama Administration slapped tariffs on tires. China launched an investigation into alleged dumping and government subsidies for U. S.-made auto parts and chicken. A year later, the US approved trade sanctions against China for allegedly manipulating the value of the yuan. US also asked a WTO board to investigate China’s decision to penalize U. S. auto parts and chicken exporters.

Indeed, China tries to maintain a relatively balanced trade account with more than 90 percent of its trading

partners, suggesting U. S. trade deficits with China are rooted in the U. S. economic structure and its decision to restrict advanced technology exports to China.

China expects WTO to amend the way it handles trade disputes. In 2010, WTO panel ruled US government’s imposition of countervailing and anti-dumping duties on the same products amounted to a “double remedy” and should be revoked for being inconsistent with WTO member obligations [11].

To the conclusion, transatlantic economic relations increasingly develop transatlantic partnership market. At the same time, tension on some trade issues still exists between US and European Union. Due to the globalization and expansion of the multilateral trade, agenda of WTO Dispute Settlement Body is being “enriched” with new dispute cases, also those of transpacific along with transatlantic. This was also related to the increasing role of China in the world economy.

WTO Dispute Settlement System — established by the GATT period and improved/reformed after Uruguay Round — becomes an effective environment of the member states to solve their disputes out of the court, through the negotiations and peer discussions. From the other side, there is still some opinions about the efficiency of this system as some experts argue that WTO is “indirectly supporting and exposing” political and economic will of the super power states.

From the other hand, we can see how member states are willing to benefit from WTO dispute settlement system for solving their disputes in order not to tension the relations and thus, supporting maintenance of stability in world trade.

References:

1. Ernst-Ulrich Petersmann and Mark A. Pollack/Transatlantic Economic Disputes: The EU, The US and The WTO. – Oxford Press. – p. 465.
2. Horn H. & Mavroidis P. C. Economic and Legal Aspects of the Most-Favored-Nation Clause. *European Journal of Political Economy*. – 2001., – 17 (2), – p. 233–279.
3. WTO Annual Report 2013.
4. Shoyer A. W. The First Three Years of WTO Dispute Settlement: Observations and Suggestions. *Journal of International Economic Law*. – 1998., – 1, – p. 277–302.
5. WTO 2001, – 22.
6. Hudec R. E. *Enforcing International Trade Law: The Evolution of the Modern GATT Legal System*. – 1993.
7. Reinhardt E. Adjudication without Enforcement in GATT Disputes. *Journal of Conflict Resolution*. – 2001., – 45 (2) – p. 174–195.
8. World Trade Organization, Annual Report, – 2013.
9. [Electronic resource]. – http://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_status_e.htm
10. Craig Van Grastek. *The History and Future of the World Trade Organization*. WTO publications – 2013. – p. 249.
11. Yu Hairong. Wider, Hotter US – China disputes over trade. – [Electronic resource]. – <http://english.caixin.com/2011-11-28/100332085.html>

*Pimenov Nikita Pavlovich,
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»,
postgraduate student, Department of sociology and political science
E-mail: n.pimenov@bk.ru*

The modeling method as a basic method of contemporary political communication research

Abstract: The article describes the nature and role of the modeling method in studying political communication. A comparative analysis of approaches to the study of the levels information flows in the structure of political communication.

Keywords: political communication, modeling method, information flows.

*Пименов Никита Павлович,
Санкт-Петербургский Государственный
Электротехнический Университет «ЛЭТИ»,
аспирант кафедры социологии и политологии
E-mail: n.pimenov@bk.ru*

Метод моделирования как базовый метод исследования современных политических коммуникаций

Аннотация: В статье рассматривается сущность и роль метода моделирования в исследовании политических коммуникаций. Проводится сравнительный анализ подходов к рассмотрению уровней информационных потоков в структуре политической коммуникации.

Ключевые слова: политические коммуникации, метод моделирования, информационные потоки.

Метод моделирования, известный своим вкладом в развитие взглядов на коммуникативный процесс в политике, до сих пор остается актуальным. Используя достижения научного мира в этой области, многие ученые используют этот метод в реализации своих исследовательских задач. На основе сопоставления различных позиций по поводу моделирования коммуникативного процесса можно проследить то, какие его элементы и процессы стояли в центре исследований на определенных этапах исторического развития, и что они представляют собой сегодня.

Еще в середине 20 века профессор В.А. Штоф в своей работе «Моделирование и философия» описал гносеологические аспекты моделирования. Его определение модели в качестве мысленно представляемой или материально реализуемой системы, которая отражает или воспроизводит объект исследования и способна замещать его так, что ее изучение даёт новую информацию об этом объекте [12, 19], считается эталонным. Сегодня, в процессе становления новых информационно-коммуникативных каналов и более глубокого изучения коммуникативного взаимодействия в политике, актуализируются вопросы корректности анализов отдельных составляющих коммуникации. Для лучшего понимания специфики

политической коммуникации и выделения ее структурных компонентов используется метод моделирования, который предусматривает воспроизведение характеристик одного объекта с помощью другого. Суть моделирования заключается в том, что ученый рассматривает особенности функционирования сложных для анализа объектов путем представления их в простом, схематичном виде, воссоздавая при этом основные характеристики анализируемого объекта. Модель коммуникации воспроизводит составные элементы и функциональные характеристики коммуникативного процесса в виде схемы [8, 55].

Поскольку коммуникации имеют свою специфику в различных сферах общественной жизни и проявляются в разных формах, то обычно выделяют философские, социологические, мифологические и другие модели коммуникаций. Учитывая специфику общественных сфер, в которых осуществляются информационно-коммуникативные процессы, исследователи по-разному структурируют элементы и связь между ними в моделях коммуникации. Информационные потоки в политической сфере нагляднее всего могут быть продемонстрированы в виде обобщённых схем, показывающих многообразие форм и способов организации политических

коммуникаций. Эти модели, с одной стороны, отражают реальные коммуникационные процессы, происходящие в политической жизни общества. С другой стороны они являются методологическим приемом, позволяющим исследовать данные процессы с точки зрения учета предмета коммуникации, субъектов, средств и способов осуществления, целей и задач [8, 56]. Существует несколько подходов к рассмотрению уровней информационных потоков в структуре политической коммуникации. К первому относится теория канадского исследователя Дж. Томсон, который в соответствии с коммуникативными проблемами, описанными К. Шенноном и У. Уивером в работе «Математическая теория коммуникаций» [5, 4], выделяет семантический, технический и инфлуентальный (воздействующий) уровни информационно-коммуникативных связей. На семантическом уровне главную роль играют вербальные (словесные) и невербальные (жесты, мимика, движение тела, диапазон речи, смех, язык этикета и т. д.) средства передачи информации, которые используются разнообразными политическими (официальными и неофициальными, формальными и неформальными) субъектами. На техническом уровне особое внимание уделяется устранению различных помех (шумов), которые препятствуют своевременной и бесперебойной информации в политической системе. Наконец, на инфлуентальном уровне акцент делается на единстве смыслового и временного параметров информационных сообщений, адресности подачи информации и особенностях аудитории [11, 397–398].

Представители второго подхода (М. Н. Грачев, П. Норрис, К. Брантс и К. Волтмер) развивают идеи К. Сайнне, считавшего, что политическая информация передается только сверху вниз от элит к массам [2], и утверждают наличие сразу двух уровней информационных потоков — не только вертикального, но и горизонтального. Они полагают, что чем демократичнее общество, тем значимее становится горизонтальный уровень политической коммуникации. Происходит сопряжение коммуникационного потока, инициируемого элитой, с информационными потребностями и приоритетами гражданского общества. Не последнюю роль в этом процессе играет развитие электронных средств связи [7, 32; 2; 3, 3–4]. Близкой точкой зрения является позиция А. В. Дмитриева и В. В. Латынова, которые полагают, что политическая коммуникация может протекать на формальном (например в средствах массовой информации)

и неформальном («закулисные» переговоры) уровнях [9, 406].

Учитывают изменения в области политической коммуникации и представители третьего подхода, к числу которых относятся нидерландские исследователи Й. Бордвик и Б. ван Каам. На основании проведенного анализа телекоммуникационных систем они выделяют четыре схемы движения информационных потоков или модели.

Модель аллокуция (от лат. Allocutio — обращение с речью) предполагает распространение информации от одного человека (центра) одновременно ко многим другим. Недостатками данной модели является относительно малая возможность личной обратной связи и тот факт, что полнота получаемой индивидом информации целиком зависит от центра.

Модель общение предполагает равноценный обмен информацией между людьми, которые сами выбирают время, место и тему политико-коммуникативного акта. Достоинством данной модели является своеобразное горизонтальное равенство участников информационного обмена, в противоположность вертикальному принципу руководства — подчинения, присущему модели вещания.

В модели консультации информационный сервисный центр, являющийся местом хранения большого количества сведений, выдает информацию по запросу индивида, который сам определяет ее характеристики. В этом случае он обладает большей свободой по сравнению с моделью аллокуции, когда индивид выступает лишь получателем информации, не выполняя при этом селективной функции.

В регистрационной модели, напротив, центр собирает информацию, которую он запрашивает и получает от периферийного источника. Далее центр обрабатывает полученные сведения, создает единую информационную картину, которую он транслирует индивиду в виде модели аллокуции или консультации.

Данная модель применяется, например, в случае, когда индивиду закрыт доступ к центральному банку данных. Типичным для регистрационной модели является то обстоятельство, что центр имеет больший контроль над определением направления информационного потока, чем находящийся на периферии коммуникационной сети индивид [1, 114–122]. Й. Бордвик и Б. ван Каам понимают, что приведенные модели информационного взаимодействия идеализированы, поэтому в действительности они тесно переплетены и образуют единую матрицу или информационную сеть.

Представители четвертого подхода (А. Н. Подорова-Аникина и В. П. Милецкий, Н. В. Анохина и О. А. Малаканова) выделяют три уровня информационных потоков в системе политических коммуникаций. Первый обслуживает органы власти. Вторым образует информационную среду деятельности партий, профсоюзов, общественных движений. Третий обращён непосредственно к общественному мнению, массовому сознанию и политическому поведению больших групп людей. На первом уровне циркулирует служебная информация, на втором — программы партий, уставы и другие материалы, на третьем — политическая система открыта для взаимодействия с гражданским обществом [6, 213–235; 7, 36]. Похожее деление предлагает А. П. Чудинов, который считает, что уровни политических коммуникаций надо выделять в зависимости от того, кто и для кого создает тексты. Исследователь выделяет:

- аппаратные (служебная, внутренняя, бюрократическая) политические коммуникации, осуществляемые внутри государственных или общественных структур;
- политические коммуникации в публичной политической деятельности, которые являются формой осуществления профессиональной и общественной

деятельности политических лидеров и активистов, для которых адресатом выступают самые разные слои населения;

- политические коммуникации, осуществляемые журналистами и при посредстве журналистов и рассчитанные на массовую аудиторию. Журналисты в рассматриваемом случае привлекают внимание аудитории к проблеме, предлагают пути её решения, сообщают об отношении к ней политических организаций и их лидеров, помогают политикам в решении их задач;

- политическая речевая деятельность «рядовых» граждан страны, которые участвуют в митингах, собраниях и т. д. Часто они представляют определенную группу граждан [10, 30–31].

Таким образом, учитывая, что современные коммуникативные схемы усложнились, в первую очередь, из-за информатизации, то при анализе политико-коммуникативного пространства необходимо учитывать как классические схемы, описывающие процессуальные аспекты коммуникаций в политике, так и альтернативные, в том числе Й. Бордвика и Б. ванн Каама, концентрирующие внимание на преломлении традиционного доминирования отправителя сообщения над получателем.

Список литературы:

1. Bordewijk J. L., Kaam B. van. Towards a classification of new tele-information services//McQuail's Reader in Mass Communication Theory. Ed. by D. McQuail. – UK: Sage Publications, – 2002.
2. Norris P. Political communications. – [Электронный ресурс]/P. Norris. – Режим доступа: <http://www.hks.harvard.edu/fs/pnorris/Acrobat/Political%20Communications%20encyclopedia2.pdf>
3. Political Communication in Postmodern Democracy: Challenging the Primacy of Politics//Ed. by K. Brants, K. Voltmer. – UK: Palgrave Macmillan, – 2011.
4. Sinne K. Communication: Mass Political Behavior/K. Sinne//Political Communication Issues and Strategies for Research. Ed.: S. H. Chaffee. – Vol.4. – Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, – 1975.
5. Shannon K. E. The mathematical theory of communication/K. E. Shannon, Weaver W. – Urbana: The University of Illinois Press, – 1964.
6. Анохина Н. В. Политическая коммуникация/Н. В. Анохина, О. А. Малаканова//Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: сб. учеб. материалов. Под ред. Е. Ю. Мелешкиной. – М.: ИНФРА-М; Весь Мир, – 2001.
7. Грачёв М. Н. Политическая коммуникация/М. Н. Грачёв//Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Политология. – 1999. – № 1.
8. Подорова-Аникина О. Н. Коми региональное измерение социодинамики политических коммуникаций современной России/О. Н. Подорова-Аникина, В. П. Милецкий. – Ухта: УГТУ, – 2013.
9. Политология. Курс лекций/под ред. М. Н. Марченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, – 2003.
10. Современная политическая коммуникация: учеб. пособие/отв. ред. А. П. Чудинов//Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, – 2009.
11. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии: учеб. для студентов вузов/А. И. Соловьев. – М.: Аспект Пресс, – 2003.
12. Штофф В. А. Моделирование и философия. – М.; Л.: Наука, – 1966.

*Sedlyar Yulia Olexandrivna,
Candidate in Political Sciences, Associated Professor,
Kyiv Taras Shevchenko National University,
Institute of International Relations
E-mail: juliasedlyar@gmail.com*

Policy of Economic Sanctions as the Instrument of International Conflicts Settlement

Abstract: The article addresses political and socio-economic consequences of the use of economic sanctions as the tool of international conflicts resolution. It's analyzed geopolitical and geo-economic changes in the regions and states are caused by the economic sanctions. It concludes that economic sanctions had essential unexpected political risks that impacted on foreign policy of regional states and the systems of regional cooperation.

Keywords: economic sanctions, foreign policy, geopolitics, socio-economic development of states.

*Седляр Юлия Александровна,
кандидат политических наук, доцент,
Институт международных отношений
Киевского национального университета
имени Тараса Шевченко, Украина, г. Киев
E-mail: juliasedlyar@gmail.com*

Политика экономических санкций как инструмент урегулирования международных конфликтов

Аннотация: В статье рассматриваются политические и социально-экономические последствия применения экономических санкций как инструмента международного урегулирования. Анализируются геополитические и геоэкономические изменения в регионах и государствах, повлекшие режимом экономических санкций. Делается вывод о том, что экономические санкции приводят к политическим вызовам, которые влияют как на вектор внешнеполитического развития региональных стран, так и системы регионального сотрудничества.

Ключевые слова: экономические санкции, внешняя политика, геополитика, социально-экономическое развитие стран.

В современных реалиях повышения конфликтности международных отношений на первый план выдвигается проблема международного вмешательства в конфликты с целью их предотвращения, урегулирования, разрешения и нивелирования негативных последствий, поскольку конфликты представляют собой угрозу и дестабилизирующий фактор, как для отдельных соседних национальных государств, так и для целых регионов. Когда речь идет о вмешательстве в конфликт кого-либо (кроме самих его участников) с целью урегулирования, используют общее понятие «третья сторона» [1, 181]. Среди средств воздействия третьей стороны принято различать оказание помощи в нахождении мирного решения и использование переговорного подхода, в том числе путем прямого посредничества и наблюдения за ходом переговоров, с одной стороны; а также принуждение, оказание давления путем применения политики экономических санкций, блокад и иных ограничительных мер.

Однако каковой бы не была конфигурация применяемых экономических санкций, все они предусматривают достижение результата через нанесение материального ущерба целевому государству (Целевым является государство, против которого применяются экономические санкции — Авт), и, таким образом, приводят к серьезным негативным последствиям в мировой политике и вследствие этого выступают не механизмом урегулирования, а инструментом неизбежного обострения конфликтов и кризисов. В свою очередь, негативные последствия применения экономических санкций в академической литературе принято называть политическими рисками [7], которые рассмотрим более детально.

Во-первых, в силу специфики своего влияния экономические санкции негативно воздействуют на экономические процессы государства, что приводит к дезорганизации государственного управления,

деградации политических и финансовых институтов, снижению уровня культуры в целом.

Так, в специальном докладе, подготовленном специалистами ООН, отмечается, что в период до наложения санкций социально-экономические показатели Ирака были достаточно высокими. Валовой национальный продукт (ВНП) в 1989 г. был на уровне 75,5 миллиардов дол. США для населения численностью 18,3 миллиона человек. Рост валового национального продукта составил в среднем 10,4 % с 1974 г. до 1980 г. К 1988 г. ВНП на душу населения насчитывал 3 510 \$, неграмотность к концу 1990-х гг. была уменьшена на 20 % [3, 185]. После введения санкций ситуация резко изменилась, катастрофически упал уровень жизни — среднемесячная зарплата в стране составляла 5–15 \$, в то время как до введения санкций она достигала 400 \$. Ухудшение в экономике страны привело к увеличению смертности с 50 чел./100 000 в 1989 г. до 117 чел./100 000 в 1997 г. [2; 15].

Удушающее воздействие оказали экономические санкции на социально-экономическую ситуацию в бывшей Югославии и Гаити [13]. Например, в Гаити, по данным ООН, лишь за полгода действия экономических санкций из-за нищеты и голода более 300 тыс. человек вынуждены были иммигрировать в соседние страны [11, 72], безработица в отдельных отраслях производства достигала 80 % [6, 10–14].

Как видим, во всех трех случаях наблюдалась деградация экономики, которая приносила угрожающие сдвиги в демографической структуре населения, приводила к миграции трудоспособного населения. И при этом отметим низкую политическую эффективность санкций в целом.

Во-вторых, резкое ухудшение экономической ситуации способно стимулировать радикальные настроения, как внутри политических элит, так и среди разных слоев населения. Зачастую эти последствия влияют и на ход переговорных процессов и степень общественного доверия к посредническим институтам, поскольку беспристрастность третьей стороны ставится под сомнение [4].

В-третьих, применение экономических санкций часто ведет к изменению региональной системы сотрудничества, в которую вовлечено целевое государство, что происходит вследствие разрыва связей с геополитическими соседями. В каждом отдельном случае применения санкций конфигурация сил на региональном уровне будет сдвигаться прямо пропорционально потенциалу влияния целевого государства, и в зависимости от степени его интеграции в региональные

объединения. При этом государству, которое инициирует применение санкций, следует учитывать стохастичную природу международной среды, которая способна, аккумулируя вызов санкций, создать на региональном уровне структуры, действующие на разрушение глобальной международной системы.

В-четвертых, применение стратегии экономических санкций контрпродуктивно для разрешения конфликтов в так называемых «failed states», географически расположенных преимущественно на Африканском континенте. Американский специалист-африканист В. Рено называет главной причиной такого положения вещей то, что при применении санкций против африканских стран остро стоит проблема мониторинга их внутривнутриполитической ситуации, определения траектории развития в целом. Ситуация обостряется тем, что в условиях слабого государственного управления применение экономических санкций формирует экономику войны, которая смыкает грани между военно-политическими и криминальными группами, желающими воспользоваться ситуацией и заработать на теневых схемах поставок вооружений и контрабандных товаров [14]. Более того, дополнительным фактором обострения напряженности при применении санкций против данной группы государств может стать желание соседних держав решить внутривнутриполитические противоречия на территории целевого государства. Весь спектр перечисленных угроз, например, довольно прозрачно наблюдался при урегулировании кризиса в Судане [12, 67–70].

В-пятых, очевидные негативные последствия применения экономических санкций в контексте управления международными конфликтами и кризисами способны продуцировать протестные настроения в государстве или группе государств, которые инициировали формирование режима санкций. Данные политические риски могут создаваться, главным образом, через активную деятельность диаспоры либо посредством работы групп интересов, заинтересованных в сохранении торгово-экономических и политических связей с целевым государством. Отметим, что указанные риски привели к тому, что Соединенные Штаты, применив в мае 1998 г. санкции против Индии и Пакистана за их ядерные испытания, вынуждены были значительно их урезать уже в октябре 1998 г., приняв так называемую поправку Браунбека-1, впоследствии усиленную через утвержденную в июне 1999 г. поправку Браунбека-2.

В-шестых, применение экономических санкций способно ослабить международно-политическое

положение государства-инициатора принудительного воздействия, сдвинуть систему баланса сил в непредвиденном для него направлении, очертить новые разделительные геополитические линии. Следует признать, что оценка возникновения подобных региональных рисков в 1994 г. легла в основу формирования экспертами Пентагона концепции применения санкций против государств, нарушающих Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯЗ) [8].

И наконец, необходимо подчеркнуть, что существование двойных стандартов и двойной морали в применении экономических санкций представляет наибольшую угрозу для функционирования данного

инструмента реагирования на международные конфликты и кризисы. Ведь, несмотря на то, что санкции по сравнению с военной интервенцией считаются более мягким и бескровным механизмом принуждения к миру, они все же зачастую не оправдывают надежд их инициаторов, создавая негативные международно-политические последствия. В связи с этим, как нам представляется, необходимо более взвешенно подходить к применению экономических санкций, прежде всего в рамках СБ ООН, учитывать, что мир неоднороден, а его стабильность должна поддерживаться коллективными усилиями всех участников мировых политических процессов, основываться на силе права, а не праве силы.

Список литературы:

1. Лебедева М. Политическое урегулирование конфликтов: Учебное пособие/М. Лебедева. – М.: Аспект-Пресс, – 1999 – 271 с.
2. Рост детской смертности в Ираке. – [Электронный ресурс]//Демоскоп weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/006/strimir08.php#5>
3. Зияд Тамир Муаффах. Политико-правовые и социально-экономические последствия применения санкций к Ираку/Тамир Муаффах Зияд//Часопис Київського університету права. – 2008. – № 2. – с. 184–188
4. Штански Н. Основные методы и механизмы действий по урегулированию и разрешению современных этнополитических конфликтов/Н. Штански. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mgimo.ru/files/172217/shtansky_ethnopol-konflikts_methods-mech.pdf
5. Constitutive Act of the African Union, 2000 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.africa-union.org/root/constitutiveact/document_pdf
6. Gibbons E. Sanctions in Haiti: Human Rights and Democracy Under Assault/E. Gibbons. – Greenwood Publishing Group, – 1999. – 138 p.
7. Hufbauer G., Schott J. and Elliot K. Economic Sanctions/G. Hufbauer, J. Schott and K. Elliot. – Washington: Institute for International Economics, – 2007. – 234 p.
8. Krauthammer Ch. Heading off Nuclear Outlaws/Ch. Krauthammer//The Washington Post. – 1994. 1 April. – p. A25
9. Lomé Declaration of July 2000 on the framework for an OAU response to unconstitutional changes of government (AHG/Decl.5 (XXXVI)). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www2.ohchr.org/english/law/compilation_democracy/lomedec.htm
10. Magliveras K. The Sanctioning System of the African Union: Part Success, Part Failure. Paper Presented at an Expert Roundtable on «The African Union: the First Ten Years»/K. Magliveras/Institute of Securities Studies, Addis Ababa, Ethiopia. – 2011. – 11–13 October. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.academia.edu/1103678/THE_SANCTIONING_SYSTEM_OF_THE_AFRICAN_UNION_PART_SUCCESS_PART_FAILURE
11. Malone D. Decision-Making in the Un Security Council: The Case of Haiti, 1990–1997/D. Malone. – Oxford University Press, – 1998. – 322 p.
12. Portela K. EU Sanctions and Foreign Policy. When and why do they work?/K. Portela. – London: Routledge, – 2010. – 206 p.
13. Principles and Response in International Humanitarian Assistance and Protection. Materials of the 26th International Conference of the Red Cross and Red Crescent. UN Sanctions and Humanitarian Crisis. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.icrc.org/eng/resources/documents/report/26th-conference-report-100995.htm>
14. Reno W. Warlord Politics and African States/W. Reno. – Lynne Rienner: Boulder, CO, – 1998. – 257 p.
15. Situation Analysis of Children and Women in Iraq – 1997 (Unicef, April 1998). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.casi.org.uk/info/unicef9804.html>

Section 9. Psychology

*Gordienko Natalia Viktorovna,
Pyatigorsk State Linguistic University, associate Professor,
candidate of psychological Sciences, Institute of Humanities
E-mail: idilia2008@rambler.ru.*

About the features of the empirical research professional deformation in the practice of modern educational route of a teacher

Abstract: the article considers the problems of a psychological diagnosis of a teacher with different professional experience, interpreted the survey results according to the modified questionnaire for MBA. Qualitative data analysis an empirical study formulates conclusions about the dynamics and peculiarities of development of professional deformation of the teacher.

Keywords: professional deformation, the personality of a teacher, adept, adoptant and professional.

*Гордиенко Наталья Викторовна,
Пятигорский Государственный Лингвистический Университет,
доцент, кандидат психологических наук, Институт человековедения
E-mail: idilia2008@rambler.ru.*

Об особенностях эмпирического исследования профессиональной деформации в практике современного образовательного маршрута личности педагога

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы психологической диагностики личности педагога с разным профессиональным стажем, интерпретируются результаты обследования по модифицированному опроснику MBI. Качественный анализ данных эмпирического исследования формулирует выводы о динамике и особенностях развития профессиональной деформации педагога.

Ключевые слова: профессиональная деформация, личность педагога, адепт, адаптант и профессионал.

Изучая психологическое содержание и механизмы профессиональной деформации личности педагога на разных этапах профессиональной деятельности, и выявляя условия, обеспечивающие становление устойчивости к профессиональной личностной деформации, в данном эмпирическом исследовании было решено ряд задач, а именно: выявить и проанализировать типичные формы профессиональной деформации личности педагога; осуществить анализ стихийной динамики профессиональной деформации личности педагога на различных этапах профессионального становления; изучить динамику профессиональной деформации личности педагога в условиях целенаправленной психопрофилактической работы.

В отечественной психологии традиционно подчеркивается важность исходных методологических предпосылок, особенно когда речь идет об изучении

феноменов в таких сложных областях, как психология личности и профессиональной деятельности. Методический блок экспериментального исследования состоял из трех диагностических методик: адаптированного и модифицированного варианта MBI, графического теста «Конструктивный рисунок человека из геометрических фигур» и Сонди-теста.

В данном контексте остановимся на особенностях проведения модифицированного MBI. Опросник Maslach Burnout Inventory (MBI), созданный американскими исследователями К. Маслач и С. Джексоном [1, 104], является первой и одной из наиболее широко применяющихся в зарубежной психологии методик для измерения синдрома профессионального выгорания. Н. Е. Водопьянова и Е. С. Старченкова [2, 207] разработали отечественную версию опросника MBI (опросник «Профессиональное

выгорание») и провели исследование его психометрических свойств, которое подтвердило надежность и валидность российской версии.

В данном исследовании возникла необходимость изменения ряда утверждений опросника с тем, чтобы его можно было применить не только к работающим педагогам, но также к студентам педагогического ВУЗа.

На основе первичных данных в целом по выборке и для каждого из выделенных нами этапов профессионального становления педагогов были вычислены следующие взаимосвязанные обобщенные показатели: средние значения уровня деформации и количественный состав лиц с разной степенью деформации. Полученные при помощи опросника МБИ данные позволили установить также выраженность у испытуемых отдельных видов деформации личности (компонентов выгорания).

Интегральный показатель степени деформации личности (фаза выгорания, варьирующая от 0 до 8) в целом по выборке — 4,49, у адептов — 4,43, у всех педагогов — 4,57, у адаптантов — 4,60, у интерналов — 4,19, у профессионалов со стажем свыше 10 лет — 4,93. Среднее значение степени деформации (фазы выгорания) по всей нашей выборке, и таковые на всех рассматриваемых нами этапах профессионализации соответствуют среднему уровню. Сравнение студентов и педагогов по этому показателю позволяет установить, что уже на этапе обучения в педагогическом ВУЗе имеет место достаточно высокий уровень профессиональной личностной деструкции. Этот в некотором смысле парадоксальный факт нуждается в детальном обсуждении и объяснении. В целом на протяжении профессионального пути происходит нарастание степени деформации, но масштаб изменений невелик: различия в уровне выгорания студентов педагогического вуза и профессионалов с большим стажем составляют всего полфазы. Интерналы составляют исключение из общей тенденции: в период от 3 до 10 лет педагогической деятельности уровень деформации снижается (на 0,39 фазы по сравнению с предшествующим периодом адаптации на рабочем месте) и является наименьшим на протяжении профессионального пути.

Таким образом, динамика интегрального показателя степени деформации указывает на то, что выраженные негативные личностные изменения имеют место уже на этапе обучения в педагогическом ВУЗе, в период адаптации на рабочем месте они несколько усиливаются, а их пик приходится на период

развитой профессиональной деятельности. В свете этих данных самая благополучная профессиональная подгруппа — это интерналы, т. е. уже прошедшие адаптацию молодые специалисты. Следует принять во внимание тот факт, что установленные на основе интегрального показателя изменения степени деформации от этапа к этапу не очень велики и колеблются в пределах одной фазы.

Сравнение результатов испытуемых со средними значениями по российской выборке, состоящей из специалистов различных профессиональных групп [2, 306] показывает, что у студентов педвуза уровень эмоционального истощения выше, чем в целом по российской выборке (19,73 балла) на 0,41 балла, тогда как у всех работающих педагогов, наоборот, ниже на 0,75 балла. Средний балл по данной шкале у профессионалов со стажем свыше 10 лет довольно значительно превышает аналогичный показатель как по российской выборке, так и у адептов (на 2,24 и 1,83 балла соответственно), поэтому более низкий средний балл у всех работающих педагогов обусловлен пониженным уровнем эмоционального истощения у адаптантов и, в особенности, у интерналов. По двум другим шкалам как у студентов, так и у педагогов более высокий уровень деформации, нежели данные российской выборки. Средние значения по шкале «Деперсонализация» значительно сильнее отличаются от среднего значения уровня российской выборки (7,78 балла), чем по первой субшкале, превышая этот уровень соответственно на 2,90 (студенты) и 2,42 балла (педагоги). По шкале «Редукция персональных достижений» в сравнении с данными российской выборки (32,93 балла) результаты наших испытуемых указывают на более высокий уровень деформации, однако у педагогов всего на 0,35 балла, а у студентов — на 4,93 балла.

Таким образом, средние значения уровня профессиональной личностной деформации испытуемых данного эмпирического исследования (и педагогов, и студентов) по всем трем шкалам методики МБИ в основном (кроме шкалы ЭИ у адаптантов и интерналов) превышают средний балл российской выборки. И у студентов педагогического ВУЗа, и у работающих педагогов средние показатели по шкале «Деперсонализация» относятся к высокому уровню деформации. Кроме того, также к высокому уровню деформации относится и средний балл студентов педагогического ВУЗа по шкале «Редукция персональных достижений». Средний уровень личностной деформации у адептов по всем шкалам

данного опросника превышает таковой у работающих педагогов.

У адаптантов уровень оценки личных достижений увеличивается по сравнению с адептами более резко ($\Delta M = 3,58$), нежели при переходе от адаптантов к интерналам ($\Delta M = 1,52$). Это говорит не только о том, что у адептов самый высокий уровень редукции личных достижений, но и что в начале профессиональной деятельности происходят наиболее значительные положительные изменения именно по этому компоненту личностной деформации.

Количественный состав испытуемых с различным уровнем деформации личности по данным адаптированного и модифицированного опросника MBI в целом по выборке таков: из 153 респондентов у 28 человек (18,3 %) — высокий уровень, у 78 человек (51,0 %) — средний, у 47 (30,7 %) — низкий. Студентов с высоким уровнем деформации 8 (16,0 %), а с низким — 13 человек (24,0 %) из 50 выполнивших тест. Педагогов — 20 человек (19,4 %) с высоким и 34 (33,0 %) с низким уровнем из 103 выполнивших тест.

Распределение по степени деформации в целом по выборке и в группах адептов, адаптантов и профессионалов со стажем свыше 10 лет в целом подчиняется закону нормальной кривой. На протяжении профессионального пути просматривается тенденция к поляризации педагогов по степени деформации. В период адаптации на рабочем месте и, в особенности, после 10 лет работы возрастает количество педагогов с высокой степенью личностной деформации.

В целом анализ результатов, полученных при помощи адаптированного и модифицированного опросника MBI, позволил установить следующее:

1. Как по интегральному показателю, так и по всем трем шкалам методики (ЭИ, Д, РПД) исследуемая нами выборка педагогов характеризуется значительной степенью деформации, превышающей средний уровень российской выборки, состоящей из специалистов различных профессиональных групп.

2. Масштаб изменений среднего уровня личностной деформации от этапа к этапу профессионального пути незначителен. Средние значения степени деформации студентов педагогического ВУЗа близки к аналогичным показателям разных групп работающих педагогов, а часто и превышают их.

3. В основном интегральный показатель степени деформации от начала к концу профессионального пути увеличивается. Однако, динамика, как интегрального показателя степени деформации, так и средних значений отдельных компонентов деформации имеет нелинейный характер. На начальных этапах педагогической деятельности, как правило, наблюдается снижение средних значений уровня деформации по отдельным факторам. Но у интерналов уменьшаются все показатели степени профессиональной личностной деформации, включая интегральный, а у адаптантов увеличение интегрального показателя степени деформации сопровождается некоторым снижением средних значений уровня деформации по шкалам Д и РПД.

4. Распределение по степени деформации в целом подчиняется закону нормальной кривой, но педагогов с низкой степенью деформации на всех этапах профессионализации больше, нежели с высокой. На протяжении профессионального пути обнаруживается тенденция к усилению поляризации педагогов по степени деформации, особенно выраженная среди профессионалов со стажем свыше 10 лет.

5. Выраженность отдельных компонентов профессиональной личностной деформации претерпевает изменения на разных этапах профессионализации. Если на начальных этапах профессионального пути (адепты, адаптанты) при значительной распространенности среди педагогов деперсонализации все же сильнее выражена редукция персональных достижений, то в дальнейшем все больший вес приобретает деперсонализация, к которой у профессионалов все чаще присоединяется еще и эмоциональное истощение.

Список литературы:

1. Maslach C., Jackson S. E. The Maslach Burnout Inventory. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, – 1986.
2. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. – СПб.: Питер, – 2005. – 336 с.

*Kubashicheva Lyubov Nanyovna,
Professor of Adyghe State University,
Doctor of Pedagogical Sciences
E-mail: azimaka@list.ru*

Seniors' resistance to stress as one of development tools of mental health

Abstract: The problem related to formation of resistance to stress in the senior school students arouses anxiety today since fear of failure in the course of training is the stressful factor which is badly influencing health of the senior and his educational activity.

Keywords: Stress resistance, high school students, psychological health, stress factors.

*Кубашичева Любовь Нануовна,
доктор педагогических наук, профессор
Адыгейского государственного университета
E-mail: azimaka@list.ru*

Стрессоустойчивость старшеклассников как одно из средств развития психического здоровья

Аннотация: Проблема формирования стрессоустойчивости старших школьников в процессе обучения на сегодняшний день вызывает тревогу, так как боязнь неудачи в процессе обучения является стрессовым фактором, плохо влияющим на здоровье старшеклассника и его учебную деятельность.

Ключевые слова: Стрессоустойчивость, старшеклассники, психологическое здоровье, стрессовые факторы.

В настоящее время в России, как на государственном уровне, так и в обществе в целом происходит качественный сдвиг в осознании ценности жизни и здоровья. Путь к психическому здоровью — это путь к интегральной личности, не разрываемой изнутри конфликтами мотивов, сомнений, неуверенностью в себе. На этом пути важно старшеклассникам научиться познавать особенности своей психики, что позволит не только предупреждать возникновение болезней, укреплять свое физическое и психическое здоровье, но и совершенствовать самих себя и свое взаимодействие с внешним миром.

Актуальность проблемы формирования стрессоустойчивости старшеклассников и поиск путей предотвращения стрессов в учебном процессе возрастает по разным причинам, среди которых следующие: наличие сложнейших возрастных проблем у подростков (новые отношения со взрослыми и сверстниками, особенности Я-концепции, подростковый пубертат), недостаточная эффективность системы психолого-педагогической помощи и поддержки учащихся с низкой стрессоустойчивостью в условиях школьного обучения; отсутствие в учебной программе занятий по профилактике стрессовых состояний школьников и формированию стрессоустойчивости как необходимого компонента их здоровья.

Стрессовые факторы, их влияние на здоровье старшеклассников, взаимосвязь их личностных свойств и возрастных особенностей со стрессовой устойчивостью, определяют исследовательский и научный интерес к данной проблеме.

Противоречие между отсутствием системы психологических и социальных технологий формирования стрессоустойчивости у старшеклассников, и необходимостью профилактических мероприятий, основанных на методиках психологической коррекции стресса. В нашей стране проблема формирования стрессоустойчивости старших школьников в процессе обучения на сегодняшний день вызывает тревогу, так как боязнь неудачи в экзаменационной ситуации является стрессовым фактором, плохо влияющим на здоровье старшеклассника и его учебную деятельность.

Изучение проблемы стресса и адаптации личности к различным трудным (стрессовым) ситуациям социальной действительности первоначально было проведено Г. Селье (1950 – 60 гг.), на сегодняшний день активно развивается как за рубежом (Billings A. G., Carver C., Cohen F., Davidson L. M., Folkman S., Lazarus R., Locke E. A., Moos R. H., Singer J. E., Taylor M. S., Thoits P., Vitaliano P., Weber H. И др.), так и в нашей стране (Анцыферова Л. И., Бодров В. А., Грановская Р. М., Дементий Л. И., Демин А. Н., Джигарьян И. А., Дикая Л. Г.,

Крюкова Т.А., Леонова А.Б., Махнач А.В., Муздыбаев К., Нартова-Бочавер С.К., Никольская И.М., Правдина Л.Р., Хазова С.А. и др.). В настоящее время исследована взаимосвязь между дезадаптацией и акцентуациями характера, возникающими у подростков с их избирательной чувствительностью к эмоциональному отвержению со стороны взрослых, недостатку внимания со стороны педагогов к личностным особенностям подростков, которые отражены в работах А.Е. Личко, Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис. Выявлено, что эффективность формирования стрессоустойчивости старшеклассников зависит от ряда факторов: от психологической и педагогической культуры учителей и родителей, от уровня их принятия (эмпатии), наличия взаимопонимания между взрослыми и старшеклассником, а также владения знаниями, умениями и навыками, необходимыми для успешного преодоления стресса.

В старшем школьном возрасте происходят серьезные изменения личности. Наиболее яркая характеристика данного периода — личностная нестабильность, неустойчивость. Она проявляется в тревожности, противоречивости чувств, нравственной неустойчивости, колебаниях самооценки, что обуславливает низкую стрессоустойчивость. Для того чтобы противостоять стрессовым ситуациям, обучающимся в старших классах нужно научиться управлять своей психической деятельностью, развивать эмоциональную стабильность.

Стрессоустойчивость, так же как и другие личностные свойства, формируется в деятельности. Учебная деятельность, по мнению А.С. Выготского, является формой реализации способностей ученика. Не менее важная функция учебной деятельности — социальная. Именно в учебной деятельности подросток включается в систему учебных отношений, усваивает моральные ценности и социальные нормы, приобретает опыт межличностного общения. Поэтому важна такая организация учебного процесса, которая наряду со снижением конфликтности учебной деятельности позволит решить и задачу формирования стрессоустойчивости.

Факторы, влияющие на стрессоустойчивость:

- психологическая компетентность, т.е. осознание своих личностных, психофизиологических качеств; знания симптомов, характеристик и картины стрессового состояния; осознание его последствий;
- жизненный опыт, в том числе поведение в тех или иных ситуациях, способ реагирования, сложившиеся отношения;

– личностные особенности, в том числе направленность, мотивация, уровень личностной саморегуляции, готовность к активным действиям, владение психорегулятивными технологиями поведения; умение строить межличностные отношения.

Таким образом, основными факторами, влияющими на стрессоустойчивость являются физиологический, поведенческий и субъективный, социально-психологический фактор, в первую очередь изменения в общении, а также психологический фактор стресса. Существенную роль в развитии стрессоустойчивости играют возрастные психологические особенности индивида, относящиеся в первую очередь к социально-психологическому фактору.

Среди актуальных потребностей старших школьников можно выделить следующие: потребность в самопознании, в самооценке, в самоопределении, в самовоспитании; в психологической и эмоциональной независимости, в достижении определенного социального статуса и др. Подчеркнем, что речь идет не просто о детях подросткового возраста, а о старшеклассниках [4]. Можно отметить следующие противоречия в развитии личности старшеклассников.

Первое противоречие — между исключительной сконцентрированностью старшеклассников на собственной личности и насущной потребностью в общении со сверстниками.

Второе противоречие — между притязанием старшеклассников на взрослость, на самостоятельность, материальной и эмоциональной зависимостью от взрослых, отсутствием достаточного жизненного опыта.

Сосредоточенность на себе, своих проблемах выражается в том, что для формирующегося человека чрезвычайно важно внимание окружающих к его личности, их равнодушное отношение к достижениям и удачам. Понимания, одобрения, восхищения ищет подросток у друзей и родителей. Эмоциональная зависимость подростков от взрослых находит свое выражение в жажде глубокого понимания родителями, взрослыми [2].

Актуальные (но неосознаваемые самими старшеклассниками) потребности вступают в противоречие с рационально сформулированными целями развития. Старшие школьники самостоятельно не могут осознать свои потребности на рациональном уровне: осуществлять рефлексию, анализ «Я» им мешает незрелость собственной личности. Но эти потребности присутствуют в структуре личности, существенно влияя на поведение и образ жизни. Старшеклассники очень нуждаются в общении с друзьями, в любви

и понимании родителей, близких людей, во внимании окружающих людей к себе, в самопознании. Их основными особенностями можно считать следующие: сконцентрированность на собственной личности, стремление к самостоятельности, независимости, взаимоотношениям с противоположным полом [5]. У старшеклассников значимым источником травмирующего воздействия может стать самостоятельная работа или предстоящий экзамен, что требует от школьника высокой стрессоустойчивости.

Таким образом, можно выделить основные психологические особенности старшеклассников, которые можно использовать при формировании

стрессоустойчивости: потребности в самостоятельности, в самопознании, в самооценке, в самоопределении, в самовоспитании, в психологической и эмоциональной независимости — сконцентрированность на собственной личности. Стрессоустойчивость у старшеклассников может быть повышена путем увеличения собственных степеней личностной свободы (ролей) через присоединение к своему осознанному «Я» еще множества других «Я — образов». Тогда вероятность расхождения между модальностями «Я» будет сведена к минимуму, что, несомненно, способствует укреплению психического здоровья старшеклассника.

Список литературы:

1. Василюк Ф. Е. Психология переживаний. – М.: 2002. – 167 с.
2. Выготский Л. С. Проблема возраста: учеб. пособие. – М., 1984. – 247 с.
3. Грецов А. Практическая психология для подростков и родителей: учеб. пособие. – СПб.: Питер, – 2008. – 224 с.
4. Колюцкий В. Н. Возрастная психология: полный жизненный цикл развития человека/В. Н. Колюцкий, И. Ю. Кулагина. – М. – 2001. – 464 с.
5. Кон И. С. Психология старшеклассников. – М: Москва, – 2003. – 247 с.

*Turdimatova Iroda Gayratova,
Tashkent Islamic university, Senior researcher
E-mail: aish09@mail.ru*

Factors of suicidal behavior

Abstract: Risk factors for suicide vary by age, gender, psychiatric disorders, drug misuse, cultural, family and social situations that contribute to the development of suicidal behavior. The best way to minimize the risk of suicide is to know the risk factors and to recognize the warning signs of suicide.

Keywords: suicide, suicidal behavior, risk factors, influence.

*Турдиматова Ирода Гайратовна,
Ташкентский исламский университет,
старший научный сотрудник
E-mail: aish09@mail.ru*

Факторы суицидального поведения

Аннотация: Факторы риска самоубийства зависят от возраста, пола, психических расстройств, наркомании, культурных, семейных и социальных ситуациях которые способствуют развитию суицидального поведения. Лучший способ уменьшить риск суицида знать факторы риска и распознать симптомы самоубийства.

Ключевые слова: суицид, суицидальное поведение, факторы риска, влияние.

В последнее десятилетие внимание социологов, психологов, психиатров и юристов многих стран мира привлекает проблема самоубийств. От самоубийств погибают лица разного возраста, пола, профессий, образовательного и культурного уровня. Увеличение количества суицидов и покушений на самоубийство,

происходящее в большинстве стран мира, отрицательно сказывается на состоянии экономики, общественного порядка, нравственных и духовных устоях. Самоубийства являются одной из острейших проблем современного общества. Они занимают ведущее место среди причин смертности трудоспособного

населения и сохраняют тенденцию роста в ряде государств мира [4].

По статистике, ежедневно в мире добровольно уходят из жизни около 3 тыс. человек, ежегодно — примерно 1 млн. человек, что составляет 1,5 % всех смертельных случаев. Масштабы этой проблемы еще более значительны, поскольку число попыток самоубийства существенно больше, чем число завершенных самоубийств. Чаще всего число попыток самоубийства превышает число самоубийств в 10–20 раз, но в некоторых группах населения до 40 раз. Кроме того, в статистике учитываются только явные случаи суицида, тогда как нередко истинной причиной смерти от несчастного случая, например, передозировки лекарственных препаратов, падения с высоты, ДТП с единственным погибшим, часть железнодорожных происшествий и др. — на самом деле является суицид [7, 8].

Нарушение нравственных внутренних ограничений на лишение себя жизни, фактическое исчезновение общественных запретов на самоубийство, технократизация и дезинтеграция общества, а также рост алкоголизма, наркомании, усугубление психосоциальных, экономических, экологических и других факторов привели к тому, что во второй половине XX века начался резкий рост числа самоубийств во всем мире [3, 5].

В настоящее время в научной литературе чаще всего применяется термин «суицидальное поведение», под которым, понимаются все проявления суицидальной активности — мысли, намерения, высказывания, угрозы, суицидальные попытки, покушения на самоубийство, завершённые суициды [6].

На развитие суицидального поведения влияет целый ряд факторов: пол, возраст, место проживания, профессия, семейное положение, состояние здоровья и т. д. Отмечается влияние экономических и социальных факторов на уровень суицидальной активности населения.

Психологический кризис — основное проявление социально психологической дезадаптации личности в условиях переживаемого конфликта в различных жизненных ситуациях, который является центральным пунктом перехода от пресуицида в суицид. Кризис возникает при невозможности преодоления различных жизненных препятствий и проблем, формировании неадекватной оценки событий на основе предыдущего жизненного опыта и индивидуально личностных особенностей. Отмечается два наиболее типичных варианта развития психологических кризисных состояний:

1. Постепенное нарастание интенсивности психологического кризиса с повышением эмоционального и конфликтного напряжения, накоплением отрицательных эмоций и усилением вероятности суицидального поведения.

2. Внезапное кризисное состояние, вызванное неожиданным психотравмирующим событием, когда психоэмоциональная напряженность, стадия дезорганизации личности, поведенческие изменения максимально выражены в первые часы и сутки после события [3, 20].

Психологические факторы риска включают чувство безнадежности, неспособность найти выход из сложившейся ситуации, острую тревогу и мысль о том, что смерть будет избавлением от душевных мук. Ненависть к себе, чувство вины и утрата вкуса к жизни могут усугублять склонность к суициду. К поглощенности мыслями о самоубийстве, наличию плана и средств его осуществления следует относиться очень серьезно [8].

В ряде исследований удалось обнаружить признаки различных психических и наркологических расстройств у молодых лиц, пытавшихся реализовать суицидальную попытку: шизофрении, депрессии, расстройств личности, злоупотребления наркотическими и психоактивными веществами.

Имеются определённые особенности личности, способствующие формированию суицидального поведения, такие, например, как возбудимость, сенситивность, эмоциональная неустойчивость, которые у некоторых индивидов достигают уровня акцентуации. Наиболее важными представляются социально-психологические факторы, конфликты с семьей, повышенная самооценка и эгоизм, которые свойственны незрелой личности, входящие в противоречие с материальной зависимостью от родителей. Кроме этого, выделяется дополнительные (не характерные для взрослых) факторы риска развития суицидального поведения для детей и подростков: эндокринная перестройка организма, специфическая возрастная реакция на алкоголь, дисгармоничное развитие (акселерация, инфантилизм, асинхрония), неправильное воспитание [2, 404].

Самоубийства, наряду с алкогольной и другими видами зависимости, являются моделью саморазрушительного поведения и относятся к социальным девициям [1, 65–77]. Особое внимание следует уделить самоубийствам больных алкоголизмом и наркоманией, а так же суицидам, совершённым в момент алкоголизации или наркотизации. Риск суицидов очень высок у больных алкоголизмом. Это заболевание имеет

отношение к 25–30 % самоубийств, среди молодых людей его вклад может быть еще выше — до 50 %. Длительное злоупотребление алкоголем способствует усилению депрессии, чувства вины и психической боли, которые часто предшествуют суициду. В США примерно 1/4 всех самоубийц — люди, злоупотреблявшие алкоголем. Схожая взаимосвязь между разными видами отклоняющегося поведения отмечена и в других странах [3, 20; 10].

Семья является самым важным социальным окружением и обеспечивает человеку основы эмоциональной безопасности, социальную и в ряде случаев финансовую поддержку, поэтому благополучная отношения в семье становятся одним из важнейших факторов предотвращения суицидального поведения. У семейных, как правило, наблюдается самый низкий уровень суицидальности, тогда как у разведенных и овдовевших уровень суицидов повышается в 2–3 раза. В зарубежных источниках ряд авторов выделяют роль семейных утрат, недостатка близких отношений между членами семьи, неудавшегося брака, который в конечном итоге привёл к распаду семьи, в генезе суицидальной predisпозиции [3, 405].

Выделяются несколько типов неблагополучных семей с большим риском развития суицида: дезинтегрированная; дисгармоничная; консервативная; закрытая; разрушающая семья; семья, где суицид или же попытку к самоубийству совершили родители; семья с патологической зависимостью родителей и детей; семья с психопатологическими нарушениями у членов семьи.

В большинстве стран суицидальные попытки преобладают у молодых женщин, что связано с большей выраженностью интернальности агрессии у женщин, чем у мужчин, при интрапсихических и интерперсональных конфликтах. Факторами суицидального риска у женщин чаще выступают социальное неблагополучие, детские несчастия, дефекты социализации, подверженность стрессу, злоупотребление алкоголем, семейные конфликты, физическое и психологическое насилие. Суицидоопасность многократно увеличивается при комбинации этих факторов [5, 16].

Другой фактор, при котором велико число суицидов, является общество диктаторского направления с ограничением свобод личности, жесткой регламентацией его поведения. Недаром исследователи обнаруживают, что в изолированных от внешнего мира организациях с жестким внутренним контролем показатель самоубийств крайне высок. Это в первую очередь — армия, тюрьма, детские дома и колонии [7, 11].

С возрастом вероятность добровольного ухода из жизни повышается: люди в возрасте от 75 лет и выше совершают самоубийства в три раза чаще, чем молодежь 15–24 лет, хотя за последние несколько лет именно в этой молодежной группе ученые фиксируют тревожное увеличение суицидов во всем мире. Мужчины чаще женщин умирают вследствие самоубийств (в среднем на одно самоубийство женщины приходится три самоубийства мужчин), хотя суицидальное поведение чаще проявляют именно женщины [10].

Попытки объяснить увеличение числа самоубийств только социально-экономическими трудностями не всегда оправданы. Жизнь показывает, что высокий уровень суицидов отмечается в экономически благополучных странах, в то время как низкий — в странах с относительно невысоким уровнем экономического развития. Анализ статистических данных показывает, что уровень самоубийств в определенной степени зависит от интенсивности ряда социальных процессов, приводящих к дезадаптации целые категории населения [3, 8].

Экономическое объяснение причин самоубийств дал В. Херлбарт, исследовавший самоубийства в Соединенных Штатах в 1902–1925 годах. Кривая колебаний показателей бизнеса и кривая самоубийств в Соединенных Штатах в эти годы были синхронными, периоды застоя экономики сопровождались увеличением, а периоды ее процветания — уменьшением показателей самоубийств. Развал экономики, рост безработицы, длительные задержки зарплаты, рост инфляции является одним из факторов увеличения суицидальных поведений [3, 9].

Наряду с суицидогенными существует антисуицидальные факторы. Антисуицидальные факторы личности — это установки и переживания, препятствующие реализации суицидальных намерений. Антисуицидальные факторы складываются в определенную систему, куда входят: интенсивная эмоциональная привязанность к значимым близким; родительские обязанности; выраженное чувство долга, обязательность; концентрация внимания на состоянии собственного здоровья, боязнь причинения себе физического страдания или ущерба; зависимость от общественного мнения и стремления избежать осуждения со стороны окружающих; представления о позорности, греховности суицида; представление о неиспользованных жизненных возможностях; наличие творческих планов, тенденции, замыслов; наличие эстетических критериев в мышлении (нежелание выглядеть некрасивым даже после смерти) [2, 407].

Одним из факторов сдерживания числа самоубийств в истории человечества выступают религиозные запреты, типичные для авраамических религий (христианство, иудаизм, ислам). Религиозные запреты испокон веков не подлежали обсуждению или сомнению. Тот рост уровня самоубийств, который наблюдается в новое время, во многом связан с усилением религиозного безразличия [9].

Согласно теории Э. Дюркгейма, когда вся сеть социальных отношений хорошо интегрирована,

существует высокая степень социального сцепления; люди ощущают себя необходимыми составными частями общества, у них нет чувства социальной изоляции. Культурные ценности принимаются и разделяются всеми членами общества. Напротив, общество с низкой степенью сцепления и с не пользующимися всеобщим признанием культурными ценностями относится к мощному генератору самоубийств, независимо от экономических условий и состояния психического и физического здоровья его членов [10, 10].

Список литературы:

1. Амбрумова А. Г., Калашникова О. Э. Клинико-психологическое исследование самоубийства // Социальная и клиническая психиатрия. – Т. 8, – № 4. – 1998.
2. Бачило Е. В., Барыльник Ю. Б., Антонова А. А. Факторы риска развития суицидального поведения (обзор). Саратовский научно-медицинский журнал, – 2012. – Т. 8, – № 2. – с. 403–409.
3. Войцех В. Ф. Что мы знаем о суициде. Под редакцией профессора В. С. Ястребова. – М.: – 2007. – 30 с.
4. Ермолаева Е. Суицид и преступность. Автореферат дисс... – Саратов, – 2007.
5. Кажаров М. Х. К вопросу об этнокультурном факторе при суицидальных попытках у женщин. // Социальная и клиническая психиатрия. – Т. 15, – № 3. – 2005.
6. Олейчик И. В., Копейко Г. И., Баранов П. А. Особенности суицидального поведения при различных типах юношеских эндогенных депрессий. Клиника и терапия психических расстройств. – № 1, – 2013.
7. Смертность российских подростков от самоубийств. Авторский коллектив. – М.: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), – 2011. – 132 с.
8. Суицид. Энциклопедия Кольера. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru>
9. Факторы роста самоубийств. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.molagbal.ru>
10. [Электронный ресурс]: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/samoubistvo_suitsid.

*Shmyreva Olga Ivanovna,
Voronezh State University of Engineering Technology,
Ph. D., Associate Professor
E-mail: oishmyreva@rambler.ru*

Emotional development as a movement: procedural characteristics

Abstract: Emotional development proceeds in stages; emotion is the source of motion. Shown stadialstion process complexity and improve emotional forms and content, having a driving force, characterized by determinism, consistency and mutual complement substantive aspects.

Keywords: emotional development, procedural characteristics.

*Шмырева Ольга Ивановна,
Воронежский государственный университет инженерных
технологий, кандидат психологический наук, доцент
E-mail: oishmyreva@rambler.ru*

Эмоциональное развитие как движение: процессуальные характеристики

Аннотация: эмоциональное развитие протекает поэтапно, эмоция имеет источник движения. Показан стадийный процесс усложнения и совершенствования эмоциональных форм и содержания, имеющий

движущую силу, характеризующийся детерминированностью, последовательностью и взаимным дополнением содержательных аспектов.

Ключевые слова: эмоциональное развитие, процессуальные характеристики.

Эмоциональное развитие личности как аспект психического представляет собой сложный многомерный, многофакторный феномен, привлекающий внимание ученых в силу значимости последнего для жизнедеятельности человека. Для глубокого понимания сущности эмоционального развития необходимо рассмотреть процессуальные характеристики эмоций. По своему характеру эмоции процессуальны, текучи, генетически, психически, социально обуславливаются и характеризуются процессуальностью.

Процесс определяется наличием источника движения, в качестве которого для эмоционального развития может выступать эмоциогенная ситуация, охватывающая все сферы жизнедеятельности человека.

Эмоциогенная ситуация возникает при избыточной мотивации по отношению к реальным приспособительным возможностям индивида, при этом не существует эмоциогенной ситуации как таковой. Эмоция зависит от отношения между мотивацией и возможностями субъекта [6], начинается с гипертонуса, внешним проявлением которого является преобразование не использованной по назначению энергии в спазматические движения: смех, слезы, беспорядочные действия. Оценка значимости ситуации может быть неосознаваемой, инстинктивного происхождения, в этом случае по механизму безусловного рефлекса возникает эмоциональная реакция на закрепленную в генетической памяти значимую ситуацию.

Эмоции могут быть вызваны необходимостью как биологического выживания индивида, так и социального функционирования личности, зависимыми от отношения между мотивацией и возможностями субъекта. Представляется возможным сделать вывод об эмоциогенной ситуации как движущей силе эмоционального развития, процессуальной характеристике последнего.

Вопрос о причинности и активации эмоций рассмотрен К. Е. Изард [2]. Детерминированность эмоций объясняется типами взаимоотношений субъекта и окружающей среды и типами индивидуальных процессов, влияющих на нейронную активацию эмоций.

Первый тип — взаимоотношения субъекта с окружающей средой, вызывающие эмоцию: восприятие, следующее за стимуляцией, является производным от избирательной активности рецептора

или чувственного органа; восприятие окружающей среды, прежде всего в форме ориентировочного рефлекса; спонтанное восприятие или же активность, присущая воспринимающей системе.

Второй тип — индивидуальные процессы, способные вызвать эмоции: память — активная или испытанная; воображение; образное и предвосхищающее мышление; проприоцептивные импульсы от пантомимической или другой двигательной активности; эндокринная деятельность, действующая на нервный или мышечный механизмы эмоции.

Психодинамический подход к исследованию эмоций опирается на исследования эмоциональной экспрессии и ассоциированных с ней нейроэндокринных, периферических и центральных процессов нервной системы, а также на работы по изучению когнитивных, поведенческих и лингвистических параметров аффекта. Внутривнутрипсихическое значение и переживание аффекта при этом не является следствием нейронной или мышечной активности.

В экзистенциальном анализе развитие эмоций происходит в зависимости от главного чувства, сопутствующего переживанию базовой ценности индивида, пережитое и воспринятое в данном качестве связано с базовым отношением человека к жизни, согласно которому в два этапа происходит восприятие ценности [5]. Первый этап характеризуется близостью к объекту при непосредственном переживании, человек постигает качество воспринимаемого объекта, его пригодность для жизни, ценность связывается с конкретной ситуацией и определенным временным интервалом. Отсутствуют аспекты, устанавливающие дистанцию или интеграцию, воспринятое еще не размещено в биографическом плане личности. Второй этап — интеграция первичной эмоциональности в индивидуальную, ощущаемую патетически эмоциональную целостность. В рамки жизненного горизонта помещается то, что оценивается в качестве хорошего или полезного. Возникшая позиция по отношению к ценности включает как рациональные, так и эмоциональные компоненты. Эмоция, лежащая в основе позиции, носит интегративный характер и критично воспринимает другие ценности, в оппозицию с которыми вступает спонтанно воспринятая ценность. Итоговая позиция формируется из чувственного обращения к ценностям.

Спонтанно возникшие первичные эмоции вовлекают человека в имманентное отражение объекта и ситуативную способность переживать. Впечатление вызывает непосредственную ответную реакцию, в которой организм стремится восстановить нулевое положение, первоначальную форму. Проявляется это как первое внутреннее движение, за которым следует аффект или жизненное ответное действие, по А. Лэнгле. В случае, когда аффицированность приводит к глубокому впечатлению, возникает эмоция, называемая на этом уровне первичной.

На данной стадии имеет место первая грубая оценка переживаемого в соответствии со свойственной индивиду системой классификации явлений. Тем самым, первичное переживание в эмоциональности уже воспринимает ценности в слабоструктурированной форме.

Основой для первичных эмоций служит стечение субъективных и объективных переменных, при взаимодействии которых появляется эмоция у субъекта. В первичную эмоцию вливается значительный объем информации: структура личности как готовность к чувствованию и спонтанному реагированию, предыдущий опыт, содержание впечатления как сообщения. Указанные элементы объединяются во впечатление, сливаясь в единой основе переживания [5].

«Индивидуальная система эмоциональных значений развивается в онтогенезе от эмоционального тона ощущений к сенсорным эталонам, далее к эмоциональной окраске образов восприятия и эмоционально насыщенной форме обобщения — личностному смыслу. Эта сторона смыслотворчества связана со сферой эмоций и чувств» [1, 208]. Чувствования как экзистенциальный пласт психики маркируют значения, создают пристрастное отношение, способствуют их переводу в личностно значимый смысл. В современной культуре эмоции оказываются непосредственно связанными с речью, поэтому полноценная эмоциональная жизнь возможна при обязательном наличии символической системы языка [3].

Мысль о стадийности эмоционального развития и усложнении, совершенствовании эмоциональных форм мы также находим у И. П. Воропаевой: «Индивидуальная система эмоциональных значений развивается в онтогенезе от эмоционального тона ощущений к сенсорным эталонам, далее к эмоциональной окраске образов восприятия и эмоционально насыщенной форме обобщения — личностному смыслу. Эта сторона смыслотворчества связана со сферой эмоций и чувств [1, 208]».

С позиции семиотического подхода формирование механизмов эмоционального реагирования в развитии ребенка представлено в виде дифференциации и последовательного усложнения [1], наглядно демонстрирующего единство процессуальных и содержательных характеристик эмоционального развития личности.

Так, в период младенчества эмоциональное реагирование, точнее, начало жизни сопровождается криком и мышечным напряжением новорожденного, именно проявлением отрицательного эмоционального знака в ответ на начало жизнедеятельности организма. Положительное состояние удовлетворенности имеет место в покое, расслабленности, а к концу первого месяца жизни появляются определенные положительные эмоции в виде улыбки. Первые три месяца жизни доминируют реакции неудовольствия, плача, а также — удовлетворения после насыщения. Позже вырабатываются мимические проявления, имеющие не только фиксированный характер, но и предупреждающее выражение в форме готовности к испугу, капризам, настороженности, сочетаемые с телесной экспрессией. Мимические и пантомимические действия младенца носят врожденный и приобретенный сигнальный характер.

Эмоция, по мнению А. Лэнгле, как первичная вовлеченность с ее реактивной аффектацией предшествует более сложной взволнованности в виде мотивации и воли. Следовательно, мы наблюдаем стадийный процесс усложнения и совершенствования эмоциональных форм и содержания, имеющий движущую силу, характеризующийся детерминированностью, последовательностью и взаимным дополнением содержательных аспектов.

Анализ психофизиологического, психодинамического, собственно психологического, экзистенциального, социокультурного, семиотического подходов к изучению эмоционального развития позволяет проследить движение от эмоциональных реакций в онтогенезе — к эмоциональным свойствам личности и построению системы отношений. Так, эмоции присутствуют на всех этапах отражательного генеза: от эмоционального тона ощущений к аффективно-эмоциональной окраске образов восприятия и предметным чувствам [4]. Образный характер чувственного отражения фиксируется в эмоциональном «образе мира». Эмоциональный образ — идеальное образование как результат отражения эмоциональных переживаний в эмоциональных представлениях. С одной стороны, в эмоциональных образах отражается

внешняя картина окружения, репрезентирующая ценность и смысл, которые имеют для субъекта предметы и явления; с другой стороны, интероцептивные элементы эмоциональных образов отражают внутренние изменения в субъекте вследствие имеющегося значения наличной ситуации.

Последовательность усложнения механизмов эмоционального реагирования проявляется на всех возрастных этапах, имея место при наличии знаковой ситуации. В последующих возрастных периодах эмоциональные проявления характеризуются свойственными возрасту дифференциацией и схематизацией эмоциональных обобщений.

Рассматривая процессуальные характеристики эмоционального развития, мы обнаружили элементы этапности, сменяемости эмоций, когда та или иная эмоция может быть движущей силой процесса. В целом процессуальные характеристики усложняют эмоциональное развитие личности как систему,

обогащают его содержание, делая ее элементы более дифференцированными и индивидуализированными.

Таким образом, вышеизложенное позволяет констатировать, что эмоциональное развитие наделено совокупностью взаимосвязанных, взаимодействующих, взаимообусловленных процессуальных и характеристик, основанием для которых служат психофизиологические образования: физиологические механизмы эмоций, мозговая организация эмоциональных явлений, трансформация химических процессов в эмоциональных центрах мозга, механизм самоподкрепления эмоций и обратное влияние мозговых структур на эмоциональность. К процессуальным характеристикам эмоционального развития относятся: движущая сила эмоционального развития, детерминированность эмоционального развития, этапность, стадийность эмоционального развития, последовательность и взаимное дополнение эмоций, усложнение и совершенствование эмоциональных форм и содержания.

Список литературы:

1. Воропаева И. П. Эмоции и педагогический потенциал семиотики/И. П. Воропаева//Мир психологии. – М. – Воронеж, – 2002. – № 4 (32). – с. 203–209.
2. Изард К. Е. Психология эмоций/К. Е. Изард. – СПб.: Питер, – 2007. – 464 с.
3. Колотаев В. А. Проблема связи эмоциональности и языка культуры (по материалам фильма Ханеке «Пианистка»)/В. А. Колотаев//Мир психологии. – М. – Воронеж, – 2002. – № 4 (32). – с. 171–178.
4. Леонтьев А. Н. О механизме чувственного отражения//Проблемы развития психики/А. Н. Леонтьев. – 2-е изд. – М., – 1981. – с. 161–192.
5. Лэнгле А. Эмоции и экзистенция/А. Лэнгле/Пер. с нем. – Х.: Изд-во Гуманитарный центр, – 2007. – 332 с.
6. Психология подростка: учебник/Под ред. А. А. Реана. – СПб.: Прайм-Еврознак, – 2007. – 480 с.

Section 10. Regional studies and socio-economic geography

*Serga Eduard Nikolayevich,
Odessa State Environmental University, PhD Geogr.
E-mail: serga_ed@ukr.net*

*Sushchenko Andrey Ivanovich,
Odessa State Environmental University,
assistant of the Chair of atmospheric physics and climatology
E-mail: 249_Andre@mail.ru*

Climate zoning of monthly surface temperature in the north pacific during winter

Abstract: The monthly surface temperature and air temperature zoning in the Northern Atlantic has been obtained with the use of the Universal Cluster Iterative method. The proposed scheme has been verified from both physical and statistical points of view.

Keywords: monthly surface temperature, monthly air temperature, cluster, criterion, intra-cluster variance, mean.

*Серга Эдуард Николаевич,
Одесский государственный экологический университет,
докторант, кандидат географических наук
E-mail: serga_ed@ukr.net*

*Сущенко Андрей Иванович,
Одесский государственный экологический университет,
ассистент кафедры физики атмосферы и климатологии
E-mail: 249_Andre@mail.ru*

Климатическое районирование полей среднемесячных температур подстилающей поверхности и воздуха в северной части атлантического океана в зимний период

Аннотация: Предлагаются схемы районирования в северной части Атлантического океана среднемесячной температуры воздуха и температуры подстилающей поверхности, выполнено с помощью универсального итерационного метода кластеризации данных. Приведен физический и статистический анализ полученных схем кластеризации, имеющий хорошее научное обоснование.

Ключевые слова: среднемесячная температура воздуха, температура подстилающей поверхности, кластер, критерий, внутрикластерная дисперсия, среднее значение.

Температура относится к числу наименее консервативных характеристик, как воды, так и воздуха. Горизонтальные и вертикальные изменения её находятся в широком диапазоне и зависят от целого ряда факторов, в которых одно из основных мест занимает количество получаемого и отдаваемого средой тепла, перераспределения тепла осуществляемого воздушными и водными течениями, взаи-

модействиями как на границах атмосферы и океана, так и внутри их.

Исследование различных проявлений средних температур в виде среднесуточных, среднемесячных, среднегодовых значений позволяет определить климатические изменения, как в отдельных районах, так и по всему земному шару. Особое внимание изменению температуры уделяется в свете существующих

изменений климата, что особенно отмечается в докладах Межправительственной группы экспертов по изменению климата (ИПСС) [1, 1535]. Здесь же говорится о потеплении вод мирового океана, как доминирующего фактора процесса увеличения энергии, хранящейся в климатической системе [1, 1535]. Естественно, это потепление в результате турбулентного тепло и массообмена, приводит к изменению свойств приводного слоя атмосферы над океаном, в том числе и температуры воздуха. Исследование горизонтального распределения среднемесячной температуры, как подстилающей поверхности, так и воздуха в северной части Атлантического океана может оказать существенную помощь в изучении изменения региональных климатов.

Для этой цели, как правило, применяются методы статистического анализа, в том числе и многомерного статистического анализа (например, факторного, кластерного и т. д.), которые позволяют не только получить поля той или иной характеристики с помощью построения соответствующих изолиний, но и определить целые однородные районы с характерной репрезентативной точкой, что помогает существенно сжать информацию, выявить границы распределения характеристики вобщей пространственной совокупности и т. д.

Однако все указанные положительные стороны предлагаемого подхода к изучению полей температуры, так же как и других характеристик, имеют место только при наличии объективных исходных данных с минимальным пространственным шагом, и отвечающим предъявляемым к статистическим рядам требованиям однородности, независимости, представительности.

Целью нашего исследования является попытка получить максимально приближённое к объективному районирование полей температуры воздуха на высоте 2 м., температуры подстилающей поверхности в районе Северной Атлантики в зимний период, что должно, с нашей точки зрения, проявиться в соответствии выделенных относительно независимых температурных зон построенным среднемесячным картам основных характеристик, отражающих свойства подстилающей поверхности и условия взаимодействия в нижнем слое атмосферы северной части Атлантического океана [2].

Кластерный анализ позволяет рассматривать достаточно большой объем информации и резко сокращать, сжимать большие массивы различных данных, делать их компактными и наглядными. Важное значение кластерный анализ имеет применительно к совокупностям временных рядов, характеризующих физические процессы. Здесь можно выделять периоды,

когда значения соответствующих показателей были достаточно близкими, а также определять группы временных рядов, динамика которых наиболее схожа.

Существует множество литературы, где подробно описаны различные методы кластерного анализа [3–5, 264–323]. Однако идеального алгоритма не существует и потенциально не может существовать [6, 339].

Для районирования полей различных гидрометеорологических характеристик чаще всего используют два подхода: либо схемы районирования получают из непосредственного физико-статистического анализа множества карт распределения взаимозависимых характеристик (аналитический подход), либо применяют методы кластерного анализа, например, алгоритм ИСОМАД (итерационный самоорганизующийся метод анализа данных), или алгоритм максиминного расстояния [4, 600]. У этих подходов есть и свои недостатки, которые вносят существенную долю субъективизма в механизм получения схем кластеризации, в первом случае, это может зависеть от опыта и уровня знаний исследователя, а также то, что анализ занимает большое количество времени, во втором случае, требуется, например, такая априорная информация, как необходимость задания потенциально возможного количества кластеров и указания координат первичных векторов-центров и т. д.

В связи с вышесказанным, мы выбрали несколько иной подход к кластеризации гидрометеорологических данных, акцентировав внимание на выявлении неоднородности кластеров, с помощью известных параметрических и непараметрических критериев.

Материалы и методы исследований. В качестве метода кластеризации нами был использован Универсальный итерационный метод кластеризации данных (УИМКД) [7, 112–123]. Основанием для принятия решения по выбору данного метода послужили целевое назначение УИМКД, который был создан при разработке подхода к формированию исходных данных при решении физико-статистических задач, а так же результаты, полученные при кластеризации полей температуры подстилающей поверхности в северной части Тихого океана [8]. Как было показано в [9, 122], температура поверхности океана обладает большой инерционностью, что в свою очередь должно найти отражение в устойчивости распределения приводной температуры воздуха. К тому же указанные характеристики достаточно хорошо исследованы для Северной Атлантики, и это, со своей стороны, может помочь определить степень объективности кластеризации по данному методу (УИМКД).

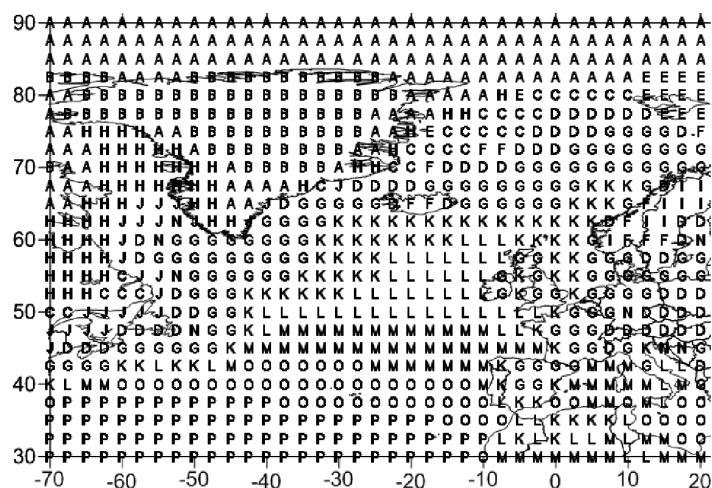

Рис. 1. Карта распределения кластеров среднемесячной температуры подстилающей поверхности в Северной Атлантике (февраль)

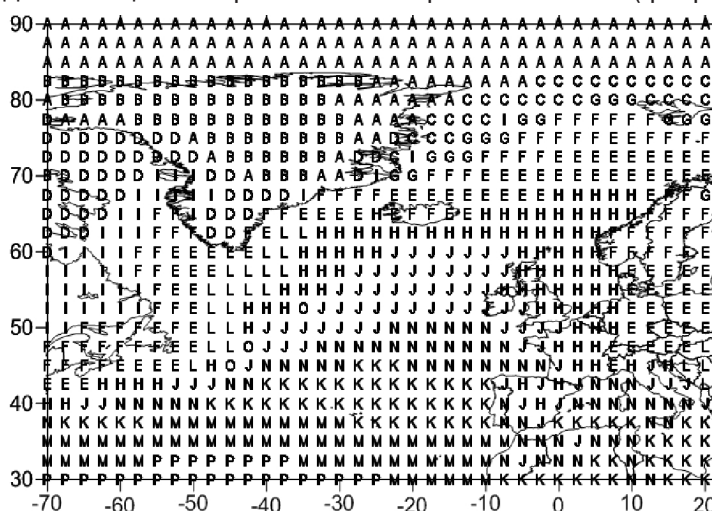

Рис. 2. Карта распределения кластеров среднемесячной температуры воздуха на высоте 2 м. в Северной Атлантике (февраль)

Особенностью УИМКД является то, что в нём акцент поставлен на выявлении неоднородности кластеров с помощью известных параметрических и непараметрических критериев Фишера, Крамера-Уэлча и Лемана-Розеблатта, применение которых в математической статистике к непрерывным случайным величинам с неизвестными законами распределения является наиболее аргументированным [6, 339].

Объектом для нашего исследования были выбраны поля среднемесячной температуры подстилающей поверхности и среднемесячной температуры воздуха на высоте 2 м. над поверхностью Северной Атлантики (данные ре-анализа ERA-40 [10]), заданные в узлах регулярной сетки точек $2,5^\circ \times 2,5^\circ$ в секторе, ограниченном по широте от 30° до 90° северной широты и по меридиану от 70° западной долготы до 20° восточной долготы, за период с 1958 по 2002 годы, зимние месяцы (декабрь, январь, февраль). Таким образом, в каждом узле сетки был сформирован 45-ти

мерные векторы вышеупомянутых характеристик для указанных месяцев. Множество этих векторов и было представлено алгоритму УИМКД для разбиения указанных полей на однородные кластеры.

Примеры результатов проведенной кластеризации — на рис. 1, 2. На них буквенными обозначениями латиницы выделены выявленные алгоритмом кластеры.

В соответствии с широтным распределением теплового баланса поля среднемесячных температур в Северной Атлантике имеют, в общем, зональный характер, нарушаемый переносом течениями теплой и холодной воды, наличием континентов, ветровыми режимами, связанными с атмосферной циркуляцией. Это находит отражение и в полученных результатах кластеризации полей температуры воздуха на высоте 2 м., температуры подстилающей поверхности, разности среднемесячных температур подстилающей поверхности и воздуха, а также интенсивности испарений.

Анализ общей структуры сформированных однородных температурных зон, показывает, что и для температуры воздуха, и для температуры подстилающей поверхности количество полученных кластеров практически совпадает (15–17). Исключение составляет лишь январь для температуры подстилающей поверхности (11 кластеров). В этом случае в районе Североатлантического течения формируется единый однородный район. Можно предположить, что именно в этом месяце происходит некоторая стабилизация температурного режима Североатлантического течения, обусловленная проявлением инерционных свойств океана и взаимодействия его с атмосферой, и соответствующая переходу от осенних процессов к зимним.

В пользу объективности проведенной кластеризации свидетельствует достаточно четкое разделение в рассматриваемый период зон распределения температур в районах расположения суши, поверхности занятой льдом и океаном (например, для суши кластеры А, В, Е, К, G (рис. 2)).

Кроме того, так же как и для территории северной части Тихого океана [8], во все рассматриваемые месяцы хорошо проявляются в поле температуры кластеры, соответствующие акваториям с циклональной и антициклональной циркуляцией вод океана.

Наибольшую акваторию Северной Атлантики (от 10° С. ш. до 45° С. ш.) охватывает океанский северный субтропический антициклональный кругооборот, северную часть которого, в нашем случае, можно проследить с помощью структурного расположения кластеров во все зимние месяцы (например, рис. 1 — М, О, Р). Указанные кластеры хорошо связаны с расположением таких течений как: Гольфстрим — Североатлантическое (южные ветви) — М, О (рис. 1), Португальское, Канарское (относительно холодные), являющиеся однородными в поле температур с центральной частью кругооборота — О (рис. 1) и Северное Пассатное — Р (рис. 1). С южной стороны кругооборот ограничен северным тропическим океаническим фронтом, а с севера — северным полярным. Конструктивное расположение кластеров в зоне указанного кругооборота соответствует этим океаническим фронтам и подчеркивает зональные и меридиональные особенности циркуляционных процессов описанной выше области Северной Атлантики.

Другой структурной зоной является область расположения субполярного циклонического кругооборота (от 45° С. ш. до 75° С. ш.). Большие контрасты в полях температуры подстилающей поверхности,

возникающие при взаимодействии холодных и теплых течений, обуславливают наличие здесь большего количества однородных температурных районов, чем в акватории занятой северным субтропическим антициклональным кругооборотом.

Этот циклонический океанский кругооборот определяется целым рядом течений, такими, как (рис. 1): Лабрадорское, кластеры J, D, Североатлантическое — L, K, Норвежское — K, G, Шпицбергенское — D, G, Восточно-Гренландское — C, D, Западно-Гренландское N, G, H.

С запада на восток в районе 45° С. ш. простирается линия раздела между океанскими циклоническим и антициклоническим кругооборотами, которая на указанной широте в западной части Северной Атлантики характеризуется зоной конвергенции, а в восточной — зоной горизонтальной дивергенции. Эти особенности распределения температуры поверхности воды можно хорошо проследить, в частности, на примере групп кластеров: на западе Северной Атлантики D, G, K (рис. 1) и на востоке D, G, K, L, M (рис. 1), где четко прослеживается соответствие направленности кластеров расхождению потоков водных масс на север и юг.

Полученные схемы кластеризации температуры воздуха на высоте 2 м. хорошо согласуются со схемами температуры поверхности, но, тем не менее, имеют свои особенности, которые представлены далее.

Известно, что циркуляционный режим атмосферы Северной Атлантики формируется под влиянием двух глобальных центров действия: северного субполярного циклонического (Исландская депрессия) и северного субтропического антициклонального (Азорский максимум), интенсивность которых в зимний период является наибольшей. Естественно предположить, что территориальное распределение среднемесячной температуры воздуха должно быть хорошо согласовано с климатическим барическим полем атмосферного давления над северной частью Атлантического океана, в том числе и с траекториями перемещения барических образований. Именно эти факты достаточно хорошо проявляются: области влияния Исландского минимума (севернее кластера N (рис. 2)) и Азорского максимума (южнее кластера J (рис. 2)) разграничиваются линией раздела, простирающейся с запада на восток в окрестностях 50° С. ш., и начинающейся зоной конвергенции (кластеры E, K, J (рис. 2)) в восточной части и далее на запад переходящей в зону горизонтальной дивергенции (кластеры N, J (рис. 2)).

Как известно [11], большие горизонтальные градиенты температуры воздуха создаются у восточных побережий материков в особенности над Гренландским морем, где они зимой в 5–6 раз больше, чем летом. Их возникновению способствует наличие теплых течений, проходящих вблизи восточных окраин берегов. Эти районы характеризуются резкими

сменами погоды и сильными ветрами. Структурное расположение кластеров приповерхностной температуры воздуха (С, G, I, F (рис. 2)), а также соответствующие им дисперсии (табл. 1), в районе Гренландского моря, хорошо отражают присутствие климатических различий между отдельными районами данного региона.

Таблица 1. – Внутрикластерные дисперсии и средние значения среднемесячной температуры подстилающей поверхности ($T_{\text{поверхности}}$) и температуры воздуха ($T_{\text{воздуха}}$) на высоте 2 м. кластеров в Северной Атлантике (февраль)

№ п/п	Обозначение кластеров	Внутрикластерные дисперсии		Средние значения	
		$T_{\text{поверхности}}$	$T_{\text{воздуха}}$	$T_{\text{поверхности}}$	$T_{\text{воздуха}}$
1	A	7,724	8,674	243,488	242,868
2	B	9,711	9,084	233,52	236,645
3	C	17,082	17,018	259,135	250,618
4	D	1,847	13,414	270,727	246,745
5	E	25,685	1,078	253,765	271,767
6	F	6,742	3,261	267,792	265,593
7	G	0,213	10,994	276,342	259,269
8	H	11,585	0,454	249,32	276,887
9	I	10,682	11,459	263,143	254,648
10	J	4,337	0,283	265,263	280,448
11	K	0,108	0,192	280,3	286,768
12	L	0,09	2,354	283,215	273,762
13	M	0,102	0,123	285,926	289,823
14	N	1,463	0,258	273,734	284,078
15	O	0,112	2,461	288,682	277,824
16	P	0,103	0,18	292,049	292,24

Данные статистического анализа проведенной кластеризации среднемесячных температуры поверхности и температуры воздуха на высоте 2 м., представлены в виде таблицы 1. Согласно полученным результатам внутрикластерные дисперсии (табл. 1) для исследуемой территории во все месяцы имеют четкое разделение на две части. Большие дисперсии — характеризующие кластеры, покрывающие материковую поверхность и поверхность покрытую льдом, и связанные, на наш взгляд, с особенностями характера этих поверхностей, а также взаимодействия с нижележащим слоем атмосферы, и незначительные дисперсии, характеризующие кластеры океанической части региона и определяемые в большей степени инерционными свойствами океана. Средние значения рассматриваемых температур имеют в основном меридиональную направленность, уменьшаясь с юга на север, и только на материковой части наблюдаются различия между береговыми частями и более удаленными от воды. Причём минимальные средние значения наблюдаются в кластере территориально

расположенном в центре Гренландии (полюс холода), а максимальные — в крайней юго-западной части, находящейся под влиянием тёплого Северо-Пассатного течения.

Выводы. Приведенные особенности структуры распределения кластеров рассмотренных характеристик в Северной Атлантике имеют хорошее физическое обоснование, подтверждённое существующими представлениями о процессах в данном регионе и рассчитанными значениями статистических характеристик (средними значениями, внутрикластерными дисперсиями). Объективность полученных результатов в совокупности с преимуществами алгоритма УИМКД (отсутствие предварительных условий, автоматическое определение оптимального количества кластеров, согласованность критериев определения независимости) свидетельствуют о целесообразности применения данного алгоритма при проведении исследований с использованием гидрометеорологических данных.

Список литературы:

1. IPCC, 2013: Climate Change 2013: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change [Stocker, T.F., D. Qin, G.-K. Plattner, M. Tignor, S.K. Allen, J. Boschung, A. Nauels, Y. Xia, V. Bex and P.M. Midgley (eds.)]. – Cambridge University Press, Cambridge, United Kingdom and New York, NY, USA, – 1535 p.
2. Атлас океанов. Атлантический и Индийский океаны/Под ред. С. Г. Горшкова. – Л: Изд.ГУНИО, – 1977.
3. Кулаицев А. П. Методы и средства комплексного анализа данных. – М: ИНФРА-М, – 2006. – 276 с.
4. Школьный Е. П., Лоева И. Д., Гончарова Л. Д. Обробка та аналіз гідрометеорологічної інформації: Підручник. – К.: Міносвіти України, – 1999. – 600 с.
5. Jain A., Murty M., Flynn P. Data clustering: A review//ACM Computing Surveys. – 1999. – Vol. 31, no. 3. – p. 264–323.
6. Мандель И. Д. Кластерный анализ. – М.: Финансы и Статистика, – 1988. – 339 с.
7. Серга Э. Н. Универсальный итерационный метод кластеризации данных//Український гідрометеорологічний журнал. – 2013. – № 13. – с. 112–123.
8. Серга Э. Н., Рубан И. Г., Рудич О. С. Климатическое районирование полей среднемесячной температуры подстилающей поверхности в северной части Тихого океана в зимний период//Вісник Одеського держ. екологічного ун-ту. – 2014. – N17.
9. Смирнов Н. П., Воробьев В. Н. Северо-Тихоокеанское колебание и динамика климата в Северной части Тихого Океана. – СПб: РГГМУ, – 2002. – 122 с.
10. Служба данных ECMWF ERA-40. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа к журналу: <http://www.ecmwf.int/products/data>.
11. Климатология/Дроздов О. А., Васильев В. А., Кобышева М. В., Раевский А. Н., Смекалова Л. К., Школьный Е. П. – Л: Гидрометеиздат, – 1989. – 567 с.

Section 11. Sociology

*Monakhova Elena Gennadjevna,
Novokuznetsk Institute (branch) of the Kemerovo State University,
assistant professor of physical culture and sport, Ph.D
E-mail: monakhova.lena2011@yandex.ru*

Social functions of dance

Abstract: The social nature of dance, value of dance in human life in various historical periods, social functions of dance is discussed in the article. Dance is considered as social and cultural phenomenon.

Keywords: dance, functions of dance, non-verbal communication, dance language, emotions, gestures of artistic culture.

*Монахова Елена Геннадьевна,
Новокузнецкий институт (филиал)
Кемеровского государственного университета,
доцент кафедры физической культуры и спорта,
кандидат педагогических наук
E-mail: monakhova.lena2011@yandex.ru*

Социальная функция танца

Аннотация: В статье рассматривается социальная природа танца, значение танца в жизни человека в различные исторические эпохи, его социальные функции. Танец рассматривается как социокультурный феномен.

Ключевые слова: танец, функции танца, невербальное общение, язык танца, эмоции, жесты художественной культуры.

Танец — это один из древнейших способов самовыражения человека, наиболее совершенный из всех существующих. Все желания и чувства могут быть транслированы посредством танца, и этот язык этот будет понятен всем. Для того, чтобы, показать свою любовь к кому или чему либо, прогнать тоску, выплеснуть свои эмоции, вовсе необязательно прибегать к словам. Движения тела доставят послание с неизмеримо большей выразительностью и силой.

Танец был первой древнейшей формой сознательного общения людей и с тех пор он является неотъемлемой составляющей человеческого существования в любой части света: танец существует во все времена, среди всех народов и рас. В танце древние люди поклонялись богам, участвовали в контролировании мира, включая социальный.

Первые упоминания о танце встречаются в сборнике религиозных гимнов Ригведе (11–12 в. до н. э.), где объяснялось значение жестов, сопровождавших чтение религиозных текстов в школе миметиков [6]. Танец возник ещё в древности в условиях первобыт-

нообщинного строя (как синкретический вид искусства) из разнообразных жестов и движений, которые были связаны с эмоциональными впечатлениями архаического человека от окружающего мира, с трудовыми процессами. Танцевальные движения сопровождали важные события в жизни древнего человека — начало и успешное завершение охоты, сбор плодов, военный поход, обряд инициации, свадьба, рождение и т. п. В древней Индии, например, было создано несколько стилей и школ танца с различными выразительными движениями и мимикой [3]. В древнем Египте танец был частью богослужения. Танец был частью культа у древних греков: в честь бога Аполлона исполнялись плавные и торжественные танцы, в честь Диониса — бесшабашные, экзотические пляски. Так же были развиты атлетические спортивные танцы, военные пляски, которые способствовали гармоничному воспитанию и развитию молодежи. В Древнем Риме танец имел государственное значение. Кроме того, возникновение танца связывают с удовлетворением потребности

человека в контакте с Природой, с Божеством, друг с другом, т. е. в общении. В этом контексте танец может рассматриваться как внесловесный диалог, как невербальная форма общения.

Танец можно определить как социокультурный феномен. В нём находят своё выражение «особо значимые психопластические интонации общества, отражаются социальные мотивы» [7, 74]. В рамках подхода к танцу как социокультурному явлению его можно рассматривать в качестве вида невербального общения, наделённого всеми функциями общения: функцией формирования и развития отношений, функцией познания людьми друг друга, функцией влияния и взаимовлияния, функцией организации межличностного взаимодействия. Выполнение посредством танца функций общения становится возможным благодаря тому, что он является целым комплексом невербальных знаков и сигналов, которые несут информацию о психологических особенностях личности и группы. Так, немецкий учёный К. Блюхер на основании большого количества этнографических исследований доказывает, что первоисточником танцевальных движений первобытного человека является ритмический строй работы. Г.В. Плеханов подчёркивает взаимосвязь первобытных плясок с технологическими процессами того времени, соглашаясь, однако, и с тем, любовные пляски не могли быть объяснены только с этой точки зрения. В противовес этим взглядам Й. Хейзинга рассматривает танец как наиболее чистую совершенную форму игры. «О танце можно сказать, что это сама Игра в полном смысле слова, и при том в одной из её самых чистых и совершенных форм... Танец — это особая и весьма совершенная форма самой игры как таковой» [10, 159–160]. И здесь же Й. Хейзинга добавляет, что игровое качество танца не во всех формах раскрывается одинаково полно. По его мнению, наиболее отчетливо игра присутствует в тех танцах, где есть изображение, представление, зрелище, т. е. в хороводах, кадрили, менуэте. С появлением парных танцев, когда кружатся, как в вальсе или польке, игровой характер отошел на второй план и почти утрачен современными формами танца. С этим нельзя не согласиться, рассматривая стилистику таких современных танцев как брейк-данс, техно, фристайл и др.

Первобытный танец можно охарактеризовать следующими чертами:

- во-первых, это основная форма совершения обряда в первобытном обществе, отсюда и особая исключительно важная роль танца в жизнедеятельности древнего человека, племени;

- во-вторых, в древнейших формах танца нет строгой дифференциации между зрителем, исполнителем и сочинителем танца.

Основной формой исполнения первобытного танца был круг, который с одной стороны имел ритуальный, магический смысл, связанный с культом солнца и луны, а с другой стороны был наиболее удобной формой исполнения обрядового танца. Различают два вида первобытного танца: ритуальный (обрядовый) танец и танец бытовой.

Выделяют три основных формы ритуального танца: тотемические, охотничьи и военные. На сегодняшний день нет единого мнения по поводу того, какой из этих видов возник раньше других. А. Д. Авдеев, например, пишет, что тотемическая пляска возникает как развитие охотничьей. Э.А. Королева же указывает, что именно в тотемических обрядах проявляется первая «специализация» танца. Поэтому различать эти виды ритуального танца следует не по времени возникновения, а по их функциям:

- функция сохранения накопленного племенем жизненного опыта и передачи его подрастающему поколению;
- функция мистического слияния древнего человека с тотемом;
- функция самопознания и познания окружающей действительности;
- знаковая функция, при которой танец становится так называемым «паспортом рода, клана или отдельной личности» [1];
- функция обучения и воспитания;
- объединяющая функция, так как тотемические танцы требовали коллективного участия всего племени, в чём утверждалось «единство и неразрывная связь с ней каждого члена» [8].

Охотничьи и военные танцы выполняли сходные функции, отличаясь лишь тем, что в военных танцах человек служит дичью для человека.

Бытовой танец изначально произошёл от ритуального, это тот же обрядовый танец, только утративший своё магическое значение. Таким образом, исходной формой бытового танца был обрядовый, ритуальный танец, неразрывно связанный с мистическими представлениями и жизнедеятельностью первобытного общества. Главное отличие ритуального танца от бытового в следующем: ритуальные танцы следовали определенной системе правил, в них использовались канонизированные ритмы, позы и движения, в то время как бытовые танцы были более импровизационными, хотя также имели некоторые четко определенные правила.

Можно выделить два вида бытовых танцев:

1) Сюжетные танцы (например, трудовые), основной функцией которых была повествовательная функция и которая использовалась для увеселения и развлечения.

2) Бессюжетные танцы — танец импровизация, спонтанный танец. Бессюжетный танец подразделяется на гимнастические и любовные танцы. Основная функция гимнастических танцев заключалась в самовыражении. Это были экспрессивные танцы. Функцией любовных танцев являлось общение между полами. Юноши и девушки стремились привлечь внимание друг к другу; в этих танцах происходило объяснение в любви и находила откровенное выражение любовная страсть.

С выделением наук, искусств, религий из недр первобытного синкретического мышления судьба танца была различной. Танец, песня, музыка всегда были неотъемлемой частью народного творчества. Ритуальные и культурно-профессиональные формы танца, исчезавшие с исторической сцены, продолжали свое бытие в стихии сельской и народной жизни. Народная память, запечатлевшая в хороводах, кадрилих и состязательных танцах, уходит корнями к первобытному танцевальному творчеству. Очень часто низовая культура была в оппозиции к официальной линии, и тогда средствами пластики, жеста, звука, ритма можно было выразить запретные мысли, чувства. Примером тому могут быть скоморошье искусство на Руси или карнавалы в Европе и Латинской Америке.

Танец составлял важную часть церемониального этикета и играл особую роль в элитарном воспитании аристократической молодежи [4]. Символика жестов имела сакральное предназначение в церковных ритуалах и широко использовалась в светском общении, порой служа средством выделения и создания символического образа знатного рода.

Особое развитие танец получает в эпоху Возрождения. Возникают новые танцевальные формы: медленные (павана, куранта) и быстрые (галярда, вольта). В эпоху Просвещения в Европе широко распространяются танцы бальные — гавот, полонез, менуэт. В 18 веке танец приобретает развитую сюжетно-драматическую эмоциональную основу, что способствует развитию танцевального искусства. Таким образом, в танце отражается дух времени, каждая эпоха имела свой стиль и репертуар. Танец также отражает особенности национального характера.

Дальнейшее развитие танца развивалось по двум направлениям: профессиональный или сценический танец и танец непрофессиональный.

Главная функция сценического танца — это общение со зрителем. Особое значение приобретают культурные формы танцевальной экспрессии. Известная американская танцовщица Айседора Дункан создала в начале XX века свой стиль сценического танца, который оказал глубокое влияние на последующее развитие танца. «Танец — это жизнь, — говорила Айседора Дункан, — мне не понятен мир, который не танцует» [5, 29]. Самым заветным желанием поклонницы искусства древней Греции было создание школы для детей, где танец стал бы средством формирования «нового Мужчины новой Женщины для Нового Мира». И такие школы были созданы в некоторых странах Европы. Айседора Дункан верила в красоту человеческого тела и добилась этого с помощью танца. Она была противником изнуряющего классического тренажа у станка, схематичного балетного мышления. А. Дункан видела назначение и смысл танца в естественном раскрытии человека через движение всей палитры его душевных переживаний. Любая эмоция, охватывающая человека при созерцании картины, любовании природой, чтении книги, прослушивании музыки, размышлении над судьбами человечества или научной проблемой может быть пережита и выражена через танцевальное движение [2]. По глубокому убеждению А. Дункан, танцовщик, создавая танец, должен руководствоваться не искусственно заученной техникой движения, а прислушиваться к внутренним ритмам, искать источник внутри себя, давая свободу выходу творческого импульса. «Прежде чем идти на сцену, я должна положить себе в душу какой-то мотор; он начнет внутри работать, и тогда сами ноги и руки, и тело, помимо моей воли, будут двигаться» [2, 83].

Функция непрофессионального танца — это «чистое» общение, общение непосредственное. В русле развития непрофессионального танца на первый план выходят его функция общения. Танец становится подчас почти единственным способом выражения, средством нерегламентированного общения. Особенно эти функции танца проявились в средние века, где танец стал одним из основных элементов карнавальной культуры. Наряду с профессиональными танцорами (фиглярами, буффонами, жонглёрами) на площади городов выходят люди всех сословий, званий и возрастов. Танцы этой эпохи описаны как задорные, экспансивные, разгульные. В современном мире к такого рода танцам относятся карнавалы в Латинской Америке, новые направления в танцевальном творчестве.

Танец был древнейшей формой общения людей. Танец — модель жизненно необходимой коммуникативной связи. Язык танца — язык человеческих чувств; танцевальные движения скорее не обозначают, а выражают реалии человеческой жизни. В древности организованная ритмом пластика тела в музыке и танце имела преимущественное значение в культовых действиях. Культовый танец трансформировался в ритуальные и культурно-профессиональные формы танца, которые продолжали свое бытие в стихии сельской и народной жизни, зачастую находясь в оппозиции к официальной культуре. Затем танец сыграл особую роль в элитарном воспитании аристократической молодежи.

Танец, как средство невербального общения, позволяет людям выражать свои чувства, эмоции, например, радость, любовь или ненависть, делиться впечатлениями, сочувствовать и сопереживать. Кроме того, танец может быть и просто развлечением, и неважно, сидите ли Вы в одиночестве, окружены друзьями или толпой незнакомых людей на дискотеке. Ведь даже в этих условиях танец выполняет свою социальную функцию, облегчая контакты и встречи. В иной ситуации танец может быть и чем-то вроде транса, помогающего хотя бы на миг забыть о своих проблемах и страхах. Таким образом, танец может рассматриваться как социокультурный феномен, как чисто человеческое приобретение.

Список литературы:

1. Авдеев А. Д. Происхождение театра. Элементы театра в первобытнообщинном строе/А. Д. Авдеев. – М.-Л.: Искусство, – 1959. – 268 с.
2. Блэйер Ф. Айседора Дункан: Портрет женщины и актрисы/Ф. Блэйер. – Смоленск: Русич, – 1997. – 560 с.
3. Гарги Б. Театр и танец Индии/Б. Гарги. – М.: Искусство, – 1963. – 163 с.
4. Герасимова И. Н. Философское понимание танца/Герасимова И. Н.//Вопросы философии. – 1998. – № 4.
5. Дункан А. Моя жизнь/А. Дункан. – М.: Изд-во Терра-Книжный клуб, – 1999. – 464 с.
6. Королева Э. А. Танец, его происхождение и методы исследования (по работам зарубежных ученых XX в.)/Э. А. Королева//Советская этнография. – 1975. – № 5. – С. 147–155.
7. Луговая Е. К. Танец как предмет эстетического анализа: Дис. ... канд. философ. наук/Е. К. Луговая. – СПб., – 1992. – 155 с.
8. Мартинес Э. Л. Внесловесный язык/Э. Л. Мартинес//Культуры: диалог народов мира. – 1986. – № 2. – С. 12–26.
9. Монахова Е. Г. Формирование эстетической культуры воспитанников интернатных учреждений средствами спортивного бального танца: Дис. ... канд. пед. наук/Е. Г. Монахова. – Новокузнецк, – 2005. – 222 с.
10. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня/Й. Хейзинга. – М.: Прогресс, – 1992. – 464 с.

Section 12. Philology

*Bondar Lyudmila Alexandrovna,
Kyiv National Taras Shevchenko University,
Ph.D. in Philology, doctoral student, the Institute of Philosophy
E-mail: bon_lud@rambler.ru*

Hybrid genre forms in the prose of Yaroslav Vereshchak

Abstract: The paper attempts to identify the prerequisites destruction of the genre in the epics of Yaroslav Vereshchak. The features of the composition of texts of the author, shows the influence of imagery on the formation of a hybrid genre. Revealed the dependence of the genre writer with his individual style.

Keywords: the genre, the composition, the image of the author, style, play, postmodern, "the text in the text."

*Бондарь Людмила Александровна,
Киевский национальный университет
им. Тараса Шевченко, кандидат филологических наук,
докторант, Институт филологии
E-mail: bon_lud@rambler.ru*

Гибридные жанровые формы в прозе Ярослава Верещака

Аннотация: В статье сделана попытка обозначить предпосылки жанровой деструкции в эпических произведениях Я. Верещака. Рассматриваются особенности композиции текстов автора, прослеживается влияние образной системы на формирование жанра-гибрида. Констатируется зависимость жанровой системы писателя от его индивидуального стиля.

Ключевые слова: жанр, композиция, образ автора, стиль, игра, постмодерн, «текст в тексте».

Ярослав Николаевич Верещак является одним из классиков современной украинской литературы. Начав свой творческий путь еще в 70-е годы прошлого века, он до сих пор является неординарным автором, произведения которого интересны и актуальны. Верещак больше известен как драматург, он входил в число ярких представителей украинской драматургии «новой волны» (80-е гг. XX ст.). На современном этапе своего творчества писатель активно работает также и в жанре прозы. В двухтысячных годах были написаны эпические произведения «Стефка продался мормонам», «Шруба», «Чорлай». Если жанр первого эпического текста автор определяет традиционно — повесть, то уже следующие два получают оригинальные жанровые обозначения — «Галабурда» («Шруба») и «Puzzle» («Чорлай»). Выбранные Я. Верещаком жанровые подзаголовки изначально указывают на процесс размывания классической системы эпических жанров, что позволяет вести речь о жанровой гибридизации прозы писателя.

Таким образом, **объектом исследования** статьи выступает категория жанра эпических произведений «Шруба» и «Чорлай» Ярослава Верещака. **Цель работы** заключается в изучении предпосылок гибридизации эпического жанра в обозначенных текстах писателя. Цель статьи предполагает решение следующих задач: подать теоретико-методологическую основу феномена жанровой деструкции; рассмотреть особенности композиции заявленных произведений; определить влияние категории автора, как одного из элементов образной системы произведений, на формирование жанра-гибрида; выявить взаимозависимость жанровой системы от индивидуального стиля писателя и его творческого опыта.

Категория жанра в литературоведческих методологиях является одной из доминантных. Система жанрологии как наука разрабатывалась давно, начиная со времен Античности и до нынешних дней. Среди теоретиков, изучавших проблему жанра, можно назвать С. Аверинцева, М. Бахтина, О. Френденберга, Ц. Тодорова, Ю. Кристеву, Г. Пospelова, Ж. Субервиля,

Ю Тынянова, Е. Штайгера, Н. Копыстьянскую и других ученых. Большинство из них указывают на двоякую природу категории жанра, которая заключается, с одной стороны, в ее системности, нормативности, оформленности, а с другой характеризуется динамичностью, открытостью, потенциальностью. О статичности и системности категории жанра пишет Ришард Нич. По его словам «Жанры рассматривают как нормативные (институционализированные) инварианты различного использования некой совокупности текстовых правил. Жанровые признаки воплощаются в тексте и распознаются во время чтения, благодаря отсылке к совокупности межтекстов с подобными свойствами, которые организованы в форме архитекта, который... являет собой систему координат для определенной жанровой классификации произведения. Жанровый архитектурный текст здесь следует понимать как некий прототип, который репрезентирует идеальный пример (не обязательно реальный), который наиболее полно соответствует жанровым нормам...» [6, 82].

Польский исследователь Рома Сендика в своей работе «О культурологической теории жанра» констатирует: «“Жанр” — это способ описания, инструмент идентификации различных видов текстов, а не норматизации и оценки литературных произведений. Он имеет исторический, культурный и контекстуальный характер. Границы между жанрами снова стали интересны, но не как места строго разделения — а как пространство динамических столкновений, объединения, размывания, пересечения различных свойств» [8, 487]. В связи с этим можем говорить о сложной природе категории жанра в целом, и эпического в частности. Владислав Пронин относительно романа, как одного с эпических жанров, пишет: «Роман принято считать незавершенным, окончательно не сформировавшимся жанром, претерпевающим разнообразные метаморфозы. Происходит это отчасти потому, что в романе не может быть окончательно сформировавшегося героя, который всегда находится в эволюции. Вместе с тем роман остается самым жизнестойким жанром и в двадцатом веке в силу его способности обретать различные модификации и синтезировать другие виды не только эпоса, но и лирики» [7]. Причиной жанровых модификаций, по словам Цветана Тодорова, могут послужить общественно-исторические факторы, так ученый-литературовед указывает, что «в каждой эпохе есть своя собственная система жанров, которая связана с господствующей идеологией. Подобно какой-либо другой институции,

жанры связаны с характерными чертами общества, к которому они принадлежат» [9, 29].

На процесс гибридизации литературных жанров также активно воздействуют общественно-культурная ситуация и некие стилистические тенденции, возникающие в ту или иную эпоху. В стилистике постмодерна активно культивируется практика размывания, деструкции жанровых парадигм. Постмодернистское искусство характеризуется стремлением выйти за рамки жанровой системы, которая ограничивает свободу творца, заставляя его следовать определенным правилам. Наталья Бедзир в своей монографии «Русская постмодернистская проза в восточно- и западнорусском литературном контексте» указывает на следующие детерминанты, которыми обуславливается процесс размывания традиционной системы жанров, а именно: диалогизм, интертекстуальность, саморефлексия, нонселекция [2, 167]. Далее литературовед констатирует, что «Знаменем постмодернистского времени стало понимание произведения и, соответственно, жанра как “открытого текста”» [2, 171]. Таким образом, речь идет не только об атрибутивности жанровых категорий, но и об эстетико-семантической составляющей, как некой дополнительной информативной единице, раскрывающей содержательно-идейное поле произведения.

Проблему жанра активно разрабатывает и украинский литературовед Нонна Копыстьянская, которая в своей работе пишет, что «понятие “жанр” не является монолитным. В нем за степенью абстрактности и конкретности содержания можно условно выделить четыре взаимосвязанные и взаимообусловленные сферы спирали.

Сфера 1. Жанр как понятие наиболее абстрактное, общетеоретическое.

Сфера 2. Жанр как историческое понятие, ограниченное во времени и “литературном пространстве”.

Сфера 3. Жанр — понятие, которое учитывает специфику конкретной национальной литературы.

Сфере 4. Дальнейшая конкретизация понятия относительно индивидуального творчества» [5, 32–33].

Четвертая составляющая данной классификации инспирирует вопрос индивидуального стиля автора, творчество которого может послужить основой для возникновения некой потенциальности в сфере жанра, обогащая тем самым жанровую систему литературы в целом. Подобные утверждения находим и в работах Сергея Аверинцева, который указывает, что «от объема понятия жанра всякий раз зависит не только объем другого фундаментального

литературоведческого понятия — понятия авторства, но и реальный объем самого понятия художественной литературы» [1, 107].

Таким образом, проблема жанрологии может быть рассмотрена как с точки зрения общего теоретико-литературного подхода, так и в контексте индивидуального творчества отдельного автора. Данное исследование вопроса жара осуществляется, как было заявлено, на примере творчества Ярослава Верещака, в частности на основе его эпических произведений.

Проблему жанровой маркировки текста можно рассматривать как с точки зрения поверхностно визуального ознакомления с произведением (пролистывание текста), так и путем более глубокого содержательного рассмотрения произведения (непосредственное чтение с элементами анализа текста). Первый метод связан с формально-визуальной организацией текста литературного произведения, поскольку система построения традиционных текстов лирики, драмы и прозы визуально отличны друг от друга, и поэтому при первом рассмотрении реципиент может идентифицировать текст с тем или иным жанром. Второй механизм идентификации более сложен и зависит от целого набора факторов, по которым можно жанрово классифицировать произведение. А именно, на жанр способны оказывать влияние тема и авторская идея, композиция, индивидуальный стиль писателя, его художественно-литературный посыл, сконструированная образная система, эмоционально-чувственный контекст произведения и т. д. Исходя из сказанного, мы можем засвидетельствовать процесс гибридизации эпического жанра в текстах Ярослава Верещака и путем поверхностно-визуального рассмотрения (так, например, композицию «Шрубы» в целом составляет проза, однако она также сопровождается поэтическими текстами (точнее интертекстами); структура произведения Верещака «Чорлай» состоит как из прозы, так и с драматургических текстов), и путем более детального контекстуального анализа.

Общей чертой обоих эпических произведений Я. Верещака является наличие в образной системе текстов героя, которого можно соотнести с образом внутритекстового автора. Он рассказывает о событиях, свидетелем которых ему пришлось стать, а также о том, что происходило с ним самим. Образ наратора в «Шрубе» и «Чорлае» релевантны образу писателя, создающего свое детище на глазах у реципиента, т. е. «здесь и сейчас». Но все же делать сравнительный анализ этих героев-рассказчиков неуместно,

поскольку каждый из них самобытен, а потому напрасно искать в них некие общие черты.

Главный герой-рассказчик в «Шрубе» Филипп — юноша, пишущий свой дневник-послание, адресуя его, прежде всего, своей сестре Еве. Девушка, однако, не является пассивным адресатом, она, прежде всего, выполняет функцию рецептивного соавтора Филиппа. Их диалог постепенно трансформируется в монолог Филиппа, который якобы должен стать основой его будущего романа. Подобная перспектива указывает на открытый характер произведения, его эквилибристическую сущность, детерминируя постмодернистскую стратегию художественного произведения. Отсюда, категория автора в произведении может быть соотнесена не с образом творца, а скриптора, который не способен на истинно творческий акт, предлагая взамен свое мастерство ремесленника. Поэтому дневник в тексте не соотносится с неким духовным откровением героя, а скорее напоминает эпиграфическую историю жизни, направленную на формирование некой эмоции произведения. Акцентирование внимания реципиента на эмоциональной функции достигается и посредством использования лирических отступлений (куплеты песни «При каноне стоял...», отрывки из поэзий Т. Г. Шевченко), которые нагнетают эмоциональный ряд произведения. Культивирование эмоциональности эпического текста, а также демонстрация механизма жанрового взаимопроникновения, позволяет Я. Верещаку отойти от жанровой нормативности, и акцентировать внимание на семиотико-информативном характере жанрового подзаголовка, который может быть идентифицирован как второе название произведения, указывающее на характер повествования. Отсюда, авторское жанровое обозначение «галабурда», что соотносится с синонимичными понятиями дебош, хулиганство, безобразие, скандал указывает на развратывание иронического дискурса, направленного на развлечение реципиента, на игру с ним.

Герой произведения «Чорлай» бедный писатель Славкин Кость Костевич или сокращенно СлавКо-Ко является настоящим писателем, создающим действительно талантливые произведения, но литературное дарование не гарантирует герою материальное благополучие. Бедность заставляет героя продать свой талант мафиозной власти. Таким образом, СлавКо-Ко рассказывает историю своего падения, в которую вплетены тексты его рассказов и памфлетов. Подобное изложение сюжета характеризуется сложной композицией, которая моделируется по принципу

«текста в тексте». Отсюда и обоснованность выбора автором жанра «Puzzle». Синонимами данного обозначения являются понятия интеллектуальная игра, головоломка. На игровую стихию в произведении также указывает использование в образной системе произведения героев-двойников, которые время от времени меняются местами, превращаясь, таким образом, в лицедеев, носящих маски друг друга.

Итак, объединяющим моментом двух эпических произведений Ярослава Верещака является прием культивирования игрового компонента, что является отличительной чертой индивидуальной стилистики писателя, которая засвидетельствована фактически во всех произведениях автора. Игра в текстах Верещака имеет разнородную природу: это «языковая игра»; это игра образами героев, которые нередко подменяются масками героев; это игра на уровне конструирования сюжетов (архитектоники); это игра с реципиентом посредством текста-головоломки; это игра в контексте идейной нагрузки произведений, часто характеризующая этажностью смыслов и умовыводов, приводящих к подрыву общепринятых аксиологических норм; это также игра с системой жанровых обозначений и т. д. Таким образом, процесс создания новых жанровых обозначений (которые выполняют функцию второго заголовка, уточняя, эмоционально оттеняя основные названия произведений), является одним из репрезентантов авторской манеры творчества Я. Верещака, цель которого состоит в детерминации интеллектуальной эмоции реципиента.

Таким образом, речь идет не просто о переплетении или взаимопроникновении классических жанровых форм, а именно о гибридизации жанра, посредством размывания не только границ традиционных жанровых понятий, но и за счет формирования альтернативного видения жанра как открытой, гибкой структуры. В творчестве Верещака жанр можно представить как некий коммуникативный акт, осуществляемый как на уровне диалога семантических полей текстов произведения, так и на уровне диалога автора и реципиента. В жанрологии Ярослава Верещака происходит процесс преодоления удвоенной нарицательности заголовка и жанра произведения (которые могут быть приравнены, выражаясь языком грамматики, к именам существительным), и формирования фразовой маркировки текста, где заголовок дополнен уточненными понятиями, соотносимыми с категорией жанра, которая относится к названию произведения как имя прилагательное или глагол к имени существительному. Кроме этого, жанр как второй заголовок произведения можно соотнести с попыткой создания автором некоей семиотического образа произведения. Так, семантика жанра «Шрубы» «галабурда» связана со стремлением автора поделоширить и тем самым развлечь читателя. Значение жанрового подзаголовка «Puzzle», который автор подбирает к своему тексту «Чорлай», указывает на детерминацию интеллектуальной сферы реципиента путем ненавязчивого развлечения. Подобные инсталляции указывают на гротескную сущность анализируемых произведений.

Список литературы:

1. Аверинцев С. С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации/С. С. Аверинцев//Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М.: Наука, – 1986 – с. 104–116.
2. Бедзир Н. П. Русская постмодерная проза в восточно- и западнославянском литературном контексте: Монография./Н. П. Бедзир. – Ужгород: «Видавництво Олександри Гаркуші», – 2007. – 472 с.
3. Верещака Я. Шруба. Галабурда/Ярослав Верещака. – Рукопис автора. – 128 с.
4. Верещака Я. Чорлай. Puzzle/Ярослав Верещака. – Рукопис автора. – 158 с.
5. Копистянська Н. Х. Жанр, жанрова система у просторі літературознавства: Монографія./Н. Х. Копистянська. – Львів: ПАІС, – 2005. – 368 с.
6. Нич Р. Світ Тексту: постструктуралізм і літературознавство/Ришард Нич/Переклала з польської Олена Галета. – Львів: Літопис, – 2007. – 316 с.
7. Пронин В. А. Теория литературных жанров/В. А. Пронин//[Электронный ресурс]. – Режим доступа к изданию: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Pronin/01.php
8. Сендика Р. Про культурологічну теорію жанру/Рома Сендика//Теорія літератури в Польщі. Антологія текстів. Друга половина ХХ – початок ХХІ ст./Упоряд. Б. Бакул; За заг. ред. В. Моренця; Пер. з польськ. С. Яковенка. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», – 2008. – с. 467–491.
9. Тодоров Ц. Поняття літератури та інші есе/Цветан Тодоров/Перекл. з франц. Є. Марічева. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», – 2006. – 162 с.

Vasilik Oksana Borisovna,
Uman State Pedagogical University,
postgraduate student, the Faculty of Philology
E-mail: ovasilik@mail.ru

Word-formation and structural peculiarities of microtoponymy of the historical Uman area

Abstract: This paper reveals the problem of derivation of historical Uman area microtoponyms. Word-formation structure of proper names of topographical objects formed by suffixation is analyzed.

Keywords: microtoponym, possessive, method of word formation, suffix.

Василик Оксана Борисовна,
Уманский государственный педагогический университет,
аспирант, факультет украинской филологии
E-mail: ovasilik@mail.ru

Структурно-словообразовательные особенности микропонимии исторической Уманщины

Аннотация: В статье рассматривается проблема деривации микропонимов исторической Уманщины. Проводится анализ словообразовательной структуры названий географических объектов, образованных суффиксальным способом.

Ключевые слова: микропоним, посессив, способ образования, суффикс.

Одним из важных условий исследования микропонимов есть структурно-словообразовательная характеристика, которая основывается на определении их способа образования. Как отмечает Т. Поляруш, такой анализ позволяет определить отношение не только между топонимами и другими словами, но и между самими именами собственными как элементами микросистемы в составе общей лексической системы языка [5, 18].

История становления словообразовательной классификации онимов берет свое начало еще в XIX в., а начиная со II пол. XX ст., дериватологические студии характеризуются особенной активностью. На сегодня существуют не только специальные труды таких ученых, как В. Горпинича, И. Муромцева, И. Железняк, Н. Подольской, Д. Бучко и др., но и ряд монографических и диссертационных исследований (А. Корепановой, Т. Поляруш, И. Шпитько, М. Габорака и др.), в которых обстоятельно рассматриваются вопросы, связанные со словообразовательной классификацией географических названий.

При анализе микропонимного материала необходимо выявление структурных форм возникновения имен собственных. В структурно-грамматическом отношении микропонимы исторической Уманщины можно разделить на три группы: **простые**

(односоставные), которые образуют наибольшую по количеству единиц группу; **сложные**, что образуются сочетанием двух компонентов; и **составные**, компоненты которых не так тесно связаны, составляя атрибутивные словосочетания.

Среди простых микропонимов исторической Уманщины значительную группу составляют названия, образованные морфологическим способом, который имеет аффиксальный и безаффиксальный разновидности, а также усечение. Аффиксальный способ творения, который заключается в соединении аффиксальных морфем с корнем или производной образующей основой в одно слово по определенным словообразовательным моделям, правилам, тенденциям, которые действуют в данном языке на разных этапах ее развития [7, 28], является наиболее распространенным и продуктивным в украинском и других славянских языках. Но не все его разновидности одинаково активно проявляются в микропонимах исторической Уманщины. Наиболее распространенным является суффиксальный способ, что заключается в соединении форманта, основным компонентом которого является суффикс, с корнем или производной словообразовательной основой [1, 116]. Как считают большинство топонимистов, именно суффиксальный способ преобладает при творении простых имен собственных.

Все суффиксальные микротопонимы исторической Уманщины за словообразовательной структурой можно разделить на две группы: названия существительного типа, которые образуются с помощью суффиксов **-ивк (а)**, **-к (а)**, **-их (а)**, **-ец**, **-ивец/-овец**, и прилагательного типа, в составе которых находятся такие суффиксы, как **-ив**, **-ов (о)**, **-ов (а)**, **-ов (е)**, **-ин**, **-ск-**, и является преобладающим большинством.

Из суффиксов, которые образуют непосредственно существительные, а не прилагательные, выделяем **-ец**, **-ивец/-овец**, которые могут образовывать не только антропонимные, а также и отапеллятивные микротопонимы. К топоформантам, что образуют микротопонимы на обозначение рельефа исторической Уманщины, относим суффикс **-ец**: *Зверець* (пруд, Умань), *Кривець* (урочище, Молодецкое Маньк.), *Krzywiec* (лес, Кривец Маньк.). Сюда же мы относим и название *Берестовець* (лес, Родниковка Ум.), в составе которого выделяем суффикс **-ец**. Ю. Карпенко, исследуя «растительные» гидронимы типа *Дубовец*, *Ясиновец*, отмечает, что отприлагательные образования на **-ец** в результате перераспределения основы стали восприниматься как отсуществительные образование на **-овец**, **-инец**, **-авец**, **-анец** [2, 190]. Суффикс **-овец**, как утверждает Н. Лисняк, присоединяется к антропонимным основам, и такие они в некотором роде указывают на принадлежность, которую способен выражать компонент **-ов-** в составе упомянутого суффикса. Исследовательница допускает, что деривация таких микротопонимов опосредствована соответствующими притяжательными прилагательными типа: Васьков, Дудин и под., хотя формант **-овец** может быть не только в антропонимных, но и в отапеллятивных образованиях [3, 128]. Вместо этого мы выводим название *Берестовець* от дримонима *Berestow*.

Также к этой группе относим суффикс **-иц (а)**, который исследователи квалифицируют как гидронимный [4, 293]. Как отмечает Я. Редька, в восточнославянской топонимии этот формант принадлежит к древним топоформантам, которые сохраняют свою продуктивность и которые обозначали особенности местности, преимущественно связанные с водой [6, 135]. Нами зафиксировано лишь одно название с этим суффиксом: *Житница* (речка, Бузовка Жашк.).

Важное значение в словообразовании имеет типично топонимный формант **-к (а)**. Сначала в языке он выражал уменьшительность, в производных словах — принадлежность; впоследствии его функции формализовались, он стал лишь средством

субстантивации, хотя не до конца потерял некоторый оттенок пренебрежительности. Н. Янко определяет этот суффикс как особенно продуктивный в словообразовании украинских географических названий, отмечая, что в части слов он присоединяется непосредственно к основе [8, 11]: *Писарка* (лес, Сушковка Ум.), *Мъщанка* (предмestье, Умань), *Садка* (урочище, Молодецкое Маньк.), *Каменка* (долина, Родниковка Ум.).

С помощью суффикса **-к (а)** в большинстве случаев оформляются названия водных объектов: *Бержинка* (речка, Шаулиха Тальн.), *Молдаванка* (речка, Умань), *Полянка* (речка, Полянецкое Ум.). Также суффикс **-к (а)** оформляет гидронимы, которые были прилагательными. Сравните варианты *Колодична* и *Колодичка* (речка, Молодецкое Маньк.), *Бондаревъ* и *Бондарка* (ручей, Подвысокое Новоарх.), *Srebrna Balka* и *Серебрянка* (речка, Русаловка Маньк.). Такие варианты, за наблюдениями Ю. Карпенко, позволяют допускать, что подавляющее большинство гидронимов с суффиксом **-к (а)** и корнем прилагательного образовывались не от прилагательных общего употребления, а от прилагательных, которые приобрели гидронимические функции [2, 189]. Поэтому для названий типа *Каменка* (река, Каменечье Новоарх.), *Серебрянка* (речка, Русаловка Маньк.), *Olszanka* (речка, Бузовка Жашк.) можем реконструировать такой путь их развития: *Каменистая речка* > *Каменистая* > *Каменка*, *Сребна Балка* > *Серебряная* > *Серебрянка*, *Olszana* > *Olszanka*.

В соединении с другими словообразовательными элементами суффикс **-к (а)** образует новые форманты:

-ивк (а)/-евк (а): *Степковка* (овраг, Роги Маньк.), *Карповка* (урочище, Городецкое Ум.), *Лукиановка* (овраг, Каменечье Новоарх.), *Вошивка* (часть села, Старые Бабаны Ум.), *Горобиевка* (часть села, Старые Бабаны Ум.), *Чуприкиевка* (часть села, Старые Бабаны Ум.), *Софиевка* (парк, Умань). В гидронимах двухэлементный суффикс **-ивк (а)**, который возник от перераспределения основ, образует названия уже без этапа с участием прилагательного: *Котломиевка* (речка, Умань) < *коломия*, *Небелевка* (речка, Оксанина Ум.) < *небель*;

-инк (а): *Журавлинка* (речка, Крачковка Маньк.);

-анк (а)/-янк (а): *Бережанка* (речка, Лесовое Тальн.), *Добрянка* (речка, Добра Маньк.), *Лубянка* (лес, Маньковка), *Тальянка* (речка, Тальянки Тальн.), *Волошанка* (урочище, Городецкое Ум.);

-очк (а)/-ечк (а): *Кремниночка* (гора, Христиновка Христ.), *Поляночка* (речка, Полянецкое Ум.);

-айк (а): *Шаматайка* (овраг, Гродзево Ум.).

Малопродуктивним оказался словообразовательный тип отантропонимных микротопонимов с суффиксом **-их (а)**. Этот формант вне топонимии преимущественно номинировал женщин, образовывал он и названия растений. В топонимии он означает принадлежность или свойства, чаще всего негативные. Среди онимов исследуемого региона нами зафиксировано одно название женского рода, которое имеет микрохоронимную основу: *Коциха* (речка, Черная Каменка, Маньк.), и одно название с ойконимной основой: *Кициха* (речка, Кищенцы Маньк.). К малопродуктивным относим также модель с суффиксом **-ух (а)**. Нами зафиксированы лишь два названия: *Кицуха* (речка, Кищенцы Маньк.), *Ropotuha* (речка, Ропотуха Ум.), которые рассматриваем как суффиксальные образования, вместо этого Н. Лисняк относит микротопонимы с формантом **-ух (а)** к первичным образованиям, отмечая, что в составе соотносительных апеллятивов этот формант выполнял, очевидно, транспозиционную функцию, то есть обеспечивал транспозицию семантики прилагательного или глагола в существительное [3, 115].

Малопродуктивными оказались и словообразовательные модели с суффиксом **-ок**. На территории исследуемого ареала зафиксировано лишь три отапельтивных названия мужского рода на обозначение гидрообъектов: *Бутокъ* (речка, Умань), некоторых видов растений: *Вязивокъ* (овраг, Маньковка), мест населенного пункта: *Турокъ* (предмесье, Умань).

Наименование объектов с деривационными формантами **-чак**, **-чик** также имеют топографическое значение и указывают на флору исследуемого региона: *Берестовчакъ* (лес, Родниковка Ум.), *Ягубчикъ* (лес, Ягубец Христ.), *Жидивчикъ* (байрак, Кищенцы Маньк.). Позитивный эмоциональный окрас названиям предоставляет суффикс **-ичк (а)**, с помощью которого образуются уменьшительно-эмоциональные микротопонимы женского рода: *Синичка* (речка, Христиновка Христ.), *Колодичка* (речка, Молодецкое Маньк.). Зафиксирован один микротопоним с суффиксом **-ичн (а)**: *Колодична* (речка, Молодецкое Маньк.).

С суффиксом **-арн-** зафиксировано лишь одно название, в котором словообразовательный формант обозначает отношение к местности: *Полигарня* (урочище, Умань). Малопродуктивной является словообразовательная модель с суффиксом ***-је**: *Запустье* (лес, Свердликово Новоарх.) < *Запустъ* (лес, Свердликово Новоарх.).

Таким образом, словообразовательный анализ имен собственных исследуемого региона обнаружил, что морфологический способ имеет высокую продуктивность в простых микротопонимах. Среди названий этой подгруппы преобладают суффиксальные образования. В микротопонимах существительного типа наиболее частотными оказались дериваты с суффиксами **-к (а)** (2,4 % от всех микротопонимов исторической Уманщины), **-ивк (а)/-евк (а)** (1,6 %), **-инк (а)**, **-анк (а)/-янк (а)** (1 %).

Список литературы:

1. Горпинич В. О. Сучасна українська літературна мова. Морфеміка. Словотвір. Морфологія: навч. посібник/В. О. Горпинич. – К.: Вища школа, – 1999. – 207 с.
2. Карпенко Ю. О. Особливості гідронімічного словотвору (на матеріалі назв річок Чернівецької області)/Ю. О. Карпенко//Українська діалектологія і ономастика: зб. статей. – К.: Наукова думка, – 1964. – с. 185–193.
3. Лисняк Н. І. Микротопонімія Західного Поділля: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01/Лисняк Наталія Іванівна. – Ужгород, – 2004.
4. Михайличенко Н. Ойконіми України на -иця: відгідронімі найменування Н. Михайличенко//Актуальні проблеми філології та перекладознавства: збірник наукових праць. – Вип. 6. – Ч. 2. – Хмельницький: ХмЦНП, – 2013. – с. 202–207.
5. Поляруш Т. І. Розвиток методу словотвірного аналізу в сучасній топоніміці/Т. І. Поляруш//Питання ономастики Південної України. – К.: Наук. думка, – 1974. – с. 15–20.
6. Редька Я. Гідроніми басейну Верхньо-Середнього Дністра з формантами -иця/-ець/Я. Редька//Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства: [зб. наук. праць]. – Вип. 6: [зб. пам'яті Кирила Галаса]. – Ужгород, – 2002. – с. 135–140.
7. Словотвір сучасної української літературної мови/за ред. М. А. Жовтобрюха. – К.: Наукова думка, – 1979. – 407 с.
8. Янко М. Т. Топонімічний словник України: Словник-довідник. – К., – 1998.

Zozikova Mariya Eliseeva, PhD in Philology
 Plovdiv University 'Paisii Hilendarski',
 Lecturer, Faculty of Philology
 E-mail: m_zozikova@mail.ru

New phenomena in Russian and Bulgarian participial systems

Abstract: The paper examines and compares Russian and Bulgarian participial systems. Some changes and trends, which are typical of the period between the end of XX c. and the beginning of XXI c., are highlighted. The subject of present passive participles in Bulgarian and future active participles in Russian is examined in detail.

Keywords: innovations, present passive participle, future active participle.

Зозикова Мария Елисеева,
 Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского,
 преподаватель, филологический факультет
 E-mail: m_zozikova@mail.ru

Новые явления в причастной системе русского и болгарского языков

Аннотация: В статье рассматриваются и сравниваются причастные системы русского и болгарского языков. Выявляются некоторые изменения и тенденции, характерные для конца XX – начала XXI в. Подробно рассматривается проблема страдательных причастий настоящего времени в болгарском и действительных причастий будущего времени в русском языке.

Ключевые слова: инновации, страдательные причастия настоящего времени, причастия будущего времени.

1. Морфология считается самым устойчивым уровнем языковой системы, который меньше всего подвержен каким-нибудь сдвигам. В последние десятилетия, однако, языковая практика все чаще дает нам примеры изменений в этой области, хотя и не таких активных, как, например, в лексике.

В конце прошлого столетия в российском и болгарском обществе начались очень сходные по своей сущности и проявлению явления. Общая тенденция к демократизации и либерализации языка содействовала его раскрепощению и отмене запретов. СМИ, Интернет, реклама благоприятствуют вхождению в общее употребление морфологических средств из живой разговорной речи, становятся благодатной почвой для их проявления и закрепления. Инновации привлекают внимание специалистов, хотя и не получили до сих пор однозначного определения.

Изменения ощущаются прежде всего в тех участках грамматической системы, которые находятся в неравновесном состоянии. Это в полной мере относится к русской и болгарской причастной системе. Начинается активная деятельность там, где содержатся единицы, характеризующиеся неустановленностью, неоднозначностью, гибридностью, а к ним, несомненно, принадлежат и причастия в русском и болгарском языках. До сих пор не затухают споры о статусе причастий в системе частей речи, хотя

в обоих языках специалисты официально отводят им место в пределах глагольного спряжения. Они отличаются своей гибридностью в силу того, что им присущи категории глагола и прилагательного, и это все время накладывает отпечаток на их образование и функционирование, обуславливая в той или иной мере изменения, происходящие в их системе.

2. Интерес ученых в области причастий обычно направлен на исследование отдельных участков participialной системы, вследствие чего отсутствует целостное описание их грамматических свойств. Особое место в этих исследованиях до сих пор занимал процесс адъективации — переход причастий в прилагательные. Мы считаем, что сегодняшнее состояние и процессы, происходящие в области причастий в обоих языках, диктуют новые направления в исследованиях. Думается, что на этом этапе особую важность приобретает вопрос об образовании и разграничении отглагольных прилагательных и причастий. Здесь речь идет не о транспозиции и переходности в грамматике, какой является адъективация причастий, а о самостоятельном, непосредственном образовании прилагательных от глагольных основ, все более отчетливо намечающемся в современном языковом развитии и конкурирующем с образованием причастий, т. е. о разграничении явлений формообразования и словообразования.

Сегодняшние процессы в области причастий в болгарском и в русском языках осуществляются под знаком **заполнения пустующих клеток, или лакун**. Все, о чем мы будем здесь говорить, является прямым следствием этого.

3. Наряду с важными преобразованиями причастных систем, выступают и более незначительные, незаметные, на первый взгляд, изменения, на которые тоже хочется обратить внимание.

В болгарском языке растет число причастий, образованных от возвратных глаголов, но употребляющихся без частицы *се*, например: *въртяща врата, самозалепващи стикери, миеща мечка; Желаете ли много. Ще гледаме да настаняваме не желаещи, а **нуждаещи*** (БТВ, 18.08.2014).

В следующем тексте видны колебания автора при употреблении возвратной формы причастия: „**Усмиващата** депресия“ завладява богатите държави. Един от водещите психолози във Великобритания твърди, че „**усмиващата се** депресия“ е налице главно при хора, които не искат да признаят своя проблем и се стараят да го скрият, като постоянно се шегуват и веселят. Лицемерната усмивка, характеризираща „**усмиващата** депресия“, е особено характерна за държавници и политици, а също за знаменитости от киното и шоу бизнеса, от спорта и телевизионни водещи (Лечител, 2012, № 20).

Это явление не наблюдается в русских причастиях. Ср. *вращающаяся дверь, самоклеющиеся стикеры и этикетки, нуждающиеся в помощи дети*.

Вероятно, причина опускания частицы *се* — не столько стремление к экономии, сколько языковая неряшливость, ведущая к искажению смысла.

Мы думаем, что это связано и с общим для обоих языков процессом, при котором возвратный глагол употребляется как невозвратный, переходный, что ведет к существенным изменениям в синтаксической конструкции: Тимофей Мозгов: *Отказ от сборной меня **не улыбнул*** (Совспорт, 12.11.2013); *Блогът, който **усмива** хората* (вм. *който кара хората да се усмиват*).

В русском языке это нежелание употреблять возвратные формы проявляется в другом участке причастной системы. Существуют две формы выражения страдательного значения: *читаемый* — *читающийся*, но в конкретном случае для его выражения предпочитают страдательные формы причастий, а не существующие действительные причастия на *-ся*, которые можно употребить в пассивных конструкциях. В примере: *Я предпочитаю покупать книги, **издающиеся***

на русском языке в современном употреблении предпочтительнее форма *издаваемые* вм. *издающиеся*.

4. Под влиянием разговорной речи и в русском языке все чаще встречаются случаи ненормативного образования и употребления форм причастий. Множатся примеры неузусального образования пассивных причастий прошедшего времени от переходных и непереходных глаголов СВ и НСВ (*полюбленный, исканный, поступленный*) [5]. Иногда предпочитается регулярное употребление архаичных форм, например *убиенный* вм. *убитый*: *Окна здесь круглые и расположены в беспорядке в самых неожиданных местах — два под потолком, одно почти у пола, три на разных уровнях, между останками антилоп, зебры и прочих невинно **убиенных** животных; Отчего у нас зимой и осенью торгуют шелковыми блузками, а летом предлагают мерить пальто на вате, шапки-ушанки и сапоги из **убиенного** невинного агнца?* (Д. Донцова).

5. В причастиях, являющихся в силу своей природы гибридными образованиями, сочетающими одновременно признаки глагола и прилагательного, происходит постоянное тяготение к той или иной части речи. На современном этапе увеличиваются приставочные образования от причастий, не мотивированные глаголами, т.е. наблюдается т. наз. **чересступенчатое образование**.

О.А. Пацюкова обращает внимание на префикс *недо-*, считавшийся до сих пор неактивным. На примерах с *недо-* она иллюстрирует явление, наблюдаемое часто в исследуемый период. От узусальной причастной формы с помощью префикса *недо-* образуется новое причастие (*недоразрушенный* ← *разрушенный*). Встает вопрос: причастие ли это? В языковой системе нет соответствующего глагола с префиксом *недо-*, чтобы от него образовать причастие. Такой процесс следует признать не формообразованием, а словообразованием. Производные являются префиксальными, а не суффиксальными образованиями [3, 43]. Ср. и такой пример: *Господи, просто поразительно, что он до сих пор жив — ненаблюдательный, **недовинченный, недокрученный***. В блокноте было какое-то выразительное определение для человека подобного склада, еще более презрительное, чем просто “лох”. Ах да: “чайник некипяченый” (Б. Акунин. Алтын-толобас). Здесь тоже нет глаголов, от которых можно было бы образовать эти формы, а также бесприставочных причастий. По всей вероятности, их следует считать дериватами от *взвинченный, закрученный* путем замены одного префикса другим. Это явление — результат усиления творческого начала в словообразовании,

желания носителя языка выразить свою мысль более точно и экспрессивно. Оно раскрывает новые, не использованные до сих пор возможности языковой системы и меняет наши представления о способах словообразования.

6. Описанные явления в той или иной степени показывают, что признаки и свойства причастных форм меняются, происходит ослабление глагольных признаков в пользу прилагательных, а в других случаях приходится говорить уже не о причастных формах, а об образовании новых слов. С этим явлением мы сталкиваемся и на уровне образования некоторых типов причастий, о чем пойдет речь дальше.

В партиципиальной системе русского и болгарского языков есть лакуны, свидетельствующие о том, что ее потенциал не использован полностью. При сравнении между ними лакуны обнаруживаются в разных участках системы.

Например, принято считать, что в болгарском языке не существуют страдательные причастия настоящего времени (СПНВ).

7. До недавнего времени вопрос о СПНВ решался однозначно: они не развились в партиципиальной системе болгарского языка и не существуют в современном употреблении, встречаются лишь формы, образованные с помощью суффикса -м (-ем, -им, -уем), возникшие под влиянием церковнославянского и русского языка, которые определяются как прилагательные, а не как принадлежащие глагольной парадигме. Эти образования относятся к книжному стилю, являются единичными случаями и по той причине не образуют обособленную категорию на современном этапе развития языка. Считая СПНВ утраченными и эту категорию несуществующей в современной болгарской партиципиальной системе, авторы болгарских грамматик, включая академическую [2], не дают подробных сведений о формах на -м.

Эта тема стала вновь актуальной в связи с возрастанием в современном языке числа образований по модели старых страдательных причастий настоящего времени и их активным употреблением в определенных коммуникативных сферах. В ходе развернувшейся по этому поводу дискуссии о судьбе страдательного причастия настоящего времени появились мнения о его возрождении в болгарском языке.

Большинство болгарских ученых не признает образования на -м причастиями по той причине, что они представляют собой пеструю картину по происхождению и образованию. Они образуются от глаголов СВ и НСВ, переходных и непереходных. Трудности

определения их статуса возникают также от факта, что словообразовательная структура СПНВ и отглагольных прилагательных на -м и в русском, и в болгарском одинакова. В пользу признания их прилагательными говорит и тот факт, что в современных образованиях темпоральный элемент в их семантике заменен модальным — в них присутствует значение возможности/невозможности, напр., *непробиваем*, *немачкаем* (такие формы в русском языке считаются единодушно отглагольными прилагательными). Основная функция для них — атрибутивная, и они употребляются в контексте именно как таковые. В связи с этим здесь наблюдается интересное явление взаимозаменяемости причастий: в случаях, где нужно употребление СПНВ, употребляется страдательное причастие прош. вр. Напр., *охраняем паркинг* (атрибутивная функция), но: *паркинг, охраняван от двама души* (в функции СПНВ).

Сейчас наблюдаются и противоположные тенденции. В следующих примерах формы на -м не содержат модальный компонент возможности/невозможности: *Езиковото прогнозиране се опира върху обективни параметри, наблюдаеми в зуза и нормата на определени сфери*; *Широко употребима в миналото, днес лексемата почти не се среща в езика* (научная статья); *Ще се стремят да живеят в хармония с бъдещето, проявяемо на Земята* (научно-популярный текст).

8. Из всех наблюдаемых изменений в причастной системе русского и болгарского языков, на наш взгляд, особого внимания заслуживает проявление категории вида и ее отношение к категории времени. Время причастия — вопрос, решаемый неоднозначно. Многие лингвисты считают, что оно может быть как абсолютным, так и относительным, в связи с чем все чаще в науке говорится о причастном таксисе.

Глагольные признаки в причастиях отличаются известной ущербностью и дефективностью. Например, русские и болгарские причастия имеют только формы настоящего и прошедшего времени. В последнее время в русском языке множатся образования на -ущ, -ющ от основы совершенного вида глагола (*сделающий, читающий, поймущий*), что дает основание некоторым лингвистам говорить о причастиях будущего времени [7]. Появление причастий будущего времени в русском языке является своеобразным заполнением лакуны.

Такие формы встречались и у классиков. В академической Грамматике-80 приводятся цитаты из Гоголя, Писемского, но они считаются единичными случаями и за ними не признается статус нормативных [6].

Теперешня активизация этих форм, преимущественно в коммуникативных пространствах Интернета, усилила интерес к ним, и они все чаще упоминаются при рассмотрении инноваций в грамматике [1; 4; 5].

Здесь мы приводим несколько примеров на слово, выбранное нами случайно: Собака, раз **почувствующая** кровь, будет всегда кидаться на других; Алекс и Светик невзлюбили друг друга с первого взгляда: Алекс, **почувствующая**, что с новенькой будет много проблем, решила сразу показать себя; Большая часть из них умерла молодыми, еще не **почувствующая** вкус жизни; Любая женщина, **почувствующая** этот флирт, предполагает, что человек доступен для нее; В 1956 г. в Венгрии “оттаяла” буржуазная революция, **почувствующая** слабость власти; На такие действия способна шпана, **почувствующая** свое преимущество (Интернет).

Что касается болгарского языка, то и в нем нашлись примеры, аналогичные тем, что приводятся в русском языке: Старайте се на всяка страница да имате акцентираща снимка, която да предизвиква погледа на **разгледация**; Само за хора, **поискащи** забавления (Интернет); Глоби между 5 000 и 15 000 лв. ще налага РИОСВ за хладилници и климатизици, които изпускат вещества, **нарушащи** озоновия слой (Монитор, 16.03.2007); Жалбоподателката управлявала автомобила без поставен безопасителен колан, като навлязла срещу знак В-1, **забранящ** влизането на пътни превозни средства (юридический текст);

Впоследствие тези отломки се поглъщат от имунните клетки, наречени макрофаги, които отделят секрет, **причинящ** подуване и допълнителни болки (научно-популярный текст); Три прекрасни продукта, събрали в себе си мъдростта на природата и постиженията на науката — крем за лице, **почувстваща** емулсия и тоник за лице (реклама на косметику). По всей вероятности, многие из них опечатки, а не сознательное употребление формы (опускание по невниманию суффикса -ва-, что было бы нормативно для образования причастия от основы НСВ.). Кроме того, если в русском языке подобные образования звучат (или уже начинают звучать) приемлемо и с их помощью выражается будущее действие, то в болгарском языке такого не происходит.

Что касается страдательных причастий будущего времени, то это только единичные случаи в русском языке, которые, может быть, появились по аналогии с образованием форм действительных причастий будущего времени и на сегодняшнем этапе развития не имеют потенциала.

Исследование показало, что причастные системы русского и болгарского языков претерпевают существенные изменения в разных своих участках. Так как грамматика развивается очень медленно, нужен длительный период, чтобы они могли развернуть свой потенциал. Будущее покажет, сумеют ли они установиться прочно, стать узуальными и быть признанными нормой.

Список литературы:

1. Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике/Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков/Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М.: Языки славянских культур, – 2008.
2. Граматика на съвременния български книжовен език в 3 тома. – Том 1. – Морфология. – София, Изд. на БАН, – 1983.
3. Пацюкова О. А. Приставка недо- в языке и речи/Русская речь. – 2012, – № 1, – 39–44.
4. Радбиль Т. Б. Инновационные процессы в лексике и грамматике русского языка Интернета/Croatia et Slavica Iadertina. – 2008, – № 4, – с. 237–244.
5. Ремчукова Е. Н. Креативность как фактор развития грамматики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php?id=1630&p=10150>, свободный (Дата обращения: 27.10.2014).
6. Русская грамматика. Т. 1./Н. Ю. Шведова (гл. ред.) – М., Наука, – 1980.
7. Эпштейн М. Причастия будущего времени. [Электронный ресурс]./М. Эпштейн. – Режим доступа: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar17.html>, свободный (Дата обращения: 27.10.2014).

*Zyuzkina Halyna Mykolaivna,
Kirovohrad Volodymyr Vynnychenko State Pedagogical University,
postgraduate student at Philology and Journalism Department
E-mail: zgma@mail.ru*

The main features and the principles of description of derivational morphonology of derivatives of foreign origin in the modern Ukrainian language

Abstract: The article deals with the process of word-forming of borrowed derivatives. The morphonological features of word-formative morphemes are described. The analysis of morphonological phenomena is given.

Keywords: derivatives of foreign origin, morphonological phenomena.

With the formation and development of derivation as a science of the patterns and regularities of creation of new lexical units we indicate the growing interest to the derivational morphonology, because in many modern languages of different language families operate derivational patterns that produce derivatives by formal modification of their derivational morphemes.

Morphonological facts and patterns were studied in the works of R. Avanesov, S. Bernshtein, Ya. Bosak, S. Bromlej, D. Wort, W. Dressler, O. Zemskaja, L. Lopatin, V. Kasevich, K. Kovalik, O. Kybrjakova, R. Ljaskovskij, Yu. Pankrats, S. Tolstaja, M. Trubetskoj, H. Ulashyn, B. Churhanova. Linguists outlined morphonological borders, defined its subject and objectives, highlighted the units of morphonology, suggested the possible procedures of emphasis and analysis of morphonological phenomena, tried to figure out their role.

The research of derivational morphonology of derivatives of foreign origin is considered to be topical, prospective and promising because without it it's impossible to understand and interpret the processes of derivational adaptation of borrowed words in the system of the modern Ukrainian language. One of these issues is morphonological regularities of morphs combinatory in a word, but morphonological combinatory in the vocabulary of foreign origin has not been investigated yet. The peculiarities of inclusion of a borrowed word into the processes of derivation and word-family formation require special scientific research as the establishment of foreign words in a recipient-language is based on the interaction of a word not only with the lexical units, but also on the derivational level (borrowed words, acting as motivators, are involved into derivational paradigms and derivational models, are related to specific means and methods of derivation).

The objective of the paper is to study the characteristics of derivational morphonology of derivatives of foreign origin in the modern Ukrainian language. The

achievement of this objective requires the solution of the following tasks:

- 1) to describe and analyze the suffixal method of word-formation of derivatives of foreign origin as the most productive for the derivational adaptation of borrowed vocabulary,
- 2) to establish the general characteristics of morphonological phenomena accompanying the above mentioned process,
- 3) to identify the basic principles of description of the derivational morphonology of derivatives of foreign origin.

The most productive method both for formations of Slavonic origin and for the derivational adaptation of borrowed vocabulary is the morphological one. The morphological method involves adding affix-morphemes to a basis of a motivator (alone or in a combination) according to certain derivational models and certain rules that exist in a language. The inventory of formal transformations occurring on the border of a radical and a suffix proves how morphonologically important is exactly this morphemic joint [2, 92].

As a derivative of foreign origin formed according to the suffixal method of word formation we understand a formation which in synchronous language system is motivated by another lexical unit of foreign origin (derived or non-derived), also it's the formation which has a radical and a suffix that are clearly distinguished and at the same time is a member of a series of words of the same type. The choice of a suffix is attributed not to the nature of a motivating radical but to the established and fixed in the Ukrainian language tradition of formation of derivatives due to the models of borrowed words that have already been adapted in the Ukrainian language with a certain derivational meaning.

New verbs of foreign origin more often appear as a result of the suffixal derivation from substantives of foreign origin and refer to a certain type of person's

activity. In the formation of verbal derivatives of foreign origin such suffixes are involved: **-ува- (-юва-); -ірува- (-ирува-); -ізува- (-изува-); -ствува-; -и-; -нича-:** тампон — тампонувати, фонд — фондувати, марш — марширувати, фарш — фарширувати, ідеал — ідеалізувати, стиль — стилізувати, філософія — філософствувати, бригадир — бригадирству вати, рикошет — рикошетити, каламбур — каламбурити; секрет — секретничати, саботаж — саботажничати.

In the formation of adjectival derivatives of foreign origin such suffixes are involved: **-н-, -ичн- (-ічн-); -альн- (-іальн-); -уальн-; -ивн-; -арн- (-ярн-); -орн-; -озн-; -ов-(-ев-); -ськ-; -ач- (-яч-); -ист-; -абельн-; -ів:** партія — партійний, метр — метричний, фрагмент — фрагментарний, тик — тиковий, тюль — тюлевий, мільйонер — мільйонерський, мушкетер — мушкетерський, жираф — жираф'ячий, баюра — баюристий, презентувати — презентабельний, диявол — дияволів.

The formation of substantival derivatives of foreign origin which denote names of masculine gender takes place according to the interaction of a radical of foreign origin with the following borrowed suffixes **-ист (-іст); -ер (-онер); -ир (-ір); -ант (-ент); -атор (-итор, -тор, -ор)** and with Ukrainian suffixes **-ник (-івник, -льник); -овик; -ец' (-овец', -івец'); -ар; -ан (-ин, -анин); -щик; -ач:** рецидив — рецидивіст, мушкет — мушкетер, бригада — бригадир, банк — банкір, дуель — дуелянт, газифікувати — газифікатор, ремонт — ремонтник, депо — деповець, метрополітен — метрополітенівець, бетон — бетоняр, Осетія — осетин, барабан — барабаник, фірма — фірмач. Relevant nouns of feminine gender are formed from the corresponding masculine nouns of foreign origin with the following suffixes: **-к- (-анк-, -ічк-); -ш-; -ниц' (-івниц', -льниц'); -ин'-; -ес- (-ис-); -их-:** терорист — терористка, прем'єр — прем'єрка, педикюр — педикюриш, авантюрист — авантюристка, гофрувальник — гофрувальниця, граф — графиня, поет — поетеса, страус — страусиха. Affectionate diminutive nouns of foreign origin are formed with the help of the following suffixes: **-ик; -чик; -к-; -очк- (-ечк-); -ец':** секрет — секретик, каламбур — каламбурчик, інтрига — інтрижка, ферма — фермочка, фасад — фасадець. Abstract names of action are formed mainly according to the following word formation types with **-н'н'-; -аціј- (-изаціј-); -аж:** шокувати — шокування, фрондувати — фрондування, калібрувати — калібрація, уніфікувати — уніфікація, дублювати — дубляж. The derivation of abstract and collective nouns of foreign origin is carried out with

the help of the following suffixes **-ств-; -ість; -изм; -і/ј/-; -ад- (-іад-); -инг (-інг):** лакей — лакейство, шеф — шефство, лаконічний — лаконічність, дублетний — дублетність, кретин — кретинізм, бюрократ — бюрократія, університет — універсіада, прес — пресинг.

In the formation of derivatives of foreign origin there are limitations in compatibility of derivational morphemes. Implementing according to a typical model, the derivational process may encounter certain obstacles and fail. One of such obstacles is the formal limitations that are caused by redundant elements in a radical of motivating words, by structural inadequacy, accumulation of consonants in some positions and by similarities of final and initial sounds of motivating morphs. However, in the Ukrainian language there are certain ways to remove such obstacles — this is the existence of the following morphonological phenomena: reduction, alternation, interference, lengthening and accent modification. The choice of them, depending on the nature of the obstacles, can form a new word and complete the derivational process, but the obligatory condition for their implementation is preserving in a derivative that part of a lexical unit which carries the main semantic information [1, 113].

As morphonological phenomena we understand such phenomena that appear on the morphemic joint as a result of mutual accommodation of morphemes. So these are such transformations of morphemes in the derivational process that do not break the identity of morphemes but mark those functions that are fixed in the language to morphs of alternating morphemes. Depending on the changes that are exposed in the phonemic structure of morphemes (or radicals) in the formation of the suffixal derivatives of foreign origin, we have distinguished the following types of morphonological phenomena: reduction, alternation, interference (blending), lengthening (interfixation), accent modification.

1) alternation: наркoз — наркoтизувати, стимул — стимулувати;

2) reduction: назальний — назалізувати, популярний — популяризувати;

3) lengthening: тату — татуювати, крокі — крокіювати;

4) interference: ралі — раліст, фортеп'яно — фортеп'яновий;

5) accent modification: чесуча — чесучевий, нерли — нерлистий.

The process of reduction of a motivating radical in the formation of derivatives of foreign origin is quite common and productive phenomenon. Morphonological

reduction is such a morphonological phenomenon according to which takes place the reduction of the final part of a motivating radical in the process of mutual accommodation of morphemes. The prevalence of this morphonological phenomenon in the formation of derivatives of foreign origin of different parts of speech is also different. The phenomenon of reduction can be primarily explained by the desire for harmonious sounding. We can classify this phenomenon according to the phonemic complexes and divide it into three groups:

1) reduction of vowel phonemes: *декольте* — *декольтувати*, *денді* — *дендизм*, *кенгуру* — *кенгуреня*, *лібрето* — *лібретист*;

2) reduction of consonant phonemes: *професія* — *професіонал*, *колонія* — *колоніальний*, *сенільний* — *сенілізм*, *гуманітарний* — *гуманітарій*, *лесбіянка* — *лесбіянство*;

3) reduction of phonemic combinations: *клонус* — *клонізм*, *алегорія* — *алегоризм*, *бравувати* — *бравура*, *європеєць* — *європейка*.

In some cases for combining morphemes in a word we state such morphonological phenomenon as inserting some morphemes or their complexes. The lengthening of morphemes facilitates the combination of phonemes on a morphemic joint, with the help of this phenomenon some untypical for a Ukrainian word combinations of phonemes and repetition of similar morphemes difficult to pronounce are eliminated. It should be noted that in modern linguistics there is no generally accepted definition of those units that appear on the border of morphemes, different linguists classify it differently. In this research paper we consider it appropriate to define this process as the lengthening of phonemes. This morphonological phenomenon cannot be qualified as the lengthening of a radical, because there are cases of the lengthening not only of radicals but also of suffixes. The term “insertion of unsemantic phonemes” also does not correspond, because not only single phonemes are inserted, but also their complexes. These phenomenon cannot be called interfixation of phonemes because the elements appear not only on the border of radicals and affixes, but also in the middle of motivating radical or in the final part of affixes. The lengthening of phonemes in the formation of suffixal derivatives of foreign origin is an ambiguous phenomenon and is determined by the complexity of defining to which morpheme (a radical or a suffix) additional unsemantic segments can be related. The criteria, in our opinion, may be either the use of inserted phonemes in a large number of derivatives with the same suffix (in this case, we refer them to the lengthening of suffixes) or the use of the

lengthened form in different derivatives with different suffixes derived from the same radical (in this case, we refer them to the lengthening of radicals).

We can classify this phenomenon according to the phonemic complexes and divide it into three groups:

1) the lengthening of vowel phonemes: in the formation of derivatives of foreign origin it hasn't been registered;

2) the lengthening of consonant phonemes: *ніке* — *нікейний*, *комільфо* — *комільфотний*, *тату* — *татуювати*, *лобі* — *лобіювати*; 3) the lengthening of phonemic combinations: *Венеція* — *венеціанський*, *меркантилізм* — *меркантилістський*, *тариф* — *тарифікувати*, *пресвітер* — *пресвітеріанство*.

In derivational processes in some cases of morpheme combinations at the end of the first and at the beginning of second morpheme we register the same phonemes. In order to avoid the repetition of identical phonemes, they collide with each other, and consequently on the border of morphemes instead of two identical phonemes only one is pronounced. The low level of prevalence of this phenomenon, to some extent, is due to the fact that some linguists propose to qualify the interference of morphemes as a kind of another, more widespread phenomenon — the reduction of morphemes. Of course, it is impossible to simplify the statement that morphonological phenomenon of interference of morphemes has much in common with the reduction of morphemes. However, in our opinion, these two phenomena must be studied separately basing on the fact that between them there are fundamental differences:

1) both final phonemes of affixes and phonemes of motivating radical can be reduced, but the interference occurs only on the border of morphs;

2) while the reduction of a motivating radical on the border of morphemes are used structurally different types of phonemes and is reduced either a part of morphemes or a particular phoneme, then while the interference on the morphemic joint two structurally identical phonemes are combined resulting in loss of one phoneme. In the Ukrainian language in the formation of derivatives of foreign origin the interference of two types take place:

1) the interference of vowel phonemes: *бордо* — *бордовий*, *індіго* — *індиговий*;

2) the interference of consonant phonemes: *екстерн* — *екстерний*, *етруск* — *етруський*.

One of the most common morphonological phenomena in the formation of derivatives of foreign origin in the modern Ukrainian language is the alternation of phonemes, which is defined as a interchange that appears on

the border of combined morphemes and serves as an additional means that promotes combining opportunities of morphemes. On the material of different languages it was found out that the alternation in the final part of a motivating radical of suffixal derivatives is naturally determined: only certain types of initial phonemes can alternate with clearly identified phonemes. It is necessary to separate clearly morphonological alternation of phonemes from phonological alternation, which do not affect the identity of phonemes. If these phonemic alternations not only accompany the derivational process but they also are the additional means of derivation (indicate the direction of motivation) we qualify them as morphonological alternations as opposed to phonological ones which do not have morphonological, grammar and word-formative loading.

The alternation in the formation of derivatives of foreign origin can be classified according to the following principles:

- 1) the alternation of phonemes at the end of a motivating radical: {з'/Δ} *супензія* — *супендувати*;
- 2) the use of suffixes in different phonological variants (allomorphism): *рефлекторний* — *рефлексивний*;
- 3) the alternation in the middle of a motivating radical: {і/е} *міліція* — *міліцейський*.

Linguists consider borrowed words without stable accent traditions to be the most active conductor of many accent innovations. The accent fluctuations in borrowed words is inevitable: it suggests that borrowed words interact with the Ukrainian vocabulary and gradually are assimilated by it. The accent in suffixal derivatives of foreign origin is an additional morphonological means of derivation. The accent in the formation of these derivatives is described as a systemic unit that does not exist in isolation but in relation to other substances, so the concept of accent is studied due to the concept of mobility/nonmobility and accent position. The derivational nonmobile accent is the accent on the same morpheme in forms of motivating and motivated words: *лабіринт* — *лабіринтовий*. The derivational mobile accent is the accent on another morpheme of a derivative than of a motivating word: *сорт* — *сортівий*.

All of these morphonological phenomena in the formation of derivatives of foreign origin are used mostly in complex and can be so regular that they become a

characteristic feature at the level of word-formation type. Owing to this fact the study of morphonological phenomena in the formation of derivatives of foreign origin enables the extraction of morphonological models and morphonological classes of derivatives. The morphonological model of derivatives of foreign origin is the representation in the scheme of motivated suffixal derivatives all morphonological phenomena that appear in the formation of these derivatives and are characterized by relative regularity. The study of morphonological models derivatives of foreign origin is offered to be performed according to the following criteria:

- 1) the word formation type of a motivated word;
- 2) the part-of-speech correspondence of a motivating word;
- 3) the characteristics and quantity of morphonological phenomena that accompany the derivative process.

The relative regularity of morphonological models of derivatives of foreign origin makes it possible to speak of a generalized, complex and systemic unit — morphonological class. The morphonological class we define as an arranged set of morphonological models recorded in the formation of derivative of foreign origin. Thus, morphonological class as an integrated unit is determined by a morphonological model, morphonological transformations, part-of-speech correspondence of a motivating word and the word formation type of a derivative.

Thus, having analyzed the common features of derivational morphonology of derivatives of foreign origin we can draw the following conclusions:

- 1) to the need of assimilation of a significant amount of borrowed words by the means of the language corresponds exactly the derivational morphonology of the Ukrainian language, which studies the phonological structure of derivational morphemes, the process of formation of derivatives of foreign origin, the internal mechanisms of the combinatory of their derivational units;
- 2) the important part of the process of formation of suffixal derivatives of foreign origin is the analysis of all morphonological phenomena accompany this process;
- 3) the availability of the developed morphonological classification provides the comprehensive approach to the study of derivational morphonology of derivatives of foreign origin.

References:

1. Земская Е. А. Современный русский язык: Словообразование. – М.: Просвещение, – 1973. – 304 с.
2. Федурко М. Ю. Морфологія відіменникового словотворення. – Київ–Дрогобич: Вимір, – 2003. – 271 с.
3. Фурса В. М. Семантико-граматичне та словотвірне освоєння невідмінюваних імен. – К.: Інститут української мови НАН України, – 2005. – 252 с.

*Kazimova Fergana Ramis,
Art. Language and Literature Institute of the Nakhchivan Section
of Azerbaijan National Academy of Science, The lead researcher,
Doctor of philosophy (Ph.D) on philology Assistant Professor
E-mail: fergana_k@yahoo.com*

Issues in the study of the XIX century Russian literature into Azerbaijan (On the basis of the researches of the academician M. J. Jafarov)

Abstract: modern Russian literary thought has regularly been studied and propagated, works of prominent representatives of the Russian literature have been translated into Azerbaijani and they were brought to the attention of the literary community. Hundreds of scientific works on the study of the Russian literature were published in the history of the Azerbaijani literature. One of these researchers was M. Jafarov. M. J. Jafarov gave valuable contributions to the propaganda of the literary-aesthetic and philosophical views of great representatives of the Russian literature.

Keywords: Academician M. J. Jafarov, literary thought, textbook, literary-aesthetic views, Russian literary-philosophical views, social-aesthetic views, literary community, world literature.

*Казымова Фергана Рамиз кызы,
Ведущий научный сотрудник Нахчыванского Отделения
НАН Азербайджана, доцент, кандидат филологических наук
E-mail: fergana_k@yahoo.com*

Вопросы исследования Русской литературы XIX века Азербайджане (По материалам исследований академика Мамед Джафар Джафарова)

Аннотация: российская прогрессивная литературная мысль всегда изучалась и пропагандировалась в Азербайджане, труды известных представителей российской литературы были переведены на наш язык и представлены вниманию литературного сообщества. В нашем литературоведении написаны сотни научных трудов, посвященных исследованию русской литературы. Одним из таких исследователей был видный ученый Мамед Джафар Джафаров. Неоспоримы заслуги Мамеда Джафара Джафарова в области пропаганды литературно-художественных и философских взглядов самых известных представителей русской литературы.

Ключевые слова: Академик Мамед Джафар Джафаров, литературная мысль, учебное пособие, литературоведческий опыт, русской литературно философский мысль, социально-эстетический мысль, литературный общность, мировой литературный процесс.

Народы Азербайджана и России, которые поддерживают добрососедские отношения в течение многих столетий, также воспользовались достижениями друг друга в процессе развития литературы и культуры. Российская прогрессивная литературная мысль всегда изучалась и пропагандировалась в Азербайджане, труды известных представителей российской литературы были переведены на наш язык и представлены вниманию литературного сообщества. В нашем литературоведении написаны сотни научных трудов, посвященных исследованию русской литературы. Одним из таких исследователей был видный ученый Мамед Джафар Джафаров.

Мамед Джафар Джафаров, будучи символом национального достоинства и обладателем энциклопедических взглядов, в каждом своем труде на передний

план выдвигал национальное своеобразие, советовал и даже требовал изучать все, что связано с родной землей, нашу национальную литературу и искусство, тысячелетнюю историю. Но это совсем не означало, что диапазон его исследований ограничивался литературой Азербайджана. Он в то же самое время считал необходимым наряду с национальными, обладать и общечеловеческими духовными ценностями: «Подоросток, незнакомый с творчеством хотя бы некоторых гениальных мастеров слова в мире, скорее всего, с трудом сможет понять и гениальность Сабира, Джагила Мамедкулизаде и Ахундова».

Этими словами известный ученый призывал к знакомству с сокровищницей мировой культуры, и одновременно он призывал верить, в то, что в этой сокровищнице наша литература занимает определенное

место. Он был не только читателем русской и европейской литературы, но и их серьезным исследователем в настоящем значении этого слова. Прежде всего, он читал эту литературу, и с большой любовью. Потом писал статьи, и все это открыло ему путь к серьезным исследованиям. Неоспоримы заслуги Мамеда Джафара Джафарова в области пропаганды литературно-художественных и философских взглядов самых известных представителей русской и западной литературы. Исследования же русской литературно-социальной, научно-теоретической мысли продолжалось в течение всей его творческой деятельности.

Еще в студенческие годы изучаемые предметы и преподаватели, ведущие занятия, сильно помогли ему расширить его мировоззрение, круг философских и литературных знаний, а также положительное влияние на него оказывали люди, помогающие ему правильно организовать свою работу. Профессор Хаджибаба Назарли помог ему полюбить литературу Западной Европы, в особенности Вольтера; ученый-критик Мамед Ариф Дадашзаде направил его временно преподавать историю российской литературы, и за это время мамед Джафар получил возможность ближе познакомиться с блестящими представителями российской литературы. Это знакомство переросло в любовь, любовь — в исследования, которые продолжались многие годы, и большая выгода от этих исследований состояла в том, что были изданы его многочисленные статьи и книги. Одно время Мамед Джафар считался главным образом преподавателем истории русской литературы. Поскольку он в 1941–43, 1945–49 годах был доцентом кафедры русской литературы в Бакинском Государственном Университете, а в 1951–53 гг. работал в должности заведующего этой кафедрой, и он не просто исполнял эти обязанности, а как ученый-преподаватель, ученый-критик всем существом был привязан к этой работе, проявил настоящее исследовательское рвение.

Профессор Яшар Караев писал: «В тридцатые годы, когда учитель Мамед Джафар преподавал русскую литературу, можно сказать, не было никаких общепринятых литературно-педагогических пособий на родном языке. Эта великая практическая потребность того периода, этот «общественный заказ» и определил его научно-литературную деятельность на данном этапе. Пять книг и десятки статей сыграли важную роль в изучении русской литературы в Азербайджане на современном уровне, в формировании и развитии азербайджанско-русских литературных связей как отдельного научно-философского

направления, включая и создание курса русской литературы в высших учебных заведениях [1, 200].

Правда, и до тридцатых годов прошлого столетия существовали литературно-культурные связи с Россией, творчество видных представителей российской литературы было доступно вниманию читателей Азербайджана, о них писались и издавались научные, публицистические статьи. Основа этих связей была положена еще столетие назад — в XIX веке. Но выросшая на этой основе традиция, перенятая от предшественников, считается в азербайджанском литературоведении течением «литературных связей», «имеющих определенную историю и богатые традиции, это впервые выросло именно на фундаменте научно-филологической структуры и концептуальной теоретической мысли, используемых в трудах научно-литературного поколения, в которое входили А. Назим, М. Ариф, М. Рафили, М. Джафар» [1, 200].

Учитель Мамед Джафар до конца жизни следил за русской литературно-философской и социально-эстетической мыслью, исследовал причины нашей литературной общности, ее точки соприкосновения. На передний план в исследовании русской литературы он ставил проблемы личности, творчества, идеологии, именно поэтому он высказывал свое мнение и избирал объектом исследований тех представителей литературы, которые отличались весомостью и занимаемым ими местом не только в русской литературе, но также и в российской истории и в целом в мировой культуре.

В 1937 году в «Литературной газете» было опубликовано его первое публицистическое произведение, посвященное А. И. Герцену, в течение дальнейших исследований эта статья выросла до размеров книги и на этой основе были написаны и изданы такие книги, как «Очерки по истории русской литературы» (1937) [2], «А. И. Герцен» (1954, 1962) [3], «Русские классики» (1964) [4], «Из истории русско-азербайджанских литературных связей» (1964) [5], «Русская литература XIX века» (в 3 томах) [6], а также десятки статей о таких писателях, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, Щедрин, Радищев, Чернышевский, Белинский, Чехов, Достоевский, Толстой, Горький.

В короткой аннотации к книге Мамеда Джафара «Русские классики» говорилось: «Наша цель при издании этой книги — более близко познакомить подрастающее поколение с видными представителями русской литературы». Несомненно, можно сказать, что эта книга не только знакомит с русскими классиками, но и пробуждает интерес к их произведениям.

Убедительная доказательность этой книги, написанной в прекрасном стиле, стала результатом многолетних научных исследований.

Автор, говоря о жизни и творчестве известных русских писателей, также дает сведения об их связях с Азербайджаном, о переводах их произведений.

А книга «Из истории русско-азербайджанских литературных связей» стала важным достижением в области изучения русско-азербайджанских литературных связей. Автор рассматривает развитие этих отношений за период около ста лет, освещает их основные аспекты. Необходимо сказать, что Азербайджан литературоведы за долгие годы собрали богатый фактический материал об отношениях русских и азербайджанских писателей, их личных связях, переводах произведений и отношении к отдельным произведениям. Заслуги самого Мамеда Джафара Джафарова в этой области также велики. Но в этой книге он не шел по пути повторения и систематизации известных фактов, он в основном хотел осветить идейную близость литератур этих двух народов, и это ему удалось. Автор, в совершенстве зная азербайджанскую и русскую литературу, раскрыл глубинные причины литературных связей, привел убедительные доказательства положительного влияния российской литературы и общественной мысли в возникновении новой реалистической литературы Азербайджана. Правильный методологический подход автора к литературным и историческим явлениям обличал уродство колониальной политики, социальных притеснений и несправедливости.

Мамед Джафар Джафаров, опираясь на богатый фактический материал, подробно и убедительно рассказывает о мировоззрениях и идейной близости прогрессивных писателей и мыслителей Азербайджана с передовыми представителями русской литературы.

Следующие слова автора достаточно определили его исследовательский принцип: «По-видимому, если социально-литературные взгляды одного народа перекликается с прогрессивными социально-литературными взглядами другого, это нельзя объяснить только влиянием определенных литературных, либо научных произведений. В определенные периоды истории социальные взгляды народов, а также отражение их в литературе, как уже было отмечено выше, подготовлены самими историческими условиями и только после этого оказывают влияние на литературу и их общность только углубляется и укрепляется».

Хотя книга «Из истории русско-азербайджанских литературных связей» и является первым шагом

в этой области, Мамед Джафар Джафаров в ней заложил солидный фундамент связей художественной мысли Азербайджана с русской литературой, он также стал известен в Азербайджане как ученый, исследующий творчество Толстого и Белинского. Нет никаких сомнений в том, что множество работ других авторов, посвященных азербайджанско-русским литературным отношениям, были созданы именно на этом прочном фундаменте.

Для Мамеда Джафара Джафарова и Пушкин, и Лермонтов, а также все прогрессивные представители русской литературно-общественной мысли XIX века представляли ценность с точки зрения личности и идеологии, а также человеческого наследия. Портреты и очерки ученого, написанные о каждом из них, а также научные статьи с глубоким анализом не похожи одна на другую. Писатель считал Александра Сергеевича Пушкина «Любимцем народов» [7] и ему удалось раскрыть «положение Пушкина в русской литературе» [8]: Александр Сергеевич Пушкин был основателем новой русской литературы, одной из причин, делающих его гениальным народным поэтом, стала его связь с народным литературным наследием, опора на народную почву. Это и не могло произойти по-другому. История мировой литературы не знала и не знает ни одного великого мастера, который не был бы связан с художественно-философским наследием своего народа» [8, 275]. Эти слова о поэте он подтверждал и в другом труде и, продолжая свою мысль, писал, что «не знал ни одного великого мастера, который не был бы знаком с наследием общечеловеческого художественного мышления» [7].

Учитель Мамед Джафар на примере Пушкина хотел видеть каждого творческого человека связанным с национальным источником, осведомленным о богатствах мировой литературы. Ему было присуще одно прекрасное качество. Так, известный ученый, говоря о каждом великом мастере русского народа, обязательно проводил сравнения со своей национальной литературой, в ходе исследования всегда старался сохранять в центре внимания величие, богатство, научность азербайджанской литературы. О многих вещах он мог сказать вскользь, не чувствуя необходимости открыто высказывать свои взгляды.

Эти очерки Мамеда Джафара Джафарова отличаются оригинальностью, философским рассмотрением вопроса. Он разделяет с читателями образ мышления, философско-эстетические и литературно-художественные взгляды той личности, о которой он ведет

речь. Ученый, досконально знакомый с творчеством А. И. Герцена, которого он называл «Глашатаем русского освободительного движения», «Великого мыслителя, революционера-демократа» Н. Г. Чернышевского, «Гениального драматурга» А. Н. Островского, «Зеркала русской революции» А. Н. Толстого, посвященные им статьи писал на основе единства личности и творчества, литературы и философии с эстетикой.

Наконец, в 70-х годах издается книга Мамеда Джафара Джафарова «Русская литература XIX века» в трех томах. Я. Гараев писал, что «Мамед Джафар особенно сильно любил XX век в Азербайджане и XIX век в России» [1, 245]. Вообще, русская литература XIX века вызывала серьезный интерес в Азербайджане. Этот интерес, который был вызван переводом некоторых литературных произведений, впоследствии вырос и, наряду с переводами, породил и серьезные научно-литературные размышления. Книга академика Мамеда Джафара «Русская литература XIX века» появилась как раз на современном этапе этого закономерного процесса. Так как автор досконально знал литературу многих народов мира, мог объяснить отдельные вопросы на высоком научном уровне, обладал большим литературоведческим опытом, он представил в своей книге русскую литературу XIX века, как неотъемлемую часть мировых литературных процессов. В первом томе «Русской литературы XIX века», вышедшем в 1970 году, редактор книги, доктор филологии Акбар Агаев, высоко оценивая труд ученого, указал, что этот труд является не только учебником для высших учебных заведений, он также носит исследовательский характер, отражает взгляды автора на русскую литературу, его наблюдения, по мере надобности также рассказывает о литературно-культурных связях России и Азербайджана.

В целом, учебные пособия по истории литературы пишутся в форме историко-литературных очерков, галереи литературных портретов и описания последовательности историко-литературных процессов, наряду с этим в форме анализа и исследования творчества великих литературных деятелей.

Учебное пособие написано в этом третьем плане, здесь сменяют друг-друга обзор общественно-литературных событий и отдельные очерки-портреты.

Учитель Мамед Джафар опирался на существующие достижения русского литературоведения, в то же самое время он более подробно останавливался на литературных событиях и факторах, связанных с Востоком и Азербайджаном, особо отмечал литературные произведения, которые были относительно менее

освещены в истории русской литературы, возможно, из-за их второстепенного значения для русской литературной мысли.

В учебном пособии рассмотрен литературный процесс целого века в тесной связи с общественно-литературной и особенно философской мыслью, поэтому литературные и идейные противоречия того периода, социальные взгляды не исключаются из литературного развития, а, напротив, отображены очень ясно.

В трехтомнике помимо статей, проясняющих особенности, присущие отдельным периодам XIX века, их различия, литературно-художественные и теоретико-эстетические взгляды, также приводятся отдельные очерки о каждом из представителей русской художественной, социально-философской, критической мысли того периода, таких, как А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, А. И. Герцен, В. Г. Белинский (I том), И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский, И. А. Гончаров, М. И. Салтыков-Щедрин (II том), М. Ф. Достоевский, А. Н. Толстой, А. П. Чехов (III том).

Известный ученый, прежде, чем начать разговор о литературном процессе и деятелях, отдельно останавливается на истоках русской литературы XIX века, историко-социальных причинах появления прогрессивных идей, характеризует силы, представляющие эти передовые идеи, раскрывает исторические корни реакции.

Противоречия литературных взглядов, естественно, носят политический характер. Тот, кто правильно изображает жизнь народа, отличается определенными национальными качествами, широко использует русское народное творчество, считает необходимым вести борьбу за литературу нового содержания, отражающую политические процессы, рано или поздно встает на сторону идей Радищева, которые потрясли Россию, встает на сторону, противоположную реакционным кругам. Факел, зажженный Радищевым, освещал путь и последующим поколениям. Ученый с полным правом представил Радищева, как идейного предшественника русских литераторов XIX века, и проанализировал его творчество.

Ученый, выражая свое мнение о продолжателях и эпигонах классицизма и сентиментализма, определил их место в литературном процессе, а также влияние, которое они оказали на этот процесс. Представители литературы, находящейся на пути становления, «использовали гражданский пафос классицизма и критические традиции сентиментализма» [5]. В книге

особое внимание уделяется последовательной смене различных литературных течений, положительным качествам, которые они перенимали друг у друга, а также тем чертам, которые мешали их развитию. Как видно из исследований автора, в результате идейных противоречий и литературных баталий в русской литературе 1800–1815 годов «возник романтизм как новое литературное течение, а также заложены основы реализма в творчестве Кротова» [1]. По мнению ученого, в конце 10-х и начале 20-х годов XIX века прогрессивным стилем стал активный романтизм. И это вызвало борьбу против эпигонского классицизма, сентиментализма того же характера и пассивного романтизма. Автор дал краткое научное объяснение сентиментализма и классицизма в русской литературе. Мамед Джафар также рассматривал новые жанры, появляющиеся в результате борьбы идей в русской литературе, хотя и вскользь, но показывал литературно-эстетическое новых жанров.

Ученый-литературовед раскрыл сущность процесса, который привел к возникновению реализма в русской литературе, рассматривал преимущества реализма как литературного стиля, определил внутренние оригинальные свойства его отдельных этапов. Творчество великих литературных деятелей — А. С. Грибоедова, А. И. Герцена, В. Г. Белинского — он анализировал именно в таком плане.

В книге подробно исследуется положение, в которое попал герой «Горя от ума» Чацкий, выраженные им новые идеи, его связь с предшествующим литературным развитием, суть противостояния между прогрессивными деятелями и реакционным обществом.

С появлением в России такого поэта, как Пушкин, был сделан шаг к новому, более высокому этапу развития. Известный ученый раскрывает литературно-эстетические предпосылки этого процесса, показывает связь поэзии Пушкина с идеями, рожденными самой жизнью, оценивает искусство Пушкина как закономерный этап развития мирового литературного процесса. Роль, сыгранная творчеством Пушкина на следующих этапах развития русской литературы и литературно-критической мысли, также не укрылась от внимания ученого.

Привлекает внимание четкость и конкретность стиля ученого, анализ различных периодов коренным образом отличается. Одна из самых интересных глав — «В. Г. Белинский». В ней идет речь о среде, сформировавшей Белинского как ученого-критика, раскрывается эстетическая суть его реалистической теории.

В 1974–1975 годах были изданы второй и третий тома книги. Обе из этих книг отражали жизнь и творчество видных представителей русской литературы, особенности их мастерства.

Во второй том учебного пособия включен краткий научный обзор развития русской литературы за два десятилетия — 50–60 годы XIX века, даны отдельные очерки, посвященные Тургеневу, Чернышевскому, Гончарову, Некрасову, Островскому, Добролюбову и Салтыкову-Щедрину.

Авторитетный исследователь истории российской литературы в этом труде опирался на результаты новейших исследований. За исключением очерка о Некрасове, все разделы учебника были переработаны. Очерк ученого о Тургеневе выделяется среди других своей научностью и глубиной. Здесь подробно рассмотрены философские и научные стороны творчества Тургенева.

Художественное отражение особенностей социального развития российского общества в относительно более поздние годы прослежено в книге на основе романов Гончарова. Автор представил героев Гончарова в единстве с интерпретацией русской классической критики. Соблюдая хронологическую последовательность, автор отражает и прослеживает разнообразие русской литературно-социальной и эстетической мысли в очерках, посвященных Некрасову, Островскому, Добролюбову и Щедрину.

В следующем томе, который отличается научно-теоретической основательностью, представлен классический реализм 80–90-х годов. Для примера достаточно проанализировать его очерк «А. П. Чехов». Жизнь и творчество А. П. Чехова, как и других классиков русской литературы XIX века, описаны подробно и глубоко. Известно, что А. П. Чехов является одним из ведущих представителей русского критического реализма, он был художником-новатором, который продолжал и развивал самые лучшие традиции предшествующего русского реализма в новых условиях. Учитель Мамед Джафар очень точно и достоверно определил место этого литератора в российской литературе.

Превосходной чертой автора является то, что он считал необходимым не только раскрыть место Чехова, как и многих других классиков, в становлении русского художественного мышления, но и к месту рассказать о положительном влиянии, которое он оказал на литературу других народов в целом, в том числе и на художественную мысль Азербайджана.

Чехов, в отличие от многих современников, писал теоретико-критические статьи об искусстве, деятелях искусства, литературе, об отдельных произведениях. Вместе с тем, в русском литературоведении высоко оцениваются литературно-критические мысли, высказанные им в его письмах к друзьям-литераторам. В книге достойно оценены литературно-критические взгляды писателя, об этом написан отдельный раздел, озаглавленный «беседы об искусстве».

Разделом «Проза Чехова», можно сказать, полностью охвачена проза писателя. Мы должны присоединиться к словам автора: «Рассматривая произведения Чехова в целом, мы видим, что в них автор отразил в зеркале художественного творчества самые характерные особенности русской общественной жизни двадцатилетия». А что же за особенности имела русская общественная жизнь 80–90-х годов? Согласно тому, что говорил ученый о творчестве Чехова, они в основном следующие: тяжелое положение русского крестьянства, невежество («Мужики», «В ссылке»); полуголодная жизнь интеллигенции различного толка («Смерть чиновника», «Человек в футляре»); духовная трагедия униженных и оскорбленных («Тоска», «Каштанка»); гнусности, творимые в обществе привычками к взяточничеству и воровству чиновниками самодержавного режима («Без места», «Редкая

птица»); дурные привычки, портящие общество и унижающие личность («Бабы», «Скверная история»); отдельные трагедии в семьях, образующих общество («Анна на шее», «Приданое»); критика «писателей»-паразитов, рассматривающих литературу и искусство как источник дохода («Юбилей», «Рыбья любовь») и т. д.

Известно, что сценические произведения в творчестве Чехова чаще всего являются темой для дискуссий. Если мы сравним мнение Мамеда Джафара с мнением других ученых, изучающих наследие Чехова, то увидим, что анализ драматургии Чехова азербайджанским ученым отличается своей свежестью и оригинальностью. Оригинальный метод анализа ощущается и в других исследованиях, посвященных творчеству классиков, например, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. В результате всего этого данное учебник используется в высших учебных заведениях как основное учебное пособие уже более 40 лет. Этот трехтомник был удостоен Государственной премии республики как одно из высших достижений науки литературоведения.

Мамед Джафар Джафаров обладал широкой эрудицией, что дало ему возможность выявить типологические особенности мировой литературы, а также плодотворно работать в такой актуальной области как исследование литературных взаимосвязей.

Список литературы:

1. Караев Я. Литературные горизонты. – Баку: Молодежь, – 1985, – 288 с.
2. Джафаров М.Дж. Очерки по истории русской литературы. – Баку, – 1939, – 105 с.
3. Джафаров М.Дж. А. И. Герцен. – Баку, – 1954, – 64 с.
4. Джафаров М.Дж. Русские классики. – Баку, – 1959, – 197 с.
5. Джафаров М.Дж. Из истории азербайджанско-русских литературных связей. – Баку, – 1964, – 184 с.
6. Русская литература XIX века: В 3-х томах. – Баку, – 1971–1974.
7. Джафаров М.Дж. Любимец народов // Коммунист, – 1979, 6 июня.
8. Место Пушкина в русской литературе / Мамед Джафар: Всегда с нами. – Баку, – 1980, – 364 с.

*Kostromina Olga Valentinovna,
Odessa National University, Postgraduate student,
the Department of theoretical and applied English Phonetics
E-mail: olya.ambrazevich@mail.ru*

The intonation's variety of the men's spoken language in Australian English

Abstract: The intonation patterns of the men's spoken language are examined in the article. The terminal tones are one of the leading characteristics of the men's spoken language.

Keywords: the intonation patterns, the terminal tones, men's spoken language.

Костромина Ольга Валентиновна,
Одесский Национальный Университет им. И. И. Мечникова,
аспирантка, кафедра теоретической
и прикладной фонетики английского языка
E-mail: olya.ambrasevich@mail.ru

Интонационное разнообразие мужского разговорного английского языка в Австралии

Аннотация: в статье рассматриваются интонационные особенности мужской разговорной речи. Терминальные тона являются одним из основных характеристик мужской разговорной речи.

Ключевые слова: интонационные особенности, терминальные тона, мужская разговорная речь.

Интерес к изучению AusE и в целом национальных вариантов английского языка диктуется рядом причин. С одной стороны, это культурная «экспансия» английского языка во всемирном масштабе, способствующая появлению ранее не изученных его вариантов, с другой стороны, — разрушение прежних стереотипов (отказ от исключительного преподавания нормы RP в учебных заведениях Европы и России, типичного до недавнего времени) [1, 191]. Внимание к AusE в настоящей работе вызвано как чисто теоретическими (малоизученность, многогранный характер, проблема World Englishes и др.), так и практическими (изучение нового национального варианта, развитие отношений между Россией и Австралией и др.) факторами.

Ученые по-разному определяют статус AusE. Он рассматривается как вариант английского литературного языка, подобно AmE и BE как «субстандартный феномен», как территориальный диалект [2, 27; 6, 91–94]. Г.М. Вишневецкая считает AusE самостоятельным национальным языком [3, 99]. Существует мнение, что основная проблема английского языка в Австралии — это не столько проблема варианта или диалекта, сколько проблема акцента, под которым, строго говоря, понимается диалект, основные отличия которого от языка имеют место в области фонетики, а точнее в фонемном инвентаре [4, 41–47]. Однако данный вопрос в современной англистике недостаточно освещён.

Актуальность исследования заключается в том, что интонационные особенности австралийского английского не получили должного научного освещения как в отечественной, так и в зарубежной литературе.

Объектом исследования является австралийский вариант английского языка, а **предметом** — интонационные особенности (мелодические) мужской разговорной речи, носителей австралийского английского.

Целью исследования является описание мелодических характеристик мужской речи.

Материалом данного исследования является видеоматериал, из которого отобраны образцы динамических и лаконических высказываний, общее время звучания 60 минут.

Самым вариативным в AusE следует считать фонетический ярус. При этом в наибольшей степени дивергенция (вариативность) проявляется в области вокализма AusE по сравнению с консонантной системой последнего. Так, например, особое произнесение морфем (e.g.: density, mother, economic), ряда дифтонгов [au], [ai], [ei], [uə], некоторых гласных и согласных звуков составляет основу австралийского акцента.

В области интонации австралийский элемент ярко маркирован использованием восходящего тона в утвердительных предложениях.

Большой интерес представляют и вопросы акцентологии в AusE. Здесь также присутствует определённая вариативность. По нашим полевым наблюдениям, в ряде слов наблюдается смещение ударения, отличное от RP и в некоторых случаях от AmE (стремление к упрощению).

В Австралии официальной нормой является CAus, однако в устной коммуникации, начиная с 80-х годов XX века, стандартным типом произношения — Standard Australian English — признаётся именно GenAus [4, 41–42]. Это объясняется следующим:

1) в 50-е годы XX столетия престиж RP начал резко падать. Соответственно, австралийцы стали меньше говорить на CAus, поскольку он ассоциируется с британской колониальной традицией;

2) молодёжь (как инициатор социальных, в том числе языковых, перемен) отказалась от использования BrAus в своей речи, тем самым маркируя своё отличие от тех, кто говорит на Ethnic Broad. Просторечный тип идентифицируется со старым мифом

о том, что настоящий австралиец живёт ближе к природе, а Австралия — это страна открытых просторов, несмотря на то, что это самая урбанизированная страна мира.

Основные типы произношения AusE равноправно распространены на территории всей страны. Они не имеют определённой географической локализации. У них нет чётко выделенных культурных разграничений между слоями населения. Эти типы произношения можно наблюдать в пределах одного города или даже одной семьи [6, 101].

Учёные отмечают несколько замедленный, растянутый и монотонный характер речи носителей данного варианта английского языка, обусловленный, прежде всего, особенностями структуры мелодического контура (ровный). Лингвисты полагают, что на выбор мелодики могли повлиять этнический состав населения (выходцы из Шотландии, Ирландии и других северных ареалов Великобритании), его социальный состав (предположительно, представители средних и низших слоёв общества), а также естественно-географические условия жизни на Пятом континенте [3, 99; 6, 104].

Мелодика AusE характеризуется менее резкими повышениями и понижениями тона в пределах высказывания, благодаря чему интонация британского варианта представляется в высказываниях одного типа в целом более живой и эмоциональной по сравнению с более ровной и монотонной австралийской. Австралийцы отдают предпочтение средне-ровным, средне-восходящим, средне-нисходящим тонам. Диапазон нисходящих и восходящих тонов в AusE уже, чем в RP. Результатом сужения диапазона синтагмы в целом является более сглаженный и пологий характер этих тонов. Различия между уровнями ЧОТ (частота основного тона) минимальны [6, 102].

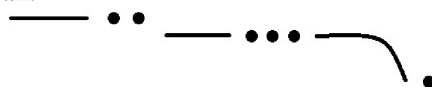
Волнообразная шкала напоминает скользящую шкалу по характеру тональных спадов после каждого ударного слога, но произносится на одном среднем уровне, в узком диапазоне. В волнообразной шкале происходит последовательное выделение каждого отдельного слова посредством подъёма и спада голоса. Такой способ свободного соединения синтагм характерен для разговорной речи, где слова обладают большей свободой построения [4, 44].

Многие учёные отмечают значительное увеличение скорости произнесения основного тона в терминальной части контура [6, 98]. Интересно отметить, что диапазон голоса носителя SAus шире, чем говорящего на BrAus.

Высотный уровень в речи женщин выше и диапазон более узкий, чем у мужчин. Для выражения эмпатии в обеих группах отмечается повышение высотного уровня и расширение диапазона за счёт нижнего регистра.

Одним из существенных отличий между разными вариантами английского языка является различное интонационное оформление предтерминальной части шкалы, в отличие от средне-ровного контура предтерминальной части фразы в AusE [6, 94].

Наиболее характерной в мелодике британского английского для предложений типа *why don't you look where you are going* является ступенчатая шкала, где первый ударный слог произносится на высоком тоне, затем происходит постепенное понижение на ударных слогах.

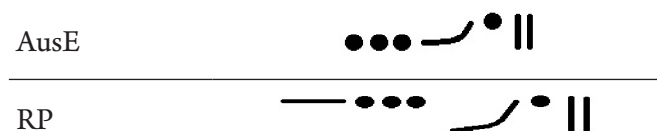
В AusE основная высота тона находится на среднем уровне, оставаясь такой до тонального завершения.

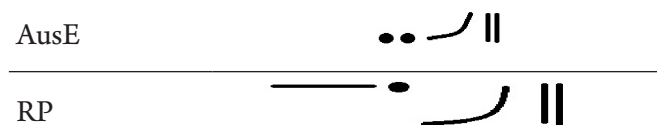
По мнению Л. Ф. Егоровой расхождения в интонации двух вариантов английского языка можно свести, в основном, к двум позициям [5, 23]:

1. Это вопросы общего типа, требующие ответа *Yes* или *No*. Так, вопрос

Have you any matches? произносится с различной интонацией:

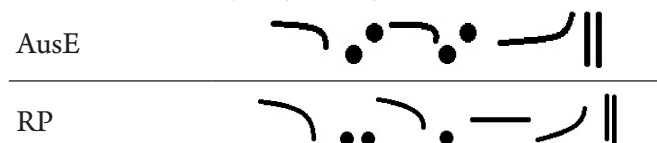

Или: *Will you come?*

В AusE подобные вопросы начинаются с низкого тона, подъём происходит на последнем ударном слоге.

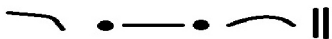
2. Расхождения в мелодическом рисунке предложений, которые заканчиваются на *don't you*, *won't you* (разделительные вопросы или вопросы с тэгом). Например: *I think it's funny, don't you?*

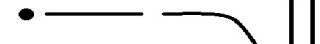

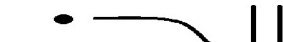
При произнесении *don't you* для AusE характерно низкое начало на *don't* и последующий (более плавный) подъём на *you*.

В интонировании стандартных фраз типа *Is that so?* *Good-bye now* и т. п., интонационный контур которых совпадает с таковым в американском варианте английского языка, исследователи видят результат его сильного влияния на Aus [6, 101].

Сходство с американской мелодикой проявляется в следующих фразах в AusE [1, 242].

You are telling me

Is that so?

Yes, sir

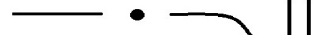
С подобной интонацией часто произносятся фразы *So long*, *Be good*, *Cheerio* и другие.

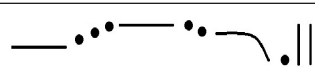
Проанализированные в данном исследовании высказывания героев фильма "Crocodile Dandy", которые являются носителями австралийского английского показали, что характерной шкалой высказывания является восходящая скользящая шкала (*ascending sliding scale*), что характеризует речь как очень эмоциональную.

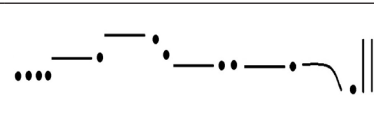
Примеры:

Hey, Nugget.

Good day, Sam.

Where is Mick

Got a panic call from the Rangers.

They spotted a huge croc in the Tarrabool swimming hole.

Сложность настоящего исследования заключалась в том, что в Австралии проблема взаимоотношения языка и гендера находится на начальной стадии разработки. Ause, сочетающий в своей системе признаки разных региональных диалектов Великобритании, этнокультурных диалектов, языков аборигенов представляет собой самостоятельно функционирующий национальный вариант английского языка с довольно широкой вариативностью употребления единиц всех уровней, в особенности фонетического.

Мужская речь маркирована интонационной вариативностью. В ней наблюдается разнообразное использование внутривариабельных характеристик всех компонентов интонации, а также частотность употребления отдельных интонационных параметров, отличающих мужскую речь от женской. Мужская речь характеризуется функционированием практически всех основных простых терминальных тонов английского языка.

Выбранная нами тема является перспективной и интересной для дальнейшего исследования, поскольку каждый вариант английского языка обладает уникальными особенностями.

Список литературы:

1. Абызов А. А. Фонетические характеристики английской компрессированной речи (на материале канадского варианта английского языка) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / А. А. Абызов. – Иваново, – 2005. – 242 с.
2. Брозович Д. Славянские стандартные языки и сравнительный метод [Текст] / Д. Брозович // ВЯ, – 1967. – № 1. – с. 3–33.
3. Вишневская Г. М. Интонационный аспект звучащей речи [Текст] / Г. М. Вишневская // Язык. Человек. Общество: межд. сб. науч. тр. – Владимир, – 2005. – с. 97–102.
4. Ганыкина М. В. Социальная дифференциация тональных и диапазоновых характеристик спонтанной речи в южноанглийском произношении [Текст] / М. В. Ганыкина // Сб. науч. Тр. МГПИИЯ. – М., – 1982. – Вып. 332. – с. 41–47.
5. Егорова Л. Ф. История развития и функционирования дифтонгиальной системы австралийского варианта английского языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Ф. Егорова. – Киев, – 1990. – 23 с.
6. Шахбагова Д. А. Фонетическая система английского языка в диахронии и синхронии [Текст] / Д. А. Шахбагова. – М.: Высшая школа, – 1992. – с. 91–110.
7. Mitchell A. G., Delbridge A. The Pronunciation of English in Australia [Текст] / A. G. Mitchell, A. Delbridge. – Sydney: Angus and Robertson, – 1965. – 81 p.

*Lipatova Yulia Yurievna,
Kazan State Medical University, Associate Professor,
PhD, department of foreign languages,
E-mail: jull7805@yandex.ru*

Lacunarnost: main definitions and approaches to study

Abstract: In modern conditions of language developments, mutual enrichment of culture questions, connected with comparative linguistics in the middle of XIX th. Century, scientists say about predominated influence of English language over other language research, evokes undoubtless interest. Interaction of lexical Russian and English languages fund, which began from language systems including Russian. In connection with this diachronical comparable studying the means of reality nomination in such typically different languages as English and Russian. Nowadays in the centre of scientists there is a research of national language specification, which finds reflection in typical means of expression identical objects of reality in existence of grammatical forms and categories.

Keywords: comparative linguistics, lexicology, lacunarnost, diachronic research.

*Липатова Юлия Юрьевна,
Казанский государственный медицинский университет,
Доцент, кандидат филологических наук
E-mail: jull7805@yandex.ru*

Лакунарность: основные дефиниции и подходы к изучению.

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы заимствования в диахронических срезах и влияние на все уровни системы языка. Анализируются причины заимствований, характер ассимиляции и более общие проблемы взаимодействия внешних и внутренних факторов в ходе эволюции языковой системы.

Ключевые слова: сопоставительное языкознание, лексикология, лакунарность, диахронические исследования.

В современном языкознании, вопросы языкового заимствования являются одновременно традиционными и актуальными, так как проникновение лексики одних языков в другие происходит достаточно интенсивно на всех их диахронических срезах и оказывает влияние на все уровни языковой системы.

Изучение проблемы заимствования разноуровневых элементов языка представляет собой совокупность вопросов лингвистического и экстралингвистического характера. Сюда относятся вопросы о причинах и условиях процесса заимствования, типах и формах заимствований, о характере их ассимиляции и более общие проблемы взаимодействия внешних и внутренних факторов в ходе эволюции языковой системы.

Большинство понятий являются общечеловеческими, хотя воплощенными в различную вербальную форму. Однако существуют специфические понятия, которые отражают реалии, они носят национальный характер и материализуются в так называемой безэквивалентной лексике. Вся система понятий основывается на системе названий. Человек, обобщая явления и выделяя релевантные признаки, дает названия тем

или иным отрезкам действительности. Однако номинативная функция используется избирательно, как мы об этом уже говорили, то есть называется только то, что функционально важно для данного этноса. Таким образом, существуют отрезки действительности и предметы не названные в данном конкретном языке. Эти пробелы в лексико-семантической картине мира выявляются при сравнительном анализе языков.

Своеобразие национальных языковых картин мира и множественность культур создают определенные трудности при переводе, что и порождает дискуссию о переводимости и непереводимости с одного языка на другой. Однако эти трудности не являются непреодолимым препятствием для взаимопонимания народов. Они снимаются при переводе. Одним из важных и решающих практических доказательств совместимости логических и языковых систем в их познавательной сущности является неопровержимый факт взаимопонимания народов на основе перевода с одного языка на другой [1, 46]. В последнее время в центре внимания исследования находится проблема соотношения универсального и специфического в языке. Особенности и неповторимость культуры,

менталитета, быта народа находит отражение в языковой специфике, уникальности и самобытности (А. Вежицкая, М. Н. Закамулина, Г. Х. Зиннатулина, А. Г. Зубкова, Г. В. Колшанский, Г. П. Мельников). При ономаσιологическом подходе первоочередным является выбор релевантных признаков при описании ситуации. Однако, как справедливо отмечает М. Н. Закамулина, называемый объект, обозначаемая ситуация обладают в принципе бесконечным числом признаков, и разные языки выбирают в качестве референтов неодинаковые субстраты объективной реальности [2, 96]. На лексическом уровне такое проявление специфики находит выражение в лингвистическом явлении, называемом лакунарность.

Лакуна связаны со способами номинации действительности. В лингвистике существует два основных подхода к изучению лакун. Первый определяется функциональным критерием, т. е. необходимостью вычленения и номинации какого-либо отрезка действительности, явления, предмета, характеристики и т. д. Функциональный, или когнитивный, подход связан с такими факторами, как глубина познания действительности, выделение релевантных признаков, явлений, значимость и распространенность предмета или явления в обществе и т. д.

Второй подход определяется сопоставительным анализом языка. При таком подходе лакуны выделяются лишь при сравнении лексических систем разных языков. Другими словами, при таком подходе лакуны в чистом виде в языке не содержатся, а определяются лишь при сопоставлении двух и более языков, т. е. исследование при данном подходе ведется как в одном направлении (русский язык по отношению к английскому), так и в другом (английский язык по отношению к русскому). Такое исследование лакунарности носит название векторного, причем французско-русский список безэквивалентной лексики будет отличаться от англо-русского и будет совершенно иным при сопоставлении, например, английского и французского языков. В данной работе мы исходим из сопоставительного анализа.

Неоднородность (гетерогенность) пласта, различные подходы к изучению вызвали к жизни различные дефиниции: лакуны, слабые эквиваленты, фоновая информация, слова-реалии, экзотизмы.

Лакуна — это пробел, недостающее место в тексте (от лат. *lacuna* — углубление, впадина). Термин «лакуна» был впервые введен французскими лингвистами Ж. Вине и Ж. Дарбельне, которые определяли лакуну как явление, которое имеет место тогда, когда

у слова одного языка отсутствует соответствие в другом: Il y a lacune chaque fois qu'un signifie de langue de depart ne trouve pas de signifiant habituel dans langue d'arrive [4, 10]. Существует и более широкое понимание лакунарности, к которой относят не только лексические единицы, но и различающиеся в разных языках способы передачи грамматического значения, например, по мнению Ж. Марузо (в монографии «Аспекты французского языка»), под термином лакуна следует понимать отсутствие не только лексических, но и грамматических средств в одном языке при их наличии в другом. В. Л. Муравьев отмечает некоторые морфологические особенности, делающие ряд русских слов лакунами *par excellence*: таковы приставки до- (доесть, допить, доделать), значение приставок за- (зазеленеть, заиграть, запить, замусолить), русские сложные слова с частицей одно- (однолюб, однолетки, односельчанин, однополчанин), французский суффикс -йе (*assiette, chambrie*), суффикс -eur, обозначающий некоторые физиологические проявления человеческого организма (*tousseur, pisseur, gieur*), В. Г. Гак относит к грамматическим лакунам французские глаголы с приставками -em -en (*encadrer, embarquer*), В. Л. Муравьев — отрицательный префикс de (*dicomprimer, dicoucher*) [3, 8–9].

Виноградов В. С. и Костомаров В. Г. ввели понятие фоновой информации.

Фоновая информация — это социокультурные сведения характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности. В лингвострановедении смысловые различия эквивалентных слов, обусловленные различиями в реалиях, называют лексическим фоном слова. Лексический фон — явление пограничное между языком и культурой. Расхождения в лексическом фоне сказываются в различных тематических и синтаксических связях слов. Различия в лексическом фоне охватывают большую часть словарного запаса языков. Совпадают по фону обычно термины, а в области неспециального словаря полное совпадение лексических фонов — явление редкое. Однако естественно, что чем ближе культура и быт двух народов, тем меньше различий в лексическом фоне соответствующих языков. Часть культуры, составляющая национальный социокультурный фонд, так или иначе, отражается в языке. Именно этот аспект следует изучать в целях более полного и глубокого понимания оригинала и воспроизведения сведений об этих ценностях в переводе с помощью языка другой национальной культуры.

Специфика же фоновой информации состоит в ее имплицитном присутствии в художественном тексте, что делает фоновые смыслы скрытыми от читателя-иностранца. Безусловно, фоновые знания необходимы для понимания атмосферы времени в произведении, характеров героя, мотивов поведения персонажей. Естественно, отсутствие фоновых знаний затрудняет и искажает восприятие текста.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров определяют безэквивалентную лексику как: «слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре, в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, т. е. к культурным элементам, характерным только для культуры А и отсутствующие в культуре Б, а также слова, не имеющие перевода на другой язык одним словом».

По Б. Ю. Норману, лакуны связаны с функциями языка (он выделяет таковых 9) и прежде всего с номинативной. Необходимость наименования связана с членением действительности, т. е. функциональностью — выделением значимых признаков, явлений. Второе, что важно, познание действительности со временем становится глубже и тоньше, следовательно, возникает необходимость номинации того, что было не значимо.

Изучение языковых единиц, обозначающих реалий культурной жизни того или иного народа, помогает выделить отличительные черты, характер и способ отображения мира данным народом.

По мнению Нормана, называние составляет неотъемлемую часть познания. В любом языке

обязательно есть лакуны, то есть дыры, пустые места в картине мира. Иными словами, что-то обязательно должно быть не названо — то, что человеку (пока еще) неважно, не нужно. Для того чтобы предмет получил название нужно, чтобы он вошел в общественный обиход, перешагнул через некоторый порог значимости. С одной стороны, со временем название привязывается к своему предмету, и в голове у носителя языка возникает иллюзия исконности, «природности» наименования. Слово или, по-другому, лексема — типичный «классический» языковой знак. Слово образуется соответствием двух планов — содержания и выражения и несет на себе основной груз номинативной, назывной функции.

Отличительная особенность лексической системы — ее многомерность. Это значит, что слово в одно и тоже время связано разными, разнородными отношениями с множеством других лексем.

Другое дело кратковременная фоновая информация, которая быстро входит в употребление, но так же быстро забывается и именно поэтому не находит отражение в словарях. Речь идет о модных словечках, выражениях, присказках, коллоквиумах, названиях популярных кафе, ресторанов, именах и прозвищах и т. п. Кратковременный фон сопутствует каждой эпохе и находит свое отражение в литературных произведениях. Актуальная и историческая кратковременная фоновая информация — один из источников переводческих трудностей. Еще сложнее интерпретировать кратковременную фоновую информацию, отраженную в произведениях прошлых веков.

Список литературы:

1. Валеева Н. Г. Теория перевода: культурно-когнитивный и коммуникативно-функциональный аспекты. Монография. – 2010 г.
2. Закамулина М. Н. Аспектуальность в татарском и французском языках: сопоставительное исследование. – Казань, – 1999. – 125 с.
3. Муравьев В. А. *Foux amis*, или “ложные друзья переводчика” – М.: Просвещение, – 1969 – 256 с.
4. Vinay J. P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais*. – Paris, – 1958.
5. Липатова Ю. Ю. Монография Категория лакунарности и ее отражение в русских переводах сер. XIX–XX вв. – Казань: Изд-во Института истории АН РТ. – 112 с.

*Mamurkina Olga Victorovna,
Leningrad State University n. a. A. S. Pushkin,
candidate of Philology, assistant professor,
department of Literature and Russian Language
E-mail: elkala@inbox.ru*

Travelogue in Russian literature of the XVIII century: to the question of genre sources

Abstract: Genre sources of the travelogue in Russian literature (hozheniye, stateyny lists, zemleprokhodcheskaya skaska) are considered in the article. It is shown that despite thematic differentiation these genre groups are united by setting on documentary discourse, exact and reliable description and evaluation, that may be considered as the prerequisite for formation of the narrative principles of the travelogue meaning not only textual reflection of chronology of a trip, but also an evaluation of another culture.

Keywords: genre, travelogue, hozheniye, stateyny list, zemleprokhodcheskaya skaska, Russian literature, XVIII century.

*Мамуркина Ольга Викторовна,
Ленинградский государственный университет
им. А. С. Пушкина, кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы и русского языка
E-mail: elkala@inbox.ru*

Травелог в русской литературе XVIII в.: к вопросу о жанровых источниках

Аннотация: в статье рассмотрены жанровые источники травелога, сформированные в отечественной литературе: хождения (хождения), статейные списки, землепроходческие скаски. Показано, что несмотря на тематическую дифференциацию указанные жанровые группы объединяет установка на документальность, стремление точно и достоверно описать и оценить увиденное, что выступает предпосылкой формирования повествовательных принципов травелога, подразумевающего не только текстуальное отражение хронологии поездки, но и рефлексию, переживание увиденного, осмысление иной культуры.

Ключевые слова: жанр, травелог, хождения (хождения), статейный список, землепроходческая скаска, русская литература, XVIII в.

В отечественной литературной традиции описания путешествий, как и вся словесная культура, первоначально были неотделимы от теологических установок. Так, хождение (хождение) как жанр путевой прозы представляло собой описания паломнических путешествий к святым местам, предназначенные для нравственного и познавательного чтения. Эти тексты, называемые также паломниками, путниками, странниками, составляют значительный пласт древнерусской литературы. К ним примыкают «краткие практические указатели маршрута» (М. Г. Шадрин), в которых содержалась важная для путешествующего вспомогательная информация («Сказание Епифания Мниха о пути к Иерусалиму», «Книга Хождение во святой град Иерусалим Ярославца, Толчковской слободы посадцкого человека Матвея Гаврилова сына Нечаева»), и записи устных рассказов о чужих

странах («Путешествие Мисюря Мунехина в Царьград и Египет», «Хождение Арсения Селунского»). Сюда же можно отнести проскинтии (от греч. προσκυνῆταροι, «преклоняю колени») — путеводители по святым местам, содержащие ценные сведения для путешествующего: «Повесть Епифания о Иерусалиме и сущих в нём местах» (IX в.), «Поклонение святого града Иерусалима» (XVI в.) и др.

В. В. Кусков полагает, что «путешествия-паломничества (путешественник, побывавший в Палестине, приносил с собой пальмовую ветвь; паломников называли также каликами — от греческого названия обуви — калига, надеваемой путником) содействовали расширению и укреплению международных связей Киевской Руси, способствовали выработке национального самосознания» [2]. Элементы хождения содержатся уже в «Повести временных лет» (описание

похода Ольги на Царьград, легенда о путешествии апостола Андрея по Руси).

Впоследствии массовый характер паломничества стал причиной их запрета — идея экономического ущерба возобладавала над духовными причинами, и появляется запрос на описания путешествий. Первым образцом жанра стало «Хождение игумена Даниила в Святую землю» (XII в.).

Н. И. Прокофьев считает хождения единственным образцом русской путевой прозы на протяжении XII–XIV вв. «К XVI в. сформировались другие жанровые разновидности: «статейные списки» и «рописи» послдов, «отписки» землепроходцев. <...> Общей задачей всех путевых записок было ясно и точно рассказывать о том, что видел и слышал путешественник, а это в свою очередь требовало широкого использования народной лексики и фразеологии. Общей структурной частью являлись сообщения о маршруте» [1].

Среди наиболее известных образцов жанра следует упомянуть:

- «Житие и хождение Даниила, игумена Русской земли» (XI в.);
- «Хождение Антония Новгородского в Царьград» (XII в.);
- «Хождение Игнатия Смольнянина в Царьград» (1389);
- «Хождение Авраамия Суздальского» (1437–1440);
- «Хождение священноинока Варсанофия ко святому граду Иерусалиму в 1456-м и 1461–1462 гг. ».

М. Г. Шадрина выделила следующие особенности жанра хождения:

- 1) синтез элементов сакрального и профанного; документального, познавательного и эстетического;
- 2) особый предмет повествования — описания Святой земли, отсюда заданность маршрута (упомянутые в Библии и не только значимые объекты, в том числе Голгофа, храм Гроба Господня и т. д.), стремление увидеть «святой град Иерусалим и землю обетованную»;
- 3) канонизированная структура пространственно-временной организации текста;
- 4) обязательное наличие вступления, в котором автор стремится убедить читателя в достоверности того, что он видел, путем детального описания обстоятельств, побудивших совершить паломничество, и сообщения сведений о себе;
- 5) разделение описания путешествия на три части: движение к цели, пребывание на Святой земле, возвращение;

6) описание пребывания на Святой земле лишено датировки, хотя детально описано пространственно; это момент «выпадения» из мирового времени;

7) кульминацией описания является момент общения к Высшему, духовного и нравственного очищения (обычно это происходит во время службы, чаще пасхальной);

8) заключительный отрезок хождения может иметь наставительный, рекомендательный характер;

9) дихотомия восприятия топоса Святой земли — это и сакральное пространство, и объект культурного наследия;

10) соблюдение точности в цитировании Библии;

11) метафора пути — не только реальное перемещение в пространстве, но и путь человека к Богу;

12) автор-паломник как человек, которому присущи следующие значимые качества: религиозность, патриотизм, сдержанность, скромность, терпение [7].

Процесс секуляризации русской литературы наложил отпечаток и на жанровую форму хождения: «Хождение за три моря» (включено в летописный свод в 1489) Афанасия Никитина значительно шире рамок религиозного паломничества, и не только на уровне географическом. На рубеже XVI–XVII вв. складываются новые типы хождения, свободные от заданности маршрута и прямолинейного религиозного контекста, в том числе.

- Хождение Трифона Коробейникова в Царьград;
- Хождение купца Трифона Коробейникова по святым местам Востока;
- Хождение Василия Гагары в Иерусалим и Египет;
- Проскинитарий Арсения Суханова;
- Хождение Ионы Маленького и др.

И. В. Федорова отмечает, что в XVII в. корпус хождений активно пополнялся переводными текстами: «Поклонение св. града Иерусалима», «Краткое описание Иерусалима» Христиана Адрихома, «Хорография или топография, си есть особое и известное описания Земли Святыя» Ансельма Поляка (Краковского); «Повесть к пользе слышавшим и прочитавшим», «Повесть о святых и богоподобных местах» архиепископа Назаретского Гавриила, «Проскинитарий святых мест» Арсения Каллуди, «Путешествие в Святую Землю и Египет» князя Николая Радзивилла [5].

Вместе с тем паломнический сюжет оказался весьма востребованным и в литературе XIX в.: по справедливому наблюдению Е. Ю. Сафатовой, именно он лег в основу «Путешествия ко Святым местам в 1830 году» и «Путешествия по Святым

местам русским» А. Н. Муравьева. На жанровый канон ориентированы и хождения И. Вешнякова и К. Бронникова нач. XIX в., а также тексты А. Н. Норова, инока Парфения, Святогорца иеромонаха Серафима (Веснина).

Отписки и скаски [6] землепроходцев, осваивавших Сибирь, до сих пор не были рассмотрены комплексно. Так, М. К. Чирейкин, первым обратившийся к обстоятельному анализу текстов данного типа, отмечает, что в целом отписки и «скаски» опирались на практику деловой письменности, приобретая к XVII в. более индивидуализированные черты, элементы образности и выразительности. «Скаскам» присущ оригинальный язык, являющийся формой идиостиля, а также способом трансляции народной языковой стихии.

«Жанровая природа «скаски» характеризуется ярко выраженным своеобразием и оригинальностью, что подчеркивает ее принадлежность к художественной литературе, а не выводит за ее пределы. «Скаска» широко использует как достоверный, событийный материал, взятый из самой жизни, так и элементы, восходящие к преданиям и народно-поэтическим жанрам. ...Говоря о композиции «скаски», необходимо отметить, что свободный, а временами будто хаотичный ход повествования является ее основным композиционным элементом».

Введены в исследовательский оборот следующие тексты:

- отписка Петра Бекетова о походе в Забайкалье;
- отписка Ерофея Хабарова о походе в Даурию;
- отписки Семена Дежнева о походе на Анадырь;
- отписка Андрея Булыгина о походе на побережье Охотского моря;
- скаски Владимира Атласова о путешествии на Камчатку.

Особую группу текстов образуют статейные списки — документы деловой письменности, представляющие собой обширные письменные отчеты русских послов о выполнении ими своих поручений. Свое название они получили потому, что в отчетах послы должны были подробно отвечать на соответствующие «статьи» наказов. Предтечей таких текстов признана «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского» в составе «Повести временных лет» (XI в.). Собственно статейные списки появляются примерно к XV в., составляя часть «Посольского дела», основного отчетного документа средневековой дипломатической службы. Сохранилось множество подобных списков. Д. С. Лихачев и Н. И. Прокофьев [4] среди прочих выделяли следующие:

- 1) статейный список И. М. Воронцова (Швеция);
- 2) статейный список И. П. Новосильцева (Турция);
- 3) статейный список Ф. А. Писемского (Англия);
- 4) статейный список Г. И. Микулина (Англия);
- 5) статейный список Ф. Елчина (Грузия);
- 6) статейный список П. И. Потемкина (Франция);
- 7) Путевые записки И. Петлина о Монголии и Китае;

- 8) Посольство Ф. Байкова в Китай.

Определен ряд особенностей статейных списков, к числу которых следует отнести:

- 1) тесную связь «художественной» литературы и деловой письменности, в том числе и в форме пародии и травестирования;
- 2) опору на устную традицию передачи княжеских «наказных речей» с последующим составлением отчета о поездке;
- 3) тяготение к форме дневникового повествования, в том числе и в части передачи личных впечатлений от увиденного «чужого»;
- 4) интерес к быту, наработка принципов бытописания;
- 5) отбор для отчета всего самого любопытного, запоминающегося, интересного как элемент художественного освоения реальности.

Д. С. Лихачев уделяет особое внимание и широко известному «Великому посольству» Петра I 1697–1699 гг. и связанному с ним анонимному «Журналу путевому» некоего члена посольства, чья основная задача заключалась в развлечении, а не изучении европейского образа жизни. В тексте совмещено великое и малое, описания меню соседствуют с упоминаниями о фонтанах Италии. Исследователь подчеркивает, что «благодаря таким личным впечатлениям, отраженным в некоторых из статейных списков, эти последние становились настоящими литературными произведениями — своеобразными предшественниками того литературного жанра путешествий, который будет формироваться и активно развиваться в течение всего XVIII в. и обретет свою классическую форму в начале XIX в.» [3].

В начале XVIII в. с преобразовательной деятельностью Петра I, ориентацией на освоение Европы и общей секуляризацией культуры появляются новые типы путевой прозы:

- 1) дневники ученых — участников академических экспедиций, например путевой журнал (1727–1730) Л. Делиля; путевой дневник исследователя Арктики В. Беринга; «Описание морских путешествий по Ледовитому восточному морю» (1758) Г. Ф. Миллера;

«Дорожный журнал» (1734–1736) С.П. Крашениникова; «Дневные записки путешествия в Киргиз-Кайсацкую степь в 1771 г.» (1772) Н.П. Рычкова; «Путешествие по разным местам российского государства» (1768–1774) П.С. Палласа;

2) отчеты студентов-стажеров, направляемых учиться в Европу (Г.У. Райзера, Д.И. Виноградова, М.В. Ломоносова, С.К. Котельникова, А.П. Протасова, С.Я. Румовского, М. Софранова, С.Е. Десницкого, И.А. Третьякова, Ф. Каржавина и др.).

В середине столетия травелог перестает быть фактом только документальной литературы и вновь становится базой для конструирования текста как эстетического феномена. В целом развитие путевой прозы с 60-х гг. XVIII в. шло по двум направлениям: художественно-документальному и собственно художественному, документальная литература продолжает существовать, но отходит на второй план. Обширный корпус текстов промежуточного

характера — травелогов с главенствующим документальным началом — стал основой русского литературного путешествия. К текстам подобного рода можно, например, «Дневник графа Бобринского, веденный в кадетском корпусе и во время путешествия по России и за границею» (1779–1786); «Описание двухлетней петербургской жизни» Р.М. Цебрикова (1785–1787), «Странствование Филиппа Ефремова в киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию» (1786) и ряд других текстов.

Таким образом, к жанровым источникам русского травелога, сформированным отечественной литературой, можно отнести хождения, статейные списки, а также землепроходческие скаски, объединенные установкой на документальность и стремлением точно и достоверно описать увиденное в избранных тематических рамках и сформировать персональное оценочное суждение.

Список литературы:

1. Записки русских путешественников XVI–XVII вв./Сост., подгот. текстов, коммент. Н.И. Прокофьева, Л.И. Алехиной; вступ. ст. Н.И. Прокофьева. – М.: Сов. Россия, – 1988. – 528 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ct4.ucoz.ru/publ/1_dr/dr10/2-1-0-160.
2. Кусков В.В. История древнерусской литературы: учеб. – М., – 1998.
3. Лихачев Д.С. Путешествия на Запад [в русской литературе второй половины XVII в.]/История русской литературы: в 10 т. – Т. II. – Ч. 2: Литература 1590–1690-х гг. – М., – 1941–1956.
4. Лихачев Д.С. Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статьи списки. – СПб.: Наука, – 2008. – 502 с.
5. Федорова И.В. Путешествие в Святую Землю и Египет» князя Николая Радзивилла и восточнославянская паломническая литература XVII – начала XVIII в. – СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», – 2014. – с. 3.
6. Чирейкин М.К. «Скаски» сибирских землепроходцев в литературном процессе XVII века: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, – 2001. – 175 с.
7. Шадрина М.Г. Эволюция языка «путешествий»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., – 2003. – 65 с.

*Prishepa Valerei Pavlovish,
Khakasian State University
named by N. F. Katanov, Doctor of Philology*

*Sipkina Nina Ykovlevna,
Khakasian State University
named by N. F. Katanov, PhD, at the Department
E-mail: sipkina.nina@yandex.ru*

Problems of studying the creation of R. I. Rozhdestvenskiy

Abstract: The article describes the problems of studying the creation of the poet of the sixties R. I. Rozhdestvenskiy, one of the founders and the leader of literary movement of the sixties.

Keywords: sixties literary-historical concept, ideological and aesthetic code of the sixties, literary works, critical rethinking, a literary phenomenon, actual problems of the modern literary criticism.

Прищеп Валерий Павлович,
Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова, доктор филологических наук;
Сипкина Нина Яковлевна,
Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова, кандидат филологических наук,
E-mail: sipkina.nina@yandex.ru

Проблемы и перспективы изучения творчества Р. И. Рождественского

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы и перспективы изучения творчества Р. И. Рождественского, одного из зачинателей и лидеров литературного течения шестидесятничества, сыгравшего значимую роль в российском литературном процессе второй половины XX века.

Ключевые слова: шестидесятничество, историко-литературное понятие, идейно-эстетический кодекс, творческое наследие, критическое переосмысление, литературное явление, актуальные проблемы, современное литературоведение, рождественскоеведение.

Изучение шестидесятничества как историко-литературного явления, его зарождение, становление и развитие, по нашему убеждению, невозможно без правильного и скорректированного понимания творческого опыта одного из зачинателей и общепризнанных лидеров этого течения Р. И. Рождественского, внесшего значительный вклад в формирование идейно-эстетического кодекса шестидесятников.

По нашим представлениям, творчество Р. И. Рождественского, также как и творчество фактически всех его соратников (Е. А. Евтушенко, А. А. Вознесенского, Б. А. Ахмадулиной и др.) — недостаточно изученная страница истории русской литературы второй половины XX века, вобравшая в себя сорокалетний опыт развития художественного и общественного сознания страны.

Время творения художника совпало с этапом историко-литературного развития российской словесности 1950-х годов — начала 1990-х годов двадцатого столетия, и в известной мере повлияло на него. Но в современном отечественном литературоведении значение творчества Р. Рождественского умалчивается.

После ухода из жизни Р. И. Рождественского (1994), Б. Ш. Окуджавы (1997), А. А. Вознесенского (2010), Б. А. Ахмадулиной (2010) у целого ряда «завистливых оскорбителей» (Е. А. Евтушенко) появилась возможность вообще закрыть разговор о шестидесятничестве, как исчерпавший себя, сделать при этом вид, что эти поэты в «списках современной литературы не значатся». Вместе с тем их богатейшее творческое наследие, которое является в десятках книг, собраний сочинений, оценивается в монографических исследованиях и диссертациях отечественных и зарубежных литературоведов,

никак не позволяет вычеркнуть шестидесятников ни из истории литературы, ни из сферы критики новой России. Более того, в недрах литературной науки вызревает убеждение у российских ученых-литературоведов в том, что это литературное движение вполне сравнимо и даже в определённой степени соизмеримо с предшествующим Серебряным веком русской поэзии [1, 9].

На наш взгляд, уравнивленное критическое переосмысление данного литературного явления позволит выявить то ценное, что оставляют нам шестидесятники.

«Обиженные» своей неизвестностью поэты 1970–1980-х гг. в конце 1980–1990-х годов в условиях борьбы перестроечного и в особенности — постперестроечного времени — «набросились» на уже признанных советских классиков, обвиняя их во всех существующих и несуществующих грехах и преступлениях [2, 56].

Но ещё в 1957 году, в те годы товарищ по поколению Роберта Рождественского, Евгений Евтушенко писал: «... Я герой пародий/статей, разоблачительных стихов./Приписаны мне прочно все пороки/и все из существующих грехов» (В погоне за дешевой популярностью). Если форму личного местоимения «мне» в этих строчках заменить на «им», то этим будет выражен основной (но не весь) пафос обвинений в адрес легендарного поколения.

Следует подчеркнуть то обстоятельство, что поэты всегда были готовы достойно ответить. В середине XX века их обвиняли в том, что они якобы постоянно выполняют какой-то государственный заказ, пишут по указке партии и т. д., на что поэты дружно отвечали, подливая масло в огонь. Например,

Р. И. Рождественский писал: *«Я писал и пишу по заказу/горьковатой улыбки твоей,/не разгаданной мною/ни разу...»*.

И далее: *«Тебя поносят/Широко и страстно,/тебя опять/выводят из игры./Но им назло,/почти не удивляясь,/плывет по залам/«стихотворный чад»./«Дешевая»/клокочет популярность/«дешевые»/окации звучат»* (В день поэзии).

«Рождественскому и его товарищам приходилось отвечать на упрёки, как говорить, и справа, и слева. Одни обвиняли их в экстремизме, другие, напротив, в «продажности» властям. Последним Рождественский ответил сначала стихотворением «Подкупленный», спустя годы — стихотворением «Я писал и пишу по заказу»» [3, 85].

Понятно, что невиданная популярность молодых поэтов, раздражала многих (от тогдашних кремлёвских вождей до литературных «низов»), вызвала зависть, и — как следствие — желание навредить, опорочить. Но — как ни странно — результат оказывался (в конце концов) сверхположительным: травимые, гонимые и поносимые советским литературным официозом поэты вызвали «дополнительный» интерес к себе и своему творчеству, ярость «завистников-травителей» порождала ответную реакцию со стороны почитателей — любовь миллионов читателей и слушателей.

Также как и Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского-гражданина нельзя отделить от Рождественского-лирика, потому что это — два основных публицистических и художественных пласта его творческой жизнедеятельности. Много из того, что было отражено его публицистической лирикой и на момент ее возникновения имело важное значение, это самое значение утратило, например, радиопоема, а затем поэма «Спутник» (1959) или слова песни о БАМе: *«Веселей ребята, выпало вам/строить путь железный,/а, короче БАМ»*. Сейчас запуски спутников, которые во вт. пол. 1950-х были событиями планетарного значения, стали обыденными и о них даже перестало сообщать центральное ТВ, а Байкало-Амурская магистраль, которая в 1970-е годы гремела на всю страну как великая комсомольская стройка, вообще забыта и, судя по всему, заброшена. Понятно, что и стихотворные отклики на эти события, стали не просто вчерашним днем, а фактами прошлого века. Вне сомнения, и Роберт Рождественский, воспевавший подобные события, и Евгений Евтушенко, воспевавший Братскую ГЭС, КАМАЗ и многое другое, выглядят сегодня заложниками быстро текущего времени.

Несмотря на разногласия мнений почитателей и недоброжелателей Р. И. Рождественского, важно подчеркнуть общее в различных суждениях: поэт стал одним из общепризнанных лидеров литературного движения шестидесятников в середине XX века, подтверждая его своими поэтическими открытиями, публицистикой, литературно-критическими и переводческими работами, многолетними выступлениями телеведущего «Документального экрана» и выступлениями на писательских форумах.

«Вчерашним властителям чувств и дум сотен миллионов читателей и слушателей просто-напросто не простили их беспримерной популярности в СССР, а затем — и планетарной славы» [4, 64–65]. Одним из этих «непрощенных» является Р. И. Рождественский и — соответственно — его творчество. Именно их (Вознесенского, Евтушенко, Рождественского) называет «гениями коммуникации, безусловными литературными звездами, советскими классиками» известный литературовед и критик С. И. Чупринин [4, 64–65].

Необходимо признать: творчество Роберта Ивановича Рождественского является наименее изученным в художественной словесности второй половины XX века. А вместе с тем, перед отечественным литературоведением само время давно уже поставило задачу исследования богатейшего поэтического наследия вт. пол. XX в., и в том числе «эстрадной» её составляющей, к которой относят поэзию шестидесятников. Куда как логично было бы начинать выполнение этой задачи с осмысления творческих взлетов и спадов прежде всего Роберта Рождественского, чьи стихи впервые были опубликованы еще в июле 1941 года, в то время, как у Евгения Евтушенко — стихотворение «Два спорта» напечатано 2 июня 1949 года (в газете «Советский спорт»), а у Беллы Ахмадулиной — стихотворение «Родина» 5 мая 1955 года (г. «Комсомольская правда»), у Андрея Вознесенского вообще — в 1958 году (в «Литературной газете»). Но, видимо, как удел всей русской литературы XX века в целом развиваться вопреки, а не благодаря, так «закономерно» и рывковое и подчас стихийное развитие отечественного литературоведения. На наш взгляд, больше всех из «проклятых» поэтов повезло Е. А. Евтушенко. К семи изданным в СССР и новой России монографическим работам, ряду библиографий, словарей и популярных книг о поэте, следует приплюсовать добрый десяток кандидатских диссертаций, докторское исследование В. П. Прищепы [5]. Хотя и медленно, но продвигается изучение творчества Б. А. Ахмадулиной [6], и — крайне медленно — поэзия Р. И. Рождественского [7] и А. А. Вознесенского [8].

Следует подчеркнуть: после издания в 1988 году, а затем 1990 году двух работ А. В. Мальгина о поэтической деятельности Р. Рождественского, не появилось ни одной обстоятельной работы о его творчестве. И лишь через 20 лет, в диссертационном Совете Хакасского государственного университета была защищена кандидатская диссертация Н. Я. Сипкиной [9]. Исследовательница, опубликовавшая в начале XXI века более двадцати научных работ о творчестве поэта [10], фактически и стала первооткрывательницей рождественсковедения в новой России.

Уникальным событием для специалистов и любителей поэзии, друзей и, думается, в известном смысле даже недругов Р. И. Рождественского стала книга «Удостоверение личности», тщательнейшим образом составленная дочерью поэта Ксенией Робертовной и женой — профессиональным критиком Аллой Борисовной Киреевой. Книга вышла к 70-летию [11], повторно — к 75-летию поэта [12] и в известной степени удовлетворила потребность многочисленных поклонников и друзей. Фрагменты из записных книжек поэта, воспоминания великих и именитых его друзей, стихи, строки из поэм, фотоматериалы, семейные шуточные записи, представленные под одной обложкой, в определенной степени воскресили образ личности Рождественского. Поэт встает в этой книге во весь свой могучий рост «благородного Рыцаря русской поэзии» второй половины XX века. И составители книги, и ее авторы предъявили не просто удостоверение Личности Поэта, но главное, на наш взгляд — помогли читателю увидеть самое важное — «Красное знамя», не на словах, а на самом деле, было цвета крови его, и «закон протянутой руки, души распахнутой» (М. И. Цветаева) был для него, крещенного, но «не верующего в Бога», — главным законом его жизни.

Но все-таки, несмотря на эту определенную завершенность и даже концептуальность этой книги, она традиционна во всей совокупности положительных и отрицательных сторон традиционности. Вот что мы имеем в виду: в 2009 году вышел «роман о шестидесятниках» «Таинственная страсть» В. П. Аксенова, который собственно и был дописан в один год с рождением второй книги «Удостоверение личности», 2007. Известный писатель, а в 1950-е — первой половине 1960-х годов товарищ по поколению Р. И. Рождественского, Аксенов выполнил крайне важную задачу — он напомнил, что помимо социальных, политических, социально-политических, философских, этических и других причин творчество любого художника (и в том числе шестидесятников) имеет

важную причину своего рождения — таинственную страсть — жажду творчества. В. П. Аксенов прочертил перспективу нового-старого подхода к изучению и творческого наследия Р. И. Рождественского, которого он его называет в романе — Эр.

Своего рода дополнением, даже скорее — интереснейшим приложением к этим книгам являются и воспоминания омского литератора Марка Мудрика о Р. Рождественском, включенные в его книгу «XX век. Поэты. Омск» (Омск, 2008). Одним из первых М. Мудрик выходит к теме «Р. Рождественский и цензура», фактически противопоставляя свою точку зрения мнению людей, которые считают, что все в жизни Рождественского было гладко.

Таким образом, можно констатировать факт развития рождественсковедения в начале XXI-го века. Но в то же время, научное изучение творчества Р. Рождественского пока что находится в «тупике». Научные исследования Ю. И. Минералова, А. Г. Бочарова, Е. Ю. Сидорова, и (в большей степени) А. В. Мальгина [13], оказались незавершенными. Даже кандидатская диссертация Н. Геурковой о новообразованиях в поэзии шестидесятников, не вызвала никаких дальнейших научных изысканий о творчестве Р. Рождественского [14]. В 1998 году выходит 21-й том библиографического указателя «Русские писатели. Поэты» (составители: И. В. Алексахина, Н. Г. Захаренко, И. В. Халулаева и др.) [15], в котором большой раздел был посвящен Р. И. Рождественскому, который создал библиографический фундамент в медленно развивающемся рождественсковедении. Выход «Словаря рифм Р. Рождественского» А. Бабакина в 2001 году [16] стал важным составляющим компонента в изучении творчества Р. И. Рождественского.

Думается, что следствием подобного «рывкового» осмысления разных уровней художественного мира поэта является и отсутствие на сегодняшний день хотя бы 4-х — 5-ти томного собрания сочинений Р. Рождественского.

У Р. Рождественского после смерти вышло благодаря, прежде всего, усилиям жены А. Б. Киреевой и его дочери Ксении Робертовны 9 книг, но вот итогового издания до сих пор нет, а, следовательно, нет и полного представления об истинном масштабе его творческого наследия. Рядовому читателю, да и специалистам остается лишь додумывать, домысливать и моделировать: сколько и чего он мог сделать и сделал.

В 2011 году авторы статьи предприняли попытку издания первой научной монографии «Орфей великой эпохи» [17].

Во втором издании монографии «Орфей великой эпохи» [18] литературоведы обращаются к анализу художественной картины мира, явленной в поэзии Роберта Ивановича Рождественского, в основном, в 1950-е – первую пол. 1960-х годов. Для того чтобы достичь возможной полноты разбора они стремятся учитывать всю сложность литературной ситуации в этот период, выходя и к фактам документальным и «внехудожественным», относящимся к литературному быту.

Следует подчеркнуть, что в монографических работах учёные стремятся к оценке жизни и творчества Р.И. Рождественского, учитывая литературную атмосферу 1950-х – 1960-х годов, но оценка даётся с позиции сегодняшнего дня.

В ряде литературоведческих работ 1960-х – 1990-х годов признаются художественные достижения поэта [19], но даются они вне контекста, без учета закономерностей литературного процесса второй половины 1950-х – первой половины 1990-х гг. Многоаспектное исследование поэтического творчества Р.И. Рождественского, на наш взгляд, позволит выявить важные черты и тенденции русской литературы второй половины XX века.

Сегодняшняя усредненность художественного уровня современной литературы, невозникаемость на культурном горизонте нового поколения поэтов, соизмеримых с шестидесятниками, и в их числе с Р.И. Рождественским, невольно заставляет оборачиваться назад, в «прошлое», поэтическая деятельность которых воспринимается несомненной и заслуженной.

В современных пособиях по русской литературе XX века не рассматривается творчество Р.И. Рождественского. Так, например, во втором томе учебного пособия «Русская литература XX века» под редакцией Л.П. Кременцова [20, 4, 132] имя Р. Рождественского лишь названо. И только в «Предисловии»

в разделе «Поэзия «оттепели» упомянуто, но выведено за рамки списка поэтов эстрады, которым посвящены небольшие подразделы.

В первом томе другого учебного пособия «Современная русская литература: 1950–1990-е годы Н.А. Лейдермана и М.Н. Липовецкого существует отдельный раздел «Лирический «взрыв» и поэзия «шестидесятников», в котором авторы, признавая, можно сказать, историческую миссию «детей пятидесят шестого...»: «бескомпромиссно отвергли притязания сил вчерашнего дня на сохранение своей власти». Авторы констатируют то, что «к середине 1960-х годов произошел кризис эстрадности». И далее: «С тех пор поэзия «шестидесятников» перестает существовать как целостное художественное течение. Да и его лидеры расходятся в разные стороны. Р. Рождественский, который более других «шестидесятников» тяготел к риторике, эволюционировал в сторону соцреалистических схем. Это особенно явно проявилось в зарифмованной публицистике, которой он сопровождал в 1970-е годы свою регулярную телепрограмму «Документальный экран». Но наряду с этой тенденцией в поэзии «позднего» Рождественского приглушенно зазвучала философская элегичность, связанная с экзистенциальными переживаниями. Об этом стало известно из посмертных публикаций поэта» [21, 115–131].

По существу авторы учебного пособия ограничивают поэтов «шестидесятников» лишь их эстрадной составляющей, демонстрируя устоявшийся еще в 1960-х годах, а в начале XXI в. явно устаревший взгляд, в том числе и на Р.И. Рождественского.

Таким образом, изучение творчества Р.И. Рождественского поможет в создании целостной и уточнённой картины развития русской литературы 2-й половины XX века — актуальной проблеме современного литературоведения.

Список литературы:

1. Современная русская литература (1990-е гг. – начало XXI в.)/С.И. Тимина, В.Е. Васильев, О.Ю. Воронина и др.; под ред. С.И. Тиминой. – 2-е изд., стер. – СПб: Филологический факультет СПбГУ.М.: Издательский центр «Академия», – 2010.
2. Аннинский Л. Шестидесятые – семидесятые – восьмидесятые//Литературное обозрение. – 1991. – № 4.
3. Мальгин А. Роберт Рождественский: очерк творчества. – М.: Художественная литература, – 1990.
4. Чупринин Сергей. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. – М.: Время, – 2007.
5. Прищепа В.П. Парадигма идейно-эстетических поисков Е.А. Евтушенко (1949–1998 гг.): автореф. дис. ... докт. филолог. наук. – М., – 1999; Российского отечества поэт (Е.А. Евтушенко: 1965–1995 гг.) (мон.). Абакан: изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, – 1996; Он пришел в XXI век: Творческий путь Евгения Евтушенко (мон.). – Иркутск, – 2009. – 3-е изд., доп. и дораб. (в соавт. с В.В. Коминым); Зима – столица Евгения Евтушенко. Монография. – Иркутск, – 2013. (в соавторстве с В.В. Коминым) и др.

6. Приложение. И. Бродский, А. Битов, О. Грушников и др./кн. Ахмадулина Б. Миг бытия. – М.: Аграф, – 1997; Ketchian Sonia. The poetic craft of Bella Akhmadulina/Sonia I. Ketchian. The Pennsylvania State University Press University Park, Pennsylvania, – 1993; Аведова, И. В. Жанровая система поэзии Беллы Ахмадулиной: дис ... канд. филол. наук. – Тверь, – 1999; Алешка Т. В. Творчество Б. Ахмадулиной в контексте традиций русской поэзии/Т. В. Алешка. – Минск: РИВШ БГУ, – 2001; Афанасьева Е. Н. Особенности творческой манеры Б. Ахмадулиной: поэзия, проза: дис ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, – 2005; Михайлова М. С. Поэзия Беллы Ахмадулиной: динамика лирической книги: автореф. дис ... канд. филол. наук. – Красноярск, – 2008.
7. Мальгин А. В. Публицистика в поэзии (Р. Рождественский и Е. Евтушенко). – М.: Общество «Знание» РСФСР, – 1988; Мальгин А. В. Роберт Рождественский: очерк творчества. – М.: Художественная литература, – 1990.
8. Михайлов Ал. Андрей Вознесенский. – М: Худ. лит., – 1970. – 146 с.; Геуркова Н. Индивидуально-авторские новообразования в поэзии А. Вознесенского и Р. Рождественского 60–70-х гг.: автореф. дис ... канд. филол. наук/НИИ преподавания русского языка в нац. школах. – М., – 1986; Федотова О. В. Лексика науки и искусства в структуре языковой личности А. А. Вознесенского: автореф. дис ... канд. филол. наук. – Тюмень, – 2007; Зайцев В. А. История русской литературы второй половины XX века: учеб. пособие/В. А. Зайцев, А. П. Герасименко. – М.: Издательский центр «Академия», – 2008; Петрова С. В. Стихия Земля в языке поэзии Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной: автореф. дис ... канд. филол. наук. – Белгород, – 2009. – 23; Медведев Ф. Андрей Вознесенский. «Я тебя никогда не забуду»/Феликс Медведев. – М.: ЭКСМО: Алгоритм, – 2011.
9. Сипкина Н. Я. Эволюция идейно-эстетических взглядов Р. И. Рождественского в контексте литературного процесса вт. пол. 1950-х – первой пол. 1960-х годов: автореф. дис ... канд. филолог. наук. – Абакан, – 2010.
10. Сипкина Н. Я. Раннее поэтическое творчество Р. Рождественского: особенности идейно-эстетической эволюции поэта//Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, серия 6: Филология: литературоведение, Выпуск 3. – Абакан, – 2004.; Специфика рифмы Р. Рождественского раннего периода творчества (1954–1864 гг.)//Актуальные проблемы изучения языка и литературы: языковая личность в межкультурной коммуникации, материалы V Всероссийской научно-практической конференции 23–25 ноября 2005 года. – Абакан, – 2005 и др.
11. Рождественский Р. И. Удостоверение личности/Роберт Рождественский; [сост. К. Рождественская, А. Киреева]. – М.: Эстепонт, – 2002.
12. Рождественский Р. И. Удостоверение личности/Роберт Рождественский; [сост. К. Рождественская, А. Киреева]. – М.: Эксмо, – 2007.
13. Бочаров А. О Роберте Рождественском//Рождественский Р. Радар сердца. – М. – 1971; Сидоров Е. Служба поэтического слова//Рождественский Р. Стихотворения. – М., – 1988; Минералов Ю. Современная предупредительная рифма и проблема рифменной эволюции в русском стихе: автор. дис. ... канд. филол. наук. Тарт. ун-т, – Тарту, – 1975.
14. Геуркова, Н. Индивидуально-авторские новообразования в поэзии А. Вознесенского и Р. Рождественского 60–70-х годов: автор. дис. ... канд. филол. наук/НИИ преподавания рус. яз. в нац. шк. – М., – 1986.
15. Рождественский Роберт Иванович//Русские писатели. Поэты: Биобиблиографический указатель. – Санкт-Петербург: изд-во Российской национальной библиотеки, – 1998. – Т. 21.
16. Бабакин А. Словарь рифм Р. Рождественского. – Тюмень, – 2001.
17. Прищепа В. П., Сипкина Н. Я. Орфей великой эпохи: Поэтическое творчество Р. И. Рождественского: 1940-е – первая половина 1960-х годов: монография. – Иркутск: Принт Лайн, – 2011.
18. Прищепа В. П., Сипкина Н. Я. «Орфей великой эпохи» Биография поэта. Творчество Р. И. Рождественского: 1940-е – первая половина 1960-х годов: монография. – Иркутск: Принт Лайн – 2012. – 2-е издание, доп. и дораб.
19. Воронов В. Мы еще будем//Вопросы литературы. – 1965. – № 3; Бочаров А. О Роберте Рождественском//Рождественский Р. Радар сердца. – М. – 1971; Сидоров Е. Служба поэтического слова//Рождественский Р. Стихотворения. – М., – 1988; Минералов Ю. Современная предупредительная рифма и проблема рифменной эволюции в русском стихе: автор. дис. ... канд. филол. наук/Тарт. ун-т, – Тарту, – 1975; Геуркова Н. Индивидуально-авторские новообразования в поэзии А. Вознесенского и Р. Рождественского 60–70-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., – 1986.

20. Кременцов Л. П. Русская литература XX века: учебное пособие/под редакцией Л. П. Кременцова. – 2-е изд. – М.: Academia, – 2003.
21. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учебное пособие. – М.: Academia, – 2003.

*Rodikova Olga Wladimirowna,
Moskauer staatliche Universitaet,
Kandidat der filologischen Wissenschaften, Oberlehrerin
E-mail: ov.rodikowa@yandex.ru*

Die Konzepten “Frieden”, “Westen”, “Russland” in Gedichten L. I. Averjanovoj, die in der Gedichtsammlung “Zweite Moskau” nicht enthalten sind

Abstrakt: Dieser Artikel enthält ausführliche Erforschung der Gedichten von russischerer Schriftstellerin Silbernes Zeitalter L. der Averjanova, deren Name unbegründet vergossen wurde. Im Ergebnis der Erforschung machen wir Zusammenfassung über Transformation der Konzepten “Frieden”, “Westen”, “Russland” in behaltenden lirischen Gedichten.

Keywords: ein Dichter, ein Konzept, ein Gedicht, der Frieden, ein weltweit Friedlosigkeit, das Russland, der Westen, die Krim.

*Родикова Ольга Владимировна,
Московский государственный университет путей сообщения,
кандидат филологических наук, старший преподаватель
E-mail: ov.rodikowa@yandex.ru*

Концепты «мир», «Запад», «Россия» в стихотворениях Л. И. Аверьяновой, не включенных в сборник «Вторая Москва»

Аннотация: статья посвящена детальному анализу стихотворений Л. И. Аверьяновой — русской писательницы Серебряного века, чье имя было неоправданно забыто. В результате проведенного исследования делается вывод о трансформации концептов «мир», «Запад» и «Россия» в рассмотренных лирических произведениях.

Ключевые слова: поэт, концепт, стихотворение, мир, безмие, Россия, Запад, Крым.

В 1924–1928 гг. поэта серебряного века Лидию Ивановну Аверьянову волновали социально-политические проблемы мира и в частности России, нашедшие отражение в стихотворениях писательницы этого периода, которые вошли в содержание ее поэтического сборника «Вторая Москва». При этом лирические произведения «Высокий звон и говор птичий...» (1925), «Мне легла не большая дорога...» (1925), «Сестрам Запада» (1927), «Песня о Джанкое» (1928), пронизанные послеоктябрьским романтическим подъемом, а также семантически противопоставленные им «Нефтепровод» (предположительно 1930 г.) и «Вернись, страна, в высокий город твой...» (1931) Лидия Ивановна не включила в книгу «Вторая Москва», несмотря на логическую и смысловую соотнесенность стихотворений с ней.

Так в лирическом произведении «Высокий звон и говор птичий...», опубликованном в рукописном сборнике «Зреющая Россия. Альманах первый» под псевдонимом Эллида Крейслер с посвящением драматургу Анне Абрамовне Саксаганской [7, 452–453], Аверьянова использует образ *Четвертого Рима* — аллюзивный элемент, отсылку к поэме Н. Клюева «Четвертый Рим» (сборник «Львиный хлеб» (1922), где новокрестьянский поэт «создает собственный портрет как бы в различных измерениях, в четырех ликах. Первый — внешний облик, отражающий дихотомию духа и плоти, жизни бесконечной и смерти <...>. Второй — духовный облик, воплощающую, напротив, высшую гармонию <...>. Третий — любострастный лик души <...>. Четвертый — разумный лик души» [3, 76]. Тем самым Лидия Ивановна указывает

на правоту лишь тех людей, которые заняты «оразумлением» своей души во времена «взлета копий» и революционного мессианизма: «Каким огнем мы все горим? —/Я знаю: правы те, кто ныне/Возводит свой Четвертый Рим» [1, 172]. Все же другие, по мнению писательницы, находятся в заблуждении; они отстранились от мира действий, приняв за истину мистическое забытие: «Но есть плененные ошибкой:/У тех — да минет их гроза! —/С мистической полуулыбкой/На мир опущены глаза» [1, 172]. Таким образом, в произведении Аверьяновой возникают две России: мистически-патриархальная и крестьянско-бунтарская, последняя из которых и является правой — у Ключева, наоборот, в сборнике «Львиный хлеб» предстает единство двух России, мощь которого направлена на изменение действительности.

В аверьяновском тексте возможно двоякое понимание лексемы «мир»: как «человеческое общество, объединенное определенным общественным строем, культурными и социально историческими признаками» [8, Т. 2, 274] и как «согласие, отсутствие разногласий, вражды или ссоры» [8, Т. 2, 275] — что позволяет говорить о концепте «мир», включающем все смысловые оттенки аналогичного понятия. Следовательно, поэтесса, используя в третьей строфе синтагму «опущены глаза» и концепт мира, создает отрицательный образ мистически-патриархального населения, изолировавшегося от человеческого общества вообще и отвергающего согласие в нем, влекущего лишь к вражде масс.

Символично употребление в начальном стихе первой строфы синтагм «высокий звон» и «говор птичий», создающие в сознание читателя образ «строящегося» мира со звуками разговоров, ударов в колокол, шумом сплетен и толков, суеты (см. значение слов «звон» и «говор»: [8, Т. 1, 322, 602]). Однако у высокого звона источником могут быть не только удары в колокол, но и соприкосновение металлического оружия в борьбе за правое дело, что подтверждается метафорической строкой: «Неустршимый взлет копья» [1, 172]. Не знающий страха полет метательного оружия с металлическим накопником символизирует и бой за светлое будущее, и высоту «окрыленной» мечты.

Итак, в стихотворении «Высокий звон и говор птичий...», состоящем из трех строф-катренов с мужской и женской перекрестной рифмой (AbAb), Л. И. Аверьяновой использована местоименная оппозиция: «я», «мы», «те, кто <...>/Возводит свой Четвертый Рим» — «тех» («У тех <...>/На мир

опущены глаза» [1, 172]), что утверждает мысль писательницы о делении мира, в частности русского населения того времени. При этом свою жизнь и жизнь каждого человека в обществе лирическая героиня воспринимает как устройство, прибор, освещающий тернистую дорогу в новое государство: «Светильником в руке Девичьей/Дрожит и тает жизнь моя./<...>/Каким огнем мы все горим?» [1, 172].

Концепт мира в стихотворении «Мне легла не большая дорога...», входившем в подборку для журнала «Звезда» [см.: 1, 322], несколько иной, чем в произведении «Высокий звон и говор птичий...»: мир предстает берлогой, тайгой, где нет места искренней любви, а жизненный путь тернист («Старый друг, разве мир — не берлога,/Где любовь от рожденья слепа? —/<...>/Как в несытую солнцем тайгу» [1, 172]).

Использованная Аверьяновой антитеза «большая дорога» — «медвежья тропа» усиливает контрастность ожидаемого, планируемого в мечтах и реальности: «Мне легла не большая дорога,/А глухая медвежья тропа» [1, 172]. Дорога, ассоциирующаяся с направлением деятельности человека, линией судьбы, в брэнном мире становится путем, протоптанным обитателями природы. Тогда как человек, идущий по следам зверей постепенно сам превращается в животное: «В эту жизнь я вошла с колыбели/<...>/Рыжей белкой качалась на ели,/Волчьим вырождением стлыла в снегу» [1, 172–173]. Посредством глагола в форме прошедшего времени «сердилась» писательница акцентирует внимание на том, что индивид лишь в начале своего жизненного пути возмущается социальным и политическим явлениям, способствующим звериной жизни: «Новолунью сердилась спросонок/И мохнатой звериной судьбе» [1, 173]; но под действием среды изменяется, его индивидуальность стирается — человек теряется в массе, движущейся по звериной тропе на зов инстинктов, и не задумывается о переустройстве своей жизни, о творцах подобного существования.

В тексте присутствует обращение лирической героини к воображаемому читателю: «Старый друг, разве мир — не берлога» [1, 172]. Друг — это не только сторонник мыслей и идей другого человека, но и его защитник, а лексема «старый», употребленная поэтом, указывает на «проверенность» человека, на возможность «положиться» на него в трудной ситуации. Желание лирической героини найти в собеседнике «старого друга», обусловлено ее беззащитностью, уязвимостью, одиночеством в мире, дарящем человеку звериную судьбу. При этом в последней строфе героиня

сообщает о нахождении ею временного «приюта» у лесничего, в благодарность за доброту которого, она стала ручным медвежонком, сдерживающим свои звериные повадки. А место обитания хозяина «теплой избы» со свои «другом по несчастью» — мир леса, символизирующий социальные и умственные заблуждения, одно из основных местопребываний враждебных человеку сил [2, 415]. Аверьянова не случайно выбирает местом прибежища своей героини лес, так как именно через пространство, обильно заросшее деревьями, проложена дорога в мир мертвых. Таким образом, стихотворение «Мне легла не большая дорога...», содержащее три строфы-четверостишия с женской и мужской перекрестной рифмой (AbAb), представляет собой путь деградации человека, обусловленной законами выживания в мире людей: первая строфа-катрен — становление на звериный путь развития, вторая — превращение в животное, третья — нахождение прибежища в лесу, то есть стадия «омертвления», становления «живым мертвецом».

В стихотворении «Сестрам Запада», опубликованном в № 55 утреннего выпуска «Красной газеты» от 1927 года, Аверьянова, используя концепты «Россия» и «Запад», акцентирует внимание на сосредоточении мировых сил в этих странах света. При этом Россия предстает государством, опередившим Западные страны на пути к свободе, миру и братству: «Сестры Запада, трудная пряжа/Многих медленных лет нам дана:/<...>/Так ловите ж, сквозь годы глухие,/<...>/По следам окрыленный России —/Революции пламенный шаг» [1, 174]. А глагол в форме повелительного наклонения «ловите» призывает к объединению, содействию в революционном мессианизме. Запад рассматривается писательницей как часть света, связанная с родным Отечеством кровными, братскими отношениями, поэтому в обращении к людям западных государств употреблено словосочетание «сестры Запада». Тем самым Лидия Ивановна указала на желание «побратимости» стран на пути к «дням свободы и к доле иной» [1, 174], что подтверждается и заглавием стихотворения.

В произведении «Сестрам Запада» Аверьянова, выполняя социальный заказ того времени, прославляет революцию, изнуряюще докучный труд на благо нового государственного строя, комсомол. Однако подтекстом первой и третьей строф служит осуждение отдельных составляющих революционного пути: «Ей и голод и труд — нипочем:/<...>/Вижу красные крылья косынки/За худым полудетским плечом./<...>/Помним, знамя кровавое ляжет/Под

рукою прилежной у нас» [1, 174]. Так синтагма «полудетским плечом» олицетворяет детей, рано повзрослевших в виду необходимости работать за станком наравне со взрослыми. Употребленная же лексема «прилежный» указывает на усердное и старательное исполнение приказов верховной власти, несмотря на кровью залитую дорогу к светлому будущему.

Кровавый путь к свободному и мирному существованию Аверьяновой описан и в стихотворении «Песнь о Джанкое» (опубликовано в № 151 «Красной газеты», 1928), возможно, являющемуся продолжением стихотворения М.А. Светлова «Пирушка» (1927), так как Аверьянова предложила свой поэтический вариант ответа комбрига на просьбу комбата «рассказать»: «Расскажи мне, пожалуйста,/<...>/Расскажи мне о том,/Как пылала Полтава,/Как трясся Джанкой,/Как Саратов крестился/Последним крестом» [6, 20] — «Станция взмыла/Огнями из тьмы,/Врангель — а с тылу/Ударили мы./<...>/Кровью цветет/Голубеющий лен/Тихих, родимых/Приволжских сторон» [1, 175–176]. Вслед за Светловым поэтесса воспекает героиню революции, братство людей, борющихся за идеалы нового государственного строя: «Шомполом в память/И в сердце — Джанкой./<...>/Ты, окаймленный/Славою Крым!» [1, 175–176]. Однако в аверьяновском тексте не отражена двупланность поэтики Светлова: в «Пирушке» присутствует пересечение героико-романтического и буднично-житейского, например, «Пей, товарищ Орлов!/Пей за новый поход!/<...>/Приговор прозвучал,/Мандолина поет,/И труба, как палач,/Наклонилась над ней» [6, 20]; тогда как у поэтессы лишь высоко-патетическое описание революционной действительности.

Писательница, используя топонимы, связанные с полуостровом в северной части Черного моря: Крым, залив Сиваш, в десяти километрах от которого расположен районный центр Джанкой («Щедрой солонкой/Раскрылся Сиваш» [1, 176]), указывает на единение природы и городов с человеком в борьбе за правое дело. При этом все предложения в стихотворении простые, короткие, что выражает напряженность, динамику, — употребленные риторические фигуры усиливают эмоциональную наполненность произведения: «Мы ли их гнали/Под Перекоп!/<...>/Слушай, за горсть/Виноградной земли/Десять тысяч здесь/Гатью леги?» [1, 175–176].

Стихотворения «Нефтепровод» и «Вернись, страна, в высокий город твой...» наполнены иным настроением: в них нет воспевания героини революции,

жертвенности во благо «строительства» лучшей страны, — наоборот, они отражают усталость от политической деятельности «нового» государства, перегрузившего людей в мир бесцельного скитания между «красным» и «черным» — смертью, кровью и природными ресурсами.

Так в произведении «Нефтепровод» лирический герой от безысходности вступает в диалог с землей, которая воспринимается им как понимающий слушатель: «Земля, какая только лучшим снится, / <...> / Тяжелые и рыхлые страницы / Твои, моя советская земля» [1, 177]. Аверьянова сужая смысл понятия «земля» до советского государства, указывает на присутствие именно в нем алогичного противопоставления человеческих и природных ресурсов. При этом человек в новом «построенном» советском мире имеет меньшую ценность, чем хорошо оплачиваемое «черное золото»: «Когда горят фонтаны, то телами / Их затыкают попросту, земля, / Затем, что больше нефтяное пламя, / Чем жизнь людей, совсем таких, как я» [1, 177].

Символичны и синонимические ряды к словам «нефть», «нефтепровод» (*артерия, жидкий уголь, сердцебиение*) и люди (*тела*), акцентирующие внимание на подмене ценностей советского мира, который ценою человеческих жизней построил нефтепроводы Грозный — Туапсе (1927–1928 гг.) и Баку — Батум (1928–1930 гг.): «За ту одну, в которой жидкий уголь / От Грозного бежит до Туапсе: / Артерией — пока с восточной ленью / Не всплыл Батум, всех галек голубей» [1, 177].

Последние две строфы произведения Аверьяновой звучат как пожелание распространения во времени и пространстве информации о болезненном «биении сердец» — бытие советских городов («И пусть в стихи, негданный, как камень / В глухой затон, сбивая рифмам счет, / Павлиньими разводами, кругами, / Как на воду пошел нефтепровод: / <...> / Положен отзвук городов — сердец» [1, 178]) и как намерение изобразить события современности в красных и черных красках, подтекстный смысл которых затмит «символическую неопределенность названия» романа «Красное и Черное» Стендаля (наст. имя Мари-Анри Бейль) [5, 185]: «Чтоб этот сказ о Красном и о Черном / Нам перебил Стендаля, наконец» [1, 178].

Монолог-рассуждение лирического героя в произведении «Нефтепровод» заменяется в стихотворении «Вернись, страна, в высокий город твой...» (1931) побуждением к возвращению страны в должное

«положение» («Под купола кремлевской бурной славы, / На холм времен, на пласт береговой...» [1, 178]), основным способом выражения которого является глагол в форме повелительного наклонения второго лица единственного числа «вернись». При этом в последнем стихе первой строфы сообщается о невозможности совершения собеседником обозначенного просьбой действия в виду «возведения» им оборонительного сооружения от своего прошлого: «Но поднят щит. Укреплены заставы» [1, 178].

Во второй строфе изображена Россия, гонимая ветрами, позабывшая свой путь к свободе, равенству и братству: «А там, в бреду, всем ветрам вручена, / В замшелый крест вложив персты сухие» [1, 178]. По мнению писательницы, государство, не видящее бед своего народа, одобряющее массовые репрессии 1930-х гг., заражено «хронической» идеей строительства социализма, проявившейся в поражении внутренней и внешней политики страны («Забыв свой путь, скитается она — / Слепая. Прокаженная Россия» [1, 178]). Тогда как образ креста, использованный Аверьяновой в описании бредовых скитаний страны, символизирует спасение через жертву, страдание и искупление.

Итак, стихотворения Л. И. Аверьяновой, не вошедшие в сборник «Вторая Москва», отражают настроения российского общества в первой половине XX века: 1925–1928 гг. — воспевание героики революции, жертвенность и интернациональное братство («Высокий звон и говор птичий...», «Мне легла не большая дорога...», «Сестрам Запада», «Песня о Джанкое»); 1930–1931 гг. — усталость от тоталитаризма, «слепота» общеобязательной государственной идеологии, нахождение в страхе за свою жизнь в виду массовых репрессий, террора («Нефтепровод» и «Вернись, страна, в высокий город твой...»).

Интересна логика этих поэтических работ: в произведениях «Высокий звон и говор птичий...», «Мне легла не большая дорога...» писательница использовала концепт «мир», который в «Сестрам Запада» сузила до концептов «Запад» и «Россия», в «Нефтепроводе» и «Вернись, страна, в высокий город твой...» — до России, а в «Песне о Джанкое» — до Крыма, в частности Джанкоя — крымского города, являвшегося до 1920-х гг. «горячей» точкой Гражданской войны. Таким образом, следуя дедуктивному методу, поэта в стихотворениях 1925 г. («Высокий звон и говор птичий...», «Мне легла не большая дорога...») пыталась изобразить мир единый для всех

народов; в «Сестрам Западу» — объединить миром части света, такие как Запад и Восток, представленный Россией; а в «Песне о Джанкое» Аверьянова запечатлела «мировую жизнь» в отдельном городе

России. Тогда как в произведении «Вернись, страна, в высокий город твой...» концепт «Россия» включает в себя понятие «безмирие»: страна пытается существовать в условиях террора, вражды, разногласий.

Список литературы:

1. Аверьянова Л. И. Vox Humana: Собрание стихотворений. – М.: Водолей, – 2011. – 416 с.
2. Иллюстрированная энциклопедия символов/Сост. А. Егзаров. – М.: Астрель: АСТ, – 2007. – 723 с.
3. Киселева М. А. На «Медном Ките» к «Четвертому Риму»: Заметки о логоцентричности художественного мира Н. А. Клюева. Статья первая/Л. А. Киселева//Русистика: Сборник научных трудов. – 2002. – Вып. 2. – с. 69–77.
4. Мейкин М. «Вытегорский» сборник Николая Клюева «Львиный хлеб»//Вытегра: Краеведческий альманах. – Вологда: ВГПУ, изд-во «Русь, 2005. – Вып. 3. – 336 с.
5. Реизов Б. Г. Из истории европейских литератур. – Л.: Издательство Ленинградского университета, – 1970. – 374.
6. Светлов М. Пирушка//Поэзия революции: Сборник стихов/сост. М. Светлов. – М.: Моск. рабочий, [1930]. – (Роман-газета; Год изд. 4, – № 21 (75)). – 48 с.
7. Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. В 5 т./Под ред. П. А. Николаева – М.: Большая Российская энциклопедия, – 2007. – Т. 5 (П-С). – 800 с.
8. Словарь русского языка: В 4 т./АН СССР; под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, – 1985–1988.

*Tikhonenko Marina Alekseyevna,
The teacher of the Chair of Social and Economic and Humanitarian Disciplines
of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russian Federation
E-mail: tikhonenkomarina@gmail.com*

Cognitive essence of the term as special language unit

Abstract: In the following article the cognitive approach of terminological researches is observed. The question of a terminological definition is mentioned, scientific sphere and special communication term belonging is substantiated, features of the term, allowing to consider it within cognitive and discursive paradigm as a language sign are characterized.

Keywords: Term, terminology, terminological researches, cognitive approach, science language, terminological definition, cognitive discursive paradigm.

*Тихоненко Марина Алексеевна,
Преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России
E-mail: tikhonenkomarina@gmail.com*

Когнитивная сущность термина как особой единицы языка

Аннотация: В данной статье рассматривается когнитивное направление терминологических исследований. Затрагивается вопрос о терминологической дефиниции, обосновывается принадлежность термина к сфере научной, специальной коммуникации, характеризуются особенности термина, позволяющие рассматривать его в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы как языковой знак.

Ключевые слова: термин, терминология, терминологические исследования, когнитивный подход, язык науки, терминологическая дефиниция, когнитивно-дискурсивная парадигма.

В современном русском национальном языке выделяется литературный язык на основании его нормированности и кодификации. Особый ярус национального языка составляет язык науки, который

действует по собственным законам, обладает специфическими понятийно-концептуальными и структурно-стилистическими параметрами и закономерностями их актуализации.

Исследуя степень осмысления, генерализованности и правомерности когнитивного подхода при анализе языковых фактов, Н. А. Кобрина отмечает, что «сложность языка, его многоаспектность, ярусность с возможными уровневными модификациями, вариативность функций и значений, стилевых вариантов в лингвистике обычно объясняется подвижностью и разнообразием ментальной деятельности человека, которая заложена ... в формировании системного устройства языка (то есть в самой когнитивной его основе)» [6, 5].

В последние годы когнитивный подход к терминологии развивается очень активно. Как отмечают В. М. Лейчик и С. Д. Шелов, новое направление терминологических исследований «исходит из необходимости учета как прототипической категоризации концептов, реализованной в «наивной» языковой картине мира (что составляет требование «новой парадигмы» терминоведения), так и актуализации термина как знака «интеллектуально зрелого» и ясно очерченного понятия в сфере специальной коммуникации (что, в основном, было предметом исследования «старой парадигмы» терминологической теории и, особенно, нормативного терминоведения)» [8, 45].

Так как язык относится к когнитивным структурам, призванным объяснить процессы усвоения, переработки и передачи знания, то одной из задач когнитивной лингвистики является изучение природы и типов взаимодействия знаний, используемых в процессе языковой коммуникации. Н. Б. Гвишиани подчеркивает, что «значение слова рассматривается уже не просто как сеть внутренних отношений тех или иных элементов в языке, а в связи с процессом познания мира, с мыслительной деятельностью человека и с его познавательными возможностями» [3, 140].

Основной единицей языка науки является термин, который выступает его специфической репрезентацией, а совокупность всех концептуально-терминологических репрезентаций формирует концептуальную модель научной картины мира.

К изучению и пониманию природы термина ученые обратились давно, и на каждом новом этапе развития лингвистики освещаются новые аспекты этого важнейшего понятия языка науки. Тем не менее одним из трудных и неоднозначных по своему решению в современной лингвистике является вопрос об

определении термина, о выработке такой модели его представления, которая позволит совместить различные аспекты при его исследовании.

В современной научной парадигме до сих пор отсутствует общепринятое определение понятия «термин», которое по-разному трактуется в различных работах и лексикографических источниках. Термин определяется как:

- 1) слово;
- 2) специальное слово;
- 3) словесный комплексный мотивированный знак;
- 4) языковой знак;
- 5) специальное понятие;
- 6) словесный комплекс;
- 7) специальный объект;
- 8) функция;
- 9) лексическая единица;
- 10) лексикализованное сочетание;
- 11) единство знака и понятия;
- 12) член терминологической системы;
- 13) сокращение;
- 14) кодовая единица;
- 15) единица логоса;
- 16) когнитивная репрезентанта;
- 17) единица языка для специальных целей и т. д.

Термин (*terminus*) в переводе с латинского означает «предел», «граница». П. А. Флоренский характеризует термин как «межевой знак», как «символ разграничения области», как «функцию охранения границы»; термин — это «первично есть хранитель культуры: он дает жизни расчлененность и строение, устанавливает незыблемость основных сочленений жизни... И сам он, будучи *пределом* данной области культуры, принадлежит к этой культуре, выражусь математически: есть ее *предельное* значение» [10, 380–383].

Понятие «термин» неразрывно связано с понятийной сферой, отражающей реалии научного сознания. В связи с этим термин является составной частью специфического пласта средств языка науки, обладая признаками и качествами доступности для образования и осмысления только для представителей научного сообщества, связанных с процессами анализа, синтеза и исследования особой информации.

Многоаспектность изучения термина связана с его статусом единицы области знания. В исследованиях прошлых лет толкование основных сущностных характеристик термина сводилось к трактовке его как языкового знака в самых разных тематических областях. На современном этапе ученые видят новые перспективы в определении и изучении термина, а

именно — «в объяснении тех постоянных корреляций и связей, что обнаруживаются между структурами языка и структурами знания» [7, 9].

Этот подход к исследованию термина является более сложным, так как в языковом знаке взаимодействуют следующие типы сущностей:

1) категории действительного мира;

2) мыслительные категории;

3) прагматические факторы;

4) отношения между языковыми знаками в системе [2, 30].

Термин, по мнению, М. В. Володиной, является собой особую когнитивно-информационную структуру, в которой аккумулируется выраженное в конкретной языковой форме профессионально-научное знание, зафиксированное в концептуальном представлении носителей конкретного языка и введенное в их языковое сознание. Исследовательница подчеркивает: «... термины, с помощью которых общаются специалисты конкретной отрасли знания, посвященные в специфику предмета и потому не нуждающиеся в терминологических дефинициях, являются своего рода фреймами. Это особые когнитивные структуры, требующие соответствующего поведения, продиктованного конкретными знаниями... Показательно, что слово «термин» (от лат. *terminus* — «граница», «предел») и «фрейм» (от лат. *frame* — «рамка») семантически манифестируют принципиально важное понятие *ограничения*. Имеется в виду ограничение области специального знания, т. е. референтной области, ограничение участников специальной коммуникации, и, наконец, ограничение или отбор языковых средств, необходимых для оптимизации общения в соответствующей специальной области» [2, 31].

И именно поэтому уровень отграниченности термина от общелитературной сферы является одним из определяющих.

Формирование терминологии самым тесным образом связано с развитием процесса познания в соответствующей научной области, поскольку «язык является одним из важнейших средств хранения, переработки, и передачи информации» [9: 14]. С помощью мысли и слова происходит получение, оформление и закрепление в коллективном сознании данного этноса нового знания. Терминотворчество — это сознательный процесс.

Термин обладает сложной семантической структурой и является самостоятельной единицей специальной номинации. На основании обобщения

и анализа имеющихся точек зрения мы выделяем следующие особенности термина:

1) системность, то есть определенное место в терминологической системе;

2) наличие дефиниции (у большинства терминов), причем производящее слово (база) обычно входит в состав терминоперифразы, являющейся частью (компонентом) дефиниции;

3) тенденцию к моносемичности в пределах своего терминологического поля, то есть терминологии данной науки, дисциплины или научной школы;

4) семантическую (понятийную) целостность;

5) отсутствие экспрессии;

6) стилистическую нейтральность;

7) наличие информативности.

В. П. Даниленко подчеркивает, что «язык науки в его естественной (вербальной) форме входит в число обязательных средств познания действительности, являясь средством выражения знания и способом их фиксации... Изучение языка науки как самостоятельного функционального языка со всей спецификой назначения его средств и способов их использования — это, по существу, чистое поле для исследователей, в числе которых лингвисты должны быть не на последнем месте. На фоне хорошо разработанной теории номинации проблемы номинации в области специальной лексики еще не получили достаточно четкого и полного освещения» [4, 10].

При разработке концепции термина прежде всего надо учитывать особенности термина как специфической материальной сущности понятия, которое она репрезентирует. В термине кодируется процесс формирования понятия, который затем расшифровывается в терминологической дефиниции, что дает возможность выделить такую особую функцию термина, как функцию кодификации.

Учение о термине тесно связано с семиотикой, так как термин является в специальном научном контексте не просто словом (с точки зрения грамматики), а единицей специализированной знаковой системы, которая выполняет бинарную функцию: функцию номинации и функцию «кодирования» номинируемого научного понятия. Для реализации этих функций необходим специальный набор деривационных средств, с помощью которых продуцируются такие кодовые знаки — специализированные форманты.

Т. В. Дроздова рассматривает в качестве терминов номинативные знаки, которые входят в систему национального языка или в его подсистему — подязык науки и техники. Они создаются как единицы этой

системы, на базе ее инвентаря и по законам последней; они представляют собой имена конкретных или абстрактных сущностей, объективирующих определенные ментальные категории. Из этого следует, что «термин выполняет функцию, присущую любому номинативному знаку, — функцию передачи (кодирования) информации, в том числе и научной, об объекте/референте через единство формы и содержания знака» [5, 78].

Кроме того, «термин является единицей речи и функционирует в сфере научной, специальной коммуникации. Тем не менее он может использоваться и в других типах дискурса, представляя ту часть содержания ментальной единицы, которая фиксирует результат научного познания, что позволяет рассматривать термин в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы как языковой знак, содержащий в своем значении научное знание о референте, существующий в рамках определенной терминологии, употребляющийся в различных типах дискурса, но полностью реализующий свою функцию лишь при употреблении в соответствующем (научном или техническом) контексте в совокупности с другими единицами (в первую очередь — терминологическими), реферирующими к одной и той же предметной области» [5, 79].

Таким образом, в настоящее время результаты исследований специфики термина позволяют представить его как двустороннюю лингвокогнитивную

единицу, как средство научной коммуникации. Л. Ю. Буянова отмечает, что термин — это «уникальный когнитивно-кодовый языковой феномен, осуществляющий в человеческом сознании и пространстве научной коммуникации следующие функции:

- 1) когнитивно-гносеологическую;
- 2) коммуникативно-репрезентативную;
- 3) информационно-эвристическую;
- 4) номинативно-деривационную;
- 5) прагматико-метаязыковую;
- 6) конструктивно-аккумулятивную;
- 7) диагностико-прогностическую;
- 8) познавательную-систематизирующую;
- 9) концептуально-моделирующую.

Данная функциональная амплитуда термина ... определяется функционально-коммуникативной спецификой его глобальной сферы генезиса и функционирования — **языка науки**, который можно интерпретировать как системно организованную, многоуровневую лингвокогнитивную целостность и одновременно как специфическую реализацию особого способа коммуникации» [1, 167].

Таким образом, знания человека формируют концепцию информационно-научной картины мира и в целом представляют системно организованную совокупность понятий и отношений между ними. Концепции научной картины мира соответствует языковая модель бытия, а понятия в языке выражаются с помощью терминов.

Список литературы:

1. Буянова Л. Ю. Термин как единица логоса. — Краснодар, — 2002.
2. Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). — М., — 2000.
3. Гвишиани Н. Б. Рец. на кн.: Understanding the lexicon. Meaning, sense and world knowledge in lexical semantics // Вопросы языкознания. — М.: Изд-во Наука, — 1991. — Вып. 5. — с. 139–144.
4. Даниленко В. П. Актуальные направления лингвистического исследования русской терминологии // Современные проблемы русской терминологии: Сб. научных статей. — М., — 1986. — с. 5–23.
5. Дроздова Т. В. Проблемы понимания научного текста. — Астрахань, — 2003.
6. Кобрин Н. А. Исторические предпосылки к становлению когнитивного направления в лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2009. — № 4. — с. 5.
7. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — Рос. Академия наук. Институт языкознания. — М., — 2004. — 560 с.
8. Лейчик В. М., Шелов С. Д. Российское терминоведение: опыт синтеза «старой» и «новой» парадигмы // Научно-техническая терминология. — М.: Госстандарт: ВНИИКИ, — 2004. — Вып. 1. — с. 45–48.
9. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. История науки о языке. 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Флинта: Наука, — 2008. — 376 с.
10. Татаринцев В. А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения: Очерк и хрестоматия. — М., — 1994.

*Chukueva Zarema Najmudinovna,
The principal of state college
Chechen Republic, Master of Philology
E-mail: turkdgpu@mail.ru*

Share bookish Atlantis

Abstract: in this article viewed documentary descriptions of military literature. The main parts of the book Atlantis are the historical works of today's writers. In General, documentary literature seeks for accuracy in reproducing historical facts and details.

Keywords: the recording, documentary novel, documentary literature, a description of facts and events, new autobiographys, journalism.

*Чукуева Зарема Нажмуудиновна,
директор Грозненской средней школы
Чеченской республики, кандидат филологических наук
E-mail: turkdgpu@mail.ru*

Доля книжной Атлантиды

Аннотация: в настоящей статье просматриваются документальные описания военной литературы. Основной частью книжной Атлантиды являются исторические сочинения современных писателей. В целом документальная литература стремится к точности в воспроизведении исторических фактов и деталей.

Ключевые слова: документализм, документальная повесть, документальная литература, описание фактов и событий, новый автобиографизм, публицистика.

С наступлением общественных и политических изменений в 90-е годы XX века появились и последние условия к описанию войны в литературе. Данными факторами определено интенсивное тяготение авторов к документальности, к достоверности и к воссозданию «правды» в описании ранее восстановленных фактов и событий.

Обосновывать стержневую функцию в этом тенденции публицистичности уже нет необходимости. Она бесспорна. Публицистика взяла авангардные позиции и в драматургии. Активизации документализма в зарубежной и русской литературе двух прошлых веков способствовали внутри литературные творческие процессы, потребность в достоверном знании о мире, осознание ценности индивидуального начала в эпоху утверждения в культуре стандартов. Подлинность изображаемого обеспечивает повышенный интерес читателя к нему. Примеров публицистических пьес очень много: «Диктатура совести» М. Шатрова, «Говори» А. Бураевского, написанная на основе очерков Вал. Овечкина, пьеса Р. Солнцева «Статья». Знаменателен и такой факт: в феврале 1987 г. в Париж на гастроли приезжал «Театр на Таганке», в репертуаре его три пьесы, две классические, третья — современная, созданная по документальной повести Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо».

Доминирующую долю данной книжной Атлантиды собирают новые исторические сочинения современных писателей. К примеру, в девяностых годах серия «Тайны истории в романах» обнаружилась в одном из самых сильных частных издательств «Тerra». Библиотечки «Россия. История в романах», «Государи Руси Великой», «Сподвижники и фавориты», «История отечества в событиях и судьбах», «Вера», «Вожди», «Великие», «Россия. Исторические расследования» и масса им подобных принялись издаваться в частных типографиях «Армада», «Лексика» и ряде других. В итоге исторически-насыщенные произведения российских авторов (наряду с отечественными детективами и переводными лавбургерами) сошли на одно из главных мест по признанию у массового читателя.

Новый автобиографизм 90-х гг. XX века целостен — в силу преобладающей фрагментарности (за исключением, возможно, романов Гандлевского, Чудакова и Новикова), и еще в силу того, что большая часть авторов/героев или профессиональные литературоведы (М. Безродный, А. Генис, М. Гаспаров, А. Жолковский, Вл. Новиков, А. Чудаков), или же не отгораживают литературную деятельность от вызванной ею профессиональной рефлексии (Евг. Попов, Д. Галковский, А. Сергеев, С. Ганд-

левский, Г. Брускин, А. Рубинштейн, Д. А. Пригов). Оба признака нового автобиографизма весьма существенны.

«Мемуаристы» 1990-х рассматривают собственный личный опыт литературоведчески, в качестве некоего конгломерата воздействий, «чужих слов», обломков чужих разумов, воссозданий в глазах прочих людей. И в случае, если все-таки появляется образ «Я», то это обязательно «Я» в кавычках — как в популярных текстах Рубинштейна «Это — я» и «Я здесь». Необычным образом наличие «Я» в оптимальных трудах того курса обнаружено через скрупулезно организованную форму отображений и рефлексий на «чужое». Немало и других конфигураций документализма.

В обстоятельствах беспрепятственного книгоиздания читатель сам отчетливо сообщает о собственных предпочтениях: стоит лишь оценить названия публикаций и соотнести их издания. Ситуация заключается в том, что количество «non-fiction» со временем умножается, но и «литература вымысла» не «расслабляется». Позиция Г. Ломидзе по этому поводу представляется верной: «Основа факта выверяется его жизненным вероятием, той большой, существенной правдой, без показания которой невозможно понять и смысл отдельных фактов, их взаимную связь и соподчиненность. Без обобщающей и собирательной концентрирующей работы мысли факт не есть еще правда, даже законченная часть правды» [1, 221]. Неслучайно в западном литературоведении предстало определение «faction-литература», основывающаяся на факте, но сохраняющая за собой возможность его беглой трактовки. (В России «пионером» этого жанра, несомненно, был Валентин Катаев сего квази мемуарами). Здесь идет разговор лишь об одном, но, возможно, значимом явлении, состоящем в усилении в прозе важности автобиографизма и особо выраженной репортажности. Проза совершенно по-другому, чем прежде, взаимовлияет с поэзией и журналистикой, при этом в 90-е гг. и поэзия оказалась во многом другой, и в журналистике появились не просто новейшие жанры, но и другое само восприятие.

В 90-е гг. (о чем неоднократно писали в критике) осязаемыми оказались пределы между поколениями, и аналогичные художественные проблемы представителями разных поколений решаются разнообразно. В меньшей степени это затрагивает «интенсивную прозу», где различия между поколениями не кажутся

очевидными, а развитие традиции, возникшей, видимо, с «Четвертой прозы» О. Мандельштама, сравнительно последовательным в прозе Павла Улитина, Саши Соколова, Венедикта Ерофеева, Евгения Харитонов, повесть Эдуарда Лимонова «Дневник неудачника», — говоря условно, «новый автобиографизм».

Этот новый автобиографизм важен — в частности потому, что он возник сразу в нескольких российских литературах. Из совсем другого курса проявилось внимание к аналогичным экспериментам в произведениях Алексея Варламова — («Дом в деревне»), Олега Павлова («В безбожных переулках»). В них очевиден кризис сюжетов и жанров прозы, особенно большой прозы [2].

Автобиографическая, а с ней и документальная литература в целом стремятся к точности в воспроизведении исторических фактов и деталей действительности. Изображение действительности в ее реальных формах можно считать художественным принципом, выведенным из требования достоверности. Но документальность не существует сама по себе. Она неотделима от событийной информации, т. е. от одного из носителей рационального элемента в журналистике. Активно действующая в данном случае социальная память подобна древу внутреннего бытия нации. Она доносит до читателя в максимально достоверном виде все события и факты, которые происходят в истории. Она не может быть равнодушна к социальной несправедливости, к физическим мучениям и, тем более, — к душевным волнениям. На взгляд большинства исследователей, самое пунктуальное понятийное определение социальной памяти обнаружил и сформулировал Я. К. Ребане: «Социальная память — это своеобразное хранилище результатов практической и познавательной деятельности, выступающих в информационном отношении базисом формирования сознания каждого человека, а также базисом функционирования и развития индивидуального и общественного сознания» [3, 46].

Доминирующий в условиях документализма зафиксированный факт, то есть документ, происхождение свое ведет от лат. documentum — подтверждение, свидетельство. Документ есть текст, созданный реально существовавшим (существующим, не вымышленным) лицом, содержащий описание реально имевших место фактов, опубликованный его автором либо иным лицом и воспринимаемый читателем в качестве достоверного (не содержащего сознательного авторского вымысла). В большинстве случаев этот фрагмент являет собой фактический реальный

информационный источник, в оборот которого включаются тексты, описания, звучания. Закрепленные в данном носителе сведения предопределены с целью трансляции хронологически и географически. И потому в последнее время и в читательской среде, и в литературном сообществе заметно увеличился интерес к «литературе факта», «nonfiction». Документальное произведение есть произведение, в основе которого лежит документ, воспринимаемый при этом читателем в качестве достоверного и, возможно,

подвергшийся при этом некоторой не менее правомерной интерпретации. Формируя отношение, писатель дополняет рациональную информацию, содержащуюся в оценке, разнообразными деталями, подробностями, иллюстративным материалом, документальными данными, способными соединить логику оценки с эмоционально насыщенной уверенностью в правоте определенного взгляда, суждения, позиции. Следовательно, документальность — одно из основополагающих свойств публицистики.

Список литературы:

1. Палиевский П. В. Роль документа в организации художественного целого/П. Палиевский//Проблемы художественной формы социалистического реализма. – Т. 1. – М.: Советская Россия, – 1971.
2. Ошаев Х. Брестская крепость/Х. Ошаев. – Грозный, – 1990.
3. Рикёр П. Конфликт интерпретаций Очерки о герменевтике/П. Рикёр. – М.: Просвещение, – 1995.

Section 13. Philosophy

*Aripova Darya Andreevna,
Candidate of Philology,
National Research Irkutsk State Technical University,
the Faculty of Applied Linguistics, the Department
of the English Language for technical specialties № 1
E-mail: aripovad@mail.ru*

Logical-philosophic aspects of the phenomenon of understanding

Abstract: The basic approaches of philosophers and logicians revealing the ontology of understanding are presented in the article. The integral existential structure of the phenomenon reflecting system of values of an interpreting consciousness and fulfilling cognitive and interrelating function in the process of human interaction is emphasized.

Keywords: understanding, sympathy, sense, hermeneutic circle.

*Арипова Дарья Андреевна,
кандидат филологических наук, Национальный исследовательский
Иркутский государственный технический университет,
факультет прикладной лингвистики,
кафедра иностранных языков для технических специальностей № 1
E-mail: aripovad@mail.ru*

Логико-философские аспекты феномена понимания

Аннотация: В статье представлены основные подходы философов и логиков, раскрывающие онтологию понимания. Подчёркивается целостная экзистенциальная структура данного феномена, которая отражает системно-ценностные представления интерпретирующего сознания и выполняет познавательную и контактоустанавливающую функцию в процессе взаимодействия индивидов в социуме.

Ключевые слова: понимание, симпатия, смысл, герменевтический круг.

Современная философия и логика подчёркивают факт включенности конкретного человека в семантический континуум социума, уже существующий и содержащий смыслы, требующие интерпретации, в свёрнутом виде [9]. Рост и обогащение человеческого знания, достигаемые в результате культурного взаимодействия и обмена имеющейся информацией между отдельными людьми и научными сообществами, осмысление новых фактов и установление новых связей между уже известными требуют применения интерпретационных методов их анализа и когнитивной обработки. Для решения литературоведческих, филологических, исторических задач истолкования отдельных произведений и информационных источников в определенных условиях возникает герменевтика. Одним из ведущих приёмов выявления имеющихся в тексте смыслов сторонниками герменевтического направления провозглашаются герменевтический круг и понимание [13].

Наибольший вклад в разработку данных понятий вносят немецкие философы, рассматривающие понимание в качестве метода наук о духе [20], одного из ключевых элементов философии жизни. В основе концепции духовного единства лежит принцип герменевтического круга, когда части понимаются в их неразрывной связи с целым, целое — благодаря внутренней согласованности составляющих его частей [16, 232]. Различные подходы к исследуемому феномену как философской и базисной человеческой категории, его содержанию — смыслу, породили множество герменевтических направлений.

Согласно В. Дильтею, постигаемый смысл постоянно подвергается изменениям. События и опыт вносят в жизнь индивида изменения, влияющие на осмысление им происходящих в объективном мире явлений, фактов, преобразуя их либо в ценностно-значимые, либо в ничего не значащие

сущности. Таким образом, человек воплощает в себе «стремление и способность понимать жизнь из неё самой» [8, 101]. Понимание у В. Дильтея превращается в ключевую категорию познания, которая, являясь всегда относительно незавершённой, постоянно расширяет, изменяет и преобразовывает горизонт исторического видения.

Ф. Шлейермахер, основоположник психологической герменевтики, различает в процессе осмысления два взаимосвязанных аспекта: 1) «грамматический», определяющий понимание, исходя из сущности языка, как связанное этой сущностью; 2) «психологический», представляющий данный феномен как своеобразный способ мышления говорящего, его чувствования. Психологическая составляющая реализует собственно интерпретацию текста или воспринимаемого сообщения. Согласно Ф. Шлейермахеру, задача осмысления состоит в том, чтобы проникнуть за рамки внешнего (языкового) выражения мысли и установить, какое внутреннее (индивидуальное) мышление легло в основу данной речи и кроется за ней [20, 380–385].

В онтологической герменевтике, разработанной М. Хайдеггером, излагается идея о том, что понимание по своему экзистенциальному смыслу есть «бытийное умение самого присутствия» человека. Для него осмысление — в силе постижения собственных возможностей бытия в рамках «жизненного мира», в котором оно существует. Коммуникация предполагает знание языка и предмета обсуждения, учёт убеждений, верований, морально-этических и культурных норм её участников. Эти элементы, выступающие в качестве предпосылки, важнейшего онтологического основания понимания, М. Хайдеггер называет «предпониманием» [19, 149–150].

Его последователи — Х.-Г. Гадамер, П. Рикёр, учитывают активность интерпретатора и его рефлексии над понимаемыми фактами и собственными идеализированными представлениями. Мыслимый как часть смыслового совершения, в котором образуется и осуществляется содержательное порождение всех высказываний, исследуемый феномен выступает в качестве самого «процесса конкретизации смысла» [6, 463]. На характер истолкования огромное влияние оказывает субъективный фактор: личность самого интерпретатора, его талант или аналитические способности, знание языка и знакомство с культурным фоном интерпретируемого произведения, а также место и время — страна, эпоха, традиции [21].

Данную точку зрения, постулирующую зависимость построения смысла текстового сообщения от внетекстовых факторов, среди которых основное место занимают особенности внутреннего мира человека, разделяют многие современные учёные: В. У. Бабушкин [2], В. В. Кашин [11], А. Л. Никифоров [14], В. К. Нишанов [15], Е. Н. Шульга [21] и другие. Осмысление предполагает операции со знаниями субъекта, его внутренней картиной мира, нормативно-ценностной системой. При формировании смысла задействованы такие когнитивные структуры, как знания, мнения, чувственные, наглядные, абстрактные образы, связи между ними, интенции, верования индивида, его морально-этические нормы, мысленные модели, построенные на основании предшествующей мыслительной деятельности [15]. Смыслы, которые человек приписывает объектам понимания, он черпает из своего внутреннего мира — мира индивидуального сознания. Встречаясь с языковыми выражениями, предметами культуры, он соотносит их со своим «индивидуальным Я», придаёт им интерпретацию, наделяет их собственным смыслом [14, 85].

Понимание как определённый феномен научного и обыденного человеческого познания характеризуется целостностью, системностью в интерпретации явлений и фактов. Этим оно отличается от объяснения, строящегося на основе отдельных законов и принципов [17]. Всякое объяснение завершается пониманием, поскольку первое — это «момент абстрактного, возможного в системе», а второе — это «момент актуализации возможностей на пути от системы к событию, от языка как системы к конкретному высказыванию». И объяснение, и понимание выступают как взаимосвязанные, соотнесённые друг с другом интеллектуальные процедуры [1, 251].

Большинство философов (Е. К. Быстрицкий [5], С. Б. Крымский [12], А. Л. Никифоров [14], В. К. Нишанов [15], Г. И. Рузавин [17]) сходятся во мнении о том, что мыслительная операция постижения сущности факта, события, речевого сообщения неразрывно связана с выявлением смысла или значения языкового выражения, произведения искусства, поступков, действий людей — всего того, что представляет собой продукт человеческой деятельности, в которые он вложил свои мысли, чувства, цели и желания. Невозможно говорить о понимании стула или камня, так как они не обладают ни целями, ни смыслом, ни социальной функцией. «Понимая объекты культурного мира, мы в конечном итоге всегда понимаем их создателя — человека» [14, 75].

Обсуждая проблему постижения нового содержания, герменевтики не раз обращались к внутреннему миру человека, помещая на центральное место интуитивное «вчувствование», целостное переживание, постигнутое на уровне общезначимого [8]; сходство человеческих индивидуальностей, как необходимое условие достижения взаимопонимания между двумя собеседниками [20]; жизненный процесс, подразумевающий нахождение человеком истинного смысла [6]; «предпонимание», осуществляющееся в среде языка [19, 150]. В приведённых трактовках философов ставится проблема мотивов, целей, установок, иных форм существования ценностей. Однако, как отмечается в лингвофилософской литературе, не сформулирована принципиально важная для истолкования понимания мысль о ценностной обусловленности целостного осмысления [10].

Жизнедеятельность человека представляет собой совокупность нормативно-ценностных образований в сфере профессиональной деятельности, отдыха, быта [7]. Исследуемый нами феномен имеет место в процессах целесообразной деятельности и зависит во многом от сложно опосредованных, явных и скрытых целей и мотивов, и ценностей, отвечающих этим намерениям и планам. Ценности определяются как «отношение соответствия предмета мысли выраженному в языке желанию», а также свойство определённой вещи, соответствующее целенаправленным установкам, мотивировкам и стремлениям [10, 12]. Характеризуя диалогический контекст как момент взаимодействия двух или нескольких мировоззрений, понимание дополняет текст, внося в его содержание оценочный момент [3]. Мыслительная операция, ориентированная

на реконструкцию и извлечение смысла из получаемой информации неразрывно связана с ценностями, субъективным опытом и отношением к вещам, оценкой [11]. Это означает, что изучаемое нами явление является одной из важных проблем аксиологии.

Философией освещается сфера взаимопонимания людей, в рамках которой рассматривается одна из самых удивительных и загадочных способностей человека — способность к сочувствию, соучастию. Симпатия трактуется как инструмент познания, лежащий у источника жизненных явлений [4], который обуславливает и предопределяет понимание [22]. Проникновение во внутренний мир другого, отождествление себя с ним, эмоциональное сопереживание его душевной жизни реализуют целостное осознание духовного состояния индивида и его мысленную реконструкцию сочувствующего субъекта [18].

Вчувствование, вживание, способность схватывать суть — приёмы поведения, именуемые в гуманитарных науках как нелогические, а также специфические для человеческих действий составляющие — мотивы, цели, интенции, объединяются единым термином «понимание» [15, 121].

В философском освещении изучаемый нами феномен предстаёт как экзистенциальная структура, обуславливающая раскрытие и актуализацию смыслов, содержащихся в культурных объектах, а также самореализацию и открытие новых содержательных сущностей. Понимание интенционально, индивидуализировано, отражает системно-ценностные представления осмысляющего субъекта, выполняет контактоустанавливающую функцию в процессе взаимодействия индивидов.

Список литературы:

1. Автономова Н. С. Понимание как логико-гносеологическая проблема/Н. С. Автономова, В. П. Филатов//Вопросы философии. – 1981. – № 5. – с. 164–169.
2. Бабушкин В. У. О двух моделях понимания//Загадка человеческого понимания/Под общ. ред. А. А. Яковлева; сост. В. П. Филатов. – М.: Политиздат, – 1991. – с. 160–175.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, – 1986.
4. Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: Директ-Медиа, – 2009.
5. Быстрицкий Е. К. Понимание и практическое сознание//Загадка человеческого понимания/Под общ. ред. А. А. Яковлева; сост. В. П. Филатов. – М.: Политиздат, – 1991. – с. 25–38.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, – 1988.
7. Гусев С. С. Проблема понимания в философии/С. С. Гусев, Г. А. Тульчинский. – М.: Наука, – 1985.
8. Дильтей В. Сущность философии. – М.: «Интрада», – 2001.
9. Ивин А. А. Ценности и понимание//Вопросы философии. – 1987. – № 8. – с. 31–43.
10. Ивин А. А. Аксиология. Научное издание. – М.: Высшая школа, – 2006.
11. Кашин В. В. Онтологические и гносеологические проблемы генезиса понимания. – Уфа: Изд-ие Башкирского университета, – 2000.

12. Крымский С. Б. Философско-гносеологический анализ специфики понимания//Понимание как логико-гносеологическая проблема. – Киев: Наукова думка, – 1982. – с. 24–43.
13. Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Прогресс, – 1991.
14. Никифоров А. Л. Семантическая концепция понимания//Загадка человеческого понимания/Под общ. ред. А. А. Яковлева; сост. В. П. Филатов. – М.: Политиздат, – 1991. – с. 72–94.
15. Нишанов В. К. Феномен понимания: когнитивный анализ. – Фрунзе: Илим, – 1990.
16. Новая философская энциклопедия/Гл. ред. И. Т. Фролов. – 6-е изд. – М.: Политиздат, – 1991.
17. Рузавин Г. И. Проблема понимания и герменевтика//Герменевтика: история и современность. – М.: Мысль, 1985. – с. 162–178.
18. Филатов В. П. Парадоксы эмпатии//Загадка человеческого понимания/Под общ. ред. А. А. Яковлева; сост. В. П. Филатов. – М.: Политиздат, 1991. – с. 176–195.
19. Хайдеггер М. Бытие и время. – Харьков: «Фо-лио», – 2002.
20. Шлейермахер, Ф. Мирозерцание//Речи о религии. Монологи. – М.; Калинин: «REFL-book»; «ИСА», – 1994. – с. 378–392.
21. Шульга Е. Н. Понимание и интерпретация. – М.: Наука, – 2008.
22. Юм Д. Трактат о человеческой природе. – СПб.: Азбука, – 2001.

*Gulahmadov Shamsuddin,
Masarik University,
Erasmus Mundus PHD exchange students,
the department of Anthropology
E-mail: gulahmadov_sh@mail.ru*

Some of concepts Abu Nasr Farbi about the structure of anthropological knowledge

Abstract: This article presents some of brief the concepts of Abu Nasr Farbi about the structure of anthropological knowledge in the middle Ages in the East. We will consider briefly some stages of development of spiritual, innate abilities, mastering skills, the general nature of people, talent, rational, reasoning and analysis, science and Practice, action and will, social sciences, and as well as anthropological ideas of Abu Nasr Farbi about the way of the history of philosophical thought.

Keywords: the spiritual, innate abilities, mastering skills, the general nature of people, talent, rational, reasoning and analysis, science and practice.

It is necessary to consider the structure of anthropological knowledge of the East in a context of development of scientific knowledge and actually scientific traditions the established scientific tradition. The equally close attention is paid to each branch and to all scientific knowledge as a whole. If to take development of separate scientific knowledge, it is possible to note for an example works of scientists in the field of the Arabic language and literature (Ahmad Muhammad al-Khavfi, Fan al-kitaba (Oratory science), Kakhira, 1963; Badavi Tabban, ilm al-bayon (Science about stylistics), Kakhira, 1962; Ali al-Hindi, Fan at-tashbih (Science of comparisons — rhetoric, literature, criticism), Kakhira, 1952; Bahaddin Amili, Favaid as-samdiyya fi ilm al-arabiyya (Invariable advantage in knowledge of the Arab culture), Tabriz, 1837; etc.), also religion (Ihsan Abbas, Fan as-siyya (Science

about siyya), Beirut, 1956; Tantavi Javhari, Mizan al-javahir (Scales of jewelry), Istanbul, 1900; Husain Makayi, ilmi hol (State science), Namangan, 1911; Kasim Mudir Shanchiy, ilm al-hadis (Science about hadis — interpretation), Mashhad, 1966; Abu al-Kasim Ganji Samarkandi, ilm tajvid (Reading science — the Koran on a singsong), Samarkand, 1966; etc.).

The East of that period was famous first of all for those traditions of Ancient Greece that were continued, enriched and developed. Early Islam as the religion, and then its secret schools of Sufism, personified achievements and richness of the previous spirituality and considered that studying of sciences and culture is the necessary requirement of time. Strengthening of influence of Islam went and therefore it carried out functions not only religions, but also distributions of knowledge of

the nature, about the person, about relationship of the people, different spheres of life of society.

The system of special religious knowledge develops since the 9th century and on nowadays develops in the Muslim countries [1]. In the book "Continuation of Ancient Greek Sciences in Islam" Rosenthal E.J. wrote: "It is necessary not only to protect theoretically or practically, but also it is necessary to understand a religion place, i. e. Islam in science ... a place of this big engine not only in religious human life, but also in all its areas. Continuation and place of Islam are that big protection of the science and will be opening of doors for knowledge to Mankind" [2, 18].

Due to the distribution of doctrines of the Greek thinkers, especially Aristotle's works, medieval scientists of the East couldn't but get acquainted also with his anthropological doctrine. Aristotelean anthropology, as well as its entire heritage, had a great impact on the subsequent development of philosophy, culture as a whole. However it reflected a level of development of knowledge of antiquity. Followers of the Aristotelean doctrine in the East can be al-Kindi, al-Farabi and Ibn Sino. Due to the development of sciences on the basis of religion in many classifications of representatives of the East they began to prevail. It should be noted that this factor had impact on development of the anthropological knowledge of thinkers of the medieval East.

In this regard anthropological views of Muslim thinkers deserve attention.

The reasoning on the nature (inherited qualities) of individuals in views of the majority of Muslim thinkers is based on recognition of a duality of human nature and a role of spiritual factors in his behavior. Besides, the similar reasoning is based on the components forming the personality, on freedom and a choice of the person, ways of creation of harmony between components and on learning tools of the person. All these factors are necessary features of social views of these thinkers. In this plan anthropological views of Mavlavi differ special transparency, clarity and originality [3, 413, 421].

Local assumptions of Muslim thinkers which include their special views of society and of social problems also differ from views of scientists-sociologists. Analyses concerning division of labor and mutual need of people in each other, as vital need which is put in a society context by Allah; role of the invisible worlds and metaphysical factors in public transformations; views concerning need of laws, the managements and religions in life of society belong to area of local assumptions of Muslim thinkers.

Among the majority of Muslim thinkers commitment to ideals and promotion of plans of creation of ideal society used a certain attention. Similar views were widespread also among thinkers of Ancient Greece and other representatives of social philosophy under the influence of who to a certain degree there were also Islamic thinkers. Nevertheless, promotion of the improved and improved options of this idea from Islamic scientists was an indicator of their conscious choice and recognition of need of this idea. Besides, the combination of this idea to ideological and valuable fundamentals of Islam, especially in works of Farabi, was the certificate of an innovation of Islamic scientists in this direction and their conviction that commitment to ideals is one of necessary requirements for society transformation [4, 168].

That situation that it is impossible to consider commitment to ideals as the negative phenomenon deserves attention and existence of this indicator in views of Islamic thinkers can't be characterized as their weak point. Commitment to ideals if it is perceived from a position of the accounting of realities, is used for the purpose of improvement of society, formation of a cultural social revolution and public transformations, is the privilege by which present researches in the field of sociology are deprived.

In this context, the image of ideal society can be apprehended as a hint on existence of social decomposition and public disorders, as the offer of a suitable sample of future community of people to be considered critical (instead of conservative) as a view of a social standing [5, 112].

Other important point which is obviously necessary to mention at reasoning's on commitment to ideals, is the offer of theoretical ways and practical methods of movement to ideal society and its stage-by-stage implementation.

In views of Farabi the person by his state is above other beings. On the one hand, the person is allocated with a speech power and ability of a choice, he thinks and works; on the other hand, he is a being, independent, whose final perfection consists in achievement of happiness in the celestial world and isn't reduced to using the benefits of the distant world. It is possible to see existence and influence of each of these triple components distinctly in explanations of Farabi [6, 114].

The order in virtuous society completely is based on a basis of human knowledge and awareness; and the societies opposite to this society, the more they are deprived of these components, and the more they will be deprived of possibility of achievement of happiness. Thus, the head of virtuous society who represents heart

of this society, and in whose hands is the legislation, refereeing and observance of laws, is the wise personality (philosopher). And wisdom is considered as a basis of stability and stability of virtuous society; thus, lack of wisdom leads to society disorder.

In explanations of Farabi an important role is played also by existence of a freedom of choice. It carries out the distinctive line between will and a freedom of choice and is convinced that the freedom of choice is tendencies and the desires caused by thoughts and judgment in the presence of will which is based on the basis of feelings and imagination. Farabi adheres to belief according to which the will is present at all living beings, and the freedom of choice is peculiar only to the person. In his analyses Farabi seeks to recognize more important role behind a freedom of choice and recognizing a role of all other natural, acquired and conceptual factors, to exempt them from forcing feature. Really, the basis connected with virtue and happiness which is a framework of a public order at Farabi, makes the freedom of choice. Therefore Farabi is convinced that all societies can reach real happiness on the basis of a freedom of choice, and existence or absence of virtue in societies depends on freedom of their choice [7, 118].

In explanations of Farabi it is possible to find the influence of the third component that is the final stage of human perfection. He considers happiness in the celestial world which characterizes as “change of human soul and its perfection to level self-sufficing over the material beginning”, as a final stage of perfection of the person, and is convinced that any society which isn’t learning this purpose or not aspiring to it is considered an antipode of virtuous society. In particular, the governor of virtuous society needs to have idea of happiness in the mentioned sense and to take measures for the direction of people on the way to happiness; otherwise he isn’t worthy ranks of the governor of society. On this basis the societies which are an antipode of virtuous society, despite existence of material prosperity they, it can’t be compared.

Vital need is components without which human life is impossible or short. For a long time social life and division of socially significant work as two vital aspects were the focuses of attention of scientists. And on these two aspects, especially concerning social life, various views were stated. Farabi is one of Muslim thinkers who having paid attention to the matters connected these two vital needs with each other.

Classifying life of living beings and a social role of this life he subdivides them into five groups:

4.2.5.1. — Group which only by social life can satisfy its necessary needs.

4.2.5.2. — Group which can satisfy its necessary needs in individual life.

4.2.5.3. — Group which can satisfy necessary requirements and reach more perfect way of life, both in individual, and in social life; thus social life can’t become an obstacle in a way of its improvement.

4.2.5.4. — Group for which social life is an obstacle in a way of implementation of necessary affairs and achievements of the best life.

4.2.5.5. — The group, which satisfaction of necessary requirements and achievement of bigger perfection directly depend on its social life (For more information of rather different views on social life look at: [8, 249, 306]).

Farabi correlates the person to the fifth group and in this plan writes: “The person treats those beings who can achieve the necessary objectives and the best life, only among the many people, collected in a certain place” [9, 69].

Concerning emergence of social life and a role of distribution of work in it he says:

“Each person for ensuring the safety and achievement of high degree of perfection needs a set of affairs, and it is impossible that he was able to finish them alone. Therefore he needs various people that each of them satisfied his certain requirement. On the same basis each of these persons needs other persons. Therefore it is impossible that the person reached the final perfection which is the requirement of his nature unless in the light of society at which there is a division of labor and where everyone strives for satisfaction of needs of others. For this reason, people, breeding, chose for life fertile lands, and as a result “human societies” were [9, 69].

Reminding of importance of distribution of work, Farabi speaks about need of professionalism and writes:

“Each of inhabitants of the virtuous city should be given concrete craft that he is specialized on it, and was engaged in only specifically taken business; it doesn’t matter whether it is a serving or a senior position. And nobody should allow to be engaged at once in a set of affairs or to choose more than one craft” [10].

The reason of a similar position Farabi explains with the following aspects:

- 1) Difference between abilities of individuals;
- 2) Difference in development of skills;
- 3) Familiarizing of people with concrete professions, since children’s age;
- 4) Impossibility at the same time will engaged in several cases and specialties [11, 65].

Identity of society

According to Farabi, society can't exist irrespective of individuals making it. Even it is possible to tell that he doesn't recognize that society for individuals is new identity. Really, in Farabi's point of view, society is anything other, as set of human individuals. And a uniting factor for these individuals is the purposes for which implementation they seek in common, cooperating with each other. These are the purposes, which implementation is not in power of separately taken individual. On this basis it should be noted that existence of society is based on the objective beginnings, instead of on coercion and need. For its existence there is no more important regularity, than the laws dominating over the relations between individuals because the freedom of choice of people in them plays an important role.

In dissolute society as parts of immoral, changeable and stray society, also the purpose consists in commission of reprehensible affairs or unruliness of desires which are quite feasible at joint life with features of dissolute society. In similar society for implementation of this purpose people don't unite on a conscious and voluntary basis. But they promote similar customs unconsciously, in other words, safety and stability of debauchery is an undesirable consequence of their actions.

Farabi considered members of ignorant, immoral and changeable society deprived of the real happiness. He also considered various "weeds" of virtuous society worthy some kind of punishments and subject to re-education that, in his opinion, doesn't contradict social and divine justice.

In a context of anthropological knowledge, recognizing the general nature of people, Farabi believes in existence between human societies of a difference which is present under the influence of natural differences, a variety of customs and the languages which are contractual and conditional aspects. He connects the reason of a difference of various territories of the earth which are on the same parallels, with different degree of a saturation of vapors in air. And distinctions in degree of a saturation of vapors considers as the variety reason in climatic conditions, flora and fauna which cause a variety in foodstuff. And a variety of foodstuff, differences in the conditions of sowing and cultivation of plants lead to a difference in natural customs and behavior of people. Besides, a variety of the heavenly phenomena directed on Earth, also involves a difference in acts of creation of people. In this direction Farabi is convinced available direct and indirect influence of heavenly spheres on acts of creation of people, on their customs and, as a result, on differences between societies [11, 75].

On the other hand, recognizing the main role of culture, education of people available differences between human societies, in his turn, Farabi considers a difference in sciences and education by a consequence of the following natural and inherited qualities of people:

1. — Difference between people taking into account talents and fitness to a special form of education and the rational beginnings.

2. — Difference in abilities and degree of readiness of people to assimilation of special knowledge and the rational beginnings.

3. — Difference between people in the field of acquisition of skills and awareness.

4. — Difference between people in ability to understanding, reasoning and the analysis [12, 873].

Farabi recognizes a fundamental role of the general nature of people, human talents and abilities and, at the same time, he is convinced that existence of the general nature in people doesn't contradict freedom of their choice and influence of other natural and acquired factors on their behaviors [13, 145].

Farabi and social organism

The idea about similarity of society and a live organism (an animal or a plant) originates deep into of history (Similar differences which, eventually, lead to a role of celestial bodies, Farabi considers unusual for the person. But other type of perfection, that is the spiritual perfection feeding on a source of Active Reason, it carries to number of features of the person. According to his belief, the mentioned differences in customs and behavior in the course of interrelation generate other moral qualities) [Look at: 9, 70, 71]. Traces of this mentality can be found distinctly among the scientists living before blossoming of the Greek science, among the Greek philosophers, Muslim and non-Muslim thinkers of the East and the western scientists. Some sociologists, such as August Comte, expressed their opinions on the matter rather accurately (The question of similarity of society and live organism has also the opponents. For example, Thomas Hobbes and Jean Jacques Rousseau disproved similarity existence between society and an organism. And, on the contrary, many western philosophers the main among whom are Herbert Spencer and also Muslim thinkers spoke about similarity of a live organism to society. Certainly, in modern sociology the question of an order (or system) replaced itself a question of an organism, being applicable in relation to living beings and human society.) [For more detailed information look at: 14, 70–73].

These scientists, being unanimous on similarity of society to a live organism, nevertheless, on separate

details and aspects of the matter, such as conclusions from this similarity, its use only as allegory for entering of bigger clarity into structure of public life, and moreover, on an equivalence of the parties of similarity, had various opinions.

Spencer is the most outstanding scientist who in detail stated a question of similarity of society with a live organism. He is convinced in availability of six aspects of similarity and three aspects of difference between these two concepts. It is possible to tell that among Muslim scientists Farabi more than others at the description of ideal virtuous society were interested in the question of similarity of society with a live organism. At the description of this similarity between society and a live organism he is convinced that between elements of society and parts of a live organism many contradictions and differences take place, and in a life pyramid they are allocated with a certain hierarchy. In each of these pyramids (society and an organism) of lives always there will be an element which will stand at top. That is there will be an element which is the head (rais), leading, instead of conducted, and in the lowest step there is an element which is the servant (serving), instead of the owner (served). Each step from these two hierarchies is according to other step and carries out the duties agrees with commands of a higher step [15, 35].

Farabi claims that from the point of view of force and the congenital nature, bodies and elements of a body are different. One of bodies, heart is the main, and other bodies are on various after it importance steps. In the nature of each body force by means of which this body according to command of head carries out duties. At the second step also there are elements which by own efforts carry out actions according to commands of elements of a higher step; and so to that step for which communications with the head of a pyramid no intermediaries are present.

In the nature of each organ is force by means of which this organ according to command of head carries out duties peculiar to it. At the second step also there are elements which by own efforts carry out actions according to commands of elements of a higher step; and so to that step for which communications with the head of a pyramid no intermediaries are present. Elements of this last step are only serving and don't possess predominating situation at all.

The analogy of this hierarchy also exists in society. Individuals of society also by their nature and inherited qualities are different. In society one of individuals is a head (rais), and certain individuals are in hierarchy close to him. Each of these individuals has qualities and skills

by means of which he carries out the actions planned by the head. They belong to the first step (from above). After them there is a group which finishes affairs on their discretion. This group belongs to the second step. After them follows another step performing works on their command. And this hierarchy of individuals of society proceeds to the lowest step which carries out actions according to commands of a higher step. Individuals of this group only serve, and none of members of society is engaged in their service [16, 48].

Farabi sees the main difference between society and a live organism that individuals of society carry out the duties on the basis of knowledge, thoughts and an idea; in the presence they have freedom of choice. Whereas parts of an organism will be deprived of any consciousness and will and carry out the functions by natural force. He writes: "Parts of an organism are natural, and their qualities are also allocated with natural forces [not strong-willed]. And members of society though they are natural, nevertheless, qualities and skills by means of which they carry out the affairs, are unnatural [and strong-willed]" [7, 118].

In any case, "today the sociology looks at society and on living beings as at system, that is "whole" here consists from interconnected and at the same time to a certain degree of the independent parts seeking for achievement of a common goal" [7, 119]. Farabi also at reasoning on actions and functions of parts of a body and similarity of society with it, looks at this question from the point of view of orderliness. The meaning that each part of a body in a natural order of an organism depending on forces which in it is occupied with a certain action which enters a circle of its functions. In this regard Farabi writes: "Virtuous society is similar to a healthy body with the complete parts which all elements are in interaction for preservation and end of biological life" [17, 335].

Farabi, depending on existence or lack of self-sufficiency, divides human societies on full and incomplete. Then he divides full societies into big, average and small societies taking into account a certain quantitative measure that is on degree of prevalence of the population on the fertile and equipped parts of the earth. Big society is understood as all people of the world who, rallying, cooperate with each other. Average society is meant as the people who gathered and live on the improved parts of the earth, and small society is inhabitants of one city who gathered on a certain territory of one country.

And to incomplete societies, from the point of view of Farabi, belongs the population of one village, quarter, lane or members of one family.

Taking into account that society can't be less than a city on structure and number of the population, then the minimum condition for achievement of the best benefit is existence of the city society. The main object of research of Farabi is small society, that is the city population which is called by him "civil (or city) society" (jamea al-madani). Taking into account the purpose set for each of these societies for which implementation people united and cooperate with each other, he divides city societies into two general categories — virtuous and not virtuous, in turn, having divided not virtuous society for several categories. Thus he recognizes signs of ideological and cultural questions.

The remarkable moment is that Farabi, saying about city society, as about full society that is a consequence of influence on it the Greek philosophers and, especially, Aristotle, nevertheless, didn't fail to remind also about virtuous community of brothers in faith (umma) and the virtuous people (millat). This circumstance is the sign of attention of Farabi to a question of incomplete compliance of Aristotelean concept city society (madina) to Islamic societies and as divisions of power structures and the people, and recognition of priority of society from the point of view of sociology [7, 118].

Virtuous society of Farabi is a community of human individuals who are allocated with interference and social unity. Individuals of society as well as nature elements, being rather independent and individually mobile, on the basis of social unity form a uniform order. The order in the virtuous city, like a world order (in a general sense) and the order of a human body, is self-sufficient, and individuals are in it at various steps of the helicoid structure having a form of longitudinal hierarchy. The dignity of each individual is depending on natural and individual factors and from the behavioural skills acquired by him and traditions.

The head of society appoints each individual to a state appropriate to him (service or domination) taking into account two mentioned norms. The order in society begins with the first head (raisi avval) who serves nobody and submits to nobody. And it comes to the end with the last (bottom) step of a social pyramid which consists of estate of people who only serve, but don't govern at all). From the point of view of Farabi, the head of society plays the first role in a public order. And streamlining by affairs of society is carried out on the basis of submission of a head of society about happiness. The first head represents heart of public system and community of individuals of society. Members of society consider the head an ideological example and an example

of practical behaviour, and distribution of products of social activities is regulated depending on proximity and remoteness degree from him. Nevertheless, individuals use independence and freedom of action [18, 53].

One of the most remarkable parties of philosophical system of Farabi is his doctrine about knowledge to which he paid much attention in many treatises: «Philosophical questions and answers to them»; «Essence of wisdom»; «Comments»; «Civil policy»; «About the beginnings of existence of forms and accidents», etc. In these works were taken up such questions, as emergence of human knowledge, its relation to reality, knowledge of objective reality, degree of cognoscibility of the world, a form and types of knowledge, concrete and abstract relationship in knowledge, interrelation of a body and soul, etc.

He divided knowledge in practical which calls craft and art, meaning possession equipment of any type of work, and in theoretical, covering all types of science [19, 252, 281]. Object of the last are real-life existence and its various properties and qualities. He tried to find out character, tasks and public advantage of concrete sciences in the general system of theoretical knowledge and imposed big requirements to them, dividing them into groups. In the sphere of theoretical knowledge the main place is taken by philosophy.

In the sphere of theoretical knowledge Farabi defined philosophy as science about the general properties and laws of life and characterized its relation to concrete sciences, as the relation of the general and private [20, 148].

Taking into account that each of these two types is reached by two types of skilful receptions (sanai) [21, 67]: one of types of skilful receptions and sciences gives to the person opportunity to learn what is learned, and the other type gives to the person knowledge of what is feasible. (Sanai (arts) are sciences which are reached by means of action or belong to quality of any action, such as, for example, logic).

The last group, in turn, divides into two parts: the first, is skillful receptions and sciences by means of which the person influences "society", such as medicine, trade and navigation. And other part consists of arts which give the person ability of a choice and force for a fulfilment of laudable affairs and commission of the correct actions.

Each of these groups of art is the carrier of the special purpose for the person. The purpose of arts by means of which the person influences society, consists in obtaining benefit (naf); and the purpose of two other groups of art is comprehension of beauty (Jamal). The arts which purpose consists in achievement

of beauty, divides into two categories: 1) science; 2) science and practice. The philosophy also divides into two categories: 1) the theoretical philosophy including knowledge of aspects, which implementation is not in power of the person; actions of the person have no relation to their creation; 2) practical (civil) philosophy, that is knowledge of the aspects, which implementation is in power of the person. They are created by means of acts and will of man.

Thus, along with clarification of the reason of that social sciences in the mentioned list are called in one section with the fikh and kalam, it becomes clear to us that in science about society (sociology) a main objective are ethical, individual and social aspects of the person [22] (It is necessary to remember that under the word “ethics” (ahlak) in the phrase “a main objective are ethical aspects” is understood not its nowadays popular value, but broader sense including also science about society).

References:

1. Bahodirov R. Classification of sciences and its place in the history of culture of the Muslim East (the IX–XV centuries) the dissertation abstract on art criticism. – Moscow – 1998.
2. Rosenthal E. J. Das Fortlebender Antike im Islam, – Stuttgart, – 1965, – p. 18.
3. Stepanyants M. T. Virtuous person of the virtuous city.//Philosophy history. West-Russia-East. Book the first. Antiquity and Middle Ages philosophy. – Moscow: Greek-Latin office, – 1995 – p. 413–421.
4. Ibn Sino and medieval philosophy. – Dushanbe, – 1981. – 168 p.
5. Odilov Nodir. Dzhalaliddin Rumi's Outlook. Irfon publishing house, – Dushanbe, – 1974, – 112 p.
6. Al-Farabi. Social and ethical treatises. – Alma-Ata, – 1973. – 114 p.
7. Farabi Abu Nasr Mahomed, ar akhlal-madina al-fazila (The treatise about views of inhabitants of the virtuous city), – p. 118, 119.
8. Mabanii jameashinasi (“Fundamentals of sociology”), – p. 249–306.
9. Farabi Abu Nasr Mahomed. As-siyasa al-madaniya (Civil policy), – p. 69–71.
10. Farabi Abu Nasr Mahomed. Ar ahli al-madina al-fasila.
11. Farabi Abu Nasr Mahomed. Fusul muntazila (“Abstract sections”) – p. 65, 75.
12. Khayrullaev M. M. Abu Nasr al-Farabi: – Moscow, – 1982., – p. 873–950.
13. Shaymuhambetova G. B. Platon's doctrine about ideas and the reason theory of al-Farabi. Al-Farabi. Scientific creativity. – Moscow, – 1975, – p. 145.
14. Timashev Nikolay. Sociological theory: its nature and development, – p. 70–73.
15. Gulahmadov Sh., Abdulvohidov S., Fayziev. Sociology. – Dushanbe. – 2011., – p. 35.
16. Gulahmadov Sh., Ibragimov G., Kamolova M., Social idea tajik scientist at the Midvale century. – Dushanbe. – 2011. – p. 48.
17. Tarikhchai jamashinasi (Short history of sociology), – p. 335.
18. Dinorshoeva Z. Civil philosophy of Al-Farabi. – Dushanbe., – 2006. – p. 53.
19. Farabi, About achievement of happiness, – Tashkent, – 1963, – p. 252–281.; Al-Farabi, Socially – ethical treatises, – Alma-Ata, – 1973.
20. Farabi A., Ihyo al-ulum, – Kokhira, – 1948. – p. 148.
21. Sketches on stories socially – philosophical thought in Uzbekistan – p.- 67.
22. Farabi Abu Nasr Muhammad. At-tanbih ‘ala sabili-s-saada (“The indication of ways of happiness”).

*Zhulkov Mikhail Vyacheslavovich,
Ivanovo State University, Ph. D., Associate Professor
E-mail: mzh1@mail.ru*

Practice Illumination and Enlightenment: the meeting of two consciousnesses

Abstract: This paper is devoted to the study of the Tibetan practice of illumination and enlightenment, and the possibility of its widespread use for the development of consciousness. Using the energy metaphor of

consciousness, the author considers the illumination as the instant energy contact between the higher self and the lower empirical self.

Keywords: illumination, enlightenment, Buddhism, consciousness, higher states of consciousness, the Higher Self.

*Жульков Михаил Вячеславович,
Ивановский государственный университет,
кандидат философских наук, доцент
E-mail: mzh1@mail.ru*

Практика Озарения и Просветления: встреча двух сознаний

Аннотация: Статья посвящена исследованию тибетской практики озарения и просветления и возможности ее широкого применения для развития сознания. Используя энергетическую метафору сознания, автор рассматривает озарение как мгновенный энергетический контакт между Высшим Я и низшим эмпирическим я.

Ключевые слова: озарение, просветление, буддизм, сознание, высшие состояния сознания, Высшее Я.

Практика Озарения и Просветления известна как часть прямого пути тибетского буддизма (достижения нирваны за одну жизнь). Она не так широко известна на Западе, как Хатха йога или Раджа йога, однако именно озарение может быть широко внедрено в повседневную жизнь, профессиональную, научную и творческую активность. Такая практика не требует специальных условий, в то же время ее эффективность равна специальным практикам. Данная статья посвящена описанию процессов озарения и просветления и возможному объяснению феномена озарения.

Просветление в Буддизме. Для того чтобы понять место и значение практики Озарения и Просветления, необходимо вспомнить некоторые особенности восточной философии. Одна из них — идея Просветления в Буддизме, само слово Будда, как известно, означает Просветленный. Просветление — это достижение целостного сознания, реализация высших состояний сознания, преодоление низшего я (эго). Одновременно это — процесс постепенной трансформации сознания, ума и мозга, продвижение к окончательному просветлению.

К Просветлению ведет благородный средний путь, содержащий восемь ступеней: правильная точка зрения, правильная решимость, правильная речь, правильное поведение, правильная жизнь, правильные усилия, правильное направление мысли и правильная сосредоточенность [9, 43]. Если мы сравним эти ступени с восьмеричным путем Раджа йоги, то можно прийти к выводу, что их ступени аналогичны, но буддизм делает упор на их психологическом и субъективном значении. Например, асана (третья ступень йоги) означает правильную позу тела, а субъективный смысл состоит в правильной жизненной ориентации,

что находит выражение через «правильную речь» буддийской системы.

Восемь ступеней Раджа йоги разделены на две части: первые пять ступеней связаны с чувствами, или телом, а последующие три (концентрация, медитация, самадхи) — с умом. Их совместная практика называется самъямой, то есть самоконтролем. Практика медитации (сосредоточения) ведет к самадхи (трансцендентному сознанию) и, следовательно, к просветлению. Окончательное просветление наступает вместе с окончательным соединением ума и высшего сознания (Атмана).

Таким образом, Просветление достигается практикой трех высших средств Раджа йоги — концентрации, медитации и самадхи, то есть практикой мышления.

После своего просветления Будда вел активную деятельность в течение сорока пяти лет. Будда указывал, что по мере просветления любовь и сострадание ко всем живым существам возрастают и заставляют предпринимать усилия для освобождения всех чувствующих существ. Это, как известно, особенно характерно для Махаяны (Большой колесницы), идеалом которой как раз и является помощь окружающим с достигнутого уровня просветления [9, 158]. Идеалом бодхисаттвы является достижение совершенной мудрости, чтобы помогать избавляться от страданий людям и всем живым существам [9, 159]. Идеал помощи имеет и философскую основу, которая отрицает индивидуальное я и утверждает всеобщее Я (Параматман) как истинное я всех людей и всех существ [9, 160].

Взаимосвязь сознания и энергии. Целью совершенствования человека, согласно восточной философии, является освобождение от перевоплощения путем достижения единения низшего сознания с Высшим Я, Атманом, Пурушей (духом). Только

теоретического познания для этого недостаточно, необходим высокий уровень энергии, умение управлять потоками энергии в собственном теле. У.Й. Эванс-Вентц пишет о «тождественности Энергии и Сознания»: «Тантризм рассматривает Вселенную как состоящую из противоположностей: нирваны и сансары, ноумена и феномена, потенциального и проявленного, озарения и не различающей перцепции, пустоты и полноты жизни, сознания и праны. Кроме того, тантризм провозглашает, что с точки зрения высшей реальности, каждая из этих пар противоположностей, хотя и кажущихся таковыми, является неделимым целым. Следовательно, если ученик придет к полному пониманию одного члена этой пары и овладеет им, он автоматически так же овладеет вторым членом» [10, 28].

Состояние Будды включает не только просветленное сознание и ум, но и полное их насыщение энергией: «Для достижения этой великой цели обычное человеческое сознание и жизненная энергия должны быть трансмутированы с помощью этой практики в Трансцендентальную Мудрость и Великую Жизненную Силу» [10, 29].

В соответствии с описанной парадигмой системы совершенствования имеют два основных пути: путь понимания и путь увеличения энергии с помощью специальных упражнений. Между ними имеется взаимосвязь: понимание приводит к увеличению энергии и овладению психическими силами, а рост энергии приводит к пониманию. В «Бхагавадгите» мы читаем: «На этом свете есть двоякий путь, как мною было сказано и ранее, о безгрешный: единение Санкхьяиков через познание и единение Йогов через действие» [2, 41]. Эти два пути не противоречат друг другу, а скорее дополняют. В тибетском буддизме также два основных пути: путь без формы, основанный на понимании (Махамудра), и путь с формой, основанный на энергетической практике, описанный в шести доктринах [10, 28–29].

Путь понимания ведет к соединению самосознания с Атманом — высшим состоянием сознания, а затем уже овладением силами и возможностями, которые предоставляют промежуточные тела. Энергетический путь предполагает движение снизу вверх, постепенное и последовательное подчинение каждого тела сознанию.

Таким образом, сознание имеет не только информационный аспект (осведомленность), но и силовой (энергетический), что особенно заметно по описанию и феноменам высших состояний сознания.

Озарение и Просветление. Тибетская практика Озарения и Просветления является разновидностью пути понимания, Озарение сокращает путь Просветления. Озарение — это вспышка света, которую видит мыслитель после достижения необходимого напряжения сознания, достигаемого практикой мышления.

После вспышки озарения следует процесс просветления мозга и сознания личности, постепенно осознаются знания, переданные Сущностью. Эти знания отвечают содержанию размышлений, которые привели к вспышке Озарения. Самым значительным итогом является резкий рост понимания.

Это упражнение описано в Тибетском Буддизме в учении Махамудры (Великого Символа, прямого пути к Нирване). Вот цитата из книги У. Й. Эванс-Вентца: «Необходимо совершенное слияние Бесконечной Мудрости и Бесконечного Сострадания. В «Обете Махамудры» есть слова Гармабы, подтверждающие эту мысль:

«Когда в момент озарения я вижу изначальный лик ума,

Рождается беспредельное сострадание.

Чем ярче озарение, тем глубже сострадание.

Чем глубже сострадание, тем совершеннее мудрость, постигаемая мной.

Этот безошибочный путь слияния двух в одно есть высшее осуществление Дхармы» [10, 43].

Сострадание и Мудрость возникают в результате усиления работы Сознания и Мысли.

То же самое описано в Тибетской «Книге Великого Освобождения»: «Твои Сознание и Сверкающий ум — нераздельны, это одно и то же. Их союз и есть Дхарма Кайя, состояние Совершенного Озарения Предвечным Светом» [7, 20].

«Изначальное лицо разума» сверкает чистым белым светом, Огнем, который не сжигает, но преобразует и испытывает работу ума и мозга.

Путь озарения и просветления одинаково свойственны как Востоку, так и Западу. Озарение возникает при длительной концентрации на определенной проблеме — в науке, религии, искусстве, политике. Известно, что ученые совершают открытия с помощью озарения и интуиции (Н. Тесла, В.И. Вернадский, Ф.А. Кекуле, Д.И. Менделеев). Сама вспышка может быть разной по величине и степени охвата, яркости: от небольшого и неярко белого пятна до всеохватывающей ослепляющей вспышки, с промежуточными вариантами.

Так мы видим принципиальную общность путей духовного совершенствования человека:

к озарению ведет путь концентрированного и длительного размышления. Вспышка озарения просветляет не только сознание и ум, но и ткани мозга, так что человек способен сформулировать полученное новое знание.

Контакт двух сознаний. В результате озарение может быть понято как союз двух сознаний — внешнего (эмпирического) я и внутреннего, Высшего Я. В момент озарения практикующий видит вспышку света, являющуюся энергетическим явлением. Поэтому Озарение может быть описано в терминах энергии, а именно, электрической энергии — как внезапное соединение двух противоположных полюсов, как разряд после достижения определенного напряжения сознания, накопления необходимого количества энергии, речь должна идти о психической энергии и энергии мысли.

Резервуар «электричества» находится в распоряжении высшего сознания, и сам контакт, следовательно, носит силовой характер. Низшее сознание создает собственную область накопления энергии. Этот динамический процесс движения и накопления мыслительной энергии привлекает внимание Высшего Я, и в выбранный им момент возникает молния, разряд, соединяющий два сознания, что и видится как вспышка света.

Для уточнения нашей гипотезы вспомним, что Упанишады описывают четыре основных стопы сознания, объединяющих, по-видимому, как структуры сознания, так и состояния сознания: это внешнее, бодрствующее сознание; внутреннее сознание, работа которого проявляется через образы, воображение и сновидения; состояние глубокого сна, которое у развитого человека становится размышляющим сознанием; Атман как трансцендентное сознание, которое является источником и основой трех предыдущих состояний [8, 201–202]. Очевидно, что Атман и есть Высшее Я. Бодрствующее сознание определяется работой мозга, ум — это третье состояние (структура сознания), поэтому энергетический путь Озарения и связи двух сознаний может быть описан так: Высшее Я — ум — мозг.

Далее, Высшее сознание в Индийской философии описывается как двуединое Шива–Шакти, то есть космическое Я (сознание) в соединении со своими энергиями (Шакти) [3, 14; 6, 663]. Высшее Я может черпать энергию из этого источника, а может иметь свою собственную энергию, так как мир построен по аналогии, и низшее отражает высшее: индивидуальный Атман отражает всеобщий Атман.

В школах индуизма два сознания человека описываются как точечный манас (низшее я) и распределенное всепроникающее сознание Атмана [9, 47]. Распределенное сознание не имеет центра и заполняет планетарную сферу или сферу Солнечной системы. Их соединение необходимо для достижения целостного сознания, точка и бесконечность должны соединиться. Манас дает ярко выраженный центр, точку отсчета, Атман — энергию, вездесущность и планетарный масштаб.

В процессе размышления возникает поляризация распределенного (волнового) сознания на низшее сознание, возникает область взаимодействия, между низшим я и высшим возникает канал, который затем и используется для передачи знания, что и происходит в виде вспышки света (Озарения).

Два человеческих сознания очень разнородны, и в процессе их соединения необходимо возникает ряд проблем. Так, пока манас не станет достаточно сильным и «плотным», он не сможет выдержать на много больший уровень энергии высшего сознания и просто растворится в окружающей его бесконечности. В свою очередь, Высшее сознание, приближаясь и контактируя с низшим сознанием, видит его как (бесконечно) малую точку, заброшенную в пространстве и времени, и вряд ли имеет желание с ним соединиться. Для того чтобы такое соединение все-таки произошло, необходима настойчивость и применение воли.

Описание Озарения в книгах «Агни Йоги» подтверждает энергетическую гипотезу феномена Озарения.

Агни йога об Озарении и Просветлении. Вторая книга «Агни Йоги» названа «Озарение», что показывает его значимость с точки зрения огненной йоги, приходящей на смену Раджа йоги. Озарение использовалось, по крайней мере, несколько тысяч лет отдельными людьми — царями и жрецами, а в будущем этот способ связи с высшими мирами получит более широкое распространение: «В древних магических книгах можно найти термин — «*Illuminatio Regale*», что значит Царственное Озарение. Насколько важный принцип, что Гермес оканчивает трактат словами: «Благословенны избравшие путь Озарения»».

Символ помазания царей имеет то же самое основание. Решительно все знатоки Тайной Силы сходятся на утверждениях высшей гармонии в проявлениях мощи Озарения. Потому царь — помазанный символично, что, не удаляясь от земли, выражает

волю небес. Поверх формул условных, застывших в коре предрассудков, имеются знания, как бы разлитые в воздухе. Поставь громоотвод и собери небесную стрелу. Для одного она опасна, но другому она лучшее вооружение. И все будущее основано на овладении озарением. Самый трудный телефон будет в руках человека» [5, 111].

Путь озарения сокращает путь к целостному просветленному сознанию: «Зачем путь постепенности, если одно озарение подымает над границами» [5, 139].

В Агни Йоге даются ценные указания и практические советы. Так, человек должен жить внутренней жизнью больше, чем внешней, механической: «Человек слишком занят механическими сторонами жизни и лишает себя мгновенного озарения. Может человек найти минуту, чтобы мысленно переключиться на высокую тональность, но для этого нужно освоить значение психожизни» [1, 477].

Озарение и просветление может вызываться разными причинами. Так, мысль человека призывает озарение энергией окружающего космоса: «Поэтому пусть мысль человека будет достойна озарения огнем пространства» [1, 496]. Эта энергия должна быть притянута сознанием человека, намагниченного устремлением и размышлением: «... молния Надземного Мира может оживотворять, если искра сознания уже образовала магнит. В мироздании взаимность имеет решающее значение» [1, 495].

Любовь и радость сами по себе являются озарением (говорится об озарении любовью и озарении радостью) и способствуют озарению и просветлению.

Причиной может стать даже отрицание и ненависть: «Пусть оно спешит по пути проклятия, в малых стадиях оно не найдет энергии для просветления, но пусть произойдет взрыв, и сияние Света породит приближение к Истине» [1, 360]. Таково было озарение и просветление будущего апостола Павла при переходе через пустыню.

Так в Агни Йоге находим, наряду с отдельной книгой об Озарении, постоянно встречающиеся упоминания и различные сведения, которые вместе образуют стройное учение об Озарении и Просветлении, предназначенное для освоения и применения современным человеком в настоящем и ближайшем будущем.

Тибетская медитация и подъем огня Кундалини. В связи с нашей темой представляет интерес тибетская практика медитации, связанная с подъемом огня Кундалини, что является разновидностью прямого пути и практики Раджа йоги.

В. П. Казначеев рассматривает взаимосвязь тибетской, китайской и индийской культурных традиций в практике совершенствования человека [4, 165–197]. Тибетская практика психотренинга включает четыре основные стадии [4, 188–190].

На первой стадии производится настройка психосоматической системы. С помощью визуализации оживляется система энергетических центров тела и рождается светоносное тело. Следующая стадия посвящена разжиганию и слиянию с красным творческим огнем материи. Третья стадия: концентрация на солнечном сплетении, слог *а* направляется вниз в основание позвоночника, откуда поднимается вверх по позвоночному столбу. На завершающей стадии огонь поднимается по центральному каналу спинного мозга, достигает головного мозга и производит «взрыв сознания»: «Энергия белого цвета изливается из головной чакры и заполняет все тело. Достигнув этой чакры, язык пламени производит нечто подобное вспышке «атомного взрыва». Напомним, что, согласно философско-биографическому описанию Р. Роллана, такие ослепляющие вспышки экстаза (внутреннюю «неистовую Вселенную») мог продуцировать индийский мыслитель и йог Вивекананда. В тибетском варианте вспышка («атомный взрыв» сознания) переходит в излияние белого нектара из головной чакры. Нектар генерируется слогом *гам*, возникающим из вспышки, и, изливаясь вдоль сушумны вниз, заполняет все тело медитирующего» [4, 190].

Результат медитации похож на описанное выше Озарение, но благодаря собранной со всего организма энергии, вспышка намного сильнее и продолжительнее. Озарение с последующим Просветлением является универсальным результатом медитации и следствием соединения личности с высшим Я сущности человека. Наличие вспышки света и излияние энергии показывает, что такое соединение носит энергетический характер. Величина вспышки и результаты просветления зависят от проделанной ментальной работы.

Таким образом, Озарение и Просветление — это способ контакта с высшим сознанием, сам контакт носит энергоинформационный характер, вспышка света может быть рассмотрена как свет сознания и мысли, как энергетический феномен соединения двух сознаний — Высшего и низшего.

Практика концентрированного мышления ведет к вспышке озарения и последующему просветлению ума и мозга, что является универсальным средством

соединения низшего я личности и Высшего Я человеческой сущности. Долговременным следствием просветления является расширение сознания и усиление способности понимания.

Этот путь доступен современному городскому жителю, чтобы следовать ему, не нужно уединяться и уходить от жизни. Основа пути — концентрированное мышление в условиях профессиональной, творческой жизни в привычной среде. Это большое преимущество данного пути, так как практика может быть постоянной.

Озарение можно рассматривать также и с точки зрения самопознания: Высшее Я познает низшее, низшее сознание познает Высшее, в результате постепенно возникает целостное сознание.

Практика Озарения и Просветления — часть прямого пути к высшим состояниям сознания, распространение этой практики в западном мире расширит возможности сознания, что явится основой выработки нового мышления и сознания, необходимого для выживания и развития цивилизации третьего тысячелетия.

Список литературы:

1. Братство, 3 часть, Надземное//Агни Йога: в 4 т. – Д.: Сталкер, – 1999, – 512 с. – Т. 4.
2. Бхагавад-Гита, или Песнь Господня. – К.: «София», – 2000. – 160 с.
3. Вишну-Пурана, кн. 1. – СПб.: Издательство ОВК, – 1995. – 256 с.
4. Казначеев В. П., Спирин Е. А. Космопланетарный феномен человека. – Новосибирск: Наука. Сиб. Отделение, – 1991. – 304 с.
5. Озарение//Агни Йога: в 4 т. – Д.: Сталкер, – 1999. – 512 с. – Т. 1.
6. Радхакришнан С. Индийская философия. Пер. с англ. – М.: «МИФ», – 1993, – Т. II. – 732 с.
7. Тибетская книга мертвых (Бардо Тёдол). – М.: «Подиум», – 1992. – 96 с.
8. Упанишады. В 3-х книгах. Книга 2. Пер. с санскрита, предисловие и комментарии А. Я. Сыркина. – М.: Наука, – 1991. – 336 с.
9. Чаттерджи С., Датта Д. Индийская философия: пер. с англ. – М.: Селена, – 1994. – 416 с.
10. Эванс-Вентц У. Й. Тибетская йога и тайные учения: Пер. с англ. – Самара: Агни, – 1998. – 624 с.

*Krapivnyk Ganna Alexandrovna,
Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University,
post-doctorate student, Department of Philosophy
E-mail: a_krapivnik@mail.ru*

Crime fiction provocations in contemporary legal culture

Abstract: The crime fiction text nearly always includes the element of provocation, which challenges the stability of norms, appeals to the recipient's reaction, encouraging the order restoration. This phenomenon, either external or internal is oriented on both the hero, and the text addressee. It is the provocation that shows existential nature of the crime fiction genre, and it assists in more comprehensive and deeper self-cognition.

Keywords: crime fiction, provocation, legal culture, mass culture, criminal, norm, order.

Introduction. The crime fiction genre is one of the most significant and popular genres of the contemporary mass culture. It describes actually existing facts of this culture, reflects on them, raises burning issues and studies their nature and causes, as well as suggests their possible solutions. It is to be noted that the detective fiction has its specific features. On the one hand, it provokes its hero and the text recipient to take prohibited actions, while on the other hand, this fiction genre itself is intended to strengthen the position of the social, cultural and legal system, as well as justify it, since any public system imposes restrictions on the individual. It

means that its functioning is, to an extent, violence on the person's freedom. The issues, related to the personal responsibility, compliance with the established culture-specific norms, are becoming the subject of consideration and reasoning of the crime fiction addressors and addressees.

With the development of the post-industrial information society, with the processes of globalization and glocalization, the number of problems of moral norms, cultural values and legal rules is not decreasing but, on the contrary, it increases, they are becoming real challenges, requiring feedback and reflection, including those

provided in fiction. The crime fiction genre perfectly suits the purpose of the above reflection as it implies reasoning as to the concepts of the norm and pathology, crime, as a challenge to laws and rules, and punishment. It also discusses the issue of restoring moral and legal justice for an individual and the whole society.

The **aim** of this research is to study crime fiction provocations in the legal culture from the philosophical and anthropological perspective.

The issues, related to the legal culture and personal freedom in the society, are interdisciplinary. A number of researchers in the humanities, including philology, literary science and philosophy raise and discuss the concept of provocation in the legal culture, training self-control, self-observation and responsibility in a modern person in their fiction and non-fiction texts. Those, specializing in the contemporary science fields, engaged in the studies of norm and deviation (e.g. psychology, psychiatry and sociology), criminal investigation and law enforcement (e.g., criminology, victimology) also address detective stories to illustrate these problems. Moreover, at times it is these texts that provide useful clues and tips for the routine professional activities. The researchers who study the issue of provocation include, in particular, T. Adorno, E. Anuschat, R. Barthes, V. Bachinin, U. Eco, V. Erofeev, A. Giddens, A. Gorelov, R. Holton, M. Horkheimer, R. Murton, G. Pocheptsov, P. Sloterdijk, C. Wulf, S. Zizek, G. Zorin etc.

Results. For the comprehensive consideration of the phenomenon of provocation in the crime fiction genre and contemporary legal culture, it is, first of all, necessary to provide its definition and demonstrate its interdisciplinary nature. Thus, provocation is understood as some act, or series of acts, done [or words spoken] ... which would cause in any reasonable person, and actually causes in the accused, a sudden and temporary loss of self-control, rendering the accused so subject to passion as to make him or her for the moment not master of his mind [1]. Therefore, we may state that the hero in a crime fiction text is provoked by his or her victim or society so as to lose self-control, on condition that the person had it prior to the provocation, and commit the crime. It is evident that provocative activity is closely related to manipulation and aggression (see also [2]). The modern philology considers the concept of *speech provocation*, defined as determined, motivated and mainly controlled communicative behaviour, aimed at (1) receiving information, which an interlocutor will not say voluntarily, or (2) destabilizing his or her emotional state [3]. In psychology

provocation is given the status of a research method. It is expected that it may promote and raise the level of objectivity of findings [4, 11]. Therewith, provocation, broadly, is understood as «an action oriented on receiving a foreseeable reaction» ..., and as the research method it is defined as the total of the ways and techniques, whose deliberate application causes changes of behavioural reactions in the object under consideration [4, 12]. The above processes also occur in the mind of the crime fiction recipient or recipients, when they are either tempted by the author's provocation and overstep the bounds of norms, actually or virtually, or they are not tempted enough by the idea of impunity, discovery of the normally hidden forbidden knowledge, shadowy side of existence, keep self-control and consciously criticize the criminal's actions in the text, thus, confirming the educational, enlightening function of crime fiction. The above provocation-related focus on the person, specifics of his or her mind, availability/unavailability of the system of cultural values, on the laws of his or her behaviour and psychological state show existential nature of the crime fiction genre.

In modern culture texts are also marked with diversity and, following David Hesmondhalgh, we understand a text as the optimal name for a cultural product of any type: programmes, films, records, comics, photos, magazines, newspapers etc., generated by cultural industries [5, 15]. In this broad meaning a text still performs the function of a medium of the legal culture not only in the form of books and films, but also comics, computer games and other mass forms. Thus, a person perceiving this message, being a part of the consumption society, is regularly assured that evil forces are defeated (at least in the imaginary fiction world), and the good ones and justice rule, when, ideally, the criminal is caught, his or her guilt is proven, and he or she is punished for trespassing the law. Since the detective text is based on a clear formula, its standard elements include well-outlined stereotypic images (related to archetypes), symbolizing Good and Evil.

Crime fiction texts conveyed via films or television are expressed not with the language of understanding, but with the language of affection, faith and love [6, 36]. At the same time television (more than cinema), despite all restrictions, due to its extreme mass nature [6, 39], finds highly effective techniques to affect human consciousness in the simplest routine images. These images seem absolutely trite, they do not involve any vivid background «picture» and seem to belong to our everyday life [6]. Most detective fiction stories

base on these trite facts and images, forming and guiding the recipient's perception. Unfortunately, it should be noted that besides the positive influence, the crime fiction genre also has adverse impact. In particular, this refers to children audience devouring various criminal stories. M. I. Zhabsky states that the globalized material often conveys socially unauthorized values, behavioural and life perception patterns. In other words, the addressee immerses into an alien cultural reality, identifies him or herself with it and its heroes, absorbs its values etc. [7]. These imposed character types and forms of public existence do not necessarily meet moral requirements of the modern national culture, the text addressee belongs to, thus creating a genuine challenge for the recipient society to save and keep its national and cultural identity.

Any society operates owing to the system of legal rules. Similarly to any other, the legal system establishes a range of rights and duties for its subjects in the specific society (culture, place, and time). These rights and duties govern person's behaviour and relations with others. Therewith, it is important that the culture itself is somehow based on the structures of «collective unconscious» (the term introduced by K. G. Jung). If in high culture their meanings are individualised, personally experienced by the author, and then by the recipient, in the mass culture their function is completely opposite: they promote pre-programmed reactions [8, 56]. It can be suggested that it is this foreseeable reaction is also expected from different crime fiction text addressees. In addition, this genre may be used as the material for studying its function of an agent and a translator of the legal culture, since, as S. Eisenstein noted, the detective fiction is the strongest medicine, the most refined, accurate structure among the other literatures. This is the genre, where the means of influence are absolutely naked [9, 107].

Provocation of the audience, challenge for the Modern European philosophy may be observed even at the early stages of the crime fiction genre evolution. For instance, in short story "My friend the Murderer" by A. Conan Doyle (1882), one can find significant diversion from the classical detective formula. The emphasis is made not on the detective, but on the "confession" made by the criminal, on the revelation of his philosophy, his world outlook, and also the public and author's perception of him. This story raises a burning issue of the ambiguity of the criteria for defining the concept of justice and its understanding as one of the basic values in human society. Apparently, the state needs to enforce

the law, trace down criminals and punish them. In the depicted case, the main character was actually caught with the whole gang by the police. Then he was interrogated and testified against his accomplices. On the one hand, Wolf Tone Maloney ("forger, convict, ranger, murderer, and government peach" [10]) assisted the investigation in punishing the other criminals, whereas on the other, he committed a moral crime, a betrayal. As a result, he was not fairly punished by the state, but was subject to amnesty. The (anti)-hero himself was confident in his rightness, provided clear evidence, justification of his deeds, thus provoking the reader to feel sympathy or at least understanding of this person. Later, people from the public sought to use lynch law and be Maloney's vigilantes thus restoring the lost, to their mind, balance of justice. At the same time, the legal norm was for the «betrayal», he considered himself to be the person, who had done a great favour to the society and state. After a long period of time, he was even thought to be a decent person and an active member of the society, when he settled in a new place, new social surrounding and opened his *gambling saloon*.

Thus, it is possible to single out and actualize the existence of public double standards, drawbacks of the legal system, its non-conformity with unwritten, moral laws and norms. Over the past decades researchers even began to develop the basics of the dissident law as the right of those who actively challenge an established doctrine, policy, or institution to create new laws and new moral principles. Precedents of the conception of the dissident law are in the New Testament, in the humanistic movements of the Renaissance, Reformation and Enlightenment. In the Russian philosophical thought this idea appears in N. V. Gogol's defence of the personal right to search for the individual path to God.

Discussion. The crime fiction text nearly always includes the element of provocation. This phenomenon, either external (coming from the public or the victim) or internal (psychological and moral) is oriented on both the hero, and the text addressee. Conscious choice of both subjects reveals personal features of these individuals, their will and their system of values. It is the provocation that shows existential nature of the crime fiction genre, and it assists in more comprehensive and deeper self-cognition. Provocation challenges the stability of norms, appeals to the recipient's reaction, encouraging the order restoration. In crime fiction the provoked chaos is usually replaced by the relative order, which demonstrates positive effect of this genre on its addressees.

References:

1. Holton Richard, Shute Sephen Self-control in the Modern Provocation Defence //Forthcoming in the Oxford Journal of Legal Studies. – [Electronic resource]. – Access mode: web.mit.edu/Holton/www/pubs/Provocation.US.pdf.
2. Крапівник Г. О. Філософсько-антропологічне розуміння маніпуляції в просторі детективного жанру //Перспективи. Соціально-політичний журнал. Філософія, політологія, соціологія. – Одеса: ПНПУ ім. К. Д. Ушинського. – № 1 (59), – 2014. – с. 74–79.
3. Иссерс О. С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге //Русский язык в научном освещении. – М., – 2009, – № 2 (18). – с. 92–104.
4. Беляев С. А., Т. Л. Рыжковская, С. В. Старовойтова Метод провокации в проведении психологических исследований //Психологический журнал, – 2008. – № 4. – с. 10–14.
5. Хезмондаш Д. Культурные индустрии [Текст] /пер. с англ. И. Кушнарева; под науч. ред. А. Михалева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, – 2014. – 456 с. – (Исследования культуры).
6. Аронсон Олег Коммуникативный образ (Кино. Литература. Философия). – М.: Новое литературное обозрение, – 2007. – 384 с., ил.
7. Жабский М. И. Глобализм и функции кино в обществе /М. И. Жабский //РФФИ. – 2005. – № 4. – с. 43–50.
8. Кармалова Е. Ю. Аудиовизуальная реклама в контексте культуры: миф, литература, кинематограф. – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, – 2008. – 213 с.
9. Эйзенштейн Сергей. Трагическое и комическое, их воплощение в сюжете. – “Вопросы литературы”, – 1968. – № 1.
10. Conan A. Doyle My Friend The Murderer. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.gutenberg.org/files/23059/23059-h/23059-h.htm>

*Mazur Olha Aleksandrovna,
Institute of management and educational economy,
Dragomanov National Pedagogical University, senior teacher
E-mail: alfabett.olga@gmail.com*

Determinations of cosmopolitanism: main directions

Abstract: modern definitions of the concept “Cosmopolitanism” are analyzed in the article, main directions, levels and spheres of realization of a studied phenomenon are allocated, characteristic features are formulated. Cosmopolitanism is presented as a worldview, ideology and the principle.

Keywords: Cosmopolitanism, cosmopolite, human, citizenship, state.

*Мазур Ольга Александровна,
Институт управления и экономики образования,
Национальный педагогический университет
им. М. П. Драгоманова, старший преподаватель
E-mail: alfabett.olga@gmail.com*

Определение космополитизма: основные направления

Аннотация: в статье анализируются современные определения понятия «космополитизм», выделены основные направления, уровни и сферы реализации исследуемого феномена, сформулированы его характерные черты. Космополитизм представлен как мировоззрение, идеология и принцип.

Ключевые слова: Космополитизм, космополит, человек, гражданство, государство.

Понимание и отношение к космополитизму развивалось и менялось согласно историческим условиям, в зависимости от личных предпочтений авторов,

во взаимосвязи с уровнем либерализации, актуальным политическим режимом, проблемами и т. д. Вместе с развитием общества развивалось и понимание

исследуемого феномена. На сегодняшний день выявить единое объяснение, раскрывающее всю его суть и особенности, не представляется возможным.

Поэтому целью настоящего исследования предстаёт проанализировать существующие толкования космополитизма и определить его основные направления и специфические черты.

Современные философы и социологи рассматривают космополитизм как новую парадигму бытия, как необходимый шаг человечества к своему идеальному существованию. Общая концепция космополитизма отражена в трудах зарубежных современников У. Бека, Д. Арчибуги, Д. Хелда, Х. Бригхауза и Г. Брока, Р. Коена и Р. Файна, М. Фезерстоуна, Д. Холлингера, С. Малколмсона, С. Поллока, Х. Бхабха, С. Бренкенриджа, С. Шевлера, Дж. Валдрона и др.

Обратимся к его академическим толкованиям. В общественных науках космополитизм определяют как идеологию или идеологическое течение, философское мировоззрение, учение, концепцию, «особый тип мировосприятия» [2] и т. д. Его называют разновидностью утопического мировоззрения, совокупностью политических идей и философий.

Проанализировав вариации на тему исследуемого вопроса, мы определили четыре основных направления:

1. на микро-уровне: в системе отношений человек – человек;
2. на макро-уровне: человек – государство – нация;
3. на мега-уровне: в контексте формирования планетарных социальных систем;
4. на мета-уровне: в контексте всего Универсума.

Рассмотрим первое направление. Так в экономической энциклопедии «космополитизм» представлен как софистический открытый взгляд на иностранцев, противоположность ксенофобии (ненависть и страх перед иностранцами) [14].

В словаре иностранных слов про «космополита» указано, что это человек, который одинаково относится ко всем людям, не обращая внимание на их национальность, т. е. принадлежность конкретной личности к тому или иному государству [10]. Фактически тут космополитизм представлен перед нами как *мировоззрение* — система взглядов на мир и место в нём человека, общества и человечества, на отношение человека к миру и к самому себе, а так же соответствующие этим взглядам основные жизненные позиции людей, их идеалы, принципы деятельности, ценностные ориентиры [21].

Второе направление представлено куда более противоречиво и, в основном, в негативном аспекте. Так космополитизм — это теория, которая проповедует безразличное отношение к отчизне и своего народа, отстаивает необходимость замены национального гражданства мировым [19]; теория, призывающая отказаться от национальных традиций и культуры, отрицает государственный и национальный суверенитет во имя единства человеческого рода [15]; современный вариант — позиция, которая выражается в убеждении, что национально-государственный тип организации общества является устаревшим, национальные связи и традиции — несущественными, а истинная родина человека — весь мир [17]. В этом контексте космополитам приписывают безразличие по отношению к родине [12], оторванность от её интересов, отчуждённость от своего народа [13], отсутствие самоидентификации в национальном аспекте [11; 8]. В контексте человек — держава — нация мы видим космополитизм как *идеологию* — систему взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношение людей к реальности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а так же программы социальной деятельности, направленной на закрепление или смену (развитие) общественных отношений [4].

Третье направление приводит нас к мировому гражданству, планетарному обществу и всеединству человечества на основе общечеловеческих ценностей. Так в современных словарях чаще всего встречаем следующее определение: космополитизм — (от др. гр. *κοσμοπολίτης* — космополит, гражданин мира) — идеология мирового гражданства, система взглядов, которая придаёт приоритетное значение общечеловеческим ценностям и второстепенное — национальным проблемам [3]. Такое трактование характерно для современных политологии и социологии.

В энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона представлена статья «Космополитизм» (её автором считают В. Соловьёва). В ней представлено следующее трактование — это «осознание единства человеческого рода и солидарности интересов отдельных народов и держав, как частей единого целого человечества». Автор продолжает: «мысль о целом не отменяет реального значения частей, как и любовь к отечеству не противоречит непременно отношения к более тесным группам, например, к своей семье, так и преданность общечеловеческим интересам не исключает патриотизм». Автор говорит, что «вопрос только в конечном или наивысшем мериле для оценки того или иного этического интереса, и, без сомнения,

решающее преимущество тут должна принадлежать благу всего человечества, как такого, которое включает в себя и истинное благо каждой части [16]. Космополитом может и должен быть человек, который свой долг перед отечеством рассматривает перед лицом своих обязанностей перед всем человечеством [20]. Космополитизм в таком понимании — это не «политический промискуитет», а вполне рациональный и разумный союз в пределах всего человечества [20]. Тут представлен ещё один аспект *мировоззрения*, а именно самоидентификация себе в мире и видение мира как такового.

Рассматривая четвёртое направление познания «космополитизма», т. е. как фактическую реальность, субстанцию современного Универсума, мы приходим к его видению именно как принципа организации бытия. Этому аспекту — реальности в контексте реализации космополитизма, — посвящено большинство трудов современного социолога и политического философа Ульриха Бека. Он рассматривает космополитизм как актуальную действительность, «космополитизм изнутри», которая пронизывает современное транснациональное пространство сосуществования. У. Бек говорит о «повседневном космополитизме», как характеристике состояния жизненного мира, единого и общего для всех [22]. Т. о. космополитизм предстаёт как основа организации актуальной реальности, построения современного мира.

Но, по нашему мнению, У. Бек затрагивает только «вершину айсберга», рассматривая современную действительность. Космополитизм присутствует не только в современной реальности, не только в политической и социальной жизни. Обратим внимание на утверждение, высказанное Ст. Туллиным в книге «Космополис»: «Когда Александр Великий расширил горизонты эллина за пределы отдельных городов-государств, появились философы стоики, которые объединили «природный» и «социальный» порядки в единое целое. Они утверждали, что всё в мире различным образом свидетельствует о «порядке», который являет собой «Разум», который объединяет все вещи в единое. Социальные и природные системы выступают двумя сторонами единого и всеохватывающего *cosmos + polis* — т. е. (*cosmopolis*) Космополиса» [1, 68]. В этом определении иллюстрируется очень важный аспект, а именно акцентирование внимания на единстве социальных и природных систем. Т. о. космополитизм относится не только исключительно к людям, а включает все единицы, которые составляют биосферу Земли и Универсальную живую материю.

Именно в этом контексте космополитизм предстаёт *принципом* организации живой материи и Универсума.

Следовательно можем выделить 3 уровня реализации космополитизма, а именно:

- гносеологический – осознание его человеком;
- физический – реализация его в материальном (социальном) мире;
- метафизический – реализация на уровне Универсума.

Нельзя не обратить внимание на трактование «космополитизма» в биологии, т. к. только при условии всестороннего рассмотрения понятия можно по нему составить комплексное мнение.

В биологии космополитизм раскрывается наиболее просто и понятно. В биологическом энциклопедическом словаре находим определение, что космополиты — (гр. *kosmopolites* — гражданин мира) это виды (или другие таксоны) растений и животных, которые встречаются на большей части областей Земли, пригодных для жизни [6]. Большая советская энциклопедия даёт аналогичное определение: космополиты (биол.) — виды, роды, семейства или более крупные группы животных или растений, которые живут по всему земному шару [7].

В. Н. Киселёв конкретизирует пределы территориального критерия определения космополитов: виды, роды, семейства и более крупные таксономические категории растений и животных, проживающих не менее чем на трёх материках. Для отнесения наземных организмов к космополитам должно выполняться условие: распространение их всей сушей. Космополиты имеют не только очень большой ареал, а и широкий диапазон экологической толерантности: они способны жить в разных местах существования. Самого же человека он называет видом, «который наиболее приближен к полному космополитизму» [5]. Общее определение человека встречаем следующее: «один из 3 млн. знакомых на сей час биологических видов на земле. С экологической позиции человечество является собой общемировую популяцию биологического вида, составляющую экосистемы Земли» [23].

В универсальном энциклопедическом словаре космополитичными организмами называют организмы, распространённые по всему земному шару, везде, где находится пригодная для жизни и развития среда [17], а сегодня всё чаще указывается, что современная окружающая среда уже не ограничивается исключительно планетарной, а так же включает и космическую, которая интенсивно исследуется и влияет на условия жизни на Земле.

Таким образом Космополитизм в биологии — это всемирная (планетарная, в перспективе – космическая) распространённость. И на ряду с некоторыми растениями и насекомыми истинным космополитом с биологической точки зрения выступает именно человек.

Из вышеуказанного можем выделить следующие тезисы.

Основные направления реализации космополитизма — самоидентификация индивида, интересубъектные (в т. ч. групповые) отношения, государственное устройство, организация бытия.

Сферы реализации — территориальное пространство: планета Земля, астрономическая Вселенная, Природа (биосфера); социальное пространство: социум, государство, нация; философское пространство: Универсум и индивид — как макро- и микрокосмы.

Уровни реализации — гносеологический, физический, метафизический.

Характерные черты космополитизма — всеобщность, масштабность, распространённость.

Список литературы:

1. Toulmin St. Cosmopolis. The Hidden Agenda of Modernity. – Chicago, – 1992. – 228 p. – p. 68.
2. Дианова В. М. Космополитизм в эпоху глобализации // Вопросы культурологии, – 2007, – № 1. – с. 8–12.
3. Ивнин И. Философский словарь. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.term.ru/dictionary/187/word/Космополитизм>.
4. Келле В. Ж. Идеология // Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – 1983. – М.: Советская энциклопедия. – 840 с.
5. Киселёв В. Н. Биогеография с основами экологии. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: b-energy.ru/biblioteka/46-biogeografiya-s-osnovami-ecologii.html
6. Космополит/Биологический энциклопедический словарь/Гл. ред. М. С. Гиляров; Редкол.: А. А. Бабаев, Г. Г. Винберг, Г. А. Заварзин и др. – 2-е изд., исправл. – М.: Сов. Энциклопедия, – 1986.
7. Космополит/Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия. – 1969–1978.
8. Космополит/Новый словарь иностранных слов/by EdwART – 2009.
9. Космополит/Словарь иностранных слов. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/21225/Космополит.
10. Космополит/Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/21225/Космополит.
11. Космополит/Словарь иностранных слов. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru/slovar/inyaz/i/kosmopolit.html>
12. Космополит/Экономическая энциклопедия. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://tlumach.com.ua/Ekonomichna_entsyklopediya/page/kosmopolit.4149.
13. Космополитизм/Универсальный энциклопедический словарь. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://tlumach.com.ua/use_universalnyy_slovnyk_entsyklopediya/page/kosmopolityzm.10667.
14. Космополитизм/Экономическая энциклопедия. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://tlumach.com.ua/Ekonomichna_entsyklopediya/page/kosmopolityzm.4150
15. Космополитизм/Энциклопедия социологии. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://onlineslovari.com/entsiklopediya_sotsiologii/page/kosmopolityzm.1633.
16. Космополитизм//Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.brockhaus.ru/text/054/455.htm>
17. Космополитические организмы/Универсальный энциклопедический словарь. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://tlumach.com.ua/use_universalnyy_slovnyk_entsyklopediya/page/kosmopolitychni_organizmy.10668.
18. Космополит/Словник іншомовних слів. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://tlumach.com.ua/slovnyk_inshomovnyk_sliv/page/kosmopolit.9679.
19. Космополітизм/Словник іншомовних слів. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://tlumach.com.ua/slovnyk_inshomovnyk_sliv/page/kosmopolityzm.9680.
20. Межуев Б. Сотворение космополиса. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.politstudies.ru/universum/esse/10mej.htm>

21. Мировоззрение/Философия: Энциклопедический словарь/Под редакцией А. А. Ивина. – М.: Гардарики, – 2004.
22. Тохтобин Е. А. Понимание современного космополитизма. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tnu.podelise.ru/docs/index-218515.html>
23. Человек как биосоциальный вид/Экология человека. Экологические связи человека. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ecologiya-cheloveka.ru>

*Nurgaleeva Larisa Vladimirovna,
National research Tomsk State University,
Phd, Faculty of philosophy
E-mail: nurgaleeva@yandex.ru*

The evolution of the multimedia discourse. Intersensory modeling of communication

Abstract: Processes of development discourse practices are considered in the aspect of intersensory modeling based on psycho-physiological dynamics of the perception of reality and the more complex codes of social interaction. Shows that the modern media discourse is built on the basis of “merging” different dynamic codes describe reality and extending boundaries intersensory modeling.

Keywords: multimedia discourse, the evolution of mechanisms intersensory modeling.

*Нургалеева Лариса Владимировна,
Национальный Исследовательский
Томский государственный университет,
доцент, философский факультет
E-mail: nurgaleeva@yandex.ru*

Эволюция мульти медийного дискурса. Интерсенсорный моделинг коммуникаций

Аннотация: Процессы развития дискурсивных практик рассматриваются в аспекте интерсенсорного моделирования, основанного на психофизиологической динамике восприятия реальности и усложнении кодов социального взаимодействия. Показано, что современный мультимедийный дискурс выстраивается на основе «сращивания» разных динамических кодов описания реальности и расширении границ интерсенсорного моделинга.

Ключевые слова: мультимедийный дискурс, эволюция механизмов интерсенсорного моделирования.

Мультимедийный дискурс как особая динамическая разновидность описаний реальности

Структурный и функциональный анализ генезиса современных дискурсивных практик тесно связан с пониманием базовых принципов и механизмов коммуникационного взаимодействия. Многие грани экспериментов, разворачивающихся сегодня в этой сфере, выражают актуальность изучения коэволюционных аспектов человеческой психики и мышления. Становление современного мультимедийного дискурса можно рассматривать как особую разновидность описаний реальности. Её особенность составляет фундамент цифровых кодов. Он открывает эпоху жестких ритмов алгоритмизации, перестраивающих

сенсорную организацию человеческой реальности и создающих проблемы с её восприятием как пространства упорядоченных форм. Хаотизация впечатлений, формируемая мультимедийным дискурсом, представляет собой характерный тренд повседневной жизни. Она вызывает критическое эмоциональное напряжение и проблемы адаптации мышления человека к динамике информационных потоков и дифференциации коммуникационных инструментов в сфере сенсорных взаимодействий.

Говорить сегодня о новых прорывах коммуникационных технологий — это значит говорить о реорганизации разных сфер чувствования и усилении способов повседневного контроля над ними. Сенсорный

дом, автомобиль, часы, экран и т. д. Моделинг в этой сфере связан столько с техническими инновациями, но и с изучением нового опыта когнитивной интеграции рационального и эмоционального интеллектов. Понимание сложности программ коммуникационно-го взаимодействия и непредсказуемости их эффектов требует концентрации на тех смыслах и формах развития дискурса, которые позволяют человеку оставаться человеком. Воспринимая эволюцию дискурсных трендов лишь как динамический аспект развертывания социальной реальности, возникает проблема адаптации нового к глубинным программам человека. На наш взгляд, правильное понимание процессов цифрового опосредования и формирования проектов мультимедийного дискурса связано с признанием ценности опыта самопонимания. Такая точка зрения позволяет видеть за сложными процессами взаимовлияния упорядочений и хаотизации информационных потоков смыслосложившиеся траектории. Какова роль медиаязыков? На наш взгляд, любая форма включения в систему медиаопосредования представляет собой опыт диагностики сенсорного опыта.

Мультимедиа и гипермедиа представляют собой совокупность технотронных текстов с линейной или нелинейной гетерогенной сетевой структурой (текст, аудио, визуальные средства — графика, фото, видео, анимация). Он в большей степени, чем иные формы дискурса, отражает сложность и динамику связей исследовательских взаимодействий в обществе. Мультимедийный дискурс — это сложная совокупность практик описания реальности. По сравнению с другими средствами описания реальности, мультимедийный дискурс обладает собственными качествами. Комплексность средств описания реальности и свобода их перегруппировки чрезвычайно высока. Она в своем развитии стремится к формированию многомерных систем исследовательских взаимодействий в обществе с тонкой дифференциацией интересов и способностей. Ни одна из существующих прежде практик речения о мире не могла претендовать на столь грандиозный охват матрицы человеческих состояний и её системное программирование.

В своей первичной глубине все форматы медиаопосредования культуры составляют динамическое пространство самописаний. Это условие реализации развития и усложнения вытекает из общих принципов информационного взаимодействия [15]. Фундаментальный посыл самоописания активизирует все новые и новые поиски в сфере коммуникационных технологий с его претензиями на системное упорядочение

связей всей человеческой культуры. Однако за гранью технологических экспериментов важно видеть, что главной остается проблема человека и его самоотношения. Она косвенно решается через реализацию новых амбициозных проектов во внешнем мире, но остается острой и болезненной на личностном и социальном уровнях. Это связано с тем, что человек проходит множество этапов внутренних преобразований. В основе эволюции дискурсивных практик лежит поиск способов кодировки собственных психологических состояний, фиксируемых в процессе мышления человека [17].

Самая большая трудность, с которой имеет дело современный человек, погруженный в потоки мультимедийной информации, — это широчайший размах видения многоуровневых процессов и типов отношений. Сложность процессуального видения мира стимулирует развитие новых дискурсивных практик. Современные мультимедийные форматы представляют собой не столько динамичные аспекты презентационных возможностей информационного суперхайвэя, которые легко погружают в потоки образов и управляющих действий, сколько открытое пространство кодирования изменений в сфере мышления, ощущений и эмоциональных сдвигов. Изучение подобных явлений приводит к необходимости изучения эволюции практик интерсенсорного моделирования как одной из базовых стратегий человеческой культуры. Они ярко проявлены в опыте художественных, научных, повседневных коммуникаций.

Критическая сложность смены стандартов мышления, восприятия и реагирования поднимались известными фантастами. Говоря об описании проектов, концентрировано выражающих идею интерсенсорного мира, лишенного верно выбранных ориентиров в сфере человеческого, достаточно вспомнить известный «Вельд» Рея Бредбери [12]. Метафоры такого масштаба заставляют осмысливать технологические события без отрыва от проблем, связанных с психологией человека и формированием его этических предпочтений. Примеры позитивного видения ситуации человека в сложной структуре, формируемых им сегодня изменений, обнадеживают. Можно сослаться на работу известного психофизиолога Ж.-П. Шанже [21], который отчетливо показал, что риторика гармоничных проектов социализации является важной частью эволюционных программ человека. Она закреплена на психофизическом уровне. Аппеляция к этике дружественных отношений между людьми остается приоритетом развития дискурсных форм, как и видение форм становления мультимедийного дискурса как стратегий

самопонимания и самореализации человека. Важным аспектом понимания значимости психофизиологических принципов медиаопосредования выступает известная концепция К. Поппера [17]. Он показал, что человек в продуктах мышления концентрирует опыт, связанный с самопознанием.

Вся совокупность средств описания реальности опирается на системы вырожденных описаний объектов, создаваемых при помощи символов, слов, изображений, музыкальных композиций, формул, компьютерных программ и т. д., но не отражающих со всей полнотой целостность восприятия мира. Разные формы «знаковых покрытий» лишь маскируют перцептивно-сенсорные основания коммуникации. Свернутая артикуляция медиа позволяет условно обозначить смысловые рамки, оттенить сенсорные ракурсы внутренних состояний, задать новые топоры самопонимания. Используя *теорию циклического мышления* В. Аршинова, можно утверждать, что медиа обнаруживает себя там, где возникают так называемые «петли» коммуникации. Они создаются на основе формирования метасистем, возникающих как отношения между познанием и познанием этого познания, между познанием познания и самопознанием [11, 154].

Основная особенность мультимедийного дискурса заключается в расширении спектра управления разными регистрами человеческого сознания и подсознания за счет экстремальной динамизации коммуникационных языков, усложнения их структуры и широкой доступности. Эволюция медиальных инструментов за последние десятилетия позволила усложнить системы связей внутри разнородных семиотических комплексов и создать новое поколение медиальных средств, гибко сочетающих элементы архетипа количественного и динамического описания мира [13]. Мультимедиа выступая комплексом методов управления сенсорным опытом человека, формируют человека нового сенсорного типа с особыми свойствами видения, понимания, познания мира и психологического реагирования.

Механизмы интерсенсорного моделирования в развитии коммуникационных практик

В основе медиатизации сознания современного человека лежит резкая смена форм управления интерсенсорными кодами коммуникации. Исследование обусловленности генезиса исследовательских практик формами интерсенсорного моделирования представляет сегодня серьезный научный интерес в теоретическом и практическом смысле [1–10; 15; 18; 20; 22]. Эти подходы связаны с анализом закономерностей

формирования интердискурса, в котором осуществляются связи между частными дискурсами. Они комплементарны подходам изучения эволюции мультимедийного дискурса и требуют углубления знаний о механизмах интеграции когнитивных структур, динамики ментальных репрезентаций, сенсорно-перцептивных основах когнитивной организации и т. д. Эти вопросы тесно связаны с вопросами детерминации развития интеллекта, психомоторных способностей, речи, критических и сензитивных периодов [19]. Они опираются на операциональную связанность структурирующей и функциональной направляющих сознания. Основу его адаптационных процессов составляют отношения рефлексивной координации, протекающие одновременно на психофизиологическом, психологическом и культурных уровнях [14]. Их эффективность зависит от уровня и параметров эмоционального и логического интеллекта. Эти процессы реализуются за счет мультимодальной направленности эффектов коммуникации. Их природа обусловлена механизмами интерсенсорного моделирования.

Интерсенсорное взаимодействие служит основой когнитивной репрезентации и интеграции. Механизмы интерсенсорного взаимодействия являются врожденными. Существование функционального ядра базовой репрезентации обеспечивает механизм интеграции отдельных элементов в целостное представление об атрибутах существования мира. Целостность психологического отклика на внешний стимул и возможность интерсенсорного взаимодействия помимо всего прочего обеспечивают внутрислошарные связи. Основная особенность их формирования связана с тем, что правое и левое полушария развиваются не одновременно. Например, на ранних этапах онтогенеза имеет место некоторое опережение в становлении функций, обеспечиваемых работой правого полушария. Для первичной репрезентации внешнего мира в сознании человека играет важную роль наличие «антиципирующей схемы». Она направляет восприятие и организует действия. Восприятие, действие и репрезентация рассматриваются в едином континууме взаимодействия по отношению к способности понимания физического и ментального мира. Они выражаются в том, что поступление информации по одному из сенсорных каналов или изменение его состояния вызывает ответный отклик всех анализаторов. Этот феномен является одним из проявлений единства сенсорно-перцептивной организации человеческого организма как единой системы анализаторов всех без исключения модальностей.

Медиа́льные эффекты (способность к свободным ассоциациям, сензитивность к экспрессии ментальных состояний, зрительно-моторные, зрительно-слуховые и слухо-моторные координации, топологические проекции, когерентность разных модальностей и характер их взаимных изменений, синестезия чувств и т. д.) достигаются благодаря целостному реагированию анализаторов на разнородные внешние стимулы. Основной акцент в исследовании особенностей интерсенсорного, интермодального взаимодействия может определяться изучением вопросов, связанных с определением степени общности информации, получаемой по разным сенсорным каналам, сходства разномодальных образов, механизмов интерсенсорной интеграции, роли кинестетических (ощущения), перцептивных (аффекты) и когнитивных элементов в восприятии различных языков и моделей медиа [19, 73]. Особый интерес представляют исследования влияния визуальных эффектов на мышление и сознание, поскольку образы выступают в качестве ёмких метафор психического опыта человека.

Самостоятельное значение имеет изучение особенностей интермодального взаимодействия, которые отражают отдельные свойства, эффекты взаимодействия ощущений. Выделяется несколько уровней его организации. Начальная модель репрезентации, эволюционируя, превращается во вторичную модель. Она получила название «мультимодель», так как её важнейшей особенностью является способность совмещения нескольких концептуальных моделей репрезентации реальности. Мультимодель предоставляет возможность совмещения прошлых и текущих событий для предсказания невидимых трансформаций, понимания и интерпретации символических средств, таких как изображения, жесты, язык, зеркальный образ. Она обеспечивает появление символической игры, которая включает в себя осознание различия между реальным миром и символическими средствами его представления. Метамоделю представляет собой следующий уровень организации интермодального взаимодействия. Она включает в себя понимание интенциональности ментального опыта, способность к репрезентационному опосредованию, построение динамических концепций, наличие разделенного внутреннего опыта, переключение с одного вида абстракций на другой, понимание некоторых аспектов организации физического и социального мира, и т. д.

Проблемы исследования особенностей интерсенсорного (кроссмодального) взаимодействия афферентных систем тесно связана с изучением вопросов,

связанных с обработкой человеком противоречий информации, поступающей по различным сенсорным каналам. Наличие противоречивой разномодальной информации является условием возникновения и способом существования конфликтных отношений между взаимодействующими анализаторами человека. Отсюда хаотизация впечатлений, получаемых в процессе рассинхронизации восприятия.

Источники формирования разных типов мультимедийного дискурса

За любой знаковой формой медиа скрывается интуитивный опыт перехода, включающий в себя стремление превзойти исходный способ восприятия действительности. Медиа задают параметры сенсуальности человека, всего комплекса его ощущений, а значит и особенностей восприятия окружающего мира и себя в этом мире. Единство системы интерсенсорного реагирования является одним из основных условий эволюции человеческого сознания. Присутствие медиа изначально определяется актами внутреннего запечатлевания, сенсорного отклика сознания человека, и его последующего перекодирования на языки многоярусного опыта коммуникационных отношений и мультимодальных форматов мировой культуры. Именно это ядро двигательной активности образов и идей составляет содержание медиа. Наличие эволюционирующей системы внешних кодов для фиксации сенсорного отклика сознания человека обеспечивает переструктурирование текучих потоков информации и перенос значений на поля развивающегося социокультурного опыта.

Разные медиаинструменты способствуют фиксации фрагментов реальности с помощью разных когнитивных структур, адекватных механизмам как чувственно-наглядного, так и абстрактно-понятийного мышления. Эффект медиа возникает благодаря тому, что все виды впечатлений, переживаний, раздумий человека могут взаимно обмениваться и переводиться друг в друга, позволяя субъекту реагировать на мир как целое, «вбирать» его в себя, интеллектуально и эмоционально эволюционируя. Мы можем понимать медиа как процесс взаимодействия через наши чувствования и размышления с чем-то активно включенным в жизненный контекст, но воспринимаемым чувствами как условно «параллельный мир». Они обозначают линию раздела между материальной реальностью и ускользающей видимостью сверхчувственного как медиума истинной реальности чувств и идей. Медиа́льные средства позволяют дифференцировать и интегрировать единое поле человеческого опыта, конституировать

его границы, выбирать различные ракурсы пространственно-временных отношений, форм и значений. Таким образом, мы вынуждены признать, что медиальное реализует себя в разных формах, интегративных функциях и уровнях благодаря интерсенсорному опыту восприятия реальности и его аналитичности.

Выводы

Как показывает анализ, проблема изучения эволюции практик интерсенсорного моделирования как основы развития форм коммуникационных отношений в культуре может иметь убедительную исследовательскую перспективу. Видение психофизиологических механизмов конструирования мультимедийного дискурса является важным элементом общей культуры современного исследователя. Оно позволяет понимать специфику становления процессов когнитивной интеграции и вырабатывать стратегии развития, адекватные экологии мышления человека. Дальнейшее изучение особенностей интерсенсорного моделирования позволит расширить базу практических и теоретических исследований социокультурного опыта и эффектов медиатизации современной цифровой эпохи. В заключение приведем несколько идей обобщающего характера:

Феномен человека является продуктом когерентного развития практик интерсенсорного моделирования. Эволюция и структурное усложнение коммуникационного опыта вызвано их усложнением.

Обновление социальных систем самоописания на очередном этапе усложнения исследовательских отношений в обществе привело к необходимости производства развитых знаково-символических средств.

Изучение проблем знакового посредника, как включенного звена эволюционирующих коммуникационных систем, связано с пониманием природы интерсенсорного моделирования. Любое средство, выполняющее роль медиума в обществе и/или культуре, обладает способностью порождать собственные структурные и смысловые пространства. Это обусловлено тем, что разные медиаинструменты позволяют фиксировать фрагменты реальности с помощью разных методов когнитивной интеграции.

Современные мультимедийные языки коммуникации и формируемые на их основе дискурсивные практики функционируют как сложная нелинейная сеть самоописаний. Она функционирует на основе процессов рефлексивной координации.

Мультимедиаальный дискурс является процессом адаптации систем социокультурного конструирования к динамике и характерным проявлениям цифрового семиозиса. Современный цифровой медиаязык представляет собой форму свободного кооперирования разных кодов описания реальности.

Основу эволюция мультимедийного дискурса составляет формирование все более сенсорно активных систем описания реальности.

Появление динамичных информационно ёмких и сенсорно активных семиотических комплексов, включающих в себя электронные средства хранения и переноса данных, приводит к изменению способов информационного моделирования и формированию человека нового сенсорного типа.

Список литературы:

1. Adele D. Intersensory facilitation of reaction time: evaluation of counter and diffusion coactivation models//Journal of Mathematical Psychology. – 1995. June. – Vol. 39. – Is. 2. – p. 197–215.
2. Coiton Y., Gilhodes J. C., Velay J. L., Roll J. P. A neural network model for the intersensory coordination involved in goal-directed movements.//Biol Cybern. – 1991. – 66 (2). – p. 167–76.
3. Computer-mediated intersensory learning model for students with learning disabilities//TechTrends. – 2010. March. – Vol. 54. – Is. 2. – p. 63–71.
4. Effects of spatial congruity on audio-visual multimodal integration/Teder-Sallejalrvi W. A., Di Russo F., McDonald J. J., Hillyard S. A.//Journal of cognitive neuroscience. – Sep. 2005. – Vol. 17. – No. 9. – p. 1396–409.
5. Gorman M. F. Intermodal Pricing Model Creates a Network Pricing Perspective at BNSF//Interfaces. – 2001, July. – Vol. 31. – Is. 4. – p. 37–49.
6. Intersensory causality modeling using deep neural networks/Noda K., Arie H., Suga Y., Ogata T.//Systems, Man, and Cybernetics (SMC). 2013 IEEE International Conference on 13–16 Oct. – 2013. – p. 1995–2000. Digital Object Identifier: 10.1109/SMC.2013.342.
7. Klatzky R. L., Creswell J. D. An intersensory interaction account of priming effects and their absence//Perspectives on Psychological Science. – 2014. January. – Vol. 9. – No. 1. – p. 49–58.
8. Munteanu L. On the intermodal interactions of waves//AMTA'08 Proceedings of the 9th WSEAS International Conference on Acoustics & Music: Theory & Applications. – p. 17–22.

9. Razlighi Q.R., Kehtarnavaz N., Yousefi S. Evaluating similarity measures for brain image registration//Journal of Visual Communication and Image Representation. – 2013, October. – Vol. 24. – Is. 7. – p. 977–987.
10. Yih C.-S. Intermodal interaction of internal solitary waves//Quarterly of Applied Mathematics archive. – 1994. Dec. – Vol. LII – Is. 4. – p. 753–758.
11. Аршинов В. На пути к коммуникативной Вселенной солидарности и альтруизма//Антропокосмическая модель. – Тула: Репроцентр, – 2008. – с. 150–173.
12. Бредбери Р. Вельд. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://raybradbury.ru/library/story/50/20/1/>
13. Левич А. Язык категорий и функторов как архетип количественного и динамического описания мира//Системы и модели: границы интерпретаций. – Томск, – 2008. – с. 25–32.
14. Нургалеева Л. В. Рефлексивная координация в контексте когнитивной сложности мышления: медиальный аспект//Вестн. Том. гос. ун-та. – 2013. – № 369. – с. 53–56.
15. Патти Г. Динамические и лингвистические принципы функционирования сложных систем//Концепция виртуальных миров и научное познание. – СПб.: РХГИ, – 2000. – с. 91–107.
16. Петренко В. Ф. Психосемантика ментальности: коммуникативный аспект//Медиапсихология: Мат-лы Международ. научно-практ. конф. «Журналистика в 2000 г.: Реалии и прогнозы развития». – МГУ, – 2001 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text7/40.htm>
17. Поппер К. Знание и психофизическая проблема. В защиту взаимодействия. – М.: URSS, – 2008. – 256 с.
18. Рогозина И. В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mirrabort.com/work/work_12166.html
19. Сергиенко Е. А. Раннее когнитивное развитие. Новый взгляд/Е. А. Сергиенко. – М.: Ин-т психологии РАН, – 2006. – 464 с.
20. Сулис В. Эффект индуцированной глобальной синхронизации ответов при распознавании стимулов/В. Сулис//Синергетика и психология. Когнитивные процессы. – Вып. 3. – Москва: Когито-центр, – 2004. – с. 244–259.
21. Шанже Ж.-П. Взгляд нейрофизиолога на основания этики. Нейрофизиологические основы этического поведения//Человек. – 1999. – № 5–6.
22. Уилсон Р. А. Психология эволюции/Р. А. Уилсон. – Киев: Янус, – 1998. – 304 с.

*Osipov Nikoliy Evdokimovich,
Chuvash State University, professor of philosophy
and methodology of science chair
E-mail: gen-trifonov@yandex.ru*

*Nikitina Erbina Vital'evna,
Chuvash State University, associate professor
of philosophy and methodology of science chair
E-mail: erbina@rambler.ru*

*Trifonov Gennadiy Fedorovich,
Chuvash State University, professor
of philosophy and methodology of science chair
E-mail: gen-trifonov@yandex.ru*

Factors of genesis, evolution and transformation of ethnosphere — past and present

Abstract: The purpose of this paper is a theoretical analysis of the causes and conditions of the historical ethnic communities as important actors in the historical process. The topicality of this work is determined by the fact that ethnic processes play an important role in the life of modern mankind, so you need to understand these processes with a view to possibly reduce its negative effects.

Keywords: ethnosphere, ethnicity, peoples, nation, primordialism, constructivism, social technology.

Осипов Николай Евдокимович,
 Чувашский государственный университет,
 профессор кафедры философии и методологии науки
 E-mail: gen-trifonov@yandex.ru

Никитина Эрбина Витальевна,
 доцент кафедры философии и методологии науки
 E-mail: erbina@rambler.ru

Трифонов Геннадий Федорович,
 профессор кафедры философии и методологии науки
 E-mail: gen-trifonov@yandex.ru

Факторы генезиса, эволюции и трансформации этносферы — история и современность

Аннотация: Целью статьи является теоретический анализ причин и условий исторического возникновения этнических общностей как важных субъектов исторического процесса. Актуальность данной работы определяется тем, что этнические процессы играют огромную роль в жизни современного человечества, поэтому необходимо осмыслить эти процессы с целью возможного уменьшения негативных последствий.

Ключевые слова: этносфера, этнос, народность, нация, примордиализм, конструктивизм, социальная технология.

За последние два-три десятилетия необычайно возрос интерес социальных философов, политологов и историков к этнической проблематике, что отражается в значительном увеличении числа публикаций в обществоведческой литературе. Это не случайно, так как этот факт находит свое объективное основание в реалиях масштабных событий современности. Этносфера жизни многих обществ, являясь пространством взаимодействия различных этносов, национальностей и наций становится ареной столкновения разнообразных социальных сил. Сами этнические общности выступают важными субъектами исторического процесса. Поэтому существует теоретическая и практическая потребность в осмыслении тенденций развития этнонациональных образований, начиная с древности и завершая современностью.

Исторически первой, исходной общностью людей, давшей начало всем остальным большим и малым социальным группам, была семья. Она является базовой ячейкой общества. Ее основной социальной функцией выступает функция по воспроизводству человеческого рода — рождение и воспитание детей. Семья также выполняет функцию связи поколений и следовательно — поддержание преемственности в развитии общества. На протяжении тысячелетий человеческой истории эти функции реализовались через различные типы семьи. Определенный тип семьи в основном зависит от материальных условий бытия

людей, прежде всего, от природных условий, уровня и характера производства материальных благ.

В первобытном обществе семья объединяла ее членов в силу кровнородственных связей, в основе которых был союз между мужчиной и женщиной. Тогда же из нескольких семей возникала и исторически первая форма этнической общности — род. Род представляет собой социально-производственную ячейку первобытного общества. Более крупной этнической общностью являлось племя, объединявшее несколько родов, которые, сохраняя относительную самостоятельность, тем не менее имели общих предков, и, следовательно, сохраняли между собой, пусть и отдаленную, кровнородственную связь. Самостоятельность рода внутри племени основывалась на его хозяйственной функции. Другие же цели и задачи жизнедеятельности передавались племенным, родовым органам.

В процессе исторического развития общества объединение нескольких племен образует еще одну этническую общность — народность. В ней кровнородственные связи отступают на задний план, и преобладают хозяйственные отношения между людьми, проживающих по соседству на общей территории достаточно длительное время. Некоторые народности, например, греки, итальянцы, болгары и ряд других народностей образовались в результате объединения не только нескольких племен, но и разных рас. Этот факт отмечал еще Г. В. Ф. Гегель. Так, греки

и римляне возникли в результате слияния европейцев, африканцев и выходцев из Азии. Это лишний раз свидетельствует о том, что при формировании народности как этноса, кровнородственные связи не играют почти никакой роли, и она является, скорее, социально-этнической общностью. Преобладающим типом хозяйственной деятельности в рамках народности выступает натуральное производство. Поэтому здесь нет еще такой экономической целостности, как это характерно для более развитой формы этнической общности — нации. Народность можно определить как исторически возникшую социально-этническую общность людей, имеющую свой язык, территорию, общность культуры и хозяйственных связей.

Для феодализма характерной формой этнического объединения людей была народность. С возникновением и расширением товарно-денежных отношений в Западной Европе Нового Времени там складывается исторически новая форма этнической общности — национальная. Капитализм универсализирует экономические связи между различными регионами, в результате стираются политические и экономические барьеры между народностями; создаются общие условия бытия людей, что, отражаясь в сознании людей, формирует общую культуру и язык в границах единых государств. В итоге слияния многих народностей складываются нации. Нации присущи общность культуры, единый язык, в котором в лучшем случае сохраняются лишь диалекты. Культура представлена в особенностях образа жизни, характере народа, искусстве, национальной психологии, обычаях, традициях и т. д. На этой основе формируется национальное самосознание народа как осознание им своей принадлежности к политико-экономической и культурной общности. Это сплачивает граждан национального государства благодаря не только объективным, но и ментально-психологическим факторам их социального бытия. На основании вышесказанного можно дать следующее краткое определение понятия «нация»: нация — это исторически возникшая устойчивая форма общности людей, основанная на определенной территории, единой экономике, языке, культуре, выраженных в особенностях менталитета народа.

В научной литературе сложились два различных подхода в понимании происхождения и сущности нации и национальной идентичности. (Под идентичностью имеется в виду осознание человеком своей принадлежности к определенной общности; в данном случае к национальности, которую он считает и воспринимает как свою).

Первая трактовка нации возникает по времени еще в XIX в., она получила название примордиализма. Согласно ему, нации — это результат естественно-исторического развития общества. При этом людей объединяет общее происхождение, закрепленное в расовой принадлежности на уровне общего генотипа. В процессе исторической эволюции у определенного народа стихийно складываются общая культура и язык как «душа культуры». Культура же реально представляет собой систему норм, общения, ценностей, определяющих отношения человека к природному и социальному миру, традиции и т. п., характеризующие в целом образ жизни народа. Ценности культуры, которые усваивает отдельный человек в процессе социализации, задают ему своего рода общую программу поведения.

Вторая трактовка нации и национальной идентичности формируется позже — уже в XX в., ее можно назвать культурологической или конструктивистской. Одним из факторов выдвижения данной концепции стало осмысление теоретиками такого массового и масштабного явления как национально-освободительное движение в мире, в ходе которого рухнули колониальные системы, и на их месте образовалось немало «молодых» национальных государств. Конструктивизм так же, как и примордиализм отводит определенную роль в формировании нации и национальной идентичности культуре, соглашаясь с ним в том, что этнос есть общность носителей определенной культуры. Но в отличие от примордиализма конструктивизм доказывает, что национальная идентичность как важнейший показатель национального самосознания, формируется в результате целенаправленной культурной политики самого государства. И может делать оно это задним числом.

Что такое культура? — это практически система мифов и верований, в которых дается интерпретация исторического пути народа. Сюда входит описание «отцов нации». Они исторические персонажи, сыгравшие ключевую роль в формировании единства народа. «Герои» — также важный элемент культурной мифологии. Это славные представители народа, чьими именами можно и нужно гордиться. Памятные даты, знаменующие значительные события истории народа, также влияют на самосознание людей. Наконец — система знаков, символизирующих общность народа. Это, например, знамена, гимны, гербы, лозунги и т. п., образно выражающие дух народа. В руках государства все это выступает действенным средством воспитания патриотизма и национального самосознания. Поэтому отмеченные элементы культуры выполняют

роль социокультурной технологии. «Это все культурно-историческое наследство, которое изучается, сохраняется, транслируется с помощью специальных технологий социально-культурной деятельности: образования, праздников, церемоний, профессионального и любительского творчества, средств массовой информации. Именно на основе этих технологий формируется определенная социальная мифология, вплоть до политической идеологии» [6, 25].

Строго говоря, и такой аргумент примордиализма как обращение к генотипу предков нации подвергается сомнению со стороны конструктивистов. По их мнению, генетические исследования также зависят от политических институтов и власти, так как они заказываются, организуются и финансируются правящей элитой. Делается это для того, чтобы «рационализировать» историю народа еще до возникновения самого государства и тем самым придать легитимный характер претензиям на власть определенной части общества. Конструктивизм, тем не менее, не все способен объяснить в вопросах образования наций. Особенно это касается догосударственной истории развития этносов. Поэтому примордиализм до сих пор имеет немало сторонников в социальной философии.

Культурологический или конструктивистский подход в решении национальной проблематики за последнее время стал доминировать и все более стал проявлять себя в реальной политике. Часто стремление определенного этноса получить государственную самостоятельность используют в своих целях различные политики, лидеры национальных движений. Они призывают народные массы к активным действиям, вплоть до вооруженных выступлений с целью выхода из состава многонационального государства и образования своего моноэтнического самостоятельного государства. При этом очень часто национальный вопрос служит благодатной почвой для «вмешательства извне», когда некоторые страны используют его для достижения своих стратегических, внешнеполитических целей по изменению в свою пользу соотношения сил на международной арене. Это вызывает, как совсем недавно было с Югославией и Советским Союзом, распад единых многонациональных государств, что приносит много физических и нравственно-психологических страданий их бывшим гражданам. События последних двух десятилетий конца XX – начала XXI вв. в мире показали всю разрушительную силу такого явления как национализм. Он не всегда совпадает со стремлением определенного этноса образовать свое государство. Национализм является

крайним и агрессивным выражением такого стремления. Его можно определить следующим образом: национализм — это идеология и политика, заключающаяся в пропаганде национальной исключительности, в превосходстве над другими национальностями и в разжигании национальной вражды.

Подводя некоторый итог вышесказанному, отметим следующее: этносы на протяжении всей истории являлись важными ее субъектами. Их формирование в далеком прошлом вначале определялось действием природных факторов бытия людей. Среди них, например, такие, как территория, состояние и качество почвы, ландшафт, климат и другие условия среды обитания. Да и кровнородственные связи также можно считать проявлением самой природы. Все эти факторы эволюционно фиксировались на генетическом уровне и выражались фенотипически. Следствием своеобразия природных условий жизни исторически первых этнических общностей являлся хозяйственный уклад их деятельности, что также влияло на формы объединения людей.

По мере интенсификации процесса исторического взаимодействия различных этнических общностей происходило их укрупнение и образование новых этносов. Уже в рамках древних цивилизаций сформировались народности. Они существовали и смешивались уже в условиях, например, восточных империй. В результате постепенно природно-климатические и кровнородственные факторы при генезисе новых этносов отходили на задний план; все большее значение приобретали социально-производственные, культурологические и политические причины взаимодействия народностей. Последний из перечисленных факторов имел особое значение тогда, когда какой-либо конкретный этнос начинал доминировать над другими, что делало его «ведущим» при создании им определенного политического образования.

Политико-экономические факторы в этнических процессах достигают максимальной значимости в Новое Время при образовании мононациональных государств в Европе и Северной Америке в условиях распространения товарно-денежных капиталистических отношений во всем мире. Тогда же складываются и колониальные системы, являвшиеся своего рода империями современности, тормозившие процесс самоопределения народов в рамках этих систем. Поэтому в данных условиях нации выступали, скорее, как социально-политические образования. Признак наличия государственности служит здесь главной характеристикой нации.

В этой связи закономерно может возникнуть вопрос о том, как соотносятся между собой такие понятия как нация и национальность. Из сказанного выше с достаточной определенностью можно заключить, что одним из главных (субстанциональных) признаков нации является наличие у нее государства. В этом случае государство политически объединяет, как результат исторического развития, многие народности. Эти народности, получив государственное оформление, обретают относительную самостоятельность в качестве политических субъектов внутри общего федеративного государства и становятся национальностями. Их этничность при этом отступает на задний план и сохраняется, главным образом, в языке и культуре.

Так, примером данного процесса являются народы Северного Кавказа в рамках недавно исчезнувшего СССР и сегодняшней России как федеративного государства. В данном контексте правильнее было бы говорить о том, что Кавказ не только многонационален, но скорее, *полиэтничен*. Допустим, употребляется понятие «дагестанец». Это потому, что дагестанец является гражданином России и Дагестана как национальной республики. Но в самом Дагестане проживает много этносов (народностей), среди которых даргинцы, аварцы, лакцы, лезгины и др. Строго говоря, все они не могут называться национальностями, т. к. не имеют статуса политической единицы в рамках Дагестана. Такое утверждение может показаться даже схоластическим в теории и неприемлемым в политической практике. Но, во-первых, оно следует из логики предыдущего дискурса и, во-вторых, обусловлено требованием определения точности понятий при социально-философском анализе рассматриваемого явления.

Практика образования многонациональных государств и их распад в XX в. ставит некоторые теоретические вопросы о роли этнических процессов во всемирной истории. С одной стороны, наличие нескольких этносов в границах одного государства является фактором, ослабляющим его целостность и прочность перед лицом «исторической стихии». Действительно, исторический опыт свидетельствует о том, что империи, в состав которых входили многие этносы, рано или поздно распадались. На их обломках возникали новые политические единицы. Это было в Древности, это происходит в современных условиях.

С другой стороны, сама природа показывает нам, что важным фактором целостности и устойчивости

живых систем является их разнообразие. Многообразие и разнообразие объективно составляют существенный внутренний ресурс поддержания устойчивости системы и одновременно — возможностей ее развития. Конечно, общество — это не природа, и неверно было бы проводить полную аналогию между ними. Однако, социум — это тоже материальная система, в которой действуют некоторые законы материального мира. Только в отличие от природы, в обществе многое зависит от субъективного фактора, т. е. сознательной деятельности людей. В случае с многоэтничностью социума это означает, что она свидетельствует о наличии в обществе объективных предпосылок умножения его «жизненных сил» за счет разнообразия внутренних ресурсов [4]. Эти «жизненные силы» позволяют определенному полиэтническому государству противостоять агрессии внешних сил. Но это возможно лишь при мудрой политике субъективного фактора, т. е. правящей элиты. Особенно велика роль субъективного фактора в переломные моменты истории, когда социальная система находится в состоянии неравновесности (неустойчивости). Примерами такого рода также изобилует человеческая история.

Современное российское государство сочетает в себе федеративную организацию с элементами конфедерации. Говоря о специфике российского федерализма, А. Г. Здравомыслов отмечает, что именно национально-этнические аспекты политической реальности осложняют федеративные отношения в нашей стране. По его словам, «нынешний этап развития российского федерализма связан с действующей Конституцией, которая, с одной стороны, провозглашает Российскую Федерацию в качестве федерального государства, а с другой стороны, содержит в себе определенные отступления от этого принципа» [1, 63–64]. В первую очередь, речь идет о неоднозначном статусе этнических регионов. Регионы, представленные национальными республиками, в соответствии с Конституцией являются суверенными государствами, имеющими свои конституции, свое законодательство, свою государственную атрибутику, свою территорию. Иными словами, национальная республика — это государство в государстве.

Так, в Конституции Чувашской Республики, принятой Государственным Советом ЧР 30 ноября 2000 г., в пункте 1 статьи 1 главы 1 «Основы конституционного строя Чувашской Республики» сказано: «Чувашская Республика — Чувашия есть республика (государство) в составе Российской Федерации».

В пункте 1 статьи 6 отмечено, что «Чувашская Республика несет ответственность за сохранение и развитие культуры чувашского народа и содействует развитию культуры всех народов, проживающих в республике» [2, 5]. Таким образом, чувашский народ, получивший свою государственность, объявлялся нацией, т. е. исторически высшим типом этнической общности, для которой характерны единство территории, экономической жизни, культуры и национального самосознания.

Наличие государственности, общего языка и культуры, собственной территории — неперенный признак нации. Коренные народы национальных республик обоснованно именуются титульными нациями. Нациями, члены которых имеют собственные представления о гражданственности. Национальные республики, являющиеся суверенными государствами, вправе требовать от своих граждан осознания своих прав и обязанностей по отношению к этническому государству, чувства привязанности к своей этнической территории, признания самоуправления и государственности региона. В рамках своего этнического государства человек должен обладать гражданственностью, которая требует от него развитого чувства долга и ответственности перед малой

родиной, законопослушания и активной деятельности в пределах своего региона, готовности защищать общие интересы и права своей национально-этнической общности (родного народа).

Однако Законом Чувашской Республики от 24 мая 2012 г. № 37 пункт 1 статьи 1 Конституции Чувашской Республики изложен в новой редакции: «Чувашская Республика — Чувашия есть республика в составе Российской Федерации». Из основного закона республики таинственным образом вырезали главное статусное слово «государство». Теперь Чувашия — просто республика. Какие последствия будет иметь для чувашского народа это политическое решение, догадаться нетрудно. Общественность и оппозиционная часть депутатского корпуса возмущены «беспределом в Госсовете» и пытаются протестовать [3, 1–2]. Возможно, «подлинной целью федеративной реформы, инициированной В. В. Путиным, было изменение властной конфигурации, ослабление глав регионов как средоточия власти» [7, 84]. Однако «давление» федеральной власти на малочисленные этносы и их государственность настораживает и заставляет тревожиться за судьбу теперь уже чувашской народности и будущее других российских коренных народов.

Список литературы:

1. Здравомыслов А. Г. Интерпретация государственности в российской политике // Роль государства в развитии общества: Россия и международный опыт. Материалы международного симпозиума (Москва, 23–24 мая 1997 г.). – М.: РНИСиНП, – 1997. – с. 63–64.
2. Конституция Чувашской Республики. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, – 2011.
3. Максимов Н. Оппозиция воюет с беспределом в Госсовете // Справедливая Россия-Чувашия. – 2013. – № 6. – Апрель. – с. 1–2.
4. Осипов Н. Е. Содержание и методологическая роль категории «Социальная технология» в осмыслении целостности общества // Вопросы философии. – 2011 – № 6. – с. 16–22.
5. Осипов Н. Е. Социальные технологии и исторический процесс // Свободная мысль. – М. «Издательско-полиграфическая фирма «Гарт»». – 2012 – № 3/4. – с. 179–186.
6. Тульчинский Г. Л. Национальная идентичность и социально-культурные технологии ее формирования // Философские науки. – 2011. – № 7. – с. 23–28.
7. Утенков Г. Н. Федерализм: политические идеологии и политические практики // Власть. – 2011. – № 1.

Section 14. Economics and management

*Batciun Natalia Wladimirowna,
Irkutsk State Technical University,
Associate Professor of the Department of World Economy
E-mail: nbatsun@mail.ru*

Ecological aspects in business

Abstract: No society has by now found reliable instruments of harmonizing of the relations of mankind with environment, or, speaking in other words, managing ecological aspects of quality of life. The opened, competing markets, promote introduction of innovations and increase of economic efficiency, thus create conditions for improvement of quality of life of all population.

Keywords: ecological business, ecological marketing, ecological marks, economic benefit, competitiveness.

*Бацун Наталья Владимировна,
Иркутский государственный технический университет,
доцент кафедры Мировой экономики
E-mail: nbatsun@mail.ru*

Экологические аспекты в бизнесе

Аннотация: Как известно, пока что ни в одном обществе не найдены надёжные инструменты гармонизации отношений человечества с природной средой, или, говоря иными словами, управления экологическими аспектами качества жизни. Крупнейшие участники мирового экономического рынка, соблюдают в своей деятельности принципы экологического и социального характера.

Ключевые слова: экологический бизнес, экологический маркетинг, экологическая маркировка, экономический эффект, конкурентоспособность.

Между бизнесом и экологией существуют противоречия, в силу которых предпринимательская деятельность характеризуется в основном нерациональным использованием ресурсов и высокой степенью загрязнения окружающей среды. Необходимы инновационные стратегии, к числу которых относятся экобизнес и экомаркетинг. Понятие экобизнеса в самом общем смысле объединяет различные виды деятельности: внедрение на предприятиях технологий и методов, направленных на сокращение ущерба; производство приборов для измерения экологической нагрузки; производство природоохранного оборудования для уменьшения экологической нагрузки; разработку экологизационных технологий; консультационные и иные услуги в этой области. Современный мировой рынок экологических товаров и услуг постоянно растет. По данным Международной федерации движений за органическое земледелие (International Federation of Organic Agriculture Movements IFOAM), при дальнейшей динамике

роста мировой рынок экопродуктов к 2020 году может достичь 200–250 млрд. \$ [3].

Предполагается, что компании, раньше других осознавшие и заложившие в свои стратегии новые возможности использования экологической составляющей бизнеса, получают реальные преимущества. Решение экологических проблем зачастую может объективно способствовать появлению новых возможностей и получению предприятиями новых выгод:

- дополнительные возможности для развития деловой активности;
- повышение конкурентных преимуществ: фирмы, ранее других осуществившие капиталовложения в экологически чистые технологии, становятся лидерами, прежде всего на внутреннем рынке;
- аналогичный эффект на мировом рынке для стран, ранее других осуществивших капиталовложения в экологически чистые технологии;
- защищенность передового экологически ориентированного бизнеса от иностранной конкуренции;

– выгоды в конкурентной борьбе за рынки сбыта благодаря использованию темы экологичности товаров.

Как показывает опыт, предприятия начинают заботиться о снижении своего отрицательного воздействия на окружающую среду в трех случаях:

во-первых, когда владельцы и руководство компаний становятся более экологически сознательными и начинают принимать во внимание воздействие их бизнеса и производства на природу;

во-вторых, когда юридические нормы, контроль за соблюдением которых эффективно осуществляется государством, настолько ужесточаются, что предприятиям становится экономически выгодно их соблюдать;

в-третьих, когда важные для компании общественные группы начинают учитывать экологичность как самого продукта, так и его производства, использования и утилизации при принятии решений о покупке, инвестировании и т. д., то есть когда экологически ответственное поведение создает для бизнеса отчетливые конкурентные преимущества. Таким образом, надлежащая государственная политика обуславливает экономический эффект, который может извлечь фирма при экологизации бизнеса. Это фактически маркетинг административных органов, носящий некоммерческий характер.

Маркетинговая функция государственных и региональных органов здесь заключается, во-первых, в том, чтобы установить соответствующие нормативы, следить за их соблюдением и использовать систему наказаний; во-вторых, в пропаганде среди предпринимателей экологических технологий и разъяснении их экономической эффективности. Примером может служить реализация мероприятий федеральной целевой программы «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории на 2012–2020 годы» (ФЦП). Согласно программы Иркутской области из федерального бюджета планируется выделить 12,4 миллиарда рублей. Средства будут направлены на модернизацию, реконструкцию комплексов очистных сооружений и систем водоотведения, строительство мусоросортировочных станций и полигонов ТБО на территории региона [2].

Однако есть и другой экологический маркетинг, проводимый самой фирмой, которая экологизирует свой бизнес, подстраиваясь под спрос потребителей. Это происходит, когда важные для фирмы общественные группы начинают учитывать экологичность как самого продукта, так и его производства, использования

и утилизации при принятии решений о покупке, инвестировании, пиаре и т. д., то есть когда экологически ответственное поведение создает для бизнеса отчетливые конкурентные преимущества.

Одним из инструментов такого маркетинга служит внедрение системы экологического маркирования продукции. Экологическая маркировка является для потребителя своеобразным носителем информации об уровне экологической безопасности и чистоты товара, об экологическом воздействии в результате производства или использования продукта.

Применение экомаркировки носит добровольный характер, но для рынков отдельных видов продукции она становится важным фактором конкуренции. Например, применительно к продуктам питания предъявляются особые требования безопасности, в том числе и экологические, так как их «экологическая чистота» оказывает непосредственное воздействие на здоровье потребителя, и именно этот фактор может стать определяющим в конкурентоспособности товара. Есть много различных программ внедрения маркировок, реализуемых правительствами, частными компаниями и неправительственными организациями, но все они сводятся к трем основным типам, для каждого из которых Международная организация по стандартизации (МОС) разработала свои стандарты (табл. 1).

Проблема формирования экологически ответственного потребителя в России ещё далеко не решена. К основным мотивам употребления (покупки) экологических продуктов питания является их полезность для организма человека. Но нельзя забывать и такой основной барьер покупки как высокая цена. Еще одним ограничением является недостаточная информированность населения о полезности этих продуктов. Стимулирующими факторами употребления экологически чистых продуктов являются: рост доходов населения, активная забота о здоровье. Быть здоровым гораздо выгоднее с экономической точки зрения, к этому нас склоняют и увеличение платных медицинских услуг.

Конечно же организация сама должна заботиться о сохранении конкурентоспособности и прибыли, для этого она прогнозирует развитие рыночной ситуации, анализирует появление различных предпосылок, способных изменить существующие рыночное равновесие. Экологизация бизнеса может, происходит через принятие корпоративных экологических кодексов, коллективной ответственности и взаимопомощи в сфере защиты окружающей среды и живой природы. Целью корпоративных экологических

кодексов является создание отраслевых систем экологического регулирования деятельности для обеспе-

чения устойчивости развития и получения выгод от минимизации негативных последствий для природы.

Таблица 1. – Типы маркировок товаров по стандартам МОС

Тип	1	2	3
Характер информации	продукция в течение всего своего жизненного цикла остается наиболее экологически чистой внутри данной категории	различные характеристики экологической чистоты товара	список воздействий продукции на окружающую среду на протяжении всего жизненного цикла
Источник информации и характер апробации	критерии устанавливаются независимым органом, и за их соблюдением следят в рамках процесса сертификации или аудита	заявление продавцов, не опирающееся на строгие критерии оценки и не подтвержденное независимыми экспертами	категории предоставляемой информации задаются для конкретных товаров соответствующей отраслью или независимыми органами
Комментарии		из трех типов экомаркировки данный тип наименее информативен	недостаток в том, что средний потребитель обычно не имеет достаточно времени и знаний, чтобы судить о том, что тот или иной компонент опаснее другого

Как известно, пока что ни в одном обществе не найдены надёжные инструменты гармонизации отношений человечества с природной средой, или, говоря иными словами, управления экологическими аспектами экономической жизни человека.

Такая формулировка проблемы подсказывает, что для упомянутого управления можно попробовать использовать методы одной концепции, взятой из совсем другой сферы. Это концепция Всеобщего менеджмента качества, которая становится во всём мире всё более популярной, являясь своего рода развитием маркетинговой концепции управления бизнесом.

Система менеджмента качества (СМК) — это экономически выгодная система управления организацией, прежде всего для самого предприятия при работе в условиях конкурентной борьбы.

Она определяет главным принципом ориентацию на потребителя.

СМК — это система, создаваемая на предприятии для постоянного формирования политики и целей в области качества, а также для достижения этих целей. Система качества:

- уменьшает внутренние потери сырья, материалов, рабочего времени;
- позволяет на основе применения статистических методов увеличивать объем продаж из того количества сырья и при меньшем количестве труда;
- находит и устраняет не нужные, дублированные потоки информации;
- обеспечивает управляемость персоналом;

- повышает ответственность и дисциплинированность персонала;
- меняет менталитет персонала;
- позволяет управлять себестоимостью;
- позволяет руководителю сфокусировать усилия персонала на ключевых процессах: маркетинг, качество производства, увеличение объема продаж;
- обеспечивает имидж руководителю, предприятию, продукции, что очень важно для присутствия на рынке в первых рядах;
- дает обоснованную уверенность в возможностях фирмы.

Главным содержанием её методологии является ответственность всех работников не только за качество продукции и услуг на всех стадиях разработки, создания и использования, но и за качество функционирования предприятия в целом. Эффективная система менеджмента качества позволяет также снизить затраты на управление: документированность ключевых процессов деятельности компании обеспечивает их лучшую управляемость; контроль, анализ и пересмотр процессов обеспечивает их непрерывное совершенствование; распределение полномочий и ответственности персонала дает механизмы контроля исполнения обязанностей и меры предупреждения отрицательных результатов.

Возможен разный подход к сертификации продукции. Можно оценивать продукт как конечный результат производства — и можно оценивать само производство и уровень его воздействия на окружающую

среду, учитывая все этапы: добыча сырья, собственное производство, логистика, утилизация, т. е. полный цикл. Последний вариант больше соответствует идеологии концепции управления качеством.

В России на государственном уровне до сих пор не определено, что значит термин «экологический». В настоящее время каждый желающий может маркировать свою продукцию как «экологическую», «биологическую», «органическую», не неся перед потребителем каких-либо дополнительных обязательств, чем многие с успехом пользуются для получения конкурентных преимуществ на рынке.

С точки зрения качества жизни это означает ориентацию в экологической политике на гуманистические показатели, экологизацию производственных процессов (включая систему стандартов), потребления и общественного сознания. Социально-экологическая ответственность и рейтинги российского бизнеса уже не является новинкой. Рейтинги составляются уже с 2007 года и их результаты общедоступны [1]. Во многих странах корпоративное регулирование экологически ответственного поведения бизнеса уже является нормой.

Список литературы:

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.biodat.ru/db/mon/rating.htm>
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://irkobl.ru/events/787195/> – официальный портал Иркутской области.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.foodmarket.spb.ru/current.php?article=1851RUSSIANFOOD&DRINKS MARKET MAGAZINE № 4/2013 3.](http://www.foodmarket.spb.ru/current.php?article=1851RUSSIANFOOD&DRINKS%20MARKET%20MAGAZINE%20№%204/2013%203)

Blagun Ivan,

*Vasyl Stefanyk Precarpathian National University,
ph. d., professor, dean of the faculty of economics*

E-mail: blagun@email.ua

Ilchuk Pavlo,

*Lviv Polytechnic National University, ph. d., associate professor,
associate professor of finance department*

E-mail: ilchukpaul@mail.ru

Evaluation the effectiveness of enterprise internationalization

Abstract: in research the indicators of evaluation of effectiveness enterprise internationalization are systematized in the three components of the obtained results: financial, marketing, operational. The advantages and disadvantages of using each group of indicators are determined.

Keywords: internationalization, effectiveness, evaluation the effectiveness of internationalization, enterprise, strategy.

The effectiveness of economic processes determines adoption of appropriate management decisions. For enterprises, the effectiveness is rather broad category, because it can acquire financial, organizational and social character and so on. The internationalization of enterprise — important step for the development of the enterprise, which requires adoption of a range of management decisions [1, 20]. At time of formation of the enterprise internationalization strategy raises the problem of evaluation its effectiveness, that is necessary to confirm or deny expediency of expansion on foreign markets.

Principles of evaluating the effectiveness of Ukrainian enterprises internationalization were developed by I. Kolomiets, which proposed a system of indicators

of the evaluation [2, 6]. Indicators for analysis of internal and external internationalization of economies have been proposed by A. Shapovalov [4, 836–837], but they contain only export, import and investment indicators at the country rank and makes it difficult to evaluate the effectiveness of the internationalization of the enterprise.

Basis of an integrated approach effectiveness of internationalization can be measured by three types performance of activity, received as a result of the internationalization strategy of the enterprise, such as: financial, marketing, operational. Indicators which can be used to evaluate the effectiveness of the internationalization of enterprises according to the three components of the received results are systematized in table 1.

Table 1. – Indicators for evaluation of the effectiveness
of enterprise internationalization according to the three components
of the received results (systematized by authors)

Indicators	Methods of calculating the indicators	
Group 1: Financial indicators		
1.1. Accounts financial indicators		
Return on assets	$ROA = \frac{P}{A}$,	where P — net profit, UAH*, A — assets (book value), UAH.
Return on sales	$ROS = \frac{P}{S}$,	where S — sales revenue, UAH.
Return on equity	$ROE = \frac{P}{E}$,	where E — equity (book value), UAH.
Return on investment	$ROI = \frac{P}{I}$,	where I — investment, UAH.
Return on foreign assets	$ROFA = \frac{FP}{FA}$,	where FP — net profit from activities in foreign markets, UAH; FA — foreign assets, UAH.
Profit	P — net profit, UAH	
Asset turnover	$OA = \frac{S}{A}$.	
1.2. Market financial indicators		
Indicator Q-Tobin	$Q\text{-Tobin} = \frac{MVCE + LTD + CTL}{A}$, where MVCE — market value of equity (market capitalization), UAH; LTD — long-term debt (book value), UAH; CTL — current liabilities (book value), UAH.; A — assets (book value), UAH	
Revenue at risk: Sharpe ratio; Traynor ratio; Jensen ratio; rate risk premium.	$SR = \frac{R_i^G - R_f^G}{\sigma_i}$, $TR = \frac{R_i^G - R_f^G}{\beta_i}$,	$JR = R_i^G - (R_f^G + \beta_i * (R_m^G - R_f^G))$ $R_m - R_f = \alpha_i + \beta_i * (R_m - R_f) + \varepsilon_i$, $RP = R_i^G - R_f^G$.
	where SR — Sharpe ratio; TR — Traynor ratio; JR — Jensen ratio; RP — rate risk premium; β_i - systematic risk enterprise i; R_i^G — geometric mean rate of return on equity enterprise i; R_f^G - geometric mean rate of return backed securities (government bonds); R_m^G — geometric mean rate of return on stock portfolio; σ_i — standard deviation value of the shares of enterprise i; R_i — rate of return on bonds of enterprise i; R_m — rate of return on stock portfolio; R_f — rate of return backed securities (government bonds); α_i — parameter to determine the level of systematic risk; ε_i - unsystematic risk associated with the equities of enterprise i.	
Added value	$AV = \frac{MVCE + L - A}{S}$,	where: AV — added value indicator; L — liabilities (book value), UAH.
Market value to book value ratio	$MVBV = \frac{MVCE}{A}$,	
Closing price per share on last trading day of financial year to earnings per share ratio	$\frac{P}{E} = \frac{PS}{ES}$,	where: PS — market price per share, UAH; E — earnings per share, UAH.
Risk of insolvency	The probability that the enterprise due to insufficient amount of liquid assets can not pay on time for their liabilities.	
Capitalization	Share of net profit to invest in its additional inputs.	
Group 2. Marketing indicators		
2.1. Marketing indicators of sales	The growth rate of revenue sales and market share	

Indicators	Methods of calculating the indicators
2.2. Customer marketing indicators	Brand recognizable rank, brand image, customer satisfaction rank, customer loyalty rank and so on.
2.3. Marketing indicators based on assets	The growth rate of brand value
Group 3: Operational indicators	
Operating cost ratio	The rate of change of material costs, labor costs, deductions to social programs, amortization and other operating costs.
Technological indicators	The rate of change of labor, material consumption and cost structure, the rate of product technology, unifying security, etc..
Innovation indicators	The rate of change of scientific production, updating products, updated technology, intellectual dependence
Other indicators	Indicators adaptability (equipment, raw materials, technology, personnel)

* In studies of various researchers net profit applied to various interpretations: gross profit, operating profit, business activity profit, net profit, etc.

Using financial performance at evaluating the efficiency and effectiveness of enterprise internationalization strategy is due to the availability of data to calculate these indicators and the fact that they are the basis for calculating the current and future value for its owners. Indicators of financial performance of enterprise activity can be divided into two groups: accounts financial indicators and market financial indicators.

Accounts financial performance — indicators of the profitability of enterprise activity, calculated on the basis of its financial statements: balance sheet, income statement and statement of cash flows.

The advantages of using indicators such as return on assets, on sales, on equity, on investment are:

- 1) the availability of secondary data to determine the profitability of enterprises activity;
- 2) frequently using of top management and investors in evaluating the financial condition of the enterprise.

The disadvantages of using of these indicators are:

- 1) basing only on information from the financial statements and absence of consideration market value of the enterprise (in terms of investors);
- 2) absence of consideration risks related to business;
- 3) absence reflect the impact of intangible assets on their values;
- 4) absence of consideration of market position of the enterprise;
- 5) significant impact of legislative regulation on the values of these indicators;
- 6) possibility of manipulation of the management by the profitability indicators in the short term;
- 7) significant impact of economic policy of the basing country on the profitability indicators of certain types of economic activity.

Return on foreign assets indicator allows more accurate measurement of efficiency at foreign markets, because it takes into account only profit at activities outside the country in relation to foreign assets [6, 123–129].

Using indicator ROFA eliminates the effect of impact of basic country on profitability indicators. The disadvantages of using indicator ROFA include:

- 1) does not consider information about strategy of foreign markets activity based on exports (excluding capital attraction);
- 2) is not a true reflection of performance of enterprise activity related to tax optimization.

Market financial indicators which are related to capital market based on the estimation of enterprise value by investors, taking into account the risks associated with its activities. In particular, when Q-Tobin rate is less than 1, it is more advisable to purchase enterprises (or its shares) than the creation of new businesses [5, 1063].

Indicators of revenue at risk allow to determine the business (investment) risk of the enterprise and the impact of specific strategies (including internationalization strategies) on profit dynamics. The advantages of using of market financial indicators are:

- 1) available secondary data reflecting the market activity enterprises in countries with developed securities market;
- 2) consideration of business valuation in terms of investors;
- 3) consideration of investment and business risk (refers to a profit at risk);
- 4) consideration of the role of intangible assets (regards the Q-Tobin ratio and value added);
- 5) minimizing the impact of tax and accounting component to determining financial results.

The disadvantages of using of these indicators are:

- 1) fluctuations of these indicators values depending of change on the market price of shares;
- 2) the need to perform a large number of calculations in order to minimize the impact of the situation on the capital market;
- 3) difficult formula calculation (exception: Closing price per share on last trading day of financial year to earnings per share ratio and the ratio of market value to book value);
- 4) the absence of constraints for indicators of Operational effectiveness of enterprises, taking into account its market position.

Marketing indicators can be classified into three types: marketing indicators of sales, customer marketing indicators and marketing indicators based on assets [7, 78–80]. Marketing indicators of sales, customer marketing indicators and marketing indicators based on assets, due to absence of access to secondary data for their calculation, consider it appropriate don't take into

account for evaluation the effectiveness of enterprise internationalization.

Operating parameters are not common at evaluation the effectiveness of the internationalization of enterprises due to the difficult accessibility of secondary data for their calculation (same as marketing indicators).

Only operating cost ratio is not difficult to calculate because the data for its calculation are reflected in the financial statements.

Thus, evaluating the effectiveness of enterprise internationalization is based primarily on financial statements and marketing indicators. In order to obtain objective and accurate assessment of internationalization advisable to use complex financial indicators, and subject to the need and the availability of relevant secondary data — complement them with new (expanded and more accurate) performance indicators, that will increase the effectiveness of management decisions, which are accepted on the basis of the results of evaluation the effectiveness of enterprise internationalization.

References:

1. Івченко Є. А. Формування маркетингової стратегії промислового підприємства: монографія/Є. А. Івченко. – Донецьк: Юго-Восток, – 2012. – 167 с.
2. Коломієць І. Ф. Методологія інтернаціоналізації діяльності промислових підприємств: дис... д-ра екон. наук: 08.06.01/НАН України; Інститут регіональних досліджень. – Л., – 2006. – 371 с.
3. Михальчук Л. В. Вихід вітчизняних підприємств на зовнішні ринки. – [Електронний ресурс]/Л. В. Михальчук, А. В. Іванісова//Проблемы материальной культуры – Экономические науки. – Режим доступа: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/59198/18-Mihalchuk.pdf?sequence=1>
4. Шаповалов О. В. Методика розрахунку ступеню внутрішньокраїної та зовнішньокраїної інтернаціоналізації економіки країни на прикладі економіки України//Проблемы развития внешнеэкономических связей и привлечения иностранных инвестиций: региональный аспект. – 2008. – Ч. 2. – с. 836–839.
5. Dowell G. Do corporate global environmental standards create or destroy market value?/G. Dowell, S. Hart, B. Yeung//Management science. – 2000. – Vol. 46, – Iss. 8. – p. 1059–1074.
6. Kudina A. Testing the link between multinationality and the return on foreign assets/A. Kudina, A. Rugman, G. Yip//Multinational Business Review. – 2009. – Volume 17, – Issue 3. – p. 123–142.
7. Rust R. Measuring marketing productivity: current knowledge and future directions/R. Rust, T. Ambler, G. Carpenter, V. Kumar, R. Srivastava//Journal of Marketing. – 2004. – Vol. 68, – Iss. 5. – p.76–89.

*Bobok Veronica Sergeevna,
Ph. D., Art. Lecturer, Department of Economics
of the Russian State Social University.
E-mail: bobok.v.s@mail.ru*

The concept of the multiplier effect of investment in agriculture.

Abstract: Through the multiplier, this article can calculate how much you can get additional profit through investment. Based on this, it will be shown how to increase the purchasing power and what are the implications for other sectors of the economy.

Keywords: Multiplicative effect, the investment effect, gross regional product, investments, credit.

*Бобок Вероника Сергеевна,
кандидат экономических наук, ст. преподаватель кафедры экономики
Российского государственного социального университета.
E-mail: bobok.v.s@mail.ru*

Концепция мультипликационного эффекта инвестиций в АПК

Аннотация: путем мультипликатора, в данной статье можно подсчитать, сколько можно получить прибыли дополнительно через инвестицию. Исходя из этого, будет показано, как увеличится покупательная способность и каковы будут последствия для других отраслей экономик.

Ключевые слова: Мультипликативный эффект, инвестиционный эффект, валовый региональный продукт, иностранные инвестиции, кредит.

Мультипликативный эффект — часть инвестиционного эффекта превышающая арифметическую сумму эффектов, вызвавших его инвестиций. Это интегральный результат совместного или последовательного осуществления комплекса отдельных инвестиционных проектов, такой, что исчезает в случае отсутствия или отказа от реализации любого из этих проектов.

«По характеру образования можно выделить два типа мультипликативного эффекта:

- 1) эффект взаимодополнения;
- 2) эффект последовательного влияния.

В основу концепции мультипликативного эффекта взаимодополнения нами положен раздел общей теории микроэкономики, посвященный теории производства, где рассматриваются свойства взаимозаменяемости и взаимодополняемости ресурсов и их влияние на результаты хозяйственной деятельности. Взаимодополняемость и взаимозаменяемость — две противоположные характеристики, отражающие различную степень заменимости отдельных ресурсов между собой в одном и том же процессе труда, например:

- незаменимые (между собой) — трактор и плуг;
- частично заменяемые — различные средства защиты растений;
- совершенно (полностью) заменяемые — семена двух сортов растений, комбайны двух марок.

Чем выше мера незаменимости двух ресурсов между собой, тем больше должен отмечаться результат их совместного использования от результата их раздельного применения при прочих равных условиях, и наоборот. В экономике эффект взаимодополнения проявляется как закон ограничивающего фактора: «Объем выпуска продукции ограничивается фактором (или комплексом факторов с высоким уровнем эффекта взаимозаменяемости между собой), который проявляет значительный эффект

взаимодополняемости со всеми прочими факторами и имеет меньший уровень полезности для предприятий в сравнении с прочими факторами. Это означает, что выпуск продукции ограничивается фактором, находящимся в минимуме по своей полезности в производстве» [4].

Под мультипликатором понимается коэффициент, показывающий зависимость изменения дохода от изменения инвестиций. В кем рассматривается взаимодействия факторов, влияющих на производство национального дохода, т. е. механизм влияния переменных совокупного спроса (потребления) на кратное изменение занятости дохода в целом.

«По кейсианской теории, оптимальный размер национального дохода, при котором экономика достигает равновесия, способствует тому, что при определенном росте инвестиций значительно растёт национальный доход. Он растёт кратко, т. к. первичные инвестиции приводят к мультипликационному (нарастающему, умножающему) эффекту через первичные, вторичные... инвестиции. Безусловно, имеется в виду влияние затрат в одной отрасли на расширение производства и занятости в других отраслей.

Допустим, предельная склонность к потреблению $MPC = 2/3$ следовательно, предельная склонность к сбережению $MPS = 1/3$. Мы уже знаем, что сумма $MPC + MPS = 1$, и равна приросту дохода. Таким образом: коэффициент мультипликации $MP = \frac{HD}{\Delta Z}$, поскольку $MPC + MPS = 1$, то:

$$MP = \frac{1}{1 - MPC} \text{ или } MP = \frac{1}{MPS}, \text{ следовательно:}$$

$$MP = \frac{1}{1/3} = 3.$$

Коэффициент мультипликации MP , является величиной, обратной MPS . Следовательно:

$$\Delta HD = \frac{1}{MPS} \Delta Y \gg [3].$$

Таким образом, чем выше величина потребления, тем больше коэффициент мультипликации, а, следовательно, приращения национального дохода при дан-

ном объёме приращения инвестиций. Рассмотрим данные ВРП и объёмы инвестиций в экономику Краснодарского края (табл. 1).

Таблица 1. – Основные показатели капитальных вложений в Краснодарском крае

Показатели	Год				
	2009	2010	2011	2012	2013
Валовый региональный продукт, млрд.руб.	333,7	372,9	485,9	601,7	985,3
Инвестиции в основной капитал, млрд.руб.	96,4	113,9	152,0	224,9	330,7
Иностранные инвестиции, млн. долларов США	275,2	463,9	751,7	714,5	810,4
Бюджетные инвестиции, млн.руб.	72,3	94,7	223,4	681,1	704,5

* данные Департамента сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности г. Краснодара

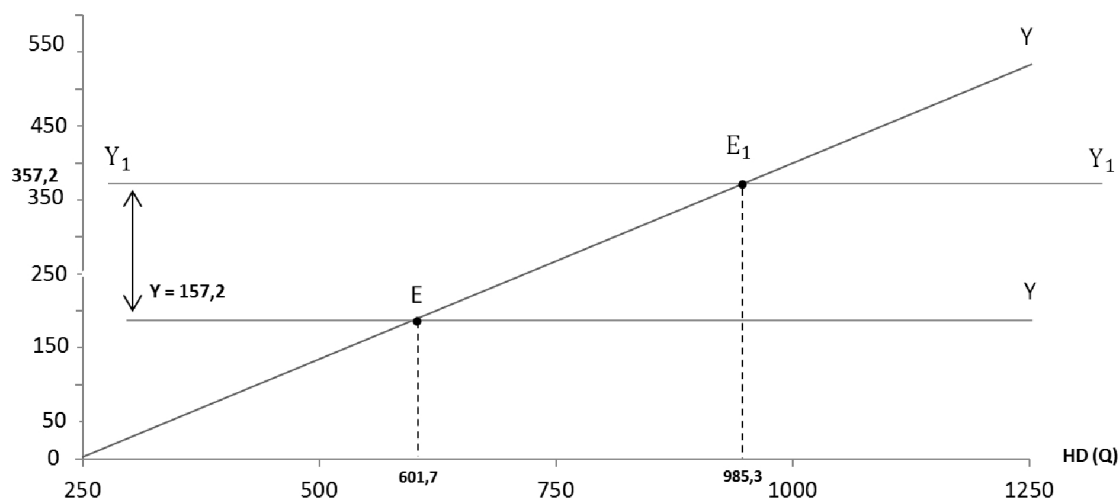

Рис. 1. Эффект мультипликации Краснодарского края

По данным таблицы построим график «эффект мультипликации» для Краснодарского края (рис. 1).

На график видно, что точка E является точкой равновесия при постоянных инвестициях в 224,9 млрд.руб. Если на следующий год происходит вложения и увеличения инвестиций на $\Delta Y = 157,2$ млрд. руб., то точка равновесия переместится к E_1 . При этом производство национального дохода вырастет на 389,6 млрд. руб. Разница между приростом национального дохода (ΔND) и приростом инвестиции (ΔY) равна вторичным потребительским расходам $(389,6 - 157,2) = 224,6$ млрд. руб., полученным за счёт мультипликативного эффекта. Очевидно, что при $MPC = 2/3$ суммы в 383,6 млрд. руб. ND распадается на 226,4 С и 157,2 S. Если при $\Delta Y = 157,3$ млрд.руб. прирост $ND = 383,6$ млрд. руб., то макроэкономическое равновесие в точке E_1 чётное.

Из проведённого анализа очевидно:

1) потребление, сбережение, инвестиции — чрезвычайно тесно взаимосвязанные экономические категории.

2) инвестиции — более активный элемент во всей этой совокупности, т. к. именно они оказывают мультипликативный эффект.

3) кейсианская теория мультипликатора показывает, что крупные расходы правительства (государства), фирм, частных лиц (потребление) положительно складываются на объёме и масштабах производства национального дохода.

Таким образом для изучения эффекта взаимодополнения целесообразно использовать несколько методов: итерационно-регрессионный, метод факторного анализа, расчётно-конструктивный метод.

I. Итерационно-регрессивный метод для решения проблемы был предложен Гарлановым С. А., в 1998 г. Он обеспечивает формализацию закона ограничивающего фактора и представляет собой модификацию регрессионного анализа. Основное содержание метода заключается в разделении статической совокупности на группы наблюдений, таком, что внутри каждой группы результативные признак определяется только одним независимым фактором, если он незаменим в хозяйственной деятельности, либо комплексом фактором, если они являются хорошими заменителями друг другу. «По каждой группе определяются параметры уравнений регрессии, которые потом используются в общей модели, которая в общей форме имеет вид:

$$Y_i = \min; \left\{ \begin{array}{l} F_1(x_{ei}) \\ F_2(x_{2i} : x_{3i}) \\ F_k(x_{mi}) \end{array} \right\}, \quad (1)$$

где Y_i — расчётное значение i -го результата хозяйственной деятельности;

i — количество аналитических наблюдений в совокупности для формирования модели;

K — количество уравнений связи в модели;

$X_{1i}, X_{2i}, \dots, X_{mi}$ — факторы хозяйственной деятельности в модели;

m — количество факторов в модели;

$F_1(X_{1i}), \dots, F_k(X_{mi})$ — уравнение связи результата с незаменимыми факторами X_{ei}, X_{mi}

$F_2(x_{2i}, x_{3i})$ — уравнение связи результата с двумя (или более) взаимозаменяемыми факторами» [5].

На начальном этапе исследования влияния независимых переменных на результативный признак формируется.

K — сочетаний независимых переменных, таких, что внутри каждого из сочетаний переменные обозначают факторы, характеризующиеся взаимозаменяемого между собой при влиянии на результат. Затем выполняется качественный анализ форм связи и выбираются математические уравнения для описания каждой такой связи. Предложенный автором простейший алгоритм расчётов включает пять шагов, объединённых в итерационный цикл.

Шаг 1. По каждому из выбранных управлений связи определяются её параметры и вычисляются ряды расчётных значений зависимой переменной:

$$Y_i = F_1(X_{ei}), Y_{2i} = F_2(X_{2i} : X_{3i}), \dots, Y_{ki} = F_k(X_{mi}).$$

Шаг 2. Выполняется оценка расчётных значений зависимой переменной для модели в целом: $Y_i = \min(Y_i, Y_{2i}, Y_{ki})$ определяется адекватность всей модели, например, при помощи вычисления коэффициента детерминации.

Шаг 3. Совокупность ($i = 1, N$) наблюдений перераспределяется на K групп в соответствии с числом уравнений связи так, чтобы в группу для каждого уравнения попали только те наблюдения, где расчётный результат Y_i определяется этим уравнением (для первой группы $Y_i = Y_{1i}$, для второй группы $Y_i = Y_{2i}$).

Шаг 4. Внутри каждой вновь сформированной группы наблюдений уточняются параметры соответствующего уравнения связи зависимой переменной с ограничивающим её фактором (или сочетанием факторов). Выполняется оценка тесноты связи при помощи определения коэффициентов корреляции и

детерминации, проводится статистическая оценка достоверности уравнений и отдельных параметров уравнений. На этом этапе расчётов из отдельных уравнений могут быть выведены переменные, влияние которых на зависимую переменную оказалось несущественным.

Шаг 5. Осуществляется вывод не значимых уравнений из модели для её улучшения. Критерием окончания итерационных вычислений могут служить отсутствие изменения, либо незначительные колебания коэффициента детерминации модели от итерации к итерации. Дальнейшее улучшение возможно при помощи выбраковки или введения в расчёты дополнительной информации. Мультипликативный эффект при использовании итерационно-регрессионного метода определяется на основе вариантных расчётов по модели (1) как разница между величиной эффекта, определённой при фактических изменениях факторов X_{mi} , и его величиной, рассчитанной при изменении одного из этих факторов, влияние которого на мультипликативный эффект изучается.

II. Метод факторного анализа, широкого используемый в статистике, целесообразен для изучения эффекта и оценки его размера при сравнении проектных разработок («без проекта» и с «проектом»). Содержанием этого метода является выделение эффектообразующих факторов и изучение их участия в формировании мультипликативного эффекта. Его применение уточнено автором и его коллегами при разработке рекомендаций по экономическому обоснованию проектных разработок в АПК.

«Эффект дополнительных вложений может быть представлен в виде выражения:

$$\Delta D = D_2 - D_1, \quad (2)$$

где ΔD — инвестиционный эффект дополнительных вложений;

D_2 — инвестиционный эффект «с проектом»;

D_1 — инвестиционный эффект «без проекта».

Пусть в отрасли в результате комплекса мероприятий образуется дополнительный эффект.

$$\Delta D = D_2 - D_1 = (V_2 - Z_2) - (V_1 - Z_1) = V_2 - V_1 + Z_1 - Z_2, \quad (3)$$

где ΔD — дополнительный эффект;

V_1, V_2 — выручка до и после реализации проекта;

Z_1, Z_2 — затраты до и после реализации проекта.

Принимаем во внимание, что выручка — произведение цены и количества продукта: ($V_i = P_i \times Q_i$), затраты — произведение цены и количества продукта ($Z_i = C_i \times Q_i$), а продукт, цена и себестоимость могут быть записаны как величина «до проекта» и прирост

«за счёт проекта»: $Q_2 = Q_1 + \Delta Q$; $P_2 = P_1 + \Delta P$;
 $C_2 = C_1 + \Delta C$, то выражение (3) преобразуется:

$$\Delta D = P_1 \Delta Q + \Delta P Q_1 + \Delta P \Delta Q - \\ - C_1 \Delta Q - \Delta C Q_1 - \Delta C \Delta Q. \quad (4)$$

В формуле (4) отдельные элементы имеют следующее экономическое значение:

$\Delta P Q_1$ — эффект применения цены продукта;

$\Delta C Q_1$ — эффект применения себестоимости продукта;

$\Delta P \Delta Q$ — мультипликативный эффект изменения цены и количества продукта;

$\Delta C \Delta Q$ — мультипликативный эффект изменения себестоимости и количества продукции» [2].

Мультипликативный эффект (4), представляет собой эффект совместного исполнения комплексов мероприятий по повышению цены и изменению количества продукции, а также применению уровня себестоимости и изменению количества продукции и соответствующих этому инвестиций.

III. Расчётно-конструктивный метод рекомендуется нами для выявления мультипликативного эффекта при разработке комплексов мероприятий на перспективу, которые учитывают множество факторов и направлений инвестирования, такое, что не позволяет применять ни итерационно-регрессионный метод, ни метод фактического анализа. Основное содержание метода заключается в изучении вариантов развития отдельных производств и их комплексов. В основу таких расчётов положена концепция интенсификации производства и методика её изучения, разработанная автором. **На первом этапе** расчётов выполняется подготовительная работа по формированию норм потребления ресурсов по проекту и разрабатываются стандартная применительно к условиям проекта технологическая карта производства (или смета). **На втором этапе** составляется «стандартная» технологическая карта корректируется по серии возможных значений продуктивности, и формируется комплекс технологических карт для всего обследуемого диапазона продуктивности. **Третий этап** содержит анализ продукта и (или) издержек, выполняемый по полученной серии технологических карт. Здесь используются методы анализа общего, среднего и предельного продукта, общих, средних и предельных издержек. На этом этапе определяется оптимальный уровень интенсификации производства. **Четвёртый этап** предполагает создание оптимизационной модели инвестиционного проекта, в которой используется информация об оптимальном уровне и интенсификации отдельных

продуктов или отраслей на основе первых трёх этапов анализа» [2].

В целом мультипликативный эффект взаимодополнения образуется за счёт использования наилучшего способа использования выделенного фонда инвестиций, такого, что отдача на единицу совокупных вложений выше, чем во всех других вариантах инвестирования. Эффект последовательного влияния представляет собой следствие формирования эффекта инвестиций, проявляющее себя как образование серии эффектов во времени по последовательным циклам воспроизводства и цепочке видов деятельности в экономике. Мультипликативным (умножением) здесь является воздействие инвестиций размещённых в одну сферу деятельности на эффективность других сфер деятельности человеческого сообщества. Эффект последовательного влияния может быть назван «волновым» эффектом, поскольку распространяется подобно волне в различных отраслях экономики (затухающий, увеличивающий, неизменный). Состоит из двух эффектов, различных по способу формирования:

- эффект реинвестиций в других отраслях;
- эффект перераспределения инвестиционного эффекта.

Эффект реинвестиций — результат последующих вложений инвестиционного эффекта, получаемого за счёт отдельного инвестиционного проекта. В таблице показан пример оценки эффекта реинвестиций в процессе взаимодействия перерабатывающих предприятий (табл. 2). При изучении мультипликативного эффекта использованы два метода: балансовый и метод межпериодного сальдо денежного потока.

По нашим оценкам мультипликативный эффект для перерабатывающих предприятий наиболее положителен в ООО «Балтимор», т.к. в 2011 г. инвестиции составили 15,9 млрд. руб., кредит всего 181,5 млрд. руб., при кредите 132,7 млрд. руб. и эффект в 2013 г. — 28,9 млрд. руб. А также положительная ситуация в 2011 г. ООО «Интерагросистемы», где объект с ростом инвестиций и понижением кредита по данному предприятию в 2013 г. положительно отразилось на мультипликативном эффекте он составил 7,217 млн. руб. При инвестициях в 2012 г. ООО «Техада» 71,389 млн. руб. и кредите 33,7 млн., эффективность составила 37,689 млн. руб. Наиболее отрицательная ситуация в ООО «Полтавский», т.к. инвестиций в 2012 составляли всего 5,419 млн. руб., а кредит был на сумму 23,6 млн. руб., то мультипликативный эффект получился отрицательным, т.е. –18,181 млн. руб.

Таблица 2. – Эффект реинвестиций на примере перерабатывающих предприятий Краснодарского края

Элементы затрат	ОАО «Динской»	ООО «Интерагро- системы»	ООО «Техада»	ООО «Полтавский»	ООО «Балтимор»	ОАО «Славян- ский»
Инвестиции в основной капитал, млн. руб.						
2011 г.	3,97	9,21	13,807	3,780	15993,4	0,950
2012 г.	—	18,5	71,389	5,419	—	1,184
2013 г.	64,543	12,58	29,540	1,250	29049,4	4,890
Кредит (долгосрочн. и краткосрочный) млн. руб.						
2011 г.	—	7,3	10,3	9,8	181,5	—
2012 г.	31,9	12,4	33,7	23,6	—	10,6
2013 г.	34,1	5,37	15,3	—	132,7	3,756
Мультипликативный эффект, млн. руб.						
2011 г.	3,97	1,91	3,507	–6,2	15755,9	0,950
2012 г.	–31,9	6,18	37,689	–18,181	—	–9,416
2013 г.	30,43	7,217	14,24	1,250	28916,7	1,134

Аналогичным образом может быть произведена оценка мультипликативного эффекта, например, в продуктовом подкомплексе. Эффект перераспределения представляет собой мультипликативный эффект инвестиций в отрасль или вид деятельности, формирующий в других отраслях при помощи механизма цен или по другим причинам. Иными словами, размер инвестиционного эффекта, получаемого инвестируемой отраслью, может быть меньше (или больше) экономического эффекта инвестиций, создаваемого в инвестируемой отрасли за счёт перелива в смежные отрасли по технологической цепи использования продукта вследствие:

1. повышения производительности общественного труда;

2. снижение цены на новый товар, удовлетворяющий ту же потребность, что и прежний товар.

Рассматриваемый вид мультипликативного эффекта в экономической науке изучался ранее на основе мелкоотраслевых балансов. Предполагаемая концепция мультипликативного эффекта, механизм образования и комплекс методов его оценки в условиях рыночных отношений позволяет совершенствовать теорию и методику оценки инвестиционных проектов во всех отраслях народного хозяйства и обеспечивают методическую основу перспективных оценок развития региональной экономики.

Список литературы:

1. Гарламов С. А., Злобин Б. В. Экономическая оценка проектных разработок в АПК: Учебно-методическое пособие. Часть 1. – Методические указания. – Воронеж: ВГАУ, – 2008. – 70 с.
2. Никифоров А. А. Макроэкономика: научные школы, концепции, экономическая политика. – М.: ДИС, – 2009. – Гл. 13, 14, 15.
3. Мэнкью И. Г. Принципы экономики. – СПб.: Питер, – 2010. – Гл. 21
4. Фелпс Э. С. Равновесие: концепция с точки зрения ожиданий/Экономическая теория. Под. ред. Дж. Итуэлла, М. Илгейта, П. Ньюмена. – М.: Иморра. – М., – 212.
5. Mankiw N. G. The Macroeconomist as Scientist and Engineer // Journal of Economic Perspectives. – 2–12. – Vol. 20. – N4.

*Bogoslavskaya Alina Viktorivna,
candidate of economic sciences, associate professor
of the International Economics department,
Mykolaiv V. O., Sukhomlynskiy National University*

*Semenchuk Iryna Mykolaivna,
candidate of economic sciences, associate professor
of the Enterprise Economics and Land Management department,
Petro Mohyla Black Sea State University
E-mail: Alina_sichko@mail.ru*

Management of protected areas and objects of natural reserve fund under socio-ecological economic convergence

Abstract: The article analyzes the problems of the current state of protected areas and objects of natural reserve fund. The author substantiates the way of development process improvement of the sustainable development of the NRF through the development of economics and “green” economic growth management, which integrates a model of sustainable development in the long-term strategy.

Keywords: nature reserve fund, “green” economic growth management, green economy, natural capital, ecologization.

Statement of the problem. Nature Reserve Fund (NRF) is a national property which is characterized by a special regime of protection, reproduction and use of natural resources. Despite the uniqueness and environmental, ecological, scientific, aesthetic, recreational value of the NRF, in recent years there have been transformational negative trends in its development and formation. Summary overview of problems shows that many of them are common to most of the protected areas and objects of natural reserve fund. The main among them are: misuse, appropriation of natural reserve fund land due to the absence of land management projects on territories and boundaries established in objects of natural reserve fund. Most of the borders of the territories and objects of natural reserve fund are not made in kind (in the area). It is important to note that the definition of boundaries of objects of natural reserve fund in areas important for their safety, the delay in the establishment is one of the prerequisites for the illegal and spontaneous seizure or threat of loss of the item. Analysis of statistical data on the total number of discovered offenses in 2013 indicates that more than 31 thousand hectares of land, including more than 1.7 hectares of health-improving, recreational, environmental, historical and cultural significance and forestry fund and 11.3 hectares related to unauthorized occupation are the subject of illegal encroachments.

There is no land inventory documentation on the vast majority of objects of natural reserve fund. In the state statistical recording of land quantitative assessment (Form 6-zem), the land granted the status of objects of

nature reserve fund without seizing them from land users is not separately recorded. A significant amount of land on which there are areas and objects of natural reserve fund is not classified as nature reserves and that of any nature protection purpose.

It is important to state that nature reserve fund institutions do not have the status of the victim in case of inflicted losses in the NRF area and in the case of recovery of damages caused by offenders; funds do not fall within protected areas, even to eliminate the consequences of such violations. The distribution of assets from the state and regional funds of environmental protection is not transparent, some NRF institutions haven't been able to get financing for years. Funds recovered from offenders through the courts, are forwarded to the state budget, instead of NRF institutions.

The system of NRF has become a distorted vestige of an extremely inefficient system of governance. Instead, we can confidently assume that the strategic factor of NRF operation and development is a public mood for change, aimed at modernizing the entire complex of NRF.

In this regard, there is need for continued comprehensive research on the methodology of the operation and development of protected areas and natural reserves and identification of factors that contribute to the formation of an effective system of incentives for its development.

Analysis of recent researches and publications. Scientific and theoretical basis of this study is made up by the work on the formation and development of natural reserves of such scholars as M. Bilyashivsky,

G. N. Vysotsky, V. Gorlachuk P. A. Tutkovskiy, L. Portenko, N. Sharleman, I. Faleyev, A. Balatskiy and others, whose theoretical and practical works have made significant contributions to the development of NRF in Ukraine. Thanks to their hard work, the advantages and disadvantages of NRF and sites of natural conservation, objective and subjective reasons for their occurrence have been studied. It is proved that many issues in protected areas arose in connection with the land reform, namely, on the private ownership of NRF and sites. As a result of the land reform the deregulation and privatization of reserve lands and lands of the former collective farms are taking place. But a significant portion of protected areas established for these lands is in danger of sharing for conducting production activities regardless of their status and conservation value nowadays. In most NRF there are not information security and boundary marks.

Almost every scientist says that the current state of the NRF forces to change the view to further its development and justify the need to guide it on the basis of environmental priorities, availability of environmental risks and ecological security. It is also stated that there is a need to fundamentally replace management system of territories and objects of natural reserve fund.

The above mentioned has resulted in the choice of the research direction and determined the objective of the article.

The aim of the article is to research and prove theoretically and methodologically the development of protected areas and objects of natural reserve fund management based on the principle of socio-ecological-economic convergence (from Lat. converge — “pull together”).

Theoretical principles of economics, national scientists' works on the problems of protected areas development and operation have formed the methodological basis of the research.

The main material. “Agenda 21” adopted at the United Nations Conference on Environment and Development in Rio de Janeiro, 3–14 June 1992 [1] states that sustainable development will be strengthened by increasing the productivity of natural ecosystems and conservation of natural resources. These processes can be realized by increasing the efficiency of facility management (territories) of nature reserve fund.

It is very important to define responsible governance institutions in the field of protected areas in order to evaluate its effectiveness. It should be noted that the current system of nature reserve fund has a single central body of executive power, to which all protected

objects in Ukraine were subordinate. In addition to the Department of Conservation under the Ministry of Ecology and Natural Resources of Ukraine, which is the governmental body of the state administration in the area of nature reserve management, environmental objects are subordinated to a number of other government organizations. As a result we have an inconsistency and duplication of administrative functions of agencies; imperfect control mechanisms of protected areas and objects of natural reserve fund which are necessary for control levers formation; dispersion of resources and low efficiency of their use [2]. Verkhovna Rada of Ukraine's Resolution “On the main directions of the state policy of Ukraine on Environmental Protection, Natural Resources and Environmental Security” in Chapter 33 — “Institutional arrangements for environmental protection and rational use of natural resources of Ukraine” — defines the functions of three levels of government (national, regional, local). Unfortunately, scheduled tasks and partition functions haven't been achieved yet; they are currently in a state of “dispersion” in all sorts of legal acts. It is this ambiguity that leads to improper behavior of the subject in relation to the particular land and natural reserve fund in general. Determining the extent of possible and appropriate behavior of the subjects will contribute to the optimal use, conservation and restoration of Nature Reserve Fund of Ukraine lands.

Analysis of the effectiveness of management activities in the protected areas shows that the existing organizational and management system has significant flaws, in particular, there is a mismatch between the gravity of the environmental violations and measures of legal liability, which leads to increased social tension in the society, reducing confidence of the environmental community and citizens to actions of public authorities. Most significant in this regard is the Ministry of Interior Affairs report for 2013 which states that 1,4 thousand officers were lawfully charged in this sphere. The amount of damages from prosecuted criminal cases is 675 million hryvnias. 127.1 million hryvnias have been recovered and 4.7 hectares of land have been returned after the completion of proceedings in criminal cases. 216 violations committed in time of the ownership or use of forest areas, nature preserves and recreational areas have been revealed. In addition, we note that most of the problems that contribute to the abuse of authority officials, administration and local government officials lie in the plane of land ownership and redistribution of state land resources change.

To sum it up, we can infer that the current system of territories and objects of nature reserves in Ukraine

has not been established. Almost all its shortcomings are due to the lack of a single integrally responsible central agency which could constantly interact with civil societies in the implementation of the National Programme of Reserves Development until 2020 and other programs of the Cabinet of Ministers of Ukraine, taking into account the specific provisions of the Association Agreement between Ukraine and the EU, following the principles of eco-balanced development.

An important step in the formation of this system is through lustration and formation of personnel-attestation and lustration commissions that evaluate professional competence of employees on the basis of standardized eligibility criteria and qualification according to the NRF institutions employees' work and the system of competitive selection of experts according to the profile of their work. It is necessary to ensure transparency and democratic appointment system in protected areas through extensive discussions of candidates for the post with public environmental organizations.

It is also necessary to introduce a system of centralized training to improve the skills of NRF institutions employees. All qualification requirements will depend on ever-increasing levels of environmental and scientific understanding, aimed at creating the necessary skills in NTIM3 or STEM [3]: science, technology, engineering and mathematics, contraction of skills in human and natural capital.

It is possible due to a new type of management in the natural reserve fund — management of “green” economic growth, which is aimed at the implementation of “Agenda 21”. Management of “green” economic growth promotes research and development in the field of “green” innovation and sustainable development model integrates protected areas into long-term strategy, establishing mutually functioning socio-ecological-economic convergence in land and protected areas of Ukraine use. To our mind convergence should be viewed as convergence of economic, environmental and social changes that are designed to ensure the search for solutions to reproduce the balance of metabolic processes between the public and protected territories and objects of natural reserve fund.

Management of “green” economic growth of natural reserve fund is crucial in terms of resources and ensuring social justice, which are necessary for the development of capacity and funding actions aimed at transition to a green economy. It should be noted that the “green economy” is an economy in which economic growth and responsibility for the environment operate together, reinforcing each

other and at the same time supporting progress on social and economic development [4]. Green economy will contribute to the economic, social and environmental benefits increase, achievement of sustainability of protected areas and sites of natural areas, bringing negative effects of economic activity and social development for the environment beyond the equation of danger.

The UN Environment Programme (UNEP) [5] initiated the concept of a “green” economic growth in 2008 as a Global Green New Deal (GGND). According to the content it offers to direct the efforts on the transmission after the crisis to the sustainable development, not for the costs of ecology, but on the investing in the “green” economy providing at the same time the promotion of the economic development, job creation and a more economical use of natural resources. It should be added that the Concept proposed ten key sectors required for the “green” economic growth. They are agriculture, housing and communal services, power engineering, fishery, forestry, industry, tourism, transport, utilization and recycling of waste, natural resource management [5].

The world experience shows that using the tools of a «green economy» in their national development strategies, the investment in the environmental protection has increased. The largest amount of «green» investments (22,300 million euro) is in China, (12,300 million euro) in Japan, (5 700 million euro) in France [6]. As a result, it has become a spur of economic activity at a low risk of economic, environmental and social crises. It is important to note that the reports of the three leading international organizations: FAO (UN World Food and Agriculture Organization), WHO (UN World Health Organization) and the World Bank [7] mention the expediency of transition to a «green economy» in the whole world.

From this point of view it is important that the green economy of the natural reserve fund will cover business that aims at profit, expansion of markets for environmental goods and services, possibility of introducing and reducing the cost of the latest eco-efficient technologies, self-funding on a regional basis in terms of benefits. In promoting these processes the implementing of the relevant standards and regulations, the expansion of financial resources for research, the development and demonstration of the benefits of new technologies play an important role.

Accordingly, in the short term period the creation of the added value will always have higher priority compared to the priorities of reducing the impact on protected areas and objects of the natural reserve fund and

the optimization of the use of natural resources, other conditions being equal. However, the feature of the green economy is long-term projects that take into account the prospects of Ukraine's international obligations in the field of the natural reserve fund development, such as "Vision 2050" of the World Business Council for Sustainable Business [8] which predicts to expand capabilities of business activity in various business segments to \$ 3–10 trillion in 2050 [9] by implementing resource-efficient projects.

So, the sustainable development of the NRF requires the management "in advance", based on the investment and innovation policy focused not only on technique and technology — that will ensure the development of more "catch-up", but on a high level of coordination between the various ministries and other subjects of management, and community stakeholders outside the public administration to identify a set of policy measures on the adaptation of protected areas and objects of natural reserve fund for the new "green" UN course. The development of an appropriate institutional capacity will be essential for integrating the green growth in the key economic strategies and other measures of environmental policy. The transition to the management of the "green" growth in the field of the natural reserve fund will lead to the formation of the innovative "green" directions based on the three pillars of the sustainable development [10]: ecological efficiency, ecological justice, and ecological effectiveness. Among them the following directions play an important role: eco-tax (a real assessment of natural capital); eco-infrastructure; eco-monitoring; eco-logistics; eco-innovations; eco-services. These trends will change the monofunctional management paradigm by the system of areas and objects of the natural reserve fund, which is primarily aimed at the conservation of biological and landscape diversity onto the multifunctional

paradigm that takes into account the maximum increase of productivity in the use of the natural capital. Today the involvement of the natural capital of Ukraine into the economic circulation is going without taking into account environmental constraints of terrestrial ecosystems. The determination of the acceptable level of load on the landscape natural capital and environmental and economic efficiency of using its assimilative potential will contribute to the conservation of natural capital of Ukraine, to the improvement of the quality of the environment.

Conclusion. The formation and the current state of the natural reserve fund actualize the need to find specific tools in the implementation of sustainable development strategies in this area into the way of implementing management by the "green" economic growth of the natural reserve fund. It provides not only the reduction of the use of natural resources and the minimization of the impact on the natural environment, but also contributes to the flow of investment in natural capital (the increase in the share of the protected areas, the strengthening in the protection of forests, etc.), the optimal allocation of scarce natural resources, etc. At present, the modern system of areas and objects of natural reserve fund management provides for an institutional reform. Primarily, this involves making appropriate fundamental changes in the formation of personnel with clear division of functions at all levels of governance and the strengthening of the role of industrial and public administration in the field of the usage of the areas and objects of the natural reserve fund. The purpose of the new staff in the field of the NRF is to create a model of partnership between local residents, users of natural resources and administrations of protected areas and the promotion of income generation for all partners in the protection and rational use of areas and objects of the natural reserve fund.

References:

1. Agenda 21. United Nations Conference on Environment and Development (Earth Summit), – Rio de Janeiro, – 1992.
2. Zmiznennyya upravlinnya ta finansovoyi stiykosti nazional'noyi systemy pryrodohoronnyih terytoriy v Ukraini: Proektnyyi dokument/Uryad Ukrainy, Global'nyiy ekologichnyiy fond, Programma Rozvitky OON. – Kyiv: "BAITE". – 2012. – 176 p.
3. United Nations Sustainable Development Knowledge Platform, "Future We Want – Outcome document". – [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupu: <http://sustainabledevelopment.un.org/futurewewant.html>
4. Dopovid' pro zelenu ekonomiku UNEP, – 2011. – [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupu: <http://www.un.org/ru/development/sustainable/ger/>
5. UNEP (2010). The Green Economy Initiative// [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupu: <http://www.unep.org/greeneconomy/>, accessed 2010–07–06.
6. Dopovid' pro zelenu ekonomiku UNEP, – 2011. – [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupu: <http://www.un.org/ru/development/sustainable/ger/>

7. Stan i perspektyvy rozvytkku zelenoyi ekonomiky ta zelenogo biznesu v Ukraini. Analitychna dopovid' // [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupu: www.eep.org.ua
8. Videniye – 2050. Novaya povestka dnya dlya biznesa. 2010 // [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupu: www.wbcsd.org/web/vision2050.htm.
9. Burkyns'kyi B. V. "Zelena" ekonomika kriz' pryizmu transformatsiynyih zrushen' v Ukraini / B. V. Burkyns'kyi, T. P. Galushkina, V. E. Reutov. – Odesa: IPREED NAN Ukrainy. – Saky: PP "Psdprymstvo Feniks", – 2011. – 348 p.
10. Chen A. J. W. Information systems and ecological sustainability / A. J. W. Chen, M.-C. Boudrean, R. T. Watson // Journal Of Systems and Information Technology. – v.10. – #3. – 2008. – p. 186–201.
11. Kal'na-Dubynyuk T. P. Suchasni informatziyno-konsul'tatuvni tehnologiyi: Zbirnyk naukovykh pratz' / Materialy Mizhnarodnoyi konferentsiyi "Forum vyishchoyi osvity", KPI. – K., – 2008. – p. 54–57.

*Buryak Oleg Petrovich,
Lviv Academy of Commerce, Researcher,
Department of Economic Theory
E-mail: ks770@inbox.ru*

Basic factors of origin of bank crises

Abstract: The basic factors of origin of bank crises are probed. It is marked that importance of analysis of crisis of the banking system follows from the features of functioning of the banking system, and also from its meaningfulness both for an economy and financial system of the state on the whole, and directly for every its subject.

Keywords: national economy, banking system, factors of origin of bank crises, crisis of the banking system, financial system, bank credit.

*Буряк Олег Петрович,
Львовская коммерческая академия,
соискатель кафедры экономической теории
E-mail: ks770@inbox.ru*

Основные факторы возникновения банковских кризисов

Аннотация: Исследуются основные факторы возникновения банковских кризисов. Отмечено, что важность анализа кризиса банковской системы вытекает из особенностей функционирования банковской системы, а также из ее значимости как для экономики и финансовой системы государства в целом, так и непосредственно для каждого ее субъекта.

Ключевые слова: национальная экономика, банковская система, факторы возникновения банковских кризисов, кризиса банковской системы, финансовая система, банковский кредит.

На современном этапе существует потребность в исследовании причин возникновения банковских кризисов. И как утверждает А. И. Барановский, "несовершенство методологии и инструментария прогнозирования банковских кризисов не позволяет в полной мере описать все многообразие и сложность причин, способствующих накоплению кризисного потенциала в банковских системах, что в свою очередь, вызывает выбор неэффективных стратегий антикризисного регулирования банковской деятельности" [2]. Поэтому мы подробнее остановимся на исследовании основных факторов возникновения банковских кризисов.

Отметим, что по объему охвата можно выделить системные и локальные банковские кризисы. Локальный банковский кризис охватывает небольшое количество банков, для которых характерны общие недостатки, а именно: низкая ликвидность, ограниченность ресурсной базы, несбалансированная структура кредитного портфеля и т. д. В свою очередь системный банковский кризис — это кризис, при которой возникают значительные нарушения в работе банков, осуществляющих наибольшие объемы основных банковских операций, то есть возникает угроза существованию всей банковской системы. Также подобные кризисы нередко сопровождаются

ростом инфляции, девальвацией национальной валюты, обвалом финансовых рынков и дефолтом государства.

В работе американского ученого И. Фишера “Теория великой депрессии” [11] были приведены классическое объяснение системного финансового кризиса и нестабильности, в которой он доказывает, что финансовая нестабильность в значительной степени колерирует с макроэкономическими циклами, в частности с динамикой общей задолженности в экономике. По мнению И. Фишера, основной причиной кризисных явлений является негативная динамика фундаментальных макроэкономических показателей.

Д. Даймонд и П. Дибвиг [8] причины банковских кризисов связывают с факторами, влияющими на поведение вкладчиков банков в связи с отсутствием равновесия на финансовых рынках.

Возникновение кризисных ситуаций как результат негативного влияния асимметрии информации на функционирование банковской системы рассматривается в работе Ф. Мышкина “Understanding Financial Crises: A Developing Country Perspective” [10]. Автор отмечает, что асимметрия информационных потоков в банковском секторе существует между кредитором и заемщиком и приводит к тому, что заемщики, которые нуждаются финансовых ресурсов для финансирования высокодоходных проектов с низкой степенью риска, имея ограниченную информацию об условиях проекта, вынуждены страховать риски возможных потерь, приводит к необоснованному росту стоимости проекта. В этих же условиях заемщики, финансирующих высоко рисковые проекты, имеют возможность получить деньги по более низкому проценту. Все это приводит к тому, что происходит вытеснение низкорисковым проектами высокорисковыми и, как следствие происходит ухудшение качества кредитных портфелей финансовых посредников.

Б. Айхенгрин и А. Роуз в работе “Staying afloat when the wind shifts: External factors and emerging-market banking crises” [9] выделяют пять основных факторов возникновения банковских кризисов: внутренняя монетарная политика; внешние макроэкономические условия; режим обменного курса национальной валюты; финансовая структура страны; проблемы банковского контроля и регулирования.

Поскольку информация о финансовых трудностях одного из банков побуждает вкладчиков изымать ресурсы в совершенно устойчивых банках, при этом стимулируя нарушения стабильности всей системы,

то информационный фактор является достаточно весомым в возникновении банковских кризисов.

Причины банковских кризисов разграничивают на внутренние и внешние. Внутренние — это причины, которые породили внутренние условия, обстоятельства и действия, а внешние — это причины, которые зародились в зарубежных банковских, финансовых или хозяйственных системах и подталкивают или стимулируют кризисные явления в других национальных банковских системах в условиях глобализации.

С. Алексашенко отмечает, что “проблемы, которые изначально зародились на одном конце света, через некоторое время могут “выплыть” за многие тысячи километров, при этом проследить или тем более перекрыть каналы их распространения при современном уровне развития финансовых инструментов не представляется возможным” [1].

Стоит отметить и то, что в условиях финансового глобализации, как правило, внутренние и внешние причины взаимно накладываются.

На том, что “моделирование любого процесса начинается с детализации его причин” отмечает И. Ф. Радионова [6]. По ее мнению причины финансово-банковских кризисов целесообразно распределять на микроэкономические и макроэкономические. По мнению автора в микроэкономических относятся [6]:

- использование банками новых финансовых инструментов, которые предназначены для уменьшения рисков кредитования и финансовой неопределенности, таким образом, что риски в деятельности банков увеличивались;
- создание избыточного финансового рычага или финансового ливериджа, негативные последствия которого не были предусмотрены и даже искусственно поддерживались.

Что касается основных макроэкономических причин, то к ним И. Радионова относит:

- макроэкономические цели и инструменты правительства для формирования макроэкономической политики были неадекватными;
- критический рост накануне кризисов доли государственного долга в ВВП вследствие значительных дефицитов государственных бюджетов в период экономического роста.

А. М. Иваницкая [7] разделяет причины банковских кризисов на: субъективные, связанные непосредственно с субъектами государственного управления; объективные — вызванные изменениями в

предметном поле регулирования; синергетические, которые происходят вследствие несовпадения интересов субъективных и объективных сторон.

Например, И. Ларионова к основным причинам банковского кризиса относит: плохое качество активов, несопоставимо большие операционные расходы и наличие скрытых убытков [4].

Всего в мире обнаружено много различных причин, порождающих кризисные явления в банковском секторе.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что причины банковских кризисов как правило, не бывают единичными, а есть сочетание определенной совокупности причин, которые для каждого кризиса различны.

Например, по мнению некоторых экономистов к традиционным причин появления банковских кризисов относит: “экономический спад и проблемы в реальном секторе экономики, спад производства, ухудшение платежеспособности предприятий-заемщиков банков” [5]. Что касается современных причин возникновения банковских кризисов, то к ним автор относит следующие:

- финансовое состояние банковской системы накануне кризиса;
- чрезмерная кредитная экспансия во время длительного экономического подъема;
- проинфляционная денежно-кредитная и фискальная политика правительства;
- падение цен на нефть и другие основные экспортные товары, это касается появления банковских кризисов в развивающихся странах;
- падение доверия к национальной экономике со стороны международных портфельных инвесторов, а также действия крупных валютных спекулянтов;
- ухудшение условий внешней торговли;
- последствия стабилизационной политики государства;
- резкая девальвация денежной единицы.

Институциональные особенности современных кредитных, валютных и фондовых рынков, с которыми связана банковская деятельность, также оказывают существенное влияние на появление банковских кризисов. В связи с вышеприведенным, заслуживают внимания выводы, сделанные А. Носовой [5], а именно:

- финансовые, особенно кредитные, рынки стимулируют спекулятивную деятельность по созданию все больших объемов финансовых и денежных ценностей без одновременного создания добавленной стоимости;

- ценообразование на финансовых рынках оторвано от реального стоимостного измерения активов, т. е. отменено связь между ценой актива и его реальной стоимостью;

- влияние информационных асимметрий на эффективность функционирования финансового рынка значительно больше, чем в других секторах;

- решение на финансовых рынках принимаются в основном под сильным давлением психологических факторов, а не рациональных оценок;

- финансовые рынки способны порождать самораспространяющиеся паники;

- финансовые рынки страдают от проблемы коллективного действия, когда рациональное поведение рыночных “игроков” в совокупности приводит к иррациональному общему результату, в частности, к самоусиливающемуся кризису.

Что касается банковского кризиса, который возник в 2008 г., то в целом, в современной финансово-экономической литературе на тему ее происхождения можно найти различные идеи по ее причинам.

Например, В. Горбаль [3], следующими причинами называет:

- “безответственное поведение инвесторов, которые брали на себя непомерно большие кредитные долги с целью “сорвать” огромные прибыли на ипотеке и ценных бумагах ...”;

- “проблемы в американской экономике, а именно в финансовой сфере, которые возникли в результате резкого сокращения сбережений, роста дешевых кредитов, неадекватного потребления и спекуляций на рынке рискованных ипотечных ценных бумаг”;

- заговор мировых банкиров, которая выражается в неконтролируемой долларовой эмиссии ФРС.

В свою очередь А. Носова считает, что виновниками банковского кризиса 2007–2009 гг. Являются инвестиционные банки и создаваемые и распространяемые ими “инновационные” финансовые продукты [5].

В литературе представлении и другие причины, однако, совершив обобщения всех известных нам исследований хотим представить собственные выводы, а именно:

- банковский кризис возникает одновременно со значительным спадом темпов роста ВВП в реальном выражении, а резкий рост потребления свидетельствует о возможном приближении кризисных явлений;

- о наличии дисбалансов в экономике, которые могут служить факторами возникновения системного

кризиса свидетельствуют резкое снижение банковских депозитов в реальном выражении и увеличение доли кредитов, выданных частному сектору;

– резкое падение инфляции с ее последующим ростом также указывает на высокую вероятность возникновения кризиса. В этот период растут и реальные процентные ставки;

– рост реального эффективного обменного курса или резкое падение темпов роста импорта в реальном

выражении может влиять на приближение системного кризиса.

Итак, исследование причин и условий появления банковских кризисов имеет важное значение на современном этапе и должно помочь в разработке правильной стратегии и тактики по управлению национальной банковской системой и максимально предотвратить банковским кризисам и последствиям, к которым они приводят.

Список литературы:

1. Алексашенко С. Кризис-2008: пора ставит диагноз/С. Алексашенко//Вопросы экономики. – 2008. – № 11. – С. 25–37.
2. Барановский А. И. Финансовые кризисы: предпосылки, последствия и пути предотвращения: монография/А. И. Барановский. – К.: Киев. нац. торг. -экон. ун-т, – 2009. – 754 с.
3. Горбаль В. Мировой кризис и инвестиционный потенциал Украины/В. Горбаль. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.epravda.com.ua/columns/2008/09/18/164958/>
4. Ларионова И. В. Стабильность банковской системы в условиях переходной экономики: дис. на соискание уч. степени д-ра экон. наук. – М., – 2001. – 398 с.
5. Носова А. О. фундаментальные причины финансовых кризисов и жизнеспособность финансовых рынков в современной форме/А. Носова. – Экономика Украины. – 2011. – № 4. – С. 45–55.
6. Радионова И. Ф. Финансовая природа экономических колебаний: содержание и моделирования/И. Ф. Радионова-Финансы Украины/№ 3 (184) март 2011. – С. 19–34.
7. Иваницкая А. М. Государственное регулирование финансовых рынков в Украине в посткризисный период/Н. Иваницкая//Финансы Украины. – 2011. – № 2. – С. 35–42.
8. Diamond D. W., Dybvig P. H. Bank Runs, Deposit Insurance, and Liquidity//Journal of Political Economy. – 1983. – Vol. 91. – June. – p. 401–419.
9. Eichengreen B., Rose A., Wyplosz Ch. Contagious Currency Crises. NBER Working Paper No. 5681. – 1996. – July – p. 45–53.
10. Mishkin F. S. Understanding Financial Crises: A Developing Country Perspective. NBER Working Paper 5600. – 1996. – P. 28–35.
11. Fisher I. The Debt-Deflation Theory of Great Depression//Econometrica. – 1933. – Vol. 1 – (October). – P. 337–357.

*Voitleva Zara Adalgerievna,
Maikop state technological university,
senior lecturer, cand.econ.sci.,
department of information systems
in Economics and law
E-mail: agat11@list.ru*

The creation of integrated structures as a factor of increasing the efficiency of the agro-industrial complex

Abstract: The article discusses the benefits of agro-industrial integration. The possibilities of creating effective organizational-economic mechanism of activity of the agricultural holding.

Keywords: agro-industrial complex, integration, agroholding, efficiency.

Воитлева Зара Адалгериевна,
Майкопский государственный технологический университет,
доцент, к.э.н., факультет информационных систем
в экономике и юриспруденции
E-mail: agat11@list.ru

Создание интегрированных структур как фактор повышения эффективности агропромышленного комплекса

Аннотация: В статье рассматриваются преимущества агропромышленной интеграции. Анализируются возможности создания эффективного организационно-экономического механизма деятельности агрохолдинга.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, интеграция, агрохолдинг, эффективность.

Отечественный и зарубежный опыт свидетельствуют о том, что укрепление межхозяйственных связей в аграрной экономике, с одной стороны, повышает конкурентоспособность сельхозпроизводителей, с другой стороны, способствует росту агропромышленного производства.

Заинтересованность всех участников аграрного бизнеса в объединении с целью успешного производства, переработки и реализации продукции обусловлена тем, что сельхозтоваропроизводители стремятся снизить риск, связанный с зависимостью результатов сельхозпроизводства от климатических условий, стихийностью рынка сельхозпродукции, перерабатывающие и обслуживающие предприятия стремятся обеспечить себя качественной сырьевой базой и иметь стабильные доходы. Вертикальная межхозяйственная интеграция позволяет сельхозпроизводителям без помощи посредников самим осуществлять переработку продукции и ее реализацию через торговые организации на взаимовыгодных условиях. Таким образом, подобные объединения обеспечивают взаимовыгодное сотрудничество всех участников, поскольку позволяют более эффективно использовать имеющийся материально-технический, кадровый, природно-климатический потенциал.

Интеграционные процессы в условиях рыночной экономики направлены на снижение производственных издержек и повышение конкурентоспособности. Основная цель создания интегрированных формирований — максимизация прибыли участников объединения и обеспечение их устойчивости в условиях рыночной экономики. Агропромышленная интеграция и кооперация способствуют привлечению инвестиций в аграрную сферу. Объединение процессов производства, переработки и реализации сельскохозяйственной продукции позволяет более рационально использовать финансовые и материальные ресурсы. Мировой опыт свидетельствует о том, что подобные

структуры более эффективны и приспособлены к условиям рыночной экономики.

В зависимости от входящих в объединение хозяйственных структур различают три типа интеграции.

Горизонтальная интеграция — это слияние хозяйствующих субъектов, которые выпускают однородную продукцию, оказывают одни и те же услуги или выполняют одни и те же операции технологического цикла.

Вертикальная интеграция состоит в объединении предприятий, относящихся к разным отраслям, и обеспечивает технологическое единство производственных процессов.

Диверсификация заключается во внедрении крупной компании в отрасли, с которыми она не имеет производственных связей.

Более эффективны объединения предприятий, представляющих сельхозпроизводство, сферу переработки сельхозпродукции, а также обслуживания и торговли, поскольку они создают «замкнутый круг». Такие объединения осуществляют производство сельхозпродукции, а также ее переработку и реализацию конечного продукта. Подобному направлению вертикальной интеграции в аграрной сфере экономики соответствует создание агрохолдинга.

Экономическая сущность агропромышленной интеграции состоит в формировании производственно-технологических, экономических и информационных связей между сельскохозяйственными, перерабатывающими, обслуживающими, финансовыми, торговыми и другими организациями. Характер этих связей определяет организационно-экономический механизм работы объединения.

Таким образом, агрохолдинг включает следующие основные звенья: сельскохозяйственные предприятия, перерабатывающие и торговые организации. Между ними заключается договор о взаимовыгодном экономическом сотрудничестве, а деятельность

агрохолдинга осуществляется на основе частичного или полного соединения их ресурсов.

Вхождение в агрохолдинг сельхозпредприятий обеспечивает им перспективу устойчивого функционирования. Сельхозпредприятия, участники агрохолдинга, имеют возможность получения внутренних льготных инвестиционных и кредитных ресурсов, агрохолдинг обеспечивает централизованное снабжение горюче-смазочными материалами, запасными частями, новой сельхозтехникой и оборудованием, расширение рынков сбыта сельхозпродукции, обеспечивающее ее гарантированный и выгодный сбыт.

Таким образом, экономическая целесообразность вхождения сельскохозяйственных предприятий в состав агрохолдинга заключается в том, что улучшается их финансово-экономическое положение в результате снижения себестоимости сельхозпродукции, увеличения объема производства и продаж за счет торгово-сбытовых возможностей объединения. Кроме этого, участие сельхозпредприятий в агрохолдинге стабилизирует их работу, позволяет сохранять, а возможно, и увеличивать число рабочих мест, а это способствует решению социальных проблем.

Поскольку сельскохозяйственная продукция является сырьем для производства других видов продукции, целесообразно включение в агрохолдинг предприятий по переработке сельхозпродукции и изготовлению из сельскохозяйственного сырья продовольственных товаров. Участие в агрохолдинге перерабатывающих предприятий позволяет им решать проблему обеспеченности сырьем, а в случае успешной работы объединения — повысить уровень обеспеченности техническими средствами, осваивать новые рынки сбыта продукции.

Еще одна составляющая интегрированной цепочки — звено, осуществляющее оптовую и розничную реализацию произведенной продукции.

Отметим, что основной предпосылкой создания интеграционных структур является недостаточный уровень в самостоятельно функционирующих хозяйствующих субъектах материально-технических, финансовых и инфраструктурных возможностей для их устойчивой деятельности.

Для того, чтобы агрохолдинг стал объединением эффективно работающих предприятий, необходимо управляющее звено интегрированной структуры, т.е. центральная компания, члены которой осуществляют стратегическое руководство деятельностью агрохолдинга, ее планирование, координацию

финансово-хозяйственной деятельности входящих в объединение предприятий.

Между участниками, входящими в состав агрохолдинга, устанавливаются стабильные организационные, экономические, производственные, технологические, коммерческие связи, что обеспечивает сокращение потерь продукции при переходе из одного звена — в другое, бесперебойную работу всей производственной цепи. Создание интегрированных формирований увеличивает масштабы деятельности и объемы выпускаемой продукции, что приводит к снижению издержек в расчете на единицу продукции. Кроме того, происходит минимизация транзакционных издержек.

Поскольку в Гражданском кодексе Российской Федерации такой организационно-правовой формы, как холдинг, нет, управляющие компании выбирают предусмотренные законодательством формы [1, 22]. Интегрированные структуры холдингового типа регистрируются в форме открытых и закрытых акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью. Акционерная модель вертикальной интеграции позволяет мобилизовать материальные и финансовые ресурсы участников.

Таким образом, сегодня существует правовая неурегулированность регистрации холдингов, отсутствует необходимая законодательная база.

Законы об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью не учитывают особенностей интеграционного процесса, совместной деятельности юридических лиц, объединенных единым технологическим процессом производства. Законодательно не урегулированы экономические отношения участников агрохолдинга.

Для создания в АПК интегрированного объединения предприятий холдингового типа, как уже отмечалось, необходим интегратор, располагающий значительными денежными средствами. В перспективе преимущественное развитие, на взгляд автора, должны получить формирования, инвесторами которых будут являться предприятия сферы АПК, а не других отраслей экономики, поскольку в этом случае происходит сочетание интересов всех участников объединения — сельскохозяйственных, перерабатывающих, финансовых, торговых и других организаций. В случае участия в интегрированных формированиях организаций, не имеющих отношения к АПК, они, безусловно, являясь инвесторами-интеграторами, выполняют важную роль. Однако, поскольку в условиях рыночной экономики

конечной целью инвестирования является извлечение прибыли, предприниматели направляют капитал в те отрасли экономики, которые могут принести максимальный доход. Таким образом, возможно возникновение ситуации, когда такие инвесторы станут сокращать объемы вложений либо примут решение о прекращении своего участия в агропромышленной деятельности.

По этой же причине, по мнению автора, более предпочтительной является регистрация агрохолдингов в форме закрытых, а не открытых, акционерных обществ, поскольку в этом случае акции распространяются среди ограниченного круга лиц и не имеют свободного хождения на рынке. Акционеры закрытого акционерного общества имеют преимущественное право приобретения акций, продаваемых другими акционерами этого общества.

Таким образом, если членами холдинга, закрытого акционерного общества, являются предприятия, участвующие в едином технологическом процессе, то такое объединение более устойчиво.

Если агрохолдинг имеет форму открытого акционерного общества, то членами холдинга могут стать предприятия, не участвующие непосредственно в его деятельности, но обладающие значительной частью акций холдинга, что дает право на осуществление управления деятельностью общества. Этот факт и отсутствие контроля со стороны остальных акционеров экономически опасны для холдинга, т. к. могут привести к снижению эффективности управления.

А в случае снижения эффективности агропроизводства капиталы станут «перетекать» в другие, более привлекательные, отрасли.

Следует отметить, что мировая и отечественная аграрная практика уже накопила опыт создания и функционирования интегрированных формирований разных организационно-правовых форм. Современные условия хозяйствования в АПК позволяют создавать разные модели интеграции. При формировании и функционировании агрохолдингов используется большое разнообразие форм производственных отношений и содержания организационно-экономического механизма.

Современный этап развития сельхозпроизводства России характеризуется появлением группы успешных предприятий, которые стремятся расширить и диверсифицировать хозяйственную деятельность. Появилась тенденция приобретения одними компаниями акций других компаний, а также осуществления интеграционных процессов иными способами. Интегрированные структуры В России за последние годы расширили свою географию, масштабы, специализацию. В последнее время сфера их интересов распространяется, помимо высокорентабельных подотраслей растениеводства, и на животноводство. В настоящее время в РФ существует более 200 агропромышленных объединений [2]. Таким образом, в настоящее время продолжают процессы рыночной трансформации АПК, происходит изменение аграрной структуры экономики России.

Список литературы:

1. Дягилев, А. Холдинговые компании в России // Законодательство и экономика. – 2004. – № 3. – С. 22–25.
2. Официальный интернет-сайт Федеральной службы государственной статистики РФ: <http://www.gks.ru>.

*Dvoynikh Kostyantyn Yevgenovych,
Odessa national university,
Ph (D) Economics
E-mail: dvoynikh@yandex.ru*

The ethno-cultural environment economical model theoretical basis

Abstract: The article is devoted to ethno-cultural environment (super-ethnos) economical model theoretical basis formation. In such context the ethnical economical behavior vectors' characteristics and super-ethnos' interrelation results are considered. As an economical object super-ethnos is defined as an energetic stream. On this theoretical basis the super-ethnos economical model is suggested.

Keywords: economical model, ethno-cultural environment, “closing” technologies, simulation, super-ethnos.

The informal relationship between economical dynamics and ethnical processes is the object for attention

of a lot of researches. In such context seems enough to revise next terms: “ethnical pot” (several ethnos)

economical interrelation local geographical concentration) and “humanitarian investment” as a spread tool of international capital to solve own pragmatic problems through purposeful influence on ethnic characteristics [1]. However, the problem of ethnical factor directly influence on economics technology is still remains unsolved because of economic theories main attention have been considered solely to obvious results of ethnical interaction. Therefore the question has to be reformulated in another way: not how ethnical interaction is being reflected on international economy, but how every ethnos itself defines its own economics. One way or another to ethno-cultural environment (super-ethnos) economical model formation could be classified researches in trans-disciplinary methodology sphere. Trying to simulate World economy as Universe essential item, their common goal is to construct simulating “closing” technologies. However, transition from declarative and philosophical approaches to economic simulation practical constructions has not still been implemented.

Energetic streams between surper-ethnoses confirm: the vector characteristics are considered to ethnical behavior in World economy. Corresponding consequence of economical activity are consumption increasing and primary feeding landscape (own ecological niches) going beyond by ethnoses. For ethnical collective are considered own original behavior stereotypes and collective psychology. Both characteristics are changing during historical time. Herewith collective psychology factor is determining for ethnic behavior stereotypes [2]. In economic context it leads to new kinds of human activity appearing. Especially those which were not necessary for ethnic existence support within primary ecological niches. There are requirements to ethnos from market relationships system during their boisterous development stage. They continuously support economical activity through the new motivating factor formation. Therefore as a model of ethnic dynamic could be suggested a vector based on combination “non-motivated activity — external motivation factors”. Ethnical vector is a vector within multidimensional field of economical activity variations. Its beginning is in the point of profession variety checklist concerning primary feeding landscape (ecological niche). Its directedness: in the sphere of economical activity variants which are not necessary for survival in own ecological niche. They (newly economical activity variants) are promoting for consumption needs increasing. There is the basis for its implementation in practical economics, including dissemination and expansion into other ecological niches. Ethnical dynamic always entails

the concrete socio-economical aftermaths. Thus, for ethnical stereotypes and collective psychology in each moment of time are considered their own sets of economical activity from their common (basic) possible quantity. Exactly by such differences the ethnical development potential abilities are conditioned. Therefore, the existence sphere for ethnical vector is an economical activity kind multidimensional environment corresponding to market relationships development level and feeding landscape characteristics. It allows to present ethnic dynamic model in according to professional differentiation caused by:

- external motivating factors like feeding landscape (ecological niche) conditions and reflection on market conjuncture;
- non-motivating intellectual activity phenomenon [3; 4].

Every profession is stipulated by a number of external factors for certain quantity from ethnical collective members. Thus ethnical vector’s nonzero projection on corresponding orts means: within ethnical collective enormous part of its members are mastering professions under motivation factors pressure. But simultaneously is existing ethnic human portion for those professional choices are results of non-motivating intellectual activity phenomenon appearance. The vector model demonstrates: if all (without exceptions) ethnical collective members select their professional kinds exclusively under external motivation influence then ethnical vector’s end and beginning projections on all of orts would be similar.

Nowadays the most systematic conception able to explain appearance, development and piecemeal extinction of nations, empires and civilizations is Lev Gumilev ethno-genes theory. Its valuable consists in physics laws dissemination within historical processes. This paradigm presents ethnos as an energetic phenomenon. Because of economics is energy transformation process then ethnic influence on economical reality problem solving de-facto is physics laws dissemination into economics sphere understanding. There is reasonable to highlight next principal aspects:

1) The ethno-genes is a consequence of second thermodynamic law expressing (that is proved by social-economic events distribution during historical time).

2) The characteristics of such process (ethno-genes) are:

- discreteness: economical achievements have clear cultural belonging stipulated by labor results feeling in context “our — alien”;
- mosaic structure: capacity to be divided infinitely until every individual human as an ethnic characteristics independent bearer.

The interrelation inverse features concerning external factors as important ethnic characteristic is feasible to point out. Inter-ethnic interaction induces such market relationship types which are aimed to neutralize ethnical values. Thus market relationships vector (de-facto, energy streams between super-ethnoses) is always orthogonal in regard to plane based by ethnoses.

Previously described projection energy inverse phenomenon empirically suggests: the fixed confirmations concerning ethnos economic model as a vector multiplication are correct ones. If external circumstances do not allow appear for creative energy to be directed into constructive future then such energy will not present itself as “conserved” in time and expanse. It necessarily returns into opposite destructive way concerning archaic past [5]. Such empirically fixed phenomenon confirms: at ethnic interaction process corresponding sign (energy stream direction) changes into opposite one in dependence of which exactly ethnos takes part in another ethnos’ project. Therefore interaction between ethnic energy and environment could be characterized by two aspects:

- multidimensional: appears itself as economical vector (market relationship vector) perpendicularity in relation to flatness formed by ethnic vectors during their interaction;
- one-dimensional as projective energy inverse direct appearance.

What is about ethnoses economic interrelation then their mosaic structure causes to: quantitative value of market relationship vector is equal to sum from all possible variants of mosaic elements interrelation by pairs. In other words ethnic economical interaction means superposition from all possible combinations pair interrelation of ethnic collectives members. Thus in mathematical model market relationships system is a result of ethnic vectors multiplication. It seems reasonable because of all features completely correspond to such model understanding.

In order to formulate principal for super-ethnos economic model conclusions is reasonable to systematize vector multiplication characteristics:

1) Depending of changes in places of vector multiplication multipliers its result sign changes itself into opposite one. Therefore economical result cultural belonging depends from superposition between project initiator and project realization executives.

2) Vector multiplication result is a vector which is perpendicular to plane constituted by multipliers. With the market relations development and new factors formation for cultural values less weight is considered all the

more. Thus market vector projection on ethnic vectors tends to zero.

3) Vector multiplication result module is equal to the area of a parallelogram formed by vectors-multipliers. Thus market relationships are an integral indicator of mosaic interaction by pair from all members of ethnical collectives.

Because of market relations as a vector multiplication result present directed energy stream then every ethnos also is a separate energy stream. Gradually it transforms into fixed assets and intellectual achievements. Ethnos is also an essential item of feeding environment (landscape). Step by step all economical results of ethnical activity become a part of this landscape too. So, ethnos system analysis essence is in necessity its research as inseparable system with environment. That is why as adequate display of ethnical processes economical essence could be so-called “energy potential discharge” model [1]. This model demonstrates: during the time natural energy (transformed by ethos through its members’ labor) is converting into fixed assets and intellectual achievements with very clear cultural belonging. In its turn “energy potential discharge” model allows to clearly determine energetic parameters for ethnic factor economic role definition:

1) Energy density: is equal to super-ethnos current potential level divided on available corresponding fixed assets and intellectual achievements common values (within same environment).

2) Energy tension: is equal to super-ethnos current potential level divided on available corresponding intellectual achievements values (within same environment).

If energy density and tension existence as an objective reality is possible to prove thereby automatically will be proven correctness and economical legitimacy to use “energy potential discharge” model for economical researches. In its turn, if “energy potential discharge” model is held then all inhabited surface of the Earth consists of discrete regions. Every of them have energy density and tension with own values. This fact feature of evidence means: as a statistical empiric it has to be based on the whole previous human economical activity experience already systemized to energy transformation historical processes. It is obvious: for adequacy of conclusions (in order to overcome the interpretation subjectivity problem) the exclusively fixed historical data are extremely insufficient. The reason is: ethnical phenomenon appearance is much more wide then economical activity appreciable symptoms. In order to achieve research goals is necessary to fix in historical time (almost until nowadays) undeniable empirical

actual material. And exactly on this base (which aggregating as human economical activity experience, so also energetic processes course features) is possible to provide necessary grounding. In other way, ethnic phenomenon has

to be simulated on large masses of people (super-ethnos) having as an evidentiary base whole previous human history. Only then we can be sure concerning received results scientific adequacy and propriety.

References:

1. Dvoynikh. K. E. Paradigma ekonomicheskogo vampirizma [The paradigm of economical vampirism], Law literature, – Odessa, – Ukraine. – 2007.
2. Gumilev L. N. Etnogenes i Biosfera Zemli [Ethnogenes and biosphere of the Earth], – Azbuka-klassika, – S.-Petersburg, – Russia. – 2002.
3. Menyailov A. A. Psihoanaliz velikoy borby [The Great battle psychoanalysis], – Kraft+, – Moscow, – Russia. – 2004.
4. Bogoyavlenskaya D. B. Psihologiya tvorcheskikh sposobnostei [The creative abilities psychology], – Akademia, – Moscow, – Russia. – 2001.
5. Panarin A. S. Iskushenie globalizmom [Globalizm temptation], – EKSMO-Press, – Moscow, – Russia. – 2002.

Dmytryshyn Lesia Ihorivna,

Vasyl Stefanyk Precarpathian National University,

Professor, Department of Economic Cybernetics

E-mail: dmytryshyn_l@hotmail.com

Pavliuk Tetiana Dmytrivna,

Vasyl Stefanyk Precarpathian National University,

postgraduate student, Department of Economic Cybernetics

The role and place of competitiveness in regional tourism management

Abstract: The article discusses the role and place of competition in managing the tourism sector of economics from spatial (regional) and organizational perspectives. The scheme of analyzing enterprise competitiveness is approximated for evaluating the competitiveness of a territorial unit.

Keywords: competition, competitiveness, tourism, territorial unit, region.

Tourism development depends on the goals and activity of the parties involved in creating tourist products at a certain territory. The parties interact in an actual and information space, which is delimited both geographically and administratively. Such a space is the place for implementing goals set by the state government and its local authorities, hotel owners, ski resort owners, and the local population. Their competitive orientation in managing the local population and tourists influences the opportunities for tourism development in a certain area. Territorial units have lately become actively involved in the traditional competition among tourist service companies. Thus there have emerged two entities in competition: companies and territorial units.

At present the issues regarding competition have received considerable focus in economics; for instance, the competition among territorial units caused by globalization, regionalization and localization [1; 2; 3; 4]. However, the research on the competition among regions and their role in tourism management has mostly been

descriptive, with little focus on a comprehensive account of the determinants of competition and development. These issues will be addressed in the paper.

The paper is aimed at identifying the role and place of competition in managing the tourism sector of economics from spatial (regional) and organizational perspectives. The research is targeted at the competition processes in regional and organizational dimensions. The scope of the research is the theoretical and methodological apparatus for a contrastive and definitional analysis of the tourism sector.

Competition in management is equally relevant for both companies and territorial units such as states, regions, cities, villages. There are certain differences in the systemic management of companies and territorial units due to the differences in the rules and tools of developing competitiveness at the market. Despite the basic differences in the competition-oriented tourism management systems, there are similarities concerning the following aspects: identifying the possibilities and dangers in the

environment, creating competitiveness potential and competitive advantages. Competition-oriented activity can manifest itself in operative management (operative competitiveness), strategic management (strategic competitiveness), tourist companies, and territorial units.

Competitiveness refers to the ability of firms, sectors, regions, transnational areas to generate a relatively high income and employment rate under conditions of long-term international competition. The competitiveness of a company or territorial unit is a complex, coherent system which has a definable inner structure [5]. The following dimensions of competitiveness can be identified: competitive potential, competitive advantage, competitive position.

The competitiveness of a tourist company or territorial unit is its ability to compete at the market which arises from the ability to compose the factors of competitiveness potential (competitiveness *ex ante*). A company's competitive position at the market results from its competitiveness management, that is competitiveness *ex post*.

The concept of competitiveness can also be applied to a territorial unit; therefore, competitiveness exists at the levels of a region, city, village [3] and must be taken into consideration in the tourism management system by local government authorities. It should be stressed that in tourism competitiveness management, local government authorities fulfil the functions of initiation and intervention in terms of building a competitive tourism potential in a certain territorial unit, searching for the sources of developing competitive advantages, as well as creating favourable conditions for a competitive position.

The development of regional competitiveness, which is also referred to as regional tourism attractiveness, must be based not only on all the constituents of a region's tourism potential [6] but also on competitiveness sources, that is on unique factors which determine the competitiveness position of an area at the global tourism market. According to the modern interpretation, such sources refer to the general foundations of tourism economy based on information. The concept of 'a learning tourism region' encompasses the human capital, information infrastructure, institutional conditions and innovation systems in regional tourism.

Providing an unambiguous definition of regional tourism competitiveness is complicated by the necessity to take into account interdisciplinary approaches. The dominant approach is based on analyzing regional tourism competitiveness in terms of regional and local policy.

The comparison of competitiveness factors involves the current conceptions of regional and local development. The paradigms of regional and local tourism development on the basis of tourism values and resources build largely on the so-called conception of development based on localization theories [7]. Actualizing regional strategy development is based on a different paradigm which takes into account the factors of tourism economy and is based on information.

This does not entail abstracting away from the traditional constituents of a region's tourism product which determine its attractiveness potential (attractiveness and location of a tourism region, its infrastructure and services, accessibility, the price factor) [6]. Adopting a new conception allows for a different perspective on these constituents — in terms of answering the question of how to develop a lasting competitive advantage of a tourism region through building new regional human capital, information infrastructure, institutional conditions and a system of innovations. This entails a complicated strategic question of how to change the constituents of a region's competitiveness potential (i. e. regional human capital, institutional conditions and a system of innovations) so as to increase the region's competitiveness. In case of a simplified analysis which considers only the economic and organizational aspects of tourism, the above-mentioned questions refer only to the competitiveness of information-based tourism economics, not to the whole sphere of regional tourism development.

Therefore, the concept of competitiveness *ex ante* in the practice of managing the competitiveness of tourism areas is applied to the development of the tourism policy in regions, cities, towns. The concept of competitiveness *ex post* (with respect to competitive position) in the practice of managing the competitiveness of regions, cities, towns has a broad application to tourism ratings. It should be noted that in the practice of the strategic management of competitiveness, the division into two analytical perspectives is conventional; however, at the operative level, it is quite significant [5].

The competitiveness of companies has become a traditional research focus in economics. Table 1 presents a scheme of a simplified evaluation of competitiveness of a company or territorial unit (region, city, town) at the tourism service market.

The scheme presented in Table 1 is typical and characteristic for analyzing the competitiveness of companies. It can also be applied to analyzing the competitiveness of a territorial unit, that is a region, city, town. The specifics of such extrapolation requires defining certain

categories such as customers (tourists, visitors, citizens), developing evaluation criteria — the factors of the tourist attractiveness of a territorial unit.

Therefore, this paper has argued for applying a contrastive and definitional analysis to exploring the place and role of competitiveness in managing the tourist

sector of economics in terms of spatial (regional) and organizational interpretation. As regards the practical application of the scheme, it can be used for objectivizing the evaluation of the development of tourism business in Ukraine and managing it on the basis of analyzing competitive advantages and opportunities.

Table 1. – A scheme of a simplified evaluation of competitiveness of a company or territorial unit (region, city, town) at the tourism service market

Object of evaluation	Characteristics
I. Identifying a competitive situation	1. Characterizing a company/territorial unit. 2. The current and future priorities set by a company/territorial unit in terms of tourism services: – What is offered to customers? – Who are the services offered to? (identifying strategic customers) 3. The purpose and mission of a company/territorial unit. 4. Strategic goals.
II. Analyzing the ability to compete	1. Analyzing the competitive environment of a company/territorial unit: – identifying competitors 2. Criteria for analyzing and evaluating the actual and potential competitiveness of a company/territorial unit: – analyzing and identifying the key success factors/factors of tourist attractiveness; – evaluating competitive advantages. 3. Developing a competitive profile of a company or territorial unit.
III. Analyzing and evaluating the competitiveness of a company or territorial unit	1. Evaluating the actual and potential competitive position. 2. Identifying and evaluating the strategies for the development and competitiveness of a territorial unit. 3. Sources of raising competitiveness 4. Recommendations as to improving the competitiveness of a company/territorial unit

References:

1. Портер М. Международная конкуренция/М. Портер. – М.: Международные отношения, – 1993. – 780 с.
2. Regional Competition/P. W. J. Batey, P. Friedrich (Eds.), Springer, – 2000. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://link.springer.com/book/10.1007/978-3-662-04234-2>.
3. Благун І. С. Просторова інтерпретація потенціалу регіональної конкурентоспроможності на основі гравітаційної моделі/І. С. Благун, Л. І. Дмитришин, А. В. Кацедан//Актуальні проблеми економіки. – 2014. – № 8 (158). – С. 411–418.
4. Дегтярьова І. О. Регіональна конкуренція: сутність, еволюційна зумовленість і тенденції розвитку/І. О. Дегтярьова//Актуальні проблеми державного управління. – № 2 (40). – 2011. – с. 30–36.
5. Stankiewicz M. J., Konkurencyjność przedsiębiorstwa. Budowanie konkurencyjności przedsiębiorstwa w warunkach globalizacji, Wyd. Dom Organizatora, TNOiK, – Torun – 2002.
6. Doolin B., Burgess L., Cooper J., Evaluating the use of the Web for tourism marketing: a case study from New Zealand, «Tourism Management» – 2002, – vol. 23.
7. Благун І. С. Аналіз підходів до формування концепцій регіонального розвитку/І. С. Благун, Л. І. Дмитришин, І. М. Романків//Вісник Прикарпатського університету. Серія «Економіка». – Івано-Франківськ: Плай, – 2012. – Вип. 9. – С. 130–134.

*Dubych Claudia Vasilievna,
National Academy of Public Administration
under the President of Ukraine, doctoral student,
Department of Social and humanitarian policy
E-mail: kdubych@ukr.net*

Key issues in the implementation of reforms in the system of social services in Ukraine

Abstract: The article analyzes the progress of reforming the system of social services to the population in Ukraine, to define the role of government in the implementation of reforms in the social sphere. Revealed their characteristics and effects that arise during the implementation of reforms in the system of social services, disclosed the probable solutions.

Keywords: social services, public administration, social service provision system, reform, key issues, the legal framework.

*Дубич Клавдия Васильевна,
Национальная академия государственного управления
при Президенте Украины, докторантка кафедры
социальной и гуманитарной политики
E-mail: kdubych@ukr.net*

Ключевые проблемы внедрения реформ в систему социальных услуг в Украине

Аннотация: В статье проанализировано ход реформирования системы предоставления социальных услуг населению в Украине, Определено роль государственного управления в проведении реформ в социальной сфере. Выявлено их особенности и последствия, которые возникают в ходе внедрения реформ в систему социальных услуг, раскрыто вероятные пути их решения.

Ключевые слова: социальные услуги, государственное управление, система предоставления социальных услуг, реформы, ключевые проблемы, законодательная база.

В Законе Украины «Про соціальні послуги» [6] задекларировано переход от модели социальной защиты, которая базируется на непрозрачных разнообразных льготах и неэффективных социальных денежных выплатах, до современной, экономически обоснованной и действенной модели получения социальных услуг. Впрочем базовыми формами социальной защиты населения в Украине остаются социальные выплаты и льготы, а социальные услуги являются относительно новой в нашем государстве составляющей социальной защиты, которая еще не в полном объеме охватывает социально незащищенные слои населения.

В 2007 г. Кабинетом Министров Украины было одобрено Концепцию реформирования системы социальных услуг [5] и План действий относительно ее реализации. Эти подзаконные акты рассматривались как логическое продолжение начатой с принятием Закона Украины «О социальных услугах» [6] реформы

системы предоставления социальных услуг. Анализируя тексты Концепции [5] и других нормативно-правовых актов можно было бы позавидовать тем гражданам, которые будут получать социальные услуги из-за того, что цели, задания, принципы, стратегические направления реформы — современные, прогрессивные в сравнении с предыдущей практикой функционирования системы социальной защиты населения в Украине.

Впрочем в 2012 г. Кабинет Министров Украины признал, что Концепция [5] реализована не в полном объеме, а причиной назвал правовую неурегулированность вопросов, связанных с формированием социального заказа, определением потребностей административно-территориальных единиц в социальных услугах, их видах и количестве, планировании и предоставлении социальных услуг с учетом определенных потребностей, а также с внедрением стандартизации социальных услуг. Итогом рассмотрения

на заседании Кабинету Министров Концепции [5] стало признание ее таковой, что потеряла правомочность и одобрение Стратегии реформирования системы предоставления социальных услуг [7], в которой опять задекларировано целый ряд намерений относительно изменений и нововведений в данной системе, успешность реализации которых должно показать время.

На сайте Министерства социальной политики Украины размещено целый ряд новых проектов, инициатив относительно модернизации и изменений в системе предоставления социальных услуг. Отдельного внимания заслуживают размещенные на сайте Методические рекомендации определения потребностей населения административно-территориальных единиц в социальных услугах [3]. Они разработаны с целью оказания методической помощи местным органам исполнительной власти и органам местного самоуправления в определении потребностей в социальных услугах, организации их предоставления относительно потребностей, планировании развития системы предоставления социальных услуг. Приказом Минсоцполитики от 03.09.2012 № 537 утвержден Перечень социальных услуг, которые предоставляются гражданам, некоторым социальным группам, которые находятся в сложных жизненных обстоятельствах и не могут их самостоятельно преодолеть. В стадии разработки находится и стандарти-

зация некоторых социальных услуг, таких как: стандарты с услуг бездомным гражданам, социального сопровождения, ресоциализации тех, кто вернулся с пенитенциарной системы и др. Утверждены также Критерии деятельности субъектов, которые предоставляют социальные услуги.

Впрочем проведенные в системе социальных услуг изменения только частично приблизили систему социальных услуг к характеристикам и признакам соответствующих систем, которые существуют в экономически развитых странах Запада. За многими параметрами отечественная модель социальных услуг не отвечает соответствующим европейским нормам и стандартам, что обусловлено существованием недостатков у функционировании системы социальных услуг, которые можно определить в четыре основных блока (Рис. 1).

Первый блок недостатков — законодательная и нормативно-правовая неурегулированность. Правовые акты, которые регулируют вопросы предоставления социальных услуг в Украине отмечаются неадекватностью терминологического аппарата, размытостью определения функций, целей и направлений работы соответствующих институтов. Несмотря на то, что Закон «Про соціальні послуги» [6] принят был еще в 2003 г., трудности о внедрении на практике его положений которые можно определить в четыре основных блока (Рис. 1).

Рис. 1. Диаграмма группирования недостатков в функционировании действующей системы предоставления социальных услуг населению Украины

В целом социальные вопросы в Украине регулируют более 170 законов, 400 постановлений Кабинета Министров, 1100 ведомственных и межведомственных приказов, но ни один из них не имеет четкого минимального перечня гарантированных государством уровня качества социальных услуг не зависимо от места проживания граждан [4, 27]. Правовые недочеты и неурегулированность является серьезной преградой

в эффективной организации и функционировании системы социальных услуг, тормозят ход внедряемых в нее реформ, что обуславливает несоответствие украинского законодательства международным нормам и стандартам системы социальной защиты.

Второй блок недостатков — неэффективность и иррациональность в подходах к финансированию и управлению. Неэффективность системы

социальных услуг, о которой говорится выше, определяется низким уровнем адресности в предоставлении социальной поддержки и помощи, а нерациональность — расконцентрированности выделяемых в систему социальной защиты бюджетных средств. Это обусловлено, прежде всего действующей системой льгот и социальных выплат унаследованных от советской системы социального обеспечения, которая подменяла собой достойный уровень зарплаты и материального обеспечения. Результаты исследований экспертов свидетельствуют, что в Украине: законодательством предусмотрено 600 видов льгот; насчитывается около 120 категорий льготников (45 категорий — за социальным признаком, 57 — за профессиональной), которые составляют почти 18 млн. граждан или около 40 % численности населения Украины; общая стоимость годового объема предусмотренных льгот — больше 29 млрд. грн., но социальные расходы в расчете на одного человека составляют в рамках 1 677 дол. США на год, и является одним из самых низких показателей в мире [8, 3]. По сути своей «гипертрофированная» обширная и непрозрачная система льгот и социальных выплат подменяет систему предоставления социальных услуг.

Серьезным изъяном системы социальных услуг является ст. 89 п. 4 (а) Бюджетного кодекса Украины, которой определены бюджетные средства на предоставление социальных услуг предназначены только государственным учреждениям (социальные службы детей, семьи и молодежи, территориальные центры, реабилитационные центры и др.). Это значит, что категории граждан, которым необходимы социальные услуги, могут их получить только в государственных учреждениях, поскольку негосударственные поставщики услуг либо не имеют права на финансирование с госбюджета, либо сама процедура очень непрозрачная и тем самым проще с ней не связываться. Объемы же расходов на социальные услуги с местных бюджетов есть очень незначительными, что опять же не позволяет развиваться негосударственным учреждениям предоставления социальных услуг. Львиная доля бюджетного финансирования с предоставления социальных услуг направляется на учреждения стационарного типа. Это в свою очередь приводит к искусственной задержке в них клиентов и «привлечение» новых, поскольку финансирование осуществляется с расчета на одного человека, который в нем пребывает на содержании, а не на предоставление социальных услуг конкретному клиенту,

семье, которым они необходимы. Изъяном, который следует отнести в этот блок есть чрезмерная централизация, «ручной» режим государственного управления системой предоставления социальных услуг, в которой за сведениями правоохранительных органов и СМИ существуют многочисленные злоупотребления и коррупционные схемы расхищения государственных средств.

Монополизация государственного рынка социальных услуг и распределение заказов — третий блок недостатков системы социальных услуг. Государство доминирует в системе социальных услуг, поскольку их предоставление отнесено к компетенции двух министерств (социальной политики и охраны здоровья) Система базируется на громоздкой, забюрократизированной сети государственных и коммунальных учреждений социальной защиты и социальных служб. Так по состоянию на 1.01.2014 года в Украине действовало больше 3 тыс. учреждений и организаций, которые предоставляли социальные услуги (более 100 видов) около 3 млн. человек (почти в 30 категориях). Впрочем возможности учреждений этой сети, количество которых уменьшается, есть ограниченными, и это не позволяет полностью и качественно удовлетворить потребности граждан, которым необходима посторонняя помощь: более 1 млн. человек остаются незадействованными системой предоставления социальных услуг [7].

Недостаточность механизмов внедрения норм закона — четвертый блок недостатков системы социальных услуг — не позволяет полностью реализовать все подходы относительно предоставления социальных услуг. Одним из инструментов усовершенствования системы социальных услуг и повышения их качества есть лицензирование: министерство социальной политики предоставляет провайдером социальных услуг, которые выполняют установленные государством минимальные требования, право выполнять на рынке социальных услуг соответствующие виды деятельности. Впрочем, законодательством Украины не определено, какая деятельность в сфере предоставления социальных услуг и их виды подлежат лицензированию. Отсутствие инструмента лицензирования препятствует негосударственным организациям, которые предоставляют социальные услуги, финансироваться с государственного бюджета и фондов, а потому их деятельность в социальной сфере незаконна.

Отсутствует определенность и четкость в нормах Закона по внедрению другого инструмента повышения эффективности системы [6] — стандартизация

социальных услуг, которая соответствующим нормативно-правовым актом должна определить объёмы, качество, стоимость и перечень гарантированных государством бесплатных социальных услуг. Механизмом демополизации рынка социальных услуг должен стать заказ на социальные услуги, который относительно до определенных направлений социальной политики предусматривает их предоставление на договорных условиях.

Соответственно к выше изложенному, существующую в Украине систему социальных услуг можно характеризовать, как парадоксальную и паразитирующую: очень низкая адресность предоставления социальных услуг и помощи, а также дробление бюджетных социальных расходов. Все эти показатели являются факторами которые усугубляют социальные перекося — большой разнице в доходах граждан, и материальной состоятельности и др. Характерными признаками украинской системы предоставления социальных услуг есть ее несовременность, запутанность, непрозрачность, что в свою очередь ведет к бюрократическому беспределу и коррупционным схемам злоупотреблений со стороны чиновников. Соответственно можно сделать вывод, что система социальных услуг требует упрощения и введения инновационных моделей в управлении и предоставления услуг. Очевидно, что недостатки в реформировании системы социальных услуг, попытки сохранить элементы прошлой системы социального обеспечения отрицательно отражается на качестве социальных услуг и гражданах, которым они необходимы.

На основании проведенного исследования, можно сформулировать следующие выводы:

Анализом установлено, что проводимые в Украине современные реформы системы социальных услуг характеризуются непоследовательностью и бессистемностью, которые не дают возможности

удовлетворять потребности граждан, которые пребывают в сложных жизненных обстоятельствах и требуют социальных услуг в необходимых объемах и соответствующего качества. На сегодня стоит очень остро вопрос об оптимизации социальных расходов с государственного бюджета, совершения перераспределения в пользу поддержки наиболее незащищенных категорий населения, обеспечения адресности в предоставлении социальных услуг. Результатом реформ в системе социальных услуг должно стать предоставление социальных услуг гражданам, которым они действительно необходимы, а не выделение льгот лицам, которые имеют все возможности обеспечивать свою жизнедеятельность на достаточном уровне самостоятельно.

Исследованием установлено, что ход реформирования системы социальных услуг населению в Украине сопровождается рядом недостатков, которые можно сгруппировать в четыре блока:

1) законодательная и нормативно-правовая неурегулированность, которая препятствует реализации положений Закона Украины «Про соціальні послуги» в полном объеме;

2) неэффективность и нерациональность в подходах к финансированию и управлению системы социальных услуг — существующая система льгот и социальных выплат, унаследованный советский подход к управлению социальными услугами порождают низкий уровень адресности их получения и нецелевого использования социальных средств;

3) монополизация государством рынка социальных услуг, которые предоставляются сетью государственных и коммунальных учреждений системы социальной защиты и др.;

4) недостаточность инструментов внедрения норм Закона «Про соціальні послуги», основными среди которых есть лицензирование и стандартизация.

Список литературы:

1. Засідання Уряду 12 вересня 2012 р. [Електронний ресурс]//Урядовий веб-портал. – 2012. – 12 вер. – Режим доступу: http://www.kmu.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=245576563&cat_id=244823857.
2. Заможне суспільство, конкурентоспроможна економіка, ефективна держава. Програма економічних реформ на 2010–2014 роки. – [Електронний ресурс]//Президент України: офіц. інтернет-представництво. – 2012. – Режим доступу: http://www.president.gov.ua/docs/Programa_reform_FINAL_1.pdf. – 87 с.
3. Методичні рекомендації визначення потреб населення адміністративно-територіальної одиниці у соціальних послугах. Наказ Міністерства соціальної політики України від 15 жовт. 2012 р. № 648//Міністерство соціальної політики України: офіц. Інтернет-представництво. – Режим доступу: http://www.mlsp.gov.ua/labour/control/uk/publish/article?art_id=145770&cat_id=102037.
4. Основні напрями оптимізації системи соціального захисту в Україні: аналітична доповідь. – К.: Нац. ін-т стратег. досліджень, – 2012. – 54 с.

5. Про схвалення Концепції реформування системи соціальних послуг. Розпорядження Кабінету Міністрів України від 13 квіт. 2007 р. № 178-р (втратило чинність на підставі Розпорядження КМ № 556-р від 8 серп. 2012 р.)//Офіц. вісн. України. – 2007. – 27 квіт (№ 28). – С. 69. – Ст. 1122.
6. Про соціальні послуги. Закон України від 19 черв. 2003 р. № 966-IV (із змінами, внесен. згідно із 8 Законами у 2004–2012 рр.)//Офіц. вісн. України. – 2003. – 1 серп. (№ 29). – С. 52. – Ст. 1435.
7. Про схвалення Стратегії реформування системи надання соціальних послуг. Розпорядження Кабінету Міністрів України від 8 серп. 2012 р. № 556-р.//Офіц. вісн. України. – 2012. – 20 серп. (№ 61). – С. 71. – Ст. 2482.
8. Система соціального захисту та соціального забезпечення в Україні. Реальний стан та перспективи реформування. – К.: Центр громад. експертизи, – 2012. – 104 с.

*Kats Mariia Valerievna,
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
Ph. D. Student, the Faculty of Economics
E-mail: maphonja@bigmir.net*

How to control inventory

Abstract: different inventory control systems are examined in the article. Each of them is analyzed and recommendations of its better use depending on area of business activity are given.

Keywords: inventory, the eyeball system, reserve stock system, perpetual inventory systems, stock control, inventory control records.

Control of inventory, which typically represents 45 % to 90 % of all expenses for business, is needed to ensure that the business has the right goods on hand to avoid stock-outs, to prevent shrinkage (spoilage/theft), and to provide proper accounting. Many businesses have too much of their limited resource, capital, tied up in their major asset, inventory. Worse, they may have their capital tied up in the wrong kind of inventory. Inventory may be old, worn out, shopworn, obsolete, or the wrong sizes or colors, or there may be an imbalance among different product lines that reduces the customer appeal of the total operation.

Inventory control systems range from eyeball systems to reserve stock systems to perpetual computer-run systems. Valuation of inventory is normally stated at original cost, market value, or current replacement costs, whichever is lowest. This practice is used because it minimizes the possibility of overstating assets. Inventory valuation and appropriate accounting practices are worth a book alone and so are not dealt with here in depth.

The ideal inventory and proper merchandise turnover will vary from one market to another. Average industry figures serve as a guide for comparison. Too large an inventory may not be justified because the turnover does not warrant investment. On the other hand, because products are not available to meet demand, too small an inventory may minimize sales and profits as customers go somewhere else to buy what they want

where it is immediately available. Minimum inventories based on reordering time need to become important aspects of buying activity. Carrying costs, material purchases, and storage costs are all expensive. However, stock-outs are expensive also. All of those costs can be minimized by efficient inventory policies.

Inventory control involves the procurement, care and disposition of materials. There are three kinds of inventory that are of concern to managers:

- raw materials;
- in-process or semi-finished goods;
- finished goods.

If a manager effectively controls these three types of inventory, capital can be released that may be tied up in unnecessary inventory, production control can be improved and can protect against obsolescence, deterioration and/or theft.

The reasons for inventory control are:

- helps balance the stock as to value, size, color, style, and price line in proportion to demand or sales trends;
- help plan the winners as well as move slow sellers;
- helps secure the best rate of stock turnover for each item;
- helps reduce expenses and markdowns;
- helps maintain a business reputation for always having new, fresh merchandise in wanted sizes and colors.

Three major approaches can be used for inventory control in any type and size of operation. The actual

system selected will depend upon the type of operation, the amount of goods.

The Eyeball System. This is the standard inventory control system for the vast majority of small retail and many small manufacturing operations and is very simple in application. The key manager stands in the middle of the store or manufacturing area and looks around. If he or she happens to notice that some items are out of stock, they are reordered. In retailing, the difficulty with the eyeball system is that a particularly good item may be out of stock for sometime before anyone notices. Throughout the time it is out of stock, sales are being lost on it. Similarly, in a small manufacturing operation, low stocks of some particularly critical item may not be noticed until there are none left. Then production suffers until the supply of that part can be replenished. Such unsystematic but simple retailers and manufacturers to their inherent disadvantage.

Reserve Stock (or Brown Bag) System. This approach is much more systematic than the eyeball system. It involves keeping a reserve stock of items aside, often literally in a brown bag placed at the rear of the stock bin or storage area. When the last unit of open inventory is used, the brown bag of reserve stock is opened and the new supplies it contains are placed in the bin as open stock. At this time, a reorder is immediately placed. If the reserve stock quantity has been calculated properly, the new shipment should arrive just as the last of the reserve stock is being used.

In order to calculate the proper reserve stock quantity, it is necessary to know the rate of product usage and the order cycle delivery time. Thus, if the rate of product units sold is 100 units per week and the order cycle delivery time is two weeks, the appropriate reserve stock would consist of 200 units ($100u \times 2w$). This is fine as long as the two-week cycle holds. If the order cycle is extended, the reserve stock quantities must be increased. When the new order arrives, the reserve stock amount is packaged again and placed at the rear of the storage area.

This is a very simple system to operate and one that is highly effective for virtually any type of organization. The variations on the reserve stock system merely involve the management of the reserve stock itself. Larger items may remain in inventory but be cordoned off in some way to indicate that it is the reserve stock and should trigger a reorder.

Perpetual Inventory Systems. Various types of perpetual inventory systems include manual, card-oriented, and computer-operated systems. In computer-operated systems, a programmed instruction referred

to commonly as a trigger, automatically transmits an order to the appropriate vendor once supplies fall below a prescribed level. The purpose of each of the three types of perpetual inventory approaches is to tally either the unit use or the dollar use (or both) of different items and product lines. This information will serve to help avoid stock-outs and to maintain a constant evaluation of the sales of different product lines to see where the emphasis should be placed for both selling and buying.

Stock Control. A stock control system should keep you aware of the quantity of each kind of merchandise on hand. An effective system will provide you with a guide for what, when, and how much to buy of each style, color, size, price and brand. It will reduce the number of lost sales resulting from being out of stock of merchandise in popular demand. The system will also locate slow selling articles and help indicate changes in customer preferences. The size of your establishment and the number of people employed are determining factors in devising an effective stock control plan.

With the observation method (the eyeball system), unless the people using it have an unusually sharp sense of quantity and sales patterns, it is difficult to keep a satisfactory check on merchandise depletion. It means that you record shortages of goods or reorders as the need for them occurs to you. Without a better checking system, orders may only be placed at the time of the salesman's regular visit, regardless of when they are actually needed. Although it may be the simplest system, it also can often result in lost sales or production delays.

Most smaller operations today, except for the very smallest, are using some form of a perpetual online system to record the movement of inventories into and out of their facilities. In a retail operation, the clerk at the register merely scans the ticket with a reader, and the system shows the current price and removes the item from the inventory control system. A similar process occurs in a manufacturing operation, except that the "sale" is actually a transfer of the inventory from control to production. This is a particularly critical system in a large operation such as a grocery store where they regularly maintain 12,000 plus items.

Inventory Control Records. Inventory control records are essential to making buy-and-sell decisions. Some companies control their stock by taking physical inventories at regular intervals, monthly or quarterly. Others use a dollar inventory record that gives a rough idea of what the inventory may be from day to day in terms of dollars. If your stock is made up of thousands of items, as it is for a convenience type store,

dollar control may be more practical than physical control. However, even with this method, an inventory count must be taken periodically to verify the levels of inventory by item.

Perpetual inventory control records are most practical for big-ticket items. With such items it is quite suitable to hand count the starting inventory, maintain a card for each item or group of items, and reduce the item count each time a unit is sold or transferred out of inventory. Periodic physical counts are taken to verify the accuracy of the inventory card.

Out-of-stock sheets, sometimes called want sheets, notify the buyer that it is time to reorder an item. Experience with the rate of turnover of an item will help indicate the level of inventory at which the unit should be reordered to make sure that the new merchandise arrives before the stock is totally exhausted.

Open-to-buy records help to prevent ordering more than is needed to meet demand or to stay within a budget. These records adjust your order rate to the sales rate. They provide a running account of the dollar amount that may be bought without departing significantly from the pre-established inventory levels. An open-to-buy record is related to the inventory budget. It is the difference between what has been budgeted and what has been spent. Each time a sale is made, open-to-buy is increased (inventory is reduced). Each time merchandise is purchased; open-to-buy is reduced (inventory is increased). The net effect is to help maintain a balance among product lines within the business, and to keep the business from getting overloaded in one particular area.

Purchase order files keep track of what has been ordered and the status or expected receipt date of materials. It is convenient to maintain these files by using a

copy of each purchase order that is written. Notations can be added or merchandise needs updated directly on the copy of the purchase order with respect to changes in price or delivery dates.

Supplier files are valuable references on suppliers and can be very helpful in negotiating price, delivery and terms. Extra copies of purchase orders can be used to create these files, organized alphabetically by supplier, and can provide a fast way to determine how much business is done with each vendor. Purchase order copies also serve to document ordering habits and procedures and so may be used to help reveal and/or resolve future potential problems.

Returned goods files provide a continuous record of merchandise that has been returned to suppliers. They should indicate amounts, dates and reasons for the returns. This information is useful in controlling debits, credits and quality issues.

Price books, maintained in alphabetical order according to supplier, provide a record of purchase prices, selling prices, markdowns, and markups. It is important to keep this record completely up to date in order to be able to access the latest price and profit information on materials purchased for resale.

Periodic reviews of the inventory to detect slow-moving or obsolete stock and to identify fast sellers are essential for proper inventory management. Taking regular and periodic inventories must be more than just totaling the costs. Any clerk can do the work of recording an inventory. However, it is the responsibility of key management to study the figures and review the items themselves in order to make correct decisions about the disposal, replacement, or discontinuance of different segments of the inventory base.

References:

1. Inventory control//Entrepreneur. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.entrepreneur.com/article/21842>.
2. Inventory control//Professor Hossein Arsham. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://home.ubalt.edu/ntsbarsh/business-stat/otherapplets/ABClass.htm>
3. Stock control and inventory//Info Entrepreneurs. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.infoentrepreneurs.org/en/guides/stock-control-and-inventory>.
4. What is inventory control//Accounting tools. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.accounting-tools.com/questions-and-answers/what-is-inventory-control.html>

*Kolotovkin Alexey Viktorovich,
Ph. D. associate Professor of Moscow state University
n. a. K. G. Razumovsky branch, Serpukhov
E-mail: Buturlino1@yandex.ru*

Competition in today's economy

Abstract: In clause the basic directions of development of a competition in Russia are considered. On development of a competition control parameters of efficiency of «motoring map» are presented to the Russian Federation.

Keywords: a competition, the plan, the enterprise, «motoring map», market economy, the factor of competitiveness, the competitive environment.

*Колотовкин Алексей Викторович
к. э. н., доцент МГУТУ им. К. Г. Разумовского, филиал в г. Серпухове
E-mail: Buturlino1@yandex.ru*

Конкуренция в условиях современной экономики

Аннотация: В статье рассмотрены основные направления развития конкуренции в России. Представлены контрольные показатели эффективности «дорожной карты» по развитию конкуренции в РФ.

Ключевые слова: конкуренция, план, предприятие, «дорожная карта», рыночная экономика, фактор конкурентоспособности, конкурентная среда.

Современная рыночная экономика представляет собой сложный организм, состоящий из огромного количества разнообразных производственных, коммерческих, финансовых и информационных структур, взаимодействующих между собой. В современных отношениях конкуренция между хозяйствующими субъектами становится все жестче, конкуренция создает заинтересованность в совершенствовании экономических ресурсов, их производственных комбинаций, снижении издержек на единицу выпускаемой продукции, научно-техническом обновлении производства.

Сегодня важнейшими факторами конкурентоспособности отечественных предприятий становятся высокое качество производства и управления, быстрое обновление ассортимента выпускаемой продукции, поиск новых рыночных ниш, планомерное повышение качества работы предприятия на протяжении всего производственного процесса.

Проводимая в стране экономическая реформа непосредственно связана с решением проблемы повышения конкурентоспособности потребительских товаров. При реализации реформы в условиях финансового кризиса отечественному производителю требуются инструменты стратегически ориентированного системного управления конкурентоспособностью своей продукции, чтобы предложить эффективные средства конкурентной борьбы с иностранными производителями с учетом ситуации

на российском и мировом рынке. Как отмечают аналитики Economist Intelligence Unit, Россия отличается от развивающихся рынков других стран — членов БРИК: «Кризис сильно ударил по России не столько из-за падения нефтяных цен в 2009 г., сколько из-за целого ряда факторов: запоздалые антикризисные меры правительства, хромающий инвестиционный климат и плохой менеджмент» [2].

В настоящее время в европейском и мировом сообществах продолжаются процессы объединения стран, введена единая валюта, осуществляется реальный переход к общей промышленной политики, снятию торговых барьеров. Глобализация производства и торговли, проявляющаяся в мобильности всех составляющих экономического процесса, развитие сотрудничества между производителями, создание системы международного подряда и общих правил поведения на рынке требуют принятия срочных мер, направленных на формирование конкурентоспособной экономики, интегрированной в мировое хозяйство. Именно нахождение своего места в международном разделении труда, закрепление на определенных рынках — основа стабильного экономического роста России. Очевидно, что в этих условиях нужны совместные усилия государства и товаропроизводителей, направленные на обеспечение конкурентоспособности отечественной экономической системы. И не случайно, что в таких странах, как США, Канада, Южная Корея и других, всегда работавших по законам мировой конкуренции,

созданы национальные центры повышения конкурентоспособности, основная задача которых заключается в обеспечении ее роста на основе: формирования промышленной политики, направленной на стимулирование перспективных производств и точечную поддержку предприятий, испытывающих временные трудности; создания условий для внедрения достижений науки и техники; поддержания инноваций.

Поддержка конкуренции гарантируется Конституцией Российской Федерации, является одной из основ конституционного строя Российской Федерации, а также постоянным приоритетом государственной политики.

Развитие конкуренции в экономике — это многоаспектная задача, решение которой в значительной степени зависит от эффективности проведения государственной политики по широкому спектру направлений: от макроэкономической политики, создания благоприятного инвестиционного климата, включая развитие финансовой и налоговой системы, снижение административных и инфраструктурных барьеров, до защиты прав граждан и национальной политики.

На уровне правительства принят план мероприятий («дорожная карта») «Развитие конкуренции и совершенствование антимонопольной политики».

Предметом плана являются направления развития конкуренции, которые, с одной стороны, не охвачены иными «дорожными картами», разрабатываемыми в рамках национальной предпринимательской инициативы, а с другой стороны, имеют специальное, системное и существенное значение для развития конкуренции, а именно:

- включение функций по развитию конкуренции в приоритеты деятельности органов исполнительной власти;
- внедрение лучших практик развития конкуренции в субъектах Российской Федерации;
- снижение доли государственного сектора в экономике;
- развитие конкуренции в инфраструктурных отраслях, включая сферы естественных монополий;
- развитие конкуренции при осуществлении закупок;
- упрощение деятельности предпринимателей в рамках антимонопольного регулирования;
- повышение уровня защиты прав потребителей.

В связи с комплексностью задачи необходим динамичный этапный подход к проведению работ по развитию конкуренции и формированию соответствующих мероприятий, который формализуется в

виде последовательного развития, уточнения и конкретизации «дорожной карты» с формированием ее обновленных «версий». В «дорожной карте» определяется перечень мероприятий по развитию конкуренции на 2013–2015 годы.

Развитие конкуренции включает в себя не только общесистемные мероприятия, но и отраслевое направление работы, по которому также необходим динамичный этапный подход и регулярное обновление как набора отраслей, требующих развития конкуренции, так и ключевых отраслевых мероприятий. В «дорожной карте» определены первоочередные мероприятия по развитию конкуренции на отдельных отраслевых рынках, реализация которых позволит достичь улучшений в качестве жизни граждан России за краткосрочный период. Разработанные меры охватывают рынки лекарственных препаратов, медицинских услуг, авиаперевозок, услуг связи, услуг дошкольного образования, нефтепродуктов.

В «дорожной карте» устанавливается принцип развертывания работы по развитию конкуренции, который предусматривает формирование перечня приоритетных отраслей и системных мероприятий на регулярной основе [2].

Реализация «дорожной карты» приведет к достижению следующих контрольных показателей эффективности, определенных в таблице 1 (показатель развития конкурентной среды на рынках товаров и услуг в табл. 1 рассчитывается на основе составляющих индекса PMR (product market regulation), данные Организации экономического сотрудничества и развития).

Учитывает три ключевых фактора — участие государственного сектора в экономике, регулирование рынков (ценовое и неценовое регулирование ключевых отраслей), барьеры для конкуренции (наличие картелей, вертикально и горизонтально интегрированных компаний в отрасли, административные барьеры) [2]. В стране имеются уникальные передовые технологии в ряде секторов промышленности, которые опираются на достижения отечественной фундаментальной и прикладной науки. Сосредоточены они прежде всего в авиакосмической и атомной промышленности, судостроении, производстве лазерной техники и средств информатики, картографии и геодезии. Так, по мнению ряда экспертов в случае успешной «раскрутки» более 3 тысяч имеющихся в стране подобных технологий можно повысить долю России на мировом рынке наукоемкой технологии с нынешних 0,3 до 10–12 %, а это только по экспорту дало бы до 140–180 млрд. долл. США в год.

Таблица 1. – Контрольные показатели эффективности «дорожной карты» по развитию конкуренции в РФ

Наименование контрольного показателя	Текущее значение	2014 год	2018 год
Общие показатели «дорожной карты»			
1. Показатель развития конкурентной среды на рынках товаров и услуг (на основе методики расчета индекса PMR ОЭСР):			
целевое значение индекса развития конкурентной среды на рынках товаров и услуг для Российской Федерации;	3,6	2,7	2,0
рейтинг Российской Федерации по индексу развития конкурентной среды на рынках товаров и услуг	38	32	22
2. Количество новых предприятий на 1000 чел. (Newbusinessdensity), штук	2,6	3,9	5,2
3. Оценка состояния конкурентной среды — доля хозяйствующих субъектов от общего числа опрошенных, считающих, что состояние конкурентной среды улучшилось за истекший год, процентов	24	35	51

Список литературы:

1. Колотовкин А. В. Оценка конкурентоспособности текстильных предприятий. Учебное пособие. Изд. Архитектура. – М.: – 2010. – 95 с.
2. План мероприятий («дорожная карта») «Развитие конкуренции и совершенствование антимонопольной политики» (утв. распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2012 г. N 2579-р).
3. Система ГАРАНТ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gov.garant.ru/>

Maysigova Leila Aupovna,
Ingush State University, PhD, associate Professor of
Department "Accounting, analysys and audit"
E-mail: maisigova@yahoo.com

Prospects of internal control system development and audit on the basis of risk based approach

Abstract: The article elaborated the concept and the contents risk based internal control, the conceptual model and methodical approach to its organization is offered, basic elements risk based internal control for their assessment the internal auditor are designated.

Keywords: internal control, audit, risk based internal control, risks, the COSO model.

Майсигова Лейла Аюповна,
Ингушский государственный университет,
кандидат экономических наук, доцент
кафедры «Бухгалтерский учет, анализ и аудит»
E-mail: maisigova@yahoo.com

Перспективы развития системы внутреннего контроля и аудита на основе риск-ориентированного подхода

Аннотация: В статье конкретизированы понятие и содержание риск-ориентированного внутреннего контроля, предложена концептуальная модель и методический подход к его организации, обозначены основные элементы риск-ориентированного внутреннего контроля для их оценки внутренним аудитором.

Ключевые слова: внутренний контроль, аудит, риск-ориентированный внутренний контроль, риски, модель COSO.

Значение внутреннего контроля и аудита определяется его способностью обеспечивать реализацию социально-экономических задач, а также эффективно использовать финансовые и другие виды ресурсов предприятия на основе соблюдения принципа законности. Как функция управления, внутренний контроль должен комплексно рассматривать новые тенденции в сфере научного менеджмента, учитывая не только инновационные подходы и методы, которые распространены в экономически развитых странах, но и отрицательный опыт в данной сфере, обусловленный сложностью и масштабом решаемых задач [1]. В современных условиях правовая природа внутреннего контроля изменяется в направлении обеспечения новых требований к достоверности и получению финансовой информации, которая приобретает все более самостоятельное правовое значение и оказывает непосредственное влияние на принятие важнейших административных, экономических и других решений.

Одной из проблем, присущих системе внутреннего контроля на российских предприятиях, является противодействие двух концепций внутреннего контроля — традиционной («контрольно-ревизионной») модели и риск-ориентированного подхода.

По традиционной модели система внутреннего контроля включает в себя такие компоненты, как нормативные акты и внутренние регламенты; акты проверок службы внутреннего контроля — отчеты о выявленных нарушениях; план мероприятий службы внутреннего контроля; отчет для руководства с перечнем наиболее весомых нарушений; нерегулярный контроль выполнения распоряжений.

Согласно модели риск-ориентированного подхода система внутреннего контроля включает в себя следующие компоненты: стандартная приемлемость уровня риска, который обеспечивается системами внутреннего контроля, в том числе риска несоответствия законодательству; по каждому выявленному факту осуществляется анализ системы контроля, информируется руководство; план действий готовят подразделения, заинтересованные в уменьшении риска; служба внутреннего контроля готовит итоговый отчет, в котором отмечаются основные проблемы, оценка адекватности предложенных действий; ежемесячный контроль выполнения плана действий [2].

Как показывает исследование, руководители российских предприятий в последние годы уделяют большое внимание регламентации функционирования системы внутреннего контроля. Тем не менее в практической деятельности отечественных предприятий

часто присутствуют элементы «контрольно-ревизионной» модели внутреннего контроля, когда целью проверки являются выявления отдельных ошибок и лиц (подразделений), которые их допустили (концепция тотального контроля), а не оценка общего уровня риска и эффективности функционирования предприятия (концепция контроля, ориентированного на риск).

В условиях ограниченности ресурсов для обеспечения снижения рисков потери активов, подтверждения достоверности финансовой отчетности целесообразным является использование риск-ориентированного подхода. Данный подход должен стать неотъемлемой частью системы внутреннего контроля российских предприятий, которые организуют контроль по традиционной схеме.

Суть риск-ориентированного подхода заключается в том, что планирование работ по внутреннему контролю организуется в заранее определенных областях существенного риска [3]. Концептуальная модель риск-ориентированного контроля приведена на рис. 1.

Несмотря на потенциальные проблемы, связанные с переходом к этой модели, среди которых — отсутствие в штате подготовленных специалистов, новизна подходов, и возможная потеря контроля над отдельными сферами деятельности, указанная модель имеет существенные преимущества, а именно: простота, универсальность, творческий подход, улучшение взаимодействия с подразделениями, и главное — повышение эффективности внутреннего контроля.

Предложенная модель риск-ориентированного внутреннего контроля является основой развития его методологии, которая должна реализовываться в методических положениях и рекомендациях относительно организации службы внутреннего контроля и осуществления аудиторских задач.

Известной концепцией внутреннего контроля на базе риск-ориентированного подхода является модель COSO [5], разработанная американским Комитетом спонсорских организаций Комиссии Трудюэ (COSO) в 1992 г. и принятая за основу построения внутреннего контроля и управления рисками организации во многих странах мира.

Функционирование данного подхода призвано сводить к минимуму разного рода риски в деятельности предприятия и повышать достоверность того, что установленные цели предприятия будут достигнуты. Выявление рисков происходит на основании исследования бизнесов-процессов и информации о сбоях (отклонениях) в хозяйственной деятельности предприятия к наступлению последствий отклонений [4].

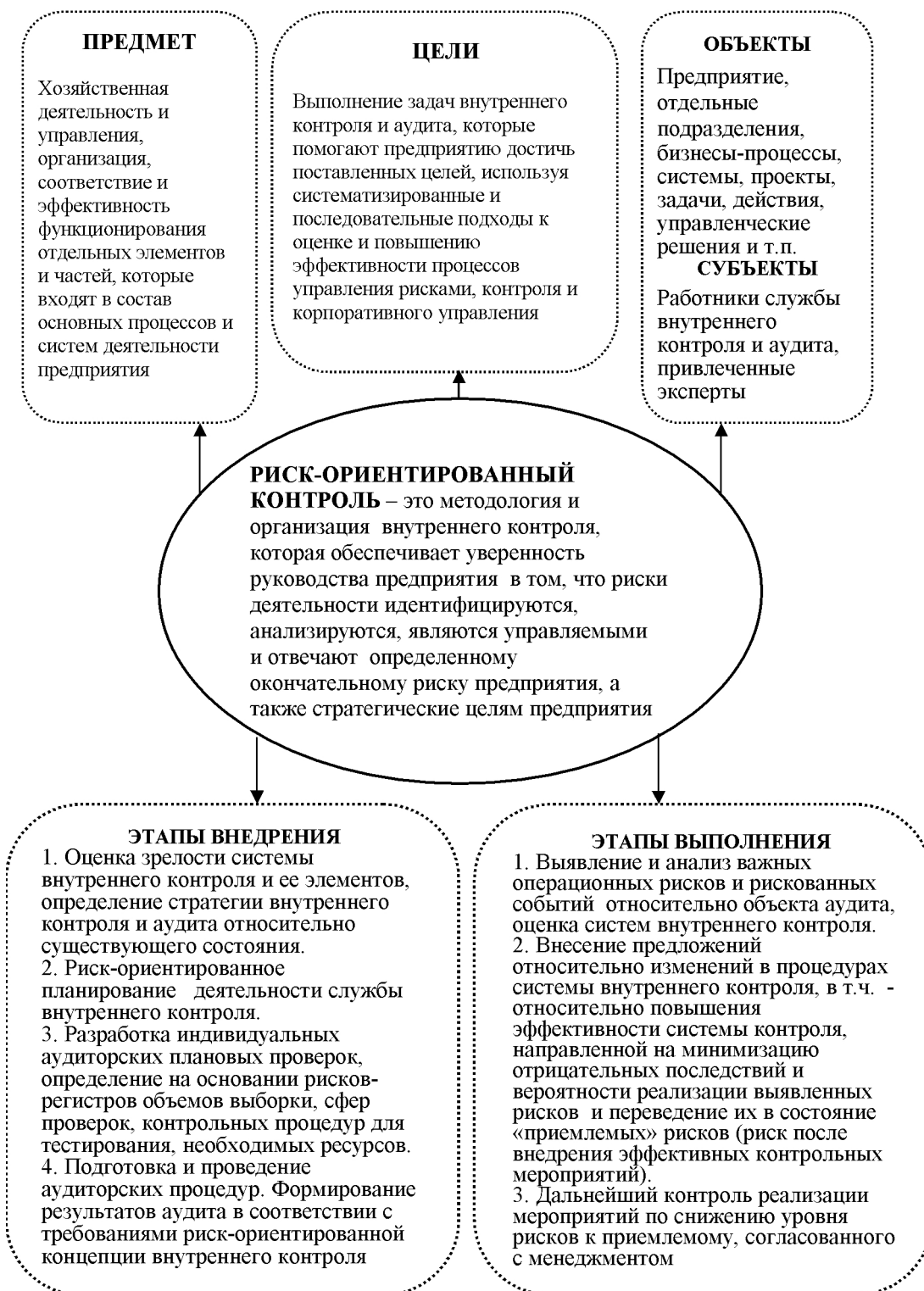

Рис. 1. Концептуальная модель риск-ориентированного внутреннего контроля

Таким образом, риск-ориентированный подход при планировании работ по внутреннему контролю и аудиту должен проводиться в рамках концепции «Управление рисками организации. Интегрированная модель» Комитета COSO с учетом следующих условий:

1. Внутренняя среда, которая оказывает содействие функционированию предприятия, включает:

эффективную организационную структуру, четкое распределение ответственности и полномочий на предприятии, здоровую корпоративную культуру (включая добросовестное поведение высшего руководства), политику и практику работы с персоналом, утвержденные программы управления рисками предприятия, эффективно функционирующую систему внутрикорпоративного контроля. Оценка

внутренней среды предприятия позволяет определить внутренним аудиторам суть рисков и риск-менеджмента предприятия.

2. Установление миссии и целей предприятия позволяет выполнять внутренним аудиторам соблюдение стратегии развития предприятия с учетом возможного влияния внешних и внутренних рисков.

В первую очередь внутренним аудиторам необходимо обратить внимание на управление менеджерами внутренними рисками предприятия, поскольку их проще выявить, оценить, выбрать оптимальные методы управления рисками, т. е. ими можно реально и эффективно управлять. Внешние риски труднее достоверно оценить и организовать управление ими, что требует больших материальных затрат.

Внутренние аудиторы должны установить наличие четко сформулированных оперативных и стратегических целей и задач, оценить степень их соответствия целям и задачам предприятия. Несоблюдение поставленных целей предприятия является предпосылкой возникновения его рисков и возможных рисков событий, которые могут привести к банкротству.

3. Определение событий. Как было ранее отмечено, в первую очередь основные усилия внутренних аудиторов необходимо направлять на проверку внутренних рисков бизнесов-процессов предприятия. Именно источники внутренних рисков приводят к возникновению рисков событий, которые оказывают значительное влияние на результаты финансово-хозяйственной деятельности предприятия. Для выявления источников рисков (рисковых зон) и определения перечня рисков, актуальных для корпоративного управления, необходимо установить последовательность действий при проведении внутреннего контроля, определить рисковые зоны и идентифицировать риски по процессам, установить причинно-следственные связи между этими рисками и провести отбор ключевых рисков, актуальных для корпоративного управления.

4. Оценка рисков. На данном этапе внутренними аудиторами проводится качественная и количественная оценка рисков предприятия. Назначение оценки рисков заключается в предоставлении владельцам предприятия объективной информации о значимых рисках, которые возникают в среде корпоративных бизнес-структур (данные о наиболее слабых местах (рисковых зонах), возможные рисковые последствия) для принятия управленческих решений по реагированию на риск.

В зависимости от степени существенности рисков целесообразно сформировать шкалу оценки рисков:

- высокая – контроль руководства предприятия;
- средняя – решение линейного руководства, контроль куратора;
- низкая – решения и контроль линейного руководства.

Оценка вероятности «высокая» $P > 0,5$ предусматривает вероятность наступления события на протяжении года или вероятность наступления события более, чем 50 %. Это потенциальная вероятность того, что событие состоится несколько раз на протяжении определенного периода времени, событие состоялось недавно с чрезмерным влиянием.

Оценка вероятности «средняя» $0,1 < P < 0,5$ предусматривает вероятность наступления события на протяжении пяти лет или вероятность наступления события менее 50 %. Это означает, что событие может состояться несколько раз на протяжении определенного периода времени, сложно контролировать влияние внешних факторов, существует история наступления с несущественным влиянием.

Оценка вероятности «низкая» $P < 0,1$ означает практическое отсутствие вероятности наступления событий на протяжении пяти лет или вероятность наступления менее, чем 10 % с существенным влиянием.

Для определения факторов риска необходимо установить перечень рисков, по которым устанавливаются приемлемые и допустимые уровни. Факторы риска — показатели, которые могут быть использованы в зависимости от объекта проверки для установления уровня риска бизнеса, операций и контрольной среды объекта, их возможного влияния на бизнес. К основным характеристикам фактора риска принадлежат: отрицательное или положительное влияние на измерение и оценку уровня риска, связанного с объектом проверки; уменьшение или увеличение уровня риска относительно объекта проверки; определение общего показателя риска объекта проверки.

К группам факторов риска следует отнести вид бизнеса, сложность операций, неустойчивость бизнеса, бизнес-среду, степень влияния на ключевые показатели, кадровое обеспечение, несоблюдение этических ценностей, использование несовершенных информационных технологий, некачественное корпоративное управление, несовершенную организационную структуру, неудовлетворительное состояние контролирующей среды.

Факторы риска проявляются через размер активов, объем операций, сложность операций, уровень

автоматизации, честность и компетентность сотрудников, неадекватную организационную структуру, систему внутреннего контроля, значение влияния на репутацию предприятия, географическое расположение и степень изменений.

Классификация рисков, которые возникают в процессе деятельности предприятия, позволяет аудиторам распределить их на группы по основным признакам в зависимости от целей контроля, который дает возможность эффективного использования методов и способов оптимизации уровня рисков. По классификационным признакам риски подразделяют:

- по времени (ретроспективные, текущие и перспективные);
- по уровню (низкие, умеренные и высокие);
- по источнику возникновения (риски, которые являются следствием непрогнозируемого будущего, непредсказуемости поведения субъектов, недостоверности информации);
- по продолжительности во времени (постоянные, переменные и кратковременные);
- по сфере возникновения (внешние и внутренние).

5. Качественная оценка бизнесов-рисков предприятия. Методология качественной оценки бизнесов-рисков предприятия определяется с учетом того, что результатом такой оценки должно стать выделение (с использованием рейтинговых оценок) из рисков предприятия актуальных и наиболее значимых (ключевых) для корпоративных бизнесов-структур. Уточнение рейтинговых оценок ключевых рисков проводится уже в рамках количественной (стоимостной) оценки рисков, которая требует существенным образом больших затрат временных и других ресурсов. Поэтому главной задачей качественной оценки кроме определения значимости рисков является «отсечение» тех рисков, которые с высокой степенью достоверности не оправдают дальнейших затрат на их изучение и управление ими.

6. Количественная оценка бизнесов-рисков предприятия. Количественная оценка рисков предприятия проводится с целью получения стоимостных характеристик рисков последствий при возможном наступлении рискового события (ожидаемого

убытка), необходимых, как для определения значимых рисков, так и для аудита системы управления рисками предприятия в целом.

Таким образом, риск-ориентированный подход к планированию работ по внутреннему контролю и аудиту позволяет определить виды рисков в деятельности предприятия, классифицировать их по группам, выявить ключевые бизнес-риски, увязать их с целями и бизнесам-процессами предприятия, и дать им оценку. Данный подход в деятельности службы внутреннего контроля позволит организовать работу с учетом передового зарубежного опыта, который оказывает содействие правильному выбору объектов внутреннего контроля и тем самым качественно повысить эффективность работы внутренних аудиторов при проведении аудиторских проверок.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что ориентированный на риск внутренний контроль представляет собой процесс, контролируемый вышестоящим органом предприятия, который определяет его политику, осуществляемый высшим руководством и другими сотрудниками, который в достаточной и обоснованной мере обеспечивает достижение субъектом хозяйствования операционных целей, целей подготовки отчетности и соблюдения законодательства. Рисками являются возможные события, которые могут отрицательным образом сказываться на отдельных бизнес-процессах, хозяйственную деятельность предприятия в целом, а затем — на достижение поставленных целей. Таким образом, присущие деятельности предприятия риски представляют угрозу его целям, в то время, как внутренний контроль предназначен смягчить эту угрозу. Внутренний контроль представляет собой процесс достижения цели, а не самоцель, при этом от внутреннего контроля владельцы и руководство субъекта хозяйствования могут ожидать лишь обоснованного уровня достижения поставленных целей, но не абсолютной гарантии безошибочной работы. Модель COSO позволит содействовать практической реализации риск-ориентированного внутреннего контроля на предприятиях, который является актуальной и перспективной концепцией для российских предприятий.

Список литературы:

1. Бурцев В. В. Внутренний контроль: основные понятия и организация проведения // Менеджмент в России и за рубежом, – 2002, – № 4. – С. 10–14.
2. Кабашкин В. А., Мышов В. А. Повышение роли внутреннего аудита и контроля в условиях рыночной экономики // Международный бухгалтерский учет, – 2011, – № 13 (163). – С. 36–46.

3. Юшкова С. Д. Система внутреннего контроля – механизм для снижения рисков // Аудиторские ведомости, – 2011, – № 2. – С. 36–43.
4. Официальный сайт Американского Института дипломированных бухгалтеров // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aicpa.org>
5. Официальный сайт COSO // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://coso.org>
6. Сравнение концепций внутреннего контроля // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bankir.ru>
7. Enterprise Risk Management – Integrated Framework/Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission (COSO), – New York, – 2004.
8. Internal Control – Integrated Framework/Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission (COSO), – New York, – 1992.
9. Guthrie J. The management, measuring and reporting of intellectual capital. Journal of Intellectual Capital. – Vol. 2, – Number 1, – 2001. – P. 27–41.
10. IFAC. Measurement and Management of Intellectual Capital, – 1998.
11. Lönnqvist A., Mettänen P. Criteria of Sound Intellectual Capital Measures. Proceedings of the 2nd International Workshop on Performance Measurement, – Hanover, – 2002, – June 6 – 7.
12. Roos G., Burgman R. The new economy – a new paradigm for managing for shareholder value. – Accenture, – 2005.

*Panin Anatoly Ulyanovich,
Voronezh Institute of cooperation (affiliate)
ANO VPO «БОКЕР», doctor of economics, professor
E-mail: vik-kaf-ek@bukep.ru
Grishchenko Natalia Viktorovna,
ANO VPO «БОКЕР», Ph.D., docent
E-mail: vik-kaf-ek@bukep.ru*

The model of formation of system of the movement of the total social product in the development of agro clusters

Abstract: The article identified constraints of development of economy of agroindustrial complex of the Voronezh region. The proposed model of the formation of primary cooperatives at the municipality and movement of the total social product during the development of the agro clusters.

Keywords: agribusiness, agrocluster, cooperation, model formation, aggregate social product.

*Панин Анатолий Ульянович,
Воронежский институт кооперации (филиал)
АНО ВПО «БУКЭП», д. э. н., профессор
E-mail: vik-kaf-ek@bukep.ru
Грищенко Наталья Викторовна,
АНО ВПО «БУКЭП», к. э. н., доцент
E-mail: vik-kaf-ek@bukep.ru*

Модель формирования системы движения совокупного общественного продукта при развитии агрокластеров

Аннотация: В статье рассмотрены сдерживающие факторы развития экономики АПК Воронежской области. Предложены модели формирования первичных кооперативов при муниципалитете и движения совокупного общественного продукта при развитии агрокластеров.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, агрокластер, кооперация, модель формирования, совокупный общественный продукт.

Всё большее признание в настоящее время получает концепция «социально-экономического человека», согласно которой социальное развитие — не ограничение, а настоящее, абсолютно необходимое условие современного экономического развития села [1], когда именно прогресс социальной сферы в её широком понимании определяет перспективы быстрого, высококачественного инновационного роста АПК и народного хозяйства в целом. Опыт ведущих капиталистических стран свидетельствует о том, что эффективно функционирующие институты АПК являются предпосылкой экономической активности этой отрасли в целом, так как они обеспечивают повышение платежеспособного спроса населения и кредита доверия с его стороны к субъектам государственного воздействия на экономику и нового инновационного качества работников сельскохозяйственного производства. Архиважным фактором является возрождение всестороннего развития работников, имея в виду образовательно-квалификационный и общекультурный уровень, реальный доступ населения к эффективному здравоохранению и достойную социальную защищенность жителей села.

Таблица 1. – Структура производства сельскохозяйственной продукции по категориям хозяйств АПК Воронежской области в 2008–2012 гг. (в процентах от общего объёма)

Вид продукции	Удельные веса хозяйств по годам						
	2000	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Сельскохозяйственные организации							
Зерно (в весе после доработки)	92,9	82,3	81,6	80,4	84,3	78,7	76,9
Сахарная свекла (фабричная)	93,5	81,7	82,9	82,0	83,9	80,8	84,8
Семена подсолнечника	90,4	72,9	71,8	72,7	79,3	74,2	72,4
Картофель	0,3	2,9	4,5	6,0	3,6	5,7	3,8
Овощи	11,2	7,7	7,5	6,7	9,0	9,6	5,9
Личные подсобные хозяйства							
Зерно (в весе после доработки)	2,9	1,1	0,9	1,1	1,3	1,4	1,6
Сахарная свекла (фабричная)	3,3	3,4	4,5	4,8	3,8	2,2	1,7
Семена подсолнечника	1,1	0,2	0,2	0,2	0,4	0,3	0,3
Картофель	99,6	95,0	92,8	89,5	94,3	89,5	90,1
Овощи	87,9	86,7	86,2	87,1	86,3	81,8	85,5
Крестьянские (фермерские) хозяйства							
Зерно (в весе после доработки)	4,2	16,6	17,5	18,5	14,4	19,9	21,5
Сахарная свекла (фабричная)	3,2	14,9	12,6	13,2	12,6	17,0	13,5
Семена подсолнечника	8,5	26,9	28,0	27,1	20,3	25,5	27,3
Картофель	0,1	2,1	2,7	4,5	2,1	4,8	6,1
Овощи	0,9	5,6	6,3	6,2	4,7	8,6	8,6

Анализ динамики структуры показателей таблицы 1 свидетельствует, что «свободные от оков моральных суждений» руководители сельскохозяйственных организаций в 2012 г. обеспечили произ-

водство 48,4 % от общего объёма сельскохозяйственной продукции, произведенной всеми категориями хозяйств Воронежской области. И это в условиях, когда всё внимание чиновников всех рангов уделяется

Но статистика, на примере Воронежской области, свидетельствует о том, что за период с 1996–2013 гг. произошло сокращение общей численности населения на 160,3 тыс. человек. Особую тревогу вызывает показатель естественной убыли населения Воронежской области, который показывает, что на начало 2013 г. естественная убыль населения на каждую 1000 человек составляла 4,7 человека. Кроме того, необходимо отметить негативную тенденцию сокращения сельского населения. Так за исследуемый период с 1996 по 2012 гг. сельское население Воронежской области сократилось на 182,7 тыс. человек или на 18,9 % [2].

Отсюда и вырастает задача безальтернативного усиления социальной государственной политики, в том числе по ускорению развития равноправия всех форм хозяйствования на селе. Тем более такие формы как хозяйства населения (или личные подсобные хозяйства) несмотря на огромные сложности, всё-таки выживают, сохраняя традиции своих предков. Об этом красноречиво говорят сравнительные показатели производства сельскохозяйственной продукции всеми категориями хозяйств на примере АПК Воронежской области (Таблица 1) [2].

Однако статистика, на примере Воронежской области, свидетельствует о том, что за период с 1996–2013 гг. произошло сокращение общей численности населения на 160,3 тыс. человек. Особую тревогу вызывает показатель естественной убыли населения Воронежской области, который показывает, что на начало 2013 г. естественная убыль населения на каждую 1000 человек составляла 4,7 человека. Кроме того, необходимо отметить негативную тенденцию сокращения сельского населения. Так за исследуемый период с 1996 по 2012 гг. сельское население Воронежской области сократилось на 182,7 тыс. человек или на 18,9 % [2].

именно сельхозорганизациям. При этом на их долю приходится от общего объема высокорентабельных: зерновых 76,9 %, сахарной свеклы 84,8 %, семян подсолнечника 72,4 %, яиц 57,6 % и низкорентабельных овощей 5,9 %, а картофеля 3,8 %. В этих категориях хозяйств отдается предпочтение прибыли, а не нуждам населения и народным традициям. В то же время на долю личных подсобных хозяйств в 2012 г. приходится высокорентабельных: зерновых 1,6 %; сахарной свеклы 1,7 %; семян подсолнечника 0,3 %; низкорентабельных: картофеля 90,1 %; овощей 85,5 %. Значительно меньший объем произведен фермерскими (крестьянскими) хозяйствами. Следует отметить, что

хозяйствами населения продукция земледелия выращивалась лишь для корма скоту и птице.

Для производства большего объема продукции земледелия в хозяйствах населения не было ни потребности, ни материально-финансовых возможностей, ни возможности реализовать готовую продукцию. Сдерживающими факторами в реализации продукции являются, прежде всего, отсутствие навыков торговли, доступной информации об инфраструктуре рынка и сельскохозяйственной техники и свободы входа и выхода на рынки.

Рассмотрим производство основной продукции животноводства на примере Воронежской области за период 2000–2012 гг. (Таблица 2).

Таблица 2. – Динамика производства основных продуктов животноводства по категориям хозяйств Воронежской области за период 2000–2012 гг.

Вид продукции	Годы						
	2000	2007	2008	2009	2010	2011	2012
В хозяйствах всех категорий							
Мясо (в убойном весе), тыс. т.	107,1	122,8	130,2	161,0	185,4	203,7	223,9
Молоко, тыс. т.	758,8	641,5	648,4	665,4	683,3	708,1	742,4
Яйца, млн. шт.	629,1	646,0	638,8	664,4	673,5	725,9	785,5
Шерсть, т.	270,0	166,0	210,0	235,0	257,0	253,0	298,0
В сельскохозяйственных организациях							
Мясо (в убойном весе), тыс. т.	37,2	38,1	44,4	71,0	96,8	112,2	130,0
Молоко, тыс. т.	438,6	271,9	283,4	312,9	318,7	332,3	373,2
Яйца, млн. шт.	325,2	334,4	324,6	345,3	352,1	400,6	452,4
Шерсть, т.	124,0	27,0	29,0	35,0	39,0	29,0	48,0
В личных подсобных хозяйствах и крестьянских (фермерских) хозяйствах							
Мясо (в убойном весе), тыс. т.	69,9	84,7	85,8	90,0	88,6	91,5	93,9
Молоко, тыс. т.	320,2	369,6	365,0	352,5	364,6	375,8	369,2
Яйца, млн. шт.	303,9	311,6	314,2	319,1	321,4	325,3	333,1
Шерсть, т.	146,0	139,0	181,0	200,0	218,0	224,0	250,0

Данные таблицы 2 составлены по данным Воронежстата [2] и свидетельствуют, что в 2012 г. хозяйствами населения произведено:

- мяса (в убойном весе) 130,0 тыс. т. или 40,6 % от общего объема, а сельскохозяйственные организации произвели мяса на 17,5 % больше;
- молока 373,2 тыс. т. или 45,9 % от общего объема, а сельскохозяйственные организации произвели на 4,3 % молока больше;
- яиц 452,4 млн. шт. или 42,0 % от общего объема, а сельскохозяйственные организации произвели на 15,6 % яиц больше;
- шерсти 200,0 т. или 79,1 % от общего объема, а сельскохозяйственные организации произвели на 67,6 % меньше.

Следовательно, сбрасывать со счетов объем продукции, произведенный хозяйствами населения,

просто некорректно. Согласно данным Госпрограммы по подпрограмме (направлению) «Достижение финансовой устойчивости сельского хозяйства», наблюдается устойчивая отрицательная динамика доли средств федерального бюджета на субсидирование процентов по кредитам малых форм хозяйствования на селе, включая сельскохозяйственные потребительские кооперативы (Таблица 3).

Прямое сопоставление удельного веса сельскохозяйственной продукции, производимой в личных подсобных хозяйствах и крестьянских (фермерских) хозяйствах (таблицы 1 и 2), с соответствующей долей государственных ресурсов, направляемых в ходе реализации Госпрограммы на поддержку этой формы хозяйствования, показывает, что по отношению к МФХ государство проводит скорее дискриминационную политику, чем политику поддержки их развития.

Таблица 3. – Доля средств федерального бюджета на субсидирование процентов по кредитам малых форм хозяйствования (МФХ) в общем объеме

Субсидирование кредитов	Динамика по годам				
	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Повышение доступности кредитов, млрд. руб., в т.ч.:	22,826	31,096	38,445	40,238	40,537
на субсидирование процентов по кредитам (займам) МФХ	5,627	6,327	7,027	7,400	7,770
Доля средств на субсидирование процентов по кредитам МФХ в общем объеме	24,000	20,000	18,300	18,400	19,200

Где же выход? Он предельно прост! Надо лишь решить вопрос многоукладности экономики АПК, т.е. объединить усилия трёх форм хозяйствования на селе: сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства и хозяйства населения. Объединение на определенной территории предприятий, связанных между собой по принципу технологической цепочки, т.е. в одном районе группируются предпри-

ятия, выполняющие последовательные производственные стадии в выпуске определенной продукции, призвано обеспечить наиболее рациональную организацию общественного производства. На первом этапе необходимо обеспечить занятость населения. Развитие животноводства на селе является одним из основных направлений, обеспечивающих не только занятость населения, но и увеличение продукции животноводства [3].

Рис. 1. Модель формирования первичных сельскохозяйственных кооперативов при муниципалитете

Органы местного самоуправления являются наиболее заинтересованными в использовании кооперации властной структурой. Кооперация наряду с общественным самоуправлением и политическими партиями структурирует общество и повышает возможности управления происходящими в нем процессами. Кооперация может выступать для органов местного самоуправления как метод ведения хозяйственной деятельности. В этом случае муниципальное предприятие по оказанию социальной помощи соответствующим категориям людей может оформлять оптовый заказ (на определённый период времени)

набор услуг. Разница с оптовой ценой будет значительной при соответствующем количестве заказов. По истечении определённого периода времени кооператив может вернуть часть затрат этим заказчикам. Таким образом, не меняя розничную цену можно удешевить услуги. Поэтому требуется огромная работа органов местного самоуправления по разъяснению конкретных форм кооперации и консультационные пункты для всех участников кооперативного движения. Особого внимания заслуживает помощь в виде предоставления на льготных условиях имущества и земельных участков. Сама помощь должна

согласовываться с конкретной формой кооперации. Для сельскохозяйственной производственной кооперации приоритетным является создание условий для производственной деятельности (земельные участки, недвижимость и т. п.). На рисунке 1 приведена модель формирования первичных сельскохозяйственных кооперативов при муниципалитете.

Хорошо известно, что при планировании любой деятельности исходными посылами служат два фактора: выделение приоритета для осуществления данного вида деятельности; потребность и наличие ресурсов для осуществления этого вида деятельности. С этой точки зрения крайне важно учитывать, что кооперация — это метод ведения хозяйства, а не цель. Поэтому при обосновании её реализации учитываем общественную значимость результатов той работы, т. е. решение социально-экономических вопросов на селе. И вторым ответом, предопределяющим

необходимость реализации кооперативного движения на селе, является потребность привлечения объединённых ресурсов исходя из целей деятельности муниципальных образований и регионов в целом.

Согласно теории кластеров производственная структура любого региона должна развиваться по направлению, позволяющему использовать продукт одной отрасли для нужд нескольких других. Таким образом, между всеми отраслями региона создаются устойчивые связи, позволяющие поддерживать эти отрасли и способствующие развитию общей экономики региона.

С позиций теории кластеров нами разработана модель формирования системы движения совокупного общественного продукта при формировании региональных экономических союзов (корпораций), целенаправленных на решение социально-экономических вопросов АПК (рис. 2).

Иерархический уровень хозяйственно-го механизма	Распределение предметов ведения по формам и уровням движения материальных благ и услуг			
	производство	обмен	распределение	потребление
Федеральные корпорации (союзы)				научное и техническое развитие
Областной агрокластер			подготовка производства	технологическое и социальное развитие
Региональный агрокластер		реализация продукции	подготовка и обеспечение ресурсами	
Межхозяйственные кооперативы		сервисное обслуживание		
Кооперативы хозяйствующих субъектов	производство			

Рис. 2. Модель формирования системы движения совокупного общественного продукта при развитии агрокластеров

При анализе состояния производства животноводческой продукции были упомянуты сдерживающие факторы. Назовём их в порядке приоритетности: сложность и дороговизна приобретения кормов, отсутствие рынка сбыта продукции, большие трудности с приобретением молодняка скота и птицы. Система названных проблем может быть решена, если будут созданы организационно-экономические условия для функционирования регионального кооперативно-акционерного экономического союза, где и фермерские хозяйства, и хозяйства населения могут занять достойное место [4].

Углубление переработки сельскохозяйственной продукции (завершающий этап экономического роста АПК) призвано способствовать формированию наиболее рациональной пропорции между промышленностью и сельским хозяйством, а также

комплексного использования природных ресурсов конкретного региона. При этом целесообразно использовать передовой зарубежный опыт проведения структурной политики по совместному использованию подотраслями общих для них ресурсов, создающих сравнительное преимущество данной территории [5].

Таким образом, структура производства региона должна быть сформирована таким образом, чтобы между ее элементами имелись устойчивые связи. Наилучший вариант — когда все отрасли в процессе своей деятельности соприкасаются друг с другом, т. е. являются структурными элементами единого территориально-локализованного агрокластера. Это обеспечит возможность передачи потенциала развития от конкурентоспособных отраслей тем, которые еще не достигли такого уровня.

Список литературы:

1. Панин А. У. Надо ли уповать на вечность модели «экономический человек»? / А. У. Панин, В. А. Синюкова // Социально-экономическое обеспечение развития хозяйственных формирований: сб. науч. тр. – Воронеж: Истоки. – 2011.
2. Воронежский статистический ежегодник. 2013: стат. сб./Воронежстат – Воронеж, – 2013.
3. Антюшина Н. Датская социально-экономическая модель / Н. Антюшина – Экономист. – 2012. – № 10.
4. Семененко С. В. Современное развитие потребительской кооперации как фактор обеспечения возрождения сельских территорий / С. В. Семененко, В. В. Сыроижко // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2013. – № 4 (48).
5. Семененко С. В. Стратегия развития потребительской кооперации Воронежской области / С. В. Семененко, А. А. Ольховиков, Н. В. Грищенко // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2011. – № 4 (40).

*Potapova Marina Aleksandrovna,
Far Eastern Federal University,
Ph. D., assistant professor of management
School of Economics and Management
E-mail: potapova.ma@dvfu.ru*

Driving power of competition

Abstract: Traditionally the competition is the ability to survive on the market however, the price and quality is not the main tool to survive. The main idea of competition on the market is balance between economic and social values provided to the society.

Keywords: competitiveness, competition, social responsibility, entrepreneurship, entrepreneur.

*Потапова Марина Александровна,
Дальневосточный федеральный университет,
доцент кафедры Менеджмента
Школы экономики и менеджмента,
Кандидат экономических наук
E-mail: potapova.ma@dvfu.ru*

Движущие силы конкуренции

Аннотация: Традиционно конкуренция является способностью выжить на рынке, однако, цена и качество не является главным инструментом, чтобы выжить. Основной идеей конкуренции на рынке является баланс между экономическими и социальными ценностями, предоставляемых обществом.

Ключевые слова: конкурентоспособность, конкуренция, социальная ответственность, предпринимательство, предприниматель.

Конкуренция достаточно широко рассмотрена в отечественной и зарубежной литературе, однако мы считаем необходимым провести анализа с целью определения истинной её сущности и роли предпринимательства в конкурентном процессе. При определении роли предпринимателя, его сущности и функций, а также мотивировки его деятельности, исследуются как классические аспекты, так и новые подходы, обусловленные изменяющимися социально-культурными установками общества.

Наиболее часто встречающиеся определения характеризуют конкуренцию с субъективной стороны, указывая на её внешние проявления. Исходя из этого, конкуренция понимается как соперничество, состоятельность между участниками рынка за достижение результатов на каком-либо поприще, за лучшие, экономически более выгодные условия производства и реализации продукции и получение наивысшей прибыли.

А. Смит трактовал конкуренцию как поведенческую категорию, когда индивидуальные продавцы и

покупатели соперничают на рынке за более выгодные продажи и покупки соответственно. Конкуренция — это та самая «невидимая рука» рынка, которая координирует деятельность его участников. По определению А. Смита, конкуренция — это процесс реакции на новую силу и способ достижения нового равновесия. Любому индивидууму, занятому экономической деятельностью, внутренне свойственна склонность к состязательности и предприимчивости, вследствие чего конкуренция не тождественная лишь «кровавой борьбе за существование» [4, 183].

А. Маршалл полагал, что «конкуренция... заключается в том, что один человек состязается с другим, особенно при продаже или покупке чего-либо» [3, 60]. И. Конрад трактовал конкуренцию как «свободное соперничество многих лиц в меновых сношениях и в хозяйственной деятельности вообще...» [2, 23]. М. Портер подчеркивает, что цель конкуренции достигается, когда происходит «... обеспечение достаточного уровня технико-экономической составляющей продукта, обеспечивающего его относительный уровень лидерства в глазах потребителя...» [4, 365]. Состязание, соперничество, борьба за лидирующие позиции подразумевает аккумуляцию компетенций, ресурсов и возможностей, имеющихся в наличии или тех, которые можно привлечь в кратчайшие сроки.

Конкуренция предполагает интенсификацию инновационной деятельности; инвестирование в основные факторы производства; формирование и развитие человеческого капитала, включая его профессиональную и морально-этическую подготовку; увеличение технического уровня производства; использование современных методов планирования, контроля и мотивации деятельности; а также создание сильной организационной культуры, основанной на системе морально-этических норм, принятых и одобряемых всеми членами организации.

Ф. А. Хайек резюмирует, что «по существу, конкуренция есть процесс формирования мнения: путём распространения информации она создаёт единство и согласованность экономической системы, что мы и подразумеваем, когда представляем её себе как единый рынок... «Она позволяет обойтись без «сознательного общественного контроля» и даёт человеку возможность самому решать, оправдывает ли потенциальная прибыльность того или иного предприятия связанные с ним неудобства и риск» [6].

Таким образом, в любом из представленных определений прослеживается прямое или косвенное

влияние не только экономических факторов деятельности, но и показателей функционирования социальной среды.

Обратим внимание на тот факт, что цель соперничества будет достигнута лишь в том случае, если результаты хозяйственной деятельности будут одобрены потребителями, в частности, и обществом, в целом, выступающими в качестве судьи в конкурентной борьбе. Следовательно, целью конкурентной борьбы является проведение соревнования с целью достижения максимальной выгоды для общества и потребителя. В соответствии с экономической теорией равновесия, действия всех участников рынка базируются на структурированных подходах и запрограммированных решениях.

В самом общем виде, конкуренция подразумевает наличие большого количества состязающихся за потребителя участников. Возможное появление новых участников рассматривается, например, в ромбе М. Портера, в процессе анализа конкурентоспособности, но процесс конкуренции представлен, как соревнование между двумя и более участниками за возможные блага, потребителя, долю рынка и т. д.

При этом нельзя не отметить, что в процессе соперничества предприниматели способны определить существующую в обществе рассогласованность и использовать ее для получения прибыли. Постоянно пребывая в поиске целей и средств по их реализации они регулярно получают и порождает новую информацию, запуская процесс стихийной координации [5, 12].

На наш взгляд, в данном подходе следует отметить как минимум два упущения. Во-первых, конкуренция — это двухуровневый процесс. Первый уровень, так называемый видимый, подразумевает описания процессов, происходящих во внешней среде на микро-, мезо- и макроуровнях. Понятие и сущность конкуренции определяется по двум основным направлениям: во-первых, с позиций субъективной стороны — как состязательность обособленных и самостоятельных субъектов хозяйствования с целью привлечения потребителей, во-вторых, с позиции объективной стороны — как конкуренция капиталов, механизм реализации законов рыночной экономики и способ хозяйствования.

Второй уровень, невидимый, предполагает наличие обязательств, накладываемых обществом, т. е. необходимость следовать морально-этическим нормам, которые соблюдаются всеми членами общества. Понятие конкуренции, в этом случае, с субъективной стороны определяется как достижение баланса

между экономическими и социальными благами, предоставляемыми обществу, а с объективной — как конкуренция механизмов социально-полезной деятельности.

Между уровнями устанавливается равновесие, основанное на взаимозависимости элементов обоих уровней и степени их реакции на изменение окружающей среды. Между объективной и субъективной сторонами конкуренции существует обратная взаимосвязь. В частности, методы ведения конкурентной борьбы, как внешние проявления конкуренции, оказывают активное влияние на формирование капиталов и процесс их взаимодействия. Влияние объективных факторов конкуренции на её внешние проявления особенно усилилось в период развития научно-технического прогресса, а также под влиянием процессов глобализации, что повлекло изменение конкретных приёмов и методов ведения конкурентной борьбы между субъектами предпринимательства.

Второе упущение — отказ от рассмотрения предпринимателей, как основной движущей силы процесса конкуренции. Стремление к идеалу, свойственное любой системе неизбежно распространяются и на конкуренцию. В процессе конкурентной борьбы, в соответствии с классическим подходом, участник получает выгоду, если продаёт более качественный и/или более дешёвый, по сравнению с конкурентом, товар наибольшему числу потребителей. Однако, на самом деле по таким примитивным параметрам анализ деятельности участников рынка просто невозможен, в связи с тем, что результаты не дают объективной картины. В дальнейшем мы рассмотрим группу неучтенных факторов.

Интересен подход Австрийской школы, которая указывает, что предприниматель всегда настроен на конкуренцию. Любая прибыльная возможность используется предпринимателем, что лишает конкурентов возможности воспользоваться ею. Предпринимательская активность позволяет обнаружить, скоординировать и устранить социальные рассогласованности. При этом процесс внесения координации в жизнь общества бесконечен. Причина в неограниченном количестве информации, которая способствует изменению целей и средств по их достижению [5, 38].

В соответствии с И. Кирцнером, на рынке существует две группы, одна из которых не извлекает уроков и опыта, а другая (предпринимательская) их извлекает. При этом, учитывая тот факт, что все участники рынка проявляют бдительность по отношению

к меняющимся возможностям, процесс остается предпринимательским, но вместо допущения наличия «чистых» предпринимателей, признаем предпринимательский аспект в деятельности каждого участника рынка [1, 14–15]. Предпринимательскую деятельность можно отнести к неконтролируемым факторам, что способствует интенсификации конкурентного процесса, но только в краткосрочном и среднесрочном периоде. В долгосрочном периоде фактор новизны нивелируется повальным дублированием характеристик конкурентами.

Давайте рассмотрим логику поведения основных игроков (конкурентов) на рынке. Преследуя цель — превосходство над конкурентными, — каждая организация разрабатывает определенный план, подразумевающий поэтапную реализацию решений в заранее обозначенные сроки. При получении информации об изменении внешней среды или каких-то не просчитанных ранее действиях конкурентов, планы корректируются с учётом вновь поступивших данных. В результате, с отклонением во времени реализуется скорректированный набор решений.

Планирование осуществляется с учётом принципа неопределённости, и даже обязательная гибкость не позволят избежать изменения решений принятых в один период времени в последующих. Процесс принятия решений на основании обновлённой информации и возникающих неструктурированных проблем характеризуется непрерывностью и является непрограммируемым. Интенсивность конкурентной борьбы варьируется в зависимости от изменения количества неконтролируемых факторов, влияние которых и вызывает флуктуации рынка, обуславливающие изменение первоначального плана.

Любое действие, принимаемое игроками рынка, зависит от уровня их осведомлённости. Решение потребителя купить зависит от его осведомленности о товарах-заменителях, о качестве товара, о репутации компании-производителя, а также от мнения соседа, подруги, общественности. Решение производителя продать зависит от его информированности о востребованности товара, качестве товаров-заменителей и цен конкурентов. В случае совпадения имеет место рыночная сделка, успех которой зависит от уровня информированности сторон. Чем больше осведомленность сторон, тем чаще пересматриваются их решения с целью получения максимальной выгоды. Однако полная осведомленность приведет к запрограммированным решениям, что в итоге сведет на нет основной принцип конкуренции — состязание.

Обострить рыночный процесс, лишив его равновесия, могут предприниматели. В соответствии с наиболее распространенными определениями, предприниматели отличаются инновационной составляющей, оригинальным подходом, рискованными операциями, ориентацией на долгосрочные перспективы.

Не вызывает сомнений, что именно благодаря конкуренции предприниматели способны выяснить, какие блага являются редкими и что вообще благо. Но в многочисленных моделях несовершенной и совершенной конкуренции наблюдается один и тот же изъян, который делает их несостоятельными — отсутствие предпринимательской составляющей [1, 1–9]. В представленной работе мы отойдем от известных теорий и будем учитывать предпринимательство, как качественную составляющую конкурентной борьбы.

В конкурентной борьбе принимают участие 5 групп заинтересованных игроков: потребители, поставщики, конкуренты, сотрудники и общество в целом. **Потребители** являются наблюдателями и потребителями результатов конкурентной борьбы предприятий. Следовательно, им выгодна конкуренция, но в рамках, установленных законом, при этом они заинтересованы в наличии высокого уровня ответственности предпринимательской деятельности. **Поставщики** являются участниками конкурентной борьбы, т. к. соревнуются между собой за определенные блага, но им выгодна конкуренция потребителей, так как в результате они могут выбрать наилучшего потребителя. Следовательно, чем честнее ведется борьба, тем больше вероятность приобретения достойнейшего потребителя. Что касается непосредственно **конкурентов**, то суть их конкурентной борьбы заключается в увеличении количества производимой продукции, т. е. их цель — удовлетворение потребностей общества. Они не заинтересованы в борьбе «против всех» без правил и ограничений. Чем честнее ведется борьба, тем больше выгоды получают все участники соревнования. **Сотрудники** предприятия не являются участниками конкуренции, но оказывают существенное влияние на победу, т. к. именно они являются одним из конкурентных преимуществ компании. Они заинтересованы в наличии социальной ответственности предпринимателя, т. к. являются её первыми потребителями. **Общество**, как целое, также не принимает непосредственного участия в конкурентной борьбе, но является внимательным судьей и потребителем результатов. Общество в целом заинтересовано в

экономических выгодах, но в большей степени их интересует именно социальная деятельность предпринимателя, как средство его качественного развития.

Если рассмотреть конкуренцию как процесс, в который вовлечены все пять групп игроков, то можно выделить цель участия в борьбе, наиболее предпочитаемую форму достижения цели и, в качестве вывода, уровень общей заинтересованности в социальной ответственности.

В результате гипотетически существует два варианта финала: все игроки раздают некачественный идентичный товар или за цену ниже себестоимости продают товар низкого качества, отличающийся по одной или нескольким характеристикам. Но такая ситуация не имела места, потому что закон невидимой руки рынка включает еще одну составляющую, которая и не позволяет ситуации стать абсурдной. Если хотя бы один из конкурентов руководствуется принципами морали, т. е. является социально-ответственным, то его продукт будет более качественным, репутация лучше, потребители благодарнее, а по закону конкурентной борьбы позиции на рынке более выигрышными.

На этом основании, допускаем наличие морально-этических принципов, как заложенных в понятие конкурентной борьбы. Конкурентная борьба, как и любое другое соревнование, ведется по правилам, которые приняты и одобрены всеми участниками конкурентной борьбы и, по умолчанию, соблюдаются ими, иначе теряется «состязательный смысл» процесса. В нашем случае их пять: единые правила для всех участников рынка; правила четкие, не оставляют места для другой трактовки; наличие формальной и неформальной системы контроля выполнения; правила носят бессрочный характер; все участники рынка подчиняются правилам.

Конкурентная борьба предполагает агрегацию всех имеющихся конкурентных преимуществ компании, которые могут эксплуатироваться как краткосрочное средство для перемещения на качественно новый уровень или служить стратегическим ресурсом в долгосрочном периоде. Максимальная выгода достигается, если предприниматель фокусирован не только на своих экономических амбициозных целях, но и на достижении эффективности с точки зрения развития общества. При этом, социальная составляющая процесса конкурентной борьбы позволяет не только оптимизировать деятельность организации, но и нормализовать сложные отношения бизнеса и общества.

Список литературы:

1. Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство. – Челябинск: Социум, – 2010. – 272 с.
2. Конрад И. Очерк основных положений политической экономии. – М., – 1898. – 364 с.
3. Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 1. – М.: Прогресс, – 1993. – 415 с.
4. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, – 1962. – 423 с.
5. Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа: рынок предпринимательское творчество пер с англ. Б. С. Пинскера. – Челябинск: Социум, – 2009. – 202с.
6. Хайек Ф.А. Дорога к рабству//Новый мир. – 1991. – № 7. – с. 177–230.; № 8. – с. 181–233.

*Pryadko Olga Yaroslavovna,
Assistant, Department of Discrete Analysis and Intelligent Systems*

*Tsegelik Grigory Grigorievich,
Professor, Dr. Sci. Sciences, Head. Department
of Mathematical modeling of socio-economic processes
Lviv State University named after I. Franko,
Department of Applied Mathematics and Computer Science,
E-mail: pryadko_olya@ukr.net*

The method of successive concessions to solvedvukriterialnoy problem of bank lending

Abstract: the multicriterion problem of bank lending is considered. The income of the bank and the value of credit risk are taken as an optimality criteria. Use the method of successive concessions for its solution is proposed.

Keywords: income of the bank, credit risk, the method of successive concessions.

*Прядко Ольга Ярославовна,
ассистент, кафедры дискретного анализа и интеллектуальных систем
Цегелик Григорий Григорьевич,
профессор, доктор физ.-мат. наук, зав. Кафедры
математического моделирования социально-экономических процессов,
Львовский национальный университет имени Ивана Франко,
факультет прикладной математики и информатики,
E-mail: pryadko_olya@ukr.net*

Метод последовательных уступок для решения двукритериальной задачи банковского кредитования

Аннотация: рассматривается двукритериальная задача банковского кредитования, при котором одновременно требуется максимизировать прибыль от кредитования и минимизировать кредитный риск. Для решения задачи использован метод последовательных уступок.

Ключевые слова: прибыль банка, кредитный риск, метод последовательных уступок.

Введение. Банковская система в каждой стране выступает как механизм балансирования, который регулирует проведение денежно-кредитной политики, изменения в экономической политике, предотвращает кризисам. В современных условиях развития рыночных отношений в Украине одним из основных макроэкономических задач кредитования банками является получение максимальной прибыли при

минимальных затратах. Ослабление банковской системы Украины через усиления негативного влияния мирового финансового кризиса в определенной степени способствовало переоценке кредитных рисков и изменения механизмов их обнаружения. За последние годы убытки, возникшие в кредитной деятельности банков, были вызваны в результате неуплаты процентов за пользование кредитами и не возврат самих

кредитов. Главной причиной такой ситуации является несовершенная система оценки кредитных проектов и недостаточная обоснованность имеющихся методик расчета реальной величины риска, присущего кредитным операциям. Рассмотрим использование метода последовательных уступок [1, 163–167] для решения двукритериальной задачи банковского кредитования. В качестве критериев оптимальности приемлем величину риска и прибыль банка.

Анализ последних исследований и публикаций.

Анализ научных исследований, касающихся развития банковской системы, свидетельствует о том, что отечественные ученые большое внимание уделяют изучению разносторонних проблем функционирования банковской системы. Теоретические и практические аспекты управления кредитным риском нашли отражение в научном наследии таких отечественных и зарубежных ученых, как Л. А. Прымостка, С. И. Жытартюк [2, 1–20], А. Д. Вовчак [3, 1–35], А. В. Дзюблюк, С. М. Ильяшенко, В. Геец, Б. Л. Луцива [4, 1–36], А. М. Мороз, А. И. Лаврушина, Дж. Синки, И. Т. Балабанов, И. В. Вышняков и другие. Вместе с тем, отдавая должное научным и практическим наработкам современных ученых по данной проблеме, существует потребность в совершенствовании управления системы оценки кредитных проектов с целью получения максимальной прибыли при минимальном кредитном риске банков. В работах [5, 123–126; 6, 56–60] использован метод динамического программирования для решения задачи оптимального распределения кредитов банка с минимальной величиной риска и задачи оптимального распределения инвестиционных средств банка для финансирования проектов. В работе [7, 117–123] с помощью метода динамического программирования решена двукритериальная задача банковского кредитования, при котором одновременно требуется максимизировать прибыль от кредитования и минимизировать кредитный риск.

Постановка задачи. Целью настоящего исследования является использование метода последовательных уступок для решения двукритериальной задачи банковского кредитования, позволяющий найти такое компромиссное распределение кредитных средств банка между заемщиками, при котором банк получает определенную прибыль с небольшим риском.

Изложение основного материала. Пусть S — объем денежных средств, выделенных банком для кредитования, n — количество заемщиков; p_i и r_i ($0 < r_i < 1$) — соответственно величина прибыли и

величина риска от предоставления i -му заемщику единицы средств; x_i — количество единиц средств, которое планирует банк предоставить i -му заемщику (искомые величины). Задача заключается в таком распределении кредитных средств между заемщиками, при котором достигается одновременно максимальная прибыль и минимальный риск. Тогда математическая модель задачи имеет вид:

$$P = \sum_{i=1}^n p_i x_i \rightarrow \max, \quad (1)$$

$$R = \sum_{i=1}^n r_i x_i \rightarrow \min \quad (2)$$

при условиях

$$\sum_{i=1}^n x_i \leq S, \quad (3)$$

$$x_i \geq 0, i = 1, 2, \dots, n. \quad (4)$$

Понятно, что одновременно обеспечить максимальную прибыль и минимальный риск невозможно. Поэтому, используя метод последовательных уступок, будем искать компромиссное решение, которое обеспечивает определенную прибыль с небольшим риском.

Обозначим через M множество допустимых решений задачи (1) – (4), то есть множество точек $X = (x_1, x_2, \dots, x_n)$, удовлетворяющих условиям (3), (4). Алгоритм метода последовательных уступок для решения задачи (1) – (4) заключается в следующем. Сначала решаем однокритериальную задачу

$$P = \sum_{i=1}^n p_i x_i \rightarrow \max, \\ X \in M.$$

Пусть $X_1 = (x_1^{(1)}, x_2^{(1)}, \dots, x_n^{(1)})$ оптимальное решение этой задачи. Тогда вычисляем риск $R(X_1)$. Если риск $R(X_1)$ удовлетворяет банк, то X_1 принимается как компромиссное решение задачи (1) – (4). В противном случае банк определяет величину уступки ΔP_1 , на которую он может согласиться с целью уменьшения риска. После этого определяем «уточненное» допустимое множество решений

$$M_1 = \{X \in M \mid \sum_{i=1}^n p_i x_i \leq \sum_{i=1}^n p_i x_i^{(1)} - \Delta P_1\}$$

и решаем задачу

$$P = \sum_{i=1}^n p_i x_i \rightarrow \max, \\ X \in M_1.$$

Пусть $X_2 = (x_1^{(2)}, x_2^{(2)}, \dots, x_n^{(2)})$ оптимальное решение этой задачи. Тогда вычисляем риск $R(X_2)$. Если он удовлетворяет банк, то X_2 принимается за компромиссное решение задачи (1) – (4). В противном случае банк определяет величину следующей уступки ΔP_2 , на

которую банк может согласиться с целью уменьшения риска. После этого решаем задачу

$$P = \sum_{i=1}^n p_i x_i \rightarrow \max, \\ X \in M_2,$$

где

$$M_2 = \{X \in M \mid \sum_{i=1}^n p_i x_i \leq \sum_{i=1}^n p_i x_i^{(2)} - \Delta P_2\}.$$

И т. д. Процесс решения однокритериальной задачи на «уточненных» множествах продолжается до тех пор, пока найденное компромиссное решение не будет удовлетворять банк.

Пример. Решить задачу:

$$P = 0,2x_1 + 0,3x_2 \rightarrow \max, \\ R = 0,2x_1 + 0,25x_2 \rightarrow \min$$

при условиях:

$$x_1 + x_2 \leq 20, \\ x_1, x_2 \geq 0.$$

Решение. Решим сначала однокритериальную задачу.

$$P = 0,2x_1 + 0,3x_2 \rightarrow \max, \\ x_1 + x_2 \leq 20, \\ x_1, x_2 \geq 0.$$

Множеством допустимых решений этой задачи является множество точек треугольника OAB (рис. 1):

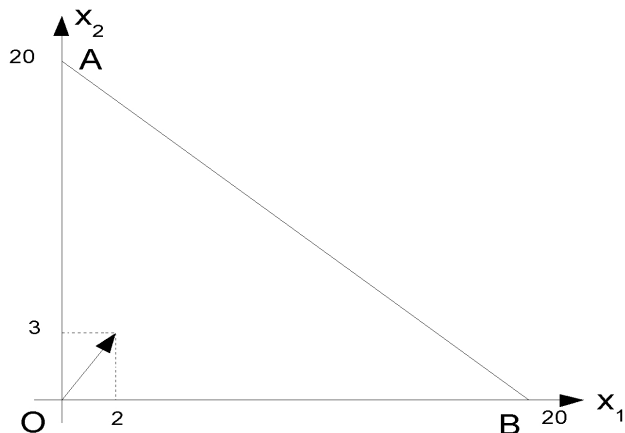

Рис. 1

Как видно из рис. 1, $\max P = 6$ и достигается в точке A с координатами $x_1 = 0, x_2 = 20$. Итак, $X_1 = (0, 20), R(X_1) = 5$.

Предположим, что риск $R(X_1) = 5$ не удовлетворяет банк и банк делает уступку $\Delta P_1 = 1,2$. Тогда нужно решить задачу

$$P = 0,2x_1 + 0,3x_2 \rightarrow \max$$

при условиях

$$x_1 + x_2 \leq 20, \\ 0,2x_1 + 0,3x_2 \leq 4,8, \\ x_1, x_2 \geq 0.$$

Множеством допустимых решений этой задачи является множество точек четырехугольника OABC (рис. 2):

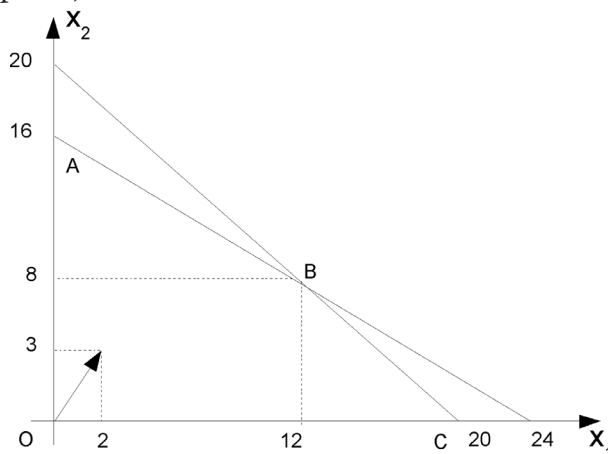

Рис. 2

Как видно из рис. 2, $\max P = 4,8$ и достигается в любой точке отрезка AB. Учитывая условие $x_1 + x_2 \leq 20$, выбираем $X_2 = (12, 8), R(X_2) = 4,4$.

Предположим, что риск $R(X_2) = 4,4$ не удовлетворяет банк и банк делает уступку $\Delta P_2 = 0,6$. Тогда нужно решить задачу:

$$P = 0,2x_1 + 0,3x_2 \rightarrow \max$$

при условиях:

$$x_1 + x_2 \leq 20, \\ 0,2x_1 + 0,3x_2 \leq 4,2, \\ x_1, x_2 \geq 0.$$

Множеством допустимых решений этой задачи является множество точек четырехугольника OABC (рис. 3).

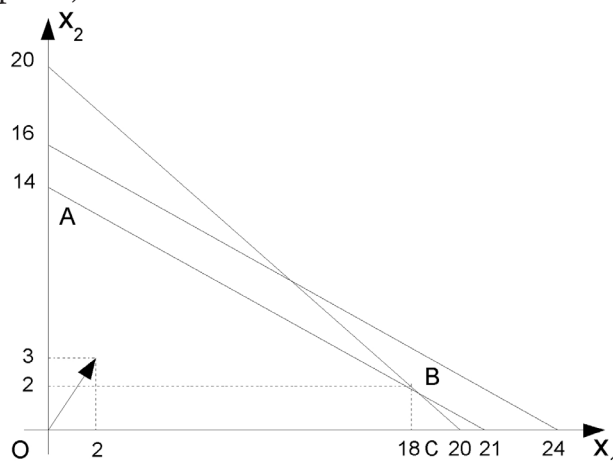

Рис. 3

Как видно из рис. 3, $\max P = 4,2$ и достигается в любой точке отрезка AB. Учитывая условие $x_1 + x_2 \leq 20$, выбираем $X_3 = (18, 2), R(X_3) = 4,1$.

Предположим, что риск $R(X_3) = 4,1$ удовлетворяет банк. Поэтому компромиссным решением нашей задачи является $X_3 = (18, 2), P(X_3) = 4,2, R(X_3) = 4,1$.

Выводы. Используя метод последовательных уступок, можем смоделировать и оптимизировать ряд процессов в экономике Украины, в частности в банковской сфере. Решение приведенной двукритериальной задачи, в которой в качестве критериев

оптимальности берется величина риска и прибыль банка, метод последовательных уступок дает такое компромиссное решение, обеспечивающие определенную прибыль с небольшим риском.

Список литературы:

1. Волошын А. Ф., Машенко С. О. Модели и методы принятия решений: Учебное пособие./А. Ф. Волошын, С. А. Машенко//2-е изд., перераб. и допол. – К.: Издательско-полиграфический центр «Киевский университет», – 2006.
2. Жытарюк С. И. Моделирование кредитно-депозитной и инвестиционной стратегии банка в условиях конкурентной среды: автореф. дис. на соискание наук. степени канд. экон. наук: спец. 08.00.11 «Математические методы, модели и информационные технологии в экономике»/С. И. Жытарюк. – Киев, – 2007.
3. Вовчак О. Д. Государственное регулирование банковской инвестиционной деятельности в Украине: автореф. дис. на соискание наук. степени докт. экон. наук: спец. 08.02.03 «Организация управления, планирования и регулирования экономикой»/О. Д. Вовчак. – Львов, – 2006.
4. Луцив Б. Л. Кредитно инвестиционная деятельность банков Украины: автореф. дис. на соиск. наук. степ. докт. экон. наук/спец. 08.04.01 «Финансы, денежное обращение и кредит»/Б. Л. Луцив. – Тернополь, – 2005.
5. Прядко О. Я. Задача распределения кредитных средств банка с минимальной величиной риска/О. Я. Прядко, Г. Г. Цегельск//Наук. журн. «Вестник Хмельницкого национального университета». Экон. науки. – Т. 4, – № 4. – 2010.
6. Прядко О. Я. Использование метода динамического программирования для решения задачи оптимального распределения инвестиционных средств банка для финансирования проектов/О. Я. Прядко, Г. Г. Цегельск//Вестник Львов. ун-та, Серия экон. – Вып. 41 – 2009.
7. Прядко О. Я. Метод последовательных уступок для решения двукритериальной задачи банковского кредитования/О. Я. Прядко, Г. Г. Цегельск//Наук. журн. «Вестник Хмельницкого национального университета». Экон. науки. – Т. 2, – № 5 – 2012.

*Syroizhko Valentina Vasil'evna,
Voronezh Institute of Cooperatives (branch) BUKER,
Professor, Faculty of Economics
E-mail: val.siroizhko2012@yandex.ru
Andreeva Anastasia Andreevna,
Student, Faculty of Economics
Soliannikova Anna Andreevna,
Student, Faculty of Economics*

Features assessment of the technical and technological capabilities of domestic enterprises

Abstract: The article investigates the features of the development and evaluation of management of technical and technological potential, using techniques and approaches that lead to the most informative diagnostic result of technical and technological potential of the enterprise. The influence of factors on the structural elements of the productive capacity of the industrial enterprise, to estimate the parameters of qualitative and quantitative characteristics of the technical and technological capacity, carried out a comparison of different methods to assess the potential. The paper proposed the use of complex diagnostic techniques, combining elements of resource and probabilistic approaches, effective in terms of time savings, visibility and convenience, as well as allowing to estimate and provide for sustainable development on the basis of efficiency of technical and technological capacity.

Keywords: diagnostic, technical and technological capacity, assessment methodology, efficiency, management.

Сыроижко Валентина Васильевна,
Воронежский институт кооперации
(филиал) БУКЭП, Профессор,
экономический факультет
E-mail: val.siroizhko2012@yandex.ru

Андреева Анастасия Андреевна,
студент, экономический факультет

Соляникова Анна Андреевна,
студент, экономический факультет

Особенности оценки технико-технологического потенциала отечественных промышленных предприятий

Аннотация: Статья посвящена исследованию особенностей развития и оценки управления технико-технологическим потенциалом, с использованием методов и подходов, обуславливающих максимально информативный результат диагностики технико-технологического потенциала предприятия. Исследовано влияние факторов на формирование структурных элементов производственного потенциала промышленного предприятия, оценены параметры качественных и количественных характеристик технико-технологического потенциала, осуществлено сравнение различных методик для оценки потенциала. В работе предложено использование комплексной методики диагностики, объединившей в себе элементы ресурсного и вероятностного подходов, эффективной с точки зрения экономии времени, наглядности и удобства, а также позволяющей оценить и обеспечить условия устойчивого развития на основе повышения эффективности использования технико-технологического потенциала.

Ключевые слова: диагностика, технико-технологический потенциал, методика оценки, эффективность, управление.

На современном этапе развития отечественной промышленности место предприятия на рынке в значительной степени определяется уровнем и темпом производственных процессов, в связи с чем особое значение приобретают быстрая реакция производственной системы предприятия и эффективность его операций. Исходя из этого, развитие, наращивание и активизация технико-технологического потенциала становится одной из важнейших составляющих конкурентных преимуществ предприятия. Основой эффективного использования технико-технологического потенциала является своевременная и достоверная его оценка, что и обуславливает актуальность темы исследования.

Проблематика оценки уровня технико-технологического потенциала отражена в трудах таких отечественных и зарубежных ученых, как Н. В. Грищенко [1], И. З. Должанский, Б. М. Мизюк [6], Т. Н. Прижигалинская [8], В. П. Савчук, Н. А. Серебрякова [8], В. В. Сыроижко [10, 11], Д. С. Терновский [8], Д. Н. Хорохордин [7], С. И. Шиленко [12], и др.

Вместе с тем недостаточно освещенными остаются вопросы анализа эффективности применения предложенных авторами методик оценки технико-технологического потенциала предприятия.

Целью исследования являются анализ и систематизация существующих методик оценки уровня технико-технологического потенциала предприятия в современных условиях хозяйствования.

Технико-технологический потенциал (ТТП) отражает способность оперативно переориентировать производственные мощности и наладить экономически эффективное производство новых продуктов, которые соответствуют рыночным требованиям. Эта составляющая характеризует соответствие материально-технической и технологической базы предприятия, наличие резервов или возможности их быстрого получения, гибкость оборудования и технологий, оперативность работы конструкторских и технологических служб [5, 44].

Б. М. Мизюк предлагает считать технико-технологический потенциал способностью к технологической оптимизации всего цикла производства [6, 33].

Т. Н. Прижигалинская и Д. С. Терновский считают, что технико-технологический потенциал отражает способность оперативно переориентировать производственные мощности и наладить экономически эффективное производство новых продуктов, отвечающих рыночным требованиям [8].

Таблица 1. – Показатели диагностики технико-технологического потенциала предприятия

Методы оценки и диагностики	Показатели	Преимущества	Недостатки
Оценивание потенциала при помощи индикаторов технико-технологической составляющей экономической безопасности	1) реновация и воспроизводство основных производственных фондов (ОПФ); 2) реальный уровень загрузки производственных мощностей; 3) степень износа ОПФ; 4) фондоотдача; 5) фондовооруженность; 6) доля НИОКР в общем объеме работ; 7) производительность труда; 8) коэффициент эластичности	Наглядность, информативность, возможность получить рекомендации относительно дальнейшего развития	Отсутствие учета технологической составляющей. Большое количество показателей, что обуславливает неудобность в применении
Анализ технико-технологического потенциала при помощи количественной оценки возможностей восстановления производственного потенциала	1) рентабельность собственного капитала; 2) производительность каждого ресурса; 3) эффективность совокупности ресурсов; 4) рентабельность производственных ресурсов; 5) темпы роста	Возможность принимать конкретные управленческие решения, небольшое количество рассчитываемых показателей	Отсутствие связи с другими составляющими ТТП, сложность в применении
Оценка механизмов и оборудования как основы технико-технологического потенциала	1) полная себестоимость объекта оценки; 2) восстановительная стоимость объекта оценки; 3) базовая стоимость объекта оценки	Наглядность и быстрота расчета, небольшое количество показателей, простота в применении	Малоинформативная, отсутствие учета взаимодействия всех составляющих ТТП
Оценка технико-технологического потенциала посредством стоимости и уровня технологии	1) стоимость технологии производства; 2) уровень технологии отчетного года в денежном эквиваленте	Возможно прогнозирование во времени, небольшое количество показателей, доступность в использовании	Отсутствие связи с технологической составляющей, малоинформативная
Диагностирование потенциала при помощи мониторинга системы количественных и качественных показателей экономической безопасности на уровне предприятия	1) индикаторы экономической безопасности; 2) показатели фактического состояния производства.	Информативная, наглядна в виде графиков, взаимосвязаны различные части ТТП	Большое количество трудно нормируемых показателей, трудоемкость расчета и анализа, сложность в использовании

Согласно С. И. Шиленко, технико-технологический потенциал высокотехнологичного предприятия определяется как максимальная способность предприятия в настоящее время и в ближайшем будущем выпускать за определенный период времени (год, квартал, месяц) качественную продукцию определенного ассортимента, технического уровня

и качества на основе созданной системы элементов организационно-экономической структуры, которая постоянно совершенствуется на инновационной основе [12].

Проанализировав существующие определения технико-технологического потенциала, можно сделать вывод, что технико-технологический потенциал

промышленного предприятия — это резервы, выраженные в неиспользуемых возможностях роста и совершенствования производства, технологического и технического оснащения, уровня технологии и технической базы, с помощью которых обеспечивается увеличение доходов и оценки текущего и будущего состояния с точки зрения возможности воспроизведения ресурсов, освоения технологий, дальнейшего развития предприятия.

Основными задачами оценки ТТП предприятия являются:

- рассмотрение особенностей производственной деятельности предприятий;
- обобщение и систематизация знаний для обеспечения эффективного управления предприятием;
- подготовка и обоснование конкретных практических мер по повышению эффективности использования ТТП предприятия в конкретных условиях хозяйствования [10].

Критерии эффективности оценки ТТП:

- удобство в использовании и информационная обеспеченность методов оценки;
- наглядность и скорость в использовании;
- учет всего комплекса взаимодействия и взаимовлияния составляющих ТТП предприятия, но при условии применения ограниченного количества показателей;
- обеспечение универсальности методов оценки и оптимизации использования технико-технологического потенциала предприятия;
- доступность и возможность легко внедрить [11, 143].

Систематизируем показатели оценки технико-технологического потенциала предприятия, предложенные зарубежными и отечественными учеными, и отразим в таблице (см. табл. 1).

Из представленного анализа следует, что выбор необходимой методики обуславливается минимизацией негативных последствий ее использования и получением максимально информативного результата оценки ТТП предприятия.

Существует также ряд других методик оценки имеющегося уровня и стратегического ТТП предприятия.

При этом можно выделить три основных различия между ними:

- а) учет в оцениваемых факторах параметров качества продукции;
- б) учет в оцениваемых факторах параметров организации труда;

в) структура оцениваемых параметров технико-технологической базы.

В частности, Н. Серебрякова и Н. Грищенко [9, 55] учитывали в своей методике оценки как качество продукции, так и организационные составляющие. Комплексный показатель технического и организационного уровня производства ими рассчитан как сумма величин оценок технического уровня продукции, уровня технологии и организации производства:

$$Y_n = K_1 Y_u + K_2 Y_{mn} + K_3 Y_0, \quad (1)$$

где Y_n — комплексный показатель технико-организационного развития предприятия;

Y_{mn} — уровень технологии предприятия;

Y_u — технический уровень произведенной продукции;

Y_0 — уровень организации производства;

K_1, K_2, K_3 — коэффициенты, характеризующие значимость подсистем.

Значения параметров формулы определяются экспертным путем. Для промышленных предприятий $K_1 = 0,3$; $K_2 = 0,45$; $K_3 = 0,25$. Оценки Y_i (Y_{mn} , Y_u , Y_0) определяются по единой формуле:

$$Y_i = (A_1 X_B + A_2 X_H) : 100, \quad (2)$$

где X_B, X_H — удельный вес высшей и низшей категории оценок в общем комплексе оценок уровня;

A_1, A_2 — значимость категории, которая равна $A_1 = 1$ для высшей категории; $A_2 = 0,75$ для низшей категории.

Каждый показатель, входящий в формулу (1), определяется экспертами по специально сформированному набору критериев в диапазоне от 0 до 1. Для учета в высшей категории оценки по критериям должны иметь значение от 1 до 0,68; в низшей категории оценки имеют значение от 0,679 до 0. Этот подход применялся для предприятий химического машиностроения и позволяет определить относительное состояние научно-технического прогресса на предприятиях отрасли. Этот подход не учитывает экономические результаты от повышения технико-организационного уровня производства.

В работе Грищенко Н. В. [1, 40–43] при оценке уровня ТТП параметры качества продукции отсутствуют.

Технико-экономический уровень технологии производственной системы составляют:

- 1) уровень технологической интенсивности процессов, который характеризуется степенью использования материальных, энергетических и временных ресурсов;
- 2) уровень технологической организации производства, который определяется количеством операций

и стадий процесса, их комбинацией, взаимозаменяемостью, сочетанием, непрерывностью производства, переналадкой процессов при переходе на изготовление других изделий или режимов работы;

3) уровень технологической оснащенности, что характеризуется степенью оснащенности производства техническими средствами, а также согласованностью между требованиями технологии и оснащенностью процесса соответствующими машинами и уровнем рабочей силы, то есть уровнем механизации и автоматизации производства, состоянием информационного обеспечения;

4) уровень управления технологической системой, который характеризуется степенью достижения

оптимальных режимов процесса с высокой результативностью.

Технико-экономический уровень технической составляющей ТТП предприятия определяется способностью технических средств выполнять свои основные функциональные назначения и их перспективностью относительно лучших, имеющихся и тех, что разрабатываются, образцов аналогичных машин и устройств.

В свою очередь, А. Н. Полозова, Д. Н. Хорохордин при оценке ТТП не учитывают параметры качества продукции и уровень организованности. Среди основных показателей технического уровня производства (таблица 2) главными считают фондо- и энерговооруженность труда.

Таблица 2. – Основные оценочные показатели ТТП предприятия [7, 363]

Классификационные признаки	Показатели
Уровень технической оснащенности труда	1) фондовооруженность труда; 2) энерговооруженность труда
Технический уровень оборудования	1) мощность; 2) надежность, долговечность; 3) удельная материалоемкость; 4) средний срок эксплуатации оборудования; 5) доля прогрессивных типов оборудования в общем количестве оборудования; 6) доля технически и экономически устаревшего оборудования в общем парке.
Уровень механизации и автоматизации производства	1) степень охвата работников механизированным трудом; 2) доля объемов продукции, изготавливаемой с использованием автоматизированных средств труда.
Уровень прогрессивности технологии	1) структура технологических процессов по трудоемкости; 2) доля новых технологий по объему или трудоемкостью продукции; 3) средний возраст использования технологических процессов; 4) коэффициент использования сырья и материалов.

Разобобщенность представленных методик оценки уровня ТТП предприятия привела к необходимости структурировать оценку, выделив в ней готовность к выпуску продукции, уровень пригодности оборудования и степень обновления техники и технологии. Тогда ТТП предприятия может быть описан следующей формулой [2, 137]:

$$ТТП = \sqrt[n]{K_{ПМ} \times M \times ОНП \times \Phi_0 \times K_r \times УМА \times K_0 \times УП}, \quad (3)$$

где $K_{ПМ}$ – коэффициент использования производственной мощности;

M – удельная материалоемкость;

$ОНП$ – оборачиваемость незавершенного производства;

Φ_0 – фондоотдача;

K_r – коэффициент пригодности основных средств;

$УМА$ – уровень механизации и автоматизации труда;

K_0 – коэффициент обновления технико-технологической базы;

$УП$ – доля новых технологий по объему продукции;
 n – количество показателей в формуле (3).

Методика расчета показателей с формулы (3) представлена в таблице 3.

Если показатель ТТП изменяется от 1 до 0,7, то это показывает высокий уровень технико-технологического потенциала; 0,71–0,50 — средний уровень, ниже 0,50 — низкий уровень. Такая оценка уровня технико-технологического потенциала предприятия отражает способность производить определенный объем продукции при заданных параметрах качества (удельная материалоемкость, оборачиваемость и фондоотдача) и технико- технологической оснащенности.

Таблица 3. – Методика расчета показателей ТТП предприятия

Показатель	Методика расчета	Условные обозначения
Готовность к выпуску продукции		
КПМ — коэффициент использования производственной мощности	$K_{\text{пм}} = \frac{V}{V_{\text{max}}}$	V — объем производства, тыс. руб.; V_{max} — объем производства, соответствующий имеющейся мощности, тыс. руб.
М — удельная материалоемкость	$M = \frac{M_{\text{п}}}{M_{\text{о}}}$	$M_{\text{п}}$ — уровень материалоемкости на предприятии; $M_{\text{о}}$ — уровень материалоемкости в отрасли
ОНП — оборачиваемость незавершенного производства	$\text{ОНП} = \frac{V}{\text{НЗП}}$	НЗП — средние остатки незавершенного производства
Фо — фондоотдача	$\Phi_{\text{о}} = \frac{V}{\text{ОФ}}$	ОФ — среднегодовая стоимость основных средств, тыс. руб.
Уровень пригодности оборудования		
Кг — коэффициент пригодности основных средств	$K_{\text{г}} = \frac{\text{ОФ}_{\text{о}}}{\text{ОФ}_{\text{перв}}}$	$\text{ОФ}_{\text{о}}$ — остаточная стоимость основных средств, тыс. руб. $\text{ОФ}_{\text{перв}}$ — первоначальная стоимость основных средств, тыс. руб.
УМА — уровень механизации и автоматизации труда	$\text{УМА} = \frac{V_{\text{а.м.}}}{V}$	$V_{\text{а.м.}}$ — объем продукции, произведенной при помощи автоматизированных и механизированных средств, тыс. руб.
Степень обновления техники и технологии		
КО — коэффициент обновления технико-технологической базы	$K_{\text{о}} = \frac{\text{ОФ}_{\text{нов}}}{\text{ОФ}_{\text{перв}}}$	$\text{ОФ}_{\text{нов}}$ — стоимость нововведений на предприятии, тыс. руб.
УП — доля новых технологий по объему продукции	$\text{УП} = \frac{V_{\text{н.т.}}}{V}$	$V_{\text{н.т.}}$ — объем производства по новым технологиям, тыс. руб.

Таким образом, предложенные авторами методики анализа технико-технологического потенциала имеют ряд ограничений, некоторые из них односторонние или слишком сложны для реального применения на предприятии.

Оптимальным вариантом является использование комплексной методики оценки как эффективной с точки зрения экономии времени, наглядности и удобства, а также всесторонне охватывающей ТТП и дающей возможность осуществлять прогнозирование

на последующие периоды. Это позволяет исследовать динамику технико-технологического потенциала и принять своевременное управленческое решение.

Дальнейшего рассмотрения требует исследование методик оценки факторов, тенденций и структуры потенциала крупных промышленных предприятий как сложных социально-экономических систем с использованием современных моделей и методов подготовки управленческих решений, которые позволят обеспечить условия устойчивого развития.

Список литературы:

1. Грищенко Н. В. Стратегические аспекты управления корпоративными образованиями пищевой промышленности/Н. В. Грищенко//ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. – 2013. – № 7. – с. 40–43.
2. Гонтарева И. В. Оценка потенциала технико-технологической базы промышленного предприятия/И. В. Гонтарева//Вестник Сумгу. Серия «Экономика». – 2011. – № 4. – с. 133–139.
3. Денисюк В. Высокие технологии и наукоемкие отрасли — ключевые направления в инновационном развитии/В. Денисюк//Экономист. – 2004. – № 5. – с. 76–81.
4. Коверга С. В. Эффективность диагностики технико-технологического потенциала машиностроительного предприятия/С. В. Коверга, А. С. Передреева, С. П. Кузьменко//Маркетинг и менеджмент инноваций. – 2011. – № 4, – Т. 2. – с. 205–209.
5. Коренков А. В. Управление потенциалом развития предприятий: монография/А. В. Коренков. – К.: ГРОТ, – 2004. – 289 с.
6. Мизюк Б. М. Потенциал предприятия: движущие силы его формирования и преобразования/Б. Н. Мизюк//Экономика и управление. – 2001. – № 3. – с. 31–39.

7. Полозова А. Н. Методика управленческого анализа издержек промышленно-производственных организаций/А. Н. Полозова, А. В. Брянцева, Д. Н. Хорохордин//Аудит и финансовый анализ. – 2008. – № 4. – с. 360–369.
8. Прижигалинская Т. Н. Теоретическое обоснование стратегического управления организацией: системный подход/Т. Н. Прижигалинская, Д. С. Терновский//Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2012. – № 1. – с. 30–35.
9. Серебрякова Н. А. Прогнозирование экономических показателей на основе трендовых моделей/Н. А. Серебрякова, Н. В. Грищенко//ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. – 2012. – № 3. – с. 55–59.
10. Сыроижко В. В. Экономические инструменты рыночного саморегулирования организации: теоретико-методологическое обоснование, концепция совершенствования, технологии и методики использования/В. В. Сыроижко//Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук/Белгородский университет потребительской кооперации. – Белгород, – 2008.
11. Сыроижко В. В., Воронова М. А., Кульнева И. И. Использование экономико-математических методов анализа в оценке деятельности кооперативных организаций/В. В. Сыроижко, М. А. Воронова, И. И. Кульнева//Аудит и финансовый анализ. – 2014. – № 1. – с. 142–145.
12. Шиленко С. И. Использование инструментов реинжиниринга бизнес-процессов в выставочно-ярмарочной деятельности/С. И. Шиленко//Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – с. 540.

*Teslya Alla Ihorivna,
Ivan Franko national university of Lviv,
Graduate student, Department of Economic Theory
E-mail: ks770@inbox.ru*

Control system by an intellectual capital

Abstract: The different going is examined near determination of concept “intellectual capital”. The review of various models and schools is carried out in management knowledges. Control system by an intellectual capital is probed. It is marked that in control system by an intellectual capital two is selected basic level: level of “intellectual kernel” and level of current management.

Keyword: intellectual capital, intellectual products, management innovation tangible assets, immaterial assets, an intellectual capital.

*Тесля Алла Игоревна,
Львовский национальный университет
имени Ивана Франко,
Аспирант кафедры экономической теории
E-mail: ks770@inbox.ru*

Системы управления интеллектуальным капиталом

Аннотация: Рассматриваются разные подходы к определению понятия “интеллектуальный капитал”. Осуществлен обзор разнообразных моделей и школ в управлении знаниями. Исследуются системы управления интеллектуальным капиталом. Отмечено, что в системе управления интеллектуальным капиталом выделяются два основных уровня: уровень “интеллектуального ядра” и уровень текущего управления.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, интеллектуально собственность, управление интеллектуальным капиталом, инновация, материальные активы, неимущественные активы.

Инвестиции в интеллектуальный капитал являются условием его воспроизведения и определяют не только уровень развития в будущем, но и непосредственное влияние на производственный потенциал и

на структуру совокупного спроса. Несмотря на всестороннюю интеллектуализацию общества, проблему определения экономической сущности интеллектуального капитала и механизмов его воспроизводства

еще недостаточно изучено [5]. А вопросы, касающиеся управления интеллектуальным капиталом стали актуальной темой научных исследований в Украине, начиная с 2000 года.

Отметим, что существуют различные подходы к определению понятия “интеллектуальный капитал”. Одними из первых исследователей в этом направлении является Л. Едвинссон и М. Мэлоун. Ученые до интеллектуального капитала относят все виды капитала, которые не поддаются тем оценкам, которые являются традиционным для ресурсов современной корпорации, то есть они придерживаются довольно широкой трактовки интеллектуального капитала.

В рамках интеллектуального капитала ученые выделили “человеческий капитал” и “структурный капитал”. Мы согласны с точкой зрения А. Кендюхова о том, что ученые подчеркивают то, что каждая из этих форм “капитала” порождена человеческими знаниями, и именно их совокупность определяет скрытые источники ценности, наделяющие компанию нетрадиционно высокой рыночной оценке [7].

Что касается эффективного управления интеллектуальным капиталом, то это является одним из самых дискуссионных вопросов в современной экономике. На современном этапе не разработаны системы управления инновационным капиталом, которая бы учитывала все особенности интеллектуального капитала, хотя в последнее время исследования по вопросам эффективного управления интеллектуальным капиталом стали более активными.

Стоит отметить и то, что проблемы, касающиеся управления интеллектуальным капиталом в результате всеобъемлющей интеллектуализации современной экономики вышли на первый план и стали не просто юридическими и коммерческими вопросами, а также и политическими проблемами. А эти проблемы в свою очередь требуют стратегических и комплексных подходов к их решению. А сложность решения указанных проблем заключается в чрезвычайно высокой степени динамичности и разносторонности отношений, связанных с интеллектуальной собственностью.

Главной целью управления интеллектуальным капиталом, по мнению И. И. Ткача, является достижение желаемых экономических результатов благодаря изменениям в структуре интеллектуального капитала и в процессах его формирования и использования [8].

Интерес к управлению знаниями в последнее десятилетие значительно вырос. Например, профессор Г. И. Маринка сделал системный обзор различных

моделей и школ в управлении знаниями [1]. Он выделил следующие школы:

- системную;
- картографическую;
- процессную;
- коммерческую;
- организационную;
- пространственную;
- стратегическую.

А по мнению профессора Майкла Эрла, все школы можно сгруппировать в три основные категории, а именно: технократические подходы, экономические подходы, бихевиористские [1].

Следует отметить, что под менеджментом знаний, прежде всего, имеется в виду управления интеллектуальным капиталом.

Рассматривая управления интеллектуальным капиталом, в научной литературе выделяют три основные группы методов управления, которые применяются как к интеллектуальному капиталу, так и к интеллектуальному труду:

- организационные,
- экономические,
- социально-психологические.

Также в системе управления интеллектуальным капиталом выделяются два основных уровня:

1. Уровень “интеллектуального ядра”. Интеллектуальное ядро включает в себя: представителей высшего руководства, наиболее активных и творческих сотрудников, независимо от их иерархического положения в компании (численность сотрудников, входящих в “интеллектуальное ядро”, на больших и средних предприятиях обычно не превышает 0,1–0,5 % от общего количества персонала).

В свою очередь задача “интеллектуального ядра” носят стратегический характер и заключаются в определении направления развития организации, в “катализации” инновационных процессов, в проведении определенных преобразований.

2. Уровень текущего управления. Он объединяет подсистемы, осуществляющие в основном тактическое управление интеллектуальным капиталом организации.

В свою очередь для эффективного управления интеллектуальным капиталом необходимо построена полномасштабная система, которая, по мнению Ю. А. Варфоломеев [2], с которой мы согласны, решала следующие задачи:

- повышение конкурентоспособности бизнеса;
- системное развитие персонала;

- повышение ценности человеческого ресурса;
- совершенствование бизнес — процессов;
- поддержка управленческих решений в стратегическом, инновационном, финансовом, технологическом и производственном менеджменте.

Соответственно существует два основных типа инструментов для решения указанных нами задач:

1. Формальные инструменты. К ним относятся экспертные системы управления, системы искусственного интеллекта, автоматизированные системы принятия решений, системы поддержки принятия решений и системы поддержки работы с клиентами.

По мнению специалистов, формальные инструменты являются достаточно эффективными, когда возникает необходимость принимать управленческие решения в компаниях инновационной, финансовой и консалтинговой областей деятельности, где требуется учет большого количества быстрых внешних условий.

Отметим и то, что формальные инструменты направлены на кодификацию информации и сохранения знаний в компании в случае увольнения работника; является основой организационного капитала компании, формирует внутреннюю структуру организации; особенно эффективны для решения типовых задач.

Среди формальных инструментов можно особо отметить системы поддержки клиентских отношений (CRM), которые эффективно применяются во многих компаниях сферы консалтинга и доказали свою эффективность использования в зарубежных коммерческих организациях. Данный класс систем позволяет автоматизировать и совершенствовать бизнес — процессы в сфере продаж, маркетинга и обслуживания клиентов [2].

2. Неформальные инструменты. Данным инструментам управления интеллектуальным капиталом отводится особая роль. Около 80 % имеющихся знаний теряется, если не происходит обмен знаниями.

Некоторые специалисты и исследователи [6] рекомендуют использовать в организации командный тип работы по следующим причинам:

- более гибкое управление проектами в рамках средних и крупных компаний (Хэкмен);
- эффективный обмен знаниями между различными функциональными единицами (Р. Дафт);
- взаимодополняемость членов команды на основе совместных целей и ценностей;
- наличие четких командных ролей и лидерства увеличивает эффективность и снижает риски внутри-организационных конфликтов (М. Белбин);

- команды позволяют значительно повысить конкурентоспособность компании за счет совокупности знаний и навыков каждого ее члена и синергетического эффекта от их работы (Л. Клеева) [6].

По мнению А. В. Еременко [4], управления интеллектуальным капиталом должно быть направлено на приведение в соответствие внутренних возможностей его реализации и развития к внешним, генерируемым рынком.

Для того, чтобы можно было успешно управлять интеллектуальным капиталом необходимо, по мнению автора выполнить следующие условия:

- создать предпосылки для коммерциализации знаний;
- создать надлежащие условия для осуществления инвестиций в форму нематериальных активов в высокотехнологичные отрасли и производства, способствует подъему на качественно новый уровень процесса трансфера технологий из-за рубежа.
- рационально использовать интеллектуальные ресурсы страны, что в условиях защиты интеллектуальной собственности становятся дороже;
- создать условия для налаживания эффективной международной кооперации в высокотехнологичных отраслях и производствах, интеграции страны в региональный и мировой технологический пространство;
- улучшить условия труда, создать благоприятную среду для результативной работы;
- проводить обучение персонала, курсы повышения квалификации, тренинги, участвовать в международных собраниях, конференциях, симпозиумах, посвященных проблемам отрасли/рынка, на котором функционирует предприятие;
- принять законы, которые бы регулировали вопросы, связанные с интеллектуальным капиталом и использованием профессиональных и творческих способностей работников в организации;
- ввести формы отчетности, которые бы отражали пользования интеллектуальным капиталом [4].

Автор считает, что в этой отчетности должны содержаться данные, касающиеся предприятия, а именно капитал, средства, финансы, технологии, техника, внедрении инновации и обновление, изменение уровня корпоративной культуры и клиентов. По мнению автора это необходимо для того, чтобы акционеры и инвесторы могли осознать уровень развития интеллектуального капитала на предприятии и видели, целесообразно им вкладывать средства в данное предприятие [4].

Что касается охраны интеллектуальной собственности, то ее необходимость обусловило создание системы регулятивных органов по охране интеллектуальной собственности. Соответственно главными компонентами системы регулятивных органов по охране интеллектуальной собственности стала Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) и Всемирная торговая организация (ВТО). Этой системы относится и деятельность ЮНЕСКО.

Важно отметить, что именно под эгидой ЮНЕСКО в 1952 г. в Женеве была подписана Всемирная Конвенция об авторском праве (Universal Copyright Convention).

Целесообразно отметить и то, что международное сотрудничество в сфере интеллектуальной собственности регулируется в основном Соглашением по ТРИПС, которая обобщила и объединила существующие документы, взяв за основу принципы регулирования, которые помещаются в них, но при этом был сделан акцент на экономической составляющей данного объекта.

Международное сотрудничество в сфере интеллектуальной собственности также регулируется и соглашениями под эгидой ВОИС. В сфере регулирования ВОИС находятся развитие науки, моральный аспект, консультативные функции.

Целесообразно отметить и то, что ВОИС, создана и действует как специализированное учреждение ООН. Она имеет целью регулировать вопросы интеллектуальной собственности в условиях существования двух противоположных политических систем.

Считаем целесообразным согласиться с мнением М. П. Переверзева [3] о том, что задача правовой

защиты и коммерциализации интеллектуальной собственности является достаточно сложной, а ее решения, по мнению В. В. Цыганова доступно только специалистам высокой квалификации, работающих в составе специально созданных систем организационного типа [9].

Итак, экономическая эффективность и обеспеченность субъектов и экономики государства в целом на современном этапе, определяется их способностью и умением к созданию, использованию и развитию интеллектуального капитала. А основой интеллектуального капитала является знание, навыки и информация, постепенно становятся основными средствами. Поэтому создание результативной системы управления интеллектуальным капиталом может обеспечить выход государственной экономики на более высокий уровень, способствовать реализации имеющегося высокого потенциала и выхода на мировой рынок.

Итак, рост интеллектуального капитала и эффективности его использования определяют перспективы по развитию экономики той или иной страны.

Исходя из вышеприведенного, можно сделать также выводы о том, что на современном этапе, вопросы, связанные с управлением интеллектуального капитала и его составляющими являются одними из наиболее актуальных в научной среде.

В связи с тем, что все компании имеют разные стратегии управления, имеют разное видение своего дальнейшего развития на рынке, не существует единой системы управления интеллектуальным капиталом, которая была бы максимально успешной в каждой компании.

Список литературы:

1. Баранчеев В. Управление знаниями: учеб. пособ./В. Баранчеев. – М.: Центр маркетинговых исследований и менеджмента, – 2005. – 144 с.
2. Варфоломеева Ю. А. Интеллектуальная собственность в условиях инновационного развития: монография/Ю. А. Варфоломеева. – М.: Ось-89, – 2006. – 144 с.
3. Эволюционная экономика. Инновация, инвестиции, институты и интеллектуальный капитал: [коллективная монография]; под ред. М. П. Переверзева. – Тула: Издательство ТГПУ, – 2008. – 432 с.
4. Еременко А. В. Проблемы управления интеллектуальным капиталом/А. В. Еременко//Науч.-практ. журнал “Наука и инновации”. – НАН Украины, – 2008.
5. Левина И. В. Интеллектуальный капитал: концептуальные основы воспроизводства: автореф. дис. ... канд. экон. наук: спец. 08.00.04 “Экономика и управление предприятиями”/И. В. Левина. – Донецк, – 2011. – 20 с.
6. Просвирина И. И. Интеллектуальный капитал: новый взгляд на нематериальные активы/И. И. Просвирина//Финансовый менеджмент. – № 4. – 2004. – С. 12–18.
7. Кендюхов А. Сущность и содержание организационно-экономического механизма управления интеллектуальным капиталом предприятия/А. Кендюхов//Экономика Украины. – № 2. – 2005. – С. 33–41.

8. Ткач И. И. Анализ структуры интеллектуального капитала предприятия/И. И. Ткач, А. Ю. Мазарчук//Вестник Хмельницкого национального университета. Серия “Экономические науки”. – 2010. – № 6. – Т. 4. – с. 336–339.
9. Цыганов В. В. Интеллектуальные предприятия/В. В. Цыганов, В. А. Бродин, Г. Б. Шишкин. – М.: Университетская книга, – 2004.

*Turiansky Yuriy Ivanovych,
Lviv Academy of Commerce, PhD,
Researcher of the Department of Economic Theory,
the Faculty of Economic
E-mail: Ks770@inbox.ru*

Tax incentives: theory, advantages and disadvantages

Abstract: In the article the author gives theoretical aspects of tax reliefs. In particular, the analysis of mechanisms benefits from value added tax. It is concluded that the domestic system of preferential taxation is imperfect because not based on the principle of equitable distribution.

Keywords: tax, VAT, tax benefits, budget, duties, privileges, foreign trade, WTO.

*Турянский Юрий Иванович,
Львовская коммерческая академия, к. э. н.,
соискатель кафедры экономической теории,
экономический факультет
E-mail: Ks770@inbox.ru*

Налоговые льготы: теоретические аспекты, преимущества и недостатки

Аннотация: Проанализированы теоретические аспекты льготного налогообложения. В частности представлен анализ механизмов льгот по налогу на добавленную стоимость. Сделан вывод, что отечественная система льготного налогообложения является несовершенной, поскольку построена на принципе справедливого распределения.

Ключевые слова: налог, НДС, налоговые льготы, бюджет, пошлины, преференции, внешняя торговля, ВТО.

Налоговая политика любого государства, в том числе и Украины, это достаточно сложный и, к сожалению, не совершенный механизм, который имеет множество недостатков, которые нужно устранить для более эффективного функционирования всей системы. Одним из главных недостатков отечественной налоговой системы является нерациональное использование налоговых льгот, которые в условиях взвешенного применения должны способствовать развитию экономики и поддержанию устойчивого уровня экономического роста. Однако на сегодняшний день система налоговых льгот, которая действует в Украине нарушает принцип справедливости, вызывает неравномерную налоговую нагрузку и практически не стимулирует инновационную деятельность.

Обеспечивая полное или частичное освобождение от налогообложения, налоговые льготы играют

соответственно стимулирующее или сдерживающую роль. В случае с НДС (учитывая его ценообразующую функцию) льготное налогообложение вообще нежелательным. Однако, фискальный прагматизм при определенных обстоятельствах должен уступать экономическим интересам и общественным приоритетам, что и обосновывает необходимость предоставления отдельных разновидностей льгот по НДС. Во-первых, существует ряд операций, которые по своему экономическому содержанию или не могут выступать объектом налогообложения (отсутствуют условия для взимания налога, прежде всего операция не подтверждается фактом передачи права собственности) или их налогообложения и технически сложным, поскольку не поддается учету налоговая база — финансовые, кредитные, инвестиционные, срочные, валютные операции, операции с ценными бумагами,

предоставление государственных платных услуг, деятельность социальной сферы и неприбыльных учреждений. Во-вторых, необходимо все же учитывать наиболее социально важные товары и услуги, удешевляя их стоимость (продукты питания, лекарства и расходы медицинского назначения, покупка и наем жилья, товары детского ассортимента и т. д.). В-третьих, время от времени в общественных интересах становится выгодным стимулировать определенный вид деятельности, например, экспортные операции, продажа сельскохозяйственной продукции. Достичь этого проще всего за счет установления нулевой ставки, поскольку это не требует соответствующих изменений в механизме, взимания и администрирования налога.

Масштабность налогово-перераспределительной природы НДС не ограничивается начислением налога, а продолжает свое действие на следующих этапах налогового администрирования. Ни один другой налог не имеет столь сложной схемы влияния на финансово-хозяйственную деятельность плательщиков в процессе выполнения налоговых обязательств как НДС. Все это обусловлено использованием метода «налогового кредита» при определении чистой суммы налога. Обычно в условиях здоровой рыночной конкуренции такая сумма имеет положительное значение поскольку отражает основной принцип бизнес психологии — достижение максимального эффекта при минимальных затратах финансовых ресурсов. Напротив, в условиях экономического кризиса и спада производства, а также постстагнационный период нередко наблюдается обратное явление — денежные накопления не превышают объемов закупок, что в совокупности с льготным налогообложением отдельных операций существенно увеличивает дебетовое сальдо налога. Как следствие, подлежащая уплате бюджет сумма НДС приобретает отрицательного результата и по «сальдовому» правилу подлежит возмещению из бюджета.

В законе Украины «О налоге на добавленную стоимость» от 03.04.1997 г. с последующими изменениями и дополнениями было определено достаточно сложную процедуру возмещения НДС, нередко осложняя дополнительными налоговыми проверками экономических контрагентов, связанных между собой снабженческо-сбытовой цепочкой. Однако действующий Налоговый кодекс, который был принят в 2010 г., не только частично упростил процедуру бюджетного возмещения, но и предусмотрел возможность автоматического возмещения НДС в условиях соответствия определенным критериям.

С одной стороны, затягивание сроков возврата изъятых из хозяйственного оборота средств в виде невозмещенного налогового кредита негативно сказывается на финансовом состоянии плательщика. С другой — государство, заинтересованное в использовании бюджетных поступлений, стремится не допустить необоснованного возврата налоговых сумм путем внедрения всеобъемлющей подконтрольности и подотчетности субъектов предпринимательской деятельности.

По мнению некоторых специалистов [1; 2; 3] выходом из сложившейся ситуации может стать введение отдельных счетов для учета поступлений по НДС. Разработчики теории НДС-счетов называют ряд ее преимуществ:

- 1) обеспечение равных условий хозяйствования для всех субъектов предпринимательской деятельности;
- 2) улучшение администрирования НДС;
- 3) увеличение поступления в бюджет;
- 4) ликвидация субъективного подхода при возмещении НДС;
- 5) создание условий для снижения налоговой нагрузки и сокращения сроков возмещения НДС из бюджета;
- 6) введение механизма автоматического возмещения НДС;
- 7) увеличение гарантий поступления средств в бюджет (если средства на спец счете есть — они в установлении сроки будут перечислены в бюджет);
- 8) относительно дешевая и технически простая схема введения счетов [3, 349].

На наш взгляд, идеализировать схему НДС — счетов не следует, поскольку она влечет за собой неоднозначные субъективно-организационные, финансовые, правовые последствия. Поэтому речь может вестись лишь о временном введении спец счетов с целью решения тактических фискальных задач в условиях экономической нестабильности и спада производства. В пользу данного тезиса свидетельствует и мировой опыт — идея НДС счетов практически была реализована в 1999 г. в Болгарии вследствие ухудшения экономического состояния субъектов предпринимательства, вызванного негативными изменениями в системе налогообложения.

В процессе возмещения НДС приоритет необходимо предоставлять плательщикам, поскольку именно от них будет зависеть в будущем финансовая база государства. Допуская определенные административно-фискальные меры государственных налоговых

органов по управлению налоговыми платежами, целесообразно обеспечить дополнительные мотивационные факторы при возвращении налогов их непосредственным плательщикам. В частности, в части возврата налогового кредита по НДС целесообразно предусмотреть следующие финансовые схемы:

- 1) возврат суммы переплаты на основании письменного заявления плательщика по результатам отчетного налогового периода;
- 2) зачисление отрицательной разницы подлежащего уплате налога на счет платежей в следующих периодах по желанию плательщика;
- 3) выдачу на сумму переплаты по требованию плательщика казначейского чека, при необходимости можно предъявить к погашению в соответствующую финансово-кредитное учреждение [1].

Налоговые льготы применяются не только при налогообложении резидентов и операций на территории государства, но и применяются во внешнеэкономической деятельности. Система таможенного налогообложения должна обеспечивать всестороннее развитие международного сотрудничества на взаимовыгодных условиях, а пошлина, как носитель фиска и финансовый инструмент, должен стать эффективным и действенным инструментом защиты национальных интересов. Основными бюджетоформирующими составляющими пошлины как налога на внешнеэкономическую деятельность являются следующие:

1. Величина и диапазон дифференциации таможенных ставок.
2. Объем и структура базы.
3. Система таможенных преференций.
4. Внутренне-организационные факторы осуществления таможенных процедур, прежде эффективного таможенного контроля.

Вступив в ВТО, Украина стала на путь дальнейшей либерализации Таможенного тарифа сопровождается снижением ставок налогообложения. Последнее, в свою очередь, должно компенсироваться отменой ряда таможенных льгот и расширением базы для начисления налога. Указанные меры в комплексе с совершенствованием организации таможенного контроля в ближайшей перспективе выступать основными резервами роста поступлений пошлины в бюджет. Реализация регулирующего потенциала пошлины определяется особенностями развития национальной экономики, ее структурной моделью. Последняя оказывает непосредственное влияние на товарную структуру экспорта-импорта. На сегодня, как показали проведенные исследования, такая

структура является нерациональной, что обусловлено следующими обстоятельствами:

- 1) преобладание в структуре отечественного экспорта сырьевых ресурсов;
- 2) существенная зависимость основных экспортно-ориентированных отраслей (металлургическая и химическая промышленность) от конъюнктуры внешних рынков;
- 3) рост зависимости Украины от объемов импорта значительного перечня продукции энергоносителей, сырья, оборудования и устройств.

Итак, товарная структура внешней торговли Украины требует соответствующего совершенствования в направлении переориентации экспорта на более высокотехнологичные товары при одновременном уменьшении сырьевой части экспорта и части импорта энергоносителей. Время реализации экспортного потенциала Украины определяется также территориальной структурой международной торговли. Приоритетным в условиях Мирового финансового глобализации становится развитие экономических отношений со странами дальнего зарубежья. На сегодня проблема таможенно-тарифных льгот остается сложной. С одной стороны, возникают потребности приоритетного освобождения той или иной товарной группы от таможенного налогообложения в контексте реализации государственных программ, направленных на насыщение товарного рынка необходимым ассортиментом продукции и услуг. С другой, членство в ВТО, а также сравнительно незначительная фискальная отдача налога, утверждают, проведены выше расчеты, свидетельствуют в пользу минимизации таможенных льгот, прежде всего тарифного характера.

С учетом указанных факторов сфера таможенно-тарифного льготного налогообложения должна распространяться на следующие внешнеэкономические операции:

- Незначительные объемы экспорта или импорта путем установления необлагаемого минимума;
- Перемещение через таможенную границу лиц с особым статусом или специальных предметов;
- Международные торговые операции, вывоз капитала, инвестиции и т. д., механизм осуществления которых определяется особенностями таможенного режима;
- Заключение договоров создания международных интеграционных объединений;
- Обмен результатами деятельности национальных хозяйств, которые находятся в непосредственной зависимости от географически-климатических

условий или обусловленные недостаточным экономическим развитием, существенно увеличивает потребность в товарах «критического импорта».

Система льгот в отечественной налоговой системе довольно несовершенна, в частности она строится по ложному принципу — размер средств, остающихся в распоряжении предприятия в результате использования льготы, не зависит от результатов его деятельности. Что касается возмещения НДС как одного из разновидностей льгот отметим, что допуская определенные административно-фискальные меры государственных налоговых органов по управлению налоговыми платежами, целесообразно обеспечить дополнительные мотивационные факторы при возвращении налогов их непосредственным плательщикам.

Основательная оценка льготных режимов налогообложения в сфере международной торговли и внешних операций на предмет их целесообразности как учитывая внутренние фискально-экономические, так и на внешне интеграционные факторы позволяет провести их определенную систематизацию в направлении отмены необоснованных таможенных преференций и унификации действующих льгот. В результате это станет толчком к повышению фискальной роли пошлины, а также в значительной мере позволит решить определенные экономические проблемы вследствие повышения эффективности применения пошлины как инструмента регулирования внешней торговли.

Список литературы:

1. Грицюк А. Г. Перспективы предупреждения злоупотреблений по НДС введением специальных счетов/А. Г. Грицюк//Форум права. – 2011. – № 3. – С. 178–185. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2011-3/11gazscr.pdf>.
2. Захар М. НДС-счета. Что это такое и как с ними бороться/М. Захар//Дебет-Кредит. – 2004. – № 13. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dtkr.com.ua/show/1cid0647.html>.
3. Налогообложение: теории, проблемы, решения/[В. П. Вишневский, А. С. Веткин, Е. Н. Вишневская и др.]; под общ. ред. В. П. Вишневского. – Донецк: ДонНТУ, ИЭПНАН Украины, – 2006. – 504 с.
4. Налоговый кодекс Украины: от 02.12.2010 г. № 2755-VI (Текущая редакция от 11.10.2011 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2755-17>.

*Tsyganov Sergiy Andreevich,
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
Dr. of Economics, Professor, Institute of International Relations
E-mail: s_tsyganov@ukr.net*

*Ianshyna Anna Nikolaevna,
Kyiv University of Market Relations,
PhD in Economics, Docent, Chair of Economics,
Entrepreneurship and Marketing
E-mail: anna.ianshyna@gmail.com*

Global challenges of sustainable urban development

Abstract: The article examines scientific approaches to the peculiarities of sustainable development concept implementation in cities. The global challenges of sustainable urbanism are revealed and analyzed.

Keywords: sustainable development, urbanization, environment.

Dire consequences of the economic development environmental component degradation as a result of the impetuous urbanization have recently revealed the urgent necessity of exploring urbanization benefits' maximization mechanisms and its negative effects' minimization methods. Taking into account the fact that 54 % of the world's population residing in urban areas in 2014

(moreover, this indicator is expected to increase in future) [1, 1], one should note that the only reasonable pathway for the humanity is the full-scale sustainable development (SD) concept implementation at the municipal, national and international levels to strike the balance between economic and environmental dimensions of the world economy.

First comprehensive eco-friendly urban development approaches were introduced in scientific works of E. Howard “Garden Cities of To-morrow” (1902), S. Szokolay “Using Solar Energy in Housing” (1973), J. Drew and M. Fry “Architecture and the Environment” (1976), Le Corbusier “The City of To-morrow and its Planning” (1987), R. Vale and B. Vale “Green Architecture: Design for an Energy-Conscious Future” (1991) etc. [2; 3; 4; 5; 6]. Although mentioned researchers mostly focused their analysis on environmental issues, with the SD concept popularization their ideas have got the second life and represent the essential background for SD research nowadays.

All the approaches to the urbanization consequences can be divided into three main groups: the first one is based on economic and social urban development aspects (introduced by H. Buhaug, L. Christiaensen, M. Docu, A. Dunarintu, M.E. Freire, W.H. Frey, A. Gilbert, J. V. Henderson, Y. Huang, D. Kingsley, B. Kober, T. Kotter, D. J. Krupka, A. Kumar, R. L. Moomaw, A. Sharma, E. Swyngedouw, Y. Todo, J. Weerdt, Z. Zimmer) [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21]; the second one is focused on urbanization financing as half the battle of urban SD success (represented by D. Aldred, S. Gabriel, J. Linn, S. Malpezzi, T. Paulais, S. S. Rosenthal, D. Webster, D. Wetzel) [22; 23; 24; 25; 26; 27]; the core of the third one is an urbanization impact on the environment (developed by M. Fragkias, C. Gomez, D. Harris, D. Hoornweg, S. Grimmond, R. McDonald, D. Potts, D. Satterthwaite, L. Sugar, C. Wilkinson) [28; 29; 30; 31; 32; 33].

Although today there exists a wide array of scientific publications on urbanization in economic literature, the majority of the authors restrict the scope of their analysis with a single urban development problem — of economic, social, environmental, financial nature — or national urbanization characteristics while global urbanization challenges still remain confusing. At the same time, according to the UN projections, countries of the world are expected to become significantly more urbanized by 2050, with as much as twice their respective proportions in 2014 [1, 8]. Thus the development of overall recommendations on the ways to meet present-day global urbanization challenges is regarded to be of exceptional necessity in the long-term perspective.

Urbanization has turned cities into active international economic players and simultaneously generated a number of economic and social problems: rapid natural resources consumption growth, municipal management system crisis, mounting urban poverty [17, 3–4];

labor market participants diversification, urban population health deterioration [9, 50–51]; lack of infrastructure and spatial disparities in access to basic services [10, 3; 34, 98]; austerity protests and decline in living standards [12, 11–12, 14–15]; urban population growth seriously constrains local governments’ ability to provide basic services [7, 4]; enforcement of urban and rural development disparities [35, 3] etc.

Amongst drastic changes brought about by urbanization, the widening gap between infrastructure construction and population growth rates is certainly one of the most noteworthy. This trend has recently put on top of the agenda a problem of infrastructure and basic services’ system modernization financing: according to the UN estimation dated September, 2014, \$1 trillion is needed yearly to finance the infrastructure gap only in low- and middle-income countries [36].

Considering the crucial importance of environmental component in the economic progress, on the one hand, and environmental conditions’ deterioration in cities as a result of rapid urbanization (for instance, municipal solid waste is expected to grow from 0.68 billion tons in 2002 to 2.2 billion tons in 2025 and one third of humanity will live in areas where water demand exceeds supply by more than 50% [35, 2]), on the other hand, economists have lately focused their attention on the economy-ecology relations in the context of urbanization and environmental effects of urban development in particular: increase in greenhouse gas emissions [33, 546; 29, 2]; exorbitant natural resources’ consumption in urban areas [32, 20–21]; air and water pollution, loss of biodiversity, irrevocable negative changes in ecosystems [28, 68–69] etc.

The analysis of the scientific studies on the urbanization effects has revealed that a lack of infrastructure and spatial disparities in access to basic services; widening gap between infrastructure construction and population growth rates; municipal management system crisis, necessity of decentralization and functional hierarchy reformatting; sluggish center-municipalities SD cooperation; inert business participation in sustainable initiatives launched by central and local governments; enforcement of urban and rural development disparities are the key global challenges of modern city sustainable development.

Approaches to meeting global challenges of sustainable development concept implementation in urban areas as well as to the essence of these challenges vary by author. For instance, R. Bahl, D. Webster, T. Paulais consider the state power decentralization to be a reasonable solution of

municipal management crisis accelerating infrastructure modernization and facilitating access of all urban residents to basic services [24, 85–86; 27, 5; 26, 109]. D. Aldred asserts that in the globalized world the determinant role in infrastructure construction plays corporate sector — MNCs (in this light, the author mentions Siemens, ABB, Citi) and local firms in developed countries and emerging markets [22, 37–38]. S. Gabriel and S. S. Rosenthal emphasize the lending terms as a panacea of unfavorable urbanization economic and social effects [23, 4].

Finding out the sustainable development concept implementation priorities in urban areas with financial resources scarcity kept in mind, it's recommended to concentrate efforts not on the construction of additional infrastructure units in existing megacities but on the establishment of completely new and eco-friendly municipal services system in satellite cities. Only such an

approach will give an opportunity to create completely green infrastructure and entirely minimize urban residents' activity impact on environment. Furthermore, infrastructure greening will be successful if headed by municipalities not the central government. To cope with the global challenges of urban sustainable development it's suggested that national governments should put into practice decentralization objectives and delegate a wide array of their authorities to municipalities (first of all, in budgeting and management); local governments should incorporate sustainable priorities into infrastructure plans, develop local SD strategies considering peculiarities of a certain urban area, engage corporate sector in SD initiatives implementation at the local level (e.g. waste management, infrastructure construction etc.); local and national authorities should diversify their cooperation mechanisms etc.

References:

1. UN . World Urbanization Prospects. – NY: UN Publ. – 2014.
2. Howard E. Garden Cities of To-morrow (1902). – L: Kessinger Publ. – 2008.
3. Szokolay S. Using Solar Energy in Housing. Royal Institute of British Architects Journal, – 1973, – 8, – p. 177–179.
4. Drew J., Fry M. Architecture and the Environment. – L: GAU. – 1976.
5. Corbusier Le. The City of To-morrow and its Planning. – NY: Dover Publ. – 1987.
6. Vale R., Vale B. Green Architecture: Design for an Energy-Conscious Future. – NY: Bulfinch Pr. – 1991.
7. Buhaug H., Urdal H. An Urbanization Bomb? Population Growth and Social Disorder in Cities. Global Environmental Change, – 23 (1), – 2013, – p. 1–10.
8. Christiaensen L., Weerdt J., Todo Y. Urbanization and Poverty Reduction: The Role of Rural Diversification and Secondary Towns. – W: WB Publ. – 2013.
9. Docu M., Dunarintu A. The Socio-Economic Impact of Urbanization. International Journal of Academic Research in Accounting, Finance and Management Sciences, – 2012, – 2 (1), p. 47–52.
10. Freire M. Urbanization and Green Growth in Africa. – W: Growth Dialogue. – 2013.
11. Frey W., Zimmer Z. Defining the City and Levels of Urbanization. AA: UMPSC. – 1998.
12. Gilbert A. Urbanization and Security. – W: WWICS. – 1999.
13. Henderson J. Urbanization and Economic Development. Annals of Economics and Finance, – 2003, – 4, – p. 275–341.
14. Huang Y. Urbanization, Hukou System and Government Land Ownership: Effects on Rural Migrant Works and Rural and Urban Hukou Residents. – P: OECD Publ. – 2010.
15. Kingsley D. The Origin and Growth of Urbanization. American Journal of Sociology, – 1955, – 60 (5), – p. 429–437.
16. Kumar A., Kober B. Urbanization, Human Capital and Cross-Country Productivity Differences. – V: UV Publ. – 2012.
17. Kotter T. Risks and Opportunities of Urbanization and Megacities. – A: FIG WW. – 2004.
18. Krupka D. Some Evidence on the Nature of Urbanization Economies. – B: IZA. – 2009.
19. Moomaw R. Urbanization and Economic Development: A Bias toward Large Cities. Journal of Urban Economics, – 1996, – 40, p. 13–37.
20. Chandrasekhar S., Sharma A. Urbanization and Spatial Patterns of Internal Migration in India. – M: IGIDR. – 2014.
21. Swyngedouw E., Moulaert F., Rodriguez A. Neoliberal Urbanization in Europe: Large-Scale Urban Development Projects and the New Urban Policy. – O: Blackwell Publ. – 2002.
22. Aldred D. Urbanization: A Major Driver of Infrastructure Spending. – SP: Citi Publ. – 2012.
23. Gabriel S., Rosenthal S. Urbanization, Agglomeration Economies, and Access to Mortgage Credit. Regional Science and Urban Economics, – 2012, – 43 (1), – p. 42–50.

24. Bahl R., Linn J., Wetzel D. Financing Metropolitan Governments in Developing Countries. – M: LILP Publ. – 2013.
25. Malpezzi S. Local Economic Development and its Finance: an Introduction. – M: UW Publ. – 2002.
26. Paulais T. Financing Africa's Cities: the Imperative of Local Financing. – W: WB Publ. – 2012.
27. Webster D. Financing City Building: The Bangkok Case. – S: Stanford Publ. – 2000.
28. Elmqvist T. et al. (eds.). Urbanization, Biodiversity and Ecosystem Services: Challenges and Opportunities. – L: Springer. – 2013.
29. Hoornweg D., Sugar L., Gomez C. Cities and Greenhouse Gas Emissions: Moving Forward. – W: IISD Publ. – 2011.
30. Harris D. Hyper-Urbanization: the Creation of Sustainable Dense Cities. – PA: IFTF Publ. – 2012.
31. Grimmond S. Urbanization and Global Environmental Change: Local Effects of Urban Warming. The Geographical Journal, – 2007. – 173 (1), – p. 83–88.
32. Potts D. Urban Livelihoods and Urbanization Trends in Africa: Winners or Losers? – L: King's College Publ. – 2013.
33. Satterthwaite D. The Implications of Population Growth and Urbanization for Climate Change. – L: IIED Publ. – 2009.
34. World Bank. Planning, Connecting, Financing Cities Now: Priorities for City Leaders. – W: IBRD Publ. – 2013.
35. O'Brien D. Tipping the Point: Striking the Balance between Urban and Rural Growth. – O: KPMG Publ. – 2014.
36. UN Habitat. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://unhabitat.org>. Retrieved October 22, 2014, from <http://unhabitat.org/press-release-cities-climate-finance-leadership-alliance-embargoed-11-30-23-september-2014/>.

*Chorna Iryna Oleksandrivna,
Kyiv National Economic University named after Vadym Hetman,
self-governing (autonomous) research university,
postgraduate student, the Faculty of Finance and Economics
E-mail: Lady89@bigmir.net*

Mismatch problem of property insurance services the needs of citizens in Ukraine

Abstract: The article deals with the problem of non-compliance services to the needs of citizens property insurance. The analysis of the results of research to determine what should be a service that would provide insurance coverage for property of citizens.

Keywords: insurance needs, insurance services property of the citizens, the insurance industry.

*Черная Ирина Александровна,
Киевский национальный экономический университет
имени Вадима Гетьмана, аспирант,
финансово-экономический факультет
E-mail: lady89@bigmir.net*

Проблемы несоответствия услуг страхования имущества потребностям граждан в Украине

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы несоответствия услуг страхования имущества потребностям граждан. Проводится анализ результатов опроса населения с целью определения какими должны быть услуги, что бы обеспечить страховую защиту имуществу граждан.

Ключевые слова: потребности в страховании, услуги страхования имущества граждан, страховая индустрия.

Потребности как определяющий фактор целесообразного поведения экономических субъектов являются одной из фундаментальных категорий экономической науки. Содержание потребностей в каждой стране зависит от общих условий развития, степени

прогресса производительных сил, международного экономического сотрудничества.

Удовлетворение потребностей человека в страховой защите — это основная цель каждой страховой компании. Но, несмотря на широкий спектр

услуг на страховом рынке имущества в Украине, процент застрахованного остается низким. Это может свидетельствовать о несоответствии существующих услуг реальным потребностям граждан. Для того чтобы разработать адекватную потребностям граждан страховую индустрию, необходимо знание, что именно нужно украинскому потребителю. Традиционно при разработке новых страховых продуктов страховые компании руководствуются размером прибыли, полученной за предоставление своих услуг. Всеохватность и защита всего населения страны не является главной целью ни одной из отечественных компаний. Страховые компании, будучи участниками бизнесового процесса, стремятся максимизировать прибыль, за счет чего руководство каждой решает самостоятельно. Анализируя программы развития, которые составляют страховые компании, главными заданиями для каждой являются продажа как можно большего количества страховых полисов, привлечение потенциальных страхователей. Все это становится возможным лишь при условии соответствия страховых услуг потребностям граждан.

Изучая потребности граждан в страховании их имущества, как правило, оценивают спрос на страховые услуги. Для того, чтобы проверить, соответствует ли страховая индустрия потребностям граждан Украины, мной был проведен опрос населения. Разработав типичную анкету, которая вмещала 10 вопросов, выяснила, каким имуществом владеют украинцы, какие риски ему угрожают, хотят ли они страховать свое имущество, имеют ли опыт общения со страховыми компаниями. Анкетирование было проведено в 2013–2014 годах в разных областях Украины среди 100 человек разных социальных статусов: учителя, врачи, ученые, предприниматели, пенсионеры. Респондентов было разделено на три группы за возрастом: до 35, от 35 до 55, от 55 лет. Результаты опроса показали, что уровень страховой культуры очень низкий. Только 42 % опрошенных владели полисами страхования имущества, учитывая, что почти все владели собственным недвижимым имуществом и 59 % уже теряли имущество из-за неблагоприятных событий. Ответы респондентов свидетельствуют о несоответствии страховых услуг, предлагаемых страховыми компаниями, потребностям граждан. 89 % опрошенных указали, что желают страховать имущество, при этом процент реально застрахованного имущества в два раза меньше.

Главными причинами несоответствия услуг страхования имущества граждан их потребностям, как

показали результаты опроса, являются игнорирование территориального признака, уровня доходов населения, не учитывается структура имущества, возраст.

Что означает игнорирование территориального признака? Как известно, Закарпатье является частью Украины, где стихийные явления происходят достаточно часто. Ежегодно наводнения разрушают сотни человеческих жилищ. Из семи опрошенных, которые проживали в Закарпатье, шестеро уже теряли свое имущество из-за стихийных бедствий. А уровень доходов этих граждан был таким, что мог обеспечивать только расходы на питание (уровень доходов указывался в анкете). Граждане наиболее криминогенных (по данным Министерства внутренних дел Украины) областей отвечали, что их имуществу могут угрожать риски неправомерных действий третьих лиц, грабежи и разбои. Такие респонденты также теряли имущество из-за указанной группы рисков. Государство не способно в полной мере замещать убытки, так как не создает для этого специальных фондов. Выходом из такой ситуации может быть только сотрудничество страховщиков и государственных органов.

Тот факт, что половина населения не может обеспечить свое имущество страховой защитой, дает основания считать, что уровень доходов граждан игнорируется. Лишь 14 % опрошенных определили свой уровень доходов как достаточный. Но имуществу граждан могут угрожать любые риски, не смотря на то, каков их уровень доходов. Население с низким уровнем доходов не менее нуждается в страховой защите, нежели те, которые имеют достаточный уровень. Страхование должно быть социально направленным. Учитывая, что 28 % граждан отказывают себе во всем, кроме питания, а 10 % даже не могут обеспечить достаточный уровень питания, то можно предположить, что 38 % людей не могут обеспечить желаемую защиту своего имущества. Граждане с низким уровнем доходов просто отказываются от страхования. Обращаясь к истории, страхование сначала и было предназначенным для бедного населения, так как считалось, что богатые имеют возможность выходить из трудного положения своими силами. Сегодня, когда материальная культура находится в самом расцвете, количество материальных благ не пересчитать, а рисков, что им угрожают множество; в период климатических изменений и появлении рисков, связанных с этими процессами, страхование имущества необходимо

для каждого гражданина страны. Решением проблемы может стать внедрение микрострахования в Украине, а также оптимизация структуры механизмов продажи страховых услуг, которая обеспечит снижение цены на страховые услуги.

Не решенной проблемой остается не учитывание структуры имущества граждан. 49 % граждан владели собственным автомобилем, 72 % — квартирой, 32 % — частным домом, 52 % — земельным участком. 58 % не имели страховой защиты своего имущества. Граждане страхуют имущество, которое является для них наибольшей ценностью. В этом смысле незащищенными остаются квартиры граждан, приобретенные на вторичном рынке недвижимости. Практика последних лет показывает, что риск стать жертвой разных афер на рынке жилищной недвижимости очень высокий. Отношения в сфере недвижимого имущества наиболее «темные» и неопределенными у правовом плане. Необходимо распространение непопулярного в Украине титульного страхования. В мире такое страхование имеет давнюю историю. За рубежом ни одно соглашение покупки-продажи квартиры или дома не заключается без одновременного заключения договора титульного страхования, который защищает имущественные интересы владельца недвижимости и банка, который дает кредит для приобретения недвижимого имущества.

В Украине страховщиками игнорируется тот факт, что большинство сделок покупки-продажи недвижимого имущества происходят именно на вторичном рынке. К примеру, квартиры вторичного рынка продаются в два раза чаще, чем новые. И каждый раз, покупая не новое жилье, человек рискует. Учитывая сложившуюся ситуацию, распространение титульного страхования — необходимый этап в построении адекватной потребностям граждан страховой индустрии.

Касательно возраста, как показал опрос населения, основной группой людей, которые обеспечивают свое имущество страховой защитой это граждане в возрасте от 35 до 55 лет. Это люди среднего возраста, которые достигли определенного уровня доходов и распоряжаются собственным имуществом

по своему усмотрению. Граждане же молодого возраста в меньшей мере владеют имуществом и, как правило, не значительным. Группа людей в возрасте до 35 лет остается вне страховой защиты. Учитывая результаты опроса, только восьмеро граждан молодого возраста имели полисы страхования. В связи с этим возникает необходимость внедрения в Украине микрострахования и предложения страхового продукта, подходящего таким категориям потенциальных страхователей, которые не владеют большим имуществом, но желают обеспечить страховой защитой то мелкое, что есть в их распоряжении. Микрострахование ориентированное, прежде всего на людей с низким уровнем доходов, бедное. В Украине наибольший процент бедности среди молодого населения, которое, как правило, не может трудоустроиться и не получает желаемого заработка и пенсионеры, которые не могут уже работать в силу своего возраста и здоровья. А если эти категории людей и трудоустроены, то, как правило, в неформальных секторах экономики. Государственное социальное страхование не охватывает всю экономику и есть пробелы. По результатам последних исследований уровень социальной защиты в странах, которые развиваются, в том числе и в Украине, обнаружено особенность, которая проявляется в том, что большинство бедного населения работает в неформальном секторе экономики. Масштабы неформального сектора экономики значительно превышают размеры формальной экономики. Социальное страхование охватывает до 60 % населения, которое занято в формальном секторе экономики. В то время как меньше 10 % населения с низким уровнем доходов, которое работает в неформальной экономике, может использовать основную социальную защиту. Большинство работников неформальной экономики может пользоваться только помощью друзей, родственников, не имея социальной защиты. Таким образом внедрение микрострахования просто необходимо. Этот шаг даст возможность охватить все категории граждан страны, которые желают страховать свое имущество, не просто купив полис и став клиентом страховой компании, а еще и получив желаемую услугу [1; 22–29].

Список литературы:

1. Мікрострахування в Україні: бути чи не бути?/А. В. Шірінян, А. С. Шірінян. – Черкаси: Чабаненко Ю. А., – 2012. – 207 с.

*Schapor Maria Alexandrovna,
Die Russische Wirtschaftsuniversität Namens Plekhanov G. W.,
Aspirant, der Lehrstuhl der Außenwirtschaft
E-mail: chursina17@gmail.com*

Die Erarbeitung des Multieffizienzkriteriums der Ausfuhr in den Bedingungen der Unstabilität des gegenwärtigen Weltwirtschaftssystems

Abstrakt: In den gegenwärtigen Bedingungen, wenn die Weltwirtschaft große Schwierigkeiten hat, die mit den Folgen der Weltwirtschaftskrise 2008–2010 und auch mit der gegenwärtigen Krise der EU-18 verbunden sind, gibt es heute eine dringende Notwendigkeit eine umfassende Analyse der Einfluss der externen Faktoren und Bedingungen auf die Entwicklung der Volkswirtschaften durchzuführen. Die Unstabilität der gegenwärtigen Weltwirtschaft und, wie Folge, die instabile Dynamik der Ausfuhr haben besondere Anforderungen zu den Fragen der Bildung der Prognose in der Durchsetzung der Auslandsmärkte. Die Beschreibung der Zustand des Einfuhrlandes ist einen wesentlichen Punkt solcher Prognose in den kurz- und langfristigen Perspektiven. Dieses Multieffizienzkriterium benutzt man auch bei der Forschung der Zahlungsbilanz in den kurz- und langfristigen Perspektiven.

Keywords: das Multieffizienzkriterium des Exports, die Unstabilität der Weltwirtschaft, vierteljährliche oder monatliche Bewertung der Ausfuhrleistungen, die Managementplanung auf der Grundlage des bestehenden Zustands der Auslandsmärkte in der Periode der Unstabilität der Weltwirtschaft.

Viele Ökonomen behaupten, dass alle Schocke und die Negativ in der Entwicklung schon vorbei sind. Die Weltwirtschaftskrise 2008–2010 ist vorbei, und ihre Folge wird schon überwunden; die Krise, die in der Eurozone (und auch in der ganzen EU) entstand, ist auf dem Rückzug, und sehr bald der europäische Marktführer — Deutschland — findet eine universale Lösung für die Eurozone, und die Situation stabilisiert auf dieser Etappe. Auf der gegenwärtigen Etappe wird der Konjunkturrückgang der Eurozone überwunden. Die größten Wirtschaften der Eurozone (Deutschland, Frankreich, Italien, Spanien und die Niederlande) zeigen eine positive Dynamik.

Das Wirtschaftswachstum in der Eurozone dauert schon seit dem 2. Vierteljahr 2013, aber tatsächlich wird das Wachstum nur bei Deutschland und Frankreich geboten. Das Wachstum des BIPs der Länder der Eurozone beträgt 0,3 %. Es sei auch gesagt, dass der Wirtschaftsrezession in einer der größten Wirtschaften der EU — in Italien, der in der 2. Vierteljahr 2011 begann, ist jetzt zu Ende. Doch das Wachstum des italienischen BIPs beträgt nur 0,1 %, dass es ein unbedeutender Kennwert für die ganze Eurozone ist, aber das ist schon eine gute Zeichen [5].

Die Meinungen der anderen Ökonomen sind gegensätzlich. Die Weltwirtschaftskrise verzögerte sich, dass die zweite, vernichtendere Welle erwartet wird, weil ihre Ursachen, die mit der riesigen Staatsverschuldung der USA und beziehungsweise die Instabilität des Dollars noch nicht beseitigt sind. In der Eurozone gibt es auch

keine Lösung, und die Frage ihrer Zerstörung mit der Rückkehr zu den nationalen Währungen ist nach wie vor sehr aktuell. In der politischen Bereich ist es auch alles ganz unruhig: der arabische Welt ist in der Zustand des Bürgerkrieges und wartet auf die äußere Aggression. In der Wirtschaft wird einen starken Druck von der Ostasiatischen Länder (China, Japan, Südkorea und andere) beobachtet. Also, zum Beispiel, Südkorea, das zu einer der größten Wirtschaften der Ostasien gehört, erreichte unglaublich höhere Ergebnisse des Wirtschaftswachstums wegen der Ausfuhr der Fertigwaren. Der gegenwärtige BIP pro Kopf in Südkorea übersteigt den ähnlichen Indikatoren für Indien in 7 Mal. Also, der BIP des Südkoreas wird nach diesem Indikator mit den kleinen Staaten der Europäischen Union verglichen [4, 12–15].

Obwohl es die Mehrheit der Meinungen gibt, kann man eine eindeutige Schlussfolgerung machen — heutzutage ist die Weltwirtschaft in einem unstabilen Zustand, heute gibt es entweder die Erwartung des Rückgangs der Entwicklungsrate oder sogar die Entstehung der neuen Welle der Wirtschaftskrise. Also, wenn wir die Tendenzen und die Perspektiven der weiteren Entwicklung der Auslandsmärkte Deutschlands und Russlands analysieren, muss man unbedingt die Unstabilität der Weltwirtschaft berücksichtigen. Angesichts der Unstabilität der Weltwirtschaft, die Entwicklung des Ausfuhrbereiches geht ganz besonders und unterscheidet sich von den stabilen Bedingungen der Wirtschaft.

Die Unstabilität der Weltwirtschaft der Zeitperiode 2008–2014 ist zu den Änderungen der Zustände

der Ausfuhrmärkte nach den Volumen und der Änderungen der Produktpalette geführt. Es sei auch gesagt, dass die Änderungen der Prioritäten nach Ländergruppen werden jetzt leicht bemerkt. Diese Änderung der Prioritäten ist die wichtigste Folgerung der Unstabilität der Weltwirtschaft. Zum Beispiel, die Ausfuhrstrategie Deutschlands zielt in der Gegenwart außerhalb der Europäischen Union: China, Japan, die Türkei und andere Einfuhrländer. Also, die Unstabilität der Weltwirtschaft hat bedeutende Einwirkung auf die Ausfuhrmärkte der EU der Länder der Eurozone.

Zu einer der destabilisierenden Faktoren gehört die Wirtschaftskrise der Länder der Eurozone. Vielleicht ist die Benutzung der Bedeutung «die Krise» für den gegenwärtigen Zustand eine Streitfrage. Eins ist sicher: in den Länder, die die gemeinsame Währung — Euro benutzen, gibt es jetzt eine Menge wirtschaftlichen und politischen Probleme. Die durchgeführte Forschungen zeigten, dass diese Probleme in verschiedenen Verhältnisse auf die Zahlungsbilanzen der EU-Länder wirken. Solche Länder der EU, zum Beispiel, Griechenland, Spanien, Portugal und einige andere Länder der EU haben einen negativen Zahlungsbilanz beziehungsweise Außenhandelsoperationen in der Eurozone.

Für die Bewertung des Zustandsverlaufs muss man unbedingt ein Kriterium oder einen Komplex der Kriterien. Wenn wir über die Effizienzkriterien der Exportbewertung sprechen, kann man in der wirtschaftlichen Literatur zwei Typen den Betrachtungsweisen treffen. Die angebotenen Kriterien den ersten Typ werden regelmäßig zu den einzelnen Betrieben oder zu den Gemeinschaften, die ihre Produktion exportieren, angewendet. Der zweite Typ diesen Effizienzkriterien arbeitet auf dem gesamtwirtschaftlichen Bereich, und sie können die nationalen Interessen der Exporteuren abwehren.

Solche Effizienzkriterien und entsprechende Effizienzbewertungen werden in der wirtschaftlichen Literatur getroffen, und sie können die nationalen Interessen der Exporteurländer abwehren. Solche Kriterien und entsprechende Bewertungen der Ausfuhr werden in der Literatur viel seltener getroffen und regelmäßig beschreiben sie den ganzen Komplex Außenwirtschaftsprozessen (der Ausfuhr, der Einfuhr, der Zahlungsbilanz, Währungskurse und andere).

Für die quantitative Bewertung der Änderungen der Volumen des Exports wurde von dem Verfasser die Bewertung des sozial-wirtschaftlichen Zustandes der Einfuhrländer bei der Einwirkung der Unstabilität der Weltwirtschaft. Das ließ mich die Forschungen des Einflusses der Änderung in der Weltwirtschaft auf die

Ausfuhrmärkte untersuchenden Exporteuren (Deutschland und Russland) in zwei Etappen durchführen:

1. Die Forschung der Einwirkung des weltwirtschaftlichen Systems auf den sozial-wirtschaftlichen Zustand der Importländer.

2. Die Forschung der Dynamik des deutschen oder des russischen Exports in den konkreten Importländer angesichts von seinem sozial-wirtschaftlichen Zustand.

Der sozial-wirtschaftliche Zustand wurde mit der Hilfe des Komplexes aus fünf gesamtwirtschaftlichen Basiskennzahlen angeboten. Also, wenn man weiß, wie das wirtschaftliche System auf die Schwankungen der gesamtwirtschaftlichen Kennzahlen der Importeure wirkt, kann man die Produktionsfähigkeit der Ausfuhrmärkte der deutschen oder der russischen Waren beurteilen. Das ließ mich die quantitative Bewertung machen und die nützliche Forschungen der Beurteilung der Wirkung der Unstabilität der Weltwirtschaft auf die Ausfuhrmärkte Deutschlands und Russlands im Landeinschnitt führen. Also, man bekommt die Möglichkeit, den Einfluss, zum Beispiel, der Weltwirtschaftskrise auf die Ausfuhrmärkte des erforschen Einfuhrlandes durchzuführen.

Die Ergebnisse solcher Forschungen ermöglichen den Erforscher nicht nur den Verlauf der Einwirkung der Unstabilität der Weltwirtschaft auf die Ausfuhrmärkte der erforschen Einfuhrländer zu beschreiben, sondern auch solche Ereignisse in der mittelfristigen Perspektive zu modellieren. In den früher veröffentlichten Forschungen wurden die Tendenzen bestimmt und wurde auch die Einschätzung der Höffigkeit Deutschlands und Russlands beziehungsweise des Skriptes der Entwicklung des Weltwirtschaftssystems in der mittelfristigen Perspektive (2014–2018) durchzuführen. Deshalb wurden die Automethoden entwickelt und wurden auch die Forschungen der Einwirkung auf die Ausfuhr der internationalen Organisationen und die Bewertungen der Besonderheiten des russischen Exports der Kohlenwasserstoffen und andere Bewertungsforschungen durchgeführt.

Die deutschen Exporte in die 25 bedeutendsten Ausfuhr-Partnerländer sind zwischen den Jahren 2000 und 2010 in Euro gerechnet um fast 57 % gestiegen. Auf US-Dollarbasis ergab sich sogar eine Steigerung um fast 130 %. Diese beeindruckenden Zahlen geben jedoch keine Auskunft darüber, wie sich in unseren Partnerländern der Anteil der Importe aus Deutschland an den Gesamtimporten entwickelt hat, ob also der „Marktanteil“ der deutschen Warenexporte gestiegen oder gesunken ist. Hierfür wird ein anderer Indikator benötigt, den das Statistische Bundesamt *Export-Performance* nennt.

Für die Berechnung des deutschen Export — Performance — Index ist es notwendig, die Daten über die Daten über die Importe der Partnerländer aus einer externen Quelle zu beziehen, die international vergleichbare Zahl liefert. Das Statistische Bundesamt nutzt für die Berechnung der Export-Performance Daten aus der Datenbank Comtrade der Vereinten Nationen [6].

Um nicht Daten von über 230 Partnerländern verwenden zu müssen, werden aus Vereinfachungsgründen und aus Gründen der besseren zeitlichen Verfügbarkeit der Daten nur die deutschen Exporte in die 25 wichtigsten Partnerländer des Jahres 2010 und deren Gesamtimporte betrachtet. Im Jahr 2010 waren die wichtigsten Partnerländer bei den deutschen Ausfuhren in absteigender Reihenfolge: Frankreich, die Vereinigten Staaten, die Niederlande, das Vereinigte Königreich, Italien, die Volksrepublik China, Österreich, Belgien, die Schweiz, Polen, Spanien, die Tschechische Republik, die Russische Föderation, Schweden, die Türkei, Ungarn, Dänemark, Japan, Brasilien, die Republik Korea, Indien, die Slowakei, Australien, Portugal und Südafrika. Im Jahr 2010 betrug der Anteil der Exporte in diese Länder 83 % an den deutschen Gesamtexporten; er ist seit dem Jahr 2000 (84 %) nur unwesentlich zurückgegangen [7].

Im Zeitraum von 2004 bis 2006 sind die deutschen Exporte langsamer gewachsen als die Gesamtimporte der 25 wichtigsten Partnerländer. Im Jahr 2007 konnte eine kurzzeitige Erholung des Export-Performance-Index beobachtet werden, dem sich wiederum ein starker Rückgang im Jahr 2008 anschloss. Diese Rückgänge der Export-Performance können zumindest zum Teil auf die stark steigenden Rohölpreise in diesen Zeiträumen zurückgeführt werden. Die Nachfrage nach Rohöl ist wenig preiselastisch.

Ein Preisanstieg dieses Rohstoffes führt somit zu einer wertmäßigen Zunahme dessen Anteils an den Gesamtimporten unserer Partnerländer zu Lasten anderer Importgüter. Da Deutschland kein Erdölexporteur ist, führt eine solche Verschiebung zu einem Rückgang der deutschen Export-Performance. Dieses Beispiel zeigt, dass die Export-Performance nicht nur die deutsche Wettbewerbsfähigkeit widerspiegelt, sondern auch durch externe Faktoren beeinflusst wird. Dies lässt sich auch statistisch bestätigen. So zeigte eine Regressionsanalyse, dass die Veränderung des Export-Performance-Index negativ mit der Veränderung des Einfuhrpreisindex für Rohöl korreliert. Der Korrelationskoeffizient für diesen Zusammenhang beträgt — 0,86 für den Zeitraum 2000 bis 2011 [7].

Aus diesem Grund berechnet das Statistische Bundesamt auch eine Variante des Export-Performance-

Index ohne Energieprodukte. Die Statistische Bundesamt Deutschlands wird das Warenkapitel 27 des Harmonisierten Systems zur Bezeichnung und Codierung der Waren aus der Berechnung herausgenommen. Dieses umfasst die fossilen Energieträger Kohle, Öl und Gas sowie deren Erzeugnisse und elektrischen Strom. In der Betrachtung der Jahre 2000 bis 2010 zeigt sich, dass die deutsche Export-Performance ohne Energieprodukte tendenziell ansteigt, wohingegen die Export-Performance unter Einschluss von Energiegütern tendenziell eher sinkt.

Als die Grundlage der Erarbeitung des Autorenmultiplizitätskriteriums der Ausfuhr wurde vorgeschlagen, die Formel, die beim Statistischen Bundesamt Deutschlands für solche Aufgaben benutzt wird [6]:

$$\text{ExpPerf}_t = (\sum X_t^D / \sum X_{t-1}^D) / (\sum J_t^i / \sum J_{t-1}^i), \quad (1)$$
 wo X — das Gesamtvolumen der Ausfuhr in der Zeitspanne t ;

J — das Gesamtvolumen der Einfuhr in der Zeitspanne t .

Die Berechnungen, die entsprechend der Formel (1) durchgeführt werden, ermöglichen die Effizienz der Ausfuhr zu beweisen. Der Kennwert ExpPerf_t charakterisiert die Dynamik der Ausfuhr in der Periode t , beziehungsweise der Änderungen der Gesamtvolumen der Ausfuhr des aktuellen des Basisjahres im Vergleich zu den relativen Änderungen der Einfuhr in derselben Periode [3, 140–145]. Wenn der erhaltene Wert mehr als eine Eins ist, dann kann es bedeuten, dass die deutsche Einfuhr langsamer steigt, als die deutsche Ausfuhr. Also, dann fallen die relative Wachstumsrate der Ausfuhr, und in diesem Land gibt es jetzt mehr Einfuhren.

In den Rahmen dieser wissenschaftliche Artikel wird vorgeschlagen, das vorstehende Effizienzkriterium zu modernisieren, um es in den Bedingungen der Unstabilität der Weltwirtschaft zu benutzen. Die Modernisierung muss man in zwei Richtungen durchführen: die Verminderung des Zeitschrittes des berechneten Indikators, zum Beispiel von einem Jahr bis zum Vierteljahr oder sogar zu einem Monat und die Einführung in den Anzahl der Variablen die Funktion der Werten des Kriteriums den gesamtwirtschaftlichen Kennwerten die Einfuhrländer.

Die Verminderung des Zeitschrittes gibt uns die Möglichkeit in den Bedingungen der welt- oder der Lokalkrise operativer der Landwirtschaft, und den wichtigsten Teil der Landwirtschaft — den Bereich der Ausfuhr und der Einfuhr zu verwalten. Die Benutzung als die Variables die gesamtwirtschaftliche Kennwerte der Einfuhrländer während der Berechnungen der gesamtwirtschaftlichen Kennwerte gibt uns die Möglichkeit die Leistungsfähigkeit und die Objektivität der Berechnungen zu erhöhen.

Um diese Richtungen zu verwirklichen, muss man die Effizienzkennwert der Ausfuhr zu entwickeln und die Änderungen als eine Funktion zu schreiben:

$$P_j = f(X_1; \dots X_n), \quad (2)$$

wo P_j — der Wert des modernisierten Effizienzkriteriums der Ausfuhr; $X_1 \dots X_n$ — die Gruppe der gesamtwirtschaftlichen Kennwerte.

Die Funktion der Form (2) wird vorgeschlagen, mit der Benutzung der Methodologie der Regressionsanalyse, in ähnlicher Weise der durchgeführten Forschungen des Modelles der Ausfuhrdynamik, zu bauen.

Die Ergebnisse der Berechnungen des Modelles der Form (2) wird vorgeschlagen, «das Modell des Effizienzkriteriums des Exports» zu nennen.

Die Bildung dieses Modelles muss in folgender Reihenfolge durchgeführt werden:

1. In Analogie zur Methodik den Aufbau die Regressionsgleichungen werden für die Dynamik der Ausfuhr folgende Abhängigkeit gebaut:

$$H_j = \Psi_i(X_{i1}^t \dots X_{i5}^t), \quad (3)$$

wo H_j — das Gesamtvolumen der Einfuhr (Deutschland oder Russland) ins untersuchende Land aus dem Einfuhrland in der Zeitspanne t .

Die Gesamtheit diesen gesamtwirtschaftlichen Indikatoren muss dieselbe wählen, die bei der Autorin in ihren Forschungen benutzt wurden [2, 35–40]. Es wurde auch früher vorgeschlagen, die gesamtwirtschaftliche Indikatoren der Einfuhrländer durch die Wachstumskurven repräsentieren. Infolge nimmt diese Funktion folgende Formel:

$X_j^i = f_i(t)$, wo das i — Land, nicht nur das Einfuhrland, sondern auch das Ausfuhrland, beziehungsweise

der entwickelten Länder ist, hat dieselbe Gesamtheit der Wertungen der gesamtwirtschaftlichen Indikatoren.

2. Die Wertungen des Gesamtvolumens der Einfuhr wird ins untersuchende Land als folgendes festgestellt:

$$H_t = \sum H_i^t = \sum_{i=1}^j \Psi_i(f_i^1(t) \dots f_i^5(t)). \quad (4)$$

3. Wenn wir die Wertungen der Einfuhr und der Ausfuhr des untersuchenden Landes in den Bezugszeitraum (t_0) und eine Zeitspanne haben, wo es notwendig ist, die Wertungen des Multieffizienzkriteriums zu beurteilen, kann man folgendes feststellen:

$$K_g(t) = (\Theta_\Sigma^t / \Theta_\Sigma^{t-1}) / (H_\Sigma^t / H_\Sigma^{t-1}), \quad (5)$$

wo Θ_Σ^t und H_Σ^t sind die Funktionen der folgenden Form:

$$\begin{aligned} \Theta_\Sigma^t &= \sum_{i=1}^j f_i(f_i^1(t) \dots f_i^5(t)); \\ H_\Sigma^t &= \sum_{i=1}^j \Psi_i(f_i^1(t) \dots f_i^5(t)). \end{aligned} \quad (6)$$

Man muss bemerken, dass die Funktion im mathematischen Modell des Multieffizienzkriteriums der Ausfuhr (Θ_Σ^t) und die Funktion der Einfuhr (H_Σ^t) in derselben Zeitspanne den Variablensatz ($X_1 \dots X_5$), die mit der Hilfe der Funktionen den Wachstumskurven $f_i^1(t) \dots f_i^5(t)$ berechnet wird. Also, es wird das erforschende Modell des Multieffizienzkriteriums der Ausfuhr (siehe das Formel 5), wo der Wert $K_g(t)$ in der erforschenden Zeitspanne t den Zahlenwert des Multieffizienzkriteriums ist.

Das angebotene von mir Kriterium gibt die Möglichkeit, nicht nur das Effizienz der staatlichen Unterstützung der Ausfuhr zu beweisen, sondern auch die Prognose auf der Basis des Zustandes der Ausfuhrmärkte auch in der Periode der Unstabilität der Weltwirtschaft durchzuführen.

Referenzen:

1. Jakowlewa E. W. Die außenwirtschaftliche Tätigkeit der Firma: Lehrbuch. Omsk: Verlag OmGTU, – 2012 – 190 S.
2. Schapor M. A. Die Methodik der Prognose das Gesamtvolumen der Ausfuhr Deutschlands basierend auf den entwickelten Datenbank den sozial-wirtschaftlichen Zustand der Einfuhrländer // Die Materialsammlung der XXI. Internationalen wissenschaftlich – praktischen Konferenz «Die gegenwärtige Tendenzen in der Wirtschaft und in der Verwaltung: der neue Ansicht», – Novosibirsk: – 2013 – S. 35. – 40. ISBN 978-5-906535-14-6.
3. Schapor M. A. Die Erarbeitung des Effizienzkriteriums des Exports basierend auf der Erfahrung des Statistischen Bundesamtes Deutschlands. // Die Materialsammlung der V. wissenschaftlich – praktischen Konferenz «Die Erreichung der Hochschulwissenschaft», – Novosibirsk: – 2013 – S. 140 – 145. ISBN 978-5-906535-24-5.
4. Bondarenko A. W. Die Bewertung der Effizienzfaktoren der Ausfuhr des Betriebes // Die Materialsammlung der VII. Internationalen wissenschaftlich – praktischen Konferenz „ALLIANZ DER WISSENSCHAFT: SCIENTIST — Wissenschaftler“, – Saratow: Das Saratow Staatsuniversität, – 2012. – S. 12–15.
5. Uljukaew A. W. Die Wirtschaftskrise ist nicht zu Ende. Rosbalt. – [elektronische Ressource]. – Der Zugriffsart: <http://www.rosbalt.ru/business> (Datum: 30.04.2014).
6. Methodik zur Berechnung der deutschen Export-Performance. Auszug aus Wirtschaft und Statistik. Statistisches Bundesamt, – Wiesbaden – 2012.
7. Außenhandel. Gesamtentwicklung des deutschen Außenhandels ab 1950. Statistisches Bundesamt, – Wiesbaden – 2014.

Secyon 15. Science of law

*Aksenova Anna Anatolevna,
Kuban State University,
postgraduate student, the Faculty of Law
E-mail: aksanna09@yandex.ru*

Procedural forma lawyer the person in the room who carried out a search

Abstract: The problem of determining the legal status of the lawyer person in the room who conducted the search. An attempt to give the operations' advocates-that the person in the room who conducted the search, clear procedural form.

Keywords: Lawyer, a person in the room which you are searched, the procedural status, procedural form, participation, presence.

*Аксёнова Анна Анатольевна,
Кубанский государственный университет,
аспирант, юридический факультет
E-mail: aksanna09@yandex.ru*

Процессуальная форма участия адвоката лица, в помещении которого проводится обыск

Аннотация: В статье рассматривается проблема определения правового статуса адвоката лица, в помещении которого проводится обыск. Предпринята попытка придать деятельности адвоката лица, в помещении которого проводится обыск, четкую процессуальную форму.

Ключевые слова: Адвокат, лицо, в помещении которого производится обыск, процессуальный статус, процессуальная форма, участие, присутствие.

Одним из элементов назначения уголовного судопроизводства, предусмотренном в ст. 6 УПК РФ является защита личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод, то есть защита прав любого вовлеченного в сферу уголовного процесса лица, будь то обвиняемый (подозреваемый и др.), потерпевший (гражданский истец, частный обвинитель и др.), свидетель (понятой, специалист и т. п.) или лицо, в помещении которого производится обыск. Примечательно, что в действующем УПК РФ, лицо, в помещении которого производится обыск, за исключением случаев, когда указанное лицо уже является подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим или свидетелем по уголовному делу, не отнесено ни к одной из групп участников уголовного судопроизводства. Несмотря на это, лицо, в помещении которого проводится обыск, называется участником уголовного судопроизводства и

наделается некоторыми процессуальными правами. Объективно процессуальные права обусловлены тем, что лицо, в помещении которого производится обыск, претерпевает существенные ограничения его конституционных прав (например, право на неприкосновенность жилища), могут быть затронуты его законные интересы. Отметим, что решение законодателя предоставить указанному лицу отдельные процессуальные права продиктовано именно назначением уголовного судопроизводства. Стоит лишь приветствовать данное направление обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. Однако ряд обстоятельств позволяет усомниться в эффективности всего механизма обеспечения прав и законных интересов указанного лица. Обратимся к одному из наиболее важных как представляется, прав, предоставленных лицу, в помещении которого производится обыск, праву приглашения адвоката.

Адвокат, являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам [1] оказывая юридическую помощь лицу, в помещении которого производится обыск, также вовлекается в процесс уголовного судопроизводства и становится его участником. Законодательно правовой статус адвоката лица, в помещении которого проводится обыск, на сегодняшний день не определен. Действующий УПК РФ относит лиц, оказывающих юридическую помощь по уголовному делу, к той или иной группе участников уголовного судопроизводства в зависимости от функции стороны, интересы которой они представляют. Так, защитник подозреваемого, обвиняемого, подсудимого является участником уголовного судопроизводства со стороны защиты, а представитель потерпевшего — участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Возвращаясь к нашему вопросу логично отнести адвоката лица, в помещении которого производится обыск к иным участникам уголовного судопроизводства.

Ч. 11 ст. 182 УПК РФ предусматривает, что при производстве обыска участвуют лицо, в помещении которого производится обыск, либо совершеннолетние члены его семьи, а также вправе присутствовать адвокат того лица, в помещении которого производится обыск. Буквальное толкование этой нормы позволяет сделать вывод: во-первых, оказывать юридическую помощь лицу, в помещении которого производится обыск, вправе только гражданин, получивший в установленном ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» **статус адвоката**; во-вторых, при проведении вышеуказанного следственного действия лицо, в помещении которого проводится обыск, либо совершеннолетние члены его семьи **участвуют**, а адвокат **присутствует**.

Разберемся со значением этих терминов. Участие — совместная с другими деятельность [2, 541], то есть активная форма действий. Термин присутствие означает — быть, находиться, быть свидетелем чего-то [3, 1173], то есть предполагает пассивное поведение. Так какая из указанных форм деятельности присуща адвокату лица, в помещении которого проводится обыск?

В соответствии с п. а ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами. Это положение развивает ст. 8 Кодекса профессиональной деятельности адвоката, указывая

на обязанность адвоката активно защищать права, свободы и интересы доверителей. Нарушение указанных требований влечет применение мер дисциплинарной ответственности.

Таким образом, несмотря на то, что действующее законодательство в области адвокатуры требует активной деятельности (участия), буквальное прочтение ст. 182 УПК РФ предусматривает пассивное поведение адвоката при оказании юридической помощи лицу, в помещении которого проводится обыск.

В ходе обыска или непосредственно после его окончания в соответствии со ст. 166 УПК РФ составляется протокол, в котором, помимо фиксации хода и результатов следственного действия указываются **участвовавшие** лица, отражаются их заявления и замечания о дополнении и уточнении протокола. Протокол подписывается следователем и лицами, **участвовавшими** в следственном действии и содержит запись о разъяснении **участникам** следственных действий их прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия, которая удостоверяется подписями **участников** следственных действий. Получается, исходя из буквального толкования норм действующего УПК РФ адвокат лица, в помещении которого проводится обыск, формально присутствует при проведении указанного следственного действия, но не указывается в протоколе обыска и не подписывает его, не вправе делать заявления, замечания о дополнении и уточнении протокола и не вправе его обжаловать, так как формально не является его участником. Роль адвоката при таком проведении обыска теряется, а конституционный принцип на получение квалифицированной юридической помощи лица, в помещении которого проводится обыск, остается нереализованным. На практике, такой протокол и результаты, полученные в ходе обыска, будут признаны недопустимыми.

Думается, что законодатель, формулируя ст. 182 УПК РФ, не разграничил понятия «присутствие» и «участие», в связи с чем, ч. 11 ст. 182 УПК РФ необходимо изменить, включив защитника и адвоката в круг лиц, **участвующих** в проведении обыска.

Очевидно, что адвокат лица, в помещении которого проводится обыск, как полноправный участник указанного следственного действия может решить поставленную перед ним задачу исключительно посредством активного, а также инициативного использования предоставленных ему прав и обязанностей. Свою деятельность он осуществляет в процессуальной форме, регулирование которой в

действующем уголовно-процессуальном законе выглядит не вполне четким.

Приглашение адвоката для участия в ходе обыска не входит в перечень случаев обязательного участия защитника по уголовному делу, перечисленных в ст. 51 УПК РФ и производится самим лицом, в помещении которого проводится обыск. Возникает закономерный вопрос, в какой момент и в какой форме происходит такое приглашение? Очевидно, когда лицу стало известно о проведении в его помещении обыска. Ч. 4 ст. 182 УПК РФ предусматривает, что до начала обыска следователь предъявляет основания для его производства, то есть право пригласить адвоката возникает у лица, в помещении которого производится обыск, с момента ознакомления с постановлением следователя или суда. С учетом безотлагательности проведения следственного действия, по нашему мнению, приглашение адвоката должно производиться в форме извещения посредством современных средств связи. Следователь, в свою очередь обязан предоставить разумный срок, обеспечивающий явку адвоката до начала производства обыска. При этом до начала производства следственного действия следователю уместно использовать право, предоставленное ему ч. 8 ст. 182 УПК РФ, а именно запретить лицам, присутствующим в месте проведения обыска общаться друг с другом, а также покидать место обыска до окончания проведения следственного действия.

Явившись к месту производства обыска, следуя положениям ч. 2 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокат обязан **представить ордер** на исполнение поручения и предъявить удостоверение. Вопросов не возникает, когда юридическая помощь оказывается в рамках заключенного ранее соглашения об оказании юридической помощи. Но как действовать, если такого соглашения не заключено, а имеются только соответствующие намерения. Логично предположить, что заключение соглашения в таком случае должно производиться в условиях конфиденциальности, которые должен обеспечить следователь, предварительно убедившись, в том, что лицо, желающее заключить соглашение, не имеет при себе орудий преступления, предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела и которые могут быть переданы адвокату.

После предъявления ордера на исполнение поручения адвокат вправе ознакомиться с документом, являющимся основанием для производства обыска. Ч. 4 ст. 182 УПК РФ устанавливает обязанность следователя предъявить постановление о производстве

обыска до начала его производства. Однако круг лиц, кто вправе ознакомиться с указанным документом, законодателем не определен. Представляется, что таким правом обладают все участники следственного действия, включая адвоката.

Предъявление для ознакомления заинтересованным лицам основания производства обыска **до начала** его производства легко объяснить, однако как быть, если адвокат, по согласованию со следователем и своим доверителем, явился к месту производства обыска с опозданием? Получается, в таком случае он лишается права на ознакомление с постановлением, что недопустимо. В этой связи представляется необходимым внести изменения в ч. 4 ст. 182 УПК РФ, разрешающие адвокату знакомиться с документом, на основании которого производится обыск в любой момент следственного действия.

Адвокат лица, в помещении которого проводится обыск, как участник данного следственного действия, должен быть официально наделен правами:

- видеть изъятые предметы, документы и ценности (ч. 10 ст. 182 УПК РФ);
- делать заявления, которые излагаются в протоколе обыска (ч. 4 ст. 166 УПК РФ);
- знакомиться с протоколом обыска, делать замечания, удостоверенные подписью, о его уточнении и дополнении и подписывать сам протокол следственного действия.

Но помимо прав, адвокат лица, в помещении которого проводится обыск, должен и нести обязанности, как например, подчиниться законным распоряжениям следователя. Так, ч. 8 ст. 182 УПК РФ говорит о праве следователя запретить лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, покидать его, а также общаться друг с другом или иными лицами до окончания обыска. Однако стоит заметить, что в случае, если защитник посчитает распоряжения следователя незаконными, он должен подчиниться, но сделать об этом заявление в протоколе обыска. Указанное заявление впоследствии может повлиять на допустимость доказательств, полученных в ходе такого обыска.

Кроме того, на основании ч. 1 ст. 123 УПК РФ действия следователя могут быть обжалованы прокурору, руководителю следственного органа либо в суд.

Сформулируем основные выводы:

1. Роль адвоката лица, в помещении которого проводится обыск, не должна сводиться к «присутствию» при проведении обыска. Адвокат лица, в помещении которого проводится обыск, должен рассматриваться как **участник** уголовного судопроизводства.

2. Законодательно следует закрепить процессуальный статус адвоката лица, в помещении которого проводится обыск, путем внесения дополнений в гл. 8 УПК РФ — иные частники уголовного судопроизводства.

3. Для уточнения процессуальной формы деятельности адвоката лица, в помещении которого проводится обыск, предлагаем предоставить ему следующие права:

- видеть изъятые предметы, документы и ценности (ч. 10 ст. 182 УПК РФ);
- делать заявления, которые излагаются в протоколе обыска (ч. 4 ст. 166 УПК РФ);

– знакомиться с протоколом обыска, делать замечания, удостоверенные подписью, о его уточнении и дополнении и подписывать сам протокол следственного действия;

– подавать жалобы на действия, решения и бездействие следователя, дознавателя, иных должностных лиц, участвующих в обыске в порядке предусмотренном гл. 16 УПК РФ.

Адвокат лица, в помещении которого проводится обыск, должен нести обязанности — подчиняться законным распоряжениям следователя.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.
2. Малый академический словарь / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, – 1981–1984. – Т. 4.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. / Под ред. А. И. Бодуэна Куртене. – Издательство: Товарищество М. О. Вольфа. – СПб. – М. – 1903–1909. – Т. 3.

*Borozenets Nikolay Nikolaevich,
Kuban State University, PhD student, Faculty of Law
E-mail: prok-n@mail.ru*

Powers of the prosecutor at a resolution of reports of crimes

Abstract: This article examines the dynamics of the procedural provisions and the procedural status of the prosecutor at decision stage in a criminal case. The author's vision of further improving the power of the prosecutor.

Keywords: Attorney, authority, a criminal case, the refusal to institute criminal proceedings.

*Борозенец Николай Николаевич,
Кубанский государственный университет,
аспирант, юридический факультет
E-mail: prok-n@mail.ru*

Полномочия прокурора при разрешении сообщений о преступлении

Аннотация: в статье рассматривается динамика развития процессуального положения и процессуального статуса прокурора на этапе принятия решения в стадии возбуждения уголовного дела. Предлагается авторское видение перспектив дальнейшего совершенствования полномочий прокурора.

Ключевые слова: прокурор, полномочия, возбуждение уголовного дела, отказ в возбуждении уголовного дела.

Разрешение сообщений о преступлении представляет собой заключительный этап стадии возбуждения уголовного дела. В его рамках, как установлено ст. 145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), уполномоченное должностное лицо принимает решение о возбуждении уголовного дела, об отказе в таковом либо о направлении

материалов проверки сообщения о преступлении по подследственности. Решение вопроса о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела весьма существенно затрагивает права граждан и юридических лиц. Возбуждение уголовного дела означает, что в процессуальную деятельность будут вовлекаться многие участники с неизбежным ограничением их прав

и свобод. Отказ в возбуждении уголовного дела препятствует реализации права на доступ к правосудию в форме уголовного судопроизводства.

Таким образом, любое из решений, чтобы удовлетворять законным интересам и потребностям граждан, общества и государства должно приниматься в строгом соответствии с установленными законом правилами. Для неуклонного их соблюдения УПК РФ предусматривает несколько вариантов контроля, как за процессом получения сведений, используемых в качестве фактических оснований при принятии решения, так и за формой и содержанием самого решения. Одним из таких средств выступает процессуальная деятельность прокурора. Прокурор наделен совокупностью специальных полномочий для выполнения функции надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и следствия.

Следует отметить, что совокупность полномочий прокурора на этапе принятия решения в стадии возбуждения уголовного дела является достаточно динамичной, «подвижной». Законодатель пытается оптимизировать участие прокурора в уголовном судопроизводстве, вследствие чего полномочия прокурора подвержены довольно частым изменениям.

Если основываться на первоначальной редакции УПК РФ 2001 года, то прокурор в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ имел право возбуждать уголовные дела, поручать его расследование дознавателю, следователю, нижестоящему прокурору либо принимать его к своему производству. Как предусматривалось п. 4 той же статьи УПК РФ, прокурор был уполномочен давать согласие следователю, дознавателю на возбуждение уголовного дела. П. 10 определял право прокурора отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего прокурора, следователя, дознавателя. В соответствии с положениями ст. 145 УПК РФ в первоначальной редакции прокурор был вправе принимать любое решение при наличии к тому достаточных оснований:

- о возбуждении уголовного дела;
- об отказе в возбуждении уголовного дела;
- о передаче сообщения по подсудности.

Федеральным законом РФ от 5 июня 2007 года [1] существенным образом были изменены полномочия прокурора, непосредственно затронувшие и его деятельность на этапе разрешения сообщения о преступлении. В результате внесенных изменений прокурор утратил право непосредственно принимать решение о возбуждении уголовного дела, давать согласие дознавателю, следователю на решение о возбуждении

уголовного дела, а также полномочие отменять как незаконные или необоснованные процессуальные решения следователя. Тем не менее, несмотря на указанные сокращения и изменения отдельных полномочий, прокурор остался активной процессуальной фигурой стадии возбуждения уголовного дела. Следователь и дознаватель обязаны направлять прокурору копии постановления о возбуждении уголовного дела. Как предусмотрено ч. 4 ст. 146 УПК РФ прокурор в течение 24 часов с момента получения материалов уполномочен отменить постановление о возбуждении уголовного дела своим постановлением. В соответствии с ч. 6 ст. 148 УПК РФ прокурор, признав отказ в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, выносит мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов руководителю следственного органа для решения вопроса об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Признав незаконным или необоснованным отказ в возбуждении уголовного дела дознавателя, прокурор самостоятельно отменяет его и направляет соответствующее постановление начальнику органа дознания со своими указаниями.

Позволим себе обратить внимание на не вполне, как представляется, корректное формулирование содержания процессуального полномочия прокурора, предусмотренного ч. 4 ст. 146 УПК РФ в редакции указанного федерального закона. Речь идет о том, что в случае, если прокурор признает постановление о возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, он *вправе* в срок не позднее 24 часов с момента получения материалов отменить это постановление. Полагаем, что если прокурор признает указанное решение незаконным или необоснованным он должен быть *обязан* отменить его. Предоставление прокурору права, а не наделение его обязанностью в указанном вопросе, как представляется, не соответствует ни контексту нормативного регулирования, ни характеру компетенции прокурора как органа надзора.

В соответствии с положениями Федеральным законом от 2 декабря 2008 года № 226-ФЗ [2] решения о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела наряду со следователем, дознавателем, органом дознания могут быть приняты руководителем следственного органа. В отношении процессуальных решений этого должностного лица действует тот же режим проверки со стороны прокурора, что и в отношении решений иных должностных лиц. Признав отказ руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела

незаконным или необоснованным, прокурор выносит мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов руководителю следственного органа для решения вопроса об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Если же прокурор установит, что незаконным является постановление об отказе в возбуждении уголовного дела органа дознания или дознавателя, то прокурор самостоятельно отменяет эти решения и направляет должностным лицам постановление со своими указаниями, устанавливая срок для их исполнения

Очередные изменения в механизм реализации полномочия прокурора об отмене незаконного или необоснованного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, предусмотренный ч. 6 ст. 148 УПК РФ, были внесены Федеральным законом от 28 декабря 2010 года № 404-ФЗ [3]. В соответствии с этими изменениями прокурор не позднее 5 суток с момента получения материалов проверки сообщения о преступлении, отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенное руководителем следственного органа, следователем, если признает это решение незаконным или необоснованным. Этим же законом ч. 2 ст. 37 УПК РФ была дополнена новым п. 5.1, в соответствии с которым прокурор вправе истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с УПК РФ.

Существенным обстоятельством следует считать предусмотренное ч. 1.1 ст. 148 УПК РФ правило о том, что решение об отказе в возбуждении уголовного дела по материалам, направленным прокурором в орган предварительного следствия для принятия решения об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства, может быть принято только с согласия руководителя следственного органа.

Указанным федеральным законом прокурор наделен полномочием передавать материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому (за исключением передачи этих материалов в системе одного органа предварительного расследования), изымать материалы проверки у органа предварительного расследования исполнительной власти и передавать их следователю Следственного комитета РФ.

Подытоживая проведенное обобщение изменений процессуальных полномочий прокурора и

механизма их осуществления в российском уголовно-процессуальном законе, отметим, что в настоящее время прокурор располагает следующими процессуальными полномочиями на этапе разрешения сообщения о преступлении:

- проверяет исполнение требований федерального законодательства при разрешении сообщений о преступлении;
- получает копии постановлений о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела;
- истребует и проверяет законность и обоснованность решений следователя и руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела;
- выносит мотивированное постановление о направлении материалов руководителю следственного органа для решения вопроса об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела;
- отменяет постановление дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела и направляет собственное постановление начальнику органа дознания со своими указаниями;
- отменяет незаконные и необоснованные постановления дознавателя.

Предпринимаются шаги по расширению полномочий прокурора на указанном этапе уголовного судопроизводства. Существует несколько законопроектов, которые представлены в законодательные органы. Остановимся на некоторых. Так, Госсовет Татарстана в 2012 г. обратился с законодательным предложением восстановить существовавшие ранее полномочия прокурора по возбуждению уголовного дела и направлению его для расследования в уполномоченный орган. В качестве аргументов в поддержку внесенного предложения, авторы законопроекта указывали, что «это послужит определенной гарантией необходимого реагирования в случаях вынесения незаконных и необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, а также в случаях, когда в результате проверки исполнения законов, выявлены нарушения, имеющие признаки состава преступления» [4]. Однако законопроект не нашел поддержки в Правительстве РФ.

В интервью Генерального прокурора РФ Ю. Чайки газете «Коммерсант» глава данного ведомства с сожалением высказался о негативной оценке данного законопроекта: «Можно только сожалеть, что этот законопроект не нашел поддержки в правительстве. Для нас необходимость внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство

очевидна. Принятые в 2007 году поправки в УПК и закон о прокуратуре существенно сократили полномочия прокуроров по надзору за следствием. В результате прокурор оказался лишен ряда надзорных полномочий, ... Отсутствие у прокурора таких полномочий (на возбуждение уголовного дела. — Н. Б.) не способствует укреплению законности и не отвечает принципам международного права. Достаточно сказать, что в рекомендации комитета министров Совета Европы 2000 года «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» указывается, что прокуроры не только поддерживают обвинение в суде, но и во всех системах уголовного правосудия решают вопрос о возбуждении или продолжении уголовного преследования» [5].

Еще один законопроект с аналогичными законодательными предложениями внесен Председателем Комитета Совета Федерации по правовым и судебным вопросам А. Лысковым. В законопроекте, в частности, предлагается наделить прокуроров правом возбуждать и расследовать уголовные дела в отношении следователей и руководителей следственных органов Следственного комитета РФ [6].

В пояснительной записке к законопроекту отмечается, что проведенный в Совете Федерации мониторинг подтвердил необходимость возврата прокурору «полномочий возбуждать уголовное дело в случаях отмены незаконных и необоснованных постановлений следователя (дознателя) об отказе в возбуждении уголовного дела, а также по результатам проверки исполнения законов, когда прокурором выявляются нарушения, имеющие признаки состава преступления». Кроме того, автор документа «для обеспечения системы сдержек и противовесов» предлагает предоставить прокурору право проводить проверку сообщений о преступлениях, совершенных следователями и руководителями следственных органов Следственного комитета России, а также возбуждать и расследовать уголовные дела в отношении указанных должностных лиц [7].

Одновременно с мерами по укреплению процессуального положения прокурора в части разрешения сообщений о преступлениях наблюдается и иная тенденция, связанная с упрочением правового статуса дознавателя в части обеспечения его права отстаивать процессуальные решения по уголовному делу, принятые в ходе досудебного производства. В УПК РФ предлагается закрепить полномочие дознавателя с согласия начальника органа дознания обжаловать некоторые решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом или обвинительным

постановлением. В число таких решений могут войти решения:

— о возвращении уголовного дела дознавателю для производства дополнительного дознания, пересоставления обвинительного акта или обвинительного постановления;

— о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке. Кроме того, обжалование решения прокурора будет приостанавливать его исполнение [8].

Имеющиеся предложения по расширению полномочий прокурора на этапе разрешения сообщений о преступлении в определенной части заслуживают внимания. Полагаем, что позиция о наделении прокурора полномочиями по возбуждению любых категорий уголовных дел подлежит корректировке. На наш взгляд, такое полномочие не способно привести к радикальному улучшению ситуации в обеспечении законности процессуальных решений, а также по соблюдению прав и законных интересов граждан и иных участников уголовного судопроизводства. Во-первых, такое полномочие потребует введения сопутствующих процессуальных механизмов: права прокурора проводить проверку сообщений о преступлении, участвовать и производить следственные действия вызывать и опрашивать граждан и т. д. Это означает отвлечение прокурора от основной — надзорной функции в уголовном судопроизводстве. Во-вторых, возникает проблема контроля за законностью решений прокурора, поскольку нельзя исключать возможность ошибочного принятия им процессуального решения. Понадобится создание дополнительных процессуальных «инструментов», их систематизация с имеющимися уголовно-процессуальными институтами и решение иных прикладных вопросов.

На наш взгляд, оптимальным было бы решение о предоставлении прокурору права возбуждать уголовные дела в отношении специальных субъектов, перечень которых указан в гл. 52 УПК РФ, в том числе и следователей следственных подразделений СК РФ и иных ведомств. Такое полномочие способно:

– обеспечить объективность возбуждения уголовного дела в отношении должностных лиц;

– создать необходимые гарантии законности их привлечения к уголовной ответственности.

Достаточно простым видится и механизм реализации этого полномочия: сообщения о преступлениях специальных субъектов должны поступать на рассмотрение прокурора. Прокурор поручает их проверку органу предварительного расследования,

затем получает материалы проверки сообщения о преступлении и принимает по нему процессуальное решение в порядке, предусмотренном УПК РФ.

Что касается расширения полномочий дознавателя в части отстаивания своей позиции, противоречащей позиции прокурора, то полагаем, такое предложение не вполне уместным. Принятие указанного предложения приведет к еще большему сближению процессуального статуса дознавателя и следователя, что, в целом, будет выступать одним из объективных оснований для отказа от дознания, как формы предварительного расследования. Кроме того, нельзя не признавать очевидности затягивания процесса разрешения сообщения о преступлении, особенно, если установить правило о том, что обжалование дознавателем указаний прокурора ведет к приостановлению их исполнения.

Подводя итог, сформулируем основные выводы:

1) изменение процессуальных полномочий прокурора при разрешении сообщений о преступлении имеет конструктивный характер и направлено к

усилению его правообеспечительной функции в уголовном судопроизводстве;

2) прокурор сохраняет возможность активного и непосредственного влияния на законность и обоснованность решений, принимаемых руководителем следственного органа, следователем, органом дознания, дознавателем в результате проверки сообщений о преступлении;

3) наблюдается тенденция расширения процессуальных полномочий прокурора на указанном этапе уголовно-процессуальной деятельности. Вместе с тем идет процесс укрепления процессуального положения дознавателя в части отстаивания им своей процессуальной позиции в случае ее противоречия позиции прокурора, который следует оценить как негативный;

4) целесообразно наделить прокурора дополнительными полномочиями по разрешению сообщений о преступлениях специальных субъектов, указанных в гл. 52 УПК РФ, предоставив прокурору право возбуждать соответствующие уголовные дела.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 24. – Ст. 2830.
2. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 49. – Ст. 5724.
3. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 16.
4. Госсовет Татарстана предложил Госдуме законопроект о расширении полномочий прокуратуры. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.qwas.ru/russia/edinros/Gossovets-Tatarstana-predlozhit-Gosdume-zakonoproekt-o-rasshirenii-polnomochii-prokuratury/>. 1 июня 2012.
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/genprokuror/interview/document-76585/>
6. Проект № 644381–5 федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». – СПС «КонсультантПлюс».
7. СПС «КонсультантПлюс».
8. Законопроект № 555400–6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части наделения дознавателя правом обжалования некоторых решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом или обвинительным постановлением» 26.06.2014 зарегистрирован и направлен Председателю ГД // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru/>

*Grabar Oleg Vladimirovich,
Kuban State University, PhD student, Faculty of Law
E-mail: nnn.grabar@gmail.com*

Justice procedural decisions in criminal proceedings

Abstract: The article considers the problem of securing regulatory requirements of procedural decisions in criminal proceedings. Focuses on the lack of fairness in the number of requirements on the part of the criminal

procedure law, to all kinds of procedural decisions. Formulate proposals for amendments of the criminal procedure law relevant regulations.

Keywords: criminal proceedings, claims, procedural decisions, fairness, justice.

*Грабар Олег Владимирович,
Кубанский государственный университет,
аспирант, юридический факультет
E-mail: nnn.grabar@gmail.com*

Справедливость процессуальных решений в уголовном судопроизводстве

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы нормативного закрепления требований к процессуальным решениям в уголовном судопроизводстве. Акцентируется внимание на отсутствие справедливости в числе требований, предъявляемых со стороны уголовно-процессуального закона, ко всем видам процессуальных решений. Формулируются предложения по дополнению уголовно-процессуального закона соответствующими правилами.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, требования, процессуальные решения, справедливость, законность.

В науке уголовного процесса решениям уделяется достаточно много внимания. Этой теме посвящали свои работы известные ученые-процессуалисты [1]. Современное состояние этого вопроса также характеризуется достаточной активностью ученых в исследованиях различных аспектов процессуальных решений [2]. В то же время относительно немного уделяется внимания таким вопросам как требования, предъявляемые уголовно-процессуальным законом к процессуальным решениям. Эти требования составляют основу формирования процессуального решения и относятся как к их форме, так и к содержанию. Сами требования представляют собой нормативно закрепленные правила, имеющие различную степень детализации, отличающиеся по правовому содержанию, сущности и другим признакам. Действующий уголовно-процессуальный закон установил несколько требований, в отношении процессуальных решений.

В теории уголовного процесса точки зрения относительно сущности требований, предъявляемых к процессуальным решениям отличаются существенным разнообразием. А. М. Баранов, в частности, отмечает, что «законность следует рассматривать как политико-правовой режим государства, объективным основанием которого выступает совокупность средств принуждения и убеждения, обеспечивающих необходимое отношение (правосознание) общества и личности к действующему законодательству, уважение к праву, выраженному в законах, верховенство закона, соблюдение всеми субъектами права, его понимание и толкование на основе складывающихся

общественных отношений в конкретный период развития государства. ... Справедливость в уголовном судопроизводстве предполагает установление законодателем цели достижения объективной истины в ходе судопроизводства и единый порядок производства по отношению к участникам уголовного процесса, занимающих одинаковый статус, независимо от их должностного и социального положения» [3, 13].

О. В. Гладышева пишет: «Справедливость является показателем «пригодности уголовного судопроизводства как правового средства разрешения уголовных конфликтов, обладающих особой остротой» [4, 55]. Т. К. Рябинина считает справедливость принципом уголовного судопроизводства [5, 45].

Нельзя не отметить и то обстоятельство, что суд призван гарантировать справедливость наряду с законностью [6, 6]. Имеются и другие, весьма многочисленные позиции по вопросам о требованиях, предъявляемых к процессуальным решениям в уголовном судопроизводстве, их сущности, нормативном содержании и правовом значении.

Полученные в науке результаты позволяют сформировать базу для дальнейших исследований в этом направлении, поскольку, даже основываясь на приведенных выше позициях, можно заключить, что большинство проблем, касающихся требований, предъявляемых к процессуальным решениям в уголовном судопроизводстве, далеки от разрешения.

Прежде всего, отметим, что в одной статье невозможно не только раскрыть, но даже и назвать все проблемы, которые существуют в этой области. Поэтому обратимся лишь к отдельным, наиболее существенным,

на наш взгляд, трудностям. Уголовное судопроизводство имеет весьма строгое нормативное регулирование. Выполнение установленных уголовно-процессуальным законом предписаний является обязательным условием законности производства по уголовным делам. Поэтому полагаем обоснованным рассматривать в качестве первоочередной проблему нормативного закрепления и выражения сущности требований, предъявляемых к процессуальным решениям.

В соответствии со ст. 7 УПК РФ определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя и дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Статья 297 УПК РФ установила, что приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. В приведенных статьях уголовно-процессуального закона очевидна разница не только в перечне требований, но и в видах процессуальных решений. Получается, что к различным видам процессуальных решений уголовно-процессуальный закон предъявляет различные как по содержанию, так и по совокупности, требования. Как отмечается «... процессуальное решение — категория достаточно широкая. Формами ее выражения являются постановления, определения, приговор, вердикт присяжных заседателей. Однако содержание уголовно-процессуального закона позволяет сделать и другой вывод, а именно, что эти формы не исчерпывают всех возможных видов решений, которые могут быть приняты при производстве по уголовному делу. Этот вывод не противоречит содержанию п. 33 ст. 5 УПК РФ, так как в нем речь идет не о форме решения, а о порядке его принятия» [8, 37–41]. Разделяя высказанную позицию, сформулируем проблему: в уголовно-процессуальной деятельности могут существовать и иные по форме решения, которые не указаны в приведенных статьях уголовно-процессуального закона с нормативно не урегулированным кругом требований. В качестве таких процессуальных решений могут выступать обвинительные заключения, обвинительные акты, обвинительные постановления.

Одним из способов установить действительный перечень требований, предъявляемых к процессуальным решениям, выступает анализ способов контроля за качествами процессуальных решений.

Как указано в ч. 3 ст. 125 УПК РФ судья проверяет законность и обоснованность процессуальных решений дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора. При этом законодатель из числа требований, перечисленных в ст. 7 УПК РФ, исключил мотивированность. Попутно отметим, что

перечень должностных лиц, предусмотренный ст. 7 и ч. 3 ст. 125 УПК РФ также отличается. Этот вопрос не является предметом данного исследования. Однако считаем, что единообразие правового регулирования одного и того же вопроса является условием эффективности правоприменения. Поэтому круг должностных лиц в указанных случаях должен быть одинаковым.

Помимо указанных обстоятельств, следует остановиться на вопросах распространения отдельных требований на виды процессуальных решений. С этой точки зрения особый интерес представляет справедливость.

В соответствии с положениями УПК РФ справедливость применяется только к одному решению — приговору суда. В то же время правовая позиция Конституционного Суда РФ прямо закрепляет, что «правосудие по своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости ...» [8]. Правосудие — категория, имеющая достаточно много аспектов своего содержания: от организационного, до функционального. Однако структура уголовного судопроизводства такова, что определение правосудия только как деятельности суда по постановлению и провозглашению приговора следует рассматривать как не вполне корректное. Аргументом в поддержку этого тезиса может рассматриваться и содержание уголовного закона. Например, в соответствии с гл. 31 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) преступления против правосудия охватывают, в том числе и преступления против установленного порядка производства в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Таким образом, правосудие в уголовном судопроизводстве официально признается не только как деятельность суда, но и органов, осуществляющих досудебное производство.

Рассматривая правосудие в таком контексте логично сделать следующие выводы:

- 1) правосудие охватывает досудебные и судебные стадии уголовного судопроизводства;
- 2) требование справедливости подлежит распространению на форму и содержание всех процессуальных действий и решений в уголовном судопроизводстве;
- 3) формального закрепления в статьях уголовно-процессуального закона требование справедливости не имеет.

Именно отсутствие возможности распространить требование справедливости на иные, кроме приговора суда, процессуальные решения, на наш

взгляд, представляет основную проблему, как теоретического, так и практического характера.

С точки зрения теории представляется важным обоснование концепции справедливого уголовного процесса, основным элементом которой выступает именно справедливость всех процессуальных решений. Практически весьма существенным является установление и поддержание такого порядка производства по уголовным делам, при котором правоприменитель обязан действовать по справедливости. В этом вопросе основными факторами являются нормативные положения, обязывающие правоприменителя придерживаться определенного порядка производства по уголовным делам, включая и эффективные средства процессуального и судебного контроля за их выполнением.

С нашей точки зрения первым шагом в решении указанных проблем является официальное (нормативное) признание справедливости принципом уголовного судопроизводства. Для этого существуют все необходимые объективные основания, в том числе:

- положения международных правовых актов [9];
- правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации;

– закрепление справедливости в качестве принципа в смежных правовых отраслях (УК РФ).

Подводя итог, сформулируем основные выводы:

1) существуют объективные теоретические, правовые и практические предпосылки для признания справедливости принципом российского уголовного судопроизводства и его нормативного закрепления в УПК РФ;

2) предлагаем дополнить УПК Российской Федерации новой статьей 6.2:

«Статья 6.2. Справедливость уголовного судопроизводства

1. Уголовное судопроизводство осуществляется на началах справедливости.

2. Форма производства по уголовным делам, длительность производства должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления.

3. Процессуальные решения, принимаемые в ходе уголовного судопроизводства должны отвечать требованию справедливости»;

3) требование справедливости подлежит распространению на все процессуальные решения в уголовном судопроизводстве.

Список литературы:

1. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, – 2010.
2. Жданова Я. В. Проблемы вероятного и достоверного в уголовно-процессуальном доказывании и их влияние на принятие отдельных процессуальных решений следователем: дис. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, – 2004; Киселев С. В. Источники судебного решения в аспекте судебной реформы // Российское правосудие. – 2010. – № 12; Леонов С. Г. Процессуальные решения как юридические факты в досудебном производстве российского уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, – 2011; Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе. автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., – 2014 и др.
3. Баранов А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... д-ра юрид. наук. – Омск, – 2006. – с. 13.
4. Гладышева О. В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве. – Краснодар, – 2008. – с. 55.
5. Рябинина Т. К. Нравственные начала уголовного судопроизводства: учеб. пособие. – Курск, – 2007. – с. 45.
6. Концепция судебно-правовой реформы в Российской Федерации: сост. С. А. Пашин. – М., – 1992. – с. 6.
7. Гладышева О. В. Уголовно-процессуальные решения: проблемы определения // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 3. – с. 37–41.
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П г. Санкт-Петербург «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» / Рос. газ.
9. Международный Пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 // Международные акты по вопросам уголовного судопроизводства. В 3 т. – Уфа, – 2007. – Т. 1; Всеобщая декларация прав и свобод человека от 10 декабря 1948 г. // Международные акты по вопросам уголовного судопроизводства. В 3 т. – Уфа, – 2007. – Т. 1.

*Mammadli Sabina Hamid kizi,
Lecturer, Department of Civil Procedure and
Commercial Law at Baku State University
E-mail: shahlats@mail.ru*

Protection of human rights and freedoms in the civil procedural law of the Azerbaijan Republic

Abstract: The article researches the constitutional foundation of the protection of human rights in civil procedural law. Based on the court statistics over civil law cases, the author comes to the conclusion that annual growth in civil actions indicates increase of the role of judicial protection of individuals' rights and freedoms.

Keywords: human rights, civil procedure, civil law case, the court, justice, judicial protection, proceedings, claim.

*Маммедли Сабина Гамид кызы,
преподаватель кафедры Гражданского процесса и коммерческого права
Бакинского Государственного Университета
E-mail: shahlats@mail.ru*

О защите прав и свобод человека в гражданском процессуальном праве Азербайджанской Республики

Аннотация: В статье рассмотрены конституционные основания защиты прав человека в гражданском судопроизводстве. Основываясь на данных судебной статистики по рассмотрению гражданских дел, автор приходит к выводу, что ежегодное увеличение числа исков по гражданским делам свидетельствует о возрастании роли судебной защиты прав и свобод личности.

Ключевые слова: права человека, гражданский процесс, гражданские дела, суд, правосудие, судебная защита, судопроизводство, иск.

В ст. 12 Конституции Азербайджанской Республики 1995 г. высшей целью государства провозглашается обеспечение прав и свобод человека и гражданина [1]. Средства и способы защиты прав и свобод человека многообразны. Но именно судебная защита выступает главным механизмом правовой защиты личности [7, 212].

В соответствии со ст. 4 Гражданского Процессуального Кодекса Азербайджанской Республики 1999 г., каждый человек вправе в порядке, установленном законом, использовать судебную защиту в целях охраны и обеспечения своих прав и свобод [2]. О повышении роли судебной защиты прав человека в гражданском судопроизводстве лучше всего свидетельствует факт возрастания количества гражданских дел в судах Азербайджанской Республики. Как показывает судебная статистика, судами с каждым годом рассматривается все большее число гражданских дел. При этом обращения граждан в суд за защитой своих прав и свобод в городах значительно выше, чем в районах страны, что объясняется традиционной гражданской и политической активностью городского населения. Количественное увеличение гражданских дел в судах Азербайджанской Республики обусловлено также

качественными изменениями, который нашли свое отражение в обновленной после обретения независимости законодательной базе государства: Конституции (1995 г.), Гражданском (1999 г.) и Гражданско-Процессуальном (1999 г.) Кодексах Азербайджанской Республики, основанных на международных стандартах защиты прав и свобод человека.

На наш взгляд, наиболее важным в сфере судебной защиты прав и свобод человека является то, что на законодательном уровне сняты какие-либо ограничения права каждого обратиться за судебной защитой, и судебная практика к настоящему времени в целом полностью ориентирована на безусловное выполнение требований по защите нарушенных конституционных прав и свобод. Это положение нашло свое закрепление в ст. 60 Конституции Азербайджанской Республики: государство гарантирует судебную защиту прав и свобод человека и гражданина. Так, «каждый может обжаловать в суд решения и действия (или бездействие) государственных органов, политических партий, профессиональных союзов, других общественных объединений и должностных лиц» [1]. Таким образом, в ст. 60 Конституции Азербайджанской Республики закрепляется конституционный

принцип неограниченного права судебной защиты. При этом защита прав и свобод человека и гражданина является долгом судебной власти, «никто не может ограничить осуществление прав и свобод человека и гражданина» (ст. 71 Конституции). Указанные конституционные нормы основаны на ст. 8 Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. [5, 6], ст. 2 Международного Пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [5, 22], ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод 1950 г. (5, 108).

Следует заметить, что в связи с вступлением в 2001 г. Азербайджанской Республики в Совет Европы, указанная Конвенция 1950 г. приобретает огромное значение в механизме судебной защиты прав и свобод человека, т. к. граждане нашего государства после соблюдения определенных процессуальных требований приобретают право обращения в Европейский Суд по правам человека. Принципиальная возможность для каждого человека судебной защиты своих прав и свобод не только на внутригосударственном, но и на международном уровне, является важной гарантией защиты прав и свобод человека со стороны государства. Наряду с трехступенчатой судебной системой (первая инстанция, апелляция, кассация), созданный в 1998 г. Конституционный Суд Азербайджанской Республики является высшим гарантом судебной защиты прав и свобод человека на внутригосударственном уровне. В ст. 34 Закона о Конституционном Суде Азербайджанской Республики 2003 г. установлено, что каждый может обжаловать в Конституционный Суд нормативно-правовые акты органов законодательной и исполнительной власти, муниципальные и судебные акты, нарушающие его права и свободы, в целях восстановления нарушенных прав и свобод [6]. Следует заметить, что институт судебной защиты прав и свобод человека, основанный на международных стандартах защиты прав человека, в современное время общепринят во всех правовых системах демократических государств. Принятый в рамках Европейского Союза Амстердамский договор, который вступил в силу в мае 1999 г., а также судебная практика Европейского Суда по правам человека способствуют дальнейшей унификации гражданского процессуального права различных государств. Так, например, в Азербайджанской Республике были приняты ряд Указов Президента И. Г. Алиева, в которых предписывалось судебным органам при рассмотрении конкретных дел шире использовать практику (прецедентное право) Европейского Суда по правам человека [3, 390].

Как мы отмечали, структура гражданских дел потерпела также существенные изменения в последние годы. Наряду с «традиционными» исками (например, о расторжении брака, о разделе имущества, о спорах, вытекающих из трудовых договоров и т. п.), появились новые категории гражданских дел — о защите избирательских прав, об обжаловании нормативных актов, об обжаловании любых действий и решений должностных лиц, нарушающих права и свободы, провозглашенные Конституцией Азербайджанской Республики.

Таким образом, судебная защита прав и свобод человека становится все более обширной, устанавливая контроль над всеми ветвями государственной власти во всех сферах общественных отношений. При этом суд, как орган государственной власти, осуществляет правосудие от имени государства, восстанавливая нарушенное право.

Согласно ст. 2 Гражданского Процессуального Кодекса Азербайджанской Республики основной задачей судопроизводства по гражданским делам является судебное подтверждение (признание) прав и интересов каждого физического либо юридического лица, которые закреплены в главе 2 Конституции Азербайджанской Республики, а также в законах и иных нормативных правовых актах. При этом нормы и положения Гражданского Процессуального Кодекса призваны обеспечивать правильное и быстрое рассмотрение гражданских дел в законодательно определенные сроки. Рассмотреть дело правильно значит рассмотреть его в соответствии с требованиями материального и процессуального права, вынести по нему законное и обоснованное решение, добиться в случае необходимости его принудительного исполнения. Проблема оперативности рассмотрения гражданских дел в судах различных инстанций связана с нарушением процессуальных сроков рассмотрения.

Кроме процессуальных сроков нарушения при рассмотрении гражданских исков, довольно большое их число отменяется вышестоящими судебными инстанциями и направляются на повторное рассмотрение из-за нарушения норм материального права. На наш взгляд, это обусловлено, прежде всего, несовершенством некоторых законодательных кодификационных актов (Гражданского Кодекса, Семейного Кодекса, Трудового Кодекса, Налогового Кодекса), в которых наряду с правовыми пробелами содержатся, в том числе, и коллизионные друг другу нормы, что в целом приводит к разнобою в судебной практике по гражданским делам. Конечно, нельзя оставлять

без внимания и субъективные факты, связанные с некачественным рассмотрением гражданских дел в судах, связанные с недобросовестностью некоторых судей. В качестве свидетельства последнего факта можно привести выступление министра юстиции Азербайджанской Республики в ноябре 2013 г., в котором он заявил о большом количестве сменяемости судей из-за недостатков в их деятельности при отправлении правосудия. Кроме этого, одной из проблем, связанных с судебной защитой прав и свобод человека в гражданском судопроизводстве, является ненадлежащее исполнение судебных решений о защите прав и свобод человека. В процессе изменения всей законодательной базы были также проведены значительные реформы, связанные не только с непосредственным осуществлением правосудия при рассмотрении конкретных дел, но также и в области исполнения судебных решений. Так, в 2000 г. был принят Закон Азербайджанской Республики о судебных надзирателях и исполнителях, в котором регламентируется

ряд правовых, организационных и кадровых мер, связанных, в том числе, и с содействием осуществлению правосудия при рассмотрении гражданских дел и исполнению судебных решений. Как следует из ст. 11 указанного Закона, контроль за правильным и своевременным исполнением решений судов по гражданским и экономическим спорам осуществляется судом. Из этого следует, что исполнительное производство в Азербайджанской Республике остается составной частью гражданского судопроизводства, т.к. осуществляется под процессуальным контролем суда.

Таким образом, Конституция Азербайджанской Республики 1995 г., провозгласившая, что Азербайджанское государство — демократическая, правовая, светская, унитарная республика (ст. 7), высшей целью государства назвала защиту прав и свобод человека (ст. 12). При этом именно судебная гарантия защиты прав и свобод (ст. 60) («всякое нарушенное право подлежит судебной защите») характеризует государство как правовое и демократическое.

Список литературы:

1. Конституция Азербайджанской Республики. — Баку: Ганун, — 2013, — 50 с.
2. Гражданско-Процессуальный Кодекс Азербайджанской Республики. — Баку: Юридическая литература, — 2010.
3. Алиев А. И. Права человека. — Баку: Юридическая литература, — 2013, — 506 с.
4. Воронцова И. В., Соловьева Т. В. Постановления Европейского суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации. — М.: Волтерс Клавер, — 2010.
5. Действующее международное право. В трех томах/Состав. Ю. М. Колосов и Э. С. Кривчикова. — М.: изд. МНИМП, — 1999. — Том 2, — 828 с.
6. Закон о Конституционном Суде Азербайджанской Республики от 23 декабря 2003 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.constcourt.gov.az/cat/1>
7. Права человека в международном и внутригосударственном праве/Отв. редактор Р. М. Валеев. — Казань: Казанский Государственный Университет, — 2004, — 300 с.
8. Прецеденты Европейского суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. — СПб., — 2004.

Contents

Section 1. Archaeology	3
<i>Denisov Igor Vasilevich</i>	
Methodology of development of databases for the analysis of the funerary complexes of the bronze age	3
Section 2. Journalism	7
<i>Lange Anja</i>	
Russlandexperten und Sportreporter äußern sich zur Euromaidan-Bewegung in der Ukraine — zur Rolle der ukrainischen Sprache in der deutschen Medienberichterstattung.	7
Section 3. Study of art	9
<i>Gerlach Kateryna Yurevna</i>	
Sound-coloured associativeness: basic stages and results of researches.	9
<i>Chyger Oleg Oleksandrovych</i>	
Reflection of Zoriana Kushpler's concert and opera activity through mass media.	12
Section 4. History and archaeology	18
<i>Asadov Babek Rashid ogli, Zelenov Alexander Sergeevich</i>	
International youth tourism as a factor promoting internationalization of student educational environment	18
<i>Kortunov Alexey Ivanovich, Kosyanov Vladimir Ivanovich</i>	
Records of service as a history source of the nobility in Orenburg Cossack Army (the second half of the XIX century)	21
<i>Medvedik Irina Semenovna</i>	
The Opposition to Colonial Expansion in West Africa in the British Parliament in the late 19 th century	23
<i>Mishakova Oksana Eduardovna, Mikhaleva Ksenia Aleksandrovna</i>	
From history of development of museological thought of architecture monuments as objects of cultural heritage	27
<i>Mozgovoi Sergei Grigorievich</i>	
Galicia-Volyn land in the first quarter of the XIV century	31
<i>Sakharov Stanislav Aleksandrovich</i>	
Instruments of counteraction to judicial abuses in the Late Roman Empire (according to the «Theodosian Code»)	38
Section 5. Cultural studies	43
<i>Bezuglaya Ruslana Ivanovna</i>	
Glamorous image in contemporary society: auraticness perception	43
Section 6. Linguistics	46
<i>Gontarenko Nataliya Nikolaevna</i>	
Fictive motion verbs in English: a cognitive linguistics perspective	46
<i>Klimova Julia Alexandrovna, Strebkova Marina Viktorovna</i>	
Language categorization as a reflection of knowledge	48
<i>Melnychuk Natalia Alexandrovna</i>	
Emotional component in the structure of English emotive adjectives	52
<i>Stashko Halyna Ivanovna</i>	
Different approaches to the classification of American folk songs	56
<i>Khrabrova Ekaterina Sergeevna</i>	
the ways of modeling the images of hero and enemy in the English political discourse (as exemplified in political speeches of 1939–1945)	60

<i>Shestakova Olga Valentinovna</i>	
Phonosemantic typology of articulatory onomatopoeia (of German and Russian languages).....	63
Section 7. Pedagogy	67
<i>Abrosimova Luydmila Feliksovna</i>	
Musical art and its influence on human personality	67
<i>Avchinnikova Svetlana Olegovna</i>	
Dynamics of professional motivation in education in social work	69
<i>Blahun Nataliia</i>	
The psychological and pedagogic dimensions of quality in education at comprehensive schools	72
<i>Benevolenskiy Sergej Borisowitsch, Karelina Maria Yurievna,</i> <i>Tscherepnina Tatjana Yurievna</i>	
Gestaltung des Inhalts einer Lehrdisziplin als Hauptkomponente der Effektivitätserhöhung des Bildungsprozesses	75
<i>Wagner Irina Wladimirovna</i>	
Umwelt- und Medienerziehung: sieben prinzipien für das integrative Gebiet Umweltmedienpädagogik	78
<i>Golovnya Vyacheslav Dmitriyovych</i>	
The main conditions and ways of designing skill development of future engineers.....	81
<i>Dvornikova Eugene Ignatyevna</i>	
Personality and the problems of cultural identity	84
<i>Dubrovina Irina Vladimirovna</i>	
Self-educational activities of music teachers as a condition for creativity implementation	87
<i>Zaichenko Nataliia Ivanivna</i>	
Peculiarities of social-pedagogical work with disabled children in Latin American countries	91
<i>Ivanova Severina Vladimirovna</i>	
Canadian virtual school initiatives.....	94
<i>Karpanina Elena Nikolaevna, Tamov Mukhamed Alievich</i>	
On the problem of management of innovation in contemporary higher education.....	98
<i>Melnichuk Marina Vladimirovna, Nenyuk Evgenia Abramovna,</i> <i>Alisevich Marina Valerievna</i>	
Psycholinguistic aspects as a base for a foreign language learning.....	100
<i>Mihailova Svetlana Viktorovna</i>	
Personal development of a student's physical training as a result of humanization of education	104
<i>Petrachkov Konstantin Vladimirovich</i>	
Practice cadet corps in Russia. History and specific features of the marching songs as a musical genre. Problems of training of cadets in the performance of combat songs.....	107
<i>Popovych Galina Leonidovna</i>	
The effect of motivational facilities on the level of achievement of local lore and tourist knowledge by students-geographers.....	109
<i>Rakhmanova Yulduzhon Amanovna</i>	
Role of entertaining problems on an independent way of thinking in formation and development of logic mathematical thinking of the Person in system of continuous formation	112
<i>Prikhodko Vyacheslav Mikhailovich, Atamanenko Natalya Vladimirovna,</i> <i>Karelina Maria Yurievna</i>	
Some aspects of humanitarization of the content of the professional training of Students at a technical university.....	117
<i>Rakhmanova Julduzhon Amanovna</i>	
Problems of process of integration of interaction of Lyceum and HIGH SCHOOL as complete system of continuous formation	120

<i>Subina Oxana Alexandrovna</i>	
Social competence as an important component for training the Teachers	123
<i>Fizeshi Oktaviia</i>	
Development of the elementary school in Transcarpathia in the system of educational transformations: sources of research on the history of pedagogy	128
<i>Hapacheva Sarah Muratovna</i>	
Program on the development of communicative competence younger students in terms of game activity	134
<i>Khilmanovich Valentina Nikolaevna</i>	
Specifics and effectiveness of a pedagogical model of teaching the basics of quantum mechanics in higher school	137
<i>Shadiev Rizamat Davranovich, Turdiyev Shoxrux</i>	
On questions of particularities of teaching mathematics in technical higher education institutions (HEI).....	141
<i>Shkola Alexandr Vasilyovich</i>	
Logic underlying the Course of Theoretical Physics In Pedagogical University	144
<i>Yakusheva Svetlana Dmitriyevna</i>	
The development of modern school system in Russia	149
Section 8. Political science.....	159
<i>Huseynova Sevdal Elbrus</i>	
WTO trade disputes settlement system and handling transatlantic and transpacific disputes	159
<i>Pimenov Nikita Pavlovich</i>	
The modeling method as a basic method of contemporary political communication research	162
<i>Sedlyar Yulia Olexandrivna</i>	
Policy of Economic Sanctions as the Instrument of International Conflicts Settlement	165
Section 9. Psychology	168
<i>Gordienko Natalia Viktorovna</i>	
About the features of the empirical research professional deformation in the practice of modern educational route of a teacher.....	168
<i>Kubashicheva Lyubov Nanuovna</i>	
Seniors' resistance to stress as one of development tools of mental health.....	171
<i>Turdimatova Iroda Gayratova</i>	
Factors of suicidal behavior	173
<i>Shmyreva Olga Ivanovna</i>	
Emotional development as a movement: procedural characteristics	176
Section 10. Regional studies and socio-economic geography	180
<i>Serga Eduard Nikolayevich, Sushchenko Andrey Ivanovich</i>	
Climate zoning of monthly surface temperature in the north pacific during winter	180
Section 11. Sociology	186
<i>Monakhova Elena Gennadjevna</i>	
Social functions of dance	186
Section 12. Philology.....	190
<i>Bondar Lyudmila Alexandrovna</i>	
Hybrid genre forms in the prose of Yaroslav Vereshchak.....	190
<i>Vasilik Oksana Borisovna</i>	
Word-formation and structural peculiarities of microtoponymy of the historical Uman area.....	194
<i>Zozikova Mariya Eliseeva</i>	
New phenomena in Russian and Bulgarian participial systems	197

<i>Zyuzkina Halyna Mykolaivna</i>	
The main features and the principles of description of derivational morphonology of derivatives of foreign origin in the modern Ukrainian language	201
<i>Kazimova Fergana Ramis</i>	
Issues in the study of the XIX century Russian literature into Azerbaijan (On the basis of the researches of the academician M.J. Jafarov)	205
<i>Kostromina Olga Valentinovna</i>	
The intonation's variety of the men's spoken language in Australian English	210
<i>Lipatova Yulia Yurievna</i>	
Lacunarnost: main definitions and approaches to study	214
<i>Mamurkina Olga Victorovna</i>	
Travelogue in Russian literature of the XVIII century: to the question of genre sources	217
<i>Prishepa Valerei Pavlovish, Sipkina Nina Ykovlevna</i>	
Problems of studying the creation of R. I. Rozhdestvenskiy	220
<i>Rodikova Olga Wladimirowna</i>	
Die Konzepte "Frieden", "Westen", "Russland" in Gedichten L. I. Averjanovoj, die in der Gedichtsammlung "Zweite Moskau" nicht enthalten sind	226
<i>Tikhonenko Marina Alekseyevna</i>	
Cognitive essence of the term as special language unit	230
<i>Chukueva Zarema Najmudinovna</i>	
Share bookish Atlantis	234
Section 13. Philosophy	237
<i>Aripova Darya Andreevna</i>	
Logical-philosophic aspects of the phenomenon of understanding	237
<i>Gulahmadov Shamsuddin</i>	
Some of concepts Abu Nasr Farbi about the structure of anthropological knowledge	240
<i>Zhulkov Mikhail Vyacheslavovich</i>	
Practice Illumination and Enlightenment: the meeting of two consciousnesses	246
<i>Krapivnyk Ganna Alexandrovna</i>	
Crime fiction provocations in contemporary legal culture	251
<i>Mazur Olha Aleksandrovna</i>	
Determinations of cosmopolitanism: main directions	254
<i>Nurgaleeva Larisa Vladimirovna</i>	
The evolution of the multimedia discourse. Intersensory modeling of communication	258
<i>Osipov Nikoliy Evdokimovich, Nikitina Erbina Vital'evna,</i> <i>Trifonov Gennadiy Fedorovich</i>	
Factors of genesis, evolution and transformation of ethnosphere — past and present	263
Section 14. Economics and management	269
<i>Batciun Natalia Wladimirowna</i>	
Ecological aspects in business	269
<i>Blagun Ivan, Ilchuk Pavlo</i>	
Evaluation the effectiveness of enterprise internationalization	272
<i>Bobok Veronica Sergeevna</i>	
The concept of the multiplier effect of investment in agriculture	275
<i>Bogoslavska Alina Viktorivna, Semenchuk Iryna Mykolaivna</i>	
Management of protected areas and objects of natural reserve fund under socio-ecological economic convergence	281
<i>Buryak Oleg Petrovich</i>	
Basic factors of origin of bank crises	285

<i>Voitleva Zara Adalgerievna</i>	
The creation of integrated structures as a factor of increasing the efficiency of the agro-industrial complex	288
<i>Dvoynykh Kostyantyn Yevgenovych</i>	
The ethno-cultural environment economical model theoretical basis	291
<i>Dmytryshyn Lesia Ihorivna, Pavliuk Tetiana Dmytrivna</i>	
The role and place of competitiveness in regional tourism management	294
<i>Dubych Claudia Vasilievna</i>	
Key issues in the implementation of reforms in the system of social services in Ukraine	297
<i>Kats Mariia Valerievna</i>	
How to control inventory	301
<i>Kolotovkin Alexey Viktorovich</i>	
Competition in todays economy	304
<i>Maysigova Leila Aupovna</i>	
Prospects of internal control system development and audit on the basis of risk based approach	306
<i>Panin Anatoly Ulyanovich, Grishchenko Natalia Viktorovna</i>	
The model of formation of system of the movement of the total social product in the development of agro clusters	311
<i>Potapova Marina Aleksandrovna</i>	
Driving power of competition	316
<i>Pryadko Olga Yaroslavovna, Tsegelik Grigory Grigorievich</i>	
The method of successive concessions to solvedvukriterialnoy problem of bank lending	320
<i>Syrozhko Valentina Vasil'evna, Andreeva Anastasia Andreevna,</i> <i>Soliannikova Anna Andreevna</i>	
Features assessment of the technical and technological capabilities of domestic enterprises	323
<i>Teslya Alla Ihorivna</i>	
Control system by an intellectual capital	329
<i>Turiansky Yuriy Ivanovych</i>	
Tax incentives: theory, advantages and disadvantages	333
<i>Tsyganov Sergiy Andreevich, Ianshyna Anna Nikolaevna</i>	
Global challenges of sustainable urban development	336
<i>Chorna Iryna Oleksandrivna</i>	
Mismatch problem of property insurance services the needs of citizens in Ukraine	339
<i>Schapor Maria Alexandrovna</i>	
Die Erarbeitung des Multieffizienzriteriums der Ausfuhr in den Bedingungen der Unstabilität des gegenwärtigen Weltwirtschaftssystems	342
Secyon 15. Science of law	346
<i>Aksenova Anna Anatolevna</i>	
Procedural forma lawyer the person in the room who carried out a search	346
<i>Borozenets Nikolay Nikolaevich</i>	
Powers of the prosecutor at a resolution of reports of crimes	349
<i>Grabar Oleg Vladimirovich</i>	
Justice procedural decisions in criminal proceedings	353
<i>Mammadli Sabina Hamid kizi</i>	
Protection of human rights and freedoms in the civil procedural law of the Azerbaijan Republic	357